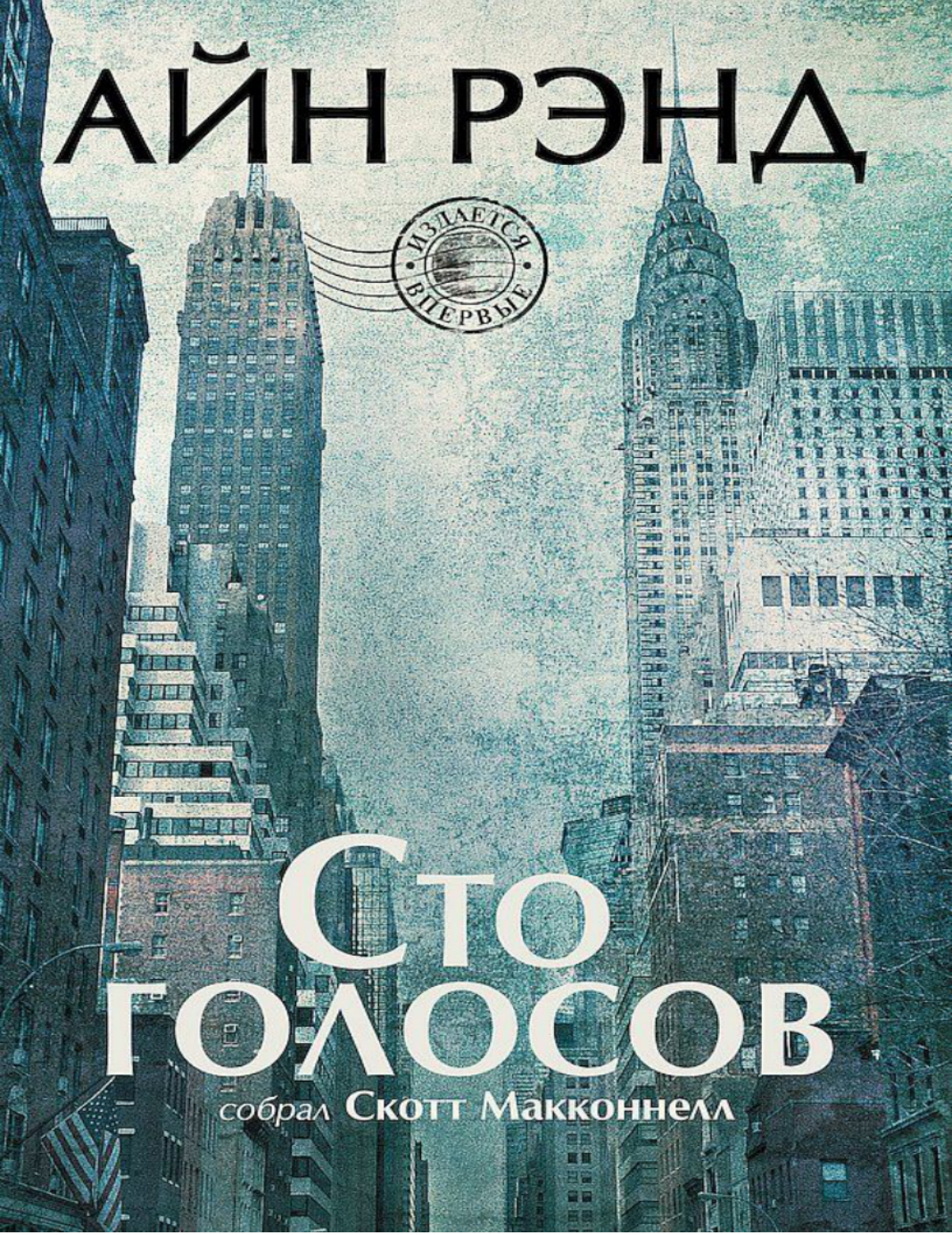
АЙН РЭНД



Сто голосов

собрал Скотт Макконнелл

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На основе сотни ранее не публиковавшихся интервью Скотт Макконнелл создает уникальный портрет Айн Рэнд, автора бестселлеров «Мы живые», «Гимн», «Источник», «Атлант расправил плечи». Сосредоточив внимание в первую очередь на частной жизни этой масштабной личности, Макконнелл поговорил с членами ее семьи, друзьями, почитателями, коллегами, а также с голливудскими звездами, университетскими профессорами, писателями. Выстроенные в хронологическом порядке интервью охватывают широкий диапазон лет, контекстов, связей и наблюдений, в центре которых одна из самых влиятельных и противоречивых фигур двадцатого века. От младшей сестры Айн Рэнд и женщины, послужившей прототипом Питера Китинга, одного из основных персонажей романа «Источник», до секретарей и дантиста — знавшие ее люди предлагают свежий, временами удивительно откровенный взгляд на сложного и замечательного писателя, философа и человека.

- Скотт Макконнелл
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Хронология жизни Айн Рэнд
  - ○ 1910-е годы
    - ■ Элеонора Дробышева
      - ■
      - ■ Отчет Александра Лебедева о первом телефонном интервью с миссис Дробышевой, 15 февраля 1997 года
      - ■ Второе телефонное интервью Александра Лебедева, апрель 1997 года
      - ■ Третье телефонное интервью Александра Лебедева, 15 апреля 1997 года
      - ■ Выдержки из взятого Александром Лебедевым интервью
      - ■ Отредактированный текст интервью, проведенных Сергеем Бернадским в 1997 и 1998-х годах
  - ○ 1920-е годы
    - ■ Ферн Браун
    - ■ Харви Голдберг
    - ■ Розали Уилсон
  - ○ 1930-е годы

- Дороти Ли
- Марселла Рабвин
- Марна «Докки» Вулф

- 1940-е годы
  - Пол С. Натан
  - Джек Бангей
  - Уолтер Зельцер
  - Роберт Дуглас
  - Патриция Нил
  - Рой Брюйер
  - Билл Джонсон
  - Юлиус Шульман
  - Джун (Като) Курису
  - Джек Портной
  - Джин Эллиотт
  - Рут Биби Хилл
- 1950-е годы
  - Эйк и Джейн Сандлер
  - Ричард Л. Филлипс
  - Эван и Микки Райт
  - Ричард Корнуэлл
  - Майк Уоллес
  - Эл Ремрус
  - Сильвестр Петро
  - Розмари Ториджан
  - Фредерик Фейнгерш
  - Санни Абарбанелл
  - Кэтлин и Ричард Никкерсон
  - Говард Одзер
  - Ларри Абрамс
  - Скотт Стенли
  - Дэниел Грин
  - Илона Ройс Смиткин
- 1960-е годы
  - Джуди Берлинер
  - Френсис Смит
  - Айрис Белл
  - Микки Спиллейн
  - Дон Вентура
  - Джен Шульман
  - Джон Р. Говард
  - Гэри Миллер
  - Лизетта Хассани
  - Роджер Саламон

- Дэниел Саттон
- Мартин Андерсон
- Кэтрин Эйкхофф
- Эрл, Делла и Анна Лайвли
- Роберт Стэк
- Арнольд Ньюман[218]
- Элвин Тоффлер
- Таня Гроссинджер
- Уэсли Халперт
- Джон Хиггинс
- Перри Нолтон
- Юджин Виник
- Сильвия Бокор
- Аллан Готтхелф
- Дороти Готтхелф
- Эдвин А. Локк
- Джон Ридпат
- М. Нортрап Бюхнер
- Дуэйн Эдди
- Шелли Рубен[266]
- Керри О'Квинн
- Дуг Мессенджер
- Джекки Гиллам
- Сьюзен Лудел
- Эрл, Джейн, Тамми и Томми Во
- Данкан Скотт
- Элоис Хаггинс
- Патрик О'Коннор

○ 1970-е годы

- Арлин Манн
- Кен Маккензи
- Ларри Коул
- Лилиан Куртуа
- Элейн Костер
- Элинор Фриде
- Джеймс Дэй
- Херман Айви
- Джек Кэппс
- Маррей Дворецки
- Малкольм Фрейзер
- Альберт С. Радди
- Майкл Яффе
- Ева Прайор
- Дана Берлинер

        - Джим Смит
        - Тео Вестенбергер
        - Синтия Пейкофф
    - 1980-е годы
        - Глория Альтер
        - Рональд Писатуро
        - Ракель Уэлч
        - Стивен Жоливетт
        - Луис Рукейзер
        - Гарри Бинсвангер
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209

- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253

- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297

- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341

- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385

- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388

Скотт Макконнелл
Айн Рэнд. Сто голосов

Scott McConnell
100 Voices: An Oral History of Ayn Rand

Copyright © The Ayn Rand Institute, 2010
© Scott McConnell, 2010
© Соколов Ю., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

Работа над программой Ayn Rand Oral History[1] началась в апреле 1996 года в качестве проекта Ayn Rand Archives[2], отделения Института Айн Рэнд. Целью программы являлся сбор и сохранение информации о жизни Рэнд, а также вклад в принадлежащее Архиву собрание ее личных бумаг и связанных с нею материалов во всех медиасредах.

В интервале между 1996 и 2003 годами я разыскал и проинтервьюировал членов семьи, друзей и знакомых Айн Рэнд и отредактировал эти интервью. Первое было взято мной у женщины, послужившей прототипом Питера Китинга, одного из основных персонажей *Источника* (см. главу «1930-е годы».) Я провел более ста шестидесяти интервью, потратив на это три сотни часов и получив в результате примерно пять тысяч страниц сырого текста. Почти все интервью были записаны на пленку, причем в основном я разговаривал со своими информантами по телефону. Самое короткое интервью заняло у меня три минуты; на самое длинное ушло пятьдесят два часа (двадцать пять телефонных сессий за двухлетний период). Мои информанты широко распределились по земному шару — от Санкт-Петербурга (Россия) до Женевы (Швейцария), от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса и далее до Гавайев и Австралии. Все интервью, за исключением двух, были проведены лично мной — кроме взятых у сестры Айн Рэнд в Санкт-Петербурге и франкоговорящего кузена Айн Рэнд в Швейцарии, проведенных на родных для них языках по предоставленному мной вопроснику.

Я подобрал публикуемый здесь материал так, чтобы он охватывал широкий диапазон лет, контекстов, связей и наблюдений, и подкреплял его ограниченным количеством доступных нам надежных биографических источников. Не все мои респонденты были поклонниками Айн Рэнд, далеко не все эти люди восхищались ею или одобряли ее идеи. Однако записанные нами тексты предоставили новую и ценную перспективу для понимания личности и творчества Айн Рэнд; ни одно интервью прежде не публиковалось. Читатель «услышит» членов семьи Айн Рэнд, ее друзей, почитателей, знакомых, врача, дантиста и секретарей. В наших разговорах участвовали бывший премьер-министр, гитарист-рокер, звезды Голливуда и телеэкрана, университетские профессора, писатели и философы.

И если некоторые из интервью фокусируются на идеях Рэнд, то в целом настоящая книга обращена не к философским и литературным вопросам, но в первую очередь к личной и деловой

жизни этой масштабной личности. Книга создает образ той, неизвестной большинству людей Айн Рэнд, какой она была в своем кабинете, в гостиной, за работой, на вечеринке, дома с племянницами, в театре, у врача или адвоката. Наши тексты покрывают почти семьдесят лет ее жизни — от середины 1910-х годов до смерти, пришедшей к ней в 1982 году. Обсуждаемые нашими собеседниками темы и контексты характеризуют Айн Рэнд как наемного работника и нанимателя, как друга, хозяйку и гостью, как модель, позирующую для портрета, как наставницу, издателя, лектора, писателя, клиента, крестную мать и гида по «Плейбой-клубу». Интервью показывают нам Айн Рэнд рассерженную, счастливую, удрученную изменой, влюбленную, сражающуюся за победу собственных ценностей. Они раскрывают перед нами как множество аспектов ее личности, так и широту диапазона ценностей и жизненных переживаний.

Я расположил интервью в хронологическом порядке и не стал разделять их на отдельные темы и предметы обсуждения, дабы наилучшим образом иллюстрировать жизнь и связи Айн Рэнд, а заодно и сохранить повествовательную логику воспоминаний.

Тексты, помещенные в настоящую книгу, представляют собой отредактированные выдержки из оригинальных, данных в устной форме интервью. Мне пришлось вырезать из последних многие повторы и наблюдения, однако некие повторения тем не менее остаются для того, чтобы сохранить подлинную личную связь респондента с мисс Рэнд, а иногда просто по его просьбе. Я слегка отредактировал эти опубликованные отрывки, чтобы устранить малейшие неясности, многословие и грамматические ошибки, и во многих случаях переформулировал их ради логики и/или драматического эффекта. Однако я сохранил устную, разговорную интонацию, отражающую личные голоса интервьюируемых и содержание их сообщения. Следует подчеркнуть, что все интервьюируемые (или их наследники) одобрили публикацию собственных интервью в представленном ниже виде.

Поскольку в воспоминаниях нетрудно ошибиться, все фактические утверждения (там, где это возможно) были приведены в соответствие с другими интервью и материалами из Архива Айн Рэнд и прочих документальных собраний. Однако подтвердить удалось не каждое воспоминание, и соответствие не гарантирует точности. Приведенные ниже размышления и вспоминания современников Айн Рэнд принадлежат исключительно им самим. Как я сам, так и Институт Айн Рэнд не обязаны соглашаться с интервьюируемыми во всех представленных ими подробностях; были выявлены разночтения,

и соответствующие поправки там, где это необходимо, представлены в сносках. Прочие сноски поясняют исторический фон, необходимый для понимания комментариев интервьюируемого.

Столь продолжительный и внушительный по размеру проект требует от меня принесения соответствующих благодарностей. Прежде всего я хочу поблагодарить фонотипистов Лени Зальцман, Марка Бейера и Роберта Бенца, а также архивиста Джеффа Бриттинга. Самона Федермана за вклад в области компоновки и производства. Донну Монтреццу за чтение корректуры и редакторскую работу с текстом. Александра Лебедева и Ирину Чабатаеву, чья проведенная в России работа сделала возможными интервью с сестрой Айн Рэнд. И в особенности Майкла С. Берлинера: не только за его вклад в редактуру, но как тогдашнего директора-распорядителя Института Айн Рэнд, а ныне старшего советника Архива, за его ценные — и принятые мною — советы и поддержку на протяжении всей работы над проектом.

И конечно же, наивысшую благодарность приношу всем моим респондентам, щедро и часто с энтузиазмом поделившихся своим временем и воспоминаниями об Айн Рэнд, а также позволившим записать и опубликовать свои воспоминания и наблюдения. Они нередко жертвовали Архиву Айн Рэнд исторически значимые материалы — такие как фотографии и копии сделанных Айн Рэнд посвящений и писем. Вместе с Архивом я хочу выразить самую искреннюю благодарность проинтервьюированным нами персонам, а также многим другим людям, чьи слова навсегда остались на лентах в нашей коллекции. Эти люди обогатили наши знания об Айн Рэнд и сделали возможным приключение, обогатившее мою жизнь.

Собранная нами коллекция фактов создает более чем подробный портрет подлинно уникальной и замечательной личности, каковой, вне сомнения, является Айн Рэнд. Надеюсь, что опубликованные в настоящей книге воспоминания увлекут читателя в той же мере, что и меня, когда я впервые знакомился с ними.

Скотт Макконнелл

Лос-Анджелес

Будучи сотрудником Института Айн Рэнд, Скотт Макконнелл учредил Отдел Рекламы, а также программу «Устная история». Он читал лекции о жизни Айн Рэнд в Соединенных Штатах, Европе и

Австралии, а также выступал на радио и телевидении с обсуждением жизни и взглядов Рэнд. Его работы опубликованы в книгах The Intellectual Activist[3] *и* Essays on Ayn Rand's «We the Living»[4]. *В настоящее время мистер Макконнелл является продюсером документальных фильмов и проживает в Лос-Анджелесе.*

Хронология жизни Айн Рэнд

1897 22 сентября. В Лорене, Огайо, родился Фрэнк О'Коннор (будущий муж Айн Рэнд)

1904 3 мая. Свадьба родителей Айн Рэнд

1905 2 февраля (20 января по старому стилю). В Санкт-Петербурге родилась Айн Рэнд (Алиса Розенбаум)

1907 28 июня. В Санкт-Петербурге родилась сестра Наташа

1910 4 сентября. В Санкт-Петербурге родилась сестра Нора

1918 Осень. Семья переезжает на Украину

1919 Весна. Семья переезжает в Крым, в Евпаторию

1921 Семья возвращается в Петроград

1921 24 августа (примерно). Рэнд поступает в Петроградский государственный университет

1926 16 января. Покидает Ленинград

20 января. Покидает Советский Союз

10 февраля. Отплывает из Гавра в Америку на пароходе «Де Грасс».

19 февраля. Прибывает в Нью-Йорк

Февраль — август. Живет в Чикаго

Август (примерно). Статья *Голливуд: город американского кино* опубликована в Советском Союзе

3 сентября. Приезжает в Голливуд

4 сентября. Встречается с Сесилом Б. Демиллем

1927 11 января (примерно). Демилль берет ее на работу в качестве младшего сценариста

1929 15 апреля. Выходит замуж за Фрэнка О'Коннора в Лос-Анджелесе

Май (примерно). Начинает работать в костюмерной студии RKO Pictures (аббревиатура от Radio-Keith-Orpheum)

29 июня. По возвращении из Мексики получает грин-карту

1931 13 марта. Получает американское гражданство

1932 2 сентября. Продает сценарий *Red Pawn* (*Красная пешка*); поступает на работу в студию Universal Pictures

1933 12 июля. На восемь недель переходит в киностудию Metro-Goldwyn-Mayer

1934 9 апреля. Делает первую запись в философском дневнике

25 июня. Поступает в киностудию Paramount Pictures

22 октября. Пьеса *Женщина на суде* дебютирует в Голливудском театре.

24 ноября. Переезжает в Нью-Йорк

1935 16 сентября. Пьеса *Ночью 16 января* дебютирует на

Бродвее

4 декабря. Делает первые наброски для романа *Источник*

1936 18 апреля. Опубликован роман *Мы живые*

1938 7 мая (примерно). Повесть *Гимн* опубликована в Англии

26 июня. Приступает к написанию романа *Источник*

1939 Начало января. Получает последнее письмо от родителей из Советского Союза

1940 13 февраля. Пьеса *Непобежденный* дебютирует на Бродвее

1942 31 декабря. Предоставляет рукопись романа *Источник* издательству Bobbs-Merrill

1943 8 мая. Официальная дата первой публикации *Источника*

18 августа. Набрасывает основные положения *Моральных основ индивидуализма*

12 октября. Продает *Источник* Warner Bros.

25 ноября. Едет на поезде в Калифорнию

1944 Июль 1944 — октябрь 1951. Проживает по адресу 10 000 Тампа-авеню, Чэтворт, Калифорния

Июнь/июль. Работает в качестве сценариста на Хэла Уоллиса

Сентябрь. Пишет сценарий для фильма *Love Letters* (*Любовные письма*)

1945 1 января. Первые наброски романа *Атлант расправил плечи*

24 декабря. В газетах появляется первый эпизод иллюстрированного сериала по роману *Источник*

1946 19 января. Пишет набросок сценария об атомной бомбе

2 февраля. Приступает к написанию романа *Атлант расправил плечи*

18 февраля. Впервые посещает собрание Motion Picture Alliance[5]

Июль. Издательство Pamphleteers публикует исправленное издание *Гимна*

1947 20 октября. Дает показания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности

1948 23 марта. Начинает работу над фильмом *Источник* со студией Warner Bros.

1949 23 октября. Премьера фильма *Источник* в Голливудском театре Уорнеров

1951 17 октября. Уезжает в Нью-Йорк

23 октября. Приезжает в Нью-Йорк

1953 Издательство Caxton выпускает первое американское издание *Гимна* в твердой обложке

1955 13 октября: заканчивает писать речь Джона Голта

1957 20 марта. Заканчивает роман *Атлант расправил плечи*

10 октября. Роман *Атлант расправил плечи* выходит в свет

30 ноября. Первые наметки для неопубликованного романа, предварительно озаглавленного *К Лорне Дитерлинг*

1958 18 января. Открывает литературные курсы

6 марта. Проводит первую беседу в кампусе (Колледж округа Куинс)

1960 17 февраля. Проводит первую беседу на тему «Вера и сила» в Йеле

1961 24 марта. Книга *For the New Intellectual (За нового интеллектуала)* опубликована издательством Random House

26 марта. Проводит свою первую беседу в рамках Форд Холл Форума: «Интеллектуальное банкротство нашего времени»

14 мая. Проводит беседу «Эстетический вакуум» на художественном фестивале Мичиганского университета

1962 Январь. Выходит первый выпуск *Бюллетеня объективиста*; открывается Институт Натаниэля Брандена (NBI)

17 июня. Выходит первая колонка в *Лос-Анджелес таймс*

2 октября. Первое выступление в радио-шоу WKCR (Колумбийский университет[6])

1963 2 февраля. Проводит беседу на тему «Как не надо бороться против общественной медицины» в графстве Оушен, Нью-Джерси

29 сентября. Проводит беседу на тему «Гонимое американское меньшинство: крупный бизнес» в Маккормик-плейс, Чикаго

2 октября. Получает почетную докторскую степень от Университета Льюиса и Кларка

Декабрь. *Добродетель эгоизма* публикуется издательством New American Library (Новая американская библиотека)

1966 Апрель. Первая часть *Введения в объективистскую эпистемологию* появляется в *Объективисте*

23 ноября. Книга *Капитализм. Незнакомый идеал* публикуется New American Library

1967 16 августа. Первое выступление в шоу «Сегодня» с Джонни Карсоном

1968 Май. Закрывается NBI

1969 8 марта. Начинает преподавать на курсах публицистики

16 июля. Следит за запуском космического корабля «Аполлон-11» на мысе Канаверал

11 октября. Дает первый мастер-класс по эпистемологии объективизма

Ноябрь. *Романтический манифест* публикуется издательством World Publishing

1971 11 октября. Выходит первый выпуск *Послания Айн Рэнд*

Сентябрь. *Возвращение примитива. Антииндустриальная революция* публикуется издательством New American Library

1974 6 марта. Проводит в Вест-Пойнте беседу на тему «Философия: кому она нужна»

4 сентября. Присутствует в Белом доме на принесении присяги Аланом Гринспеном в качестве председателя комитета экономических советников

1976 Январь — февраль. Публикует последний выпуск *Послания Айн Рэнд*

27 июля. Присутствует в Белом доме на банкете в честь Малкольма Фрейзера

1977 10 апреля. Банкет в Форд Холл Форуме в честь Айн Рэнд

6–18 сентября. Набрасывает схему сценария мини-сериала по роману *Атлант расправил плечи*

1979 Апрель. Издательство New American Library публикует *Введение в объективистскую эпистемологию*. Участвует в шоу Фила Донахью

9 ноября. Умирает Фрэнк О'Коннор

1981 10 июня. Пишет первую страницу сценария мини-сериала по роману *Атлант расправил плечи*

26 апреля. Проводит последнюю беседу, «Век посредственности», в Форд Холл Форуме

21 ноября. Читает в Новом Орлеане последнюю лекцию «Оправдание жертв»

1982 1 января. Завершает работу над сценарием мини-сериала *Атлант расправил плечи*

6 марта. Умирает в Нью-Йорке

1910-е годы

Элеонора Дробышева

Элеонора «Нора» (Розенбаум) Дробышева была младшей сестрой Айн Рэнд. Миссис Дробышева скончалась 12 марта 1999 года в возрасте восьмидесяти восьми лет. Айн Рэнд (урожденная Алиса Розенбаум) находилась с миссис Дробышевой в более тесных отношениях, чем с любым другим родственником, что следует из биографических интервью Айн Рэнд в 1960–1961 годах[7] и из писем Дробышевой к Айн Рэнд, отправленных в промежутке между 1926 и 1936 годами. Разлука сестер затянулась до 1973 года, когда Рэнд узнала, что миссис Дробышева еще жива, и они встретились в Нью-Йорке. Впрочем, за прошедшие годы пути их существенно разошлись, и встреча закончилась безрадостным образом.

В промежутке между февралем 1997 года и маем 1998 года миссис Дробышева дала многочисленные интервью, которые подготовил Скотт Макконнелл, однако проведены они были петербургскими исследователями ИАР (далее вместо: Институт Айн Рэнд) Александром Лебедевым (составившим и большинство нижеследующих примечаний), Ириной Чабатаевой и Сергеем Бернадским. Будучи подозрительной к незнакомым людям даже в позднесоветскую пору, миссис Дробышева неохотно рассказывала о собственной семье и не позволила записывать интервью на пленку. Следующая ниже по тексту отредактированная расшифровка, в основном следующая хронологическому порядку интервью, составлена согласно записям и следует краткому изложению ответов. Все интервью следовали составленным Скоттом Макконнеллом вопросам, были взяты на русском языке и переведены на английский Диной Шейн Федерман. Тексты бесед сотрудников ИАР с Элеонорой Дробышевой представляют собой единственные пространные интервью, данные сестрой Айн Рэнд.

Отчет Александра Лебедева о первом телефонном интервью с миссис Дробышевой, 15 февраля 1997 года

Миссис Дробышева не смогла точно сказать, делала ли ей Айн Рэнд в 1974 году предложение остаться в Соединенных Штатах — «предположительно делала». Советские официальные лица утверждали то же самое: когда миссис Дробышева получила документы для посещения Соединенных Штатов, чиновники сказали ей: «Если вы захотите остаться надолго, известите об этом советское посольство». Миссис Дробышева сообщила: «Мы с

мужем решили вернуться — они там ведут совершенно другую жизнь, которая нам не подходит».

Миссис Дробышевой понравился муж ее сестры, Фрэнк О'Коннор — «такой симпатичный и сдержанный». Ее удивило то, что будучи актером он не сделал актерскую карьеру.

Миссис Дробышева не придерживается высокого мнения о литературном таланте сестры. И общественный интерес к личности, литературной работе и философии сестры искренне удивил ее. Она считает, что существуют люди, более достойные внимания. Когда несколько раз речь заходила об индивидуализме, миссис Дробышева переводила беседу на обездоленных и несчастных и необходимости сочувствия к ним. «Индивидуализм должен иметь пределы» — такова точка зрения миссис Дробышевой.

Второе телефонное интервью Александра Лебедева, апрель 1997 года

Александр Лебедев: *Нора Зиновьевна, вы читали роман вашей сестры* Мы живые?

Элеонора Дробышева: Да, читала. Его героиня сочувствует одновременно и белым, и красным. А знаете, по-моему, все это надумано, вам не кажется? Сюжет относится к дням моего детства. И он не кажется мне естественным.

Но книга написана очень хорошо.

За свою жизнь я перечитала множество хороших — и множество не столь уж хороших книг — однако подобной фальшью не могу восхищаться. Если хотите, судите меня! Потом, роман совсем не автобиографичен. Она просто придумала все обстоятельства из головы, пока жила в Америке, и все. Она все выдумала про нас, вам понятно?[8]

Третье телефонное интервью Александра Лебедева, 15 апреля 1997 года

Элеонора Зиновьевна Розенбаум родилась в 1910 году в Сестрорецке, где ее семья часто снимала дачу. По профессии она театральная художница, однако после Второй мировой войны занялась графикой и дизайном.

Она живет в скромной однокомнатной квартире, стены которой украшены старинными декоративными тарелками. За стеклянными дверцами буфета устроились несколько фарфоровых фигурок. Узкий шкаф забит книгами. Среди них —

биография Авраама Линкольна, написанная Карлом Сэндбергом, книги Фолкнера, Хемингуэя, По и Ирвина Шоу. Еще у нее есть летняя дача в Сосново, в семидесяти километрах от Санкт-Петербурга. Миссис Дробышева не любит жаловаться на свою жизнь. Она настороженно относится к незнакомым ей людям и не доверяет им. Она интересуется политикой. Среди российских политиков ей более всего нравится Григорий Явлинский, руководитель политической партии «Яблоко».

К тому времени, когда семейство Розенбаумов поселилось в Санкт-Петербурге, город уже располагал еврейской религиозной общиной, синагогой, еврейским кладбищем и несколькими еврейскими образовательными учреждениями. Портной Борис Каплан, дед Норы и Алисы [Айн Рэнд] имел право жить в Санкт-Петербурге[9]. Фармацевт Зиновий Розенбаум [отец Айн Рэнд] обладал дипломом Варшавского университета и потому также имел право жить в Санкт-Петербурге.

Нора относится к Алисе со смешанными чувствами. Вспоминая прожитые вместе годы, она ласково называет сестру «Алиской», однако критически относится к ней как к Айн Рэнд — отвергает ее философию, считает ее произведения надуманными и лишенными дарования. С ее точки зрения, ценность имеют лишь некоторые отрывки из произведений сестры. Тем не менее она дорожит короткой статьей с фотографией Айн Рэнд, взятой из *The Columbia Encyclopedia,* которую ее друзья распечатали из Интернета и подарили ей.

Помимо Сестрорецка, семья Розенбаумов снимала летний домик в поселке Териоки[10], который между собой они называли Финляндией.

Однажды летом во время отдыха в Сестрорецке обе сестры слушали выступление марширующего военного оркестра[11]. В детстве и в двадцатые годы Нора близко дружила с Алисой. Сестры любили вместе ходить в кино. Миссис Дробышева помнила, что в двадцатых они вместе смотрели *Кабинет доктора Калигари, Нибелунгов, Индийскую гробницу* и американские фильмы. Алиса любила фильмы бытовой тематики, в то время как Нора предпочитала ковбойские фильмы («возможно, Алиса собиралась вести мирской образ жизни»)[12].

Алисе нравился Конрад Вейдт, в то время как Нора предпочитала Уильяма Харта и Ганса Альберса. Обе девушки любили оперетту. Они побывали на представлениях *Графини Марицы* [Имре Кальмана] и *Там, где жаворонок поет* [Франца Легара] в малом оперном театре. Обеим нравился тенор Степан Балашов.

В то время среди знакомых Алисы присутствовал некий Лев.

Миссис Дробышева не смогла припомнить его фамилию[13]. Юноша этот был горбоносым и темноволосым, но Нора симпатизировала блондинам, и потому он не понравился ей. Миссис Дробышева не знала, что с ним стало потом. Кроме того, у Алисы был молодой человек в киноинституте, однако миссис Дробышева не смогла вспомнить никаких относящихся к нему подробностей.

Когда Розенбаумы снимали дачу в Лисьем Носу, неподалеку от Санкт-Петербурга, «женихом» Алисы считался некий светловолосый Сережа. Однако миссис Дробышева не сумела вспомнить его фамилию, а также какие-либо сведения о его дальнейшей судьбе.

По словам миссис Дробышевой, в семействе Розенбаумов вообще и в частности между Алисой и ее матерью, не было никаких крупных конфликтов[14]. Миссис Дробышева не помнит никаких фактов, доказывающих восстание Алисы против своих родителей. Она была любимицей всей семьи — и этим все сказано.

Алиса близко дружила со своей кузиной Ниной [Гузарчик], дочерью тетки Елизаветы, сестры ее матери.

Средняя сестра девушек Наталья [также Наташа] любила французские романы и усердно занималась музыкой, стремясь поступить в консерваторию. Ее игра на фортепиано вовсе не действовала никому из родных на нервы, как об этом говорится в книге Барбары Бранден. Миссис Дробышева назвала эту книгу «грязной и клеветнической». Наташа окончила консерваторию и дважды была замужем. Ее первого мужа звали Исидором; они поженились в 1920 году[15].

В Крыму Розенбаумы жили в Евпатории в двухэтажном доме с террасой. Девочки ходили в местную гимназию, окна которой выходили на порт. Наташа заболела туберкулезом. Второй раз она вышла замуж в 1929 году[16].

Ее второго мужа звали Володей. Такое же имя носил брат их матери, адвокат, помогавший Розенбаумам в 1920 годах после их возвращения из Крыма.

Зиновий Захарович Розенбаум, отец Алисы и Норы, умер в 1939 году от сердечного приступа. Мать девочек, Анна Борисовна, скончалась в ноябре 1941 года, в самом начале блокады, предположительно от рака[17]. Обоих родителей Айн Рэнд похоронили на городском еврейском кладбище[18].

Наташа погибла в июне 1942 года в Ленинграде во время воздушного налета, гуляя в Михайловском парке возле храма Спаса на Крови.

Кузина Нина погибла летом или осенью 1944 года под

Астраханью, когда корабль, на котором она плыла, попал под бомбежку[19].

Алиса рассказывала о взаимоотношениях своих родственников с чикагской родней в своих письмах к Норе. Она писала, что они очень много сделали для нее, и она постарается искренне отблагодарить их за то, что ее вызвали в Америку. Из всех этих родственников миссис Дробышева помнит только Сару Липтон, однако говорит, что Сара не была близкой родственницей Розенбаумам, но находилась в родстве с ее дедом. Сара выехала в Соединенные Штаты еще в конце девятнадцатого века и из благодарности или же из родственных чувств пригласила одного из своих русских родственников посетить ее в Чикаго. Естественным образом выбор семьи пал на Алису как на общую любимицу. Отъезд ее одобрили все. И все члены семьи в складчину оплатили ее расходы.

Алиса сначала поехала в Москву, поскольку там находились все необходимые документы; после этого она отправилась в Ригу и уже оттуда в Америку.

Из Чикаго Алиса написала родным о том, что не сумеет построить там свою карьеру и поэтому перебирается в Голливуд. Еще перед отъездом из России Алиса намеревалась стать сценаристкой в Голливуде.

В 1928 году Розенбаумы получили от Алисы письмо, в котором она сообщала им о своих финансовых трудностях во время Великой депрессии. Она также прислала фотографии, которые их мать и Наташа носили в банк, чтобы получить разрешение на периодические переводы денег Алисе в Соединенные Штаты. Им было разрешено пересылать ей 25 долларов в месяц, что они и делали какое-то время.

Нора вышла замуж в 1931 году. Она познакомилась со своим будущим мужем во время пребывания на отдыхе в Луге, где находилась под присмотром своей тети, сестры своей матери, Добы Борисовны [Конгейм]. В 1931 году Нора получила от Алисы приглашение посетить Соединенные Штаты, так как ее брак должен был состояться примерно в то же время. Нора воспользовалась приглашением. Муж Норы Федор Андреевич Дробышев работал на военном заводе «Пирометр», выпускавшем электронное оборудование для флота. Дробышевы жили в блокадном Ленинграде до июня 1942 года, когда завод был эвакуирован, после чего они перебрались в подмосковный городок Раменское. После окончания войны они вернулись в Ленинград. В 1970 году Дробышевы получили квартиру в хорошем кооперативном доме на Петроградской стороне; миссис Дробышева по-прежнему живет в этой квартире. У них с мужем

никогда не было детей. Муж ее скончался пятнадцать лет назад.

Когда Алиса прислала Розенбаумам свою пьесу *Ночью 16 января* — миссис Дробышева называет ее по первоначальному названию, *Легенда пентхауса (Penthouse Legend),* — муж Наташи передал рукопись известному режиссеру Н. Акимову, однако тот усомнился, что сумеет поставить пьесу. Известна постановка Акимовым американской пьесы *Опасный поворот (Dangerous Turn)*. Сама миссис Дробышева полагает, что *Опасный поворот* написан в более обвинительном и критическом ключе, чем произведение Айн Рэнд. Впрочем, пьеса сестры ей понравилась; согласно ее воспоминаниям, сюжет был связан с самоубийством шведского спичечного короля Ивара Крюгера; ей запомнились два персонажа: секретарша и влюбленный в нее гангстер. Миссис Дробышева считает, что под гангстером подразумевался Аль Капоне. Она не считает, что *Ночью 16 января* сопоставима по уровню с романами и философскими работами ее сестры, которые она не любит.

Переписка между Розенбаумами и Алисой прекратилась в 1937 году. Впоследствии Алиса рассказала Норе, что в американских отделениях вывешивались предупреждения, гласившие, что отправленное в Россию письмо может стать причиной ареста получателя.

В 1945–1946 годах миссис Дробышева и ее муж Федор получили из Соединенных Штатов посылку, отправленную родственницей ее матери, Деборой Борисовной. Эта родственница какое-то время жила в Германии, однако после прихода Гитлера к власти эмигрировала в Америку[20].

Когда миссис Дробышева в 1974 году приехала в Соединенные Штаты, Алиса сказала ей, что примерно тогда же отправляла ей посылку. Миссис Дробышева помнила этот факт — согласно ее словам, посылка содержала нечто несъедобное, похожее на собачий корм. Однако бульонные кубики оказались вполне приемлемыми. После своего прибытия в Америку Алиса также посылала родным книги, такие как *Американская трагедия* Драйзера. Анна Борисовна и Наташа переводили их и предлагали среди прочего к публикации в Госиздате[21].

Оказавшись в Нью-Йорке, муж миссис Дробышевой перенес сердечный приступ. Миссис Дробышева вызвала «скорую помощь»: «Я была в ужасе и все повторяла „помогите, помогите“, но сумела назвать наш адрес!» Миссис Дробышева также позвонила Алисе. Приехала «скорая». Чернокожий врач и два ассистента. Сестра не приехала. Она также не достала для Федора нужные медикаменты, о которых просила ее миссис Дробышева и которые нельзя было достать в России. Федора отвезли в

«Бельвью», госпиталь для бедных, где он пробыл две недели. Он лежал в большой комнате вместе с другими пациентами, однако каждая постель находилась в собственной нише и отделялась занавесками от соседей. За Федором ухаживали медсестры, не позволившие миссис Дробышевой помогать им[22].

Они сказали миссис Дробышевой: «Это наша работа». Миссис Дробышева попросила персонал госпиталя еще раз позвонить Алисе, рассказать ей о том, что случилось.

Вскоре после того как Федору стало лучше, Алиса предложила им возвращаться домой, несмотря на то что их гостевая виза на три месяца еще не закончилась. Подобное предложение было вызвано непрерывными спорами между обеими сестрами по поводу философии Алисы. Самые жаркие дебаты бушевали по поводу альтруизма. «Начнем с того, что именно альтруизм всей нашей семьи позволил Алисе попасть в Штаты», — сказала миссис Дробышева. Сёстры разошлись во мнениях по поводу Александра Солженицына, один из рассказов которого был опубликован в России в журнале *Новый мир*. Когда Леонард Пейкофф достал трехтомник Солженицына, миссис Дробышева обрадовалась и проявила к этим книгам куда больше интереса, чем к произведениям Айн Рэнд. По словам миссис Дробышевой, это привело Алису в негодование. В последний день перед отъездом сестры спорили по поводу солженицынского *Письма вождям*[23]. В конце ссоры Алиса швырнула книгу на пол и сказала: «Забери с собой этого отвратительного типа!» Миссис Дробышева сказала, что Алиса не любила Солженицына за то, что он ратовал за восстановление «самодержавия». Перед отъездом миссис Дробышевой Алиса потребовала, чтобы сестра вернула все книги, подаренные ею прежде, и даже не съездила в аэропорт, чтобы проводить миссис Дробышеву и ее мужа.

Ни Нора, ни Алиса не предполагали, что дело дойдет до такого. «Да, Алиса была разочарована тем, что мы оказались не такими, как она ожидала, — сказала миссис Дробышева. — Ей всегда были нужны обожатели и поклонники. Сперва в этой роли выступала я, а потом какой-то чикагский мальчишка».

Миссис Дробышева не считала себя антиамерикански и просоветски настроенной. В Нью-Йорке ей понравились некоторые здания и сами ньюйоркцы. Центральный парк, с ее точки зрения, оказался грязным. В Рокфеллеровском центре был Пасхальный парад, и продавцы в торговом центре не помогли ей выбрать зубную пасту. Из числа близких к Алисе людей миссис Дробышева запомнила Леонарда Пейкоффа и его жену. Миссис Дробышева недоумевала по поводу того, что Фрэнк [О'Коннор] решил учиться рисовать в столь позднем возрасте.

Миссис Дробышева ожидала увидеть свою сестру богатой и благородной леди, обитающей в трехэтажном особняке, и была очень удивлена тем, что та жила в обыкновенном многоквартирном доме, пусть и расположенном в хорошем районе, и считала себя принадлежащей к среднему классу.

Выдержки из взятого Александром Лебедевым интервью

Александр Лебедев: *Какие философские вопросы вы с Алисой обсуждали в России?*

Элеонора Дробышева: В то время мы не философствовали.

Какие хобби были у Алисы в детстве?

У нее не было времени на побочные занятия. Она интересовалась доисторическими животными. Еще мы ходили в кино.

Кто из ваших родственников работал на царя?

Наш дед, Борис Каплан. Он был портным и шил мундиры для царских гвардейцев.

Когда Алиса начала курить?

В Америке.

Описывает ли роман Мы живые *какие-то реальные события?*

Сюжет романа не имеет ничего общего с реальностью[24]. Автобиографичный характер носят в нем только идеи. А также город и некоторые подробности повседневной жизни.

Что случилось с письмами Алисы из Америки?

Вся переписка была утрачена во время блокады и после нашей эвакуации из Ленинграда.

Отредактированный текст интервью, проведенных Сергеем Бернадским в 1997 и 1998-х годах

Сергей Бернадский: *Опишите ваших родителей и Наташу. Что они ценили? Какие хобби имели?*

Элеонора Дробышева: Папа был высоким и симпатичным, однако не энергичным мужчиной. Революция раздавила его. Фигурально выражаясь, в нашей семье брюки носила мама. Она была невысокой, не слишком симпатичной, однако домом заправляла именно она. Наташа была смышленой, доброй и сердечной девушкой. Мы с Алисой были ориентированы на цель — мы стремились сделать карьеру, но Наташа нет. Она была замужем дважды. О каких хобби вы говорите?! Мы просто

боролись за выживание.

Были ли вы близки со своими родителями?

Я боялась мамы даже после замужества. В своем доме она была тираном.

Чем занималась ваша мать с 1931 по 1941 год?

Она была учительницей. Сперва преподавала в фабричном профессиональном училище, потом в разных институтах. Она владела тремя языками: французским, немецким и английским.

Ваша мать переводила на русский язык иностранные книги. Для кого она делала эти переводы?

Для Госиздата.

Каких взглядов придерживалась ваша мать? Какую цель ставила она перед собой в жизни?

У нее не было особого времени на какие-то взгляды. Цель ее заключалась в том, чтобы вырастить нас, ее детей. Впрочем, она была либералом — и иногда говорила о «высоких идеалах».

А каких взглядов придерживался ваш отец? Насколько изменился он в период с 1926 по 1939 год?

У нас отобрали все то, что у нас было. И папа не сумел пережить эту трагедию.

Какими были последние слова вашего отца?

Я их не слышала. Он, как обычно, сидел на диване и разговаривал с мамой, но вдруг не ответил на какой-то вопрос, который она ему задала. Она бросилась к нему, однако он уже умер. Ему досталась легкая смерть, какую иногда называют Божьим поцелуем.

В каких отношениях ваша семья состояла с родственниками вашего отца? Что с ними произошло?

С родственниками со стороны мамы мы поддерживали контакт больше, чем с родственниками папы. Папина родня маму не жаловала. Она была женщиной энергичной и командовала в семье.

Чем занималась Наташа с 1936 по 1942 год?

Она вышла замуж, однако продолжала заниматься игрой на фортепиано[25].

Случалось ли вашему деду Борису Каплану выполнять царские заказы? Он что-нибудь рассказывал вам?

После окончания Пажеского корпуса граф Игнатьев стал офицером и получил назначение в гвардию. Он обратился к моему деду, чтобы тот пошил ему мундир. Офицеры гвардии часто шили обмундирование у Каплана, потому что знали, что он хорошо шьет, а не потому, что царь приказывал им одеваться у царского портного.

Были ли у вас с Алисой какие-то домашние прозвища?

Мы с Алисой воспользовались для этого *Затерянным миром* Конан Дойля, а именно названием птеродактиля, летающего ящера: она была «Дактом Первым», а я — «Дактом Вторым». Я была ее тенью.

Вы были любимицей Алисы?

Возможно. Но точнее, я была ее тенью и подпевалой.

Что вам в детстве не нравилось в Алисе?

В детстве мне в ней нравилось все.

В вашей семье соблюдали еврейские праздники?

Мы соблюдали Песах. Проводили первый седер. Я любила мацу; отец сам делал ее. В гости приезжали все родственники с материнской стороны. Теперь за мацой мне приходится ходить в синагогу.

А что случилось с Гузарчиками и Конгеймами?

Гузарчик была сестрой мамы. Муж ее работал гинекологом. Все они погибли в блокаду. Конгеймы были родственниками старшей сестры моей матери. Они также умерли в блокаду.

Каким образом Володя Конгейм оставил Россию? Что с ним произошло?

Он женился на русской гувернантке, родители от него отреклись, и они уехали. Но что с ним было потом, я совершенно не представляю[26].

Можете ли вы рассказать, как происходил ваш семейный отдых в Финляндии?

Мы жили на обыкновенной даче в Териоки. Нас было трое, и трое Гузарчиков. Помню, что мы ели великолепный домашний сыр и сметану.

В каком швейцарском городе вы провели лето 1914 года?

В Монтрё.

Что вы помните о поездке в Швейцарию?

Помню только шильонскую тюрьму. Там была длинная спускающаяся вниз лестница. Я сбежала по ней. Но там оказалась только глухая стена и куча мусора возле нее[27].

Какой след Первая мировая война оставила на вашей семье?

Никакого, если вы имеете в виду собственно военные действия. Я помню только, что мы возвращались в Россию [из Англии] на шведском корабле. Потом нам сказали, что тот корабль, который шел за нами, и тот, который шел перед нами, были потоплены. Мы были там на каникулах. Но все наше было при нас: аптека и наш дом. Никто и думать не мог, что произойдет революция.

Были ли у Алисы в детстве какие-нибудь слабости или страхи?

Никто не обращал внимания на подобные вещи. Нам

пришлось пережить войну и революцию.

Какие блюда любила Алиса?

В те годы было сложно раздобыть любую еду. Мы часто ели горох. Любимой становилась любая пища.

Какие пьесы любила Алиса в период с 1915 по 1936 год?

Она любила оперетты и таскала меня с собой в Михайловский театр. Там мы видели спектакли *Нищий студент* [Карла Миллёкера] и *Там, где жаворонок поет* [Франца Легара]. В оперетте мы сидели в так называемом райке — боковых балконах, на самых дешевых местах[28].

Публиковала ли Алиса в России какие-нибудь свои произведения, кроме тех, которые были воспроизведены ею в книге Russian Writings on Hollywood [Русские тексты о Голливуде]? *Биографии кинозвезд? Пьесы? Сценарии? Пыталась ли она что-то опубликовать?*

Нет. *Пола Негри,* насколько я помню. Да, именно эту книгу вы и показываете мне. Но *Пола Негри* была опубликована без ее имени на обложке, просто потому что она нуждалась в деньгах, хотя ей заплатили немного. Таким образом, книгой могли попользоваться и другие авторы.

Некто Златкин опубликовал книгу Алисы о Голливуде. Кто этот человек? Каким образом он сотрудничал с Алисой и вашей матерью?

Алиса звала его «жулик Златкин». Мама перевела [для Златкина] *Американскую трагедию* Драйзера, но это было уже потом[29].

Располагали ли [ваша кузина] *Нина и Алиса общим кругом друзей?*

Отец Нины был гинекологом, и ее семья была более обеспеченной, чем наша. Молодые люди собирались в ее доме, чтобы потанцевать. Алиса присоединилась к этой группе [Uno Momento]. Это и было ее «светское общество». Однако я не могла присоединиться к ним, потому что была еще слишком молода. В те времена пятнадцатилетки были не такими, как сейчас. Лолит среди них не было.

Кто провожал Алису в Америку на вокзале 17 января 1926 года?

Я, Наташа и мама. Не помню, присутствовал ли при этом отец или нет[30].

Как долго Алиса намеревалась пробыть в Америке?

Думаю, что она планировала уехать туда навсегда. Она хотела, чтобы я, мама и папа также переехали в Америку.

Как Алиса изменилась после того, как переехала в Америку?

Она сделалась более эгоистичной и возвела эгоизм в

философию. Попробуйте пожить в соответствии с подобной философией, тогда нетрудно будет определить, рациональна она или нет.

Но разве она не хотела вывезти всех вас из России в Америку?

Да, хотела, и я все пыталась уговорить родителей перебраться к ней, однако они отказались. Алиса присылала нам вещи. Наташе она прислала кошелек, какие-то туфли для меня и пижамы мне и Наташе.

Вы хотели переехать в Америку в тридцатых годах?

Да, хотела. Мне даже прислали бумаги. Однако в 1931 году я вышла замуж.

Алиса прислала вам заявление для поступления в колледж. Из какого же американского университета?

Из какого-то местного калифорнийского колледжа. Имелся в виду факультет искусства и рисования[31].

О чем писала Алиса в своих письмах?

О своей жизни и работе.

А что она написала о своей встрече с Сесилом Б. Демиллем?

Она шла по студии. Увидела у передних ворот автомобиль Демилля и улыбнулась ему. Он спросил ее, кто она такая, потом пригласил в машину, а потом дал ей работу.

Что Алиса и Фрэнк думали о Голливуде?

Покидая Россию, Алиса считала, что едет в Мекку кинопромышленности, чтобы сделать там карьеру. Письма ее носили импульсивный характер. Я запомнила из них пару фраз: «Я — сценаристка Сесила Демилля» и «Я вышла замуж». Думаю, она хотела ошеломить нас своими успехами.

В письмах часто упоминается знакомый Алисы — Лёля Б. Как его звали? Какие отношения были между ними? Какова его судьба?

Лёля [Лев Беккерман] был симпатичным носатым мужчиной. В 1973 году Алиса спросила меня о нем, однако я только фыркнула: «Зачем он тебе понадобился, когда у тебя есть Фрэнк?»

[Лев Борисович Беккерман[32] учился в Технологическом институте. Впоследствии работал инженером на заводе. По совместительству был секретарем издательства «Атенеум». Согласно нашему информанту, проведшему исследование в архиве Технологического института, Беккерман был арестован вместе с большой группой студентов и профессоров. Однако при обыске в его квартире ничего компрометирующего найдено не было. Его не сослали в трудовые лагеря. Согласно архивам КГБ, он был снова арестован в 1937 году и расстрелян].

Посылала ли вам Алиса свои произведения из Америки?

Она прислала свою пьесу *Легенда пентхауса*[33]. Это лучшая ее вещь. Все родные были потрясены этой пьесой.

А была ли присланная вам в 1934 году Алисой Легенда пентхауса *когда-либо поставлена в России? Ваша мать перевела эту пьесу на русский язык. Что случилось с переводом?*

Она так и не попала на сцену. Одному из наших знакомых пришло в голову, что неплохо было бы ее поставить. Перевод сгинул во время блокады.

В одном из писем 1926 года ваша мать писала, что [театр] «Кривое зеркало» принял к постановке Алисин Радиобалет, *но потребовал, чтобы в него внесли изменения, и ваша мать отказалась это сделать. Что такое «Кривое зеркало»? О чем был* Радиобалет? *И где он сейчас?*

«Кривое зеркало» сейчас называется «Кристалл-Палас»[34]. Там выступал даже сам Утесов[35]. Мама отказалась передавать им *Радиобалет*, потому что они хотели внести изменения.

В 1926 году Алиса написала Уильяму С. Харту, и он прислал вам свою фотографию с автографом. Что Алиса писала Харту?

Откуда мне знать? Это была большая фотография [Харта] с надписью: «Искренне ваш, У. Харт»[36].

Что Алиса думала об актере Джозефе Шильдкрауте?

Шильдкраут играл Иуду в одном фильме. Алиса писала, что она не то обедала, не то завтракала с ним.

Что думала Алиса о Чарли Чаплине?

Мы с Алисой его особенно не ценили и предпочитали Бастера Китона.

Алиса любила Джека Лондона?

Джек Лондон скорее принадлежит к моему типу, чем к Алисиному. Он воспевал физическую силу, в то время как Алису влекло к людям, обладающим высоким интеллектом.

Какие американские песни присылала вам Алиса? Какие песни она любила?

Она присылала их Наташе, потому что Наташа училась на музыканта. Тогда «век джаза» еще только начинался. Хотя одна из песен остается популярной и по сей день. Это *Yes, Sir, That's My Baby*[37].

Алиса любила бокс?

Алиса писала нам, что [Джек] Демпси победил в бою за титул чемпиона мира и что они сидели заполночь и слушали репортаж о бое по радио.

Каких воззрений придерживалась Алиса в отношении любви и секса?

Как вам, конечно, известно, секса в Советском Союзе не было [смеется]. Алиса не разговаривала со мной на эти темы.

А имела ли ваша семья какие-нибудь неприятности из-за переписки с Алисой или из-за романа Мы живые?

Нет. Роман, по всей видимости, не привлек к себе внимания.

Когда и почему ваши родственники перестали переписываться с Алисой?

Из-за войны. Из наших близких родственников, кроме меня, никого в живых не осталось. На самом деле это она перестала писать нам. Возможно, потому что больше не видела в нас никакой пользы.

Что произошло с дневниками Алисы?

Погибли в блокаду. Эвакуируясь, мы не планировали возвращение в Ленинград. И после того, как мы съехали, в нашу квартиру вселились другие люди.

А что стало со старой квартирой, в Дмитровском переулке?

В нее въехали другие люди. Эвакуируясь из Ленинграда, мы не собирались возвращаться и в нашу квартиру. Но я должна быть честной в отношении Алисы. Когда мы наконец встретились, она сказала: «Не спрашивай обо мне, рассказывай о себе».

Разговаривали ли вы с Алисой по телефону после ее отъезда и до 1973 года?

Я написала ей сразу же, как только нашла ее. Однако она не любила отвечать на письма. Она звонила по телефону. Должно быть, так в то время было принято в Америке. Но я хотела, чтобы она писала: как только телефонный разговор закончен, он закончен, а письмо можно перечитать[38].

Почему Алиса не прислала вам нитроглицерин для сердца вашего мужа?

В Советском Союзе нитроглицерин проблемы не представлял. Нам нужен был индерал. Немного его нам дали в госпитале.

Вы знаете английский язык? На каком языке вы читали романы в Америке?

Я свободно читаю по-английски, но говорить мне труднее. Будучи там, я говорила по-английски. Я почти не читала в Америке романы Алисы.

Сохранились ли у вас приятные воспоминания о своем визите в Нью-Йорк?

Нет.

Как вы отреагировали на смерть Алисы?

Никак. Кто-то, не помню, сообщил мне о ее смерти. В то время я была оскорблена тем, как она обращалась со мной в Америке.

Что вы думали об Алисе в период с 1937 по 1973 год?

Что она плохо обращается со мной и нашей семьей.

Что вы думаете о ней теперь?

Америка плохо подействовала на нее. Если бы у нее был другой муж, который построже относился бы к ней, она могла бы стать лучше.

Как менялось ваше отношение к Алисе в течение жизни?

Сперва я боготворила ее, а потом была ею обижена.

1920-е годы

Ферн Браун

Ферн Браун (урожденная Голдберг), кузина Айн Рэнд, романистка, опубликовавшая тридцать две детских повести. В 1926 году мисс Рэнд провела в семье Голдбергов несколько месяцев после своего приезда в Америку.

Даты интервью: 2 июля 1996 года; 13 и 18 марта 1997 года; 14 апреля и 8 июня 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Можете ли вы предоставить мне информацию о фамильном древе Айн Рэнд?*

Ферн Браун: Я могу рассказать вам о дядях и тетях, пригласивших ее сюда. С нами жил мой дед, Гарри Портной. Она звала его двоюродным дедом, однако на самом деле он был ее двоюродным дедом. Айн была внучкой сестры Гарри.

У Гарри было пятеро дочерей и трое сыновей. Его старшим сыном был Айк Портной, еще был сын Джек, умерший в поезде во время Первой мировой войны. Последним сыном был Мендель.

Среди пяти дочерей была Анна, вышедшая замуж за другого Менделя, Менделя Стоуна. За ней шла Лилиан, вышедшая за Самуэля Суркина, и Гертруда, жена Мориса Хоффмана. Еще была Сара, выходившая замуж четыре раза. Она была нашей семейной актрисой и прекрасной леди.

Сперва она вышла замуж за Гарри Колльера, затем за Джо Липтона, затем за Эйба Сатрина и, наконец, за Сола Липски. Когда Сара была замужем за Эйбом Сатрином, она и моя тетя Энн пригласили Айн Рэнд в Америку и в свой дом и оплатили ее проезд, так что она всегда была благодарна трем сестрам.

Мою мать звали Мириам, однако в семье у нее было прозвище Минна, которое она предпочитала. Она была младшей дочерью Гарри Портного и вышла замуж за Сэма Голдберга.

Айн испытывала дружеские чувства к своему родственнику Бартону Стоуну, сыну Энн и Менделя. Она переписывалась с ним и с тетей Сарой.

Что сблизило Бартона и Айн Рэнд?

Он был личностью. Что-то вроде алмаза в навозной куче. Из тех людей, которые были ей симпатичны, из тех, которых она охотно помещала в свои книги, жесткий индивидуалист.

Расскажите подробнее о своих родителях.

Моя мать родилась в Чикаго и в качестве даты своего рождения называла 12 февраля 1895 года. Думаю, что только моя

мать родилась в Америке. Она была самой младшей из дочерей. Все остальные были много старше ее. Мой папа родился в Нью-Йорке. Он занимался бакалейной торговлей. У него была небольшая бакалейная лавка.

Расскажите мне о своем деде Гарри Портном.

Айн называла моего деда «дядей». Это был удивительный человек. Он много читал, он любил читать, и читал он на идише. Он просил нас разговаривать с ним по-английски. И именно так выучил язык — просто в процессе разговора.

Он был родом из Санкт-Петербурга?

Не знаю. Из Польши, России — откуда-то возле границы между ними. Он работал на обувной фабрике. Российское правительство призывало молодых мужчин в армию, и поэтому его старший сын, дядя Айк, первым перебрался сюда, а потом начал рассылать приглашения. Дядя Айк говорил нам, что он приехал в Америку семнадцатилетним, а потом, когда нашел работу и устроился на месте, послал за своим отцом и остальными родственниками.

Гарри Портной был сапожником?

Точнее, он шил. Был кем-то вроде портного. Что, собственно, и означает в России его фамилия. Мы жили очень тесно. Мы называли тех, кого привели в Соединенные Штаты, «greenhorns, новичками». Так что мы привели в Штаты уйму новичков: Джо Липтон и Эйб Сатрин были новичками. Они приехали из России и Польши. Все они были нашими кузенами в разной степени.

Была ли ваша семья богатой или состоятельной?

Мы, безусловно, не были богатыми.

Быть может, Гарри Портной отдавал долги, приглашая родственников в Америку?

Не знаю, однако думаю, что в те времена поступали именно так. Там всегда было место для новых людей, и если кто-то хотел приехать, тогда они приглашали его. Они хотели увидеть эту землю текущей молоком и медом. Дедушка говорил мне, что Америка — лучшая страна на свете, и был счастлив оттого, что поселился здесь. Он любил свободу и тот факт, что семья его счастлива и растет, а что может больше радовать отца семейства? [39]

Что вы можете вспомнить о приезде кузины Алисы в 1926 году?

Я родилась в 1918 году, так что мне было тогда восемь лет. Моему брату Харви было пять с половиной. Она приехала в Чикаго для того, чтобы недолго погостить у нас. Мама сказала мне, что поскольку Алиса будет ночевать у нас, нам придется передвинуть кровати. Еще одной спальни у нас не было. Как и

свободной комнаты для гостей. Нас было пятеро: дедушка, мой брат и я, мои мама и папа, все мы спали в двух спальнях и в столовой.

Мы с Харви всегда смеялись, потому что нам пришлось оставить для нее наши находившиеся в столовой кровати. У нас с братом были две небольшие койки в столовой, но нам пришлось оставить ее, так как там стояла пишущая машинка Алисы и там же спала она сама. Кажется, после этого я спала на кушетке. Наша столовая была довольно большой. В ней находились большой круглый стол и длинный буфет, на котором стоял телефон.

В нашей квартире были также большая кухня и гостиная. Одна из спален представляла собой небольшой альков; на самом деле это был крошечный уголок, а не настоящая спальня. Она была отдана дедушке. В ней было окно в передней стене. Кухня находилась рядом со столовой и с небольшой прихожей.

Какую музыку она любила?

Сижу на вершине мира[40] — помню, как она снова и снова пела эту песню живым и веселым голосом. Она доводила нас до безумия, потому что проводила ночи на ногах, а мы проводили на ногах весь день. По ночам она принимала душ и вообще бодрствовала по ночам. Не знаю, был ли у них душ в России, но купалась она по ночам.

Значит, она была очень энергичной?

Да, была. Думаю, она была счастлива здесь.

Какой она была тогда?

Не назвала бы ее хорошенькой. Она была угловата и слишком коротко стригла волосы. И еще была очень самоуверенна.

В каком смысле?

В смысле собственных идей. Всего, о чем она говорила. Когда мне было восемь, она не разговаривала со мной ни о чем особенно умном. Я никогда не вела с ней по-настоящему интеллектуальных бесед.

О чем она любила говорить?

Она много говорила о театре, о политике и о собственных идеях. И делала это очень взволнованно и с полной уверенностью.

Она располагала тогда четкими политическими убеждениями?

О, думаю так. Она ненавидела, ненавидела и ненавидела большевиков и всегда пользовалась этим словом. Она считала их худшими людьми на земле. Это они разрушили всю ее прежнюю благополучную жизнь, мирную жизнь, которую прежде вела ее семья. В этом она была непреклонна. Красных она по-настоящему ненавидела. И все время говорила об этом. Называла их убийцами, грабителями, ворами и так далее. Она ненавидела

коммунизм.

Она скучала по своим родным?

Она всегда хотела, чтобы к ней приехала сестра; я знаю, потому что она сама мне это говорила. Элеонора. Она хотела, чтобы с ней была вся ее семья. Отец, мать и все прочие, но особенно хотела, чтобы приехала сестра. Она хотела, чтобы та повидала Америку.

Скажите, а Айн Рэнд писала свои произведения здесь или же привезла их с собой в 1926 году?

Она писала их прямо на месте. Пишущая машинка все время трещала.

Для нас она была просто кузиной, приехавшей к нам и с трудом изъяснявшейся по-английски. Мы совершенно не представляли, что ей предстоит сделаться знаменитой писательницей, проповедницей великих идей. Она была для нас новичком, которого дед, дяди и тети пригласили к нам. Мы хотели, чтобы все жили в стране, текущей молоком и медом.

Вся семья по воскресеньям собиралась в нашем доме, так что Айн Рэнд непременно участвовала в наших собраниях. По воскресеньям играли в карты. А потом игра заканчивалась, и мужчины выходили из дома и покупали так называемое «фермерское чоп суи»[41], домашний сыр, овощи и все прочее.

Алиса шла своим путем. Она брала все чистой настойчивостью. Я бы назвала ее очень упорной особой, много думавшей, причем некоторые ее идеи шли, так сказать, от ума.

А что вы можете сказать о своей матери Минне Голдберг и Айн Рэнд?

Привычки гостьи не слишком раздражали мою мать. Ей пришлось много делать, потому что Айн находилась в нашем доме и привычки ее были противоположны тем обычаям, которые мать в нем установила.

Айн вела ночной образ жизни, а мы дневной, поэтому нам было сложно.

А они читали ее книги?

Конечно, все мы читали ее книги. Мне понравился роман *Мы живые,* великолепен был *Источник*, однако *Атлант* не доставил мне особого удовольствия. На мой взгляд, его следовало бы существенно сократить. Интересны и некоторые другие ее книги, которые мне довелось прочитать. Я храню первые издания ее книг, которые Айн подарила моим родителям.

Была ли мисс Рэнд благодарна родственникам за приглашение и поддержку?

Да, думаю, да; особенно тете Саре и тете Энн — семье Бартона.

А Менделю, Эстер и Анне пришлось много заботиться о мисс Рэнд?

Им всегда было интересно общаться с ней, и они всегда пересказывали нам то, что слышали от нее. Анне и Менделю принадлежали склад пиломатериалов и большой участок земли в Моменсе, штат Иллинойс. Айн Рэнд прислала им в подарок пару фазанов. Птицы эти были хороши, но очень шумливы. Айн как личность нравилась всем. Не думаю, чтобы кто-то из них вникал в ее философию, кроме разве что Бартона.

Значит, ваша семья переписывалась с ней после того, как она уехала от вас?

Мы переписывались, и теперь я могу укорять себя за то, что не сохранила ее писем, однако беречь их тогда мне и в голову не приходило.

Так где же они теперь?

Я не хранила их. Разве можно сказать заранее, что кто-то станет знаменитым? Представить себе не могу, чтобы кто-то хранил мои письма, хотя я написала тридцать две детские книги. По правде сказать, в последний раз я получила от нее личную весточку примерно в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом годах и написала ей, что вышла моя первая книга. Как мне кажется, мы перестали переписываться в шестидесятых годах.

Она писала или печатала свои письма?

Она всегда писала их. У нее был наклонный почерк, казавшийся нам иностранным.

Она присылала вам письма из Голливуда?

Да, и из Нью-Йорка. Думаю, что переписывалась с ней только тетя Сара. А потом тетя Энн… Точно сказать не могу, а спросить, увы, уже не у кого.

Часто ли она писала членам вашей семьи?

Сначала все мы получали от нее много писем. А потом, думаю, в шестьдесят пятом году, тогда она жила в Нью-Йорке, и я только что написала свою первую книгу — детскую книгу — и послал ей, а она никак не отреагировала на это. После этого мы больше не писали друг другу. А до того переписывались регулярно. Я писала за свою мать. Она, конечно, могла писать сама, однако до шестидесятых годов переписку вела я. Однако все письма давно порвались, потому что их читали все члены семьи.

Каким было впоследствии мнение вашей матери об Айн Рэнд?

О, она очень гордилась ею. Моя мать любила все самое лучшее в жизни, любила литературу, любила читать и писать, и она очень радовалась тому, что у нее есть такая знаменитая родственница.

А она читала книги Айн Рэнд?

О да, конечно. Она восхищалась ими, наверно, потому что их написала Айн Рэнд.

Какое самое главное воспоминание осталось у вас от Айн Рэнд?

Самое главное мое воспоминание осталось от того времени, когда я была маленькой девочкой и она жила у нас. И я помогла ей выбрать фамилию для своего псевдонима — Рэнд. У нее была старая портативная пишущая машинка «Ремингтон-Рэнд», и она печатала на столе в нашей столовой. Мы жили тогда в Чикаго по адресу: 3216 Leland Ave [Лиланд-авеню].

Однажды она сказала: «Я хочу выбрать себе новое имя, но так, чтобы инициалы были А. и Р.» Мы звали ее Алисой. Она сказала: «Я выбрала себе имя, это будет „Айн“»; производное от какого-то [финского] слова, как она мне сказала. А потом сказала: «Значит, мне нужно Р». Я как раз глядела на ее пишущую машинку и сказала: «А „Ремингтон“ подойдет?» Она ответила: «Нет, это слишком длинное слово, мне нужно короткое». Тогда я сказала: «А как насчет „Рэнд“?» И она согласилась: «Хорошо, значит, будет: „Айн Рэнд“». Думаю, это было в самом начале ее пребывания в нашем доме[42].

Значит, она очень хотела выбрать себе новое имя.

О да, она хотела начать заново и стать американкой.

Вы говорили, что в 1939 году были в гостях у мисс Рэнд и мистера О'Коннора. Расскажите мне об этом.

Она жила в Нью-Йорке, а я работала консультантом в расположенном неподалеку в Пенсильвании лагере, и она пригласила меня приехать к ней в удобное время. Обед приготовил Фрэнк, он был отличным поваром. Мы прекрасно пообедали в их очаровательной квартире, а потом они сводили меня на балет или какую-то пьесу. Мы провели вместе прекрасный, прекрасный день[43].

Можете ли вы описать эту квартиру?

Я помню только просторную столовую и длинный стол, все было очень красиво. Прекрасное темное дерево. Думаю, там действительно было очень красиво. Я знаю, что Фрэнк был очень неплохим дизайнером, но не уверен в том, что именно он отделывал квартиру.

А его вы можете описать?

Он показался мне высоким и довольно худощавым. На нем был халат в японском стиле, он подавал обед. Возможно, это был курительный халат.

Помню, что, сочиняя *Источник,* она писала нам, что делала это для Фрэнка. Я всегда думала, что она была с ним очень, очень счастлива. Я действительно ощущала, что она всю жизнь любила его.

Фрэнк был очень мягким человеком, очень милым, очень заботливым, очень гостеприимным в своем курительном халате. Я видела его первый и единственный раз и потому не имею о нем других впечатлений.

Что еще вы можете рассказать о мисс Рэнд?

Помню, как она сидела в квартире Барта Стоуна после его похорон. Она пообещала моей матери норковую шубку, однако не выполнила своего обещания. Она сказала, что шубка велика ей. Еще она часто говорила нам, что мистер Вудс обманул ее, плохо с ней поступил[44].

Расскажите о вашей последней встрече с мисс Рэнд.

Я видела ее в 1963 году на лекции в амфитеатре Центра Маккормика[45] [McCormick Place, Маккормик-плейс][46]. После лекции я прошла к ней за кулисы, она была там, мы обменялись с ней рукопожатиями и поцелуями, и я сказала ей, что она была великолепна.

Как она отреагировала?

Как королева, сидящая на троне. На ее шее была цепочка с золотой подвеской в виде знака доллара. Она пригласила туда всех родственников. Мою мать, отца и Барта Стоуна. Эти люди привели ее в Америку.

Харви Голдберг

Харви Голдберг, брат Ферн Браун, кузен Айн Рэнд. Впервые увидел мисс Рэнд в 1926 году в Чикаго, когда ему было пять лет.

Даты интервью: 17 сентября 1996 года и 26 декабря 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Сохранились ли у вас какие-либо детские воспоминания об Айн Рэнд?*

Харви Голдберг: В отношении ее привычек помню, что она всю ночь печатала, сидела в ванне и всю ночь лила воду. Она работала по ночам, а весь день спала. По ночам залезала в ванну и часами сидела в ней, а потом печатала. Она печатала большую часть ночи. Все мы тогда жили в тесноте. Помню, как она спала в столовой, окна которой были расположены на фасаде дома. Она спала на брезентовой койке.

Айн говорила, что когда станет знаменитой, подарит нам «роллс-ройс» за заботы о ней в течение шести месяцев, но мы так и не получили его.

Какой она была в 1926 году?

Не скажу, чтобы она была особенно дружелюбной. Она была скорее сдержанной и тихой. Она хотела как можно быстрее уехать в Калифорнию и еще получить гражданство.

Как мне кажется, вы снова встретились с ней по прошествии многих лет.

Да. Она читала лекцию в Маккормик-плейс в Чикаго [в 1963 году], в большом амфитеатре. Мы с женой, моя сестра и ее муж, а также Барт Стоун с женой прошли за сцену, чтобы поздороваться с ней. Барт поддерживал с ней более тесную связь, чем мы. Он всегда находился в контакте с ней. Мы провели в ее обществе всего несколько минут. Она держалась очень мило, очень сердечно, однако в предшествующие годы мы нечасто слышали о ней. Она помнила всех нас.

Розали Уилсон

Розали Энн (Фицджеральд) Уилсон была крестницей и подругой Айн Рэнд. Розали Уилсон скончалась в 2008 году.

Даты интервью: 26 марта и 1 апреля 1998 года

Скотт Макконнелл: *Как случилось, что вы стали крестницей Айн Рэнд?*

Розали Уилсон: Джо О'Коннор (брат Фрэнка) был моим крестным, и я знала Джо по тем временам, когда все мы жили на востоке. Я родилась в Кливленде, в декабре 1922 года, и была вторым ребенком своей матери. Думаю, что она вышла замуж примерно в двадцатом году. Джо был помолвлен с моей матерью до того, как она встретила моего отца. Наверно, они познакомились в Лорене, штат Огайо. Моя мать была знакома с Фрэнком О'Коннором со времен Кливленда и Огайо.

Как долго вы были знакомы с мисс Рэнд и Джо О'Коннором?

Мое знакомство с О'Коннорами, начиная с младенческой поры, продлилось лишь до того, как мы переехали в Калифорнию летом двадцать четвертого или двадцать пятого года. Потом с многочисленными интервалами оно шло до тридцать пятого года и снова возобновилось уже в пятидесятых.

Вашу мать звали Милли Фицджеральд?

Да. До брака с моим отцом она носила имя Камилла Лукас. Родные звали ее Милли.

Расскажите подробнее о Джо О'Конноре.

Он всегда носил бороду и был похож на Христа. Наверно, это сходство и привлекло его в Калифорнию, где он год за годом играл Христа в пьесе «Паломничество», которая шла в Паломническом театре, находившемся на Хайленд-авеню, совсем неподалеку от входа в Голливуд-боул. Я помню, как мы ходили в этот театр. Роль Джо была невелика, он появлялся на краю сцены, а потом медленно шел к ее середине. Тем временем другие актеры махали пальмовыми ветвями, пока он не заканчивал свой путь[47].

Его распинали?

Да.

Айн Рэнд и Фрэнк О'Коннор присутствовали на представлениях?

Да, один или два раза вместе с моими мамой и папой.

Что Джо делал в Лос-Анджелесе?

Они с Фрэнком время от времени работали в качестве статистов, однако основу претензий Джо на славу составляло многолетнее исполнение роли Христа в пьесе «Паломничество». Джо не отличался крепким здоровьем и имел изможденный вид.

Насколько близкими были отношения вашей матери и Фрэнка О'Коннора?

Оба О'Коннора — Джо и Фрэнк — были как братья моей маме.

Расскажите мне о взаимоотношениях внутри этой четверки.

Они складывались очень тесным и естественным образом. Между ними не возникало никаких недоразумений, или я, во всяком случае, не замечала их. Они казались давними и добрыми друзьями.

А как складывались ваши отношения с Айн Рэнд и Фрэнком?

Фрэнк и Айн одно или два лета брали меня на свое попечение. Каждый раз на две или три недели. Я была их малышкой. Я нашла даже один снимок, доказывающий это. Айн сняла нас с Фрэнком вместе. На вид мне примерно шесть-семь лет.

Как надо понимать эти слова «их малышкой»?

Своих детей у них не было, моя мама работала, а папа был за границей, так что они заботились обо мне. Айн работала в RKO, а у Фрэнка было в то время немного работы; думаю, он работал статистом. Айн работала в костюмерной RKO. Фрэнк или Айн всегда брали меня под крылышко, когда за мной некому было присмотреть.

Где находилась ваша мама?

В это время мои папа и мама разошлись и собирались разводиться, но уехали вместе, чтобы попробовать успокоиться и примириться.

Как мисс Рэнд выглядела в это время?

Ну, теперь с вами опять будет разговаривать маленькая девочка. Она мне нравилась, она была ласкова ко мне и несколько далека; мне нравились ее темные волосы и большие-пребольшие глаза. У моей мамы были рыжие волосы и красивые глаза, но у Айн глаза были больше. Я никогда не делала ничего такого, за что она могла бы меня отругать; она была очень мила, тиха и приятна. Она никогда не тискала меня, как Фрэнк и Джо, но не потому что не любила меня, а потому, что не любила объятий и поцелуев.

Куда вы с ней ходили?

У них был большой колли, и выгуливали эту огромную собаку в основном мы с Фрэнком. Собака хорошо относилась ко мне, ведь мы были знакомы два лета. Мы никуда не ходили. Мы

ничего не делали, а только гуляли с собакой. Я не помню ничего другого.

Как бы вы описали мисс Рэнд и мистера О'Коннора?

Они были хорошей и вполне подходящей парой временных родителей. Опять же, вы говорите о шестилетнем ребенке. Я не замечала тогда никаких проявлений физической приязни или не смущалась ими. Они с лаской и заботой разговаривали друг с другом. И держались вместе. Я никогда не слышала, чтобы они спорили.

Они были бедны?

Наверное, они жили на грани бедности. Я смотрела на Айн глазами маленькой девочки. Помню только, что им подчас с трудом удавалось сводить концы с концами. Насколько я помню, это было трудное время. Должно быть, все это происходило в годы так называемой Депрессии. Вполне возможно, что Айн писала тогда свои сценарии и/или романы.

У вас есть относящаяся к этому периоду фотография Фрэнка?

Она была снята в их патио, общем с еще одной квартирой. Фрэнк сидит перед камерой на корточках вместе с собакой, с их колли, перед ними фонтан. На заднем плане видны две двери в квартиры, я тоже там есть. Позади видны также французские двери, и я стою возле одной из них.

Где вы спали?

В квартире была только одна спальня, и до тех пор, пока они не ложились, я спала в их постели, а в их распоряжении находилась гостиная. А когда они ложились, то опускали складную, вделанную в дверцу шкафа кровать. На ней я и спала.

Они тряслись над вами, тиранили или пытались избаловать вас?

Нет! Они относились ко мне очень просто. Похоже, что в мои юные годы все относились очень легко к тому, что я делала и куда ходила.

Что еще вы делали?

Когда Фрэнк бывал дома, мы много гуляли с собакой; мы оба любили прогулки. И я считала, что гулять здорово.

Мистер О'Коннор держал вас за руку, когда вы гуляли?

Иногда бывало. Когда мы гуляли с собакой, он одной рукой держал поводок, а другой меня, потому что я была маленькой.

А как вы развлекались?

Он танцевал со мной. Брал меня на руки и танцевал. У них была «Виктрола»[48], и когда ее включали, он брал меня на руки и кружил в воздухе. Мне это ужасно нравилось.

Я очень любила его и считала очень красивым. Он напоминал мне моего собственного папу и, наверно, нравился мне оттого,

что я видела его чаще, чем родного отца.

Чем мистер О'Коннор напоминал вам отца?

Он очень любил меня. Был очень мягким и очаровательным человеком и всегда пребывал как бы в трепете передо мной, словно бы боялся прикоснуться. Конечно же, я тосковала по отцу, и оба моих дяди, Фрэнк и Джо, делали все возможное, чтобы хоть как-то заменить его.

Как он обращался с вами?

Не помню, чтобы он когда-то качался вместе со мной на качелях или делал нечто подобное. Думаю, что они просто хорошо обращались со мной, как было положено в те времена. Фрэнк и Айн не смотрели на меня свысока, держались на равных, и мне это нравилось.

Что значит: «держались на равных»?

Они не воспринимали себя как старших, а меня как младшую. Со мной никогда не сюсюкали. Они обращались со мной как с личностью. Естественно, личностью я и так была, однако есть разница в том, как люди обращаются с тобой, и дети ощущают ее.

Расскажите мне еще что-нибудь о мистере О'Конноре.

Я считала его очень привлекательным, и какое-то время он старался казаться, насколько это возможно, русским. Фрэнк носил эти казацкие рубашки, с высоким воротником, широкими рукавами.

Однажды на день рождения Фрэнк носил меня на плечах, а Айн приплясывала вокруг и хлопала в ладоши. У меня есть вязаная куколка, которую она связала для меня. Высотой куколка примерно в восемь дюймов, и Айн говорила, что, кроме нее, почти ничего в своей жизни не связала. Белая куколка с красной оторочкой, она до сих пор хранится у меня.

Это был подарок на день рождения или Рождество?

В моей жизни день рождения всегда совпадал с Рождеством. Я родилась двадцать шестого декабря. На наше Рождество, мой день рождения, обыкновенно собирались только мама, Джо, Фрэнк и Айн, и изредка — мой папа.

Помню одну из книг: Роберт Льюис Стивенсон, *Детский сад стихов,* подписанную Айн. Возможно, это был подарок на день рождения. «Розали от Айн».

Помните ли вы что-нибудь о ее произведениях?

Я была знакома с ними во время Великой депрессии, когда она еще начинала составлять себе имя. Она любила писать. Когда я заканчивала голливудскую среднюю школу, она предложила свою *Ночью 16 января* для постановки силами старших классов. Однако какая-то высшая инстанция запретила нам ставить этот спектакль.

Как Айн Рэнд обращалась с детьми?

Она была добра со мной. И обращалась совершенно естественно, не пытаясь что-то изображать и сюсюкать. Она всегда оставалась сама собой.

То есть?

Деловитой, в стиле: «Ты проголодалась?» или «Будешь сейчас есть?». В таком роде. Она не возилась со мной. Мои волосы были прямыми, как у нее, и не требовали завивки. Их нужно было только расчесать и предоставить себе самим.

А как вы обращались к Айн Рэнд?

Айн, я даже не звала ее тетей. Вот Фрэнка я звала — дядя Фрэнк, а Джо — дядя Джо, но ее я звала только Айн.

Должно быть, в известном смысле вы были очень близки с ней.

Вообще говоря, можно считать, что я была единственным их ребенком.

Она называла вас своей крестницей?

Да. Когда я была маленькой, она два или три раза сказала что-то вроде: «Знаешь ли, я — твоя крестная». А связав мне куколку, она назвала ее запоздавшим подарком от крестной.

Какие еще были у вас контакты с мисс Рэнд и мистером О'Коннором?

Должно быть, мне было лет семь или восемь. Дело было в Хеллоуин. Я ходила тогда в начальную школу Гранта на Харольдвей и Мильтон-плейс в Голливуде. Это было в субботу. Все в этот день должны были прийти в каком-нибудь костюме. У меня ничего подходящего не было, поэтому я решила не ходить в школу. Айн узнала об этом и вместе с Фрэнком явилась в наш дом с костюмом одалиски из студийного гардероба. Должно быть, в то время люди были меньше ростом, поэтому она, обойдясь одними булавками, без особого труда приспособила наряд к моей фигурке. После этого они отвезли меня в школу, строго приказав не порвать и не испачкать костюм, так как в тот же самый день его надлежало вернуть в костюмерную. Поэтому весь день я просидела за партой, не смея пошевелиться. Словом, домой они отвезли печальную маленькую девочку.

А расскажите мне о своих визитах в Чатсворт, происходивших уже много лет спустя[49].

Мы с матерью ездили по воскресеньям в гости к Айн и Фрэнку, когда они жили в Чатсворте на Тампа-авеню. Я радовалась этим поездкам, потому что для меня это было тяжелое время. У меня было трое малышей, и я растила их одна. Поездки эти были для меня как еженедельный отдых в Катманду. Я там просто сидела, сидела и наслаждалась спокойной обстановкой. Для меня эти поездки были выходом из домашней кабалы, во всей тяжести обрушившейся на меня.

Я одна воспитывала троих детей и жила в их детском мире. Так что расслабиться в мире взрослых было чудесно, и я именно таким образом и воспринимала эти поездки. Моей маме их общество и беседы были приятны, и, на мой взгляд, всем им были интересны общие воспоминания. Встречи эти были приятны всем нам, но каждому по-своему.

Мои дети уехали на лето, и мир мой изменился. Моя мать заезжала за мной около двух, потому что тогда заканчивалась служба в церкви, а между двумя и тремя мы выезжали в гости и оставались там до половины шестого или шести. Мои дети каждое лето проводили с отцом.

Я получала возможность вновь сделаться взрослым человеком, наделенным взрослыми эмоциями, заботами и интересами.

Когда начались ваши поездки в Чатсворт?

Я вернулась в Южную Калифорнию в сентябре пятьдесят первого года[50]. Каждое воскресенье я радовалась изменениям своего образа жизни. В подобных случаях черная полоса моей жизни сменялась белой.

Целью ваших визитов было посещение именно О'Конноров?

Нет-нет, все трое были близко дружны. Все трое прекрасно расслаблялись в обществе друг друга. Они разговаривали о таких вещах, которыми я не интересовалась. Мне следовало интересоваться, однако же нет. Разговор шел и шел, но я откланивалась. Мне было тогда под тридцать, но политика не имела для меня особого смысла. Джанет Гейнор[51] и Адриан[52] жили в соседнем доме на углу, и лошади мне очень нравились. Я извинялась и отправлялась погулять и посмотреть на лошадей.

Когда будучи взрослой я встречалась с ними, они разговаривали о политике. Но я не участвовала в беседах, потому что не имела склонности к подобным темам. Конечно, речь то и дело обращалась к делам Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, однако, бывало, и к текущим делам Айн Рэнд; она говорила, что полностью наметила сюжет *Атланта.* Ее кабинет располагался рядом с гостиной, где мы всегда сидели. Там были ковры; стены были обиты коврами на

высоту кресла, так что она работала исключительно в собственном обществе. В кабинет, кроме самой Айн, никто не входил. В гостиной висел портрет Фрэнка[53], который был написан именно там, где висел — в гостиной.

Бывали в их доме другие гости или прислуга?

Нет. Во всяком случае, по воскресеньям. Айн не особо любила готовить. Поэтому угощение ограничивалось холодными сандвичами и какими-нибудь напитками.

Почему прекратились посещения Чатсворта?

О, это было ужасно. До сих пор сердце болит. Я чуть не умерла со стыда. Был такой очаровательный день. Дело близилось к вечеру, на столе лежала какая-то газета, начался разговор о заседаниях [Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности]. Разговор шел уже более получаса. И тут моя мама швырнула в мирную беседу бомбу.

Моя мама за предыдущие годы успела сделаться непримиримой фанатичкой. Она испытывала неприязнь к людям из-за цвета кожи, национальности, в том числе еврейской. Она сделалась большой националисткой. И была в особенности настроена против евреев. И вела себя очень неприглядно, когда дело доходило до ее убеждений. Словом, она сказала нечто вроде: «Конечно, я не в восторге от Гитлера, однако согласна с ним в том, что надо истребить всех этих евреев». Мы не знали, что Айн — еврейка, однако я была просто ошеломлена тем, что такое вообще можно сказать.

А как отреагировали мисс Рэнд и мистер О'Коннор?

Так сказать, после «десяти часов» полного молчания? Эти мгновения показались мне вечностью. А потом спокойным, прекрасно модулированным голосом Айн произнесла: «Ну что ж, Милли, понимаю, что ты никогда не знала этого, но я — еврейка». Наступило полнейшее молчание. Не помню, как мы встали, как собрали вещи. Могу только сказать, что Фрэнк проводил нас до машины. Мне казалось, что она находится в десяти милях, но на всем пути мы не сказали друг другу ни слова. Он открыл переднюю дверь, а потом просунул голову в окно и сказал: «Милли, после всех этих лет знакомства мне жаль, что оно заканчивается таким образом». Моя мать сидела за рулем и смотрела прямо перед собой; мне кажется, она плакала. Просунув руку мимо моей матери, он пожал мне плечо. Я посмотрела на него, он тоже плакал, на этом все и закончилось.

Ужасно печальный конец. Ни одно столь долгое знакомство не должно обрываться столь печальным образом. А если так и случается, то причиной должна быть смерть, а не обида.

И вы никогда больше не виделись с ними?

Никогда.

А почему вы сами не стали поддерживать контакт, без матери?

Я ощущала их боль и обиду. И была слишком растеряна — не знала, что и сказать. Слава Айн в ту пору уже была велика — однако для меня главным были ее любовь и дружба. Так что их утрата была и моей.

И ваша мать так и не извинилась перед ней?

Моя мать за всю свою жизнь ни перед кем ни разу не извинилась. От нее нельзя было услышать даже простого «прости, я просыпала сахар». Так что не в природе моей матери было за что-либо извиняться!

1930-е годы

Дороти Ли

Дороти Ли (Кальдерини) в 1930-е годы блистала в комедиях RKO и знала Айн Рэнд по студийной костюмерной. Она скончалась в 1999 году.

Даты интервью: 20 и 26 сентября 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Дороти Ли: Это произошло в Голливуде, в студии RKO. Я проработала там три или четыре года. Я снималась в комедиях с Бертом Уилером и Бобом Вулси. Мы выпустили первый фильм *Рио-Рита* в двадцать девятом[54].

В каком отделении работала Айн Рэнд?

Она работала в женской костюмерной, неотлучно находилась на рабочем месте, и мы часто приходили к ней на примерку.

Как она одевалась?

Очень просто: в юбку и блузку.

Как вы с Айн Рэнд обращались друг к другу?

Она называла меня «мисс Ли», а я звала ее «Айн».

Чем именно она занималась в костюмерной?

Актрисы приходили к ней на примерку. Мы являлись к ней в примерочную, она сидела за своим столом и направляла пришедшую в комнату номер пять или шесть или еще какую, где и проводилась примерка. Иногда мы проводили там два или три часа, пока одежду подгоняли и подшивали. Время от времени она заходила в комнату, помогала с примеркой или проверяла, что все сделано правильно.

Что делали для вас в костюмерной?

Укорачивали подолы платьев или рукава. Наши костюмы шили именно там. Ну, как если ты заказала портному костюм или платье: приходится ходить на примерки, проверять, чтобы не было слишком длинно или коротко; или если тебе нужно танцевать, платье должно позволять тебе двигаться свободно. Айн действовала очень умело.

А какой она была в обхождении?

О, очень приятной. Она была очень милой и душевной женщиной, и, на мой взгляд, просто чудесно, что она написала все эти книги и добилась такого успеха. Она никогда не рассказывала о себе.

За работой она молчала или говорила?

О, мы всегда болтали о той картине, над которой шла работа,

и о том, что будем делать завтра; вот почему я очень мало знаю о ней. Мы толковали о том, что будем делать завтра на съемочной площадке. Говорили о погоде. О тех, с кем было приятно работать, и так далее. Но никогда о чем-то личном.

А кто еще проходил через примерочную Айн Рэнд?

Джинджер Роджерс[55]. Айн Рэнд знала всех, потому что в костюмерную приходили все актеры. Она, разумеется, была знакома со всеми: с Джун Клайд, Бетт Дэвис, Айрин Данн, Тельмой Тодд. С Кэтрин Хепбёрн. Бывал там и Уолтер Планкетт, знаменитый костюмер, создавший для кино много костюмов[56].

Он был дружен с Айн Рэнд?

Ну конечно.

Много ли народу работало одновременно в костюмерной?

У нас было примерно шесть примерочных комнат. Каждая из актрис обыкновенно пользовалась услугами одной леди, такой, как Айн. Возможно, их было две или три, однако я помню одну только Айн, потому что она всегда обслуживала меня.

Ей нравилась ее работа?

Она работала без внутреннего протеста. Нельзя сказать, что это дело не нравилось ей, работа есть работа, и как я уже говорила, она не могла вести себя лучше. Я никогда не видела, чтобы она как-то раздражалась. Бог мой, она была очень приятной леди.

А вы читали книги Айн Рэнд?

Я люблю *Источник.* Это одна из самых великих книг, которые мне удалось прочесть, а уж кино, о боже мой!

Марселла Рабвин

Марселла Рабвин (урожденная Беннетт) в начале 1930-х была помощником кинопродюсера Дэвида О. Селзника[57] и соседкой Айн Рэнд по дому. Марселла Рабвин скончалась в 1998 году.

Даты интервью: 25 апреля и 24 июля 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Когда вы познакомились с мисс Рэнд?*

Марселла Рабвин: Впервые мы встретились, кажется, в 1930 году. Мы с Айн оказались соседками по многоквартирному дому на Гауэр-стрит, находившемуся как раз напротив студии. Она работала в одной студии со мной, в RKO. Когда мы познакомились, она работала в костюмерной.

А чем вы занимались в RKO?

Я была секретаршей Дэвида Селзника. И пробыла наверху пятнадцать лет.

Вы часто видели Айн Рэнд?

Нет. Но моя мать, Елена Иппс, часто встречалась с ней. Моя мать жила по соседству с ней, а я жила у матери. Мать сходила с ума по ней. Считала ее блестящей особой, каковой она и являлась. Айн была чрезвычайно умна.

Почему ваша мать «сходила с ума по ней»?

Не знаю; быть может, потому, что мать также была родом из России. И еще потому, что Айн была совершенно особенной личностью; она все время разговаривала с моей матерью и рассказывала о своих амбициях. Я не была близко знакома с ней в отличие от матери. Она интересовалась Айн, которая дала ей почитать пару своих рассказов. Мать сказала мне: «Обратите внимание на эту девушку и постарайтесь помочь ей».

Я ответила: «Ничем ей помочь не могу». Но в конце концов мать настолько достала меня, что я поговорила со своим приятелем Ником Картером, являвшимся агентом Майрона Селзника[58]. Я передала Нику рассказы, и он сказал, что они ему не понравились. Он назвал их очень незрелыми. Тогда я сказала: «Попытайся. Попытайся. Попробуй найти незрелого продюсера! Сходи с ними в Universal, Ник, и сделай попытку. Понимаешь ли, эта моя соседка пишет рассказы и по-настоящему голодает. Муж ее не имеет постоянной работы и лишь несколько раз в году ему удается заработать семь долларов в качестве статиста, однако сама она очень энергичная особа и очень хочет продать эти рассказы. Может, посмотришь?» Он ответил: «О’кей, раз уж ты на

этом настаиваешь, я это сделаю». И сделал. Он прочитал их снова и нашел, что они могут подойти Universal. Тогда я ему сказала: «А почему бы тебе в таком случае не взять их и не посмотреть, что может из них получиться?» Он спросил: «А с какого минимального гонорара она хотела бы начать?» Уже не помню, что я там назвала, наверно, тысячу или две долларов за пару. Ничего особо выдающегося рассказы собой не представляли, и любезность он оказал мне, а не ей. Значит, он взял рассказы и носил их с собой уже не помню, сколько, может быть, пару месяцев, а может быть, три. Он усердно работал и хорошо потрудился, потому что продал оба рассказа за три тысячи долларов ноль центов[59]. Это было в те самые дни, когда хлеб стоил как никель. Вернувшись, он выдал ей чек. Денег оказалось достаточно для того, чтобы она смогла оставить работу в костюмерной RKO, которой она тяготилась, и начать работу над романом из жизни русских *Мы живые,* который намеревалась написать. Работа в костюмерной не нравилась ей. Она была человеком другого типа: честолюбивым, горящим страстями.

А вы можете привести мне примеры, это подтверждающие?

Она все время давила на меня. «От Ника что-нибудь слышно? Он что-нибудь продал?» А еще она все время рассказывала мне об этой книге, которую собиралась написать. Айн умела работать, и у себя дома она могла сидеть и писать всю ночь.

А вы никаким другим способом не помогали ей писать и продавать ее рассказы?

Нет. Она продала два первых рассказа и собиралась работать над своим романом, а в следующий раз я услышала о ней, когда роман был уже в типографии.

А каким был Ник Картер? Что вам известно о его жизни?

Невысокий толстяк. Так что никаких иллюзий. Очевидно, он был очень хорошим агентом, потому что сумел продать эти совершенно неходовые рассказы. Кто-то из Universal обнаружил в Айн талант. Тогда о ней никто ничего не слышал, да и сам Ник был малозаметной фигурой.

Какую квартиру вы занимали по соседству с мисс Рэнд по адресу 823 N. Gower-Str [Норт-Гауэр-стрит]?

Я не помню ее номер, только могу сказать, что наша квартира находилась к востоку от нее.

Ваши квартиры находились на одной и той же стороне коридора?

Да.

И долго ли вы прожили там?

Пару лет.

Вам известно, каким образом мисс Рэнд получила работу в

RKO?

Она подала заявление. И они наняли ее работницей в костюмерную[60]. Очень невысокая должность, с очень небольшой платой.

Как вы можете описать ее личные качества?

Такая неделикатная, грубая, даже мужеподобная… разговорчивая, но не чересчур. По прошествии лет, во время наших новых встреч, она все еще сохраняла прежнюю привычку садиться и есть. Фрэнк приносил ей еду, и по своей прихоти Айн ложилась с ней на кровать, диван или усаживалась на пол. Она была очень и очень «сама по себе».

А как при вас выглядели окрестности Гауэр-стрит?

Обыкновенный жилой район. Нижняя часть среднего класса. Айн и Фрэнк не могли позволить себе другое жилье, кроме самого недорогого.

Значит, они были очень бедными?

Это действительно так.

И как тогда складывалась их жизнь?

Им не хватало даже на пристойное питание.

И на что же они жили?

На ее очень скромную зарплату. В это время секретарша получала двадцать долларов в неделю, значит, ей, вероятно, платили пятнадцать[61].

Как одевалась Айн Рэнд?

Убого. Я никогда не видела, чтобы женщина одевалась так плохо, как она. Начнем с того, что у нее была жуткая фигура. И она не пользовалась никакой косметикой.

Вы встречались с какими-нибудь другими друзьями Айн Рэнд?

Нет. Никогда. Не думаю, чтобы у нее были подруги. Они оба никогда ничего не делали, никуда не ездили. Я ни разу не замечала, чтобы она была с друзьями.

И что же они делали?

Ничего. Она приходила домой и валилась спать.

А вечеринки, что-нибудь подобное они устраивали?

О нет. В те дни она была настоящей одиночкой, до тех пор, пока не получила первые деньги и смогла оставить работу и переехать в новое место.

А какой репутацией в те ранние дни пользовалась Айн Рэнд среди знакомых?

Не знаю, кто там с ней знакомился, потому что она пробкой вылетела из прежней квартиры. Она хотела квартиру побольше и получше. Я так поняла, что она стремилась начать новую жизнь, и моя помощь пригодилась ей в этом.

Вы видели, как она писала?

Она писала ручкой и чернилами в блокноте восемь на десять дюймов.

Вы поддерживали с ней контакт после того, как она съехала из квартиры?

Нет. Не поддерживала, но уверена, что это делала моя мать[62].

Пока вы жили на Гауэр-стрит, случалось ли, чтобы Айн Рэнд расспрашивала вас на философическом уровне о том, что вы хотите от жизни? О том, какова ваша цель?

Нет. Я думаю, что она и так прекрасно понимала, в чем заключается цель моей жизни. Мы встретились снова уже после того, как я переехала в элегантный и богатый дом на Беверли-Хиллз, и тогда она ничего не спрашивала у меня, наверное, потому, что это я все время расспрашивала ее.

Так какой же была тогда цель вашей жизни?

Я добилась ее. Я стала женой и матерью. У меня четверо детей. Сначала я хотела работать, а потом захотела детей. И поступила соответствующим образом. В 1942 году я оставила Голливуд и вышла замуж.

Ваша жизнь в Голливуде сложилась успешно. Какую цель вы преследовали тогда?

Я получила то, чего хотела. А хотела я стать секретарем у важного продюсера и стала им.

А почему вы хотели стать именно секретарем?

Наверно, потому, что не считала себя пригодной к чему-то еще. Я понимала, что писателем быть не могу. Актрисой тоже. Я прошла кинопробу. Итог ее был ужасен. И поэтому я поняла, что могу преуспеть только в области производства.

Обладали ли вы в ту пору какими-нибудь твердыми убеждениями в отношении работы или других предметов? Что вы представляли собой как личность?

Я была очень добросовестной девушкой.

А не можете ли вы припомнить какие-нибудь убеждения или мнения, высказывавшиеся Айн Рэнд?

Она ненавидела Россию. Она презирала коммунистическую систему. Она лезла из кожи, пытаясь разоблачить ее. И думала, что сделала это в романе *Мы живые.*

Она высказывала вслух свою ненависть к коммунистам?

О да. О да.

И как выражалась при этом?

Теперь уже не помню. Могу сказать, что во время общения с ней у меня создалось впечатление, что Россию она ненавидела и абсолютно презирала. Она была счастлива, что ей удалось унести оттуда ноги, саму систему она ненавидела. Так она говорила

сама. Она хотела уехать из этой страны и уехала из нее. И еще говорила мне, что намеревалась написать *Мы живые* как разоблачение истинной сущности России. Это было ужасно.

В своем письме, написанном в 1936 году, она выражала вам огромную благодарность за помощь.

О да.

И каким же образом она ее выразила?

Она поблагодарила меня. В ту пору она была не слишком многословной. Она разговаривала как иммигрант, потому что еще не так долго пробыла в этой стране[63].

Каким образом это выражалось в ее речи?

Через отсутствие языкового опыта. Она не была еще хорошо знакома с языком. Но тем не менее изъяснялась с достаточной уверенностью. Она была умной девушкой.

Мы говорили о том, как вы помогли ей продать рассказы и что она казалась очень благодарной за это.

Не знаю, что вам сказать. Она, конечно же, не забыла этого, хотя, безусловно, я была ей безразлична. Ну, в том смысле, что она не собиралась любить и обожать меня. По сравнению с ней я вращалась в существенно высших сферах. Она была не из тех людей, кто станет заглядывать снизу вверх в чьи-то глаза, но и не станет смотреть на кого-то сверху вниз. Вниз-то она могла смотреть, но ко мне никакого подобострастия не проявляла. Хотя и не забыла меня.

Я сыграла важную роль в ее жизни. И чувствовала, что она является моим протеже. Я помогла ей ступить на писательскую стезю.

Вы еще храните это или ее другие письма?

У меня было совершенно удивительное письмо. Очень длинное к тому же.

Оно было рукописным?

Да. И я хранила его, хранила, хранила, а потом однажды начала разбирать свои бумаги. Я как раз собиралась переезжать, и потому избавлялась от всего, что можно было выбросить. Я продала ее письмо. Поступок этот разорвал мне сердце, сама не знаю, почему я так поступила. Ведь к тому времени Айн была очень и очень знаменита.

Согласно материалам, имеющимся в нашем Архиве, мисс Рэнд была очень благодарна вам за помощь в самом начале ее писательской карьеры.

Знаете, я рада этому. Она никогда не выражала лично мне свою благодарность, но засвидетельствовала ее, приняв от меня приглашение на обед.

Расскажите мне об этой последней вашей встрече с Айн Рэнд.

Они с Фрэнком посетили мой дом в Беверли-Хиллз примерно через десять лет после начала нашего знакомства, и тут-то мы как раз и поссорились. Я очень удивилась, когда она явилась ко мне.

Почему?

Потому что все эти десять лет я совершенно не общалась с ней. Мне и в голову не приходило, что она может стать подобной знаменитостью. Для меня она была просто соседкой, приехавшей из России девчонкой.

Она заметно переменилась с момента вашей последней встречи?

Ни на грош. Мы сидели в нашем логове. Камин был растоплен, она стояла, прислонившись к каминной доске, и что-то рассказывала. Мне было интересно узнать, как обстоят их дела.

Я сказала ей о том, что мне понравился *Источник*, и она спросила, что я думаю о ее философии и об изложенных в романе теориях. Я ответила, что не заметила в нем никакой философии, и она сказала, что как же я тогда могу говорить, что он мне понравился. Я ответила, что мне понравилось само повествование, оно весьма увлекательное. Она разозлилась и уехала, после чего я с ней более не встречалась. Она гордилась именно своей философией.

А вы были не согласны с некоторыми ее положениями?

О да. Я была не согласна с тем, что философия представляет собой наиболее существенный элемент. Она стояла возле каминной доски и смотрела на меня злыми глазами. Она и в самом деле была неприязненно настроена ко мне, когда я это говорила. Она была очень горда.

Я была не согласна со всей философией ее жизни. Я не считаю, что свою жизнь надлежит проживать только ради себя самого. Ее философская идея заключалась в том, что человек должен обретать счастье в себе самом; что ты должен делать то, что хочешь делать, и когда хочешь этого. На мой взгляд, это просто отвратительно. Это не просто эгоизм. Это какой-то эгоизм в высшей степени.

А вы не помните каких-либо деталей политических воззрений Айн Рэнд?

Нет. Быть может, мы не подружились именно потому, что придерживались столь различных политических взглядов. Я — бескомпромиссный демократ. Я и в самом деле не верю в предлагаемую ею экономическую систему.

Вы видели фильм Источник?

Да. Он мне понравился. Хорошая иллюстрация к книге. Неплохой фильм.

А какие персонажи Источника *особенно вам понравились?*

Доминик и Рорк, я их полюбила.

Что вам понравилось в Рорке?

Рорк — сильный, молодой, честный, мужественный архитектор. Он прекрасно изображен в романе. Чудесный человек.

Вам не кажется, что он похож на Айн Рэнд?

Похожа на Айн Рэнд скорее Доминик.

Чем именно?

Своей силой.

А что вы думаете о Питере Китинге?

О ком?

О другом ее герое, архитекторе, который поднялся наверх, манипулируя другими людьми?

Да. Да. Был такой. Я его не слишком хорошо помню. Кажется, в романе он играет роль злодея[64].

Марна «Докки» Вулф

Докки Вулф — племянница Фрэнка О'Коннора.

Даты интервью: 9 и 11 июля 1996 года; 30 сентября 1996 года; 21 октября 1996 года; 21 февраля 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Набросайте для меня контуры фамильного древа О'Коннора.*

Докки Вулф: Фрэнк О'Коннор является моим дядей с материнской стороны. Моя мама Агнес О'Коннор Папарт — сестра Фрэнка. Она была старшей среди девиц О'Коннор и родилась в 1899 году.

Фрэнк О'Коннор родился 21 сентября 1897 года.

Да. Фрэнк и его брат Джо были старше ее. Гарри, которого мы звали Никки, был единственным из братьев О'Коннор, которого я знала всю свою жизнь. Он умер, когда мне было восемнадцать, а Билл, младший из мальчиков, всегда жил рядом с нами.

Младшую сестру моей матери звали Маргарет, она умерла еще до того, как я родилась в 1927 году. После брака ее фамилия была Родс. Самую младшую звали Элизабет, и после брака она носила фамилию Донахью.

Мать Фрэнка носила имя Минерва, но в семье ее звали Минни. Девичья фамилия ее была Сесиль, и она вышла замуж за моего деда Денниса О'Коннора. Моего отца звали Аллен Папарт. На самом деле его звали Аарон Мозес, однако он англизировал свое имя до Аллена Мерля. Думаю, что мой дед Ай Джи (Папарт) приехал в Америку из России. Он был евреем.

У меня две сестры — Мими, это сокращение от Мириам, и Конни, которую на самом деле зовут Элизабет О'Коннор. Она родилась в 1931 году. Еще у меня есть брат Ли — он на четыре года старше меня.

На что был похож Лорен, когда вы там жили в тридцатые годы?

Это был небольшой городок с населением примерно в двадцать пять тысяч человек. В нем находились два крупных предприятия. Металлический завод Thew Shovel Company, выпускавший большие промышленные экскаваторы, и так называемая Stove Company. Во время Второй мировой войны Stove Company выпускала запчасти к самолетам. Там работала моя мать.

Река разделяла городок на две части: Лорен и Южный Лорен;

Южный Лорен находился по плохую сторону тропы. О'Конноры жили на правильной ее стороне.

Расскажите подробнее о семействе О'Конноров.

Моя мать может поблагодарить своих братьев за то, что они воспитали ее в понимании того, что она на самую малость лучше всех прочих, и понимание этого помогло ей в жизни. Помилуй бог, не стоит принимать ее за бедную ирландку. Она говорила, что мальчики научили ее манерам, научили вести себя в обществе и не видеть в себе бедную ирландскую девчонку из Лорена.

Мой дядя Никки был из тех, кого моя мать называла воображалами. Я с детства запомнила, что наш род по прямой линии происходит от последнего ирландского короля Родерика О'Коннора. В моей семье говаривали о нищих ирландцах и о богатых ирландцах и так далее. Они, безусловно, не воспринимали себя как нищих ирландцев — по крайней мере, если верить моей матери и дяде Нику. Моя мама была даже отчасти снобом.

Расскажите мне подробнее о матери Фрэнка О'Коннора.

Я знаю о ней немного, потому что она умерла, когда моя мама была еще девяти- или десятилетней девочкой. Мать кое-что рассказывала мне о ней, и, судя по ее словам, она была красавицей. Смутно помню, что она была англичанкой, а мой дед — типичным симпатичным ирландцем. Согласно семейному мнению, с ее стороны это был мезальянс.

А ваша мать рассказывала вам о себе самой и своих братьях и сестрах?

О да, она часто рассказывала о тех представлениях, которые они устраивали на заднем дворе, и о том, как братья учили ее кататься на коньках и на велосипеде.

А что это были за представления?

Скетчи. Я думаю, что тексты большей части из них писал Джо. Но, наверно, свою руку прикладывали все заинтересованные лица, за исключением девочек, которых заставляли принимать в этом участие.

Расскажите мне о своем дяде Джо О'Конноре.

Я никогда не встречалась с ним. Он постоянно находился в разъездах как странствующий актер, и родные не поддерживали с ним постоянных контактов. Он разъезжал по стране с шекспировской труппой. О его смерти нас известила письмом женщина из этой труппы. Моя мать получила его страховку, так что он, очевидно, следил за нами. Джо умер где-то в начале сороковых годов. Мне казалось, что труппа принадлежала ему, что он был ее директором или менеджером, а скорее всего и актером. Ник, как и Джо, не вступал в брак, однако у него была

постоянная подруга.

Мой дядя Ник жил в Нью-Йорке в то же время, что и Фрэнк с Айн, а потом и умер в этом городе. Оба моих дяди, Джо и Ник, были отравлены газами во Франции во время Первой мировой войны. Оба находились на пенсии по инвалидности, в связи с повреждением легких. У меня есть фотография Джо в армейском мундире.

Когда вы впервые познакомились с Айн Рэнд и Фрэнком О'Коннором?

Впервые мы встретились, когда я училась в пятом или шестом классе и мне было девять или десять лет. Тогда она подарила мне первые в моей жизни коньки. Это было великолепно. Отец умер, когда мне было четырнадцать лет. Я помню, что на его похоронах присутствовал дядя Билл, однако у меня есть чувство, что Айн и Фрэнк тоже там были. Кажется, это было в 1943 году.

Потом, когда я уже была подростком, Айн присылала нам сногсшибательные наряды[65]. В те дни у нас с Мими был один размер одежды, а потому мы буквально сражались за то, кому что достанется. Она не была близка нам, но относилась по-доброму.

А как вместе смотрелись Айн Рэнд и Фрэнк О'Коннор?

Айн всегда была у них главной. Помню, однажды за ужином Фрэнк выпил пару коктейлей и захотел еще получить мороженое на десерт. Тогда она заявила, что он не должен есть мороженого, потому что уже выпил пару коктейлей и от холодного десерта с ним приключится полиомиелит. Он только улыбнулся, однако мороженого есть не стал. Я сказала тогда нечто в том духе, что если человек считает себя реалистом, то как может он верить в подобные бабьи сказки? Она ответила: «Все равно надо соблюдать осторожность — кто знает, что окажется на деле сказкой, а что нет».

Мне кажется, в те дни Айн несколько тиранила его в стиле: «Застегни куртку, не ешь так торопливо» — и так далее. Она говорила с горячностью. Он без возмущения соглашался со всем, что она говорила. Я никогда не слышала, чтобы он с ней спорил.

Расскажите о ваших отношениях с ними.

Наши отношения были непринужденными и родственными. Я симпатизировала ему, и, как мне кажется, он симпатизировал мне, однако жили мы все-таки далеко друг от друга. Став взрослой, я не часто встречалась с Айн. Они жили в Калифорнии. А я — в Огайо. Так что встречались мы лишь во время регулярных семейных визитов, когда она приезжала на восток.

Какое у вас сложилось впечатление о Фрэнке О'Конноре?

Он был очень милым человеком. И одним из самых любимых моих дядей. Когда ты общаешься с человеком, нетрудно понять,

когда он относится к тебе с искренней симпатией или хотя бы не относится к тебе свысока, как к ребенку. Он так никогда не поступал и всегда был очень милым и терпеливым.

Когда мой сын Марк [родился в 1948 году] был совсем мал, мы жили во Флашинге, Нью-Йорк, и бывали в гостях у Айн и Фрэнка, когда они приезжали в Нью-Йорк. В это самое время мой сын впервые пошел — в направлении Айн. Она носила на груди цепочку или брошь с небольшим золотым знаком доллара, и, шагнув к ней, он вцепился в этот знак. Айн была в полном восторге и сказала: «Вот, это мой истинный внучатый племянник».

А впоследствии Марку случалось бывать в гостях у мисс Рэнд или мистера О'Коннора?

В шестьдесят восьмом он занимался музыкальным бизнесом, записывал выступления музыкантов и намеревался отправиться в Нью-Йорк по делам. Он сказал, что ему хотелось бы повидать Айн и Фрэнка; он не видел их с младенческих лет, а теперь ему исполнилось двадцать. Поэтому он позвонил Мими, чтобы узнать от нее номер их телефона, и Мими ответила: «Ладно, только я сперва позвоню Айн и предупрежу ее о твоем появлении». Сделав это, Мими со смехом сообщила нам: Айн захотела узнать, не принадлежит ли Марк к этим грязным и длинноволосым хиппи. Мими ответила ей: «Он у нас длинноволосый, но чистый».

Значит, длинные волосы Марка смущали ее?

Ну, не тогда — тогда все мальчишки ходили с длинными волосами. Приехав в Нью-Йорк и уладив свои дела, Марк позвонил Айн. Она спросила, а настолько ли интересный он человек, чтобы провести с ним вечер. Он ответил, что достаточно интересный. Они пригласили его к себе, и он сказал, что провел с ними очень приятный вечер. Это происходило после съезда демократов в Чикаго, потому что я помню, что они о нем говорили[66].

Какое самое сильное воспоминание сохранилось у вас от Айн Рэнд?

У нее не было абсолютно никакого чувства юмора.

То есть она никогда не смеялась над вашими шутками или не смеялась над шутками вообще?

Нет, и когда я пыталась острить в стиле пятнадцати-семнадцатилеток, она воспринимала мои слова всерьез.

Можете припомнить пример?

Я ее видела в девять лет, а потом не встречалась с ней до того, как они приехали на семейные похороны. Она села рядом, чтобы завести разговор и сказала: «Расскажи-ка мне, Докки, что ты думаешь?» Вполне логичным образом я ответила: «О чем?» И

она сказала: «О чем угодно, мне хочется понять, как работает твоя голова». Я была еще ребенком и поэтому завернула ей целую историю. Она восприняла ее совершенно серьезно и принялась обсуждать со мной. Я ее надувала, а она этого не заметила.

Впрочем, другая история свидетельствует об обратном: чувство юмора у нее было. Моя дочь Марта была несчастным ребенком, она родилась с врожденным пороком сердца[67]. Когда ей исполнилось три или четыре года (брат ее, Марк, был на семнадцать месяцев старше), Марта плакала, потому что у нее был очередной приступ, и он спросил: «Мамочка, а почему у нас Марта так часто болеет?» Я ответила: «Когда Марта собиралась появиться на свет, Бог допустил ошибку». Моя свекровь, истинно правоверная еврейская леди, услышав эти слова, сказала мне: «Как ты смеешь говорить моему внуку, что Бог может ошибаться?» Впоследствии, разговаривая с Айн о ее атеизме, я передала ей эту историю. Она посмотрела на меня, чуть заметно улыбнулась и сказала: «Как ты смеешь говорить моему внучатому племяннику, что Бог существует?»

Айн Рэнд присылала вашей семье экземпляры своих романов, пьес или рукописей?

Она присылала нам экземпляры *Источника* и *Атланта*. Когда *Источник* вышел в свет, мне было то ли четырнадцать, то ли пятнадцать. Я прочла эту книгу, и когда она поинтересовалась моим мнением, я сказала: «Мне кажется, что вы создали всю эту книгу затем лишь, чтобы написать речь в суде».

И что же ответила мисс Рэнд?

Она сказала: «Толковая девушка».

А мисс Рэнд что-нибудь рассказывала вам о своих романах или других произведениях?

Во время написания *Атланта* она рассказывала мне, как ходила на железную дорогу и все такое. Помню, как она говорила, что ездила на паровозе и ей подарили кепку механика.

Книгу эту она писала целую вечность, и я спрашивала ее: «Когда же ты наконец допишешь?» Она отвечала: «Наверно, на будущий год».

После выхода в свет *Источника* помню, как от большого ума и уверенности в себе я спросила: «Айн, а как ты писала эпизоды про секс?» И она ответила: «А ты спроси своего дядю Фрэнка, дорогуша».

И что ответил дядя Фрэнк?

Он только улыбнулся.

Так, значит, у нее все-таки было чувство юмора.

Да, иногда оно прорывалось на поверхность, но она все-таки запомнилась мне как человек, лишенный его. Конечно, это всего

лишь мое личное детское впечатление.

Полагаю, что мисс Рэнд помогала вам учиться в школе?

Я не окончила старшие классы, потому что проявила слишком большие способности и меня перевели в спецкласс.

Значит, в Кливленде вы посещали школу для одаренных детей?

Да. Я была в классе для одаренных детей с младшей школы, класса, кажется, с четвертого, а в шестнадцать, как и многие дети, стала плохо учиться. Я тогда переживала стадию проявления подростковой дури. Поэтому моя сестра Мими очень постаралась, чтобы я вернулась в школу. Папа к тому времени уже умер, и наша мама жила на положенную вдове ветерана пенсию в девяносто девять долларов в месяц и воспитывала троих подростков, не считая Мими.

Я работала, а Мими хотела, чтобы я вернулась в школу. Если вы читали относящиеся к этому эпизоду письма в *Letters of Ayn Rand,* то знаете, что я не принимала участия в этих переговорах. Айн, во всяком случае, смилостивилась и спросила, что я об этом думаю. Я сказала, что хочу вернуться и закончить учебу. Впрочем, наверное, Мими и Айн питали в отношении меня какие-то надежды и считали меня одаренной. Айн оплатила год моего пребывания в школе, и когда я вернулась туда, мне надо было окончить курс за год, однако возвращение мое пришлось на апрель, а учебный год, как всегда, начинался первого сентября. Так что мне следовало уложиться в один семестр и закончить свои дела в июне. В следующем семестре мне полагалось завершить обучение, однако срок моей оплаты истекал в апреле. И Мими забрала меня из школы, поэтому выпускных экзаменов я не сдавала. В одном из тех писем вы можете прочесть, как Айн пишет, что Докки обещала сдать экзамены, но не сдала. Но в конечном счете я это сделала и уже собственными усилиями сдала экзамен по программе GED[68].

Вы сообщили Айн Рэнд о том, что окончили школу?

Думаю, что да. Айн говорила, что не верит в благотворительность, так что я спросила у нее: «Если ты не веришь в благотворительность, то зачем оплатила мое пребывание в школе?» Она ответила: «С моей стороны это была не благотворительность, а капиталовложение. И моим доходом стало бы твое окончание школы». А потом добавила: «Но экзамены ты не сдала».

Но к этому времени дело как раз обстояло наоборот. Мими однажды написала Айн письмо, в котором сообщала, что заставила меня прочесть то-то и то-то, и она ответила, что одобряет выбор Мими, и приписала: «Могла бы посоветоваться со мной, потому что я могу кое-что порекомендовать». Однако ее

рекомендаций в письме нет, поэтому я не знаю, что именно она имела в виду.

Расскажите мне о вашем муже Фабиане.

Фабиан был фокусником, и когда мы поженились, я была его ассистенткой. Мы давали комическое представление с фокусами, и, по правде сказать, я показывала фокусов больше, чем он. Айн и Фрэнк превосходно ладили с Фабианом. Мой муж в это время состоял в U.S.O.[69] и давал представления в госпиталях. Прежде они никогда не встречались и наконец сразу вдруг подружились в Калифорнии, в 1948 году.

И почему они так понравились друг другу?

Он умел занять людей, и Айн, при всем своем блеске и уме, воспринимала многое очень по-детски. Ей очень нравилось, что будучи фокусником он показывает ей личные представления.

А расскажите, как ваш муж впоследствии фотографировал мисс Рэнд?

Мы переехали в Чикаго в декабре 1950 года, поэтому это было чуть позже — когда мы находились в Нью-Йорке на съезде фокусников и иллюзионистов.

Мы провели вечер в обществе Фрэнка и Айн. А потом отправились куда-то ужинать, после чего вернулись в их апартаменты. Фаби прихватил с собой свой фотоаппарат, и я помню, как он делал снимок.

Кажется, в тот вечер он снимал еще и меня с Фрэнком. Но в основном мы разговаривали. По-моему, в то время Фрэнк жил в том же доме в отдельной квартире, где занимался живописью.

Впоследствии в Нью-Йорке мой муж сделал фотопортрет Айн, стоящей перед другим своим портретом. Он был известным фотографом, и работы его отмечены призами.

Случалось ли вам разговаривать с мисс Рэнд о тех фильмах, которые ей нравились?

Нет, но во время одного из ее приездов из Калифорнии в Нью-Йорк мы с Айн и Фрэнком долго беседовали. Она привезла с собой рукопись сценария, который тогда писала, и заставила нас с Фрэнком прочесть сценку из него. Мне было тогда лет девятнадцать, и читать любовную сценку на пару с пожилым дядюшкой… до сих пор помню, как я была тогда смущена. Не помню, как сценарий назывался, однако это была мрачная и задумчивая вещь наподобие *Грозового перевала*[70].

А какова была цель этого чтения?

Думаю, что ей просто было интересно. Она знала, что до рождения Марка я какое-то время работала вместе с мужем на сцене. Подумала, что мне будет интересно вернуться в театр, и устроила мне пробы.

Ваша сестра Мими очень долго поддерживала отношения с мисс Рэнд и мистером О'Коннором.

Мими, родившаяся в 1918 году, примерно с пятнадцати лет гостила летом у Айн и Фрэнка, поэтому они действительно были очень близки. Мими была воистину близка им обоим. На мой взгляд, она была для них суррогатом собственного ребенка. Думаю, что Мими любила Айн и дорожила ее дружбой, а Фрэнк попросту был ее любимым дядюшкой. Мими рассказывала, как они ходили в театр, где-то обедали и посещали местные достопримечательности, как, например, музеи. Думаю, что они с Фрэнком много где побывали. Когда в Нью-Йорке бывал мой дядя Ник, он разделял их компанию.

Они умели развлечь себя. Мими много рассказывала о том, как она проводила у них лето. Она гостила у них во время дебюта пьес *Непобежденный,* написанной по роману *Мы живые* [1939], и *Ночью 16 января* [1935]. Она рассказывала, что во время вечеринок Фрэнк передавал Айн небольшие записки со словами: «Поговори со своей кузиной Лотси» или «Бога ради, побеседуй с таким-то или такой-то». Она не была наделена личным обаянием. И общение подобного рода было для нее только пустой тратой времени.

Мими рассказывала мне, что Айн приучила свою кошку ходить на унитаз вместо ящика с песком. Ребенком я была в восторге от этого факта.

А Мими разделяла философию Айн Рэнд?

Не знаю уж, в какой степени. После выхода в свет *Атланта,* в 1963 году, Айн провела беседу в Чикаго — в Маккормик-плейс. На ней присутствовали Мими, я и Ферн Браун вместе с семьей — все родственники Айн в полном составе. После того как Айн закончила выступление и в зале зажегся свет, за нами зашел Фрэнк. Они пригласили нас на коктейли, где познакомили с племянницами Фрэнка О'Коннора. Дэвид, муж Мими, был вице-президентом большой фармацевтической компании, все их друзья были банкирами и так далее — так что одна невысокая женщина спросила у Мими, что ее друзья думают о книге Айн *Атлант расправил плечи.* Мими посмотрела на нее и сказала: «Ну, откровенно говоря, мои друзья слишком заняты для того, чтобы читать: они зарабатывают деньги». Думаю, что в этих словах и выражено ее отношение к философии Айн: следовать ее положениям, а не читать о ней.

Мими непрерывно переписывалась с Айн в течение многих лет. В последние годы писем стало поменьше, потому что они почти каждую неделю разговаривали по телефону. Перед концом жизни Фрэнка, когда он тяжело болел, Айн предложила Мими

переехать к ним с Фрэнком и ухаживать за ним за деньги.

И Мими так поступила?

Нет. Во-первых, потому что она не хотела перебираться в Нью-Йорк, отрываясь от семьи, детей, внуков и так далее. И во-вторых, потому что она не ощущала себя физически в состоянии ухаживать за Фрэнком. Последнюю пару лет своей жизни она и сама тяжело болела[71].

Когда вы в последний раз видели Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора?

В 1980 году она приехала в Чикаго, чтобы присутствовать на шоу «Донахью» [«Шоу Фила Донахью»[72]]. Фрэнка в это время уже не было в живых. Мими съездила в город и пообедала с ней, а вечером того же дня мы все втроем заглянули к кому-то в гости. Айн и Мими провели вместе куда больше времени. Я работала.

И как она выглядела?

Я смотрела шоу «Донахью» в своем офисе и помню, мне показалось, что она хорошо выглядит. Встретившись с ней, я сказала: «Ты неплохо выглядишь», а она спросила: «Неплохо по сравнению с чем?» или «А как, по-твоему, я выгляжу плохо?» На что я ответила: «С моей точки зрения, ты выглядишь неплохо».

Когда вы в последний раз видели Фрэнка О'Коннора?

Наверно, когда была в Нью-Йорке с программой фокусов. Мы с Фаби приезжали в Нью-Йорк три или четыре раза и всякий раз посещали их. Или где-нибудь обедали вместе, или просто проводили час или два в их квартире.

Фрэнк послужил моделью для краткого изложения Источника *в виде комикса. Ваша семья читала этот комикс? Вы были удивлены этим фактом?*

Ни в коей мере. Удивляться было нечему: она всегда говорила нам, что пишет своих героев с Фрэнка.

1940-е годы

Пол С. Натан

Пол С. Натан познакомился с Айн Рэнд в начале 1940-х годов, когда она работала внешним рецензентом литературного отдела Paramount в Нью-Йорке, а он был помощником редактора драматургического отдела. Мистер Натан писал о фильме *Источник* в своей колонке «Экранизации книг» в *Паблишерз уикли*[73] (11 июня 1949 года). Мистер Натан скончался в 2009 году.

Дата интервью: 6 марта 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Пол С. Натан: Я приехал в Нью-Йорк из Калифорнии в 1936 году и был заинтересован главным образом театром. Я пытался найти себе работу рецензента в одной из кинокомпаний; наконец такой шанс мне предоставили в RKO. Сама студия находилась в Калифорнии, однако имела офисы в Нью-Йорке. Занимаясь этим вопросом, я вошел в контакт с Paramount Pictures. И они быстро пригласили меня к себе рецензентом.

Где они размещались тогда?

На Таймс-сквер, в здании Парамаунт. Поэтому я какое-то время рецензировал для них, а потом, после того как я переговорил с литературным редактором Ричардом Холлидеем, который впоследствии женился на Мэри Мартин[74], меня сделали помощником редактора драматического отдела. В это время я и познакомился с Айн Рэнд.

А вы помните вашу первую встречу?

Нет, не слишком, рецензенты приходили и уходили. И мне приходилось в той или иной мере знакомиться с ними лично. Это произошло в 1936 или 1937 году. Примерно тогда или в начале следующего года я встретился с Айн, и тогда мне показалось, что она движима своими переживаниями. Она, кажется, была из России, пережила там ужасное время, оставившее о себе жуткие воспоминания.

Почему вы так решили?

Потому что она была ярой антикоммунисткой.

Она также была рецензенткой в MGM. Где находилась их нью-йоркская контора?

На Седьмой авеню или на Бродвее, где-то в районе Таймс-сквер.

А как Айн Рэнд одевалась, когда посещала вас?

Помнится, она выглядела несколько драматично. У нее были тогда такие острые черты лица. Не могу сказать, так ли это или же она казалась такой благодаря общей погруженности в какие-то важные личные дела. Я представляю себе как бы серо-стальные, коротко стриженные волосы. Помню короткую прямую стрижку с зачесом назад и, быть может, — если не подводит память — морщинку между бровей… такую, напряженную.

Как она держалась?

Серьезно, без всяких вольностей. Думается, она предпочитала несколько театральную манеру. Я никогда не воспринимал серьезно то, что она хотела представить миру, однако считал ее интересным человеком.

Джек Бангей

Джек Бангей в течение пятнадцати лет работал ассистентом кинопродюсера Хэла Уоллиса[75], а в 1946 году был секретарем мисс Рэнд.

Даты интервью: 6 и 10 июня 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с мисс Рэнд?*

Джек Бангей: Я познакомился с Айн во время съемки *Источника* студией Warner Brothers. Это произошло в студии, когда она пришла писать для нас сценарий. Я работал тогда на Хэла Уоллиса, являвшегося начальником производства студии Warner Brothers. А потом несколько месяцев в 1946 году жил вместе с Айн и Фрэнком в их доме в долине.

Что вы делали для мистера Уоллиса?

Я был кем-то вроде привилегированного мальчика на посылках. Я занимался буквально всем. Мне приходилось работать с режиссерами, актерами, костюмерами, искать для него таланты, а если что-то шло не так — исправлять ситуацию. Не думаю, что в то время, когда он работал с ней, на Уоллиса работало слишком много писателей.

Как долго вы проработали у Хэла Уоллиса?

Почти пятнадцать лет. Я окончил колледж, когда он работал над *Касабланкой* [в 1942 году].

Расскажите мне о взаимоотношениях мисс Рэнд и мистера Уоллиса.

Могу сказать только то, что как босс и автор они ладили превосходно. Я никогда не слышал, чтобы они спорили. Они обнаруживали полное единодушие, чем я был отчасти удивлен. Потому что заранее предполагал наличие между ними некоторых разногласий. Оба они принадлежали к числу доминирующих людей, однако способны были обсуждать свои мнения.

Какой была тогда Айн Рэнд?

Прекрасные глаза, прекрасные черные волосы, очень заметные губы, привлекательное лицо, не слишком широкая, но обворожительная улыбка. Но поверьте, когда ты смотрел на эту женщину, то сразу понимал, с какой активной и живой личностью имеешь дело. Это было видно по ее лицу. Оно буквально дышало женской сущностью. Это было удивительно. Она была очень чувственной женщиной. Это сразу ощущалось.

А как она двигалась? Была ли наполнена энергией, высоким

напряжением?

О да. Именно высоким напряжением… причем постоянно. Оставалось только гадать, способен ли этот аккумулятор когда-нибудь сесть. Это чувствовалось буквально во всем. Она не позволяла себе ни мгновения расслабленности. Мыслительный процесс шел в ней без остановки. Эта машина никогда не выключалась. И этот магнетизм, это динамо, крутившееся внутри этой женщины, никогда не отключалось. Оно вращалось все двадцать четыре часа в сутки, и я, бывало, удивлялся тому, что она вообще способна спать. Я обожал ее.

Но, должно быть, время от времени она все-таки производила впечатление утомленной или усталой?

Я никогда не замечал ничего подобного.

А почему вы поселились вместе с мисс Рэнд и мистером О'Коннором?

Они сами попросили меня об этом. Наверно, потому, что она хотела постоянно обсуждать со мной возникающие у нее вопросы. В то время я лучше нее разбирался в кинопроизводстве. Но я не работал специально на нее, у меня оставалась моя работа в студии. Я приходил в дом и уходил из него. Я, как и прежде, работал на киностудии и, откровенно говоря, не могу сказать, по какой причине поселился с ними, если только не считать того, что она сама попросила меня об этом, а мне было приятно их общество.

Айн работала тогда на старой пишущей машинке «Роял», я даже не поверил своим глазам. На старой, шаткой, раздолбанной машинке. Я позвонил в фирму «Роял» и растолковал им ситуацию: дескать, Айн Рэнд, знаменитая писательница, вынуждена печатать на старой пишущей машинке вашей фирмы — и они прислали ей новую с иголочки. Получив ее, Айн пришла в восторг, она была очень счастлива. Новая машинка ей полюбилась[76].

Опишите, как мисс Рэнд работала в студии и дома.

Она писала отрывки сценария дома, приносила их в студию и отдавала на переписку. Их отправляли различным людям и все такое. По-моему, она приносила рукописные тексты. Не помню, чтобы она печатала их.

Можете ли вы что-нибудь сказать о методике работы мисс Рэнд, какой вы ее видели?

Нет, потому что она запиралась в комнате, в библиотеке, и не выходила из нее. После завтрака она ни с кем не разговаривала. Так что, когда она работала, мы с Фрэнком уже не беспокоили ее. Никогда. Ее не следовало отрывать от работы целый день.

Она тогда работала над сценариями или над Атлантом?

Над *Атлантом.*

Она выходила к ланчу или по какой-нибудь другой причине?

К ланчу она выходила, но иногда разговаривала с нами, а иногда нет.

Мистер О'Коннор всегда присутствовал на ланче?

Да, всегда. Будет она говорить с нами или нет, всегда оставалось на ее собственное усмотрение. Если она говорить не хотела, молчали и мы — значит, она была занята размышлениями. Однако было очень интересно следить за человеком, настолько погруженным в работу.

Что она делала по вечерам?

Мы ужинали, разговаривали и все такое. Она была очень общительной.

А вы много разговаривали с ней на философские темы?

Достаточно много.

А были у вас особые темы?

Нет. По большей части помню, как она говорила мне: «Когда ты начнешь писать?»

И она давала вам какие-то конкретные советы?

Нет. Просто говорила: начинай, а я потом помогу. А кроме того, подписала подаренную мне книгу: «Созревающему писателю». Я очень, очень ценю этот подарок. Она хотела, чтобы я стал писателем. Это был ее пунктик: «Ты должен, ты должен, ты должен…»

И вы стали писать?

Немного и недостаточно. Мне следовало бы написать о внутристудийной жизни.

А о чем еще вы разговаривали с ней?

Она расспрашивала меня о Голливуде, каким я его знал. Голливудские персоналии всегда интересовали ее. Каковы они сами, какой образ жизни ведут и все такое. Она любила музыку.

А каким образом она ее слушала?

На этот счет у нее был свой маленький фокус. Она ходила по дому с тросточкой и выстукивала ею какой-то чечеточный ритм. Выходила по вечерам со своей тросточкой, выстукивая тустеп. Ну, что-то вроде [Марлен] Дитрих. Минут десять или пятнадцать. Какой-нибудь передававшийся по радио мотив, насколько я помню. Мы с Фрэнком смотрели на это и веселились. Это было сразу и здорово, и восхитительно.

Ей нравилось работать в Голливуде?

Не сказал бы, что Айн было очень уж радостно в Голливуде. В Нью-Йорке ей было приятнее жить. В Чатсворте у нее был прекрасный дом, однако она больше любила Нью-Йорк и считала себя нью-йоркской жительницей. В этом городе она была

счастлива. В известной мере она была помешана на Нью-Йорке. Помню, что в более поздние времена она могла видеть Эмпайр-стейт-билдинг из своей квартиры. Она обожала все это: дома, небоскребы… Приезжая в Нью-Йорк, Айн считала, что попадает в рай. В Нью-Йорке ей нравилось все. Она сама говорила это мне.

Какой репутацией пользовалась Айн Рэнд в Голливуде?

Как мне кажется, ею восхищались как писательницей. Политически все зависело от того, на какой стороне ты находился. Насколько помню, время это было плохим для киноиндустрии. Все эти междоусобицы и борьба всех со всеми, погубленные карьеры и все такое… это было ужасно.

Я был удивлен тем, что она прекрасно ладила со мной, хотя мы придерживались противоположных политических воззрений, однако не обсуждали их.

А случалось ли, чтобы она из-за этого обходилась с вами грубо или оскорбительно?

Нет-нет, никогда. Мы сотрудничали вне зависимости от собственных убеждений.

Не приходилось ли вам видеть, как она обсуждала свою философию с различными людьми или спорила с ними?

Помню, что Айн, случалось, разговаривала на эту тему, но не помню, чтобы она с кем-то спорила. Она очень строго придерживалась собственных идей, в этом не может быть сомнения. В этом отношении, с моей точки зрения, она вела себя как самая настоящая леди.

А чем занимался на их ранчо мистер О'Коннор?

Фрэнк следил за домом, за всем, что творилось в нем, а кроме того, занимался садом. Он любил цветы и всякие растения. У него были один или два помощника. Он выращивал цветы и овощи. А на какое-то время устроил у себя питомник.

Из Фрэнка мог получиться хороший руководитель. Он был симпатичным и обаятельным человеком. Очень тихим. И очень обаятельным для тех, кто понимал это…

Случалось ли вам встречаться с Альбертом Маннхеймером? [77]

Да. Я знаю, что она ужасно, ужасно симпатизировала ему. Они были очень близкими друзьями. Я думал, что она назначит его своим наследником.

А чем они занимались вместе?

Они много говорили о политике. Они оба интересовались ею, как и писательским делом.

Она разговаривала с вами о своих родственниках и семье?

Она не рассказывала мне о своих оставшихся в России родственниках. Ее ужасало то, что их могли репрессировать из-за

нее. Именно это служило главной причиной ее умолчания и бросалось в глаза. Именно поэтому она взяла себе имя Айн Рэнд. Я много лет не знал ее настоящего имени.

А она никогда не рассказывала вам о том, откуда взяла себе такое имя?

Нет, никогда не рассказывала! Мы считали его русским. Настоящего своего имени она тоже не называла. Я спрашивал ее об этом, и мы даже разговаривали с ней на эту тему, и она сказала, что боится повредить кое-кому в России. Но кому именно, родственникам или друзьям, не сказала. Не захотела сказать.

Уолтер Зельцер

Уолтер Зельцер руководил отделом рекламы и связей с общественностью студии Hal Wallis Productions, когда мисс Рэнд работала там сценаристкой. Впоследствии сделался кинопродюсером.

Даты интервью: 24 июня и 12 июля 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Долго ли вы работали на Хэла Уоллиса?*

Уолтер Зельцер: С 1945 по 1954 год.

Какое мнение создалось у вас об Айн Рэнд?

Я считал ее очень твердой, умной и решительной леди, ставшей активисткой еще до того, как активизм[78] сделался популярным среди женщин. Я склоняюсь к неприятию многих ее экономических и социальных идей. Я считал некоторые из них преувеличенными и эгоистичными с философской точки зрения. Я считал ее превосходной писательницей и очень и очень интересной женщиной. Она была одаренным человеком и умела проникнуть во внутреннюю суть своих персонажей и вообще людей.

Могу подвести итог в том смысле, что, на мой взгляд, она была очень серьезным художником. Она делала свое дело эффективно и умело, о чем свидетельствуют все мои личные встречи с ней.

Помню, как она впервые пришла в наш офис и долго разговаривала с Уоллисом, знавшим толк в литературе. Сотрудничество их складывалось весьма эффективно. Я думаю, что в данном случае имело место взаимное уважение, весьма полезное при совместной работе. На них было приятно посмотреть: совместная работа сопровождалась невинным флиртом.

Можете привести пример?

Теперь уже трудно вспомнить, однако они часами засиживались за обсуждением и, конечно, не позволяли себе ничего неподобающего.

А что думал о ней мистер Уоллис?

Очевидным образом он очень ценил ее и пользовался ее услугами. Она проработала там пять лет. Для литератора это очень много. Сценаристы не задерживались на работе на такой долгий срок ни раньше, ни теперь. Я думаю, что он видел в ней автора высшей квалификации. В противном случае он не

подписывал бы с ней контракт и не пользовался бы так долго ее услугами.

Можете ли вы описать, как именно она писала сценарии? Например, как ей давали сюжет для переработки?

Да. Думаю, компания приобретала сюжеты, которые она должна была переработать в сценарий. В первую очередь, находящийся на контракте писатель должен был сказать, интересует ли нас что-нибудь из этих произведений. Таким образом, сначала она делала выбор, а потом принималось решение, в какую сторону будет развиваться сюжет. После этого писатель откланивается и приступает к делу. Итак, обыкновенно дело начинается с синопсиса, короткого обсуждения, продолжительного обсуждения и перехода к сочинению сценария.

Как часто мисс Рэнд приходила в офис для встреч с мистером Уоллисом?

Как минимум еженедельно, иногда чаще.

А вам известно, какой кабинет посещала Айн Рэнд для общения с представителями Paramount?

Она в основном работала дома. Если ей приходилось работать в студии, она занимала один из кабинетов, расположенных к востоку от кабинета Уоллиса на втором этаже административного корпуса.

Мистер Уоллис предоставлял ей секретарей?

Он обязательно это делал в случае необходимости.

В таком случае секретарь жил в доме мисс Рэнд или приходил к ней каждый день?

Секретарь приходил на работу каждый день в девять часов или в назначенный час, работал весь день, после чего возвращался к себе домой. Так было, когда ей был нужен постоянный секретарь. Если речь шла о небольших объемах, секретарь приходил, делал заметки, диктовку и отправлялся восвояси.

Она начинала с пятисот долларов в неделю, и после дополнительных прибавок, прописанных в контракте, эта сумма доросла до тысячи долларов в неделю.

Да, это была очень щедрая плата для находящегося на контракте автора. Думаю, что ей платили больше ставки.

Расскажите мне о Любовных письмах[79].

Как раз этим фильмом я и занимался — маркетингом, рекламой и паблисити.

Использовали ли вы в паблисити мисс Рэнд?

Да, мы время от времени публиковали интервью с ней в местных газетах и ежедневных лос-анджелесских — *Таймс, Геральд-экспрес, Экзаминер, Дейли ньюс.*

Что застряло в вашей памяти из общения с ней?

Совершенно уникальная внешность. Она абсолютно не соответствовала стандартному облику голливудской знаменитости. Она не следовала моде. И одевалась в суровом стиле. Только очень темные платья и шляпки.

А как она общалась с вами?

Тепло и приветливо.

Роберт Дуглас

Роберт Дуглас играл во многих голливудских фильмах, в частности он исполнял роль Эллсворта Тухи в выпущенном на экран в 1949 году фильме *Источник.* Скончался в 1999 году.

Даты интервью: 19 и 20 августа 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы получили роль Эллсворта Тухи?*

Роберт Дуглас: Я прошел пробу на эту роль. Я читал книгу и предпочел бы роль Винанда, однако на студии, просмотрев мою пробу, решили, что мне больше подойдет роль Эллсворта Тухи. Я хотел играть Винанда, но эту роль отдали Реймонду Мэсси[80], хотя этого не одобряли Айн Рэнд и Джек Уорнер. А потом я встретился с мистером Уорнером, и мы хорошо поговорили с ним за ланчем, и он сказал: «Как вы смотрите насчет того, чтобы сыграть Тухи?» Я ответил, что для меня он слишком стар, но мистер Уорнер сказал: «Нет, вам даже не придется надевать парик, мы наведем вам седину и сделаем вас несколько старше».

Кент Смит [игравший Питера Китинга] был обаятельным и удивительным человеком, и пробу я проходил вместе с ним. Ту сцену, в которой я бросаю его в кресло, едва ли не бью и говорю, что он слабак. Эта проба и понравилась Уорнеру. «Никаких вопросов — я хочу, чтобы эту роль исполнял Дуглас».

А кто еще пробовался на роль Эллсворта Тухи?

Моим главным конкурентом был очень известный актер Клифтон Уэбб.

Почему же роль не досталась ему?

Он едва не получил ее… Помешала та самая проба. И мистер Уорнер решил, что предпочтет меня Клифтону Уэббу.

Не основывали ли вы свое понимание Тухи на каком-то реально известном вам человеке?

Нет. Я сыграл его именно таким, каким она изобразила его, я старался ни в чем не отходить от предложенного ею образа.

И каким же вы увидели его?

Я решил, что его следует изображать как человека сильного. И когда я сообщил об этом директору картины Кингу Видору[81], он согласился со мной в том, что Тухи должен обладать известной долей силы Рорка[82].

Итак, вы решили, что будет лучше изобразить его сильным, нежели скользким и лицемерным.

О да. Такой вариант оказался бы слишком простым.

Не можете ли вы припомнить нечто такое, что помогло вам сделать характер Тухи наглядным для зрителя?

Могу. Очень внимательно прочитав книгу, старательно вжившись в ситуацию и в его взаимоотношения с Рорком, я решил сделать этот персонаж одномерным: очень сильным и противостоящим Рорку.

Что говорил вам Кинг Видор по поводу роли Тухи и какие указания давал?

Видор, безусловно, является одним из лучших режиссеров, когда-либо работавших в Голливуде, и мы превосходно ладили с ним. И о многом говорили с глазу на глаз. Время от времени не соглашалась с нами только сама Айн Рэнд. Читать книгу и получать впечатление о персонаже — это одно; следить за развитием персонажа — дело другое, а живописать их вообще третье. Это как два совершенно различных мира, и у нас с Видором были общие идеи относительно того, как следует играть, и он соглашался со мной.

В чем выражалось несогласие Айн Рэнд с вами и мистером Видором?

В подобную ситуацию успешные писатели попадают нередко. Они представляют себе эпизод и считают, что его следует изображать именно так, как они его себе представляли, но иногда так не получается, ибо с кинематографической точки зрения выходит нечто ужасное, а значит, вам приходится рассматривать эпизод под другим углом. Айн Рэнд не всегда понимала преимущества, возникающие при изменении угла зрения и манеры игры.

Можете ли вы вспомнить какой-нибудь конкретный пример?

Нет, это невозможно. Она всегда находилась позади камеры и после того, как были разыграны некоторые эпизоды, говорила: «Да, получилось очень хорошо. Мне нравится». Однако иногда актерам случалось импровизировать, использовать другие слова, и ей это не нравилось. Она добивалась того, чтобы было произнесено каждое написанное ею слово, и тут опять начинались разногласия — особенно с Гэри Купером[83], потому что старый добрый Гэри никак не мог запомнить весь текст так, как она написала его, поэтому, работая с ним, всегда можно было ожидать, что тебе придется импровизировать.

А что еще она делала на съемочной площадке?

Она сидела в кресле, непосредственно рядом с камерой, а мы играли. По ходу дела она подходила к Кингу Видору, чтобы обсудить сцену с ним. А потом, возможно, и с нами. Все, что ей не

нравилось, убирали.

Неужели у нее была такая власть?

Более чем у любого другого литератора, по книге или сценарию которого снимался фильм в Голливуде.

Почему же так было?

Такие условия были прописаны в ее контракте.

Значит, мистеру Видору приходилось прислушиваться к ней?

Ну, не обязательно, но в определенной степени да. Он ценил ее точку зрения, что способствовало созданию хороших отношений между ними обоими.

Какими были их взаимоотношения во время съемки?

Очень хорошими.

Он часто консультировался с ней?

Нет. Он делал так, как считал нужным, а потом она обсуждала с ним какой-нибудь вопрос, и он рассказывал, по какой причине поступил так и так. Такому писателю, как Айн Рэнд, очень трудно понять тот эффект, который сцена произведет на экране, когда личности актеров создают несколько иное впечатление, чем прописанные в книге персонажи.

Представляла ли какие-то сложности съемка сцены в зале суда?

Нет, единственную проблему, как мне кажется, представлял Гэри Купер. Он никогда не был мастером диалога. Во всех его предыдущих фильмах он обходился минимумом текста, и поэтому тут, получив огромный текст (если бы его сыграл Лоуренс Оливье[84], какая это была бы великолепная речь!), Гэри полностью провалился. У него не было никаких данных для произнесения подобных речей. Видору пришлось вставлять в его текст наши реакции, Пэта Нила, меня и Реймонда Мэсси, а бедному Гэри пришлось произносить речь частями и записывать ее на пленку.

Что вы можете сказать о самом романе Источник?

Я считал его великолепной, очень волнующей книгой. Рэнд была очень противоречивой и, как мне кажется, опередила свое время. Людям трудно быть одновременно и предприимчивыми и оригинальными.

Значит, вы были согласны с изложенными в книге философскими представлениями и идеями?

О, полностью.

И в том числе по поводу эгоизма?

Да.

Можете ли вы обобщить составившееся у вас представление об Айн Рэнд?

Не скажу, чтобы она нравилась мне. Она была очень упрямой и при этом лишена какого бы то ни было обаяния. Она была прагматична во всем. И если шло обсуждение персонажа или сцены, высказывала свою точку зрения так, как если бы таковая была единственно возможной.

А вы могли бы назвать эту точку зрения разумной или хорошо обдуманной?

О да. О да.

Ей приходилось убеждать вас в справедливости своей точки зрения?

Да, вплоть до точки. Она делала очень разумные замечания, и, в конце концов, я полагаю, что своих персонажей она все-таки выписывала с образцов, с которыми ей приходилось контактировать в жизни.

В какой манере она обсуждала с вами подобные вопросы?

Очень простой и прямой. Лишенной чувства юмора. На мой взгляд, с этой леди было непросто работать. Она была очень решительно настроенной маленькой женщиной. И хотела, чтобы все было так, как она хочет. Рэнд ощущала себя так, как если бы это она написала Библию.

Патриция Нил

Патриция Нил, американская актриса, известная своим сильным характером и трагическими подробностями личной жизни. Блистала более чем в пятидесяти фильмах и в 1963 году была удостоена премии Академии за лучшую женскую роль. В 1949 году она сыграла главную женскую роль в фильме *Источник*.

Дата интервью: 28 августа 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы получили роль Доминик Франкон?*

Патриция Нил: Я шла по территории студии Warner Bros. и встретила ехавшего на велосипеде мужчину. Он спешился, завязался разговор. Наконец он сказал мне, что его зовут Кинг Видор, и спросил, не хочу ли я пройти пробу на роль Доминик. Он отснял пробу, она его явным образом не удовлетворила, но вторая получилась удачной, и роль досталась мне.

Работа над ней просто восхищала меня. Я познакомилась с Гэри Купером, когда Кинг Видор готовил мою пробу. Видор пригласил Гэри в свой кабинет, мы поговорили и прекрасно поладили. Я знаю, что Гэри присутствовал во время съемок моей пробы; должно быть, это была как раз удачная. Я прошла пробу, и мы приступили к работе.

Во время пробы вы играли эпизод из сценария?

О да — два эпизода.

Вы играли с Гэри Купером или с кем-то еще?

С каким-то оказавшимся в студии юношей, а Гэри пришел и наблюдал со стороны.

Надо думать, на такую роль было достаточно претенденток?

Я знаю, что одной из них являлась Барбара Стенвик[85]. Уорнеры купили права на нее, и, не получив эту роль, она оставила студию Warner Bros.

А других знаменитых актрис, пробовавшихся на эту роль, вы не помните?

Думаю, что Айн Рэнд видела в Доминик Грету Гарбо. Гарбо пришла к Кингу Видору и спросила: «Как вы считаете, подхожу я на эту роль?» Он ответил: «Нет, на мой взгляд, вы слишком стары для нее». Она сказала: «Покорнейше благодарю» — и откланялась.

Это рассказал вам Видор?

Да. Получить эту роль было так здорово! С автором мы не

часто встречались. Рэнд редко приходила на съемочную площадку. Я знаю, что когда Гэри не нравился какой-нибудь кусок сценария, Кинг Видор говорил: «Ладно, придется послать за Айн Рэнд. Но раньше чем через два часа она из дома не выйдет»[86]. И Гэри отвечал: «Хорошо, сделаем так, как она написала».

А что она делала на съемочной площадке?

Просто смотрела. Я никогда не видела, чтобы она там работала. Просто улыбалась нам и все такое. Она сидела в кресле или стояла рядом с мужем.

Если вы не общались с Айн Рэнд относительно съемок, о чем тогда вы говорили с ней?

Она говорила мне: «О, вы прекрасно смотритесь, вы очаровательны». Помню, что она выражалась именно такими словами. На мой взгляд, она была на съемках четыре-пять раз. И хочу сказать вам, что мы познакомились и прекрасно поладили.

А чем вам запомнился ее муж?

Симпатичный такой. И если я говорю «симпатичный», это значит, что он вызывал симпатию. Он проявлял такой же интерес к ее работе, как и она сама.

Как Кинг Видор руководил вашей работой?

С моей точки зрения, Кинг Видор не был величайшим режиссером на свете. Он знал свое дело, но понимал камеру много лучше, чем актеров. Он не был специалистом по работе с актерами. Он пытался что-то сказать, но как-то не умел донести до собеседника свои мысли. Но мне он нравился; это был превосходный человек.

Расскажите мне о «сцене насилия» в фильме.

Ну, я хотела сыграть ее. Если бы фильм снимался сегодня, то вы увидели бы всякое такое, чего мы не могли позволить себе в те времена. Любая сцена должна была пройти через цензоров, а они были такими могущественными тогда. А теперь их нет.

Это была «Контора Джонстона»[87]?

Ага.

Ее представители присутствовали на съемках или дело ограничивалось сценарием?

О да, они часто бывали на съемочной площадке. Они не пропускали никаких ругательств. Уж и не помню, что они там вырезали, во всяком случае, все, что могло шокировать граждан США.

Что вы думаете о собственном участии в фильме?

Я делала все, что могла, однако тогда я не так уж много знала в кино. Если бы я снялась в этой роли теперь, то сыграла бы намного лучше. Но теперь я для нее несколько старовата.

Как держалась Айн Рэнд?

Очень дружелюбно.

Что вы можете сказать о сценарии Источника?

Мне он казался хорошим. Она была очень неплохой писательницей.

А что вы думаете о фильме?

К несчастью, он разочаровал в смысле кассовых сборов. Не знаю, почему так случилось, но факт есть факт. Помню вечер премьеры… Все воротили носы. На меня никто не смотрел, кроме Джун Хэвер[88], а она сказала: «О боже, ты была ужасна!» Она имела в виду не мою игру, а характер моей героини.

Значит, поэтому вы были разочарованы фильмом?

Нет. Просто фильм провалился в прокате, а мы ожидали от него чудес. Мы считали, что отсняли самый лучший фильм в мире, но вышло не так.

Он оказался провальным, посредственным или еще каким?

На мой взгляд, посредственным.

А что еще вы можете рассказать о премьере?

Помню, мы все вместе отправились в большой ночной клуб на Сансет-стрит, не знаю уж точно, где он там был. Я сидела рядом с Гэри, и он под столом держал меня за руку, чтобы я не расстраивалась, потому что никто ничего не говорил.

А мистер Купер не выражал в вашем присутствии одобрение идей, заложенных в фильме?

Я думаю, он одобрял их в большей степени, чем я.

Что же ему нравилось?

Наверно, личная независимость, ощущение индивидуальности. Наверно, именно это и было ему приятно. Они сам был таким человеком, самостоятельным.

А как складывались отношения Гэри Купера и Айн Рэнд?

Они вполне ладили друг с другом. Она нечасто бывала с нами, однако как будто бы любила его и сама была ему симпатична.

Что еще вы можете напоследок сказать относительно Айн Рэнд или фильма Источник?

Я наслаждалась работой над ним. На тот момент это был величайший момент моей жизни.

Рой Брюйер

Рой Брюйер был международным представителем IATSE (International Alliance of Theatrical Stage Employees, Международного союза работников театральной сцены), крупнейшего голливудского профсоюза, и являлся в Голливуде одним из самых принципиальных борцов с коммунистами. Вместе с Айн Рэнд он был членом MPA (Motion Picture Alliance for the Preservation of American Ideals') Кинематографического альянса за сохранение американских идеалов). Мистер Брюйер скончался в 2006 году.

Даты интервью: 9 и 25 сентября и 20 ноября 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Расскажите мне о деятельности Айн Рэнд в MPA в середине 1940-х годов.*

Рой Брюйер: Айн была одиночкой и всегда жила в собственном замкнутом мирке. Большая часть наших разговоров происходила по дороге на собрание или домой. Мы останавливались, разговаривали, подтрунивали над нею. Она говорила, что в MPA много членов профсоюза: «Ничего не могу поделать с собой, — говорила она, — такая уж я антитредюнионистка». Она была очень искренней и откровенной. Мы посмеивались, потому что она помогала нам, чем могла, в той проблеме, ради решения которой мы и учредили свою организацию. Она также была настроена против правительства, так что однажды мы сказали ей: «Айн, а что будем делать с улицами? Не обязано ли правительство мостить улицы?» Мы просто поддевали ее, но она отнеслась к нашему вопросу очень серьезно. По прошествии пары собраний она говорит: «Я много думала об этом и решила, что правительству следует предоставить возможность мостить улицы».

Какой она была из себя?

Безусловно, ее нельзя было назвать привлекательной женщиной. Всегда задумчивая, всегда пытливая, верующая в то, во что верила. Она не была разговорчивой, не думаю, чтобы она производила особое впечатление. Внешность ее едва ли впечатляла. Впрочем, Айн Рэнд была необычным человеком.

Опишите Айн Рэнд, какой она была на одном из ваших собраний.

Мне запомнился ее антиправительственный настрой, она выступала против всего, что делало правительство, однако столь

крайнюю позицию не разделял никто из нас. Однако она соглашалась с нами в том, что коммунистическое движение является злом, его следует остановить и уничтожить. И она написала нашу Декларацию принципов.

А существовали ли какие-нибудь другие темы, которые она поднимала или обсуждала на ваших собраниях?

Нет, руководящая роль на собраниях ей никогда не принадлежала.

Кто же руководил ими?

Нашим духовным лидером был Тим Макгиннесс. Однажды он произнес высказывание, намертво врезавшееся в мою память: «Каждый человек является чадом Господним и потому не может быть рабом другого человека».

Билл Джонсон

Билл Джонсон работал в радиошоу, организовавшем трансляцию радиопостановки повести *Гимн* в 1951 году.

Дата интервью: 8 декабря 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Билл Джонсон: Нас познакомил Тад Эшби[89], он работал на меня в качестве автора и внештатного редактора издававшегося мной журнала под названием *Вера и свобода.* Тад был знаком с ней, и в результате нас пригласили на эти встречи с ней. Вероятно, она согласилась присутствовать в нашем шоу по его ходатайству.

Расскажите нам об этих встречах с Айн Рэнд.

Мы четыре или пять вечеров провели в ее доме, где разговаривали о философии, теологии, политике и вообще обо всем. Встречи происходили в начале пятидесятых годов. Мы сочли ее великим мыслителем. Рэнд приводила очень интересные аргументы и проявляла чрезвычайную искренность в политических вопросах.

Тад Эшби был религиозным человеком?

Не думаю. Я также не посещал церковь регулярно, и нас с ним в первую очередь интересовала философия свободы.

Какой она была с вами?

Не из тех, кто располагает к себе. Мы опасались бросать ей вызов. Она была чертовски хорошей спорщицей. И по самой манере ее ответов было понятно, что она не хочет, чтобы с ней спорили. Рэнд была настроена растолковывать и пояснять.

Я был гостем в ее доме, предполагалось, что наш разговор будет идти относительно теорий и аргументов, и я не помню, чтобы она проявила какие-то другие качества, кроме очень острого ума. Это была выдающаяся личность.

Ваш журнал Вера и свобода *публиковался для доктора Джеймса Файфилда-младшего?*

Совершенно верно. Он также вел радишоу под названием «История свободы».

Расскажите мне об этом.

В соавторстве с еще одним человеком я писал сценарии для этого шоу. Все началось с того, что доктор Файфилд предоставлял нам пятнадцать минут эфира, а затем он принял меня и еще кое-кого в штат, и мы стали создавать драматический по своей природе радиоспектакль. Мы делали радиопостановку по какой-то нравственной или религиозной идее, увязывали ее с нашей собственной верой в ограниченное в своей власти правительство и свободу, а потом Файфилд пристегивал к ней трехминутное вступление. Мы работали со сценаристами и, анализируя известные нам принципы свободы, задавали себе вопрос: «А можно ли изложить этот принцип в виде радиопостановки, способной не только заинтересовать людей, но и заставить их задуматься?»

Доктор Файфилд был проповедником?

О да, он был главой одной из крупнейших христианских церквей Лос-Анджелеса[90].

Полагаю, вы знали, что Айн Рэнд является атеисткой?

Ну разумеется, знал.

Зачем понадобилось религиозному человеку привлекать Айн Рэнд к выступлению в своей радиопрограмме, а тем более включать в нее радиопостановку Гимна?[91]

Программой руководили мы с Майроном Макнамарой, а доктор Файфилд не утверждал и даже не просматривал наши планы. Мы привлекали к постановкам многих голливудских актеров и актеров, выступавших только на радио.

Юлиус Шульман

Юлиус Шульман является всемирно известным фотографом, специализировавшимся на съемках архитектурных объектов. В мае и июле 1947 года он фотографировал чатсвортский дом Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора. Мистер Шульман скончался в 2009 году.

Даты интервью: 14 августа 1998 года и 20 апреля 2000 года.

Скотт Макконнелл: *Как случилось, что вы фотографировали Айн Рэнд?*

Юлиус Шульман: В 1947 году я снимал дом режиссера фон Штернберга, спроектированный Рихардом Нойтрой[92] в 1935 году и занятый Айн Рэнд в середине сороковых. Фотосессия заняла два или три дня.

Каковы были ваши собственные фотографические цели?

Дом впервые фотографировали сразу после постройки в 1936 году, и на ранних снимках, сохраненных Нойтрой в личных архивах, он выглядел суровым и пустым сооружением, вокруг которого не было деревьев или какой-нибудь другой растительности. Конечно, эти снимки не могли показать дом посреди широкой лужайки, окруженный рвом, деревьями и небом. Я всегда считал, что главный принцип архитектурной фотографии требует показывать местность, посреди которой расположено здание. Кроме того, на оригинальных фото не было никакого интерьера. Однако в 1947 году, когда в нем поселилась Айн Рэнд, дом обрел прекрасную полноту. Он сделался уютным, и в нем был создан подлинный жизненный стиль.

Почему Нойтра в 1947 году захотел, чтобы дом был отснят?

Потому что фон Штернберг был одним из самых значительных его клиентов, выдвигавшим особые требования. И ландшафтное обрамление его было превосходным.

Что, по-вашему, было в этом доме уникальным?

Его изолированность. Увидев этот дом впервые, я был восхищен рвом и его алюминиевой оградой. А оказавшись внутри дома, я выглянул в окно и сказал: «О боже, как это чудесно. Какой прекрасный жизненный стиль». В те времена для этой местности были характерны огромные ранчо. Нойтра же спроектировал дом согласно требованию фон Штернберга: уединение прежде всего.

Каким был жизненный стиль в этом доме, когда в нем жила Айн Рэнд: какое впечатление производили дом, ландшафт и декор?

Декор являлся достаточно любопытным, потому что в те дни изысканная архитектура требовала минимального участия человека, однако это было не для Айн Рэнд — то же самое относилось к ландшафту: вспомните мой снимок Рэнд и О'Коннора возле березы. Современный архитектор стремился к схематичному, тонкому, совершенному, минимальному ландшафтированию. Возникший в Европе, этот стиль получил название «интернационального» — и концепция его была основана на минимализме, а не на жизненном стиле, не на том, что нужно клиентам. Если бы я был циником и попытался отнестись к обстановке дома О'Конноров с академических позиций, то сказал бы, что она не отвечала вкусам Нойтры. Однако у них было уютно — почти так же, как в моем собственном доме!

Каким образом вы стали воспринимать себя в качестве фотографа?

Вы можете сказать, что мне нравится окружающая обстановка. Но это будет только частью правды. Смысл моей работы заключается в том, что я охватываю весь процесс жизни в доме, его местоположение, дизайн интерьера, ландшафтное окружение — соединяя все в одном утверждении.

Фотография снимается только после того, как продумана ее композиция. Нельзя приступать к съемке до того, как организовано все остальное — нередко даже до того, как устанавливается камера. Каждый снимок, каждая созданная нами композиция имеют определенное предназначение. Цель заключается в том, чтобы показать, как дом дышит, как он живет и уживается с населяющими его людьми. Одна из самых серьезных проблем в данном аспекте, с моей точки зрения как художественного редактора, является то, что большинство занимающихся архитектурой фотографов избегают помещать на свои снимки людей.

Когда, например, мы снимали кабинет Айн Рэнд, она не подозревала, что я намереваюсь использовать ее как объект на снимке. Я поставил камеру и указал своему ассистенту, где нужно разместить прожекторы. А потом неожиданно для мисс Рэнд сказал ей: «Наверное, вы даже не подозреваете, что вам суждено присутствовать на этом снимке». Она немедленно возмутилась и запротестовала. Я ответил: «Вы выглядите превосходно». Она была в простом костюме. И мы сфотографировали ее, а потом я сделал еще один снимок, с мистером О'Коннором. Потом был еще один снимок, сценка в патио, за окружающей ров стеной, причем Айн Рэнд и О'Коннор находятся в одной части снимка, а Рихард Нойтра сидит в другой стороне, образуя часть композиции. Этот

снимок широко разошелся по всему свету. Почему? Потому что он показывает, как работает дом. Фотографии Айн Рэнд сделаны в том числе в интерьере.

И вот что я хочу сказать фотографам архитектуры, архитекторам и студентам. Этим способом можно добиться величия в любой отрасли фотоискусства. Вы не спрашиваете архитектора: «Что именно вы рекомендуете мне снять?» Вы прибегаете к собственному здравому смыслу. Вы изучаете дом, не имея в руках фотоаппарата, вы обходите его кругом, исследуете его.

Какие еще утверждения вы хотели бы сделать?

Одной из моих любимых и одной из самых широко публикуемых фотографий является та, где Айн Рэнд и О'Коннор идут между берез. Она имеет особое значение, поскольку изображает обоих в пределах собственного земельного участка. У них был этот укромный уголок, убежище, на территории которого они могли прогуливаться по дорожкам собственного парка, рука об руку, наслаждаясь жизнью. Идея понравилась ей, и я сказал: «Я поставлю камеру здесь, среди деревьев. Дайте мне пять или десять минут. Почему бы вам не пройти до границ рощи и не вернуться назад к камере, не обращая на меня внимания? Однако когда я увижу, что вы оказались в нужном для снимка положении, то окликну вас или что-нибудь скажу»… Что я и сделал — и она улыбнулась мне, в камеру. Так и получаются уникальные кадры.

Помню, как Рэнд шла ко мне, и я сделал снимок, а потом она повернулась, чтобы вернуться обратно, полагая, что подобно девяноста процентам фотографов, я захочу сделать дубль, а потом еще дубль, а потом еще — повторяя одну ту же сценку снова и снова. Помню, после одной из моих лекций кто-то спросил меня, о том, почему люди в шутку называют меня «одноразовым Шульманом». Я ответил: «В этом нет никакой шутки, потому что я считаю, что делать больше одного кадра не нужно. Зачем понапрасну изводить пленку и тратить время на проявление и обработку? Почему не довериться своей визуальной интуиции, глазам своей камеры?»

Какой была Айн Рэнд при позировании?

С ней не было никаких проблем. Однажды я решил, что надо сделать снимок в патио и поставил там камеру. В назначенное мной время я попросил всех участников съемки любезно выйти из дома. Я усадил Нойтру в кресло слева рядом с Джанет Гейнор, а потом предложил Айн Рэнд и О'Коннору «передвинуться на правую сторону кадра», где находился шезлонг, и они без всяких возражений выполнили мою просьбу. Так было и в тех случаях, когда я снимал ее в кабинете и прогуливающейся с О'Коннором

по березовой аллее. Она не возражала и была готова к сотрудничеству.

А вы бы назвали мистера О'Коннора и мисс Рэнд фотогеничными?

О, его в первую очередь. Помните снимок О'Коннора и Джанет Гейнор? На этом снимке О'Коннор получился весьма симпатичным. Он на каждом снимке выглядит очень благопристойно, и она тоже. С косметикой, которой я не пользуюсь, тоже не было никаких проблем! Работать с ними было очень приятно. Я никогда не навязываю людям чересчур крупные планы. В моем понимании человек всегда занимает часть пространства.

А как относилась Айн Рэнд к вашим фотографиям?

Они ей нравились. Ей нравилось, как она смотрится в своем кабинете. Ей нравился тот снимок, на котором они были вместе с Фрэнком и она держала на руках кошку. Нравился потому, что она эту кошку любила. Еще один снимок был сделан с набивными фигурками животных на кушетке. Особенно ей нравилось то, что снимки делались без подготовки. Я наводил камеру, взводя затвор, вытягивал из катушки новый кадр и говорил: «Хорошо, теперь делаю снимок. Смотрите перед собой на бумаги. А потом посмотрите на меня». Щелк. Она поворачивает ко мне голову, и пока успевает понять, что происходит, оказывается, что я уже сделал снимок. Я говорил ей что-нибудь вроде: «Кстати, а почему бы вам не рассказать Фрэнку о том, что вам сегодня утром принесли на завтрак?» Тут она улыбалась или смеялась, и я делал снимок.

На фото львята, набитые ватой, разбросаны вокруг нее. Такой львенок лежал на кушетке у дальней стены ее кабинета. Я внес фигурку львенка в композицию. Я переложил ее кошку, вернулся назад к камере и сказал: «Одну минуту, кошка тоже хочет присутствовать на снимке». Поэтому она и улыбнулась в объектив.

А она делала какие-нибудь комментарии по поводу ваших снимков?

Помню только, что она сказала: «Они такие естественные». И это было действительно так.

А какие-нибудь проблемы во время съемки случались?

Было один раз. Мы снимали интерьер с цветами на переднем фоне, с правой стороны с видом вперед на гостиную, а с левой стороны была стеклянная наружная стенка. В перспективе были видны несколько крупных предметов мебели. Нойтра позвал меня, а у меня было обговорено с ним условие — не сдвигать мебель. Айн Рэнд увидела, что мой ассистент подходит к ее

креслам, и Нойтра, жестикулируя, указывает ему на одно из кресел: «Передвиньте его чуть дальше».

Айн Рэнд находилась слева от меня и тут же сказала: «Мистер Нойтра, что вы делаете?» — «О, мы отодвигаем это кресло». — «Почему?» Он, кажется, ответил ей в том духе, что оно мешает воспринимать архитектуру. И Рэнд сказала моему молодому помощнику: «Нет, пожалуйста, верните его обратно».

А почему ей было важно, чтобы кресло осталось на прежнем месте?

Так было у них заведено. Это было любимое кресло О'Конноров. Она чрезвычайно любила комфорт. А Нойтра решил сдвинуть ее кресло. Его внутренне возмущало, что эта тяжелая, уютная мебель не согласуется с его линиями. Он думал прежде всего о собственной архитектуре. «Не смейте прятать мои линии за креслом» — такова была его позиция.

Возникали ли какие-нибудь другие сложности?

Большая часть нашего времени уходила на работу, даже до самого вечера, и ужинали мы у нее. Это были прекрасные вечера. Айн Рэнд, О'Коннор, Нойтра, мой ассистент и я.

Мы разговаривали о жизни вообще, о нашей работе и о ее произведениях. Тогда Рэнд работала над романом *Атлант расправил плечи,* а ее *Источник* уже пользовался всемирной популярностью; нельзя сомневаться в том, что эта книга является одной из самых успешных во всей истории мировой литературы. Нойтра сделал замечание по поводу эпизода, в котором Говард Рорк взрывает один из своих домов, в проект которого были внесены чуждые ему изменения, и усомнился в том, что архитектор имеет право взорвать построенный им дом. Она ответила, что у него было право на это: он может делать со своим зданием все что угодно, оно принадлежит ему.

Кроме того, она сказала, что в романе, над которым работает, поднимаются вопросы экономического развития, которые она приравняла к возведению супермаркета в местечке, где до этого лет пятьдесят существовала только небольшая семейная бакалейная лавка. Они зарабатывали не слишком много, но все же им хватало на жизнь, а вот после того как по соседству построят и откроют супермаркеты A&P[93], все увидят, что в семейной лавке будут продавать кварту молока за десять-пятнадцать центов, а в A&P по семь-восемь центов за кварту.

Я назвал такую перспективу «недобросовестной конкуренцией», и она сразу взвилась. «Конечно, у них есть право поступать подобным образом. Если маленький магазинчик не способен конкурировать с A&P, он не имеет права существовать».

Я сказал: «Но таким образом они добывают свой хлеб

насущный. Если считать, что подобные поступки, в манере гангстера с пистолетом оправданы, — то вы или понижаете цену на молоко, или выходите из дела. Пиф-паф, и вас нет». Она рассердилась, возвысила голос, обвинила меня в наивности и сказала: «Мистер Шульман, вы молоды [тогда мне было двадцать семь лет] и, очевидно, мало знакомы с жизнью. Вы фотограф, вы щелкаете своей камерой для мистера Нойтры и не имеете никакого отношения к миру конкуренции». Айн Рэнд не ошиблась в отношении моей молодости и наивности. В известном смысле я с тех пор не изменился.

Какое воздействие, на ваш взгляд, роман Рэнд Источник *оказал на архитекторов и вообще на людей?*

На мой взгляд, Айн Рэнд впервые поставила архитектуру в фокус общественного мнения. Не хотелось бы пользоваться этим термином слишком легкомысленно, однако она в известной мере «популяризировала» архитектуру. Она писала о некоторых элементах архитектурного проекта и о правах архитектора. Но не только об этом: еще и о том, насколько важно архитектору обладать яркой индивидуальностью, быть требовательным и дисциплинированным в своем труде. Я бы сказал, что она впервые сказала обществу, что роль архитектора в нем не ограничивается возведением строения. Что архитектор обладает исключительным правом. Получив и приняв ответственность от клиента, архитектор находит решение и исполняет его.

Каково ваше личное мнение о романе Источник?

Она высказала в нем очень важное мнение относительно архитектуры как таковой. Открыла обществу, как работает ум архитектора, не срывая с него покрова тайны.

Что вы думали об Айн Рэнд?

Она была блистательным литератором, рождала блестящие идеи и великолепно владела словом. Однако я был разочарован тем, что столь яркая личность настолько узко воспринимает общество или, скажем так, совершенно не понимает моего сочувствия человеку с улицы и пролетарию. Быть может, причиной тому стали ее российские впечатления.

В чем проявлялась ее личность в ваших личных взаимоотношениях, кроме разговоров за обеденным столом?

Она держалась сочувственно и приятно. О, да между нами не возникало никаких трений. За столом мы высказывали свои мнения. Нойтру в основном интересовала только архитектура.

Доводилось ли вам встречать архитекторов, мотивированных или вдохновленных образом Говарда Рорка?

О, сколько угодно! Вы даже удивитесь, узнав, как много таких было. Не забывайте о том, что книгу эту прочитали все

архитекторы, сколько их есть на свете. Она была единственной и первой, фасадом и центром жизни любого архитектора, считавшего себя современным зодчим. Кроме того, вы не знаете, сколько архитекторов с уверенностью говорили мне: «А вы знаете, что Айн Рэнд писала своего Говарда Рорка с меня?» Я слышал эти слова от Рафаэля Сориано, Рихарда Нойтры, Грегори Эйна. Были и другие. О, так говорили многие!

Джун (Като) Курису

Джун Курису была секретаршей Айн Рэнд с 1947 по 1949 год.

Даты интервью: 5 ноября 1996 года и 12 марта 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы получили работу у Айн Рэнд?*

Джун Курису: Мои родители работали на принадлежавшем О'Коннорам ранчо. Мама была кухаркой и домоправительницей, а папа был слугой, подавал на стол. С ними жил и мой брат, еще посещавший школу. Моего отца звали Рёдзи Като. Маму звали Харуно, а моего брата — Кен.

Когда мама сказала мне, что Айн Рэнд ищет секретаршу, я только, в 1947 году, окончила в Лос-Анджелесе среднюю школу, а мама и папа работали на ранчо О'Конноров. Наверно, они сказали ей, что я пошла на секретарские курсы и хотела продолжить учебу, чтобы повысить квалификацию. Поэтому все то лето я провела на ранчо[94]. Когда начались занятия, я вернулась в пансионат «Эвергрин-хостел». Этот поддерживавшийся церковью пансионат предназначался для людей, пожелавших поселиться в Калифорнии после пребывания в одном из лагерей для интернированных японцев на территории Соединенных Штатов. У меня была койка в общей спальне, я посещала Лос-Анджелесский городской колледж, а на уик-энды садилась в автобус и уезжала в Сан-Фернандо [Чатсворт]. Наша семья в полном составе жила на ранчо лишь летом 1947 года. Потом мои родители уехали оттуда, так что я работала только по субботам и воскресеньям.

А долго ли ваши родители прожили в Чатсворте?

Должно быть, они приехали туда в 1947-м, а уехали в 1949 году. Работа по выходным позволила мне познакомиться с двумя кухарками, сменившими моих родителей, леди из Германии и чернокожей леди.

Для меня это было лихорадочное время, поскольку я жила в Ист-Сайде, в пансионате, и на двух автобусах добиралась до Городского колледжа. Потом, на выходных, я ездила на двух автобусах в Сан-Фернандо, откуда меня забирал Фрэнк О'Коннор, а вечером в воскресенье возвращалась домой.

Ваши родители находились в нормальных рабочих отношениях с Айн Рэнд и Фрэнком О'Коннором?

Да, однако работа у них не была делом всей жизни моих родных. Они просто хотели накопить достаточно денег на покупку своего магазинчика и вернуться к привычному им делу.

До войны мой папа держал сувенирные лавки в Лагуна-Бич и Эстес-Парке, Колорадо. Будучи американскими японцами, интернированными во время войны, они потеряли все.

И так и не получили никакой компенсации?

Нет. Но если бы они прожили в стране дольше, то могли бы получить двадцать тысяч долларов, подобно другим японцам, пережившим пребывание в лагере.

В каком году все четверо членов вашей семьи были интернированы?

В мае 1942 года все японцы были собраны во временных лагерях, таких как располагавшийся на ипподроме Санта-Анита[95], а потом развезены по разным местам. Нас посадили на поезд и увезли в Паркер, штат Аризона.

Какие обязанности были у вашего отца как у домашнего слуги в доме О'Конноров?

Как мне кажется, он убирал в доме, подавал обеды и, наверно, время от времени помогал Фрэнку О'Коннору на ранчо, однако большую часть времени все же проводил в доме.

Я обнаружил в Архиве отчет вашего отца Фрэнку О'Коннору о той работе, которой он занимался в то время. Там сказано: «В ответ на ваш запрос сообщаю, что исполнял в отношении фермы следующую работу, находясь у вас в услужении с февраля 1947 по октябрь 1947 года. Собирал фрукты, орехи и цветы. Помогал расфасовывать яйца, помогал кормить кур, ухаживал за автомобилем. В соответствии с моей первоначальной профессией флориста я представлял вас на Пасаденской цветочной выставке, чтобы получить регистрацию в качестве профессионального цветовода, дающую право выставлять на ней свои цветы. Я также помогал вам получить из Питомника „Санни-Слоуп" от моих личных знакомых черенки сортовых хризантем. Искренне ваш, Р. Като».

Помню, один или два раза я прошла через весь участок, чтобы посмотреть, что там творится. Не сомневаюсь в том, что папа делал все это, однако, когда я бывала там, он по большей части находился в доме.

Ваш отец был профессиональным цветоводом?

Нет, он был флористом и преподавал японское искусство аранжировки цветов в стиле икебана. Сперва он преподавал свое искусство в Лагуна-Бич, а потом учил ему в Городском колледже Пасадены. Теперь у него снова был свой цветочный магазин, потом он отошел от дел и купил собственный дом.

А что делала ваша мать в доме Айн Рэнд?

Она готовила, и, конечно, не была великолепной кухаркой, потому что до этого в основном работала в магазинах, а потому

делала только очень простые блюда. Я по-настоящему удивилась, когда узнала, что она работает кухаркой у Айн Рэнд и готовит неплохо; наверно, ее блюда значительно отличались от тех, которые готовили сменившие ее кухарки, чернокожая и немка — кажется, бывшие профессионалами и готовившими в действительно хороших домах. Я обнаружила у себя рецепт котлет, которые Айн Рэнд называла телячьими, они были очень похожи на гамбургеры, только они были овальными и невероятно вкусными. Кажется, в фарш добавляли хлебные крошки, овощи, лук и петрушку. Их готовили очень часто. Еще Айн Рэнд научила маму готовить борщ или дала ей рецепт. Я помню только эти два блюда.

Итак, ваша мать жила в этом доме и готовила завтрак, обед и ужин?

Да.

А какие взаимоотношения были тогда у вашего брата Кенни с Айн Рэнд?

Тогда он был еще очень молод, так как родился в 1937 году. Я работала наверху. И была занята весь день с перерывами на еду. По правде сказать, я вообще не помню, что видела его там, но, конечно же, и он тоже находился на ранчо.

И чем он там занимался?

Наверно, играл возле дома или обретался около кухни и спальни. У моих родителей там были две спальни. В любом случае, Кенни был очень тихим мальчиком, и я не думаю, чтобы он производил много шума, надоедал взрослым или носился по дому.

Кстати, вы писали в своем хранящемся в Архиве письме [12 декабря 1949 года]: «Не могли бы вы и миссис Страхова сохранять для Кенни все иностранные марки?»

В то время он коллекционировал почтовые марки, а у нас не было знакомых за рубежом… Мы ни с кем не переписывались.

А было ли у Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора особое название для своего ранчо?

Не помню такого. В общем разговоре я называла его «ранчо О'Конноров». Кроме того, я даже в мыслях не называла ее Айн Рэнд, кроме как в письмах, которые печатала. Я всегда называла ее вслух и про себя миссис О'Коннор.

Какую работу вы выполняли для нее?

Печатала. Я печатала рукопись романа *Атлант расправил плечи.* Помню, что, когда я ушла от них в ноябре 1949 года, она говорила, что мы находимся на середине книги.

Какую еще работу в доме вы исполняли, кроме машинописи?

Мне кажется, что маму несколько тревожило то, что я

добавляю всем хлопот в доме, и поэтому я пыталась помочь ей всем, чем могла. Однажды миссис О'Коннор попросила ее прибрать наверху в аптечном шкафчике, в ванной, — и я заглянула в ее спальню, потому что они находились рядом. Увидев, что это делаю я, она по-настоящему рассердилась и сказала, что не хотела, чтобы я это делала, потому что это работа для моей матери, а не для меня. Она самым определенным образом представляла, что я должна делать. Помнится, кухарки хотели, чтобы я ела вместе с ними, ведь тогда со мной можно было поговорить за обедом и потом привлечь к мытью посуды, но миссис О'Коннор была с этим не согласна. Она всегда настаивала на том, чтобы я ела с ними.

Как вы отреагировали на роман Атлант расправил плечи?

Я вполне могла представить себе Айн Рэнд на месте Дагни Таггерт, со всей силой последней и желанием и возможностью сделать что-то реальное — несмотря на все сопротивление. Я считала, что это очень хорошая история, и вопрос «Кто такой Джон Голт?» очень мне нравился.

Наверно, я как-то поучаствовала в создании этого романа. Она спрашивала мое мнение о некоторых эпизодах, и однажды, когда я перепечатывала одну из первых глав *Атланта,* кажется, ту, где Дагни Таггерт видит тень, тень исчезает, и она пытается понять, что это было, я сказала: «Как насчет того, чтобы сделать видимой тень Джона Голта?» Она задумалась, и потом сказала: «Неплохая идея».

Кажется, она включила этот эпизод в одну из глав[96]. Я была в восторге от того, что сумела чуть-чуть поучаствовать в таком деле.

А что еще можете вы сказать о рукописи или своей реакции на нее?

Ничего. Я думала, что лучшей работы найти невозможно: ты печатаешь и одновременно читаешь. Я старалась печатать как можно более аккуратно. Я перечитывала лист еще в машинке и пыталась проверять слово за словом, правильно ли я все поняла. Время от времени я теряла строчку, и мне не хотелось сдавать ей работу в таком виде.

Была ли она терпелива в тех случаях, когда вы делали ошибку?

Да. Она всегда указывала мне на нее, и я всегда могла сказать, когда нужно будет вернуться назад, если она внесла изменения или допустила ошибку.

Как она это делала?

Перечеркивала и писала сверху.

Так, значит, она спрашивала ваше мнение об эпизодах романа

по мере того, как вы печатали их?

Как будто бы спрашивала, а может быть, я высказывалась сама, если эпизод или поворот сюжета нравился мне по-настоящему. Мне было очень интересно печатать и читать одновременно, зная, что произойдет. И я очень уважала ее за то, что она умела вести сюжетную линию, заранее зная, к какому исходу она придет.

И как она реагировала на подобные мнения с вашей стороны?

Бывала очень довольной.

В наших записях отмечено, что она называла вас первой машинисткой, печатавшей роман Атлант расправил плечи.

О да, это здорово! Она запомнила, что это я печатала первую половину романа, и, наверно, упомянула, что прислала мне экземпляр книги, когда та вышла в свет.

Вы работали на Айн Рэнд наверху, — в том маленьком алькове по соседству с книжным шкафом на балконе?

Да.

Что еще вы можете рассказать мне о том, как печатали для Айн Рэнд?

Она давала мне рукописный текст, страницы три за раз, я перепечатывала его. После этого она прочитывала перепечатанные страницы. Иногда я допускала ошибки, по большей части не типографические; попадались такие слова, которые я не могла прочесть.

Легко ли вы понимали ее почерк?

Понять его бывало довольно сложно. Тогда я говорила, что чего-то не понимаю, или спрашивала, что здесь за слово. Это происходило чаще, чем мне хотелось бы, но тогда я оставляла пробел, чтобы можно было вставить слово. А когда обнаруживалось хотя бы одно слово, которое она хотела изменить, перепечатывать приходилось всю страницу.

Закончив, я отдавала ей выполненную работу. Она прочитывала ее и иногда возвращала мне в тот же день. Если дело происходило в субботу, она возвращала мне черновик, и я перепечатывала его в воскресенье. В противном случае она возвращала мне его через неделю.

Почему она давала вам не более чем три страницы за раз?

Она давала столько, сколько успевала закончить.

Значит, за уик-энд она писала несколько страниц, передавала их вам, а потом быстро редактировала их?

Так, наверно, и было. В другие времена, по субботам, бывало больше страниц для перепечатки, но не больше десяти или двенадцати. Не помню, чтобы мне приходилось перепечатывать внушительную стопку. Сочинение и перепечатывание романа шли

не слишком скоро.

Иногда я печатала с диктовки письма, которые ей нужно было написать, как деловые, так и личные. Работа над письмами Пат Патерсон затягивалась на целый день, до вечера[97].

Всего над одним письмом?

Да. Там всегда оказывалось много страниц, она просила меня перечитать его и вносила исправления, пока я читала. Однако если обнаруживалась моя ошибка или же она решала внести изменения, то она не заставляла меня перепечатывать, а вносила изменения собственной рукой и в таком виде отправляла. Письма получались длинные, многостраничные. И времени на них уходило много, потому что она всегда обдумывала, что именно хочет сказать. Но всегда говорила достаточно медленно, так что я успевала за ней.

Работала она по памяти или перед ней были какие-то заметки?

Никаких заметок, всегда только своя голова. Это происходило в ее кабинете. Не помню, чтобы она при этом расхаживала, так что, наверно, сидела за своим столом, а я находилась перед ней. Она бывала очень взволнованной и оживленной. Диктуя свои письма Пат Патерсон, она воодушевлялась. Не в том смысле, что начинала тараторить, так что я не успевала за нею, но в том, как живо она говорила и увязывала воедино свои мысли. Она много жестикулировала.

Что еще вы можете сказать о ее письмах к Изабель Патерсон?

Айн Рэнд и Патерсон часто писали друг другу письма. Не уверена в том, что ежемесячно, но, по крайней мере, раз в два месяца[98]. Письма бывали очень длинными.

Как Айн Рэнд относилась к своим письмам Пат Патерсон?

На мой взгляд, иногда ее смущали какие-то мнения Пат Патерсон. Она говорила тогда: «Понять не могу, почему ей так кажется» — или «…почему она все поняла таким образом» — или выражалась чуть более официально.

А она каким-нибудь образом комментировала эти письма?

Когда была взволнована или особенно довольна. «Она понимает ситуацию точно так же, как я сама».

Значит, Патерсон особенно выделяется среди ее адресатов?

Да. Я знаю, что миссис О'Коннор отвечала на письма некоторых своих почитателей. Одна леди написала ей, что дала своей новорожденной дочке имя Айн. Миссис О'Коннор написала ей письмо и сказала, что ей это весьма приятно.

Вы все письма печатали под копирку?

Да. Я передавала ей копии вместе с письмами. Для своих писем она пользовалась бумагой уменьшенного формата. Это был

либо Monarch, либо Executive, тот из них, который меньше.

Она сама заботилась об архивировании своих бумаг, потому что я никогда и ничего не подшивала. Кроме того, не помню, чтобы в ее кабинете находился архивный шкаф, там был только стол и пара кресел, еще одно кресло, в котором она сидела, и кушетка позади ее стола.

Приходилось ли мисс Рэнд учить вас правописанию или грамматике?

Нет, разве что она была очень и очень точна.

Кто печатал ей в течение недели?

Не знаю. Под самый конец моей работы у нее она сочиняла сценарий, однако я не смогла закончить его. Я работала по субботам и воскресеньям, и ей пришлось пригласить машинистку из студии, чтобы та закончила работу посреди недели. Я проработала целое лето, прежде чем вернулась в школу, однако в то время не могла считать себя по-настоящему профессиональной машинисткой. Печатать я могла, однако, конечно же, уступала в скорости машинисткам, работавшим на Paramount и печатавшим рукописи других авторов. В отношении сценария могу сказать, что помню только его название: *Дом тумана*. Сценарий писался от руки, если только не представлял собой уже отпечатанную и отредактированную копию.

А вам приходилось видеть, как она писала свой рукописный вариант? Он создавался по заметкам или по какому-нибудь наброску?

На деле она должна была использовать какие-то заметки. Я знаю, что она очень внимательно следила за тем, чтобы все отпечатанное мной возвращалось к ней. Если я делала ошибку и начинала страницу заново, она требовала, чтобы я возвращала ей все листы. То есть она хотела, чтобы ни один отпечатанный листок не покидал пределы ее дома. На мой взгляд, она очень внимательно относилась к своим рукописям. Не знаю, сохраняла ли она свои рукописные варианты или же уничтожала их, получив машинописные. Я всегда печатала один оригинал и одну копию.

Когда Айн Рэнд работала над сценариями, она сама зачитывала их вслух или это делали вы?

Да, я помню, как она читала. Не могу сказать, что именно, однако читала сценарий с живостью и энергией. Я помню ее голос, помню, как она читала.

А как она одевалась за работой?

За работой она всегда была в широких брюках и походного типа рубашке. Поэтому когда я впервые увидела ее в выходном платье, то была по-настоящему потрясена, потому что у нее были

великолепные ноги, и она, как мне кажется, знала об этом. Она была очень заметной женщиной. Волосы ее всегда лежали аккуратно, потому что она стриглась очень коротко, однако в платье и на каблуках она впечатляла.

Как она платила вам и в каких условиях вы работали?

Кажется, она платила мне двадцать четыре доллара в день или сорок два доллара в неделю, и я считала, что с ее стороны это щедрый жест. Наверно, такой платы в те дни я не заслуживала. Помню, она говорила, что считает, что люди не должны получать больше, чем заслуживают, никаких подарков, она не верила в благотворительность. Но с другой стороны, сама она помогла этой российской леди и мне.

А что это была за леди, которой она помогала?

Старая леди, приехавшая с востока и некоторое время жившая с ними, хотя она не была ни родственницей, ни подругой, и пробывшая с ними около года. Однако они не сошлись по философским вопросам, и в конечном итоге она решила, что не в состоянии больше терпеть эту особу в своем доме, и подыскала ей новое жилье. Не помню, как ее звали.

Похоже, что вы говорите про Марию Страхову, учившую Айн Рэнд английскому языку еще в России, когда она была еще ребенком. Они называли ее Миссис. Мисс Рэнд после войны выписала ее в Америку из австрийского лагеря для перемещенных лиц. Расскажите мне о ней подробнее[99].

Это была очень милая леди, однако из той же разновидности людей, что и я сама. Я не была способна думать и реагировать на уровне миссис О'Коннор.

Но эта леди понимала еще меньше, чем я. Мне было жалко ее, потому что она не знала, как реагировать. И если мне иногда казалось, что меня несет по поверхности моря, то эта леди была уже под водой.

Она была очень скромна, пыталась нравиться, но тем не менее располагала собственными мнениями, среди которых не многие были совместимы с мнениями Айн Рэнд. Эта женщина была чем-то вроде тормоза.

Думаю, что Айн Рэнд, при всей своей философии, и та другая женщина, существенно более либеральная, однако консервативно настроенная, не вели дискуссий как таковых. Все происходило за ланчем или ужином, и, наверно, Айн Рэнд спрашивала ее о чем-то, и та высказывала свое мнение. Тогда Айн Рэнд говорила: «Я с этим не согласна. Такого не может быть, потому-то и потому-то» — и выдавала свое мнение размером с хорошую диссертацию. Тогда старая леди давала задний ход, стараясь не раздражать хозяйку. Не надо думать, что Айн Рэнд выбросила ее на улицу из-

за идейного несогласия.

Мне она казалась очень старой. За столом Айн Рэнд беседовала с ней, и она отвечала — не исключая из беседы всех остальных — однако разговор всегда шел на английском, иначе я ничего не сумела бы понять.

Давайте вернемся к работе мисс Рэнд в Голливуде. Она ничего не говорила вам о технике написания сценариев?

Нет, но она спрашивала меня, не собираюсь ли я что-нибудь написать. Я говорила ей, что, находясь в лагере для интернированных лиц, писала в газету. Однако когда я работала на нее, мне приходилось зарабатывать на жизнь и сосредоточиваться на своих рабочих качествах, необходимых для того, чтобы получить работу, поэтому я не писала. Она очень хотела помочь мне. Она действительно была очень добра ко мне, предлагала помочь получить штатную должность секретаря на студии Paramount; надо полагать, у нее были знакомства с влиятельными людьми.

Она предлагала помочь вам писать художественные произведения?

Да. Она очень благожелательно относилась ко мне. На самом деле, если бы моего парня Джорджа не было со мной в этом городе, я бы часто подумывала принять ее предложение — и будь что будет. Я могла бы остаться у нее и закончить весь роман *Атлант расправил плечи.* А если бы я была одинока, то могла бы последовать за ней в Нью-Йорк.

А мисс Рэнд когда-нибудь приглашала вас вместе с собой на территорию студии Paramount?

Она сказала, что собирается работать в студии, и спросила, не хочу ли я пойти вместе с ней и посмотреть. Я сказала, что, конечно, хочу, однако это должно было произойти в будни, когда мне полагалось быть в школе. В те дни я и подумать не могла о пропуске занятий, так что я так и не побывала на киностудии.

Она когда-нибудь высказывала вам свое мнение о Голливуде?

Думаю, что она считала его волнующим, и знала, что я также восхищена им. Однажды она пригласила меня на премьеру, но я не смогла пойти.

Она собиралась устроить вечеринку и пригласила меня — так как знала, что мне нравятся Барбара Стенвик и Роберт Тейлор: «О, они будут там, так что приходи, познакомишься с ними». Я действительно хотела пойти, [однако] прием был назначен на будни, поэтому я не смогла попасть туда.

Это была, случайно, не премьера Источника?

Нет, я смотрела *Источник,* только без нее. Это была другая премьера.

Значит, это была премьера не ее фильма?

Кажется, она писала для него сценарий или хотя бы работала над ним. Помню, я ходила с подругой на такой фильм в театр Уорнеров в Голливуде. Мы были отгорожены специальной бархатной веревкой от знаменитостей и официальных лиц. Заметив Айн Рэнд, я подозвала ее, она подошла, недолго поговорила со мной и познакомилась с моей подругой.

Видели ли вы Айн Рэнд с другими звездами или знаменитостями?

Я познакомилась с Джанет Гейнор и Адрианом, когда они были у нее в гостях. Это случилось, наверное, году в сорок восьмом. Джанет Гейнор я знала по фильмам, а Адриан был тогда очень популярным модельером. Джанет Гейнор уже не играла, но оставалась очень привлекательной леди.

Кажется, они приехали к ней в гости, а я находилась наверху. Когда они уходили, миссис О'Коннор сказала что-то вроде: «Джун, иди сюда. Я хочу, чтобы ты познакомилась с моими друзьями. Это Джанет Гейнор» — тут глаза мои, ей-богу, вылезли на лоб — «и ее муж Адриан».

И что же вы им сказали?

Наверно, покраснела и сказала: «Очень приятно». Они вели себя очень сердечно.

Они находились в очень близких отношениях с Айн Рэнд?

Да, они были хорошими друзьями. Она разговаривала с обоими по телефону. Теперь я жалею о том, что не воспользовалась теми ситуациями, когда она приглашала меня на свои вечеринки. Причиной было то, что мы жили слишком далеко друг от друга, а в то время у меня не было собственного транспорта. А ведь я могла бы познакомиться с Барбарой Стенвик, Робертом Тейлором, Адрианом, Джанет Гейнор и Кларком Гейблом[100]. Но я разговаривала с Луэллой Парсонс[101] и Хеддой Хоппер[102].

Они обе дружили с Айн Рэнд?

Нет, кажется, только одна из них. По-моему, это была Луэлла Парсонс. Я ответила на телефонный звонок, и мужчина-секретарь сказал, что Луэлла Парсонс просит подойти к телефону мисс Рэнд. Я пошла к ней и сказала: «Луэлла Парсонс хочет говорить с вами». Потом, помнится, сказала: «Оказывается, у нее секретарь — мужчина», и миссис О'Коннор объяснила мне, что многие из голливудских кинозвезд и знаменитостей женского пола пользуются услугами мужчин-секретарей, выполняющих функции охраны и сопровождения.

Миссис О'Коннор также очень дружила с Джинджер Роджерс[103] и ее матерью Лилой Роджерс[104]. Когда к Айн Рэнд

приходили Джинджер Роджерс и ее мать, она приглашала и меня, потому что знала, насколько я люблю танцы Джинджер Роджерс. С ее матерью Айн Рэнд связывала тесная дружба. Они разговаривали по телефону. Я знала, что они приезжают с визитом, но не видела их. Они приезжали на обед или просто для того, чтобы поговорить.

Я чувствовала, что в философском плане они очень близки друг другу. Лила Роджерс была наиболее близка Айн Рэнд среди всех ее голливудских знакомых.

Не помню, чтобы она часто выезжала куда-то или вообще часто оставляла ранчо. Для такого случая нужен был какой-то совершенно выдающийся повод. Она не ездила по магазинам. Она всегда была дома и работала. Единственный раз, когда на моей памяти они куда-то отправились — единственный запомнившийся мне — произошел, когда она отправилась стричься.

Если не считать кухарок и домоправительниц, не думаю, чтобы я встречала кого-то еще в их доме.

Не можете ли вы припомнить какое-нибудь крупное текущее событие, о котором могла говорить Айн Рэнд в вашем присутствии или которое всплывало в разговоре, например, тема коммунизма?

О, в то время, когда я работала на нее, она ездила в Вашингтон на заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Я знаю, что активность коммунистов в Голливуде угнетала ее. Она просто стремилась туда… Мечтала дать показания, так что я осталась без работы на целый месяц.

А вы обменивались с мисс Рэнд рождественскими подарками?

Она дарила мне деньги, губную помаду и духи от Адриана или «Шанель № 5». Скорее всего «Шанель № 5», ее любимые духи.

Я видела у нее очень большой флакон духов от Адриана или «Шанель». Кажется, она говорила, что это подарок Альберта Маннхеймера. Помню, как она говорила, что не верит в даяния, что все должно быть заработано своим трудом. Кажется, она сказала мне так перед Рождеством. Но на последней неделе перед Рождеством я получила от нее подарок, чем была очень удивлена, потому что думала, что она не станет ничего дарить мне, будучи атеисткой и все такое. И тут я получаю отличный, продуманный и очень приятный подарок. Я не могла позволить себе ничего особенного, однако по вечерам она нередко раскладывала солитер, поэтому я подарила ей на Рождество колоду карт. На рубашках у них были изображены кошки. Подарок стоил мне не слишком дорого, но важнее всего внимание. Они действительно

понравились ей.

А она не играла в карты в перерывах между работой?

Она могла это делать. Я знаю, что Айн Рэнд часто играла в карты. И возможно, даже посреди дня. Именно поэтому когда я заметила, что ее колода изрядно растрепалась, то сказала ей, что нужно бы купить новую. Это было как раз перед Рождеством, и поэтому я решила сделать ей именно такой подарок.

Случалось ли мисс Рэнд и мистеру О'Коннору проводить вне дома выходные или такие дни, как Четвертое июля?

Не могу вам сказать. Расслаблялась она за музыкой. Музыка, которую она слушала, по-настоящему удивила меня. Помню только, что она любила классическую, оркестровую музыку; например, Шостаковича или других музыкантов классического жанра, наверно, не только его одного, но их имен я тогда не знала. Находясь наверху, я печатала или читала, а она внизу включала стерео на полную громкость. Брала в руки какую-нибудь палочку и дирижировала ей, как дирижер оркестром.

Я спросила ее, что это было, но помню только, что она ответила — Шостакович[105]. Это было возбуждающее… великолепное произведение.

Опишите, как мисс Рэнд орудовала палочкой.

Поскольку балкон изнутри был соединен с нижней гостиной, музыка заполняла собой весь дом. А она стояла и дирижировала, словно дирижер в оркестровой яме. Если бы вы могли видеть ее тогда, это действительно было нечто. Она делала так, когда играли любую вещь. Так она слушала музыку.

Что вам запомнилось в доме О'Конноров?

Наверху находились их спальня и ванная. Там было сплошное стекло и на окнах никаких штор. Можно было видеть находящиеся внизу дома, однако до них было далеко. Наверно, подсмотреть что-нибудь было нельзя. Если только не воспользоваться телескопом. И никаких штор, никаких. Шторы нарушили бы все впечатление. Впрочем, необходимости в уединении не было. Они, скорей, были бы нужны, чтобы заслонить гостиную от солнца и чтобы там ничего не выгорало.

А в Чатсворте было очень жарко?

Да, бывало такое. По правде сказать, я хорошо переношу жару, но тут случались такие времена, что я совсем не могла ее терпеть и мне приходилось просить Фрэнка О'Коннора перенести пишущую машинку и стол вниз, чтобы можно было печатать в более прохладном месте, даже снаружи дома, в тени.

В архиве хранится письмо, написанное вами мисс Рэнд 29 декабря 1949 года. Ваш близкий друг Джордж Курису сделал вам предложение, и вы написали об этом мисс Рэнд.

Он жил тогда в пансионе. Джордж родился на Гавайях. Он уволился со службы и вернулся домой на Кауаи.

Потом вы обедали в обществе мисс Рэнд, и что она сказала о вашем письме?

Стыдно сказать, но на самом деле я не поняла почти ничего из того, о чем она говорила. Я была рассеянна и в основном думала о том, успеем ли мы с Джорджем попасть в кино, если воскресным вечером мне удастся освободиться пораньше.

Мисс Рэнд познакомилась с вашим мужем еще до свадьбы?

Да. Моя подруга с женихом и мы с Джорджем приехали на ранчо, где все они познакомились с ней. Более того, у меня до сих пор хранится фотография обоих наших друзей около окружающего дом рва.

Ну и как Айн Рэнд отнеслась к чужим для нее людям?

Она познакомилась с обоими нашими друзьями и держалась с ними очень сердечно, дружелюбно и приветливо. Хотя их визит, должно быть, оторвал ее от работы.

Мисс Рэнд тогда часто курила?

Да. Но всегда с мундштуком.

И в какой же позе?

Она держала его вверх и от себя между большим и указательным пальцами. Иногда она меняла позу, однако, на мой взгляд, эта была очень и очень элегантной.

А имелись ли у Айн Рэнд другие характерные привычки, жесты, манеры что-либо делать?

Она много жестикулировала. И целенаправленно ходила. Она быстро шла к тому месту, которое ей было нужно. Думаю, эта привычка была у нее естественной. Кроме того, она всегда знала, что хочет сказать, и говорила нужные ей слова. И лазить за ними в карман ей не приходилось.

Могли бы вы описать обычный день в доме О'Конноров?

Он мог начинаться с легкого завтрака. Однако она могла и ограничиться одним кофе. Не знаю, как насчет Фрэнка, не уверена в том, что для него готовили. Ужин всегда были сидячими. Мы не переодевались к ужину — она тоже.

А как было за ланчем?

Кажется, он ограничивался сэндвичами.

Много ли времени он занимал?

Совсем немного, ровно столько, сколько нужно, чтобы поесть и вернуться к делам. Фрэнк О'Коннор возвращался к своему делу, она уходила в свой кабинет, а я возвращалась к пишущей машинке. Потом мы оба работали до ужина.

И в какое время он происходил?

Около шести или семи часов. Мы рассаживались, приходила

кухарка и обслуживала нас. От кухни до столовой нужно было долго идти, поэтому использовалась тележка, чтобы ей не нужно было сновать между столовой и кухней.

А что еще случалось за трапезой?

Она никогда не говорила на личные темы, о ранчо, о тех делах, которыми занимался Фрэнк. Разговор шел о текущих событиях, еще она могла расспрашивать меня о школьных делах. Трапезы никогда не проходили в полном молчании. Но говорила по большей части она сама.

А были ли у нее какие-то любимые темы?

Только не ее книги. Иногда она обсуждала то, что ей написала Пат Патерсон в последнем письме, если была с чем-то согласна или нет.

У вас появлялось впечатление, что она пытается убедить вас в собственных воззрениях?

Не думаю, чтобы в то время такое могло прийти мне в голову. Мне казалось, что она просто любит поговорить, что любит поговорить именно об этом, и больше меня ничего не интересовало. Она никогда не оставляла Фрэнка О'Коннора за рамками разговора, однако мне казалось, что она не ждет от него никакой реакции или комментариев. Он продолжал спокойно потреблять пищу. Он по-настоящему нравился мне. Более того, когда я увидела его на экране во время просмотра фильма *Айн Рэнд. Смысл жизни,* облик его пробудил приятные воспоминания, мне был приятен этот милый, добрый пожилой человек.

После ужина она иногда возвращалась к прерванной работе, но по уик-эндам, когда у них гостил Альберт Маннхеймер, и даже когда его не было, она вместе с Фрэнком О'Коннором уходила в свой кабинет, и они разговаривали там.

Почему они уходили в кабинет?

Потому что в доме не было укромного уголка, а гостиная была просторной и скорее подходила для крупной компании благодаря своей величине. В ней не было уютного, интимного уголка. Около стен стояли широкие диваны, а в центре комнаты находилось широкое свободное пространство. На мой взгляд, в кабинете было просто уютнее, потому что там стояли комфортабельные кресла и кушетка. Я помню, как Фрэнк устраивался на ней.

То есть по уик-эндам она или болтала с мистером Маннхеймером или все время работала?

Да.

Можете ли вы описать ее разговоры с мистером Маннхеймером?

Обычно я слышала повышенные голоса — в основном ее

голос, — доносящиеся из-за закрытой двери ее кабинета. Она допоздна вела философские дискуссии с Альбертом Маннхеймером. В них слышался не гнев, скорее различия во мнении. Возможно, таким образом она утверждала собственное мнение.

А что делал мистер Маннхеймер?

Он никогда не повышал голос. Так что я уверена в том, что это был спор. Он не почтительно слушал, пребывая у ног ее; он соучаствовал в обсуждении. Дверь в кабинет была закрыта, сам он находился внизу, и комната, в которой я находилась, располагалась за углом, наверно, стенка к стенке с кабинетом. Я слышала только звук голосов, но не сам разговор.

Следует ли из ваших наблюдений, что Айн Рэнд была лучшим другом Альберта Маннхеймера?

Да. Он бывал у них в гостях очень часто. Не знаю, писал ли он книгу — это было вполне возможно, хотя бы сценарии — однако она помогала ему делать карьеру. Я кое-что печатала для него, наверно, брала рукопись с собой домой, перепечатывала дома и привозила ему на следующей неделе. Помню, однажды он подарил мне губную помаду, наверно, от Адриана. Платила за нее, скорее всего, сама Айн Рэнд.

Каким образом она помогала ему делать карьеру?

По-моему, она давала ему советы, рецензировала написанное. В других случаях они просто разговаривали. Он приезжал к ним почти каждую неделю и оставался до утра понедельника.

Мисс Рэнд тренировала его или они находились в равной весовой категории?

Мне казалось, что она, скорее, была ему помощницей.

Расскажите еще что-нибудь об Альберте Маннхеймере.

Он был симпатичным мужчиной. Наверно, на середине четвертого десятка[106], но мог быть и моложе. Симпатичный и хорошо сложенный мужчина. Я считала их близкими друзьями.

У Альберта Маннхеймера были вьющиеся, лохматые или кудрявые волосы[107]?

Да, он был кудряв, но держал свою голову в порядке. Причесывался в стандартном стиле, но был кудрявым. Такой пригожий и хорошо сложенный молодец. Очень уравновешенный и не слишком эмоциональный. Я видела в нем скорее спортсмена, чем интеллектуала, — спортсмена, потому что он был атлетически сложен.

Где находился Фрэнк О'Коннор во время этих продолжительных бесед?

Иногда вместе с ними в кабинете, но не думаю, чтобы он проводил там весь вечер. Он ложился поздно, однако я не знаю,

где он был и что делал.

Опишите, как воспринимались вместе Альберт Маннхеймер, Айн Рэнд и Фрэнк О'Коннор.

Они были милы и сердечны друг с другом. Фрэнк О'Коннор говорил немного. Он делал свои замечания и отвечал на вопросы и все такое. При этом он не казался отстраненным и не проявлял признаков скуки.

Когда мистер Маннхеймер ужинал у О'Конноров, о чем они говорили с Айн Рэнд?

Не помню, однако они обсуждали множество тем. Сами ужины затягивались надолго. Я даже думала, что это раздражает кухарку, которой хотелось закончить ужин, убрать со стола и оставить кухню. Иногда ужины заканчивались довольно поздно — в половине девятого, даже в девять. Она не могла подать следующее блюдо или десерт, пока ей не позвонят. Помнится, для этого на стене была устроена кнопка, и Фрэнку О'Коннору приходилось вставать и нажимать ее.

А что особенным образом интересовало Айн Рэнд?

Разговоры на философские темы.

Вы проработали на Айн Рэнд два года. Какое впечатление она оставила у вас о себе?

Я видела в ней добрую женщину, совсем не склонную к манипуляциям людьми, однако уверенную в своих убеждениях и в том, как нужно поступать и что делать. В своих убеждениях она была абсолютно искренней. Она обладала очень твердыми идеалами, и в этом плане я не заметила в ней никаких перемен. Я видела, что она из тех женщин, которые знают, чего хотят и куда надо идти, и умеют попасть туда, куда им надо… она знала, что нужно делать, чтобы достичь поставленной перед собой цели.

Не думаю, что она была человеком спокойным — однако уверенной точно была. Думаю, что она была очень переменчивой в своих чувствах и философии. Не взрывной или вспыльчивой, но полной чувства. Она была «страстной», так лучше всего сказать.

Как она относилась к вам?

Мы пребывали в добром согласии. Она никогда не отчитывала меня, когда я делала ошибки при печати или при чтении корректуры или печатала не то слово, потому что не разобрала ее почерк, не знала его вообще и не сумела найти в словаре. Однако мне известно, что в то же самое время находившиеся в доме чернокожая кухарка, домоправительница и немка не любили ее. Не знаю, по какой причине.

Можете ли вы сказать, что во время вашего знакомства с ней Айн Рэнд была счастлива?

Да. Но если она не была счастлива, это не проявлялось

заметным для меня образом. Она находила счастье в своей работе, и, как мне кажется, работа эта продвигалась как надо. Она не была одинока, потому что рядом с ней был Фрэнк, и друзей у нее было ровно столько, сколько можно пожелать, и она могла общаться с ними по телефону, так что, на мой взгляд, она была счастлива. И поэтому я была удивлена, когда она так скоро уехала в Нью-Йорк.

А какие чувства вы испытывали по отношению к ней?

Мне она очень нравилась. Она была очень, очень добра ко мне. По сути дела, она содержала меня те два года, что я посещала Городской колледж Лос-Анджелеса, так как мои родные только что вышли из лагеря для интернированных и не могли финансово помочь мне. Поэтому, если я хотела посещать школу, то была вынуждена во многом полагаться на собственные силы, хотя папа поддерживал мое желание получить образование и даже более глубокую секретарскую подготовку. Каждую субботу и воскресенье она выдавала мне деньги, которых мне хватало на жизнь в течение недели и на все школьные расходы.

И если называть вещи своими именами, я ей крайне симпатизировала, а точнее, любила. Она была очень добра ко мне.

Ее идеи оказали влияние на вас?

В то время термина «объективизм» не существовало. Пользовались словами «индивидуализм» и «индивидуалистический». Словом, я усвоила от нее, что правительство существует не для того, чтобы помогать людям, что люди должны не отсиживаться дома, а работать. Вот моя соседка по комнате, когда я жила в «Эвергрин-хостел», очень милая девушка и моя добрая подруга, была либеральным демократом. Мы с ней устраивали философские дискуссии. Помню, как она говорила мне: «Этих идей ты нахваталась от Айн Рэнд». И знаете, наверно, она была права.

Я никогда не замечала, чтобы миссис О'Коннор была злой или мстительной. Она была очень открытым, очень честным и искренним человеком. Наверно, она оказала более глубокое влияние на мою жизнь, чем кто-либо еще.

А каким еще образом миссис О'Коннор могла повлиять на вас?

В известной степени я хотела усердно работать и кем-нибудь стать. Я хотела быть честной в своих отношениях к людям и не делать никому подлостей за спиной. Иногда случалось всякое, но я просто отворачивалась и говорила себе: я хочу достичь собственных целей, а этот человек в свое время добьется своих, и мне не о чем беспокоиться, потому что свое он получит. Я и в самом деле так считаю.

Давайте вернемся к Фрэнку О'Коннору. Опишите его.

Я считала его по-настоящему элегантным, очень милым и уравновешенным человеком. Он усердно работал на ранчо.

Каким образом?

Он ухаживал за павлинами. С ними было много хлопот. Насколько я помню, других работников там не было. Иногда они брали работника на какое-то время, но я никого не помню, наверно, потому что приезжала к ним на выходные.

Павлины жили за домом. Надо было выйти через заднюю дверь — пройти мимо кухни, двух спален и ванной комнаты. Там был открытый гараж с большим навесом. Потом нужно было выйти на дорогу, и ты оказывался у просторных вольеров с павлинами.

Он одевался в джинсы и рубашку, и я помню, как он шел с двумя ведерками каши или воды или чего-то еще к павлинам. Думаю, что еще ему приходилось чистить эти огромные клетки.

Ежедневный распорядок дня мистера О'Коннора совпадал с распорядком дня Айн Рэнд?

Думаю, да. Он не занимался уходом за домом или мелким ремонтом. Он работал строго на дворе, или, возможно, ездил куда-то, или выполнял отдельные поручения. Бездельничать у него не было времени.

Он хорошо одевался?

При полном параде он смотрелся потрясающим образом. Он был худым и высоким и потому прекрасно смотрелся в костюме. Фрэнк О'Коннор всегда выглядел элегантно — даже тогда, когда на моих глазах занимался работой на ранчо. Он проводил вне дома существенную часть своего времени. И при всем том всегда выглядел элегантно. Думаю, что его внешний вид производил соответствующее впечатление и на Айн Рэнд.

Он был наделен очень ровным нравом. Не помню, чтобы он когда-нибудь возвышал голос. Само его присутствие производило умиротворяющее воздействие. И я чувствовала, что он находится здесь ради Айн Рэнд и сделает все возможное, чтобы ей было радостно и уютно. Это был сильный мужчина, удовлетворенный своим местом в мире и тем, что он делал в нем. Я очень уважала его. Мистер О'Коннор был очень мудрым человеком.

А вы можете привести какой-нибудь пример?

Конкретно я ничего вспомнить не могу, однако знаю, что многочисленные комментарии, которые он делал по ходу бесед с Айн Рэнд, всегда оказывались уместными и хорошо продуманными. Даже при всей своей молодости — мне было тогда лет восемнадцать-двадцать — я понимала, что он не выходит из круга левых воззрений и что слова его всегда бывают

разумными и точными. Он казался очень уверенным в себе человеком. Я никогда не замечала, чтобы он угодничал перед Айн Рэнд или проявлял какую-то неуверенность в своих поступках.

С вашей точки зрения, их с Айн Рэнд отношения были отношениями равных?

Полагаю, что так. Их отношения могли сложиться совсем по-другому. Не сомневаюсь, что в некоторых случаях женщина, находящаяся на вершине карьеры, может быть очень властной, однако в ее отношении к мужу не было никакой снисходительности. Она определенным образом воспринимала его как равного, и, на мой взгляд, это было великолепно. Гэри Купер напоминал ей Фрэнка О'Коннора.

Она что-нибудь говорила вам об этом конкретно?

Она хотела, чтобы Гэри Купер снимался в *Источнике* именно потому, что он напоминал ей Фрэнка О'Коннора.

А какими они были между собой, она и мистер О'Коннор?

Никаких признаков любви в смысле объятий, прикосновений и поцелуев я не замечала, однако их связывало очень теплое чувство.

Опишите их вместе.

Я полагала, что между ними очень крепкая связь, что они образуют хорошую семейную пару. Видеть их вместе всегда было приятно. На мой взгляд, их связывали очень теплые, долгие и счастливые взаимоотношения. Я знаю, что их брак был удачным.

Как по-вашему, оказал он какое-нибудь влияние на произведения Айн Рэнд?

Она говорила, что видит в своих героях Фрэнка О'Коннора и что писала их по его образцу. В то время я думала, что она подразумевает под этим внешний вид. Ей нравились такие, как Фрэнк, высокие и худощавые мужчины, однако теперь я не сомневаюсь в том, что одной внешностью дело не ограничивалось.

Он был сильным, самодостаточным мужчиной. Он был уверен в себе, в том, что собой представляет, в своей жизни и собственных делах. Он всегда казался мне сильным человеком, способным настоять на своем и быть на страже своего замка.

Почему вы перестали работать на Айн Рэнд?

Потому что окончила школу, это было в середине июня 1949 года.

Придерживались ли вы христианских взглядов в разговорах с мисс Рэнд?

Она была атеисткой. Думаю, что она сама взрастила в себе это убеждение. Она никогда не пыталась оспорить мою религиозность, в которой я была воспитана от рождения. Ее

интересовало, чем я занимаюсь, с кем встречаюсь, за кого выхожу замуж, она хотела больше узнать про Джорджа.

Она радовалась за вас, когда вы вышли замуж?

Да. Она была довольна, потому что это было то, чего я хотела. Не помню, чтобы она когда-нибудь говорила мне комплименты, но могу сказать — думая об этом теперь — когда я была ей приятна, или она была довольна моей работой, или просто была безразлична к моему присутствию.

Ваш брак был совершен по христианскому обряду?

Да, но не в церкви. Нас обвенчали в резиденции YWCA, Молодежной женской христианской организации, в трехэтажном здании, предназначенном для одиноких женщин. Поженились мы без особого размаха. Присутствовали только самые близкие друзья. Айн Рэнд была приглашена в качестве моего бывшего работодателя. Мы поженились 11 июня 1950 года.

А почему вы пригласили Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора?

Думаю, что я просто отправила им приглашение, даже в мыслях не имея, что они могут прийти. Для меня это приглашение скорее было извещением о нашей с Джорджем свадьбе. Кажется, она позвонила, сказала, что они придут, и попросила некоторых пояснений. Я была очень рада ее присутствию. Но настолько захлопоталась, что даже не улучила возможности представить ее всем остальным. Наверно, все остальные и так знали ее — не как знаменитую писательницу, но как знаменитую работодательницу.

Я посмотрела список гостей, и она расписалась в нем как Айн Рэнд, а он как Фрэнк О'Коннор.

А вы помните, какие подарки она вам сделала?

Во-первых, блюдо бирюзового цвета — одного из самых любимых ее цветов — такое большое, что мне едва удавалось обнять его перед собой, и соответствующую ему вазу. Ваза потом каким-то образом разбилась, но я до сих пор храню блюдо, причем в оригинальной упаковке. Не помню, когда она подарила мне его, на свадьбу или по другой оказии, но я получила от нее также тостер.

Наш друг-фотограф снял нас с Джорджем на свадебной фотографии идущими к тротуару. Сам он стоял на тротуаре, а за нами располагались наши гости. Фрэнк О'Коннор и Айн Рэнд есть на этом снимке.

Джек Портной

Джек Портной — это кузен Айн Рэнд, с которым она познакомилась в 1926 году. Он посетил ее в Калифорнии 8 февраля 1948 года.

Дата интервью: 3 июля 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Расскажите мне о вашей встрече с Айн Рэнд в 1948 году.*

Джек Портной: Хотя познакомились мы еще в 1926 году, в доме ее я побывал очень не скоро, это произошло в Калифорнии. Мы были у нее в гостях втроем: мой кузен Барт Стоун, его жена и я. Фаворитом Айн в данной ситуации был Барт. Я, так сказать, состоял при нем, так как знал ее не настолько хорошо и был еще молод, так что она в основном обращала внимание на него.

Она показала нам свой дом, и это было очень интересно. Прямо посреди ее дома росло дерево[108]. В то время она писала роман *Атлант расправил плечи* и позволяла себе кое-какие эксцентричные выходки. Она обогнула длинную иглу вокруг большого пальца и колола ей другие пальцы, выжимая капельки крови. Я спросил: «Какого дьявола вы это делаете?» Она ответила: «Для того, чтобы не позволить мыслям заснуть».

Еще она рассказала нам, что пишет под музыку и заставляет свое повествование следовать ей. Некоторые из написанных Айн книг произвели на нее такое сильное впечатление, что, по ее словам, она даже плакала после кульминации отдельных любовных сцен.

То есть вы видели ее за письменным столом?

Нет, этого я не видел. Она только рассказывала нам о том, как работает. Но когда она написала главу романа *Атлант расправил плечи,* мне захотелось прочесть ее, потому что Айн с таким волнением рассказывала о ней, однако она сказала «нет»: ей было неинтересно, чтобы я читал ее; она хотела, чтобы это сделал мой кузен, однако это предложение его не заинтересовало.

А вы не помните, какой музыкальный отрывок она слушала, когда писала?

Нет. Помню только, что свою классику она слушала жутко громко, я сказал: «Боже мой», и она убавила звук.

Джин Эллиотт

Джин Эллиотт была секретарем Айн Рэнд с 1949 по 1951 год. Мисс Эллиотт умерла в 2005 году.

Даты интервью: 19 сентября и 22 октября 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Когда вы работали на Айн Рэнд?*

Джин Эллиотт: Насколько я помню — с ноября 1949-го примерно два года.

Как вы получили эту работу?

В то время я жила в Чатсворте, работала в магазине сувениров, и мои добрые друзья, Дэвидсоны, жили по соседству с О'Коннорами. Они были мужем и женой, и Дэвидсон однажды позвонил мне, сказал, что мисс Рэнд ищет секретаря, и спросил, не интересует ли меня такая вакансия. Я съездила к мисс Рэнд, прошла собеседование и получила работу.

Вы уже слышали о ней?

Да, я знала, что она писательница, и знала, что она живет на Тампа-авеню.

А как она проводила собеседование с вами?

Она задала мне несколько вопросов, я ответила на них, и мне сразу показалось, что дело сделано, беседа не заняла много времени, и она решила нанять меня.

Какую работу вы выполняли для мисс Рэнд?

Я перепечатывала рукопись ее романа *Атлант расправил плечи.* Она писала обыкновенным почерком. Думаю, что кто-то занимался этим делом до меня; свою работу с ней я начала примерно на половине книги.

Должно быть, вам было очень интересно.

Действительно. Мисс Рэнд была крупной и очень умной личностью. Она как никто умела связывать воедино слова.

И какова она была как личность?

Мы с ней очень хорошо ладили. И конечно, большую часть времени наше знакомство являлось чисто деловым. В рукописи этой воплощался весь смысл ее жизни; по-моему, она жила, ела, пила и спала исключительно ради нее.

Случалось ли вам просто сидеть у нее и читать эту книгу или же вы прочитывали ее по мере того, как печатали?

И то, и другое. Когда я начала работать на нее, она дала мне прочитать все напечатанное прежде.

Зачем она это сделала?

Не знаю, разве только для того, чтобы познакомить меня с произведением, текст которого я печатала.

А что она делала с отпечатанными вами листами? Она их куда-нибудь убирала?

Думаю, что у нее был оригинал и одна его копия, и оба текста она держала под замком.

Значит, у нее был сейф?

Возможно, она держала рукопись у себя в доме.

Каким было ее ежедневное расписание?

Кажется, когда я только взялась за это дело, то получала тексты, написанные ею за один-два дня. Когда я приезжала к ней в дом, она всегда находилась в своем кабинете и писала. Я приходила в ее кабинет, мы недолго болтали, и она передавала мне все, что хотела перепечатать из написанного ею за то время, пока меня там не было.

Это был черновой текст или его уже отредактированный вариант?

Нет, это был черновой текст.

Вам приходилось заставлять ее прерывать работу?

Я не прерывала ее, кроме тех случаев, когда выданный ею текст заканчивался; в таких ситуациях я вставала и шла за новым, если она уже успевала написать его. Насколько я помню, она почти всегда находилась в своем кабинете. В то время она писала почти без перерыва. В то время, когда я встречалась с ней, она работала над книгой. Она всегда работала. Иногда даже по ночам.

В какое время она заканчивала работу?

Случалось по-разному. Все зависело от настроения: если она хотела что-то еще сделать, написать еще несколько страниц, тогда она продолжала работать. Не сомневаюсь в том, что она засиживалась за письменным столом до поздней ночи, только я при этом не присутствовала.

Она когда-нибудь упоминала о своей семье или о родственниках?

Очень редко. Я знаю, что в России у нее осталась сестра. Не знаю, как это случилось, просто знаю, что у нее была сестра, с которой она много лет не виделась.

Каким был Фрэнк О'Коннор с точки зрения личности и характера?

У него был хороший характер. Я бы сказала, что он был отнюдь не пустяковым человеком.

А чем занимался мистер О'Коннор в течение дня?

Он любил цветы и выращивал на участке гладиолусы. Им принадлежало около пятнадцати акров[109] земли. Он выращивал эти гладиолусы на небольшой части своего участка. Возможно, он

выращивал и другие растения. Однако он больше всего интересовался цветами и в основном проводил время вне дома: следил за состоянием их участка и поддерживал его в порядке.

Кто читал черновики — Фрэнк О'Коннор или только вы?

Не сомневаюсь в том, что он прочитывал их. Они с мисс Рэнд были очень близки друг с другом, книга, которую писала она, была дорога им обоим, и я уверена в том, что они постоянно обсуждали ее. Возможно, она видела в нем критика.

Мистер О'Коннор продавал произведенную на ферме продукцию?

Он выращивал свои цветы и продавал их оптом. Но не торговал ими, сидя перед дверями своего дома.

Мистер О'Коннор возвращался домой обедать?

Да, Айн, Фрэнк и я обедали вместе, когда я работала у них.

А чем они кормили вас на ланч?

Я помню у них только одно традиционное блюдо — борщ. Говорила в основном Айн, а я слушала.

О чем же она говорила?

О, обо всем, что есть под солнцем. Обо всем. О книге, о том, что думала, о том и о сем. Фрэнк всегда находился рядом и поддерживал ее.

Всегда поддерживал?

Да. Как я упоминала, он говорил не слишком много. Ланч занимал около часа, затем снова начиналась работа. Мой рабочий день составлял в сумме восемь часов. Кроме того, мне предоставлялся часовой или полуторачасовой перерыв на ланч. Еще у меня было два перерыва, один утром, другой после обеда, я уходила от них обыкновенно около пяти вечера.

Ваше общее впечатление о Фрэнке О'Конноре?

Он всегда был с ней рядом, и я думаю, что он поддерживал ее и вообще был ее Гибралтарской скалой.

Где находился ваш кабинет?

Наверху есть балкон, расположенный над всей гостиной и обеденным пространством. В одном конце его она поставила стол и пишущую машинку, там я и работала.

Приходилось ли вам писать под диктовку мисс Рэнд?

Да, приходилось печатать на слух нужные ей деловые письма. Но их было очень немного. Обыкновенно приходилось печатать письма почитателям, которым она хотела дать ответ.

Случалось ли мисс Рэнд болеть, уставать, проводить день без работы?

Такого я не замечала, во всяком случае в ту пору, когда работала у нее. Усталости она не знала. Сомневаюсь, чтобы она брала больничный хотя бы раз в своей жизни.

Случалось ли вам видеть ее очень счастливой?

Да, она могла быть очень счастливой, но и очень несчастной тоже.

Не могли бы вы привести кое-какие примеры?

Счастливые эпизоды, как правило, были связаны с ее книгой. Если ей случалось закончить какую-либо существенную часть, она нередко вручала ее мне и требовала, чтобы я прочла ее вслух, но негромко. Она наблюдала за моим лицом, стараясь уловить мое выражение и реакцию на прочитанное.

И ей была интересна ваша реакция?

Да.

Что еще делало ее счастливой?

Те случаи, когда Фрэнк заходил в кабинет. Его появление бывало ей в радость.

А как она вела себя в гневе?

Сверкала черными глазами во все стороны. Она была очень сильной личностью.

В каком смысле?

Она была очень уверенной и умела так произносить слова и расставлять точки с запятыми, как никто из тех, с кем я была знакома. Она умела сказать так, что произнеси кто-то другой те же слова, у него и вполовину впечатления не получилось бы.

Как она относилась к людям?

Прежде чем почувствовать симпатию к кому бы то ни было, она должна была ощутить, что может доверять этому человеку. Она не испытывала мгновенных симпатий и антипатий.

А было ли в доме мисс Рэнд нечто особенное? Какая-нибудь мебель, картины или что-то еще?

У нее был очень большой, очень длинный обеденный стол. За ним можно было усадить как минимум двенадцать человек. Во всем прочем у нее была вполне обыденная обстановка, диван, кресла.

Как она одевалась?

Всегда в штанах, широких брюках и какой-нибудь блузке, очень простой. И в спортивных туфлях на низком каблуке.

А вы можете назвать какой-нибудь фильм, который смотрели О'Конноры и который нравился им?

Нет, не думаю, чтобы они особенно много выходили из дома. Я знаю, что в тех немногих случаях, когда они куда-либо выходили или были приглашены в какое-то нужное им место, она просила меня приехать и покараулить дом. То есть покараулить рукопись.

Значит, вы знали, где находилась рукопись?

Нет, не знала и до сих пор не знаю. Никогда не знала.

Что же вам надлежало делать, если бы что-то случилось во время одного из таких дежурств?

Этого я не знаю, хотя тогда часто пыталась понять.

Вам нравилась Айн Рэнд?

О да! Она была человеком прямым, честным и искренним, серьезным и очень умным.

Можете ли вы рассказать что-нибудь о встрече Рождества в доме О'Конноров?

На Рождество Фрэнк обыкновенно привозил домой и ставил огромную елку, очень красивую и благодаря балкону прекрасно смотревшуюся в этой комнате. В ней было футов десять, она выглядывала над краем балкона, и он ее прекрасно украшал. У него был превосходный художественный вкус. Я была в их доме на два Рождества и помню обе эти елки — они были украшены самым великолепным образом.

То есть?

Одна елка была украшена одними красными шарами, между которыми спускались ленты… очень профессионально украшена, очень.

Почему вы оставили работу у мисс Рэнд?

Я оставила работу у Айн Рэнд, потому что ушла в «Джей Си Пенни». В Резеде как раз открывали новый магазин. И я получила расчет, прошла собеседование и стала менеджером по кадрам.

Как вы распрощались?

Очень мило. Я сказала ей, что нашла постоянную работу, которую давно искала, и она отнеслась к этому очень по-доброму. Она меня поняла. Сказала, что все в порядке и нечего беспокоиться за них.

Рут Биби Хилл

Рут Биби Хилл была подругой Айн Рэнд, которая прожила двадцать лет в чатсвортском доме О'Конноров, после того как в 1951 году они перебрались на Манхэттен. Она работала редактором, а также была автором книги *Hanta Yo*[110] (1979), бестселлера *Нью-Йорк таймс*.

Даты интервью: 22 июля, 4 и 12 сентября, 7 и 14 ноября 1996 года, а также 11 июня 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Рут Биби Хилл: Я познакомилась с ней через свою давнюю подругу, Джин Эллиотт, ставшую ее секретарем в 1949 году. Дело было на первой неделе ноября 1949 года. И я сказала Джин: «Хорошо, теперь ты нашла Айн, и я даю тебе шесть дней на то, чтобы ты привела меня в ее дом. Я хочу познакомиться с ней». Через пять дней Джин звонит мне и говорит: «В четверг на следующей неделе, в восемь вечера». В восемь вечера, потому что Айн заканчивает работать в восемь.

До этого Джин не слышала об Айн Рэнд, но когда мы прибыли в Калифорнию в августе 1949 года, я рассказала ей об этой женщине. Через два дня после этого она узнала, что Айн Рэнд нужен секретарь. Она прошла собеседование, и Айн взяла ее на работу. Джин думала, что ее обязанности будут носить общественный характер, потому что ранчо было большим, и она решила, что хозяева ведут общественный образ жизни.

Однако Айн четко очертила ее обязанности с самого первого дня. Она показала Джин место, где ей придется работать — стол в северной оконечности галереи, после чего спросила: «Вы понимаете мой почерк?» Джин пробежала глазами листок и ответила, что понимает. Тогда Айн сказала ей: «Вы должны понять следующее. Это будет правилом вашей работы. Единственным правилом. Нельзя ничего менять: ни запятой, ни точки с запятой, ни предложения, ни слова, ни правописания». — «Ничего не менять, — согласилась Джин. — Поняла». И начала печатать.

Расскажите мне о вашей первой встрече с Айн Рэнд.

На этой встрече произошло некоторое несчастье. Я по недоразумению произнесла слово «Платон». Мой муж [доктор Борроуз «Баззи» Хилл] не был приглашен — только я и Джин. В восемь часов мы уже стояли у знаменитой медной двери с

пуленепробиваемым стеклом, за которым находилось вырезанное в дереве изображение Торы. Айн открыла дверь, муж стоял позади нее. И я сказала, не дожидаясь взаимных представлений: «Должно быть, вы самый глубоко религиозный человек из всех известных мне». И Айн ответила: «Входите».

Я любила сидеть на полу. Мы находились на террасе, и на полу было не слишком тепло, однако Фрэнк развел в камине огонь. Другого источника тепла в этой гостиной площадью в 1200 квадратных футов[111] не было. В доме царил арктический холод. У О'Конноров были только небольшие переносные электрообогреватели. И никакого центрального отопления.

И вот я сижу на полу, длинная кушетка позади меня слева. Фрэнк сидит в своем обычном кресле. Айн Рэнд находится на ближней ко мне стороне кушетки. Джин на дальней. Мы только что переговорили на тему *Источника* и, в частности, о Говарде Рорке. Я прикидываю, что нам можно задержаться здесь на полтора часа, а потом любезным образом откланяться. И вопрос, который задала мне Айн в конце этого часа, стал причиной моего падения. То, что я ответила, не было ошибочным, однако я проявила неосторожность, неосторожность в энной степени, потому что хотела произвести впечатление. Я была буквально влюблена в *Источник* и потому распространяла свою любовь и уважение на автора этого романа. Я надеялась, что Айн скажет: «Мне хотелось бы еще раз переговорить с Рут Хилл; я хочу, чтобы она еще раз пришла к нам». Я помню, что эта мысль так и вертелась в моей голове.

Я сказала ей о том, что запомнила наизусть краткий вариант *Источника.* Она сказала, что запомнить такую книгу непросто. А я ответила: «Хорошо, тогда слушайте ее; я продемонстрирую. Слово в слово. Я не пересказываю, текст остается вашим. И ничего не добавляю. Я произношу его в течение полутора часов, однако лучше, когда на представление отводится два часа». Еще я сказала, что несколько сокращаю текст, однако пользуясь только словами Айн Рэнд, но не своими. Она ответила: «Это замечательно».

Потом она спросила, какие еще книги я запоминала. Я ответила: «*Государство* Платона». И сразу же умолкла, потому что комната вдруг наполнилась холодным воздухом, замерзла, как бы окостенела от мороза. Замерзла, эта вот огромная открытая гостиная, посреди которой над нами поднимался большущий филодендрон. Тут я поняла: что-то не так. Я особо не занималась Платоном и не знала, что в недавно произнесенной Айн лекции она назвала Платона прародителем коммунизма.

Философии Платона она на дух не переносила, и Фрэнк знал

об этом. И знаете, как он поступил? Немедленно оказался рядом со мной, взял меня под руки, так что мне даже не пришлось опереться рукой, чтобы подняться с пола — с этого пола трудно было подняться сколько-нибудь изящным образом. И, поддерживая меня, отвел к креслу — при этом никем не было произнесено даже слова — усадил в него и негромко и невозмутимо произнес: «По-моему, вам будет здесь теплее». После чего взял что-то из одежды, прикрыл мне ноги до талии и подоткнул по краям. Фрэнк О'Коннор понимал, что именно произошло. И, повернувшись к Айн, сказал: «Рут просто вспомнила свои студенческие дни, когда ей наверняка приходилось зазубривать всякое, — а потом добавил: — Не выпить ли нам кофе?» Таков был Фрэнк О'Коннор. Больше на эту тему не было ничего сказано. Никогда.

Как развивались ваши отношения после этого?

Я регулярно общалась с О'Коннорами в течение двух лет, с 1949-го до августа 1951 года. Мы часто встречались с Фрэнком и Айн, хотя жили не так уж близко друг к другу. Почти каждый уикэнд нас приглашали в долину Сан-Фернандо из Ньюпорт-бич, где мы жили.

Как мисс Рэнд относилась к вашему мужу, доктору Хиллу?

Айн однажды сказала мне: «Рут, ты мне нравишься и знаешь об этом, однако твоим мужем я восхищена в полной мере. И если ты вполовину такова, какой я тебя считаю, то понимаешь, что именно я хочу сказать». Я поняла ее и оценила ее слова. Баззи был ученым по самой сути своей, он открыл молочную дегидрогеназу, новый энзим в кровяной сыворотке. Айн Рэнд сделала правильный выбор среди нас двоих.

Мои разговоры лично с Айн ограничивались телефоном, но мой муж и Айн частенько беседовали с глазу на глаз. Они прогуливались среди рядов смородиновых кустов на задворках имения на Тампа-авеню и по ходу дела щипали ягоды. И конечно же, он был очень дружен с Фрэнком.

Мой муж составлял идеальную компанию для Айн. Будучи ученым, он, как положено ученому, отвечал на все ее вопросы и соображения, то есть без всяких бурных фантазий… Он не стремился произвести впечатление, даже не думал об этом. Он мог сказать ей и приятные и неприятные вещи, и она слушала его.

Кстати говоря, Айн и Баззи собирали марки, и поэтому много разговаривали на филателистические темы. Они были буквально заворожены марками, не с коммерческой точки зрения, но скорее как изображенной в картинках историей.

Когда вы бывали у Айн Рэнд на этих ужинах, какими развлечениями вас потчевали?

Развлечением было общество самой Айн Рэнд.

О чем разговаривал с Айн Рэнд ваш муж?

Ну, обо всем. Ее очень волновали его исследования в области рака. Он умел рассказать о них понятным образом. Ей было очень интересно слушать про энзимы и о том, как сложно устроен сам человек.

А не помните ли вы какие-нибудь анекдоты или смешные истории, связанные с вашим мужем и Фрэнком О'Коннором?

Вместе они много смеялись. Помню, как-то раз О'Конноры были у нас в середине декабря, и Фрэнк стал говорить о том, как он любит Рождество и модельные железные дороги. Как и мой муж. У нас была 16-миллиметровая железная дорога и поезд компании «Лайонел», однако наши деньги пошли на 16-миллиметровую дорогу. И нам было очень приятно на Рождество разложить нашу дорогу. Фрэнку тоже. И на Рождество Фрэнк собрал свою дорогу на полу огромной гостиной дома 10 000 на Тампа-авеню. Наши мужчины были очень похожи; они любили не только игрушечные поезда, но и выращивание цветов.

А что Фрэнк делал со своим поездом?

Играл. Сидел на полу и играл с поездом. И поэтому я хотела показать Фрэнку на Рождество наш поезд. Я пригласила их на ужин. И рассчитывала увидеть Айн в брюках. Когда мы обедали у них в доме, она всегда одевалась в свободном стиле, поэтому я никогда не видела ее такой, какой в тот раз она предстала перед моей дверью. Она была в платье от Адриана. Я затаила дыхание. Платье ее было черным. Ткань украшали миниатюрные серебряные звездочки и полумесяцы. Пол за ней заметал двухфутовый шлейф.

И как же она держалась?

Чуть по-девичьи. Ей хотелось быть женственной. Единственный раз в жизни я поцеловала Айн, когда она, не помню уже что, сказала, но настолько по-девчачьи, и она сидела в кресле, а я зашла сзади, поцеловала ее в макушку и поняла, что ей это понравилось. Она отреагировала как пятнадцатилетняя девушка, и она была такой в этом платье от Адриана.

В тот вечер я сделала цветочную аранжировку, которая, по моему мнению, должна была понравиться Фрэнку. Помню, как сказала ему, что надеюсь на то, что сумела составить букет именно в духе Рождества. Он тогда ответил, что ему приятно входить в дом, украшенный для Рождества. Однако от Айн не было никакой реакции. После этого мальчики затеяли игру со своими поездами, Айн следила за ними, а я на кухне возилась с кастрюлькой рубленой свинины, приготовленной мной для гостьи в шелковом платье со шлейфом от Адриана!

Не помню, чтобы в их доме нас когда-либо угощали вином. Фрэнк наливал нам и себе мартини, Айн ограничивалась всегда севен-апом, имбирным элем или какой-нибудь другой газировкой. Она говорила, что не осмеливается пить алкогольные напитки, потому что ее организм может не справиться с дополнительными стимуляторами.

Айн рассылала на Рождество поздравительные открытки. Мы получали их в течение четырех лет. Помню, что я удивлялась тому, что Айн не знает, как подписать рождественскую открытку. Подписывать ли ее: «Айн Рэнд и Фрэнк О'Коннор»? Потом она, наверно, думала так: «Ну, те, кто не знает меня — будут гадать, кто такой Фрэнк, если не знают, что я миссис Фрэнк О'Коннор». Большинство людей знали ее как Айн Рэнд.

Три различные рождественские открытки были подписаны по-разному. И наконец, полученная в 1951 году была подписана «Айн и Фрэнк О'Коннор».

Насколько я понимаю, в 1950 году вы устроили беседу с мисс Рэнд.

Я договорилась, чтобы она встретилась с группой, носившей название «Книги и авторы» [8 октября 1950 года]. Мое описание группы ее не заинтересовало, поэтому я сказала ей, что являюсь помощницей ее основательницы, Хелен Гирвин. И спросила: «Неужели вы не хотите продать еще некоторое количество экземпляров?»

В нашей группе были и очень состоятельные женщины. Ежемесячные собрания происходили в отелях «Беверли-Хиллз» или «Амбассадор». Она сказала: «Я должна знать, с кем буду встречаться. Мне надо знать, кто управляет всем этим обществом». — «Ну ладно. Вы встретитесь с основательницей и президентом. Мне привезти ее к вам в дом? Или вы хотите посетить Хелен Гирвин в ее доме, в Голливуде?» — «Нет, привезите ее сюда». И я привезла ей Хелен Гирвин, только что вернувшуюся из Бостона — прямо в перчатках и вечерней шляпке.

Айн не просто расспрашивала Хелен Гирвин, она прямо-таки допрашивала ее. Она задавала разные философские вопросы и внимала тому, что подразумевалось в ответах. Айн всегда говорила, что нужно следить именно за тем, что подразумевается. Она задавала прямые вопросы, и Хелен давала ей столь же прямые ответы, при этом не задумываясь ни на мгновение. Хелен держалась по-королевски. Она дала понять Айн, что восхищается ею и очень многого ожидает от этой беседы. Члены общества с восторгом встретят ее выступление. И после получасового собеседования Айн заявила, что будет рада принять приглашение.

Впоследствии Айн сказала мне, что со времени публикации

Источника появление в «Книгах и авторах» дало ей первый повод для столь глубокого выступления. А я спросила: «Сколько народа было на этой встрече?» Она ответила: «Небольшой книжный клуб».

В Хрустальном зале лос-анджелесского отеля «Амбассадор» собралось пять-шесть сотен человек. Лора Скаддер ехала в госпиталь на несложную операцию, однако она велела своему шоферу остановиться на час, чтобы она могла послушать выступление Айн Рэнд[112]. Встреча эта была такой большой новостью, что Лора Скаддер не могла пропустить речь Айн, редко появлявшейся тогда на публике. И Айн была просто изумительна. Речь ее заняла, скажу откровенно, менее двух минут. Каждому оратору — обычно их бывало пять на каждой встрече — предоставлялось десять минут.

И что же она сказала?

Она представилась как автор, в общих чертах охарактеризовала свой писательский метод и часы, уходящие на сочинение. Не помню подробностей. И вдруг я слышу такие слова: «Но я не хочу произносить речь. Я хочу услышать ваши вопросы. И ответить на них».

Одна из моих подруг задала первый вопрос: «Мисс Рэнд, в *Источнике* присутствуют удивительные любовные сцены между Говардом Рорком и Доминик, и мне хотелось узнать, не отразился ли в них ваш личный опыт?» Айн ответила коротко: «Вы принимаете желаемое за действительное». И все. Конечно, такой ответ понравился всем.

После завершения заседания началась раздача автографов всех участвовавших авторов. Хелен отправила меня распоряжаться продажей книг. Я разложила на столе стопками книги каждого автора. Усевшись, чтобы подписывать книги, Айн не могла поверить тому, какая очередь выстроилась к ее столику. Однако еще больше она была удивлена тем, что у меня обнаружились экземпляры *Гимна.* Дело было в том, что я делала инсценировки *Гимна*. Я не закупала их, однако Хелен заказала заметное количество экземпляров этого произведения. Я помню, как Айн посмотрела на меня и спросила: «Что ты делаешь?» Я ответила: «Продаю *Гимн»*. Она удивилась: «Где ты нашла столько экземпляров?» Я улыбнулась: «Наловила на хорошую наживку». Она смотрела на меня полным восхищения взглядом. Кстати говоря, мы продали тогда все шесть десятков экземпляров *Гимна*. И много-много экземпляров *Источника.*

Айн попросила меня познакомить ее с присутствовавшим в аудитории молодым человеком, который, по ее мнению, был похож на Фрэнка. Неделю спустя я пригласила его на небольшую

вечеринку в собственном доме, присутствовали Айн и Фрэнк.

А мисс Рэнд бывала на ваших инсценировках ее романов?

Айн посетила Голливуд, чтобы услышать инсценировку *Источника* на собрании AAUW, Американской ассоциации университетских женщин. Перед этим я три или четыре раза приглашала ее послушать мои выступления перед другими аудиториями. Однако она спросила: «И ты дерзаешь?» А я ответила: «Что это значит — дерзаю?» Она сказала: «Дерзаешь выступать со своей инсценировкой передо мной?» И я сказала: «Вы абсолютно правы, и вот еще что, я умею делать свою постановку совсем не хуже вашего текста». Смеяться она не стала, но просто улыбнулась.

Наверно, я читала перед публикой *Гимн* полторы сотни раз. Этот спектакль был особенно популярен в клубах благодаря своей небольшой длине. Однако *Источник* оставался моим любимым спектаклем.

И что же сказала мисс Рэнд после того как выслушала ваше прочтение Источника?

Она сказала, что не может поверить в то, что можно иметь такую память. Замечание у нее нашлось только одно: я переставила строчку в описании личности одного персонажа. По ее мнению, результат оказался неудовлетворительным.

Собралось довольно много народа, и по требованию Айн никто не знал о ее присутствии. Сидевшая рядом с ней женщина сказала Айн: «Боже мой, а я даже не представляла, что существует такая замечательная книга, не говоря уж о том, чтобы прочесть ее. А вы читали этот роман?» Впоследствии Айн сообщила мне, что пережила в это мгновение один из высших моментов своей жизни, ибо имела право сказать: «Я написала ее!» Она была очень горда собой. А женщина отвернулась и едва не упала в обморок. Она не знала, что сказать и как поступить.

Итак, мисс Рэнд осталась довольна вашей инсценировкой?

Да, очень довольна. Жаль только, что она не присутствовала на представлениях *Гимна*.

Что вы можете рассказать о своих разговорах с ней?

Айн Рэнд интересовалась людьми, у которых имелись собственные идеи. Не столько идеалы, сколько идеи, идеи, идеи. В идеях она усматривала смысл своей жизни. И поэтому разговоры с ней затягивались до глубокой ночи. Она слушала других людей — вне зависимости от того, что они говорили. И насколько я помню, очень внимательно слушала слова моего мужа.

А она разговаривала с вами об Источнике?

Она говорила мне: «Это всего лишь прелюдия. Всего лишь

прелюдия, Рут, к моей новой книге». Конечно, тогда я не знала ее названия, и моя приятельница Джин Эллиотт ничего не рассказывала мне, она даже не упоминала в моем присутствии слово «забастовка»[113] или какие-либо подробности относительно наполовину завершенного к этому времени романа *Атлант расправил плечи*.

Когда я говорила с Айн после публикации романа *Атлант расправил плечи*, я сказала, что по-прежнему люблю *Источник* и его персонажей. И она почти теми же словами сказала по телефону: «Да, но в сравнении с романом *Атлант расправил плечи?»*

Случалось ли мисс Рэнд редактировать вас?

Однажды я процитировала ее в бюллетене PTA[114] [Ньюпорт Бич, Калифорния], редактором которого являлась. Я воспользовалась одной строкой *Гимна*: «Я научу своего ребенка стоять на собственных двух ногах». Она была недовольна тем, что я вставила в нее слово «два», которого не было в оригинале.

Какой была Тампа-авеню в 1949 году?

Домов на ней почти не было, только один на углу Тампы и Девоншир и еще один в южной стороне улицы возле Нордхоффа. Тампа не была замощена, и вдоль западной стороны этой грунтовки акр за акром тянулись апельсиновые сады.

С кем общались О'Конноры?

Они рассказывали мне, что однажды пригласили к себе модельера Адриана и актера Джозефа Коттена. В ту ночь Фрэнк запустил машинку, делающую мыльные пузыри, которыми в итоге оказалась усеяна вся их гостиная площадью в 1200 квадратных футов.

А что еще делалось в доме?

Когда у Айн затормаживался творческий процесс, она выходила на поле своей фермы и начинала собирать камни. Однако она не коллекционировала их, а просто уверяла, что камешки нравятся ей на ощупь. Она набирала сотни камней и раскладывала их по маленьким коробочкам. Мне она говорила, что таким образом отдыхает. Она их собирала, а затем сортировала по размеру. Поскольку в этом занятии не было никакого смысла, она собирала камни любого размера, но одного и того же серого цвета. Когда мы переехали в их дом, я обнаружила там 120 небольших коробок, наполненных камнями. Каждая картонка содержала камни одного размера. Все они находились в том кабинете, где она писала роман *Атлант расправил плечи.*

Что еще вы можете сказать о ее писательской манере?

Однажды я заметила на земле под березами рваные клочки

бумаги. Я сразу же увидела, что на них что-то написано пером и чернилами почерком Айн, и потому сказала «ого!» и нагнулась к ним, потому что они были нужны мне. А она сказала: «Не трогай. Это всего лишь клочки бумаги. И ничего более». Так она отнеслась к отвергнутым ею рукописным страницам.

С ее точки зрения они не были достаточно хороши?

Правильно. И помните ли вы сцену из *Источника,* когда Доминик поднимает принесенный ветром к ее ноге лист старой газеты. Эта сцена, аналогичная той, которую я наблюдала, присутствует в книге. Но Айн понимала, что я хотела бы получить и сохранить эти исписанные ею листки. И именно этого она не хотела. Не желала такого низкопоклонства, когда хранят порванную своим героем бумагу.

Мне кажется, что Айн ценила то уединение, которое предоставлял ей ее кабинет, комната, закрытая для всего остального дома. Развлечения во владении 10 000 Тампа, происходили в основном в гостиной. Айн не была любительницей мебели, а также внутреннего убранства.

У О'Коннноров было свое имя для ранчо?

Площадь его составляла всего тринадцать акров. Я знаю, что это владение время от времени называли «ранчо», что делала и сама Айн, но на самом деле оно таковым не являлось. Нет, по большей части его звали просто «10 000 Тампа».

Расскажите мне о росших в доме растениях.

В гостиной рос филодендрон, достававший до второго этажа дома. Фрэнк полировал его листья, на что уходило как минимум полтора часа. Растение было огромным — настоящее дерево, выросшее посреди комнаты. На дверях не было никаких занавесок, поэтому птицы свободно летали по всему дому.

И он не обращал на это внимания?

Нет. А Айн считала, что если Фрэнк не против, то все в порядке.

Что еще интересное вы можете сказать о доме?

Когда Айн повела нас с мужем наверх, чтобы показать нам свою зеркальную ванную комнату, она охарактеризовала ее одним словом: «Голливуд». Душ, конечно, был устроен отдельно

от ванны, и душевая кабинка была остеклена с трех сторон, а с четвертой стороны находилось зеркало, в котором можно было постоянно видеть себя. Ванна из великолепного фарфора была очень глубокой и длинной, скорее рассчитанной на двоих человек. Купаться там было бы чудесно, потому что с правой стороны (если выходить из ванны), было зеркало, еще одно зеркало было устроено вдоль ванны, во всю ее длину. В конце ванны находилась стеклянная стенка, в другом конце уже помянутое зеркало. Туалет и биде находились возле стены с зеркалом.

А были ли у них шторы на окнах ванной комнаты?

Нет.

Значит, при желании можно было без труда заглянуть внутрь?

Снаружи заглянуть было нельзя. Во всем доме занавешен был только огромный оконный проем в большой спальне наверху.

Какие растения росли на участке?

Глициния и настоящая бамбуковая роща в патио, вмещавшем 200 человек. За березами и ягодными кустами росла дюжина гранатовых деревьев, другие плодовые деревья и чудесные каштаны. Их было три или четыре.

Что выращивал сам мистер О'Коннор?

Фрэнк выращивал стефанотисы, ароматные небольшие белые цветы, которые часто используют в своих букетах невесты. Потом дельфиниумы и гладиолусы. Кроме того, он создавал гибридные сорта. Вообще он сделался самым настоящим ботаником, очень знающим садоводом. Однако гладиолусы вырастали у него особенно удачно, и он продавал их в отели Лос-Анджелеса.

А кто занимался торговлей?

Он сам. Брал телефонную трубку и обзванивал местные отели. Я знаю, что это был его личный бизнес, что он продавал цветы в отели «Беверли-Хиллз» и «Амбассадор».

Апельсиновые рощи находились на противоположной стороне Тампы, не на участке О'Конноров, однако, сворачивая к их дому с Девоншир, вы окунались в восхитительный аромат.

На ранчо была система поливки?

Дождевальные установки, неподвижные. Однако воду они разбрасывали настолько далеко, что можно было подумать, что идет дождь. Такая же дождевальная установка была устроена в большом патио. В жаркие дни можно было открыть дверь, ведущую из жилых помещений в патио, и включить дождевальную машину. То есть при желании всегда можно было устроить себе дождь!

А каких рыб Фрэнк О'Коннор запустил в окружавший дом ров?

Золотых рыбок, не знаю названия. Ров душили японские водные гиацинты, стенки его могли потрескаться. Кроме того, во рву во множестве обитали лягушки.

А что было на крыше?

Над большим гаражом была веранда, на которой не было ничего лишнего. Затем была стенка, отделявшая крышу большого гаража и гаража на две другие машины. Над этим гаражом находилась медная крыша. И О'Конноры через окно своей спальни могли смотреть на расположенный на крыше бассейн. Глубина этого пруда составляла восемь дюймов, там Фрэнк разводил экзотических рыбок.

Какие животные жили на ранчо, кроме павлинов и голубей?

Опоссум и много енотов. А однажды около дома видели пуму.

Расскажите мне о павлинах.

Фрэнк содержал две разновидности этих птиц, белых павлинов и более привычных, синих. Представьте себе березовую аллею, которую Марлен Дитрих подарила Джозефу фон Штернбергу. Цепочку берез, протянувшуюся от заднего подъезда до самого конца участка. Тридцать берез, по пятнадцать с каждой стороны, образовывавших аллею в пять футов шириной. Потом представьте себе перед этими березами раскидистый калифорнийский водяной дуб высотой в двенадцать или четырнадцать футов. На это дерево была наброшена мелкая железная сетка, под которой сидели павлины. Простая железная сетка тем не менее покрывала большую площадь. Такая же сетка на другом дереве служила «клеткой» для тридцати белых голубей.

Как выглядели вместе мистер О'Коннор и мисс Рэнд?

Фрэнк обладал истинно кошачьей грацией, то есть изяществом крупного кота, начиная от пумы и до льва. Я имею в виду красоту движений, о которой Айн упоминала в наших разговорах. Фрэнк был человеком высоким и худощавым. Айн не была высокой, однако движения ее также были полны изящества.

Что касается взаимоотношений Айн и Фрэнка — я подметила, что представлял Фрэнк для Айн. Он был для нее якорем, брошенным с наветренной стороны. Он был скалой. Однажды она сказала нам с Баззи следующее: «Когда дело доходит до сочинительства и всего прочего в наших жизнях, Фрэнк является силой, стоящей позади престола». Фрэнк немедленно отреагировал: «Ну да, подчас я и есть тот престол, если судить по тому, как на мне сидят».

Фрэнк О'Коннор был сильным человеком, как физически, так и умственно.

Айн гордилась теми строчками, которые он внес в ее романы.

Айн обладала чистотой и наивностью, скрытыми от прочих людей. К тем же, кто знал ее лично — а таких было немного — она подчас относилась с воистину детской чистотой и простодушием.

Расскажите мне о том, как О'Конноры расстались со своим чатсвортским домом.

Айн сказала, что услышала печаль в моем голосе, когда сообщила мне о своих планах уехать из Калифорнии. Я не хотела, чтобы она уезжала, чтобы возвращалась в Нью-Йорк. Помню, как она позвонила мне. Мы тогда жили в эксклюзивном «Лидо Трейлер Парк», и она сказала: «Знаешь что, Рут, мы намереваемся вернуться в Нью-Йорк». О нет! Только не отнимайте у нас тот стимул, которым вы оба являетесь. Не уезжайте. Так я чувствовала тогда. Протестовало все мое тело, возмущено было все мое естество. Помню, она еще сказала: «Я никогда не окажусь от тебя дальше, чем томик *Источника*». Прекрасные оказались слова. И очень полезные. Айн в последний раз пригласила нас в Чатсворт, и мы прекрасно провели вечер, пусть он и был прощальным. Мы не говорили друг другу таких слов, как «мы вам напишем» или «звоните нам». Мы выпили мартини, а потом продолжили встречу ужином в нашем любимом чатсвортском ресторане «Качамакоффс», а затем вернулись домой к О'Коннорам. Но время мы по сути дела провели за прокладыванием их маршрута через Орей, Колорадо. Мой муж отлично ладил с топографией. Мы с ним девять раз пересекали Соединенные Штаты.

А как вы сделались арендаторами их дома?

Вот телеграмма, адресованная «Мистеру и миссис Р. Хилл, Мотель „Мишн Белл", Бульвар Вентура, Энсино, Калифорния». Дата: 12 июля 1952 года. Дом в Тампе пустовал после их отъезда в Нью-Йорк в октябре 1951 года. Перед отъездом Айн сказала: «Мы не намереваемся продавать дом, поскольку Фрэнк этого не хочет. И мы не собираемся сдавать его в наем. Мы не хотим этого. Но охотно сдадим его вам». Помню, я сказала, что мы не можем позволить себе такие расходы. И Фрэнк предложил обсудить этот вопрос потом. Так что в телеграмме было написано: «Пожалуйста, позвони мне за мой счет. Нам нужно поговорить о доме. Айн Рэнд».

Мы позвонили Айн, и она предложила нам назначить ту цену, которую мы в состоянии платить: «Просто скажи мне, Рут, сколько вы будете платить». Я ответила: «85 долларов». На это она сказала: «Отлично, решили». Так что получить возможность проживать во владении стоимостью в миллион долларов за 85 долларов было достаточно мило.

Впрочем, ранчо тогда не стоило миллиона долларов, однако я по крайней мере знаю, что они заработали на этой недвижимости пару сотен тысяч, когда его наконец продали в 1962 году. Я устроила эту продажу нашему соседу.

Я приняла дом при одном условии: «Айн, мне нужно шесть недель на пробу. Не знаю, как мне удастся управиться с таким большим домом, и насколько я понимаю, Баззи будет стараться поддерживать в порядке все владение. На садовников у нас денег нет» [Фрэнк нанимал троих]. Она ответила: «Ничего, наймите. Мы заплатим за помощь». И они платили.

Ни мы, ни они не хотели заключать контракт. Нам было достаточно просто обменяться рукопожатиями. Но я сказала: «Айн, мне нужна какая-то расписка, потому что я хочу, чтобы было известно, что мы занимаем дом на пробу в течение шести недель». Что же, эти шесть недель растянулись на двадцать лет. Первоначальные 85 долларов в месяц постепенно превратились в 125 долларов. «Похоже, что мы владеем этим домом совместно», — говорила Айн, а я сказала ей: «Нет, это же вы его купили». Айн ответила: «Но поддерживаем его мы пополам». Они оплачивали часть крупного счета за воду, чтобы любимые гладиолусы Фрэнка могли цвести.

А возникали ли у вас какие-нибудь проблемы с ранчо?

Нет. Торговать цветами мы не намеревались. А Фрэнк сказал нам только: «Пока будете в силах, поддерживайте жизнь в гладиолусах». Я рассказала ему о том, как мы сидим в гараже посреди тысяч луковиц, сортируя их, а потом относим их в его сарай, где они хранятся в больших шкафах. Мы делали это для Фрэнка, потому что он надеялся однажды вернуться в свое поместье. Он хотел, чтобы мы сохранили некоторые выведенные им новые сорта гладиолусов. В частности, тот, который он называл «Помада», и другой, который носил имя «Хэллоуин».

А О'Конноры оставили дома какие-нибудь материалы?

Да. В частности, один предмет показался мне настолько важным, что я сообщила о нем Айн. Это был томик первого издания и первого тиража *Источника*, подписанный ею Нику, старшему брату Фрэнка. Такая надпись внизу страницы ее почерком: «5 мая 1943». А наверху страницы, первой страницы: «Нику — моему техническому советнику — главному редактору *Нью-Йорк баннер* — за все вечера, которые ты потратил на слушание этой книги. Айн». Она сказала, чтобы я оставила эту книгу себе для нашего сына Рида, которому было тогда девять лет.

Меня удивило количество оставленной ими мебели. Обеденный стол — думаю, что они оставили его, потому что он

был слишком велик для их нью-йоркской квартиры; в большом патио они оставили круглый металлический стол и уличные кресла, а также восемь мягких стульев к обеденному столу. Еще четыре кресла остались в гостиной.

На втором этаже осталась кровать в галерее, кресло на кошачьих лапках. В оранжерее, в которой Фрэнк растил свои стефанотисы, остались коробки с ненужными фото без подписей.

Айн оставила также железнодорожные журналы. Один, в частности, называвшийся *Ридин рейлроад,* образовывал целые штабеля. Кое-какие из них, за 1946 год, я сохранила и перевезла в свой дом во Фрайди-Арбор [Вашингтон]. Я спросила у Айн, нужны ли они ей, и она ответила — нет.

В конце 1950-х проводилось принудительное отчуждение недвижимости. Как отреагировала на него Айн Рэнд?

Это вы про школу… неполную среднюю имени Нобеля, так ее звали?[115] Они хотели выкупить часть владения О'Конноров. Никакого давления не было. Я позвонила О'Коннорам и поступила так, как мне было сказано.

Так, значит, мисс Рэнд не была расстроена и не сопротивлялась?

Нет-нет. Никакой проблемы не было. Айн все меньше и меньше интересовалась Тампой. Это Фрэнк действительно верил — во всяком случае, какое-то время, — что они вернутся туда. Ему нравился тот образ жизни, который они вели там.

А что произошло с домом в 1971 году?

В это время дом принадлежал ныне покойной Кэтрин Хучин. Сделку эту устроила я; никто не платил комиссионных, и мы с мужем продолжали жить в этом доме. Мы съехали оттуда в августе 1971 года. После того как прожили в нем двадцать лет. Десятого августа, едва мы выехали с подъездной дороги, уже готовые бульдозеры снесли домик, в котором Фрэнк растил стефанотисы. Затем бульдозеры должны были снести главный дом. И я не стала оборачиваться назад, когда мы свернули на Девоншир, оставив за спиной 10 000 Тампу и направляясь на север к нашему новому дому, расположенному посреди сорока пяти акров леса возле Пьюджет-Саунд.

1950-е годы

Эйк и Джейн Сандлер

Эйк Сандлер был профессором политологии Колледжа штата Лос-Анджелес в начале 1950-х годов и знал мисс Рэнд. Вместе с женой Джейн он посещал дом мисс Рэнд в Чатсворте. Доктор Сандлер скончался в 2008 году.

Даты интервью: 24 мая и 4 июня 2002 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Эйк Сандлер: Это случилось еще в 1950 году, когда я являлся активным инокорреспондентом в Голливуде, а она присутствовала на некоторых собраниях Ассоциации инокорреспондентов Голливуда[116]. Я представился ей, рассказал о себе и сказал, что мне хотелось, чтобы она прочитала лекцию моим студентам.

Чем вам запомнилась эта встреча?

Ничем особенно; просто я читал *Источник,* заинтересовался ее философией и пригласил выступить перед одной из моих групп в колледже. В то время я вел группу по теме «Американское политическое мышление». Она посчитала, что такая формулировка соответствует ее интересам, и приняла мое предложение. В первый раз она предстала перед моими студентами в мае 1950 года.

Кроме того, я вел еще класс по истории политической теории, начиная от Платона[117]. Эта тема ее заинтересовала. Она начиналась с ранних философов — Платона, Аристотеля — и так далее вплоть до Маркса. Судя по тому, что я помню, она великолепно разбиралась в теориях Платона, Аристотеля и Сократа, а также в сократическом методе. На мой взгляд, она была превосходно образована в этой области.

Расскажите о том, как держалась Айн Рэнд перед студентами.

Я хотел создать ей приватную обстановку, и потому не стал приглашать никого, кроме самих студентов. Она прочитала им лекцию о собственной политической философии. Не могу сейчас воспроизвести то, что она говорила, однако студенты были увлечены ею, поскольку она подавала материал в очень интенсивной и увлекательной форме. После лекции студенты спросили, нельзя ли поближе познакомиться с ней, и она пригласила их к себе домой, хотя выдвинула одно ограничение: ей не хотелось видеть у себя дома ни одного коммуниста. Это был абсолютный запрет. По-моему, примерно дюжина студентов

приняла это предложение. Мы с женой, а также кое-кто из студентов побывали у нее несколько раз, а потом она снова приехала к нам и прочла лекцию моей группе, занимающейся политической теорией.

Миссис Сандлер, сколько раз вы встречались с мисс Рэнд?

Джейн Сандлер: Кажется, три раза. Первый раз в ее доме, когда она пригласила нас к себе. Помню, вокруг дома все кричали какие-то птицы. Там было много павлинов, невероятных, странных. Такой дом, как у нее, еще нужно было поискать. Мебелью служили огромные-преогромные диваны, скорее тахты с множеством подушек. Такой вещи, как стулья, там не было предусмотрено. Приходилось садиться на них и подбирать под себя ноги. Студенты устраивались на полу, часто сидя по-турецки.

Она была очень обаятельным человеком. Очень теплым, очень гостеприимным, однако в ней все равно ощущался какой-то холодок. Дело было в ее личности. У нее был собственный ум, собственные мнения — и похоже было на то, что ее не интересовали глубокие дискуссии в отношении иных идей, кроме собственных; впрочем, студенты ее любили и охотно сидели у ее ног. Оживленные дискуссии с нею могли затянуться не на один час. Помнится, никто не хотел уходить. Это были замечательные вечера.

Эйк Сандлер: И тем не менее одновременно они представляли собой нечто вроде материала для идеологической обработки. Я прекрасно понимал, что ей нужны последователи. Она хотела, чтобы, расставшись с ней, они оставались верующими в ее философию до самого конца своей жизни. Она хотела дать им нечто незабываемое. Ей были нужны слушатели и последователи. С самого начала мне было понятно, что она стремится добиться признания своей философии. Не сомневаюсь в том, что более умной женщины мне не приходилось встречать за всю мою жизнь. Она была воплощенным разумом, но с крайним фанатизмом относилась к индивидуализму и своей философии. Еще она считала, что можно познать истину.

Дом ее был открыт для студентов, они имели возможность приезжать туда почти в любое время, требовалось только сперва позвонить ей. Можно сказать, что у нее обитала целая колония моих студентов… никак не меньше дюжины которых бывали у нее куда чаще, чем я сам, поэтому мне было известно, что она обратила в свою веру некоторое количество моих студентов. В собственном доме проповедовать ей было проще. И она отлично справлялась с этим занятием.

Какой жизненной философии и политической теории вы придерживаетесь?

Я считаю себя либерально-консервативным социалистом, откуда следует, что я стремлюсь быть весьма прагматичным. Мой отец был социалистом. Он перевел *Das Kapital* Карла Маркса на шведский язык. Какое-то время он был премьер-министром Швеции как социалист марксистского толка[118]. Поэтому я вырос в семье социалиста, и моя мать была христианкой. В известной степени я согласен с Айн Рэнд, и потому никаких проблем с ее лекциями в рамках моего курса у меня не возникало.

Вы сказали, что не встречали женщины более умной, чем она. Пожалуйста, поясните свою мысль.

Во-первых, все начиналось с того, как она смотрела на тебя — словно умела читать твои мысли и понимала, что ты ловчишь и стараешься увильнуть. Думаю, что она обладала столь развитым интеллектом, что подчас казалась буквально ясновидящей. Она видела все насквозь. Она была очень внимательной, очень сконцентрированной. Я никогда не встречал столь блестящей личности.

Случилось ли кому-то из ваших студентов развить ее идеи?

Да, я знаю одного, который писал книги и, на мой взгляд, находился под ее сильным влиянием.

Какую цель преследовала мисс Рэнд в этих долгих беседах с вами?

Не знаю. Я рассказал ей о политических взглядах своего отца, и на мой взгляд, они ей не понравились. Он был социалистом, и она не могла с этим смириться. С ее точки зрения это было неправильно. Неправильно. Она ненавидела коллективизм.

И вы не приняли ее точку зрения?

Нет, не принял. Я уже говорил, что скорее являюсь прагматиком. И не хочу, чтобы меня уговаривали принять ту или иную философию.

Беседы с ней доставляли вам удовольствие?

О да! Она мне очень нравилась. Она была очень дружелюбной, очень открытой. Моя жена считает ее холодной. Возможно, что в своем мышлении она действительно была холодной, однако она была очень дружелюбной и открытой. Но без панибратства. Мы обменивались рукопожатиями. Я сохранил о ней только самую хорошую память.

Она повлияла на ваши воззрения?

Да, — в той степени, насколько я был готов прислушиваться к ней.

Она не пыталась «обратить» вас в свою веру?

Нет, вовсе нет, однако она понимала, что оказавшись среди молодых и впечатлительных студентов, может научить их мыслить самостоятельно и предоставить им своего рода

протекцию. В то время в обществе существовал избыток либерализма и левизны, особенно в академических кругах.

Вы дискутировали с ней?

Нет, я не считал себя обязанным это делать. Я хотел, чтобы она получила возможность в полноте изложить собственную философию, так чтобы студенты поняли ее. Конечно, двух лекций было для этого слишком мало.

Не обнаруживались ли в ваших группах враждебно настроенные по отношению к ней студенты?

Нет, она умела привлечь к себе их интерес и внимание, так что не думаю, чтобы кто-то задавал ей враждебные вопросы или критиковал.

Она читала вашим группам лекции, или ее занятия превращались в обсуждения?

Это были лекции. Верите или нет, но я не делал никаких конспектов. Должно быть, она настолько увлекла меня, что я просто сидел и слушал.

Как долго продолжались эти лекции?

Пятьдесят минут перед сорока или пятьюдесятью студентами.

Какую тему развивала мисс Рэнд во второй лекции?

Это была группа, специализировавшаяся на международных отношениях, и она читала лекцию о коммунизме и его пороках, а также о достоинствах капитализма и свободного предпринимательства.

Она упоминала о своем прошлом, проведенном в Советском Союзе?

Нет, только сказала, что, покидая Советский Союз, не думала, что он просуществует так долго, но с ним все равно надлежит бороться по всем фронтам.

Что она говорила вашим студентам о коммунизме?

В первую очередь она обозначила и определила его как тоталитарную диктатуру в исполнении Сталина, порожденную *Манифестом коммунистической партии* Карла Маркса и Энгельса. Она считала коммунизм бесчеловечной системой.

Какие вопросы задавали ей студенты?

Думаю, многие из них были связаны с академической свободой. Как совместить ее и борьбу с коммунизмом? То есть с одной стороны, она говорила всякие демократические вещи и поддерживала свободу слова и все такое, но с другой стороны, исповедовала одну-единственную истину, имя которой индивидуализм.

А что еще она говорила об истории или затронутых ею знаменитых исторических событиях?

Она обсуждала *Манифест коммунистической партии* и

европейские революции. В истории и, конечно же, в основах коммунизма она чувствовала себя как дома.

Она была хорошей преподавательницей?

Великолепной. В мои группы приходило много лекторов, но она, наверно, была одной из самых лучших. Она владела фактами. И очевидно знала свою тему. А также создавала впечатление того, что знает, о чем говорит.

Пользовались ли вы при преподавании какими-нибудь текстами мисс Рэнд?

После ее лекций я обсуждал *Источник* и индивидуализм, и студенты много спорили о том, нравственны ли поступки Говарда Рорка.

Надо полагать, что у вас были фотографии мисс Рэнд, снятые на территории колледжа.

Снимки делал в аудитории наш фотограф. Кажется, кто-то из *Колледж таймс* брал у нее интервью, после чего оно появилось в газете с фотографией.

Как закончились ваши отношения с мисс Рэнд?

Очень по-дружески. Кажется, мы распростились в ее доме, когда она сказала нам, что собирается перебраться в Нью-Йорк. И я совершенно уверен в том, что никаких взаимных обещаний поддерживать контакты или чего-то подобного мы не делали. Не мое это было дело. Наши отношения были чисто профессиональными, так сказать, представляли собой чисто деловое знакомство.

Каким в начале 1950-х было отношение к Айн Рэнд в научной среде?

Ну, тогда среди ученых было мало либералов, а воззрения Айн Рэнд можно считать экстремистскими, так что едва ли ее всерьез воспринимали в качестве политического философа. На мой взгляд, в научных кругах в ней видели прежде всего литератора, автора *Источника*. В свободное время я поговорил о ней со своими коллегами и сказал, что она произвела на меня чрезвычайно глубокое впечатление. И они захотели узнать о ней побольше.

Ричард Л. Филлипс

Ричард Л. Филлипс, поклонник *Источника,* посетил мисс Рэнд в 1951 году.

Дата интервью: 23 июля 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы встретились с мисс Рэнд?*

Ричард Л. Филлипс: Мой друг через издателя послал ей письмо и получил чрезвычайно теплый ответ с домашним адресом в Чатсворте, Калифорния. Это было в 1951 году, мне предстоял призыв, и я решил побывать в Калифорнии, прежде чем идти в армию. Первым делом мне захотелось увидеть построенный Ричардом Нойтрой дом, в котором она жила. Я читал об этом здании и видел его фотографии в архитектурном журнале, поэтому мы с кузиной поехали туда, нашли этот дом, и я сказал кузине: «Давай-ка подъедем поближе, чтобы можно было повнимательнее рассмотреть его». Вблизи никого не было, и мы рассчитывали проехать к дому по подъездной дороге и тут же выехать. Но как только мы въехали на нее, появился какой-то мужчина, с виду садовник, и спросил, что нам нужно. Я очень коротко сообщил ему о наших намерениях, и он ответил, что «обыкновенно она в это время работает, но сейчас разговаривает со своими друзьями по телефону, так как президент Трумэн только что объявил об увольнении генерала Макартура»[119].

«Садовник» оказался Фрэнком О'Коннором. Он сказал: «Позвольте мне спросить, примет ли она вас», — и через несколько минут пригласил нас в дом. Она спустилась со второго этажа, и мы начали разговор. Поначалу она держалась несколько настороженно и пыталась получить наш ответ на свои вопросы: «Кто вы такие?» и «Чем вас заинтересовал *Источник*?» Словом, она спросила меня о том, почему меня заинтересовала эта книга. Вполне очевидно, что люди могут интересоваться этим романом по совершенно разным причинам, и, судя по тому, что после всех моих слов она, так сказать, расслабилась, села и облегченно вздохнула, значит, поняла, что со мной можно говорить.

И что же вы ей говорили?

Мне понравились заложенные в книгу идеи: о том, что личность свободна и не скована правилами и условностями общества, мне понравился сам интеллектуальный настрой этой книги. Мы сидя проговорили три или четыре часа, дело уже близилось к вечеру, и моя кузина, просидевшая все это время так

и не раскрыв рот, явно начинала нервничать, потому что дома у нее оставались нуждавшиеся в присмотре дети. И Рэнд сказала: кажется, вам пора ехать, однако мы не закончили еще нашу беседу. Можете ли вы приехать еще раз? — Я ответил: конечно, и мы договорились встретиться через пару дней. Кузина снова привезла меня к дому, так что мне удалось проговорить с ней еще два часа.

А не можете ли вы вспомнить тему разговора?

Она долго говорила об отставке Макартура, и я заметил, что наше восприятие этого шага различается. Я полагал, что наше правительство имеет гражданский, а не военный характер[120].

И что же она говорила о Макартуре?

Она считала этот шаг Трумэна несвоевременным, так как Макартур знал, как выиграть войну в Корее.

Она говорила вам о Макартуре что-нибудь еще?

Ну, только то, что он был великим человеком… Обычные в таких случаях вещи.

Расскажите, какое впечатление составилось у вас о мистере О'Конноре?

Очень тихий, но очень сильный человек. Он буквально испускал электричество, и некоторые ее описания Говарда Рорка, безусловно, навеяны О'Коннором — мужчиной абсолютно свободным, но одновременно по-кошачьи готовым к прыжку. Такой может лечь на спину и расслабиться, однако все пружины в его теле взведены, и если что-то случится, он мгновенно вскочит и будет готов к действиям. Очень сдержанный человек. За оба наших визита он едва ли произнес дюжину слов.

Почему?

Наверно, потому, что все за него говорила она. Айн Рэнд была невероятно словоохотлива.

А вы не замечали каких-либо украшений внутри дома?

Помню только маленькую латунную каруселька на одном из столов. Она работала от свечи, и когда ты зажигал ее, тепло поднималось вверх и заставляло крутиться небольшие лопасти. Вся штуковина была размером в восемь или десять дюймов. Возможно, она имела какое-то особое значение для нее. Общий вид этой вещицы был довольно безвкусным, и мне было удивительно видеть ее в таком элегантном доме.

Эван и Микки Райт

Эван Райт дружил с мисс Рэнд с 1951 по 1961 год. Михела «Микки» Райт — его жена.

Дата интервью: 5 марта 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Эван Райт: Она прислала за мной Натана Блюменталя [Натаниэля Брандена]. В конце 1950 года я был старшекурсником Калифорнийского университета, Лос-Анджелес. В кампусе тогда было много коммунистов, включая редактора университетской газеты *Daily Bruin (Ежедневный мишка)*. Студенты активно писали в газету письма марксистского толка, и я написал два или три письма с разоблачением марксистской точки зрения, в основном потому что сделался сторонником Айн Рэнд, посмотрев фильм *Источник,* а впоследствии прочитав книгу. Случилось так, что я обратил на себя внимание Натана, являвшегося тогда студентом того же университета, и он вырезал из газеты мои письма и показал их Айн. Та была несколько озадачена, потому что я высказывал в них такие положения, о которых она тогда писала в своем *Атланте,* и которые еще не были опубликованы, находились в форме рукописи, и потому я никак не мог ознакомиться с ними. Поэтому она попросила Натана отыскать меня и привести к ней. Она называла меня «таинственным человеком», потому что я никак не мог знать, о чем она пишет.

И как же мистер Блюменталь отыскал вас?

Он нашел меня в списке учащихся и прислал мне телеграмму с просьбой позвонить ему. Но я был тогда очень занят учебой, прочитывал по книге в день и активно овладевал английским языком, и потому не нашел времени позвонить ему. Кроме того, у меня не было никаких знакомых по имени Натан Блюменталь, поэтому я бросил телеграмму в ящик стола и не стал на нее отвечать. На следующий год, кажется, в июне, я закончил курс обучения, получил несколько больше свободного времени и, наткнувшись на эту уже пожелтевшую телеграмму, набрал написанный в ней номер. Натан сказал мне, что на следующий день он улетает в Нью-Йоркский университет, и спросил, не хочу ли я встретиться с Айн Рэнд? Конечно же, я был согласен. Кажется, он дал мне ее телефон и объяснил, как добраться до дома в Чатсворте. Я позвонил ей, приехал туда, и мы подружились.

Расскажите мне о вашей первой встрече с Айн Рэнд.

Когда я постучал в их дверь, открыл мне Фрэнк и проводил меня в гостиную. Вошла Айн, и я не проявил хороших манер, потому что остался сидеть; Фрэнк, конечно же, был недоволен этим, так что я встал. После этого мы долго говорили.

Каким было ваше первое впечатление о мисс Рэнд?

Самое глубокое, я был буквально в трепете перед этой успешной и удивительной писательницей. Мне было очень приятно в ее доме.

А она оказалась такой, как вы ожидали?

Во многом. Я быстро понял, что если бы не был атеистом, то не мог бы надеяться стать ее другом. Получилось это так: однажды она попросила меня рассказать, как образуются водопады. Я только что прошел курс геологии и потому знал, как именно это происходит; словом, я расписал ей процесс во всех подробностях. Если я ничего не забыл, возникает, когда вода течет по твердой породе, под которой находятся более мягкие слои. Когда я завершил свое изложение, она воскликнула: «И какое же отношение Бог имеет ко всему этому?» Тут я все понял.

Однако она умела производить глубокое впечатление. За виски с содовой нам случалось проговорить до трех часов ночи — после того, как она заканчивала свою ежедневную рабочую программу. Я ощущал себя вправе держаться с ней на равных до одного разговора, когда, быть может, через три или четыре часа после его начала я процитировал ей что-то из Шопенгауэра, и она сказала: «А вы знаете, что дальше в той книге, которую вы цитируете, есть место, где он противоречит себе самому?» Я был ошеломлен и до сих пор не избавился от ощущения вроде «что я делаю здесь?» Она явным образом прочла труды всех философов, знала их и выдвинула собственную философию. Так я понял, что имею дело с крупным специалистом в области философии.

Каков тогда был ее интерес к разговорам с вами?

Не знаю. Казалось, что она заинтересована мной, и Фрэнк тоже. Он как-то сказал, что я произвел на нее впечатление. Мы погружались в философские глубины, рассуждали о причине и следствии. В то время я интересовался философией, и мне кажется, что какую-то кроху она узнала через меня. Но, конечно же, я получал от нее много больше.

А что доставляло Айн Рэнд наибольшее удовольствие в вашем обществе?

Разговор. Она любила говорить. И мы обменивались идеями. Этот процесс, как мне кажется, всегда доставлял ей наибольшее удовольствие.

Что заставляло ее сердиться?

Она сердилась, когда ее перебивали. Помню, как один раз я

перебил ее, и она сказала, что если я не перестану так поступать, она выйдет из комнаты. Это был единственный раз, когда она проявила такое недовольство мной. С тех пор я ее не перебивал. Моя жена требует этого сто пятьдесят раз на дню, и я тем не менее прерываю ее. Айн была потоком мышления, и я попытался вложить в него свои два цента. Она не хотела, чтобы ее перебивали. Это был единственный раз. Не могу представить себе, чтобы она могла рассердиться по другому поводу. Мы всегда относились друг к другу с большим дружелюбием. Мне не понравился *Атлант,* но это было много позже, в 1961 году, когда я наконец получил возможность прочитать все произведение. К этому времени наша дружба уже заканчивалась.

Вы разговаривали с ней о Второй мировой войне?

Мы разговаривали с ней неоднократно, однако я не помню, чтобы речь хоть раз зашла о Второй мировой. Кроме того, она очень неохотно вспоминала о времени, проведенном ею в России. Оно ничего не значило для нее. Она сказала, что полученное ею в России образование было поверхностным, даже смешным. О России она отзывалась с большим пренебрежением и разговаривать о своей жизни в этой стране до отъезда из Советского Союза не любила. Она не отказывалась говорить на эту тему, однако у меня не возникало конкретных вопросов. Разве что, может быть, однажды, у меня возник вопрос на эту тему, однако она просто отмахнулась от него, как от незначительного и несущественного. Ее интересовали философские темы, а кроме того, политика, этика и мораль.

Какими политическими воззрениями она сумела удивить вас?

Она была не из тех людей, кто решил бы предпочесть меньшее зло большему, потому что, по ее словам, меньшее зло все равно остается злом. Поэтому она не осуждала меня за желание голосовать за Эйзенхауэра, хотя сама приняла решение не голосовать совсем.

Однажды я сделал ошибку, предположив, что прототипом Говарда Рорка, наверно, был человек, похожий на Фрэнка Ллойда Райта. Она ответила: «Нет, не Фрэнк Ллойд Райт; если говорить об архитекторах, это был Салливан»[121].

Вы разговаривали с мисс Рэнд о ранних днях ее пребывания в Америке?

Нет. Наши разговоры происходили исключительно в интеллектуальной плоскости — нас занимали философия, этика, причем на очень высоком уровне. Мы не интересовались личностями, а тем более конкретными персонажами. У нее бывали и другие гости. Когда я заставал у нее Альберта Маннхеймера, разговор делался легче, становился более

профессиональным. Однажды к ней явилась группа шумных друзей или родственников, или и тех и других вместе, и за ланчем они принялись спорить с Айн, вовсе не одобрявшей подобную ситуацию. Они также проявляли некое пренебрежение к Фрэнку. В один напряженный момент я предложил в своем пересказе цитату из Вордсворта: «Писатели различаются не по виду, а по степени». На что Айн ответила: «Ну, я-то различаюсь и по виду». Потом все они отправились ужинать куда-то в Долину. Меня пригласили, однако я предпочел остаться. Айн отправила меня в свой кабинет и посадила за свой стол. Она как будто поняла, почему меня не интересуют ее гости, и сказала, что сама она обязана присутствовать. Так что я остался один в ее доме, занимаясь какой-то писаниной за ее столом до тех пор, пока все они не вернулись.

Она подарила мне *Кандида* из своей библиотеки, уже упакованной для переезда в Нью-Йорк. А еще рекомендовала книгу Виктора Гюго *Человек, который смеется,* бывшую у нее одной из любимых. Потом мы немного поговорили о Толстом. И она сказала, что если я хочу научиться не быть писателем, то должен читать Толстого.

Помогла ли она вашему мышлению?

Она выправила много умов, включая мой собственный. Я сказал ей, что когда закончил свое коллежское образование со степенью бакалавра, то оказался перед двумя с половиной сотнями различных философий, вместе вращающихся как большое колесо с уравновешивающими друг друга спицами, и более не знал, что думать. Она начала удалять спицу за спицей. Наконец колесо начало вращаться. И самым определенным образом повернулось в ее направлении.

Можете ли вы припомнить конкретные идеи, ваше отношение к которым она изменила?

Я перестал цитировать Шопенгауэра.

Помните ли вы конкретные темы ваших разговоров с ней?

Ей был нужен новый источник энергии. Новый и важный, ему предстояло фигурировать в романе *Атлант расправил плечи.*

В 1952 году я сделался инженером-электротехником, и она стала расспрашивать меня о молниях. Кое-что о них было мне известно, но я расспросил еще и знакомых мне инженеров, и мы пришли к выводу, что хотя такой источник может иметь огромную мощность, но в течение слишком короткого времени. Укротить его каким-то образом не представлялось возможным, поэтому ей пришлось отказаться от мысли использовать энергию молнии в своем романе.

Чем еще вы занимались, кроме разговоров?

Мы часто слушали музыку с помощью проигрывателя, находившегося в гостиной.

Она любила Рахманинова. Он был ее любимым композитором. Шекспира она не любила и целых пять минут как минимум объясняла мне почему, и по этому поводу я не могу что-либо вам сказать. Я внимательно слушал, однако причину так и не понял.

Как развивались ваши отношения?

Мы пребывали в полном согласии, и я соглашался со всем, что она говорила, кроме Шекспира. Мы были точно настроены на одну волну. Так что мы сделались добрыми друзьями и пробыли ими около десяти лет.

Кажется, впоследствии вы поработали корректором или машинисткой мисс Рэнд?

Она сказала мне: «Вы всегда под рукой. А не хотелось бы вам перепечатать эти страницы, на которых слишком много правок, чтобы их можно было отдавать издателю?» Я согласился поработать, и она спросила: «А сколько возьмете?» Я назвал свою цену. Пятьдесят центов за машинописную страницу было тогда до смешного мало, но собственно деньги меня не интересовали. Таким образом, мне пришлось перепечатать какое-то количество страниц *Атланта,* однако я естественным образом не вносил никаких существенных изменений. Она всегда была рада слышать о замеченных мной опечатках или сделанных предложениях.

Разве в то время у нее не было штатного секретаря?

Не было. Строго говоря, я видел в ее доме только троих людей. Себя, Айн и Фрэнка. Впоследствии она кого-то наняла, когда я оставил работу, потому что эта перепечатка мне надоела. Она поняла, что мне скучно, и наняла кого-то еще.

Фрэнка можно было уподобить высокому светловолосому призраку, присутствовавшему сразу повсюду. В доме он появлялся настолько бесшумно, что всякий раз пугал Айн, и она даже попросила его привязывать к его ботинкам колокольчик, чтобы слышать, где он находится.

И как вам тогда понравился Атлант? *Должно быть, вы читали его одним из первых.*

Да. Перепечатывая страницы, я прочел какую-то часть этого романа, возможно, главу или две, однако особого восторга не ощутил. Тогда он показался мне хуже *Источника.* Прочитав впоследствии всю книгу целиком, я нашел ее скучной и нравоучительной. В вашем архиве, кажется, находится мое письмо на одиннадцати страницах, которое я написал ей после того, как в 1961 году прочел всю книгу целиком. Она была расстроена тем, что я не нашел времени прочесть ее сразу, как

только она вышла, однако книга была длинной, на тысяче страниц, и мне было не с руки браться за нее. Книга не понравилась мне, и, высказывая свое мнение, я понимал, что на этом кончается наша дружба.

Почему?

Потому что, высказав несогласие с работой Айн, ты получал прекрасную возможность покинуть ряды ее друзей. Я не знаю такого человека, который мог бы не согласиться с ней в отношении основных ее принципов, а тем более не похвалить такой фундаментальный труд, как *Атлант расправил плечи,* и остаться ее другом. Кроме того, я считаю, что человек, не разделяющий атеистических воззрений, не имел никакой возможности попасть в круг близких ей людей. На какое-то время она сделала атеистом и меня.

Значит, теперь вы не атеист?

Теперь я агностик, потому что считаю, что честный атеист должен сперва познать все, что существует, чтобы получить возможность утверждать, что нечто не существует. Разве можно обоснованно утверждать, что Бог не существует, не познав все важные объекты вселенной? Но я по-прежнему остаюсь капиталистом и индивидуалистом, а также разделяю все прочие ее воззрения.

Она подписывала вам книги?

Она подписала мне томик *Источника*: «Эвану Йону Райту, которого я обнаружила для себя посредством этой книги. С наилучшими пожеланиями великого будущего в литературе. Айн Рэнд. 15 июля 1951». Мы познакомились, кажется, в середине или конце июня. К этому времени мы не были знакомы еще даже месяца.

Расскажите о вашем желании сделаться писателем, особенно в связи с мисс Рэнд.

Я никогда не ощущал целеустремленности, необходимой для продвижения в этом направлении. В конечном итоге в 1993 году я напечатал книгу под названием *Бельтравия*, которую переписывал и переделывал в течение сорока лет. Первый набросок своей рукописи я показал ей в Нью-Йорке, в 1953 году, когда вернулся из Парижа. Она читала его лежа на спине, на диване, подняв книгу над головой. Она читала очень быстро. И я рассмешил ее.

Ни до, ни после я не слышал, чтобы она смеялась… низким таким, грудным смехом. Я сказал: «Значит, я рассмешил вас, Айн». Это была комическая часть моего произведения. Она дочитала его до конца, но ничего толком не сказала.

Так ничего и не сказала?

Ничего, что-то пробормотала по-французски.

В своей книге я выдумал язык, который назвал «франглийским», наполовину французским, наполовину английским. Она произнесла свою фразу как будто бы на чистом французском, однако я не совсем понял ее, поскольку мой французский далек от совершенства, и потому не ответил. Тогда она вернулась к чтению. Однако часть моей книги, заставившая ее рассмеяться, была посвящена попугаям. Попугаи разговаривали по-франглийски. Одну из птичек звали Полли Глотт; других Хейди Гусик [Geaucique], мадам Овари и месье Де ла Фу. Повествование имело чисто фантастический, причудливый характер.

Нуждаясь в доходе, я занялся техникой. Оставив исследовательскую работу, я начал писать и редактировать многочисленные руководства для старых компаний North American Aviation, Atlas missile и особенно IBM; а также многое множество технических отчетов и записок. Впоследствии я занялся другими вопросами.

Когда мы с Микки поженились, Айн посоветовала мне: «Не заводите детей». Таким уж она была целеустремленным человеком; воистину писательской машиной, истинно преданной своему ремеслу и искусству. Она понимала, что дети неизбежно отвлекут меня от концентрации на литературном фронте. Тем не менее детей у нас было пятеро.

Приходилось ли вам вступать с ней в другие деловые отношения?

Айн спросила меня, не хочу ли я стать ее агентом, и я ответил, что едва ли принесу ей какую-нибудь пользу, ибо совершенно не представляю, что такое — быть агентом. Она поняла меня и не стала настаивать, поскольку единственной причиной, заставлявшей ее видеть меня своим агентом была именно потенциальная эффективность моих действий.

В то время она судилась, однако никогда не рассказывала, как обстоят ее дела на процессе. Она даже не говорила, с кем. Должно быть, на нее подали в суд за какое-нибудь из ее высказываний, возможно, прозвучавших по радио[122]. Я сказал ей, что расстроен подобной историей, и обещал подложить бомбу к порогу ее обидчика. Подобное предложение произвело на нее сильное впечатление, и она долго смотрела на меня. Наверно, в этот момент она впервые поняла, до какой степени я нахожусь на ее стороне. Я был крайне недоволен тем, что кто-то судится с ней и пытается отсудить часть ее денег.

В паре хранящихся в наших архивах писем вы называете себя ее приемным сыном. Что вы хотели этим сказать?

Этими словами я хотел подчеркнуть свою привязанность и уважение к ней, а также отчасти скомпенсировать ослабление наших взаимоотношений, происшедшее по причине моего брака.

Как она воспринимала вас?

Думаю, с полным пониманием; я был полностью согласен с ее образом мысли. Она это ценила. Беседуя, мы говорили об одном и том же в схожей манере.

А что делал мистер О'Коннор на ранчо?

Он выращивал гладиолусы и другие цветы, у него были павлины. Он водил меня по всему чатсвортскому имению, рассказывая о принадлежавшей ему сотне белых павлинов. И когда мы подошли к клеткам, птиц в них не оказалось. Я спросил: «Где же они?» И Фрэнк показал на небо. Птицы большой стаей летали высоко в небе. Он сказал: «Они вернутся». Таким он был, подлинным индивидуалистом. Таким, что все исполняли его желания, даже павлины. Мы ели павлиньи яйца на завтрак, и они были хороши на вкус.

Вы были знакомы с кем-нибудь из ее друзей, кроме Альберта Маннхеймера?

Нет. В Долине они вели достаточно уединенный образ жизни. Событий было немного. Она писала, а Фрэнк занимался садом и павлинами. Жизнь их была очень тихой и даже монотонной. Гостей бывало немного. Во время процесса ей время от времени приходилось ездить в суд, однако во всем прочем событий было немного, я постоянно бывал у них. Я познакомился с Натаном и Барбарой в нью-йоркской квартире Айн.

Насколько я помню, Айн Рэнд имеет какое-то отношение к вашему знакомству с женой.

Я повез в банк чек, подписанный Айн. Она выписала не бог весть какую сумму, однако подписалась очень размашисто. Я повез чек на оплату в пятницу; Микки сидела в кассе. Бойким и полным энергии голосом она спросила: «Это и есть та самая Айн Рэнд?» Я ответил: «Да». Микки читала *Источник* и знала, кто такая Айн Рэнд. Она выдала мне наличные, и я отбыл. Но во время двух последующих дней понял, что хотел бы еще раз встретиться с этой девушкой. И потому стал придумывать предлог. Впрочем, у меня оказался еще один назначенный к оплате чек, и поэтому я снова пришел в банк, выстоял очередь и, наконец, оказался возле ее окошка. Но она меня не узнала.

Я достаточно бестолковым образом выпалил: «Я тот молодой человек, которому вы оплатили выписанный Айн Рэнд чек». Микки удивилась: «О да!» И я спросил: «А не хотите ли вы познакомиться с ней?» Она сказала, что хочет, так что я предложил: мы можем отужинать у нее. Я даже не стал

спрашивать разрешения Айн, потому что не сомневался в нем. Потом мы договорились о конкретном дне нашего ужина у Айн Рэнд. Но теперь уже я заранее предупредил Айн о том, что со мной будет Микки. И то, что я приехал вместе с ней, не было нарушением приличий. Вечер прошел хорошо. Мы сидели и разговаривали.

Микки Райт: Я согласилась встретиться с ним, потому что хотела познакомиться с Айн Рэнд. Как только закончился уик-энд, он снова явился ко мне с предложением. У него не было никаких дел в банке. Он спросил: «Не хотите ли вы познакомиться с Айн Рэнд?» — и я ответила: «Да, конечно, хочу». Наше первое свидание состоялось в его день рождения, 25 июля, а в 1951 году этот день выпал на среду. Мы поженились через пять недель, вполне очевидным образом обнаружив, что помимо отношения к Айн Рэнд нас объединяет еще многое. Свадьба наша состоялась 1 сентября.

Я запомнила те чувства, которые испытала, увидев ее подпись. Это событие случилось вскоре после того, как я познакомилась с *Источником.* И я только что перечитала его пару раз. Я по уши погрузилась в эту книгу. И увидеть в такой момент ее подпись было действительно очень волнительно.

Расскажите мне о своей первой встрече с мисс Рэнд и мистером О'Коннором.

В тот самый первый день нашего знакомства она подошла ко мне, села рядом в гостиной и начала расспрашивать об *Источнике*, о том, что мне более всего понравилось в нем. Я сказала, что меня расстроил выбор Гэри Купера как исполнителя главной роли. После несколько затянувшейся паузы она проговорила: «А вы знаете, что это я выбрала его на эту роль?» Я ответила: «Не знаю. Но это меня удивляет». Больше мы на эту тему не говорили, но у меня создалось ощущение, что она считает этого актера по-настоящему сексапильным и остановила свой выбор на нем именно по этой причине. Гэри Купер внешне напоминал ее мужа Фрэнка. Наверно, это был ее тип мужчины: высокий, гибкий и неразговорчивый.

На нашей первой встрече она достала ту самую тридцатистраничную речь, которую Джон Голт произносит по радио в конце романа *Атлант расправил плечи,* и дала мне прочитать ее[123]. Такое внимание с ее стороны было приятно мне, однако я не сумела одолеть весь текст за имевшееся в моем распоряжении время. Речь эта показалась мне жутко многословной.

Эван, а ваша жена тоже подружилась с Айн Рэнд?

Эван Райт: В некоторой степени. Когда мы с Микки расписывались у судьи в Санта-Монике, Айн и Фрэнк присутствовали при бракосочетании, и она поставила свою подпись на документе в качестве свидетельницы. Крупную такую и заметную подпись.

А вы устраивали после этого прием?

Нет. Мы играли свадьбу по минимуму. Бедный судья получил всего пять долларов. Я видел, как он заглядывает в конверт, не веря своим глазам — однако мы, во всяком случае, познакомили его с Айн Рэнд! Они подарили нам бутылку шампанского и два бокала, и мы немедленно бежали ото всех.

Когда мы отъезжали, Айн Рэнд подбежала к нам и спросила: «А разве у нас не будет какого-то угощения или приема?» Я только красноречиво посмотрел на нее, и мы отъехали — стыдно сказать — к первой ночи в Малибу, прошедшей под грохот океанских валов.

Микки Райт: Она подарила нам бутылку шампанского, пару перевязанных ленточками бокалов, а также хрустальную конфетницу.

Как мисс Рэнд отреагировала на вашу просьбу стать свидетельницей на вашей свадьбе?

Эван Райт: Не думаю, чтобы я просил ее. Это как бы подразумевалось… возможно, я между делом спросил ее: «А вы не хотите побывать на свадьбе?» И она сказала, что да, хочет. Они с Фрэнком приехали в Санта-Монику. С ее стороны это был настоящий подвиг — оторвать время от написания своей книги. Она тогда пошучивала: мол, «тяжела романом», и роман этот был *Атлант расправил плечи.*

Расскажите еще об О'Коннорах на вашей свадьбе.

Микки Райт: Мой лучший друг Си-Ин Сюй, приехавший с оказией из Нью-Йорка, и Айн были у нас свидетелями. У нас с Эваном не было никаких планов насчет дальнейшего праздника, поскольку в моем кошельке насчитывалось восемь долларов, а у него шестьдесят восемь. И с этими средствами мы отправились в свой медовый месяц. Мы даже не пригласили моих родных, Фрэнка и Айн заглянуть в какой-нибудь бар и выпить по маленькой. Айн сделала нам свой подарок с усмешкой. Больше я не видела на ее лице подобного выражения. Она сказала: «И эти люди даже не приглашают нас выпить?» — и вместе с тем, как будто понимала и одобряла наш поступок. Ситуация казалась ей забавной. Так что мы раскланялись: спасибо, что посетили нас. До свиданья. Сели в собственную машину и отправились в медовый месяц.

Она была довольна на вашей свадьбе?

Думаю, да. Мне казалось, что она находится в несколько сентиментальном настроении, которое посещало ее нечасто, иначе зачем ей было приезжать на нашу свадьбу? — поскольку именно она, ее произведение соединило нас. Думаю, ей было приятно думать об этом.

Айн спрашивала нас с Эваном, не хотим ли мы заботиться о ее доме, когда они переедут в Нью-Йорк, до того времени, когда они решат продать его. Мы отказались. Дом оказался слишком далеко от нашей привычной базы, мы решили, что коммунальные расходы окажутся для нас непосильными, а кроме того, нам придется следить за слишком большой территорией. Я не могла представить себе весь объем наших обязанностей и того, что надо будет делать садовнику и так далее.

Вы поддерживали контакт с ней после того, как О'Конноры перебрались в Нью-Йорк?

Эван Райт: Я посещал ее примерно в декабре 1951 года, когда она жила на 36-й стрит в Нью-Йорке. Мы с Натаном затеяли продолжительный спор. Когда стало совсем поздно, я позвонил на Главный вокзал и спросил, когда уходит поезд на Филадельфию (где проходил обучение как представитель Philco tech[124]). Айн отметила драматический характер моего вопроса. Мы с Микки еще раз побывали у нее в марте 1953 года по дороге в Европу и на обратном пути в октябре того же года, а также, возможно, еще раз или два.

В основном мы переписывались или звонили друг другу. Переписывались мы в предположении, что она не станет отвечать на наши письма. Она писала книгу, и на письма у нее не оставалось времени.

Изменилась ли она в Нью-Йорке по сравнению с той, какой была в Чатсворте?

Нет. Помню один состоявшийся там разговор, когда Натан сказал, что по сравнению с Джоном Голтом Говард Рорк выглядит чистым гуманистом и альтруистом.

Я усомнился в этом и сказал: «Это не так. Нельзя быть большим папистом, чем сам папа. Он совершенно не был альтруистом, так почему же вы так говорите?» Мы довольно долго обсуждали эту тему, и Айн в итоге сказала, что никогда в жизни так не радовалась поражению в споре. Натан утверждал, что Джон Голт был человеком куда более жестким и строгим, чем Говард Рорк, который рядом с ним выглядит мягкотелым.

Значит, в итоге она не согласилась с ним?

Да. Ей пришлось согласиться с тем, что Говард Рорк не был гуманистом, не помню, какое точно слово употребил Натан.

Во время другого визита у Микки был друг-китаец, которого звали Леонард Сюй, а точнее, Си-Ин Сюй. Он занимал высокий пост, кажется, министра экономики в правительстве Чан Кайши, а также сформулировал первый китайский пятилетний план, впоследствии исполненный Мао.

Однажды вечером я отвез его и его жену Рут к Айн. Это был очень интересный вечер. Леонард Сюй и Айн углубились в беседу, демонстрируя при этом более высокий уровень, чем был доступен нам. Это была встреча двух чрезвычайно интеллектуальных людей, едва ли не гениев. Мы могли бы и отсутствовать при разговоре, так глубоко они погрузились в тему.

Они разговаривали или спорили?

Разговор происходил достаточно мирно. Микки говорила, что Леонард чувствовал себя несколько неуютно в присутствии столь блестящей женщины и был кое в чем не согласен с ней. Но в общем и целом им было интересно друг с другом, они понимали друг друга, и разговор занимал обоих настолько, что нашим присутствием можно было пренебречь.

Мисс Рэнд когда-либо упоминала при вас Эмпайр-стейт-билдинг?

Она выбрала эту квартиру в Нью-Йорке именно потому, что из нее открывался вид на Эмпайр-стейт-билдинг. Она очень гордилась этим сооружением, усматривая в нем символ капитализма. Этот вид ее действительно восхищал.

Последний разговор с ней состоялся у меня много позже, спустя несколько лет после того, как я отправил ей письмо с критикой *Атланта*, вероятно, в начале 1970-х годов.

Так, значит, никакого недовольства или враждебности с ее стороны не ощущалось?

Нет. Она была вполне довольна моим мнением и радовалась ему. Я не стал проситься к ней в гости, так как не был уверен в том, что она приглашала меня к себе, потому что пути наши в известной степени разошлись, и я более не был ее протеже. Наша дружба в известной мере себя исчерпала, поэтому я не стал предпринимать попыток увидеться с ней. Я спросил, не хочет ли она встретиться с Фрэнком Кэри, тогда являвшимся генеральным директором IBM, и его женой Энн. Я встретил их обоих на собрании бывших студентов UCLA[125], и Энн выразила желание встретиться с Айн, которая, впрочем, интереса к подобному визиту не проявила.

Какой была ее реакция на ваш звонок?

Она прекрасно помнила меня и даже нарисовала в своем уме картину Вестчестерского графства (округ Нью-Йорка), посреди которого я сижу в высоком здании, из окон которого открывается

вид на величественный ландшафт. Она как бы рисовала в уме словесную картину, описывавшую то место, откуда я звоню. Она разговаривала со мной дружелюбно и даже приветливо. Айн Рэнд сыграла важную роль в жизни нас и наших детей, и мы питаем глубокое уважение к ее трудам и ее памяти.

Ричард Корнуэлл

Ричард Корнуэлл, писатель, познакомившийся с Айн Рэнд в начале 1950-х годов.

Дата интервью: 8 декабря 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Ричард Корнуэлл: Я познакомился с ней через своего брата, Херба Корнуэлла[126]. Познакомившись с ней, он захотел, чтобы и я последовал его примеру. Находясь на флоте во время войны в Тихом океане, он много читал. Одной из прочитанных им книг оказался *Источник,* и он рекомендовал мне прочитать это произведение. Я прочел эту книгу, пришел в полный восторг, и он повез меня на встречу с Айн. Тогда я еще учился в университете, а значит, все происходило в 1947-м или 1948 году, и они с Фрэнком жили в долине Сан-Фернандо.

Я нашел эту женщину потрясающей. Более чем живой — наделенной пронзающим взглядом. Мне казалось, что я имею дело с необычайной, сверхчеловеческого масштаба личностью. Конечно, я был тогда очень неуверен в себе, очень молод и наивен в такой степени, что теперь об этом даже смешно подумать. Словом, она произвела на меня сильнейшее впечатление. Айн Рэнд держалась очень дружелюбно и сердечно, но тем не менее вселяя известный трепет, так как я ощущал в ней присутствие чрезвычайно могучего интеллекта.

И что вы делали во время этого визита?

Просто сидели и говорили. Таковы были все мои встречи с Айн — мы сидели и говорили.

Как часто вы встречались с ней?

Не думаю, чтобы я встречался с ней больше одного-двух раз, пока она жила в Калифорнии. Но когда она перебралась в Нью-Йорк, на Тридцать шестую, бывал у нее в доме. Я переехал в Нью-Йорк в 1948 году.

Я учился в семинаре Людвига фон Мизеса[127], был накоротке знаком с Генри Хэзлиттом и Леонардом Ридом[128]. Мой брат работал в Фонде экономического образования, представлявшем собой нечто вроде конспиративной квартиры для либертарианцев того времени. Фонд служил местом наших общих собраний. В то время Айн поддерживала тесные контакты с этим кругом, который объединял людей более старших и умудренных, чем я в ту пору. Я в него не входил.

Насколько мне известно, она достаточно тесно общалась с

Хэзлиттом. Она трудилась у Френсис Хэзлитт, когда та работала в отделе сценариев студии Paramount. Айн была тогда рецензентом.

Обычно я посещал Айн самостоятельно, в компании Маррея Ротбарда и Херба. Мы садились кружком и разговаривали. Разговаривали обо всем, но в основном слушали ее. Я пребывал в постоянном ужасе: вдруг она задаст мне такой вопрос, на который у меня не найдется правильного ответа. И потому я просто сидел «у ее ног» и задавал вопросы.

Опишите ее внешность и личность.

Когда я думаю об Айн, она представляется мне сидящей скрестив ноги на громадной оттоманке в своей квартире на 36-й стрит, курит сигареты в длинном мундштуке, а на голове ее очень характерная, я бы сказал, суровая прическа. Во время разговора она смотрела на тебя столь пронзительным взором, который буквально завораживал и едва ли не пугал меня.

Существовали ли у вас какие-то конкретные вопросы к ней?

Я хотел узнать у нее об объективизме. Я вышел из колледжа с листом бумаги в руках, который утверждал, что я кое-что будто бы знаю, однако мне казалось, что я не знаю вообще ничего. И я с огромным облегчением обнаружил такую точку зрения, которая вдруг наделила меня ответами на любой вопрос. То есть я начал расспрашивать ее о так называемых «сложных случаях». Я был воспитан в вере в братство людей, открытое и социально ответственное общество и так далее, и меня интересовало, как именно либертарианцы разбираются с этими вопросами.

Как она лично держалась во время ваших бесед?

Она была очень любезна со мной. Она всегда держалась очень сердечно до тех пор, пока мы слегка не поцапались.

По какому поводу?

Тогда я учился в семинаре фон Мизеса, и она была знакома с ним. Я был дома, в Калифорнии, и однажды она позвонила мне, что стало нашим последним контактом. Она сказала, что была с Мизесом в гостях у Хэзлитта, и у них вышел вот такой спор. Вопрос заключался в отношении к воинскому призыву. Она возражала против него, и меня нисколько не удивило, что Мизес не согласился с ней. Эти австрийцы, в которых мы видели своих гуру и основных теоретиков по экономическим вопросам, на самом деле не были либертарианцами, соответствовавшими нашему строгому определению. Мы читали *Дорогу к рабству*[129], и выводы, которые Хайек делал в отношении государственной власти, общественной безопасности и прочих вопросов, звучали для нас подлинной анафемой. Каким-то образом мы упустили это из вида и видели в Хайеке одного из самых важных для нас гуру. Могу представить, что Мизес считал призыв допустимым при

определенных обстоятельствах.

Какую цель преследовала Айн Рэнд этим телефонным звонком?

В то время я состоял в семинаре Мизеса, и она, по сути дела, сказала следующее: вот его точка зрения, вот моя. На чьей ты стороне? Выбирай. Тебе придется принять решение. В таком случае, воздерживаюсь, — ответил я. — Она сказала: это невозможно, — и больше мы с ней не разговаривали.

И вы остались у фон Мизеса?

Да, и остался надолго. Его жена стала крестной матерью одного из моих детей, и портрет его стоит сейчас на моем столе. Не портрет Айн, а его портрет.

А какое вы приняли решение про поводу призыва?

Я никогда не сомневался в его необходимости. И всегда полагал, что здесь не о чем размышлять, и до сих пор так считаю.

А почему вы не сказали этого Айн Рэнд?

Дело было не в аргументах. Ей не было нужно, чтобы я согласился с ней. Она хотела, чтобы я прекратил отношения с Лу [Людвигом] в знак того, что нахожусь на ее стороне.

Не думаю, чтобы многим приходилось попадать в такое положение, в какое я попал. В тот момент я находился на грани вступления в ее внутренний кружок, и мне нужно было решать, в какую сторону идти. Не думаю, чтобы подобный выбор выпадал на долю очень многим людям. Подобные разногласия, по всей видимости, привели к охлаждению между Айн и Мизесом.

Помню, что Айн считала степень враждебности своих оппонентов едва ли не обратно пропорциональной их близости к ее позиции. Она считала, что люди, подобные Тафту[130] — который как будто во многом находился на нашей стороне, однако готов был допускать исключения благодаря своей популярности, — были хуже людей, полностью и во всем возражавших против нашей позиции.

А вы не помните каких-либо происшествий, приключившихся во время вашего пребывания в квартире Айн Рэнд?

Однажды, то ли потому, что было очень жарко, то ли потому, что сломался кондиционер, мы ушли разговаривать на крышу. Край кровли замыкала стенка высотой как минимум в четыре фута. Свалиться вниз, не проявив особого желания сделать это, было попросту невозможно, однако когда Фрэнк оказался в паре футов от стены, Айн едва не впала в истерику. Возможно, и преувеличенную, однако она была очень и очень взволнована тем, что он может оказаться в опасном положении и свалиться вниз. А сделать это без каких-либо подручных средств было невозможно.

И тогда он отошел от края?

Ну, да.

Доводилось ли вам видеть, как она выходит из себя?

Я видел ее в подобном возбуждении только раз — как раз когда она решила, что Фрэнку грозит опасность на краю крыши. Она могла крайне сердитым тоном говорить о Тафте. Когда он сдался в вопросе выделения федеральной помощи образованию, она с жаром говорила о том, насколько разочарована этой изменой.

Как она в общем относилась к людям?

На мой взгляд, сердечно и с уважением. Она никогда не бывала грубой — но всегда оставалась эмоциональной в рамках вежливости.

Случалось ли ей рекомендовать вам какие-нибудь книги?

Она постоянно рекомендовала нам прочесть учебник по истории политической мысли, написанный неким Сабином[131]. Удивительно было уже то, что его очень широко использовали в университетах, но Айн тем не менее считала эту книгу очень точной и надежной.

Была еще книга, которую она считала недооцененной — *Строители моста*. Она восхищалась ею и считала великим американским произведением. Героем ее был Джон Реблинг, духовный родственник Рорка, преодолевший великие трудности ради того, чтобы честно выполнять свое дело[132].

Майк Уоллес

Майк Уоллес является одним из наиболее известных американских тележурналистов и интервьюеров. В период между 1957 и 1961 годами он неоднократно брал интервью у мисс Рэнд.

Дата интервью: 3 марта 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы впервые познакомились с Айн Рэнд или ее романами?*

Майк Уоллес: Роман *Атлант расправил плечи* был первой ее книгой, которую я прочитал. В моей команде[133] хватало ее преданных сторонников, и они посоветовали мне обратить на нее пристальное внимание, в результате чего в конце 1957 года Айн Рэнд получила приглашение на телепрограмму Nightbeat. Я нашел ее выступление великолепным.

Как вы отреагировали на Атланта?

Я сразу высоко оценил эту книгу. Мою жизнь она не переменила, но тем не менее очень заинтересовала меня. И заставила меня заинтересоваться ее автором.

Вы пригласили Айн Рэнд в программу Nightbeat, и что произошло дальше?

Переговорив с ней с глазу на глаз, я обнаружил, что это крайне интересная и одновременно простая женщина. По сути дела, новичок в Нью-Йорке. Она обладала удивительно уверенным — в плане житейской мудрости — восприятием жизни, нравственности и альтруизма, и таким образом заставила меня глубже задуматься о тех предметах, о которых она говорила. И такое же впечатление она произвела на аудиторию Nightbeat.

Итак, зрители с интересом восприняли ее?

Да, это так.

В своей программе «Интервью Майка Уоллеса» [25 февраля 1959 года], во время разговора с Айн Рэнд вы как будто фокусировали свое внимание на вопросах морали, альтруизма, взаимопомощи. Почему?

Я намеревался копнуть несколько глубже. Я хотел сфокусировать внимание на некотором противоречии, возникшем при нашей первой встрече и укрепившемся в последующие годы.

Как отреагировали прочие масс-медиа на то, что вы пригласили в свое шоу эту звезду политического права?

Им уже было известно мое стремление приглашать в свою студию людей, не вращающих политическую мельницу. Быть может, сейчас в это трудно поверить, однако сорок лет назад

обыкновенное интервью представляло собой нечто серое и банальное в стиле: «а потом я написал», «а потом я спел», «а потом я предстал перед…» Идеи — а особенно непочтительная или резкая беседа, скептицизм в вопросах — были не в моде. Именно по этой причине нашей программе уделяли так много внимания, поскольку то, что я делал то, что было в той или иной мере ферботен[134], а если и не ферботен, то, во всяком случае, не допускалось в широком масштабе. И с этой точки зрения она была для нас идеальным гостем, поскольку заставляла думать людей, которые не спали в 11 часов вечера.

И как она реагировала на это самое «возьми и отдай»?

Ей понравилось. И она открыто демонстрировала это. Она просто не могла быть более открытой в своих отношениях со мной. Она хотела, чтобы мы подружились, и я побывал у нее дома, познакомился с ее мужем и с ее кошкой.

Оказала ли Айн Рэнд какое-то влияние на ваш образ мысли или на вашу систему ценностей?

В подсознательной форме, конечно. Этого не могло не случиться, когда занимаешься журналистикой, причем именно в такой форме, в какой это делал я. Общение с ней было увлекательным. Я подобрал ей хорошую компанию, и мне было очень интересно слушать и взвешивать ее мнения. Правда, она, пожалуй, была излишне доктринерски настроена.

Она была симпатична мне, потому что с ней было интересно — она знала себе цену — и ей было уютно в собственной шкуре. Это был превосходный материал.

А что еще вы можете рассказать об Айн Рэнд?

С некоторым весельем вспоминаю ее стрижку, напомнившую мне ту, с прямой челкой, которую я носил в возрасте четырех или пяти лет. Она точно таким же образом подстригала на лбу свои темные волосы. Тогда меня особенно занимал эффект, производимый контрастом между кожей и пронзительными — даже светящимися внутренним светом — глазами Айн Рэнд.

Как вы считаете, почему она заинтересовалась именно вами?

Потому что ей нравилось, что я серьезно воспринимаю ее лично и ее идеи — судя по тому, что в то время я слышал от Эла Ремруса, Эдит Эфрон и Теда Йатса, она восхищалась программами Nightbeat и «Интервью Майка Уоллеса».

Эл Ремрус

Эл Ремрус, теле- и кинодраматург и продюсер, знавший мисс Рэнд в 1950-х и 1960-х годах.

Даты интервью: 6 июня 1997 года, 29 мая и 20 июня 2002 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы впервые встретились с мисс Рэнд?*

Эл Ремрус: В 1958 году я был тележурналистом и работал с Майком Уоллесом. Майк также вел рубрику «Вопросы и ответы» в *Нью-Йорк пост,* и он нанял Эдит Эфрон проводить эти самые интервью. Эдит была очень интересной женщиной — умной, задиристой и непочтительной, так что мы подружились. Интервьюируя Айн Рэнд для этой колонки, Эдит — не знаю почему — немедленно клюнула на объективизм, о котором я тогда даже не слышал. Так что когда мы с Эдит отправились на ланч или на ужин, она завела очень и очень странные речи о психологии, искусстве и политике — в манере, еще не знакомой мне и, безусловно, не исходящей ни от одного нью-йоркского интеллектуала еврейского происхождения. Мне показалось было, что собеседница моя рехнулась. Однако вскоре всплыло имя Айн Рэнд, прозвучало название *Атлант расправил плечи*, и я начал понимать, где и чего она набралась.

Наконец Эдит спросила меня: а тебе не хочется познакомиться с Айн Рэнд? — Я ответил: почему бы и нет? — К этому времени ни одного из ее романов я не читал, и из того, что мне было известно или неизвестно о ней, складывалась какая-то дурацкая фигура, наделенная заумными идеями. И разве могло быть иначе, если она не относила себя к либералам? Я даже не читал *Источник,* потому что моя нью-йоркская компания видела в этой книге бестселлер, предназначенный исключительно для лиц, наделенных минимальным IQ. Однако Рэнд оказалась совершенно другой, полной противоречий личностью. И мне стало интересно. Однажды вечером Эдит привела меня в квартиру мисс Рэнд, и мы провели там пару часов в тесной компании — Эдит, я, Айн и Фрэнк О'Коннор.

И что же произошло с вами в ту ночь?

Это было преобразующее всю жизнь переживание. В качестве сценариста Майка Уоллеса я всегда имел дело с фигурами национального и международного масштаба: политиками, нобелевскими лауреатами и писателями, такими как Норманн Мейлер, Теннесси Уильямс, Олдос Хаксли; такими крупными

фигурами как Фрэнк Ллойд Райт и Сальвадор Дали, Сидни Пуатье[135] и Бетти Дэвис[136]. И это лишь если ограничиться несколькими именами. Я хочу этим сказать, что мы говорим о некоторых из самых влиятельных фигур американской культуры того времени. Однако никого из них я не могу уподобить Айн Рэнд, настолько блестящей и восприимчивой была она сама, настолько свежими и оригинальными были ее комментарии. Знаете ли, выступления самых видных писателей, политических комментаторов, телевизионных корреспондентов и знаменитостей в той или иной степени напоминают передовицу *Нью-Йорк таймс*. Однако между Айн Рэнд и *Нью-Йорк таймс* решительно нельзя было усмотреть совершенно ничего общего. Я хочу этим сказать, что она буквально потрясла меня и пошатнула мои либеральные воззрения.

Давайте вспомним, мне было тогда двадцать восемь, я окончил Городской колледж Нью-Йорка, учебный лагерь левого крыла. И я решил, что могу блеснуть своими нашивками перед мисс Рэнд. Мы разговаривали о том критическом приеме, с которым общество встретило ее роман *Атлант расправил плечи*, получивший исключительно негативные оценки. И не прочитав ни единого из написанных ею слов, я дерзнул сказать ей — мне до сих пор стыдно даже вспоминать это: «Ну, а не можем ли мы допустить, что все эти отвратительные оценки объясняются тем, что вы отвратительно пишете?»

Мисс Рэнд с великой прохладой прошествовала в соседнюю комнату, вернулась из нее с томиком *Атланта* в руках и предложила мне найти пример отвратительной прозы. Я ответил: «Сию минуту». В томике насчитывалось более тысячи страниц, и я не рассчитывал на долгие поиски. Пролистав и пробежав взглядом этот внушительный, что само по себе обычно указывает на небрежность автора романа или пьесы, том, я произнес: «Ну вот, хотя бы» — и начал читать вслух. Не помню, о чем там была речь, как будто разбиралась психология Хэнка Риардена, психология крупной личности, созидателя, тем не менее порабощенного ошибочной моралью. Должно быть, я прочитал полглавы, прежде чем вымолвил: «Вау, а ведь совсем неплохо», и мисс Рэнд едва заметно улыбнулась. Так что я думаю, что в тот вечер очень и даже очень легко отделался. Представляете себе: сказать нечто подобное Томасу Манну?

Мне не пришлось читать много больше, чем эти полглавы, для того, чтобы понять, что и в книге этой, и в этой женщине таится нечто особенное. Тем не менее вечер закончился на совершенно благодушной ноте. Она уложила меня наповал и была достаточно любезна с поверженным противником.

Таким вот образом я познакомился с мисс Рэнд. А потом Майк пригласил ее в свое шоу на ТВ, и я пропал. Как и — хотя в несколько меньшей степени — продюсер Майка, Тед Йатс. Вскоре после этого меня пригласили на одну из встреч в апартаментах мисс Рэнд или Натаниэля Брандена. Я не принадлежал к числу постоянных членов Коллектива, однако в нем появлялась и новая кровь: Боб Гессен, Джордж Рейсман, Эдит, я, и под конец Фил и Кей Нолти Смит[137].

Расскажите мне подробнее о появлении мисс Рэнд в шоу Майка Уоллеса, состоявшемся в 1959 году.

Она производила потрясающее впечатление — феноменальной четкостью мысли и уверенностью в себе. И это необычайно, потому что я не думаю, чтобы у нее был большой опыт телевизионных и радиовыступлений. Но камера выхватывала эти пронзительные черные глаза, за которыми угадывался могучий и ни на кого не похожий ум. После этого интервью мы получили уйму писем, провели обсуждение. Все это было очень волнительно для меня, потому что возможность общаться с персоной такого ранга выпадает нечасто. Таких писателей как Бен Хехт[138], Гор Видал[139] и Вильям Бакли[140] можно назвать выдающимися гостями передачи, однако Айн Рэнд пребывала в другой весовой категории.

Какие вопросы вы обсуждали?

Государство общего благоденствия, альтруизм, эгоизм и самопожертвование, а еще — из какого пекла на наши головы свалилась Айн Рэнд, оспорившая большинство священных верований западной цивилизации.

Каким образом в те годы культурное общество реагировало на Айн Рэнд?

Масс-медиа, академические круги, артистическое сообщество дружно ненавидели ее. Ни одна интеллектуальная фигура Америки не воспринималась тогда с такой ненавистью, как Айн Рэнд, поскольку она была бесспорно внушительным, бескомпромиссным и вызывающим оппонентом. Ее считали чокнутой, эксцентричной, опасной. И большинство критиков, как правило, не читали ее книг и составляли свои впечатления по чужим словам. Если бы тогда вы им сказали, что ее почтят появлением на почтовой марке, или что роман *Атлант расправил плечи* в конечном итоге окажется бестселлером, считающимся многими людьми наиболее влиятельной книгой после Библии, вас сочли бы безумцем. Как называли меня.

Величайшим даром от мисс Рэнд всем нам, кроме написанных ею книг, был пример проявленной ею интеллектуальной отваги и цельности. Эта женщина осмелилась

практически в одиночестве выступить против идей, политических систем и культур, доминировавших на всей планете, и извечных святынь интеллектуалов. Какой героизм.

Как ваше отношение к мисс Рэнд отразилось на вашем положении в медиасреде, где доминируют либералы?

Сомневаюсь в том, чтобы нынешние молодые объективисты могли представить себе, насколько коллективистской и недружелюбной была культура в 1950-х и 1960-х годах. В то время человек, признанный объективистом и даже консерватором, не мог найти себе работу в новостной среде. Мне повезло. Работу у Уоллеса я получил, еще являясь убежденным социалистом, что в то время являлось вполне приемлемым, если не предпочтительным. Но не успели пройти два года, как я познакомился с Айн Рэнд и *Атлантом* — и бедный Майк, этот либерал, получил в своей команде огнедышащего объективиста.

Я ни от кого не скрывал своих убеждений, более того, видел в них своего рода знак отличия. Посему мне пришлось пройти через многочисленные стычки и сражения со своими сотрудниками, в том числе Майком. Однако в его душе также жива индивидуалистическая жилка, а потому он способен простить другим этот индивидуализм. Кроме того, я знал свое дело и умел приноровиться к его, скажем так, сложной личности. То же самое повторилось в более поздние годы в Голливуде, когда я работал с продюсером Дэвидом Вольпером[141]. Там нуждались во мне, а в шоу-бизнесе властвует старая поговорка: «Никогда больше не буду иметь дела с этим сукиным сыном… — до тех пор, пока он не понадобится мне».

А вы или Эдит Эфрон не пытались склонить мистера Уоллеса к философии мисс Рэнд?

Мы с Майком сделались добрыми друзьями, и потому не могли не обсуждать идеологические вопросы. Такова природа животных, каковыми мы все являемся. Поэтому у нас случались оживленные дискуссии. Оставили они какой-то след на его убеждениях или нет, сказать не могу.

А какова была личная реакция мистера Уоллеса на его интервью с мисс Рэнд?

Ну, вы должны понять Майка. Являясь либералом, он в то время выделялся на телевидении тем, что любил драму, противоречия и волнение. Худшим преступлением в глазах Майка был час, посвященный нудному трепу. Поэтому Айн Рэнд заинтриговала его. Он видел в ней ценную гостью для своего шоу. Он отрывался, интервьюируя необычных людей, куда более интересных, чем Эдлай Стивенсон[142] или Губерт Хэмфри[143], одним своим видом вгонявших тебя в смертельную скуку. И

поэтому, если другие телевизионщики и интервьюеры могли занести мисс Рэнд в черный список, почитая ее философию творением дьявола, Майк спорил с ней, однако при этом находил ее чертовски интересной как личность.

Случалось ли вам сотрудничать с мисс Рэнд в качестве писателя?

В интересующее вас время я был в основном тележурналистом. Перебравшись в Лос-Анджелес, я стал писать для Дэвида Вольпера сценарии документальных фильмов, голливудских и исторических фильмов. Однако мне всегда хотелось заняться сценариями художественных фильмов. Зная об этом, мисс Рэнд сказала мне: «А не хотели бы вы написать сценарий по *Красной пешке*?» — что было с ее стороны комплиментом, особенно в глазах человека, никогда не писавшего таких сценариев. Мне кажется, что она, во всяком случае, ощущала, что я понимаю ее отношение к жизни лучше, чем любой другой писатель в этом городе. Тем не менее я спросил о том, почему она не хочет сделать это сама, она ответила, что по какой-то личной причине не настроена этого делать.

Шел 1963 год. Она восхищалась Робертом Стэком, сыгравшим Элиота Несса в *Неприкасаемых (The Untouchables),* и решила, что из него получится сильный и романтичный комендант тюремного лагеря. Я позвонил Стэку домой и сказал, что у нас с мисс Рэнд созрело предложение для него. Он немедленно ответил: «Приезжайте», — и я приехал и передал ему составленное Рэнд краткое содержание истории. Он немедленно прочел текст и заявил, что ему интересно.

Теперь оставалось заинтересовать студию Paramount, которой принадлежали права на текст. Так что я отправился в сюжетный отдел студии, где встретился с чиновником, старым, упитанным, щекастым и явно ждавшим, увы, мгновения, когда его отпустят на пастбище. Я описал его глаза мисс Рэнд, и она, между нами, писателями, похвалила меня за сравнение. Я сказал: «Его глаза напомнили мне мраморные игральные шарики, слишком долго провалявшиеся в канаве».

Он знал, кто такая мисс Рэнд, и я сказал, что она хотела бы увидеть на экране *Красную пешку*, и если эта идея заинтересует студию, она готова помочь мне в написании сценария и отредактировать текст.

Почему же идея так и не была реализована?

Студия Paramount не заинтересовалась ею в нужной степени. Не повезло[144].

Мисс Рэнд когда-либо обсуждала с вами проблемы

писательского мастерства?

Она дала мне несколько бесценных советов о том, насколько критичным и объективным следует быть к собственному произведению, после того, как ты написал черновик. Я ей сказал: если я вижу изъяны в чужом тексте, то сразу же понимаю, что не так. Но в собственной писанине часто не замечаю ляпов. Она ответила: не позволяйте себе заносить на бумагу не до конца созревшие мысли, потому что в напечатанном виде они обретают реальность и могут обрести в вашем уме некое постоянство, не позволяющее сразу заметить дефекты. Она советовала мне обдумывать материал, сцену действия, главу и представлять их в уме настолько ясно, насколько это возможно. Словом, сперва составь реальное представление, а потом пиши.

То есть она хотела сказать, что это следует делать даже на стадии грубого предварительного наброска?

Она хотела этим сказать, что записывать можно любые заметки и наброски, поскольку они имеют предварительный характер. Однако хорошенько подумай, прежде чем вырубать в камне свои диалоги, сцены и главы.

Много ли вашего времени проходило в общении с ней?

К несчастью, немного, всего пару раз. В 1967 году я явился к ней с идеей насчет телевизионного проекта. И мы встретились с ней в том кабинете, в котором она писала. Не слишком большая комната с большим старым столом, над ним несколько фотографий, на одной из которых был заснят Фрэнк в молодости. Примерно через час я проговорил: «Простите меня, пожалуйста, но какое прекрасное фото. Рядом с Фрэнком Джон Берримор[145] кажется мальчишкой-посыльным». Так и было на самом деле. Это был профессиональный рекламный снимок, резко освещенный, изображавший Фрэнка в конце двадцатых или начале тридцатых годов. Так примерно должен был выглядеть Джон Голт. Айн поблагодарила меня, причем в том стиле, когда вы хвалили нечто важное для нее. Очень мило поблагодарила.

Вам не случалось расспрашивать мистера О'Коннора о его актерской работе в Голливуде?

Нет. Помню, как Айн рассказывала мне о том, как впервые увидела его в направлявшемся к студии трамвае, а потом в тоге, в массовке на съемке одного из библейских фильмов *[Царь царей]*. Она сказала: «Мне понравились его ноги».

А вы разговаривали с мисс Рэнд о понравившихся ей фильмах?

Ей нравились некоторые немые немецкие ленты Фрица Ланга[146]. Первый из фильмов о Джеймсе Бонде, во всяком случае, не последующие, с их оргией спецэффектов, также *Дурная слава* Альфреда Хичкока, великий триллер и любовная история,

сочиненная Беном Хехтом, который, по ее мнению, предал свой талант.

Она когда-либо встречалась с Беном Хехтом?

Однажды во время радиобеседы в Чикаго. Они немедленно сцепились. Бен был великим циником, чтившим лишь анархию и свободу, в то время как Айн Рэнд почитала идеи, героев и человеческий разум. Когда я работал у Майка, мы выпускали ночное ТВ-шоу, в котором Хехт рассказывал различные истории и выкладывал скандальные точки зрения, и он любил приглашать писателей в качестве гостей программы. Мы пригласили мисс Рэнд, и она отказалась под тем предлогом, что не желает появляться на экране рядом с Беном Хехтом, которого она не воспринимала как интеллектуала и считала нигилистом.

Расскажите мне о субботних собраниях Коллектива.

Айн обыкновенно являлась после многих прочих, и, завидев ее, все мужчины в знак уважения вставали. После этого начинались знаки почтения и почитания, имевшие своим объектом в первую очередь мисс Рэнд, которые она перенаправляла на Натаниэля Брандена. Иногда казалось, что в комнате посреди людей присутствуют двое божков. Мисс Рэнд никогда не требовала подобного поклонения, однако не могла не замечать его; возможно, она могла бы изменить подобную атмосферу, однако ничего не сделала для этого.

Вечера происходили в сугубо серьезной обстановке. Разворачивались дискуссии на темы искусства, философии, политики. Никаких разговоров на легкие темы, очень мало смеха и непринужденного общения. И туча табачного дыма. Я был там одним из немногих некурящих. Так что сидеть там и смотреть — особенно на девиц с мундштуками в руках, старавшихся подражать Айн Рэнд и Дагни Таггарт — было очень печально. Такая вот социальная метафизика[147].

Расскажите о людях, окружавших тогда Айн Рэнд.

Это были люди на третьем десятке лет, еще находящиеся в стадии становления, сидящие у ног гения. Так бывало отнюдь не всегда, но жизнь многих сводилась к объективизму и к Айн Рэнд. Единственным исключением являлся Алан Гринспен, обладавшей независимой карьерой. Чего еще можно ждать от общения в подобной компании? Они еще не созрели, они пребывали в священном трепете, на них было нетрудно воздействовать, повлиять, устрашить. Обстановка была подавляющей, и в некоторых случаях психологически и творчески притупляющей и парализующей. Боюсь, что для некоторых присутствие на этих вечерах было сомнительным благом.

А вы как-либо соприкасались с мистером О'Коннором на этих

собраниях?

Не соприкасался, как, думаю, и все остальные. Весь вечер он сидел в кресле, обычно в углу, и почти ничего не говорил. Иногда я подходил к нему и пытался занять разговором, потому что мне было неуютно видеть его проводящим три-четыре часа в этом кресле с тонкой улыбкой на губах, пока жена его правила бал. Он всегда был очень любезным, но отстраненным.

Микки Спиллейн[148] явился на заседание партии объективистов, насколько я помню, с потрясающе древней экс-королевой бурлеска; это была или Салли Рэнд[149] или Георгина Саутерн. В те времена Айн восторгалась новеллами Спиллейна, хотя он писал широкими мазками и изображал персонажей явно символизировавшими добро и зло. В тот вечер Микки выкинул такую штуку, какой ни один мужчина еще не проделывал с Айн Рэнд. Перед всей честной публикой он затеял с ней легкий воздушный флирт, и думаю, она получила от этого изрядное удовольствие. Он сказал что-то вроде: «Айн, были бы вы не замужем, я бы приударил за вами». Оба они были довольны, и я не думаю, чтобы ей приходилось часто слышать подобные слова от мужчин.

Что еще можете вы сказать напоследок о мисс Рэнд?

Было очень мило видеть, как она полулежит на тахте, а ее кот Фриско устраивается у нее на груди, и хозяйка ведет важные философические и политические беседы, поглаживая своего котика.

Сильвестр Петро

Сильвестр Петро — писатель и профессор юриспруденции, специализировавшийся на профсоюзах. Он посещал собрания, происходившие в апартаментах мисс Рэнд, в конце 1950-х и начале 1960-х годов. Скончался в 2007 году.

Дата интервью: 22 августа 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Сильвестр Петро: Впервые я познакомился с ней после того как вышла в свет моя книга — *Трудовая политика в свободном обществе (Labor Policy of the Free Society)*. Все мои публикации носили крайне ученый характер, их никто не читал. Однако мисс Рэнд прочла и пригласила меня на одну из своих лекций в отеле «Рузвельт». Это произошло в 1957-м или 1958 году, в том же самом, когда был опубликован роман *Атлант расправил плечи.*

Вы были знакомы с произведениями мисс Рэнд?

В то время Людвиг фон Мизес проводил еженедельный, а иногда и ежемесячный семинар, который мы называли «кружком Мизеса», быть может, в подражание Венскому кружку[150]. Айн Рэнд нередко присутствовала на его собраниях. Так что мы познакомились перед ее лекцией, но чисто формально, так как я не разговаривал с ней. Я прочитал роман *Атлант расправил плечи* и был очарован им. Однако сейчас не могу вам сказать, случилось ли это до нашего знакомства на этом семинаре или потом.

Вы — экономист по образованию?

Нет, я юрист и прежде всего интересовался юриспруденцией, экономикой и политикой, а также теми способами, которыми можно воспрепятствовать правительствам, вечно стремящимся высосать всю кровь из экономики.

Нью-Йорк в конце 1950-х и начале 1960-х годов был замечательным местом. Не только потому, что в этом городе жила Айн Рэнд… быть может, в долгой перспективе потому, что этот город являлся центром пребывания Людвига фон Мизеса. Конечно, если вы не знаете Мизеса, то позвольте мне сказать, что как ученый я считаю его самым значительным экономистом столетия, а, быть может, и всех столетий. Он оказал колоссальное интеллектуальное воздействие на Айн Рэнд.

Вы были свидетелем этого?

Да. Однажды она сказала мне: «Я не согласна с ним эпистемологически в той части, в которой это относится к моей

экономике и политической экономии, но Людвиг фон Мизес стал наиболее значительным явлением во всей моей жизни». Кстати, и она сама была замечательным экономистом. Она была блестящей и очень теплой личностью.

Вы можете привести примеры подобного отношения?

Она всегда с большой любовью относилась к своему мужу. Их отношения всегда оставались полными любви и тепла.

А что вы видели лично?

Именно это. Как говорил Сомерсет Моэм, «в отношениях между людьми нет ничего выше тепла и любви».

Она обыкновенно проводила свои собрания в своих апартаментах на Восточной 36-й улице. Она всегда собирала там толпу народа и вела себя как правящая княгиня. Она любила сидеть на спинке дивана, так чтобы видеть поверх голов всех, кто сидел, а не стоял. Она держалась по-королевски. И принадлежала к самой благородной породе человеческих существ будучи особой блестящей, остроумной и быстрой в разговоре. Подобно большинству литераторов она обожала слова и любила играть с ними. Еще она была упорной и принципиальной.

В каком плане?

Она никогда даже на дюйм не отступала от того, во что верила. Никаких компромиссов, никаких оценок, никаких с «одной стороны» и с «другой стороны».

Существовали ли области, выходившие за пределы тем ее разговора?

Она была готова рассуждать на любую тему, в том числе и об искусстве Ренессанса. Тогда я был большим поклонником Микеланджело, а она обожествляла его.

Почему?

Он обыгрывал героизм точно в том же плане, как и она сама. Все изваянные и нарисованные им фигуры полны героики, и ей это нравилось. Она не возражала против такого подхода и говорила: «В этом и заключена вся суть искусства — в героизме».

Ей случалось говорить о конкретных статуях или картинах?

О Давиде и Моисее. Особенно о Давиде.

И что же она говорила о них?

Она видела в них образцы человеческой природы. Не буду утверждать, что цитирую ее, однако общая идея была именно такой.

А какие другие темы обсуждались на этих встречах у нее дома?

Любые, в том числе деньги, банковское дело и золотой стандарт.

А как смотрелись рядом Айн Рэнд и Людвиг фон Мизес?

Вам следовало бы знать, какой удивительной личностью являлся Мизес. Он был человеком настолько спокойным, насколько это вообще возможно. Я был близко знаком с ним, он являлся моим другом многие годы, и я никогда не видел его взволнованным. Говорил он лаконично.

А не становился ли он страстным, когда речь заходила об экономике?

Нет. Оставался спокойным, насколько это возможно. Он никогда не возвышал голоса, однако обладал совершенно убийственным остроумием.

А что Мизес говорил вам об Айн Рэнд или ее философии? Должно быть, он не во всем был согласен с ней?

Мы много говорили с ним на эту тему, однако теперь я уже не в состоянии что-то припомнить. В философском плане Айн Рэнд считала, что ее воззрения конфликтуют с воззрениями Мизеса в большей степени, чем считал сам Мизес.

Так как же выглядели взаимоотношения мисс Рэнд и Мизеса на публике?

Не помню, чтобы они обменивались чем-то большим, чем взаимные любезности. Однажды был устроен обед в честь другой личности, весьма важной в этом кругу — Генри Хэзлитта, старинного друга Айн Рэнд. Он был знаком с Айн задолго до того, как с ней познакомился Мизес.

Это его жена, Френсис Хэзлитт, устроила Айн Рэнд на работу в Голливуд[151]. Френсис делала очень многое. Она ни в коем случае не была домоседкой и домашней хозяйкой. Она писала сама и много помогала Генри с его произведениями, а кроме того, была изумительной хозяйкой салона. У нас существовал кружок, вращавшийся в Нью-Йорке по орбите, близкой к той, по которой передвигалась Айн Рэнд. Он состоял из Леонарда Рида из Фонда экономического образования, Мизеса, Лоренса Фертига, Генри Хэзлитта и меня самого. Мы устраивали обеды, все были знакомы с Рэнд и восхищались ею, она не могла быть членом чьего-либо кружка. Она была доминирующей, независимой, сильной и энергичной личностью. Боже! У нее был такой взгляд, что казалось, что своими глазами она буравит дырки в тебе — честное слово!

Случалось ли вам когда-либо спорить с ней?

Настоящего спора с ней у меня никогда не случалось, однако я любил поддевать ее, потому что она все воспринимала чрезвычайно серьезно. И чтобы поддразнить ее, к примеру, предлагал ей пересесть пониже — как всем прочим.

И как же она реагировала?

Отшучивалась. Например, я говорил ей, что она напоминает

мне Иисуса Христа, что должно было задеть Айн, так гордившуюся своим атеизмом. Однако она и в самом деле в чем-то была подобна Христу. Однажды я сказал ей: «Айн, вы настолько христианка, что это даже не смешно». Не помню, чем она отговорилась и отговорилась ли вообще.

Должно быть, знакомство с такими людьми сделало чрезвычайно интересной эту пору вашей жизни.

Это была хорошая пора… пора, о которой приятно вспомнить. Начиная с лет президентства Рузвельта и до тех пор, пока в Нью-Йорке работали такие люди как Рэнд, Хэзлитт и Мизес. Такое тогда было не везде, здесь люди разговаривали о свободе, свободном предпринимательстве и laissez-faire[152]. Увы, тема эта едва не умерла в тридцатых и сороковых.

Назначалось ли определенное время прибытия на посиделки у Айн Рэнд?

При мне они всегда происходили после одной из ее лекций по объективизму.

То есть людям приходилось возвращаться в квартиру О'Конноров?

Именно так. Нас бывало с полдюжины, самое большее с дюжину.

Как часто вы посещали эти встречи у Айн Рэнд?

Раз шесть. Вечера эти не принадлежали одной Айн Рэнд, во всяком случае, те, на которых я присутствовал. Большую часть речей произносил Натаниэль Бранден, она вступала в разговор в самом конце и обменивалась с ним несколькими артиллерийскими залпами. Не знаю, делалось ли это в порядке шутки или как часть театрального замысла. Она была театральна по природе. Она всегда находилась на сцене. Она исполняла роль. На самом деле с ней невозможно было разговаривать — во всяком случае, мне это не удавалось.

Как так?

Она имела обыкновение собирать вокруг себя воистину горящих энтузиазмом людей, — по большей части молодых людей, видевших в ней богиню. Тогда мне было уже около тридцати пяти, и я не принадлежу к породе самозабвенных почитателей. Эти ребята, которые обожали ее, о боже, часто были из тех, кто учился у меня юриспруденции.

Что еще вы можете вспомнить о собраниях, происходивших в доме мисс Рэнд?

Их очень часто посещал некто по имени Пейкофф — способный, хороший экономист. Айн хорошо думала о нем. И всегда обходилась с ним очень дружелюбно и предупредительно.

А вы можете привести примеры этих дружелюбия и доброты?

Она часто обращалась к нему со словами: «А что ты думаешь об этом, Лену́ша?» Кажется, это какое-то русское ласковое уменьшительное от его имени.

Не случалось ли Айн Рэнд оспаривать какие-то положения ваших книг?

Не помню такого. Она была довольна тем, что нашла во мне критика тред-юнионов. Это моя специальность. Я считал профсоюзы позором рода людского.

Что еще нравилось ей в ваших работах?

Думаю, то, что она считала их четкими и ясными. Она полагала, что кто-то должен сказать правду о профсоюзах, а не превозносить их как лучшего друга рабочего класса. Я придерживался логичной, чисто австрийской позиции: главное — производительность труда, и если работники непродуктивны в достаточной мере, они не вправе рассчитывать на улучшение условий их жизни, и что профсоюзы не способствуют увеличению производительности труда.

Что еще вы можете сказать об Айн Рэнд?

Она была самой логичной персоной среди всех, кого я встречал. Разговоры ее подразделялись на главы, параграфы и сентенции.

Умела ли она слушать?

Слушала она только для того, чтобы позволить кому-то вступить в беседу. Она была выдающимся комментатором, если можно выразиться таким образом. Она умела подать себя. И я люблю ее за этот непокорный дух.

И вы видели, как он проявляется?

Ну, знаете ли, я слышал, как она выступает. Видел, как она дебатирует. Видел ее на телеэкране, и помилуй Бог, это было одно загляденье.

И с кем это она дебатировала?

На самом деле это, скорее всего, я дебатировал с Гэлбрейтом[153] в Нью-йоркском университете, и она присутствовала в аудитории. Она сказала Гэлбрейту: «Почему вы никогда не отвечаете на вопросы и замечания мистера Петро?»

Что же он ответил?

Чего-то там пробормотал. Он был самым большим недотепой на всей земле. И никогда не отвечал ни на какие возражения. Он ответил: «Я бы не сказал ничего подобного о ваших книгах», поскольку я назвал его *Общество изобилия*[154] дрянным искажением реальности.

А как Айн Рэнд относилась к Гэлбрейту?

Знаете ли, это надо было видеть. Она была настоящей тигрицей. Кусались сами ее огромные черные глаза. Это был

вечер вопросов и ответов. Мы с Гэлбрейтом в то время проводили ряд дебатов по различным насущным темам на различных площадках Нью-Йорка. Кажется, она присутствовала на одном из них.

Вполне возможно, что в данном случае дебаты происходили по коллективному принципу, когда с полдюжины человек, каждый перед собственным микрофоном, сидят за одним столом, и тогда она закончила следующими словами: «Становится утомительно видеть, как вы старательно не замечаете всего того, что ставит перед вами Петро».

И что он ответил?

Не помню, что он сказал, однако, как это часто случается, после этого обсуждение направилось в другое русло.

Розмари Ториджан

Розмари Ториджан работала у мисс Рэнд машинисткой в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Мисс Ториджан скончалась в 2010 году.

Даты интервью: 21 и 22 января 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Насколько я помню, вы посещали нью-йоркские Лекции Натаниэля Брандена [NBL] с самого их начала.*

Розмари Ториджан: Было так здорово оказаться на этих лекциях с самого начала и видеть, как увеличивается этот курс. Я впервые побывала на второй лекции — первая была прочитана для так называемого «Внутреннего кружка», куда входили Алан Гринспен, Леонард Пейкофф и другие.

Это была первая из серии публичных лекций об объективизме, хотя в то время мы его так не называли, потому что мисс Рэнд возражала. Она не хотела называть свое философское течение объективизмом, и поэтому мы именовали его «философией Айн Рэнд», и только на третьей или четвертой лекции она сдалась, потому что нельзя уже было остановить людей, пользующихся этим названием.

Это было в 1958 году, сразу же после того, как был опубликован роман *Атлант расправил плечи*. Все, кто приходил на эти лекции, приносили с собой экземпляр *Атланта*, и она самым любезным образом подписывала книгу. На последней странице первого издания было напечатано, что все, кто хочет больше узнать об идеях Айн Рэнд, могут обратиться в эту организацию. Я связалась с ее представителями, и мне сообщили, что планируется серия из десяти лекций и что я могу посетить ее, заплатив какую-то смехотворно маленькую сумму — кажется, двадцать долларов.

Она происходила в зале маленького отеля, арендованного Натаном, и на ней присутствовало всего около двадцати человек. С течением времени первая серия существенно выросла в плане посещаемости. Я присутствовала на лекциях первой и второй серий.

А мисс Рэнд посещала лекции?

Все и всегда. Как я пишу в этой выдержке из моих мемуаров: «Айн Рэнд присутствовала на лекциях и отвечала на вопросы из зала. Ее появление полностью заворожило и очаровало меня, пелерина, колышущаяся за ее прямыми, гордыми плечами, когда она влетела в зал… в длинном мундштуке дымилась сигарета,

голова высоко поднята, огромные темные, полные интеллекта глаза, не отрываясь, смотрят на оратора». Все так и было. Она входила, садилась на невысокой сцене и просто сидела там, закутавшись в эту пелерину и скрестив ноги, с сигаретой в руке. Волосы ее всегда были гладко зачесаны, один завиток спускался на щеку… она сидела и слушала. Айн Рэнд никогда не отводила глаз от выступавшего. Она была абсолютно заинтересована в происходящем.

После окончания лекции Натан произносил короткий спич, что-нибудь вроде: «Мисс Рэнд присутствует здесь не для того чтобы защищать свою философию или то, что мы начали здесь сегодня. Она пришла сюда только затем, чтобы ответить на вопросы людей, желающих узнать больше». А потом она вставала, а мы задавали вопросы из зала.

Однажды на лекцию явился комедиант Морт Сол[155], решивший поразвлечься. Когда наступила пора вопросов, он задал свой собственный, произнесенный в исключительно саркастической манере. Мисс Рэнд растерла его в порошок. Она сообщила ему, что, конечно, понимает, что его намерения нельзя назвать серьезными, что он пытается развеселить публику и что она не одобряет его поступок. Я видела, как он скис. Мисс Рэнд так осадила его, что он даже не знал, что сказать.

Случалось ли, что на эти лекции приходили другие знаменитости?

Однажды на лекции побывал Микки Спиллейн, он подошел к микрофону и проговорил что-то в том смысле, что счастлив присутствовать на этой лекции вместе со всеми нами, и все мы поаплодировали ему, а потом он сказал еще что-то о том, как приятно ему быть знакомым мисс Рэнд и знать, что ей нравятся его книги. Едва ли это была очень глубокая речь, однако Айн Рэнд была очень довольна его выступлением.

Расскажите мне о вашем новостном листке.

Мы с моей подругой Эллен Рунге выпустили первый листок, посвященный новостям объективизма. Когда серии лекций стартовали по-настоящему, мы поняли, что происходит так много, так много лекций, радиопередач и других событий, что кто-то должен донести всю эту информацию до объективистов, так что мы начали выпуск листка.

Мы начали выпускать его исключительно в целях информации, и мисс Рэнд попросила нас приписать следующие слова: «является исключительно частным предприятием» и «по нашей просьбе мистер Бранден согласился предоставить нам список адресов рассылки, однако ни мистер Бранден, ни мисс Рэнд, ни приглашенные лекторы Лекций Натаниэля Брандена

никоим образом не связаны с этим проектом. Мы предоставляем эту услугу, потому что в ней существует необходимость. Если вы принадлежите к числу людей, способных воспользоваться ею, вышлите доллар по нашему адресу».

Наш первый выпуск вышел в марте 1960 года, и в нем мы перечислили ожидаемые выступления, а также поместили образец будущей компоновки листка. Мисс Рэнд поначалу самым недвусмысленным образом объяснила нам, что мы должны уверять получателей в том, что никоим образом не связаны с ней и с Натаном, однако уже ко второму выпуску оценили нашу роль в качестве информационной странички. Она не хотела, чтобы мы выпускали журнал, однако мы настояли на своем намерении, поскольку она никак не могла воспрепятствовать нам. Тогда нам было указано ничего не писать о ней, чего мы и не делали.

Она не хотела, чтобы вы искажали ее идеи?

Именно так. Она была чрезвычайно осторожна в таких вопросах.

Никакой издательской работой мы не занимались. Мы печатали просто объявления, как во втором выпуске: «В мае 1960 года в издательстве Signet выходит карманное издание романа *Мы живые*. Точная дата будет объявлена в дальнейшем». К третьему выпуску мы перешли на ежемесячный режим, и мисс Рэнд просила меня перед каждым дальнейшим выпуском являться к ней со всеми материалами листка, чтобы она могла проверить их и убедиться в том, что все в порядке, а заодно предоставить отсутствующую у нас информацию. Так мы получили ее официальное одобрение.

К шестому выпуску мы освоили по-настоящему классное оформление и начали печатать свой листок на мимеографе, более того, мы получили название: *Новостной Листок Рунге-Ториджан.* И написали в нем: «Начиная со следующего выпуска, Натаниэль Бранден будет с регулярными интервалами рекомендовать книги, представляющие интерес для изучающих объективизм». К этому времени мисс Рэнд и Натаниэль Бранден начали планировать выпуск уже настоящего *Бюллетеня объективиста.* Наши публикации представляли собой своего рода пробный шар, и вскоре после этого выпуска стал выходить ее собственный новостной листок.

Как вы познакомились с Айн Рэнд?

Она попросила меня что-то отпечатать для нее. В это время я уже работала на Натана. Однажды она пришла в офис и спросила, не будет ли мне интересно перепечатать ее речь. Она сказала, что оригинал написан ею от руки, что несколько усложняло работу. Я согласилась, она передала мне текст, и я перепечатала его. Потом

я печатала многие из ее речей.

Работая с ней, вы волновались или испытывали напряженность?

Да. Достаточно долго я работала с ней в крайне безличном стиле. Общение ограничивалось обычными «здрасте» и «как дела?». И все. Так что происшедший между нами разговор во время возвращения из Йельского университета[156], где она выступала, стал первым случаем ее общения со мной. Я оказалась в одной машине с ней, она ехала на переднем сиденье, я на заднем. Уже стемнело, и мы возвращались назад в Манхэттен, когда она вдруг повернулась и завязала легкий разговор со мной.

Она расспросила меня обо мне. Среди прочего я сказала ей, что в юные годы также намеревалась стать писательницей, однако забросила эту идею. Я сказала ей, что сейчас работаю в строительной компании Пола Тишмана, тут она бросила на меня такой резкий взгляд и сказала: «Почему вы перестали писать? Неужели сдались, даже не попытавшись?» Тут, насколько я помню, мне сделалось весьма неуютно в этой машине, потому что она смотрела на меня из тьмы своими огромными, пронзительными глазами. Тогда я сказала: «Что ж, я по-своему счастлива». Тогда она говорит: «Счастлива? А не хотите ли поработать в области, достаточно тесно связанной с литературой и не слишком от нее далекой? Почему бы вам не заняться издательской деятельностью?» Я несколько опешила и сказала: «Но нельзя же вот так выйти на улицу и сказать: „Хочу стать издателем“». Она ответила: «Разве? Почему бы и нет?»

И я сказала: «Я даже не думала, что такое возможно, после того как перестала хотеть заниматься литературным трудом. Я просто мечтаю об этом, однако мне не хватает отваги, чтобы подобно вам излить свою душу на печатной странице». Тогда она перегнулась через спинку сиденья, прикоснулась к моей руке и проговорила: «Моя милая, в жизни не бывает никаких гарантий. Надо рискнуть. Единственный способ понять, по силам ли вам какое-нибудь дело, требует заняться им». После этого она отвернулась, откинула голову на спинку сиденья, закрыла глаза и погрузилась в свои мысли.

В тот вечер она изменила мою жизнь, потому что на следующий день я уволилась с работы, взяла себя в руки, открыла список вакансий на странице «издательское дело», обнаружила объявление, гласившее «нужен помощник редактора, предоставляется обучение», пошла по указанному адресу, прошла собеседование, немедленно получила работу, приступила к ней и более не оглядывалась назад.

И вы сообщили об этом мисс Рэнд?

О да! Она была довольна. И сказала что-то вроде: «Ну а как же. Ну, конечно же, вы должны были получить эту работу». Это было чудесно. Она изменила мою жизнь.

Почему вы перестали работать с ней?

После 1963 года я почти не работала на нее — потому что мы начали издавать журнал *Вердикт*. А потом я вообще перебралась за море — в Италию.

Располагаете ли вы какими-нибудь памятками об Айн Рэнд?

Единственной напоминающей о ней вещью является копия самого первого платежного чека, который я получила от нее. Я сделала его фотокопию, потому что была в восторге от того, что сумела поработать на такую личность. На нем написано: «Мой первый чек, полученный от Айн Рэнд в уплату за перепечатку речи „Вера и сила. Разрушители современного мира“, произнесенной в Йельском университете 17 февраля 1960 года».

Чек был выписан на семь долларов и подписан: «А. Рэнд», но не так, как она обыкновенно расписывалась на документах, поскольку при издании романа *Атлант расправил плечи* в книге было воспроизведено ее факсимиле, после чего — она сама рассказывала мне об этом, — ей позвонили из банка и попросили изменить подпись на чеках. Поэтому на моем чеке написано просто «А. Рэнд» без привычного росчерка. После высказанного банком пожелания ей всегда приходилось расписываться по-разному. Теперь все свои финансовые документы она подписывала именно так, а на автографах оставляла привычный росчерк.

Расскажите мне об отношениях Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора.

О, они всегда держались просто чудесно. Если садились рядом, то держали друг друга за руку. Они с Фрэнком О'Коннором всегда держались за руки. Она всегда была очень ласкова с ним. Вот еще один маленький отрывок из моих воспоминаний: «Я поехала однажды передавать ей отпечатанную мною речь, и она открыла мне дверь в фартуке, я посмотрела на нее, не веря своим глазам. „Что случилось?“ — удивилась она. И я сказала ей: „Мисс Рэнд, вы — и в фартуке. Я даже не могла такого предположить“. Посмотрев на меня, она ответила: „Что в этом такого? Я готовлю, и готовлю неплохо“. Я вошла. О'Коннор был дома. Она готовила для него обед. Я хочу этим сказать, что даже представить себе не могла, чтобы она в фартуке готовила обед кому бы то ни было».

Фредерик Фейнгерш

Фредерик Фейнгерш учился в NBI[157] в 1960-х годах.

Дата интервью: 17 августа 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд и Фрэнком О'Коннором?*

Фредерик Фейнгерш: Я познакомился с ней в 1958 году, когда посещал Бруклинский колледж; там существовал клуб почитателей Айн Рэнд, который пригласил ее на одно из своих заседаний, и я не мог не посетить эту встречу. Количество собравшихся и сила ее слов потрясли меня[158]. Не могу сейчас вспомнить, что именно она тогда говорила, однако аудитория была настроена враждебно к ней. Она парировала вопросы и не воспринимала их в личном плане; выступала в точном соответствии со своими принципами.

А что было потом в плане ваших встреч с мисс Рэнд и мистером О'Коннором?

Я всегда заговаривал с ней, когда возникала такая возможность. Слово «знакомство» в качестве определения характера наших отношений кажется слишком сильным, но она, безусловно, знала, кто я такой; и я всегда задавал ей вопросы на ее лекциях, например, такие как «кто ваш любимый поэт»?

И какие же бывали вопросы и какие ответы?

В отношении любимого поэта позвольте мне выразиться так: Киплинг похож на триумфальный марш, однако по ее мнению — не слишком авторитетному в данном случае: она признавалась, что не слишком хорошо разбирается в поэзии, — Суинберн лучше в языковом плане, и ей нравилось его мастерство.

Ее спрашивали о популярной музыке и, в частности, об ансамбле «Битлз». Она сказала, что не является поклонницей популярной музыки, но «Битлз», во всяком случае, одеваются со вкусом.

Вечером самой первой лекции, происходившей в отеле на углу 34-й стрит и Седьмой авеню, она появилась уже в конце и присоединилась к Натану, отвечавшему на вопросы. Я помогал расставлять стулья и перед лекцией заметил, что Айн и Натан беседуют возле кухни. Потом Натан прочел лекцию, а Айн сидела позади меня в заднем ряду и сказала: «Неприятное место. Каждый раз, когда я прохожу по этому проходу между рядами, я чувствую себя как невеста в церкви». Тем не менее она продолжала ходить по проходу.

Потом, после лекции, Айн и Натан на короткое время снова удалились в кухню. Она сидела, он стоял рядом, и они как будто бы утешали друг друга. У обоих как будто на глазах блестели слезы. Возвращаясь домой, так как я жил в той же стороне, я видел, что Айн идет рядом с Натаном, Фрэнк держится позади… сам я шел следом за Фрэнком. Сцена казалась чрезвычайно печальной… шел июнь или июль 1968 года, до их разрыва оставался месяц или два.

Вы слышали, чтобы мисс Рэнд говорила о Мартине Лютере Кинге?

Она называла его «расистом», так как он положительным образом разделял черных и белых, вместо того чтобы воспринимать людей как равные личности. Это должно было происходить в середине шестидесятых, когда его мирные марши она считала некими проявлениями насилия, особенно тогда, когда он остановил движение в Бруклине, на Белт-Парквей. Среди ожидавших автомобилей оказалась «скорая помощь», пациент которой впоследствии скончался. Это очень расстраивало ее.

Вечером того дня, когда был убит президент Кеннеди, я присутствовал на ее лекции. Когда настала пора вопросов и ответов, кто-то сказал примерно так: «Вы не любили президента Кеннеди, так что его смерть не является для вас утратой». Реплика эта ужасно расстроила ее, и она сказала: «Это Америка. Мы сменяем президентов другим способом. Мы сменяем их самым цивилизованным образом. Мы голосуем. Мы не убиваем людей».

Встречались ли вы с ней в другое время?

В конце шестидесятых годов она начала приглашать меня в Форд Холл Форум, Бостон. По правде сказать, она стала присылать мне билеты, чтобы я точно попал на лекцию, а не вернулся домой несолоно хлебавши, отстояв всю очередь. Однажды мисс Рэнд оставила два места для меня и моего друга, однако я об этом не знал, так что мы с приятелем отстояли очередь у входа, однако так и не смогли войти в зал, так много туда набилось народа.

Потом мы вернулись в Нью-Йорк, и буквально на следующий день я увидел ее и подошел к ней. Она погрозила мне пальцем и сказала: «Я оставляла вам два места. Что случилось?» Я ответил: «Я не знал, что вы оставляли для нас эти места. Мы не сумели войти». И то, что сошло с ее уст, потрясло меня, ибо я считал эту женщину воплощением чистого разума, а она сказала: «Жаль, что вы пропустили эту лекцию. Я просто наслаждалась собой! Можно сказать, повеселилась!»

Вот еще впечатление в том же духе. На одной из лекций NBI

мисс Рэнд вошла в зал вместе со своей, должно быть, ровесницей, и они уселись передо мной. Я подумал: «Ого, значит, будут разговаривать об идеях и книгах». Однако они сплетничали, говорили о пустяках, покупках и тряпках.

Какое мнение составилось об Айн Рэнд?

Айн Рэнд обладала потрясающим интеллектом. Я всегда был готов услышать от нее нечто неожиданное. Именно этого мне не хватает сейчас. На любой вопрос, какой я сумел бы придумать, Айн всегда могла ответить совершенно особым образом… что-то добавить. Она всегда заставляла меня внимательно слушать. Эта женщина была похожа на живой роман, в котором всегда могут возникнуть самые неожиданные ходы.

Санни Абарбанелл

Санни (Бэррон/Трахман) Абарбанелл изучал объективизм и был знаком с Айн Рэнд в конце 1950-х годов.

Дата интервью: 2 апреля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Расскажите мне о вашей первой встрече с Айн Рэнд.*

Санни Абарбанелл: Я только что прослушал пьесу *Идеал*, прочитанную Натаниэлем Бранденом в рамках NBL, и моя невеста представила меня Айн Рэнд. Пьеса произвела на меня глубочайшее впечатление, и я буквально рыдал. Я даже боялся встретиться с ней, потому что она была настолько значительной, настолько глубоко умели видеть ее глаза, что я не был уверен в том, что окажусь даже в малой мере соответствующим этому знакомству. Пьеса ее искренне растрогала меня, она поняла это. Она сказала: «Не бойтесь», что прозвучало как «Не оставляйте свои мечты», «Не переставайте искать истину и свои идеалы».

Какой она была после лекций, во время вопросов и ответов?

Она была хорошей учительницей. В аудитории всегда находился человек, бросавший ей вызов. Она всегда понимала цели вопросов таких людей, а потому никогда не воспринимала их как личный выпад, не чувствовала себя в опасности и терпеливо объясняла свои идеи. Она была сильной личностью.

Вы хотели что-то сказать мне об Айн Рэнд и вашей дочери.

Я сказал ей, что мы назвали нашу дочь в ее честь — Ли Айн Трахман, и при последующих наших встречах она называла себя «феей-крестной» моей дочери.

Кэтлин и Ричард Никкерсон

Кэтлин Никкерсон (в девичестве Моррис) участвовала в 1957–1958 годах в проводившихся Айн Рэнд писательских семинарах, с 1955 года и далее была подругой мисс Рэнд. Ричард Никкерсон, доктор медицины, также посещал лекции и был знаком с мисс Рэнд.

Даты интервью: 14 октября и 2 ноября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с мисс Рэнд?*

Кэтлин Никкерсон: Сперва я познакомилась с Натаном — примерно в сентябре 1955 года, а после того как миновал приемлемый для такого решения срок, он решил, что нашел во мне серьезную поклонницу Айн Рэнд, и меня представили ей.

После того как я несколько раз побывала в обществе Айн, Натан сказал, что мне следовало бы определиться в отношении причин моей преданности ее философии. По этой причине я написала письмо Айн, и оно как будто порадовало ее. Посему меня стали приглашать на разные события, при которых она присутствовала.

Поскольку старшие члены группы приближенных именовали себя Коллективом, меня и еще пять человек окрестили Младшим коллективом, или просто Младшими, поскольку мы были моложе их и не настолько учеными.

Мы слушали неофициальные лекции Натана и Леонарда до того, как они получили официальный характер. Понимая, что мы находимся на разных уровнях знания, мы изо всех сил старались угнаться за ними обоими.

Основываясь на прослушанном, мы писали статьи. Я, например, написала одну, посвященную пониманию прав, и Натан сказал, что она очень хороша, и обещал показать ее Айн.

В 1956 и 1957-х годах я училась в Нью-Йоркском университете и старалась бросить вызов всем профессорам на основе своих новоприобретенных знаний. Сталкиваясь с непонятной для меня темой, я обращалась за разъяснениями к Айн или Натану.

Легко ли было задать вопрос мисс Рэнд или попросить у нее совета?

В соответствующей обстановке, конечно, например, когда она находилась у себя дома, и до того, как мы начинали обсуждать назначенную на тот день тему. Можно было просто сказать: я хотела бы проконсультироваться с вами по одному вопросу.

Как вам удалось получить сигнальный экземпляр романа Атлант расправил плечи?

Члены обоих Коллективов, старшего и младшего, получили по экземпляру до дня публикации. Это устроила Айн.

На моем экземпляре написано: «Кэти — чтобы помочь обнаружить, что благосклонная вселенная реальна, возможна и достижима — Айн. 20 августа 1957». По прочтении *Атланта* у меня сложилось очень сильное впечатление. Я позвонила Айн и сказала, что считаю эту книгу великой, однако боюсь, что люди не поймут этого и будут пытаться учинить над ней какое-нибудь безобразие. Я и в самом деле боялась, что некоторые люди узнают себя в персонажах книги и отреагируют ненавистью. Она успокоила меня и завершила наш разговор словами: «Я люблю тебя, Кэти». Я ответила ей теми же чувствами.

Реакция общества на публикацию *Атланта* оказалась очень резкой, и члены Младшего коллектива в полном составе были заняты написанием ответов на критические рецензии, появившиеся в *Тайм, Ньюсуик* и так далее. Особо скверную рецензию опубликовал *Тайм,* так что все мы отказались от подписки на него. Одна из представительниц Младшего коллектива согласилась с тем, что рецензия просто ужасна, однако отказываться от подписки не пожелала. Нам с Натаном пришлось изрядно попотеть, чтобы доказать этой персоне, что она все равно должна совершить подобный поступок, чтобы доказать верность собственным взглядам. Так она в итоге и поступила, осознав, что отказывается от меньшей ценности ради большей, то есть ничем не жертвует.

Примерно в это время нагрузка на Айн существенно возросла, и она оказалась в большой моде как оратор и интервьюируемая персона. Одно приглашение, в частности, поступило от шоу телеинтервьюера Майка Уоллеса. Вместе с другими членами Коллектива она пришла в наши апартаменты, чтобы посмотреть это шоу и убедиться в том, что работа Майка достойна внимания. В те времена телеприемники успели появиться еще далеко не в каждом доме. Впоследствии она приняла участие в этой телепередаче.

Примерно тогда же мы с Вивьен Грант [еще одна участница Младшего коллектива] сообщили Айн о показе *Кабинета доктора Калигари* с Конрадом Вейдтом[159]. Она очень хотела увидеть этот фильм после такого долгого перерыва[160]. После просмотра, по пути из кино домой, Айн сказала что-то вроде того: «Едва ли ты можешь по-настоящему оценить привлекательность Вейдта», — и я ответила: «Да. Это было заметно по тому, как он глядел на сидевшую перед ним женщину». Она согласилась с моим

определением и сказала об этом.

В 1957 или 1958 году мы с Вивьен захотели устроить выступление Айн в Нью-Йоркском университете и придумали способ: организовали Дискуссионный клуб, устраивавший дебаты между радикально противостоящими друг другу точками зрения, и развесили афиши по всему университету[161].

На заседании клуба в Нью-Йоркском университете я сидела рядом с Айн в задней части зала и сказала ей: «Было бы замечательно, если бы вы преподали нам основы своего литературного метода». Она явно заинтересовалась и сказала, что подумает над этим. И достаточно скоро нашу группу пригласили в ее квартиру — на ряд лекций по литературному методу[162].

На первой лекции Айн поблагодарила меня за идею. К этому времени ее окружение успело заметно возрасти в числе. Сначала оно ограничивалось Коллективом и Младшим коллективом, но после публикации *Атланта* численность ее сторонников начала существенно увеличиваться. И на лекции в ее квартире собиралось уже около двадцати пяти человек. Она сидела за столом, лицом к прямоугольной гостиной. Если это было возможно, я устраивалась рядом с Фрэнком. Мне всегда нравилось разговаривать с ним, и я всегда ощущала себя при этом раскрепощенной. Мне казалось, что я могу сказать ему буквально все что угодно, и он никогда не поймет мои слова неправильно и не сочтет меня слишком необразованной.

Он держался очень дружелюбно со всеми. Он улыбался, он проявлял заинтересованность, ему было приятно разговаривать со мной. Такой был милый человек.

Не помните ли вы что-нибудь из ваших разговоров с ним?

Не могу сейчас сказать ничего конкретного, однако у него было чувство юмора, и он охотно смеялся. Однако Айн в своих лекциях, во всяком случае, тех, на которых я присутствовала, всегда подчеркивала тот вклад, который он внес в ее работы. Так, он дал имя персонажу ее романа *Атлант расправил плечи* и даже предложил само название этого произведения. Айн также отмечала, что он обладает качествами, присущими ее персонажам — кажется, она упоминала Франсиско — в частности, легким характером. Она всегда с подчеркнутой ясностью и теплом упоминала его, давая понять, что считает мужа своим основным сотрудником.

Можете ли вы припомнить другие способы, какими он помогал ей?

Если в процессе сочинения у нее что-то не складывалось, она говорила ему: «Меня беспокоит эта сцена. Она какая-то неправильная. Не сходятся концы». И он часто делал одно

короткое замечание, направлявшее ее мысли в нужном направлении. И она всегда ценила это.

Ближе к концу литературного курса, когда я однажды вечером уходила, Айн отозвала меня в сторону и сказала: «Среди всех слушателей моего курса только у вас, на мой взгляд, есть реальные шансы сталь писателем». Я была в восторге. Полагаю, что она сказала это, потому что я написала статью о том, почему хочу стать писателем, и она произвела на нее впечатление. Впрочем, возможно, что на нее произвели впечатление те комментарии, которые я делала на лекциях. Знаю только то, что единственная пьеса, которую я написала в порядке классного задания, оказалась жутко надуманной и ужасной.

Итак, вы решили более не заниматься художественной литературой?

Нет, я этого не решала. Я обнаружила, что не имею способностей и реального интереса к этому делу. Сферой моих интересов сделалась публицистика.

Что еще интересного вы можете сказать об этих литературных курсах?

На лекциях присутствовал один человек, который вне зависимости от того, насколько понятно и доступно объяснила вопрос Айн, все равно возражал и говорил «а я не понял» до тех пор, пока остальные студенты не были готовы придушить его. Уж и не знаю, каким образом ей удавалось сохранить спокойствие в его отношении, однако она никогда не возмущалась. Айн была безупречно терпеливым человеком.

Опишите типичные занятия и заканчивающую их стадию вопросов и ответов.

Это были очень долгие вечера. Мы собирались у нее около восьми вечера, после чего Айн заводила разговор на различные темы. Этот мог быть романтизм — обычно в толковании таких, например, авторов как Томас Вулф, и она тратила уйму времени на то, чтобы объяснить нам, что он не был хорошим писателем, хотя некоторые вещи ему и удавались. Подобным образом она обходилась и с другими авторами. Она приводила примеры из их произведений и давала собственные комментарии. Ее выступления затягивались на добрых два-три часа.

Помню такие вечера, когда часть вопросов и ответов продолжалась по меньшей мере до двух часов утра, ее в основном расспрашивали о том, чего не поняли, или же у нее возникали дополнительные соображения. Или спрашивали ее мнение о другом писателе. Казалось, что она никогда не уставала.

И как долго продолжались эти вопросы и ответы?

Помню, что они продолжались очень допоздна. Айн никогда

и никому не затыкала рот. Она никогда не говорила: я слишком устала; мне пора отправляться спать. Умные разговоры были ее любимым занятием. И ими, этим делом она занималась постоянно. Казалось, что она способна заниматься им вечно. Эти литературные курсы оказались подлинно великолепными.

Была ли какая-нибудь торжественная часть по завершении литературного курса?

Да. Мы собрались все вместе и подарили ей какие-то книгодержатели в виде символа доллара в качестве знака благодарности[163].

После окончания литературного курса в 1959 году ваши отношения с Айн Рэнд нашли продолжение?

Да. Примерно в 1962 году я работала координатором в издательстве St. Martin Press. В порядке служебных обязанностей я прочитывала предлагаемые для публикации рукописи. Одна из предлагавшихся нам книг была уже опубликована за границей, и я решила, что она очень хорошо написана. Автора звали Антонием Гроновичем, а сама книга являлась биографией одной из первых известных киноактрис, Гелены Моджеевской[164]. На обложке было сказано, что автор планирует написать книгу о Грете Гарбо. Зная, что Айн восхищается Гарбо, я решила узнать все возможное о связях Гроновича с Гарбо. Я пригласила его отобедать со мной, и мы поговорили о книге, которую он намеревается написать. Кроме того, я спросила его, считает ли он возможной встречу Айн Рэнд с Гретой Гарбо.

Не помню, что он мне ответил. Однако в конечном результате мне пришлось доложить Айн о содеянном. Она была очень и очень расстроена тем, что я скомпрометировала ее, спросив этого автора о том, возможна ли такая встреча. Я в известной мере выставила ее просительницей, а она ни в коем случае не хотела попадать в подобное положение. Я извинилась и заверила ее в том, что подобное больше не повторится. Она держалась очень спокойно, но была крайне расстроена, и мне было очень неудобно перед ней. Она не кричала на меня. Она не унижала меня. Она не оскорбляла меня. Она просто дала мне понять, что очень расстроена и недовольна моим поступком. Она поставила меня на место самым непринужденным образом.

Какая именно причина заставила ее это сделать?

Своим вопросом я поставила ее в подчиненное положение. И умалила ее в той форме, в которой его излагала. Она совершенно не намеревалась отрицать, что восхищалась Гретой Гарбо, однако ей не пристало договариваться о встрече через меня. Каким-то образом я ущемила ее достоинство.

Насколько я понимаю, мисс Рэнд присутствовала на вашей

свадьбе с Ричардом Никкерсоном.

Айн и Фрэнк присутствовали на нашей с Ричардом свадьбе, состоявшейся 1 июня 1963 года в нью-йоркском отеле «Американа». Мы запланировали свадьбу всего за неделю, однако на ней сумел присутствовать весь Коллектив, за исключением Алана Гринспена, находившегося тогда в Вашингтоне. Фрэнк сказал, что более красивой свадьбы ему не приходилось видеть за всю свою жизнь. Я ценю снимки, сделанные нами в тот день.

В другой раз Ричард хотел установить круиз-контроль на нашу машину, а мне нужно было оплатить счета за телефон или за что-то столь же мирское. Однако у нас не хватало денег сразу на то и другое. Каким-то образом вопрос стал известен Айн, и я получила следующую рекомендацию: конечно, он должен получить свой круиз-контроль. В жизни необходимо предоставлять место забаве и прихоти. Пришлось подумать: «Хорошо. Ладно, усвою».

После 1963 года мы с Ричардом продолжали посещать лекции и мероприятия, например, первый бал института, однако число людей в группе сделалось очень большим, и наша близость с Айн несколько сократилась.

Почему же?

Потому что теперь у нее стало слишком много приятелей и знакомых, и я стала получать приглашения далеко не на все мероприятия, как было прежде. Теперь ее окружало много больше известных и выдающихся людей — философы, писатели и так далее. Никакого разрыва между нами, конечно, быть не могло, просто круг ее знакомых чрезвычайно расширился.

В 1965 году родился наш сын Скотт, и спустя десять месяцев я с некоторым трепетом позвонила Айн. Мне не хотелось навязываться ей, потом я боялась, что приглашение не заинтересует ее, однако позвонила ей и спросила, не хотят ли они с Фрэнком познакомиться со Скоттом. Айн сказала: «О да!» Далее следует выдержка из дневника о нашем визите, состоявшемся 28 августа 1966 года. Ричард пишет: «Сегодня Скотт познакомился с Айн и Фрэнком О'Коннором в их апартаментах. Они сказали, что вырастет похожим на Рорка, отметили, что ребенок ничего не боится, что он уже в таком возрасте является определенной личностью, что кажется взрослым не по годам, и так далее. Айн беспокоилась по поводу того, что малыш все тянет в рот и ползает по полу — из-за грязи и микробов. Она высказала внушительный комплимент матери Скотта» (какой, он не пишет, а я не помню). Далее следует мое добавление в дневник: «Оба они очень тепло отнеслись к Скотту. Он забрался к Айн на колени, поиграл с ее брошкой и запустил свои пальцы ей в рот. Они с

Фрэнком оба держали его за руки, пока он ходил и так далее. Айн также сказала, что он похож на нас обоих. А лицом в большей степени на Ричарда. Кроме того, она выслушала, поправила и прокомментировала некоторые мои представления о воспитании детей. Еще она пару раз сказала: „Когда этот ребенок вырастет, мы еще не раз услышим о нем“. Прекрасный визит». На этом дневниковая запись заканчивается.

Доктор Никкерсон, помните ли вы какие-нибудь другие встречи или разговоры с мисс Рэнд?

Ричард Никкерсон: Первые лекции происходили относительно неформально. Помню тот вечер, когда они объявили, что их философское течение будет называться объективизмом. Ничего слишком уж выдающегося. Это случилось в первой серии лекций, которые проводил Натаниэль Бранден — вечером каждой пятницы в Манхэттене [в 1959 году, в отеле «Шератон-Рассел»]. Он прочитал несколько лекций, и на одной из них объявил, что мисс Рэнд выбрала имя для своей философии, и она будет называться Объективизмом. С заглавного О. Все были рады услышать это.

Когда вы в последний раз виделись с ней?

Кэтлин Никкерсон: Наверно, тогда, когда возили Скотта к ней в гости.

После 1966 года у меня не было личных встреч с ней. Разве что в какой-либо группе.

Случалось ли вам видеть Айн Рэнд сердитой?

Однажды я видела, как она выражала недовольство близкому другу на каком-то общественном мероприятии и в недвусмысленных терминах сказала, чтобы он более не повторял свой проступок. Дело было в том, что он сфотографировал ее в очках. Она резко отчитала его, но одновременно пояснила, что те, кто фотографирует ее подобным образом, преследуют цель превратить ее образ из серьезного философа в начитавшуюся книг училку. Они хотят привести ее к «нормальному» виду, сделать одной из своих. Согрешивший немедленно извинился и сказал, что понимает ее позицию.

Осознав этот принцип, мы попытались не допускать более подобной ошибки. Пребывание в обществе Айн даже в самой непринужденной обстановке всегда оказывалось информативным, хотя и несколько рисованным.

Другой раз, на собрании в квартире Брандена, Айн обсуждала, как мне кажется, свою новую колонку и то, как ее следует назвать. Сидя полукругом, члены Коллектива предлагали для этого собственные идеи. Собравшиеся испытали истинное потрясение, когда Айн, после того как Натан сделал задевшее ее

полушутливое предложение, резким тоном сказала ему: «Не смей впредь рекомендовать мне, что нужно делать с моей собственной работой». Ее реакция раздосадовала и также задела его. А я в этот момент искренне ужаснулась. Мгновение миновало, однако я поняла, что если не продумывать следствия из своих слов, то можно нарваться на крепкую отповедь со стороны Айн.

Айн при мне подвергала резкой критике почти каждого члена Коллектива и тем не менее всегда относилась ко всем нам с симпатией и уважением. Будучи группой интеллектуалов, преданных Айн и разуму, они могли и не понимать, отчего попали под раздачу. И если для кого-то из них это создавало проблему, всегда существовала возможность уладить вопрос на более поздней встрече.

На лекциях я не раз оказывалась свидетельницей того, что реакция Айн подчас ошеломляла слушателей, задававших ей вопросы или выступавших с комментариями. Однако всякий раз по трезвому размышлению мне удавалось понять логику Айн. Они никогда не пыталась взять кого-нибудь на испуг ради самого удовольствия, как нередко поступают другие. Она всегда давала какие-то, пусть и короткие объяснения следствий из заданного ей вопроса или комментария. Конечно, некоторых она обескураживала. Кое-кто навсегда отвращался от объективизма. Однако некоторые вопросы или комментарии следовало рассматривать в контексте очевидно проистекающих из них следствий. Как ни прискорбно, никто в ее кружке не мог безнаказанно произнести что-нибудь вроде: а вам не кажется, что Советский Союз и в самом деле представляет собой нечто более совершенное по сравнению с предыдущим режимом? Я никогда не записывала предлагавшиеся вопросы и посему, возможно, привела неудачный пример. Все те, кому повезло общаться с Айн Рэнд, имели в своей жизни шанс наблюдать за действием ее интеллекта на лекциях и прочих мероприятиях. Она всегда воспринимала смысл сказанного ей как обращенное лично к ней и ее окружению. И если вы не могли выносить жгучее прикосновение этого пламенного ума, значит, вы попали в чуждое вам место.

Держалась ли она на публике точно так, как в приватной обстановке?

Да. Практически в ней ничего не менялось. Должно быть, на публике она становилась более официальной. Но как личность она оставалась совершенно неизменной. От нее всегда можно было получить разумный ответ, где бы она ни находилась.

Я однажды спросила Айн: «Разве есть что-то плохое в желании отомстить тому или другому человеку?» Она целую

минуту удивленно смотрела на меня, а потом сказала: «Нет, ничего плохого тут нет. Подобное желание есть форма установления справедливости».

А кому именно вы хотели тогда отомстить?

Были такие люди, которые писали о ней жуткие вещи в прессе, а также делали ей гадости, так что нам хотелось отправить их в ад, если бы такое было возможно.

Говард Одзер

Говард Одзер — отставной бизнесмен, посещавший литературные курсы Айн Рэнд в 1958–59 годах.

Даты интервью: 20 апреля и 4 мая 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Говард Одзер: Я посещал начальные серии лекций Натаниэля Брандена по объективизму и потратил много времени на посещение их и разговоры с ним, особенно по психологии. Будучи слушателем курса, прочитанного в отеле «Шератон-Рассел», вместе примерно с двадцатью другими участниками я имел возможность общаться с Айн Рэнд. Потом возникла дружба и взаимодействие с Айн и Фрэнком О'Коннором.

В то время она начинала читать лекции, и одна из них была прочитана в Нью-Йоркском университете. Я присутствовал на лекции вместе с моей тогдашней женой Дебби и заверяю вас в том, что некоторое количество голосистых сторонников в аудитории было просто необходимо.

Почему?

Потому что академическое сообщество обустраивало эти события так, что они были, по сути дела, направлены против Айн. Во время одного нашего телефонного разговора она сказала мне: «Не могу даже сказать вам, насколько мне приятно видеть ваши с Дебби лица в аудитории, наполненной морем врагов».

Я присутствовал на нескольких проведенных ею беседах, и Айн Рэнд запомнилась мне как осажденная врагами со всех сторон фигура. Молодежь лучше чувствовала и воспринимала ее. Это был как раз тот самый случай, когда молодые люди приходили, чтобы послушать ее, а старшие — для того, чтобы напасть и оспорить.

И кто же были эти старшие?

Профессора. Ученая порода. Хитрожопые — из тех, которые считали, что сумеют задать ей трепку.

И как же она с ними управлялась?

Самым сокрушительным образом. Примерно так: «вторая часть вашего утверждения противоречит первой». Она очень часто прибегала к тому, что получило название «Бритвы Рэнд»[165].

Почему вас пригласили участвовать в литературных курсах?

Однажды вечером, после завершения вопросов и ответов, мы разговаривали о художественной литературе. И она задала мне следующий вопрос, потому что я сказал ей, что писательское дело

меня интересует. Так вот, она спросила меня: «Не хотите ли вы прослушать курс лекций по литературному мастерству?» Я ответил: «Если не шутите, охотно».

Почему она проявила к вам такой интерес?

Учтите, нас была целая группа, мы собирались в ее доме, беседовали, она видела кое-какие из написанных мной произведений и понимала мой философский настрой. Она всегда была готова поощрить своих студентов. И, по моему мнению, она считала, что ей предоставляется огромная возможность сформировать из молодых людей группу, способную распространять и развивать ее философию.

Расскажите мне об этих литературных лекциях.

Они происходили в ее доме на 36-й стрит, около библиотеки Моргана, между Парком и Мэдисон. Их проводили примерно раз в неделю, по субботам, и посещали их примерно пятнадцать человек.

Приходилось, затаив дыхание, прислушиваться к тому, что она могла рассказать о развитии сюжета и том костяке, который увязывал все повествование воедино.

Каким она была педагогом?

Очень хорошим. Иногда она теряла терпение на семинарах, на стадии вопросов и ответов, но там, где видела серьезное отношение, целеустремленность и добросовестность, с ней было очень легко. Она никогда не бывала враждебной или въедливой.

Опишите, как обыкновенно проходило собрание в ее доме.

Мы входили и какое-то время общались между собой, а потом она включала свой микрофон, и все умолкали. Она садилась возле передней двери гостиной, поскольку комната была узкой и длинной, и большинство собравшихся размещались вдоль левой и правой стен. Она читала свою лекцию, потом был небольшой перерыв, после которого она продолжала читать, завершалось собрание вопросами и ответами.

На некоторых собраниях студент или студентка зачитывали свое сочинение, написанное в рамках курса. После чего Айн и все прочие излагали свои комментарии.

Какую позицию она занимала на этих обсуждениях и какой манеры придерживалась?

Конструктивной. Она высказывала свое мнение о том, что присутствовало в зачитанном тексте, и о том, чего не было, и конечно, рекомендовала, каким образом можно улучшить его. Могу сказать как от своего лица, так и от лица других слушателей, что ее комментарий воспринимался не как негативный, но скорее как поощрительный. Если в тексте обнаруживались какие-то дефекты, они подавались в стиле: «А

вот как можно улучшить это место», или «А вот здесь следует сделать текст более напряженным», или «Этот момент можно развить следующим образом», или «Это можно опустить», или «Это вообще излишне».

Она держалась аналитически и даже прямолинейно. Она выдвигала какой-либо тезис и уточняла причины, заставлявшие ее это сделать. Комментарии ее учили, и цель их можно было понять. Она, так сказать, представляла собой лазер, пронизывавший предметы до самой сути, показывавший их такими, какие они есть, и почему они такие, какую имеют цель и что можно извлечь из всего этого.

Я не ощущал того, что нахожусь в обществе знаменитой писательницы, я находился в обществе Айн Рэнд. Когда вы разговаривали с ней, это был не разговор ad hominem[166], если вы фокусировали свое внимание на теме, и она фокусировалась на том, что вы говорили, а тогда не было никаких скрытых подтекстов — никаких индивидуальных подтекстов, ничего личного. В этом отношении все было очень чисто.

Однажды вечером я решил, что будет семинар, явился к ней, однако обнаружил, что ошибся, и оказался там в единственном числе. Она была очень любезна, они с Фрэнком пригласили меня в дом, усадили, и мы проговорили полтора часа… она предложила мне прочесть написанный мной отрывок. Интересно, что совершенно неожиданным для меня образом в данной ситуации Айн сперва угостила меня бренди, а уже потом мы говорили о писательском мастерстве.

Она очень положительно высказывалась о моем творчестве, и мы достаточно много говорили о нем. Она была очень и очень сердечным и открытым человеком.

Она рассказывала вам, каким образом можно усовершенствовать ваше владение сюжетом и писательскую технику?

Она рассказала мне, что, собирая материалы для *Источника* и образа Гейла Винанда, узнала очень многое о журналистике. Еще она сказала мне, что один из сюжетных элементов моего сочинения, поломка печатного пресса, не могла случиться в крупном газетном издательстве. И еще добавила: возможно, вы удивитесь, однако необходимо на сто процентов знать тему, о которой вы хотите писать, даже в том случае, если вы используете только пять процентов написанного.

Вы обращались к ней по имени — «Айн»?

Да. Первоначально это была «мисс Рэнд», однако, завершая курс лекций, она объявила всем, что мы все уже подружились в достаточной мере для того, чтобы начать обращаться друг к другу

по именам.

Случалось ли вам общаться с нею помимо литературных курсов?

Иногда мне предоставлялась возможность побывать у нее дома днем — когда Дебби давала ей уроки танца или чего-то в этом роде.

В то время моя жена была танцовщицей и давала занятия по танцу и пластике. Ее занятия посещали многие объективисты, в том числе Айн. Было очень интересно следить за Айн учащейся, а не учащей, то есть находящейся в непривычной для нас ситуации. Однако на лице ее был написан столь неподдельный интерес, она была настолько увлечена упражнениями — прямо как маленькая девочка. Вот это самое сходство с ребенком было во многих отношениях чертой ее характера. Она представляла собой совершенно свежую, бесхитростную личность, способную на такой восторг.

Расскажите мне об упражнениях в танцевальном классе.

Присутствовали упражнения на растяжку и пластику движений по полу. Растяжка спинной мускулатуры, вытягивание ног. В основном тонизирующие и приводящие в кондицию упражнения. В последней четверти занятия — движения по диагонали по полу.

Зачем такие занятия понадобились мисс Рэнд?

Ей были интересны упражнения, а также она хотела понять смысл современного танца. Ее знакомство с современным танцем исчерпывалось стилем Марты Грэм[167], и она предполагала, что современный танец в значительной степени основан на некрасивых приземленных, а не на долгих и возвышенных движениях.

Как она относилась к занятиям?

С увлечением, старанием, доверием; и ни в коем случае не как к достойному осуждения занятию.

Еще что-нибудь общее с мисс Рэнд у вас было?

У нее было собрание пластинок. И я как любитель классической музыки однажды вечером перебирал пластинки и наткнулся на записи *Графини Марицы* и *Принцессы цирка* Кальмана, с которых началось мое знакомство с подобного рода музыкой.

А знаете ли вы, какое музыкальное произведение вдохновило ее на написание *Концерта Халлея*[168]? Оркестровая запись любовной сцены из *Бориса Годунова* в исполнении Ганса Киндлера и Национального симфонического оркестра. Заканчивая *Атланта*, она все время крутила эту пластинку. Я обнаружил эту запись в музыкальном магазине Барри Мельцера. У них осталось

78 старых записей 1910-х, 1920-х и 1930-х годов, я рассказал об этом Айн, и она стала частенько наведываться туда. Еще она любила песню *Get Out and Get Under*…[169]. И такие бодрые вещи, как *Цирковой марш* и увертюру к *Цирку*.

На какие музыкальные темы вы с ней разговаривали?

О ее любимых композиторах. Первым номером у нее числился Чайковский, а в борьбе за второе место конкурировали Рахманинов и Шопен. Одним из самых любимых ее произведений был *Третий концерт для фортепиано с оркестром* Рахманинова в исполнении Витольда Мальцужинского. Она часто проигрывала это произведение, потому что очень любила его.

Можете ли вы вспомнить какую-нибудь ее шутку?

Когда ей делали комплимент по поводу внешности, она говорила: «У меня есть два крупных достоинства. Хорошие ноги, прямо как у Дагни. — А потом прикрывала рукой нос и рот, так чтобы оставались видными только глаза. — Ну и глаза, конечно, они у меня лучше всего».

Помню, как один раз, когда Айн чихнула, я сказал ей: «Доброго философствования», и она расхохоталась.

Что еще хорошего вы можете сказать об Айн Рэнд?

Люди пишут, что «Айн была женщиной с характером» или что она была резка с людьми. Подобное могло случаться в определенных обстоятельствах, во время вызова, спора, откровенного нападения, однако та Айн, которую я знал, была похожа на героиню *Атланта*. Юную девушку, открытую для жизни и счастья, с «лицом, не знавшим боли, страха или вины». Она во многом была воплощением этих качеств — очень открытой, простой, способной глубоко понимать и радоваться.

Однажды, явившись в ее дом с написанным отрывком, я сказал: «А вот это — удачная вещь у меня получилась, Айн. Лучше всего прочего». И она сразу обрадовалась: «О, как здорово». И это в известной мере характеризует ее простодушие. Если ты что-то говорил ей — и никогда прежде не нарушал ее доверия — она всему верила на слово.

Ларри Абрамс

В 1958 году Ларри Абрамс посещал литературные курсы мисс Рэнд, где подружился с ней. В настоящее время Ларри Абрамс является заметным инвестором.

Даты интервью: 30 октября 1997 года и 22 июня 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Когда вы впервые увидели Айн Рэнд?*

Ларри Абрамс: Это случилось на одной из первых лекций, прочитанных Натаниэлем Бранденом[170]. Мисс Рэнд присутствовала в аудитории, и я сидел возле нее. Я не обращался к ней, но задал какой-то вопрос Брандену — не помню, какой именно. Услышав вопрос, она повернулась ко мне и сказала примерно так: «Вы осознаете, что здесь есть вопрос, однако не замечаете всех следствий из него». Она явно хотела помочь мне, однако в то время подобная реакция просто сокрушила меня. Я подумал: «Что еще тут можно не видеть?»

Прочитав *Атланта,* я написал ей письмо и задал ей вопрос в том смысле, что она доказала мне, что храбрость не нужна цельному человеку.

Она ответила на ваше письмо?

Нет, однако при следующей встрече дала понять, что письмо ей понравилось, и она отложила его в сторону, чтобы ответить, однако в итоге руки у нее до ответа так и не дошли. Я уже предпринял другие шаги. Я увидел в газете заметку о том, что Барбара Бранден и Леонард Пейкофф преподают в каком-то университете. Я позвонил кому-то из них, не помню кому, и меня направили к Натаниэлю Брандену, по сути дела, устроившему для меня интервью с Аланом Гринспеном в его квартире, куда я явился с целым списком вопросов.

Вас интересовала главным образом экономика?

Нет, это были вопросы философского плана. Все они относились к роману *Атлант расправил плечи* и явным противоречиям, которые я в нем заметил. Если определить нечто определенным образом, то как может оказаться, что… ну и так далее. Когда вы молоды и не имеете образовательной базы, подобный образ мышления практически неизбежен. Разобраться может помочь один лишь контекст. После этого интервью я встретился с Натаниэлем, и он пригласил меня на беседы мисс Рэнд о литературном мастерстве.

Вы хотели стать литератором или интересовались ее философией?

Я подумывал стать писателем.

Расскажите мне о вашей первой встрече с Айн Рэнд.

Она состоялась на курсах литераторов.

Она запомнилась вам на первой литературной лекции каким-то особенным образом?

Она находила ответ на любой вопрос. Ни до нее, ни после я не встречал подобного человека. Ей задавали вопросы на любую, даже не связанную с литературой тему. И не было такого случая, чтобы она не ответила на какой-то вопрос, как не было и такого, чтобы потом, по размышлении, оказалось, что она была неправа. Я размышлял над ее ответами и потом говорил — да, именно это отсюда и следует, и я вижу, каким именно образом. Глаза ее притягивали вас к себе, и вы ощущали исходящий от нее интеллект.

Как она относилась к вам, человеку, относительно неизвестному ей?

Как и ко всем малознакомым ей людям, она относилась ко мне очень любезно, основывая свое отношение на том, что меня привел на курсы интерес к ее идеям. Она проявляла большую доброту. И если иногда внушала трепет, так это не в результате своего отношения ко мне или к кому-то другому. Так получалось потому, что мы осознавали, с каким невероятно могучим интеллектом имеем дело.

Опишите эти литературные лекции.

После каждой из лекций наставало время вопросов и ответов. Она сидела за столом в конце комнаты, примерно в десяти футах от входа, в начале гостиной. В гостиной находились диван и стулья, на которых мы сидели. Натаниэль Бранден сидел слева от нее, в непосредственной близости от этого стола, Барбара Бранден, как мне кажется, также сидела рядом, всегда на одном и том же месте. Остальные занимали места каждый раз в произвольном порядке. В конце комнаты располагалось окно, выходившее на 36-ю стрит.

Сколько людей присутствовало на ваших собраниях?

Человек двенадцать.

Как долго длились эти вопросы и ответы, и какого рода вопросы задавали?

По меньшей мере час. И чаще всего заканчивались в произвольный момент, а не по истечении часа. И всегда это были возникавшие по ходу дела вопросы. Мисс Рэнд неизменно была готова ответить и стремилась ответить на любой вопрос, и процесс доставлял ей удовольствие. Она не была заинтересована в быстром окончании занятий. Как правило, эти вопросы затягивались допоздна. И я всегда дожидался их окончания.

Таких, кто ушел бы пораньше, сколько мне помнится, не было.

Помните ли вы какие-нибудь вопросы или темы, возникавшие во время этих заключительных стадий ваших занятий?

Все вопросы обыкновенно относились к предметам, рассмотренным на лекциях, или опусам, представленным на обсуждение членами нашей группы. В тех случаях, когда она комментировала какое-то произведение, это происходило как подтверждение принципов, которые она проповедовала.

Помню одну вещь, которой она очень удивила меня. Я считал, что одним из самых лучших фильмов, которые мне довелось видеть, был *Ровно в полдень*[171] и что сюжет его является примером мастерской работы. Айн Рэнд заявила: «Это не сюжет». Я и некоторые из присутствующих спросили: «Неужели? Разве это возможно?» Она начала свой ответ с того, что сюжет является целенаправленным изложением ряда событий[172]. Я подумал над фильмом и сказал, что, конечно же, вижу в нем это последовательное изложение событий.

Думаю, подобным образом отреагировали все присутствующие. Однако в общении с Айн Рэнд я уже успел усвоить одну вещь: каким бы странным ни показался тебе ее ответ, подумай 3600 раз прежде чем не соглашаться с ней, ибо когда ты вернешься домой, подумаешь еще несколько раз и наконец скажешь себе: «Ну на этот уж раз она никак не может оказаться права», а потом на новом собрании подойдешь к ней и скажешь: «Мисс Рэнд, я составил следующее мнение, и оно отличается от вашего», а она просто скажет: «На это есть следующий ответ…»

И вы действительно так и сказали ей?

Ну не так уж прямо в лоб, но что все обдумаю и вернусь к ней с полной уверенностью в собственной правоте, и тогда она покажет, в чем именно я ошибаюсь. Так случалось буквально всякий раз.

И в какой же манере она проделывала это?

В самой, можно сказать, материнской: мягкой и доброжелательной.

Мисс Рэнд редактировала ваши произведения?

Нет, не редактировала; просто высказывала свое мнение, комментировала удачные и неудачные моменты, давала полезные советы.

Обсуждала ли она ваши работы прилюдно?

Да. Моя работа оказалась неудачной. В ней было допущено несколько серьезных ошибок. Я думаю, никто не избежал этой участи. Во всяком случае, подобная возможность предоставлялась каждому. Она сказала и кое-что хорошее, но в основном говорила

о тех ошибках, которые я допустил, — в общем порядке, обходя комнату и останавливаясь на ошибках каждого.

Происходило ли во время курсов обсуждение рассказа мисс Рэнд Хорошая статья[173]?

Да, конечно. Как мне кажется, Натаниэль Бранден прочел эту вещь, не называя автора, и нас попросили прокомментировать ее, и она мне не понравилась. Мы обошли всю комнату, и все высказали свое мнение, и кроме меня еще пара людей сочли, что в этом рассказе присутствуют очевидные проблемы, однако только я счел эти проблемы серьезными.

Проблемы какого рода?

Возможно, они заключались в том, что так никто не будет поступать, что отдельные моменты нереалистичны. Потом было объявлено, что рассказ написала сама Айн Рэнд, и я подумал: «Да, без нагнетания получается как-то не так».

Как отреагировала мисс Рэнд на ваше отрицательное мнение?

Когда обходили комнату, и я высказал отрицательное мнение, она ничего не сказала, давая высказаться каждому. Но потом ответила на все выдвинутые мной возражения и показала мне, где я, по ее мнению, ошибаюсь.

Она не расстроилась?

Она рассердилась. Думаю, она намеревалась таким образом добиться от нас большего понимания, и ничего более.

А что еще интересного случалось во время ваших занятий?

Нам всегда приходилось делать перерыв на время показа по ТВ очередного эпизода сериала *Перри Мейсон*. Ну, конечно, она заранее опрашивала всех: «Не будете ли вы возражать, если я?..» И естественно, все мы отвечали: «Конечно, нет, да ну что вы…» Все знали о том, что это любимый ее сериал и что она не хочет пропускать его, и потому всем собранием смотрели *Перри Мейсона.*

Делала ли она какие-то комментарии во время просмотра?

Да. В основном это была чисто эмоциональная реакция вроде «отлично» и «какой гад». Сериал ей нравился по-настоящему.

Чем закончились ваши литературные курсы?

В самом конце она предложила всем нам представить ей название той книги, которую каждый из нас хотел написать, и мы исполнили эту просьбу. Я предложил: «Им пели славу». Ей очень понравилось.

Одним из любимых ее писателей был Дональд Гамильтон, она прочитывала все его книги сразу же, как только они выходили в свет. Почти не сомневаюсь в том, что именно я обратил ее внимание на этого автора. Она любила расслабляться за чтением детективов, обыкновенно по вечерам, после окончания

работы. Ей нравилась Агата Кристи, ей нравился телесериал *Перри Мейсон,* однако она не могла остановить взгляд на ком-то еще. И это несколько расстраивало Айн Рэнд, поскольку она хотела чего-то нового. Я предложил ей Дональда Гамильтона. Она прочла первую книгу и полюбила его, а потом, когда она прочитала несколько книг и не могла дождаться выхода следующей, я сказал, что знаком с одним работником его издателя и могу получать сигнальные экземпляры его книг еще перед выходом в свет. Она сказала: «Ой, неужели?!» И я ответил: «Без проблем». И стал снабжать ее этими экземплярами. Ей нравился сам факт того, что она читает эти книги одной из первых. Его детективы она любила по-настоящему. Не знаю, на всю ли его карьеру простерлась ее любовь, однако в тот момент эта любовь действительно существовала.

Разговаривали ли вы с Айн Рэнд на личные темы?

В отеле «Рузвельт», в начале курса, когда лекции читал еще Натаниэль Бранден, я увидел ее курящей сигарету. Набравшись отваги, я сказал ей: «Айн, знаете ли, это занятие может оказаться опасным». Она критически посмотрела на меня и сказала: «Вижу, вы беспокоитесь о моем здоровье». Я ответил: «Естественно». Она сказала: «Ценю вашу заботу — искренне ценю, — однако никто еще не доказал, что сигареты действительно опасны для здоровья»[174].

Расскажите мне о Фрэнке О'Конноре.

Это был очень спокойный, очень благородный человек. Во время части вопросов и ответов на наших литературных курсах он почти никогда и ничего не говорил.

Впрочем, однажды случилось событие, по-настоящему удивившее меня. В тот единственный раз я видел Фрэнка сердитым. Это случилось, как раз когда пора была начинаться телепередаче про Перри Мейсона, телевизор включили, однако ни слышно, ни видно ничего не было, изображение бежало по экрану. Фрэнк сказал: «Сейчас настрою». Зашел за телеприемник сзади, начал что-то крутить, однако прошло уже минут пять, а изображение лучше не стало. Тогда Айн сказала: «Фрэнк, передача уже идет, а я ничего не вижу. Ты не мог бы делать свое дело чуть побыстрее?» Она уже теряла терпение — она очень хотела увидеть передачу. Наконец, через несколько минут после еще нескольких подобных замечаний Фрэнк распрямился и сказал: «Чини сама» — и вышел из комнаты. Я был шокирован, потому что Фрэнк никогда не сердился.

А как Айн Рэнд отреагировала на то, что он ушел?

Кажется, она окликнула его, но он не остановился, и она не пошла за ним. У нее было полно гостей в комнате.

А как относились друг к другу Фрэнк О'Коннор и Айн Рэнд?

Они, безусловно, очень любили друг друга. Они часто держались за руки. На Новогоднем сочельнике, на который я их отвез, они сидели на диване и держались за руки. Она всегда обращалась к нему с особенной, трудно описуемой интонацией. Не могло быть никаких сомнений в том, что они любили друг друга.

Расскажите мне об этом празднике.

Его устраивал Алан Гринспен[175]. Помню, на нем присутствовали Роберт Блейберг, издававший журнал *Бэрронс*, а также Леонард Пейкофф и Блюменталь. Я не обращал ни на что особого внимания. Не помню, кто там присутствовал и что происходило. Я хотел только одного: оказаться с ней рядом на тот случай, если будет произнесена какая-нибудь премудрость, и не отходил от нее далеко.

И вы дождались своего?

Она всегда умела сказать что-нибудь интересное. Это она предложила Алану Гринспену пригласить меня. Должно быть, все это происходило тогда, когда я учил ее играть в шахматы[176].

Значит, вы не были просто ее шофером?

Им я был всего лишь один вечер. И я был тогда не просто шофером, но очень *нервным* шофером. Я ощущал великую ответственность: я вез Айн Рэнд в своем автомобиле. Что будет, если я попаду в аварию? Ведь я везу чрезвычайно ценный груз. Надо постараться, чтобы не произошло никаких неожиданностей.

Как случилось, что вы начали учить Айн Рэнд игре в шахматы?

Она что-то уподобила «интеллектуальной шахматной партии». Метафорой этой она пользовалась неоднократно, и однажды я спросил ее, знает ли она о том, что я неплохо играю в шахматы. Она ответила: «Не знаю», и я сказал: «Айн, играть в шахматы достаточно интересно. Не позволите ли вы мне показать вам, насколько интересным может быть такое занятие? Познакомившись с шахматами, вы станете по-другому относиться к этой игре». Она ответила: «Интересное предложение. Я согласна». И мы приступили к делу. Она говорила мне, в какое время к ней можно прийти, после чего мы садились, и начинался урок. Сперва я показывал ей ходы, потом проигрывал партии за обе стороны и, наконец, начал объяснять ей, почему делаю разные ходы. Потом мы разыгрывали партию, и я рассказывал ей, чем плох или хорош тот или иной ход.

Были какие-нибудь забавные случаи?

Был такой случай, очень забавный с моей точки зрения. Вот эта женщина, поставившая философию с ног на голову, даровавшая миру единственную объективную философию и

создавшую сложнейшие в мире умственные интеграции. Я показываю ей шахматные ходы, условности, которым при желании легко может выучиться любой желающий, и тут она говорит мне что-нибудь вроде: и как вы можете держать все это в памяти? И об этом спрашивает меня она, сумевшая увидеть то, что за всю историю рода людского не сумел увидеть ни один человек. Я ответил ей: Айн, эти ходы увидит любой сколько-нибудь грамотный шахматист. Это нетрудно. Тогда она сказала: «Мне казалось, что это хороший ход, потому что, пойдя на эту клеточку, я нападаю сюда, но вы потом показываете мне, что если я пойду туда, вы пойдете сюда, и так без конца!» Я ответил: «Айн, поверьте, конец есть. Есть, потому что я не гроссмейстер и способен удержать в памяти только определенное количество ходов, но даже гроссмейстеры могут рассчитать партию на некоторое, пусть и большее число ходов»[177]. Она отреагировала совершенно по-детски. При всем своем колоссальном интеллекте она была потрясена тем, на что я способен, хотя собственные ее достижения попросту взрывали мой мозг.

Какова она была в качестве ученицы?

Она не проявляла особого интереса к шахматам, к тому, чтобы по-настоящему овладеть этой игрой, и ей не с кем было практиковаться. Я предложил ей в партнеры Фрэнка. Однако она усомнилась в том, что ему будет интересно это занятие. Ну, а хорошим учеником без практики стать невозможно.

Что еще вы можете сказать о ее отношении к шахматам и стоящей за ними интеллектуальной практике?

Мне показалось, что она стала чуть более сдержанно говорить о шахматах и не так часто пользоваться фразой: «Интеллектуальная шахматная игра». Впрочем, она действительно уважала эту игру, что следует из ее реакции.

Однажды она захотела сыграть в скрабл, в который, очевидно, часто играла с Фрэнком. И за игрой никогда не увлекалась ходами, позволяющими утраивать слово; она конструировала свои слова ради удовольствия совместить их. Смысл этой игры не в стратегии, но во владении темой. Айн умела добиваться высот во всем, на что обращала внимание.

Вы говорили с мисс Рэнд о почтовых марках?

Я собирал марки еще подростком, и у меня набралась коллекция американских и зарубежных марок, и предложил ее ей. Она ответила: «Но, Ларри, это же целая коллекция марок — я не могу принять ее. Вы не должны отказываться от коллекционирования». Я ответил: «Но я готов это сделать. Марки меня в отличие от вас больше не интересуют. Коллекция мне больше не нужна… прошу вас, возьмите ее». Что она и сделала.

Случалось ли вам разговаривать с мисс Рэнд о ее финансовых делах?

Наверно, в первый раз это произошло, когда я учил ее играть в шахматы, до и после занятий мы разговаривали о самых разных предметах. Она знала, что я добился некоторых успехов на финансовом поприще, и посему спросила: «У меня в банке лежат 250 000 долларов. Как, по-вашему, мне следует поступить с ними? Алан Гринспен давно твердит, что я должна вложить их в какое-нибудь дело и наживать проценты. Что посоветуете мне вы?» Я ответил: «А почему вы не последовали его совету?» Она сказала: «Я не хочу думать об этом. Тогда я буду волноваться, а не хочу волноваться. Я хочу писать, а не нервничать». Тогда я спросил: «А вы высказывали эти соображения Алану?» Она ответила: «Да, и он сказал, что я должна только вложить деньги и больше не волноваться, так как обо всем остальном позаботится он сам». И я сказал ей: «Айн, вложить капиталы так, чтобы вы не волновались, невозможно. Если вам интересно мое мнение, оставьте свои деньги там, где они лежат». Она сказала: «Спасибо за понимание». Думаю, что именно так она и поступила.

Насколько мне известно, после произошедшего в 1968 году разрыва мисс Рэнд с Бранденами вы предлагали ей финансовую поддержку?

В то время мы дружили с Гарри Бинсвангером. Помню, в конце дня мы стояли возле дома, по всей видимости, того самого, в котором располагалась ее квартира. Я подумал, что у нее, скорее всего, не так уж много денег и что она нуждается в финансовой поддержке, и предложил ей свободный доступ ко всему моему состоянию. Она уже знала, что я располагаю довольно внушительными средствами, и сказала: «О, Ларри, весьма благодарна вам, но…» Тогда я говорю ей: «Мисс Рэнд, я не шучу… все мои деньги находятся в вашем распоряжении». Она ответила: «Ох, Ларри, вы с Гарри Бинсвангером всегда умеете сказать именно то, что нужно».

По какой причине она отклонила ваше предложение?

Не помню, чтобы она называла другую причину, кроме «я не могу этого сделать».

Что еще напоследок вы можете рассказать об Айн Рэнд?

Не помню, в каких обстоятельствах это произошло, но я рассказывал ей о том, что мне пришлось очень быстро ехать, чтобы попасть к себе домой. Я называл какую-то причину, заставившую меня ехать по боковым улочкам со скоростью тридцать миль в час. И она удивила меня своими словами: «Надеюсь, что полиция засекла вас». Я был ошарашен ими и не сразу сообразил, что я еще молод и считаю собственную реакцию

достаточно быстрой для того, чтобы вовремя заметить любого пешехода. Она же, как леди средних лет, уже не быстрая ногами, исходила из других соображений. Она давала мне понять, что я подвергаю опасности жизни других людей. Так что к Гринспену на новогодний вечер я вез ее очень и очень медленно… Поверьте, я ехал по улицам медленнее всех остальных водителей.

Скотт Стенли

Скотт Стенли являлся главным редактором консервативного журнала *Инсайт* (издававшегося издательством Washington Times). Кроме того, в течение более чем четырех десятилетий он являлся издателем различных национальных консервативных журналов и был знаком с Айн Рэнд в конце 1950-х — начале 1960-х годов.

Дата интервью: 29 июня 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Расскажите мне о своем знакомстве с Айн Рэнд.*

Скотт Стенли: Я неоднократно встречался с ней и считал — и продолжаю считать, что она была и остается одной из величайших фигур американской литературы и занимает видное место в литературе мировой.

Где вы познакомились с ней?

Она часто выступала на всяких мероприятиях, где я и познакомился с ней. Пару раз я встречался с ней в Нью-Йорке, потом был памятный обед с ней и Робертом Уэлчем[178], когда она находилась в Кембридже, где прочла одну из Джордановских лекций. В ту пору юные консерваторы тяготели к ее воззрениям точно так же, как и теперь. Я видел в ней великую, драматическую и убедительную художницу слова, наделенную колоссальной энергией. Она нравилась мне.

Какое влияние на общество, по вашему мнению, оказала Айн Рэнд?

Я не сомневаюсь в том, что без ее поддержки и влияния экономика свободного рынка Людвига фон Мизеса и австрийской школы никогда не вышла бы за пределы небольшого кружка ничем не примечательных либертарианцев, связанных в 1950-х годах с Национальной ассоциацией промышленников[179] и с журналом экономики и финансов *Фриман*. Ее роль выразилась в том, что она вывела экономику свободного рынка из душного бизнес-сообщества и перевела ее в сообщество художников, философов и интеллектуалов. Это было жизненно важно. Она привлекла к экономике внимание молодежи, что не менее важно само по себе. А заодно сделала возможными поиски героев-творцов среди деловых лидеров, уловивших требования века механики и создавших электронику и высокие технологии. Дама сия принадлежала к числу пуритан.

Дэниел Грин

Дэниел Грин, художник, нарисовавший в 1959 году портрет мисс Рэнд. На его полотнах запечатлены многие политические и деловые лидеры, а также деятели культуры. Картины кисти мистера Грина хранятся в музеях и частных собраниях всего мира.

Дата интервью: 5 февраля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Дэниел Грин: В 1958 году я служил в военной части, расположенной на Губернаторском острове, Нью-Йорк, и, прочитав *Источник*, немедленно влюбился в эту книгу и в стоящую за ней философию. И совершенно случайно увидел в какой-то нью-йоркской газете объявление о курсе лекций, читавшемся Айн Рэнд и Натаниэлем Бранденом, и начал посещать их. Во время одного из перерывов в лекции я разговорился с Фрэнком О'Коннором, и, узнав, что я художник, он захотел представить меня Айн и показать ей образцы моих работ.

А как выглядел Фрэнк О'Коннор?

О, это был удивительно симпатичный мужчина. Точеные черты лица, высокий, относительно стройный, с учетом того, что тогда он был уже на седьмом десятке лет. Он напомнил мне Джона Бэрримора и Гэри Купера, то есть внешне вполне годился в кинозвезды.

Значит, я встретился с Айн, колесики зацепились, и она согласилась позировать по моей просьбе для нескольких портретов. Позировать она начала в моей студии, после того как я уволился с военной службы в 1959 году.

И что сказало ваше художественное око, когда вы увидели ее?

Сила характера отражалась на ее лице, в прическе, во всей строгой простоте черт. Внешний вид Айн Рэнд выражал решительность; даже одевалась она очень продуманно, и как мне кажется, отнюдь не для того, чтобы производить впечатление на мужчин. Впрочем, она, безусловно, продумывала каждый аспект своей жизни, в том числе обстановку квартиры, собственную одежду, те немногие драгоценности, которые она носила… помню брошку в виде символа доллара, которую кто-то подарил ей и которой она очень, очень гордилась.

Почему вы захотели написать ее портрет?

Исключительно потому, что являлся ее почитателем; Айн Рэнд казалась мне настолько удивительной личностью, что

возможность написать ее портрет и провести некоторое время в ее обществе очень привлекала меня. Однако должен сказать, что после портрета Айн я написал еще сотни, если не тысячи портретов и никогда не сталкивался ни с какими проблемами именно потому, что научился трактовать взаимодействие между натурщиком и художником именно во время сеансов с Айн Рэнд.

Нельзя ли подробнее?

В то время я был еще молод, и меня интересовало мнение Айн Рэнд, а оно открывало передо мной широкое поле воззрений на различные аспекты живописи. Полагаю, что в то время обнаруживал склонность к поискам одобрения, от которых теперь давно исцелился. Я не позволяю своим натурщикам делать какие-либо комментарии, и этому научился как раз в обществе Айн. Она начала задавать вопросы, понемногу вмешиваясь в мой художественный процесс, и я более не допускаю ничего подобного. Я пытался объяснить ей, что именно делаю, а это было ошибкой. Потому что она обладала собственными требованиями к живописи, и ее представления не совпадали с моими.

Опишите сеанс в обществе Айн Рэнд.

Уволившись из армии, я снял студию в доме на 31-й стрит, недалеко от Эмпайр-стейт-билдинг. Она приходила в назначенное время и позировала с частыми перерывами. Так шли недели, если не месяцы.

И много ли было сеансов?

На самом деле я написал три портрета. На написание каждого из них в обыкновенных условиях требовалось десять-двенадцать сеансов продолжительностью по три часа. Один портрет я делал маслом, на него ушло больше времени, и сеансы проводились реже. Потом я перебрался в другую студию, находившуюся в Гринвич-Виллидж, и она посещала меня уже там. Наконец, я переехал в свою постоянную студию на 67-й стрит. Иногда я встречался с ней на вечерах в ее доме или же специально посещал ее, чтобы закончить наши дискуссии.

Могла ли она видеть Эмпайр-стейт-билдинг из окна вашей первой студии?

Да. Это здание можно было прекрасно видеть через застекленную крышу, и вид на него очень занимал ее.

Нельзя ли поподробнее?

Очевидно, вид на самое высокое здание мира из моей студии каким-то образом соотносился с ее представлениями об архитектуре, являл визуальную иллюстрацию к ее произведениям.

Вы всегда писали ее портреты с натуры или пользовались фотографиями?

Нет, все было сделано с натуры.

Она умела сидеть неподвижно?

О да, она была очень добросовестным человеком. Она была превосходной натурщицей: держалась абсолютно неподвижно с невероятным самообладанием. Не жалуясь, она стояла час за часом — мной была выбрана стоячая поза — для картины, появившейся в фильме *Ayn Rand: A Sense of Life* [*Айн Рэнд. Смысл жизни*, 1997, США, режиссер Майкл Пэкстон][180].

Рассказывала ли она во время сеансов что-нибудь о своем мыслительном процессе, стоя перед вами?

Она подробно обращалась к конкретным темам, сеансы проходили тихо и задумчиво.

Помимо кое-чего прочего она приносила с собой пластинки, и музыка, которую мы слушали вместе, помогала ей сохранить определенное настроение; особенной любовью у нее пользовалась *Сильва* [Имре] Кальмана, довольно много мы слушали и Рахманинова. И когда теперь я слышу знакомые отрывки из Кальмана, то немедленно вспоминаю Айн, так часто мы их слушали.

В каком настроении ума она стремилась пребывать?

Не могу отвечать за нее. С моей точки зрения, она излучала непреклонную уверенность в себе. Открытость, прямоту и решительность. Все те положительные качества, которые воплощала в себе.

Что вы пытались уловить или воплотить в своих картинах?

У меня было две цели. С одной стороны, чрезвычайно важное значение имеют живописная техника и художественная задумка. Такова природа самого вида искусства. Однако при этом художник обязан передать на холсте яркие качества своего натурщика. Так что моя задача была двуединой. С одной стороны, я пытался создать портрет Айн в меру своих тогдашних способностей, так, чтобы свойства ее личности проявились в портрете. Но с другой стороны, я также учился мастерству портретиста, используя сеансы для шлифования моих художественных способностей. Впрочем, это было давно. Тогда я был еще начинающим живописцем.

Учитывая ваши цели, каким образом вам удалось предложить конкретную комбинацию ее позы, светотеней, одежды и так далее?

Ее одежду мы обсуждали, это было вечером в ее квартире, и по сути дела, она сама сделала за меня мою работу, предложила костюм, и мы сошлись на ее одежде для данной картины, так что костюмерную работу она в основном выполнила сама, хотя и я внес некоторый вклад. К позе и освещению я также приложил руку, причем в какой-то момент, даже начал изображать ее

сидящей, после чего у нас вышел спор, и она решила, что хочет стоять и смотреть прямо на зрителя, так что мне пришлось учитывать ее мнение. Что касается освещения — никаких дебатов по этому поводу у нас не было. Я работал в одном из аспектов изобразительного мастерства, предусматривавшем использование обращенной на север студии, так что свет исходил из потолочного окна, обращенного к Эмпайр-стейт-билдинг.

Помню, что один портрет я писал в анфас и чуть развернул ее боком, чтобы придать картине некоторую динамичность. У нее было по этому поводу свое мнение. Она полагала, что ее нужно изображать анфас, как лицом, так и телом, потому что с ее точки зрения это означало, что она смотрит на жизнь лицом к лицу. Ее интересовали психологические нюансы живописной практики, в том числе позы.

И в результате оказалось, что мне следует быть осторожнее с вариантами, поскольку она вкладывала слишком много смысла в ту или иную позу и так далее. Помню, как однажды она заинтересовалась точным пониманием моих слов. Я воспользовался словом «a priori», и она остановила меня и стала выяснять, в каком контексте я это сделал. Очевидно, что обыкновенно это слово имеет религиозные коннотации. В поисках интересных для разговора тем мы прошли весь алфавит от A до Z. Она была великолепной спорщицей, а мне было не то двадцать три, не то двадцать четыре года. Я никак не мог угнаться за скоростью ее мышления, кроме как в области живописи, и она проявляла здесь особенное внимание к моей точке зрения.

И какие же темы были ей интересны?

Сиюминутные, возникавшие по ходу дела, связанные с техникой живописного мастерства и образом мышления художника. Конечно же, мы беседовали и об интуиции, и о вдохновении, имевшемся у меня далеко не в изобилии, и она соглашалась со мной. Мне казалось, что внушительная часть живописного мастерства имеет вполне рациональное объяснение, и именно на этой основе полагал начало собственной технике, что представляло для нее особенный интерес.

Наши разговоры на сеансах были особенно увлекательными, и даже в моменты отдыха мы продолжали долгие дискуссии в отношении художественного мастерства, и я полагаю, что в то время она использовала наши разговоры в качестве информации, на основе которой формировала ряд собственных идей в отношении живописи и изобразительного искусства. По сути дела, она позировала полчаса, а затем мы разговаривали часа полтора. В какой-то момент она попросила присоединиться к нам искусствоведа Мэри Энн Рукавину [впоследствии Мэри Энн Сурс],

которая, присутствуя при наших беседах, делала заметки. Ну а уже вечером либо я отправлялся в квартиру Айн, или она возвращалась в мою студию, после чего мы часами обсуждали живопись во всех ее аспектах. Я находился в привилегированном положении в том смысле, что мог описать то, что делал, с другой стороны мне противостоял непреклонный в своей стальной логике ум, оспаривавший каждый этап процесса. Айн хотела узнать по возможности все, что можно было сказать о рабочем процессе написания картины.

Можете ли вы вспомнить некоторые из ее вопросов?

Мы обсуждали с ней Дега, которого она не любила за неопределенность его работ, каковую она связывала с неопределенностью мышления, с чем я напрочь не соглашался. Она полагала, что Сальвадор Дали, за исключением своей тематики, является образцом той разновидности художника, которой она восхищалась, так как рисовал — я запомнил ее реплику — «словно бы мы находимся в мире, лишенном пыли».

Откровенно говоря, после ряда бесед я разочаровался в них, потому что в отношении живописи мы были настроены на разную волну. На мой взгляд, она полагала, что все на свете должно было в той или иной мере ориентироваться на ее философию, однако живопись пользуется совершенно другим словарем, и в отношении предназначения живописи мы во многом существенно расходились.

Какую же цель преследовали в живописи лично вы?

Самовыражение: не более чем преодоление себя самого.

А как она вела себя, когда вы не сходились во мнениях?

Наши разногласия в основном улаживались вполне дружелюбно, однако Айн была чрезвычайно настойчивым человеком. Взгляды свои она защищала со всем возможным рвением. Она все и всегда воспринимала очень и очень серьезно, что как раз мне и нравилось в ней. Все наши разговоры происходили в очень серьезной манере. Не во враждебной или грубой, однако на словах она не экономила. Если она не соглашалась с вами и считала, что вы в чем-то заблуждаетесь, то говорила об этом без всяких обиняков. Посему мне подчас приходилось следить за тем, что, а иногда и как говорю, потому что она была чрезвычайно чувствительна к любому нюансу, многие из которых ускользали от моего внимания до тех пор, пока она не стала указывать мне на мои ошибки.

И какого мнения вы придерживаетесь о написанном вами портрете?

Он мне нравится, особенно потому, что на нем изображена Айн. Я охотно воспользовался бы другой возможностью

нарисовать ее. Я горжусь этим портретом.

А как развивались ваши отношения потом?

Я подружился с Фрэнком и Айн, а также с различными близкими им людьми. Я тесно общался с Фрэнком и Айн примерно три или четыре года, а потом начал получать уйму корпоративных заказов, глав крупных компаний, таких как IBM и DuPont. Ей было особенно интересно узнать, насколько люди, портреты которых я писал, соответствуют нормам, установленным ею в романе *Атлант расправил плечи*.

Чем окончилось ваше знакомство с мисс Рэнд?

Естественным образом выдохлось. Я перебрался на 67-ю стрит, и после того мы не встречались. Пару раз я разговаривал с нею по телефону. И все. Я до сих пор придерживаюсь предложенной ею философии и воззрений, восхищаюсь написанными ею книгами, а также высказанными точками зрения.

Я считаю ее чрезвычайно одаренным человеком и полагаю себя в долгу перед ней за те идеи, которые она высказала в своей философии. Она пролила свет на куда большее количество вопросов, чем я готов поверить, и сделала это самым блистательным образом. Она была очень сильной личностью и оставила в моей жизни более глубокий след, чем многие из тех замечательных людей, с которыми я встречался. Я счастлив, что мне представилась возможность познакомиться с ней.

Илона Ройс Смиткин

Илона Ройс Смиткин — художница, нарисовавшая портрет мисс Рэнд и много лет дружившая с Айн Рэнд и Фрэнком О'Коннором. Она родилась в Польше и изучала живопись в берлинской Reimann-Schule, а также в Королевской академии искусств в Антверпене.

Даты интервью: 15 апреля 1998 года и 15 апреля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Илона Ройс Смиткин: Через Фрэнка О'Коннора, с которым познакомилась в Студенческой лиге искусств («Art Student's League») в Нью-Йорке. В конце 1950-х я дала Фрэнку несколько уроков по части живописи маслом. Дело происходило на вечеринке в моем доме, и Фрэнк сказал: «На вашей вечеринке присутствуют люди, которые понравятся моей жене». Тогда я сказала: «Приводите ее с собой. Чем занимается ваша жена?» Он ответил: «Пишет романы». И я спросила: «Какие именно?» Он ответил: «Наверное, вы не знаете. Она — автор *Источника».* Тут я разволновалась, потому что как раз читала *Источник,* и сказала: «Как это я могу не знать ее! Буду рада познакомиться с ней».

Расскажите об уроках, которые вы давали мистеру О'Коннору.

Побывав в Студенческой лиге искусств, он заметил, как я рисую, подошел ко мне и сказал: «Мне хотелось бы ускорить свое обучение живописи. Не возьметесь ли вы поучить меня?» Мы сговорились и приступили к работе.

Какое первое впечатление произвела на вас Айн Рэнд?

Огромное. Я буквально пребывала в священном трепете, она казалось мне окутанной некоей мистикой. Она была абсолютно ни на кого не похожа. Одевалась она очень интересно и даже несколько драматически; как, впрочем, и Фрэнк. Действовала она решительно и уверенно. И я, в то время девушка, не уверенная в себе — не знавшая в точности, кто я такая и куда направляюсь, — была просто потрясена этой обретшей себя личностью, обладавшей такими глубокими познаниями и буквально испускавшей электрические лучи. Как личность Айн Рэнд, безусловно, отличалась от прочих людей.

Каким вы восприняли Фрэнка О'Коннора?

О, это был очень веселый человек, наделенный веселыми глазами и чувством юмора. С ним было легко. Обычно, когда наши занятия заканчивались, он говорил: «А теперь идем в „Русскую чайную", выпьем и расслабимся». Там мы сидели часок-

другой и говорили, говорили и говорили о всяких разностях. Это было просто великолепно, ибо он был очень обаятельным человеком. Он всегда говорил, что думает, однако делал это с умом. Он умел видеть забавную сторону жизни.

Он никогда не рассказывал, кто он такой и что собой представляет. Многие люди даже не знали, что Айн Рэнд является его женой. Что было совсем неплохо, по моему мнению, ибо в противном случае он растворился бы в ее тени. Но он и сам представлял собой личность. Он был высоким поджарым и элегантным человеком. Помню, что, когда еще никто не носил капюшоны, он носил кашемировый капюшон синего морского цвета. Кроме того, он уже тогда, раньше всех прочих, носил сумку, похожую на футляр фотоаппарата через плечо на ремне. Он всегда был одет очень элегантно, со вкусом, но не перехватывая через край.

Расскажите о том, как вы учили Фрэнка О'Коннора.

Думаю, что тогда он только начинал рисовать, и могу сказать, что он был очень талантлив. Он быстро схватывал предмет, хорошо ощущал композицию и цвет. Он всегда был готов к учебе и был очень открытым человеком.

Чему именно вы учили его?

Всем основам с самого начала. Рисунку, композиции — с пояснениями, почему это делается так, а не иначе. Я рассказывала, как можно получить тот или иной эффект — или исправить положение, если ты что-то испортил.

И как долго вы учили его?

Возможно, полгода, а может быть, и три четверти года, потому что ему не нужно было особой учебы. Я спросила его еще в самом начале: «Зачем вам это нужно? Вы и так хорошо рисуете». Он ответил: «Это так, но занятия ускорят процесс». Уроки происходили два-три раза в неделю. Моя студия располагалась поблизости от «Русской чайной», располагавшейся вблизи от Карнеги-холл на 57-й стрит, и он поднимался позаниматься ко мне.

Обратимся к живописи… Какого стиля придерживался мистер О'Коннор в то время?

Вы видели мебель, которая была у них в доме? Такую современную? Он рисовал в подобном стиле. Пренебрегал деталями и выписывал объемы.

Как относился мистер О'Коннор к живописи?

С большим энтузиазмом и жаждой знаний. Когда что-то не получалось, он воспринимал этот факт как вызов, но не позволял себе сердиться или раздражаться, как это делают другие люди. Он все воспринимал с огромным чувством юмора. Это было почти

как игра.

А была ли у него собственная философия изобразительного искусства?

Нет, если уж заводить речь о философии, Фрэнк не обнаруживал желания погружаться в ее глубины. Иногда ему приходилось это делать, но только когда он получал удовольствие, ибо такова была его личная философия. Это было нечто доставлявшее ему кое-что, и он полагал, что если будет счастливым, когда придет домой, то и у Айн будут основания для радости. Он был не противоположностью Айн, но, во всяком случае, очень отличным от нее человеком. Если она глубоко вникала в каждое действие — почему ты так сделал, каким образом ты это сделал, и с какой целью — он никогда не оспаривал того, что приносило ему удовольствие: «Отличная вещь, займемся ею».

Что мисс Рэнд говорила о картинах мистера О'Коннора?

Они нравились ей; она никогда не критиковала их и всегда гордилась ими.

Что ей нравилось в его увлечении?

Поскольку он занимался созидательной деятельностью и рисовал, не имея образцов для подражания, то есть созидал.

Нравился ли ей какой-то единственный аспект, например, ощущение жизненности или стиль?

Нет, она принимала его целиком и полностью — таким, каким он был. Я редко встречала подобное увлечение партнером. Он не мог совершить ошибку. Она постоянно восхищалась его работами и поощряла его. Я никогда не слышала от нее критического замечания в его адрес.

В наших архивах хранятся сделанные вами наброски. На одном из них запечатлен мистер О'Коннор.

Он сделан сангиной, мелками Конте. Я написала его портрет до того, как взялась рисовать Айн. Помню, что мы с ним подружились и как-то разговорились, и он сказал: «А знаешь, было бы неплохо, если бы ты нарисовала меня. Что скажешь?» Я ответила: «Ну, конечно». Начинали мы несколько несерьезно, однако портрет его я закончила. По прошествии какого-то времени ко мне явилась Айн и сказала: «Мне нравится твой стиль, ты опускаешь половину подробностей, однако личность на портрете вполне узнаваема». После чего заказала мне свой портрет.

Что вам хотелось запечатлеть в портрете мистера О'Коннора?

Все, что мне нравилось в нем. Лицо его всегда было серьезным, однако на нем в любой момент могла появиться

улыбка. Он всегда был ясен и приветлив. Фрэнк был одним из самых легких в общении людей на моей памяти.

Ваш портрет фокусирует внимание зрителя на одной половине его лица. Почему?

Потому что, создавая свои портреты, я привлекаю внимание зрителя к некоторым чертам, оставляя все остальное его воображению. Если связывать слишком сильно, изображение становится как бы склеенным, потому что никто не способен передать в рисунке больше чем одно мгновение. Когда ты разговариваешь с человеком, его черты, вся внешность постоянно движется, меняется целиком. Никто не остается постоянным, неизменным; и я хочу запечатлеть это движение, это является частью искусства; и вы запечатлеваете движение, предоставив изображению достаточно свободы.

Вы помните, как мистер О'Коннор отреагировал на свой портрет?

Он ему не просто понравился, он был очарован им. Он был заинтересован изобразительным искусством, эта тема глубоко занимала его. Портретов, подобных моему, ему не приходилось видеть. Я рисую совершенно особенным образом.

И как сложилось, что вы стали рисовать портрет мисс Рэнд?

Айн Рэнд уже видела мои работы. И они ей нравились. Однажды она позвонила мне и сказала: «Мне хотелось бы, чтобы ты нарисовала мой портрет, который я могла бы помещать на обложки книг, если он мне понравится. Используя минимум средств, ты умеешь сказать очень многое. Мне не нравятся все эти во всех подробностях выписанные рисунки, однако ты пользуешься ограниченным количеством линий, и это мне нравится. Именно этого я хочу. Я намереваюсь заказать тебе свой портрет». После этого мы назначили дату, и она явилась ко мне в студию.

Вы говорили, что пишете в стиле импрессионизма. Что вы хотели этим сказать?

Это не совсем точное определение. Я имею в виду создаваемое художником впечатление. Кроме того, я пишу прерывистой линией. Здесь нет совмещения красок; изображение становится ярче, потому что оно прерывистое.

Я сейчас смотрю на портрет мисс Рэнд вашей работы и не вижу в нем ничего импрессионистского. Все очень четко и ясно.

Позвольте мне кое-что объяснить. Когда вы пишете портрет — в моей импрессионистской манере — вы увидите, что многие из мазков, между прочим, сделанных маслом, выглядят как пастель. Вы увидите также, что для того, чтобы изобразить тень, используется много красок, а не одна. Это и есть импрессионизм.

Расскажите о том, как вы писали портрет.

Прежде чем я начала, она спросила: «Что будем делать, если ваш портрет мне не понравится?» Я ответила: «В таком случае, вы его не берете и не платите за него. Ну, а если он не понравится мне самой, я его уничтожу». Она согласилась: «Это справедливо».

Когда она начала позировать, то прежде чем мы начали, сказала мне: «В моей внешности есть определенные черты, которые мне нравятся и которые не нравятся». Она приступила к подробностям, но я остановила ее и сказала: «Прошу вас простить меня, однако автором первого портрета должна быть я сама. Я понимаю вашу озабоченность, однако в данный момент это несущественно. Я могу написать еще один после того, как вы выразите мне все свои замечания после знакомства с первым, однако этот первый должна написать абсолютно непредвзятым образом, так сказать, от всего сердца». Она согласилась: «Честная позиция». А потом сказала одну вещь, которая очень удивила меня: «Кстати говоря, ошибались многие, даже знаменитые люди, поэтому не расстраивайтесь, если что-то выйдет не так». Она хотела проявить ко мне снисходительность, и это меня задело. Я ответила: «Ладно, приступим к делу».

Сумели ли вы по-настоящему познакомиться с ней, прежде чем пытаться запечатлеть ее черты на холсте?

Я неоднократно встречалась и разговаривала с ней, мы даже в какой-то мере дружили. Однако это не оказывало на меня никакого воздействия. Мы, люди, смотрим на других людей, при этом даже не замечая, темные глаза у них или светлые — мы не замечаем подробностей, потому что это наши друзья. Мы думаем о том, что говорим, но не о внешности наших собеседников. Я не изучала ее лицо до начала сеанса. Когда я приступила к работе, она очень сосредоточилась. Мои портреты отражают не только внешность, но и личность: что думает человек, что чувствует — я ставлю себя на место моих моделей.

Должно быть, это очень трудно.

Именно поэтому портрет до сих пор производит такое воздействие — потому что в точности отражает создавшееся у меня когда-то впечатление. Она была очень сильной женщиной в своих утверждениях и отрицаниях. Если ей что-то не нравилось, ничто не могло заставить ее изменить свое мнение. Как и в том случае, когда ей что-то нравилось. Она была очень решительной и уверенной в себе, не склонной ни к малейшей половинчатости. Это была действительно удивительная личность. Мы закончили портрет за один сеанс.

Значит, вы не рисовали эскиз, а сразу взялись за краски?

Совершенно верно.

А что она делала, пока вы рисовали портрет?

Иногда мы переговаривались на какую-то тему, иногда она спрашивала меня о том, что я делаю. Я рассказывала, что ощущаю в ней прямоту и силу. Я выкладывала свои впечатления по мере их возникновения, не прерывая работы.

Как она отреагировала, когда впервые увидела портрет?

Когда я закончила, она встала, посмотрела и положила руку мне на плечо. Обняла меня и сказала: «Именно такой я воспринимаю себя».

Можно подробнее?

Да. Она сказала: «Мне нравятся глаза — такими они кажутся и мне самой». Маленький штришок: она сказала, что хочет, чтобы я поправила контур ее губ, потому что не любит сентиментальности, и без нее будет более похожа на себя. Итак, я чуть изменила выражение ее губ, она сказала: «Это именно то, чего я хотела».

Она говорила вам, что именно увидела в вашем портрете?

Ей понравилась заключенная в нем сила; а еще прямота и почти гипнотическая сила взгляда. При знакомстве с ней ты в первую очередь замечал эти глаза.

Что вы можете сказать о той технике, пользуясь которой вы писали ее портрет?

Техника в данном случае имела минимальное значение, главное заключалось в понимании личности, очень и очень значительной и сильной, имевшей собственную веру и верования, а также способной выразить их — в этом и заключается суть искусства. Важен не портрет как таковой, им может послужить и простая фотография. Портрет должен изображать личность представшего перед тобой человека. И это, на мой взгляд, удалось мне — даже теперь после всех прошедших лет, глядя на него, я ощущаю, что хорошо потрудилась.

Насколько я помню, когда портрет появился на книгах мисс Рэнд, возникла какая-то проблема?

Портрет появился на книге *Добродетель эгоизма.* Кроме того, он присутствовал на обложках *Гимна* и многих других книг. Однако издатели поместили портрет на одной из первых страниц обложки и забыли упомянуть мое авторство, так что я позвонила Айн и сказала: «Знаете, на портрете должна быть моя подпись». Она очень расстроилась по этому поводу и сказала: «О да, это просто нечестно» — и позвонила издателям. Они извинились и впоследствии перенесли его на последнюю страницу с подписью: «Портрет Айн Рэнд, Илона РС».

К сожалению, в то время я была очень молода и неопытна, потому что, конечно же, могла получить с издателей роялти,

однако я предоставила Айн полное право поступать с портретом так, как ей угодно. Словом, через год она позвонила мне и сказала: «Как тебе, Илона, известно, ты от своих прав на портрет отказалась». Я согласилась. И она сказала: «Думаю, что с моей стороны будет справедливо выплатить тебе определенный процент, потому что я нашла фирму, готовую печатать репродукции портрета». И она прислала мне контракт на соответствующую долю, что было с ее стороны очень любезно.

Есть ли у вас книги с посвящениями мисс Рэнд?

Когда мой приятель узнал, что я написала портрет Айн Рэнд, он очень разволновался и спросил, нельзя ли подписать у нее несколько книг. Я ответила ему: «Конечно». И поэтому позвонила ей — меня поджимало время между двумя путешествиями — и спросила: «Можно ли мне прислать своего друга, чтобы подписать книгу?» Она ответила: «Нет, с радостью подпишу все, что ты мне принесешь, но сделай это сама». Она настояла на своем. А ставя подпись, сделала очень интересную вещь: окружила свою роспись солнечными лучиками. Я спросила о том, почему она так сделала. И услышала в ответ, что так ее подпись нельзя будет подделать.

Что еще вы можете сказать напоследок об Айн Рэнд или Фрэнке О'Конноре?

Он был очень внимательным, очаровательным человеком. Надо сказать, что, выбрав его в мужья, она проявила превосходный вкус. Они были чрезвычайно хорошей парой, внутри которой существовали, на мой взгляд, очень и очень хорошие, добрые взаимоотношения. Она была очень влюблена в мужа и предана ему. Они не были похожи друг на друга, хотя оба были личностями. При всей силе собственной личности она обращалась с ним как кошечка.

1960-е годы

Джуди Берлинер

Джуди Берлинер (в девичестве Блок) в 1961 году брала у мисс Рэнд интервью для студенческой газеты Мичиганского университета. Теперь она преподает медицину в Калифорнийском унверситете, Лос-Анджелес.

Дата интервью: 14 декабря 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Когда вы впервые встретились с Айн Рэнд?*

Джуди Берлинер: В 1961 году, когда она выступала в Мичиганском университете… это была одна из самых ранних ее бесед. Я была тогда репортером колледжской газеты *Мичиган дейли*, и меня еще с двоими коллегами отправили брать у нее интервью. Мисс Рэнд выступала у нас с беседой на тему «Эстетический вакуум нашего века»[181].

Интервью мы брали перед выступлением, и больше мне не привелось проводить долгое время в ее обществе. Когда я вошла в комнату, где находились они с Фрэнком О'Коннором, первое, что поразило меня, было сходство Фрэнка О'Коннора с Джоном Голтом. Было абсолютно очевидно, что портрет Джона Голта писался с него. Словом, рот мой открылся нараспашку. Светлые волосы его были зачесаны назад, как у Голта, высокие скулы и голубые глаза, как у Голта. Снимки, сделанные в более позднем возрасте, не показывают, каким он был тогда. Он действительно выглядел как бог. Просто удивительно.

Что касается интервью… я некоторым образом втерлась в интервьюеры, поскольку не была главной, посему вопросы задавали двое старших моих коллег. Мне удалось спросить совсем немного, однако их манера общаться с мисс Рэнд меня смутила. Они были настроены крайне враждебно к ней. Я подумала, что им следовало бы сменить тон, однако они этого не сделали.

Они задали ей много вопросов по двум темам. Во-первых, ее философия не учитывает интересы простых людей и того, что происходит с теми, кому не повезло. Каким, собственно, образом они могут добиться того, чего вы от них хотите? У нее были очень убедительные ответы на подобные вопросы. И за время всего разговора она ни на миг не проявила враждебности. Это *они* были настроены против нее. Она же отвечала очень корректным и любезным образом. Ну прямо чья-то бабушка. Такая милая пожилая леди, уютно устроившаяся и мило отвечающая на все

вопросы. Она помянула Стивена Мэллори[182] и сказала, что упоминала людей, имевших проблемы подобного рода, однако не позволила этой теме доминировать в книге. Ей ответили, что если судить по *Атланту*, место в ее идеальном обществе может найтись только для самых смышленых людей, к которым нельзя отнести подобных Эдди Вильерсу. Она ответила, что Эдди Вильерс иллюстрирует в книге много идей, не связанных, между прочим, с тем, что они думают. Тогда ей стали задавать вопросы вроде: «Как может рабочий со сборочной линии достичь того уровня, о котором вы пишете?»

Она ответила, что никто не хочет вечно пребывать на сборочной линии, и речь идет о том, что будет с ними потом, и что они должны стать подобными Майку Доннигану. Затем они должны помочь подняться людям с меньшим уровнем способностей, и в конечном итоге, если ты работаешь во всю силу, не так уж важно, чем ты занимаешься… и это и есть именно то, к чему должны стремиться люди, и все это она объясняла им самым терпеливым образом.

Потом они перешли к вопросам, связанным с современным искусством, таким как: многие люди любят современное искусство, а «вы диктуете собственный вкус, когда утверждаете, что оно ничего не стоит». Все это происходило на высоте популярности современного искусства. Тогда она начала говорить о том, что, по их мнению, люди извлекают из современных произведений: посмотрите на ту или иную картину или скульптуру, какое впечатление, по-вашему, они создают? Наши репортеры не смогли придумать ничего толкового, кроме как «создают ощущение времени». Она отметила, что от искусства следует ждать большего, и объяснила им.

Во время расспросов Фрэнк О'Коннор выходил, чтобы приготовить чай или еще что-то для гостей О'Конноров, находившихся в соседнем помещении. Я тоже вышла и сказала ему: «Это возмутительно. Эти люди не читали книг, они не знают, кто такой Стивен Мэллори, и вообще не понимают, что здесь происходит. Она согласилась дать это интервью в расчете на то, что беседа окажется взаимоприятной и дружелюбной, а эти два репортера стремятся разорвать ее на части». Он ответил: «Ну что ж, они еще поймут, что к чему». И добавил: «Не волнуйтесь; она умеет заботиться о себе», а потом сказал еще что-то в этом же роде.

Я задала мисс Рэнд несколько более конкретных вопросов, чем прочие. Я спросила у нее о том, почему Камерон стал алкоголиком. В то время мне казалось, что с ним случилась странная вещь; каким образом он мог добиться успеха, будучи

алкоголиком, и еще: почему это стало столь важным элементом его личности. Мне казалось, что такой человек не мог стать великим архитектором. Она ответила, что он спился уже после того, как стал великим архитектором, и что так о нем и будут думать люди.

А она не говорила, почему он дошел до подобного состояния?

Говорила. Кажется, она сказала, что у него не было дальнейшей перспективы, и поэтому он избрал такой путь.

Еще я спросила ее, на основании чего она считает, что люди не способны что-либо получить от современного искусства, и она ответила, что здесь не нужны никакие доказательства. Это можно понять уже по самому содержанию произведения. Она дала мне подробный и убедительный ответ на этот вопрос.

Опишите, как она держалась во время вашего интервью.

Очень оживленно. Ей был интересен каждый вопрос. Она держалась вполне благосклонно, не проявляла никакой неприязни, но была очень увлечена собственными ответами. Она всегда смотрела прямо в лицо человеку, с которым говорила, и приводила примеры из собственных книг. Она много жестикулировала, и на лице ее выражения сменяли друг друга. Именно это я имею в виду, когда говорю, что она была очень оживлена.

Чем закончилось ваше интервью, какой она была в конце его?

Я оделась для этого случая, как всегда в то время, под битника. В то время я была минималисткой в одежде; я носила юбку и свитер, и туфли без каблука на босу ногу. Свои длинные волосы я иногда связывала пучком на затылке. Во время интервью я сказала, что восхищаюсь ее книгами, считаю их замечательными, так что, когда мы пошли из комнаты, она спросила: «Вы осознанно одеваетесь, как Кира?» Я ответила: «Нет». Я читала *Мы живые,* но сказала ей: «Конечно, нет, просто такой стиль принят в наше время». И она поблагодарила меня за похвалы ее книгам, улыбнулась и добавила: «Очень приятно иметь дело с человеком, который читал мои книги и восхищается ими». Кажется, я сказала ей, что расстроена тем, что интервью прошло в таком негативном ключе, и она возразила: «Нет, мне понравилось».

Как она обращалась с вами?

Очень благосклонно. Она всегда была очень доброжелательна во время этого интервью и прочих случаев, когда я ее видела, например, в Форд Холл Форуме. Она всегда была очень и очень любезна с теми, кто задавал ей вопросы. Случалось, мы между собой говорили: «Как она делает это? Как может выслушивать такие глупые вопросы и не сказать: „Какая глупость, вы хотя бы

понимаете, что говорите?“» Однако она всегда находила в любом вопросе то, о чем можно поговорить.

А как смотрелся при всем этом мистер О’Коннор?

Мисс Рэнд, очевидно, хотела, чтобы он присутствовал при разговоре, он сидел рядом с ней во время всего интервью, всякий раз, когда, по ее мнению, у нее получался особенно удачный ответ, она обращалась к нему и говорила: «Ну, как, по-твоему, Фрэнк?» — и он улыбался, но не говорил ничего, просто смотрел на нее и улыбался. Таким я запомнила его — как опору Айн Рэнд. Ну а данный им ответ на мое соображение в другой комнате просто свидетельствует о мудрости.

Я пришла к началу беседы. И застала сестру Фрэнка О’Коннора, ее мужа и двух девочек, лет двенадцати от роду. Все они были высокими и статными и, бесспорно, казались обеспеченными и уверенными в себе людьми.

Заметив их в комнате отдыха, я спросила о том, как живется родственникам Айн Рэнд, и они ответили: «О, скучать не приходится». И сказали еще что-то вроде того, что «она такая забавная на семейных обедах». Тут я поняла, что ей есть что сказать на этих мероприятиях. Еще они сказали, что гордятся ею, и по этой причине проделали путь до Энн-Арбор из Лорена, чтобы услышать ее выступление. Им и в самом деле было интересно услышать, что она скажет. И они заранее одобряли ее выступление, так, словно всегда и во всем соглашались с ней. Потом они сказали нечто вроде: «Она у нас такая разговорчивая, куда больше, чем Фрэнк». Они явно были рады тому, что он женился на ней. После того как беседа закончилась, я вновь увидела их, и они сказали, что удивляются тому, что она может выдерживать шиканье и враждебное настроение зала.

Во время беседы мисс Рэнд Фрэнк О’Коннор сидел в первом ряду. После лекции ее обступили различные люди, задававшие вопросы, и он вроде бы приглядывал за тем, чтобы не вышло каких-либо эксцессов. Когда она вышла на сцену, раздались рукоплескания и шиканье. Возможно, шиканья было чуть больше.

Казалось, что шиканье ни в малой степени не смущает ее. Возможно, такой прием встретил ее на предыдущей беседе[183], но меня оно удивило. В Мичигане она провела одну из своих первых крупных бесед, поэтому опыта у нее не хватало, однако к тому времени она успела получить много критических замечаний о книгах от критиков и обозревателей, и потому, наверное, ожидала чего-то подобного.

Много ли было присутствующих?

Огромная аудитория была заполнена почти полностью, то есть присутствовали по меньшей мере четыре-пять сотен человек.

Ей задавали много враждебных вопросов, а также вопросы о современном искусстве. В зале присутствовали скульпторы, возражавшие против ее мнения, и почти все задававшие вопросы люди были настроены неприязненно.

Осталось ли настроение зала негативным?

По ходу беседы шиканье прекратилось, начали звучать аплодисменты, и общая реакция стала указывать на то, что ее слушают и понимают. Она определенно переломила настроение аудитории. О бурном одобрении, конечно, речи не могло быть, однако понимание было достигнуто.

Давайте теперь переместимся в Форд Холл Форум. После 1961 года вы познакомились с Майком Берлинером, писавшим в Бостоне свою докторскую диссертацию, поженились и перебрались туда.

Мы жили в Бостоне с 1964 до 1970 года. И все эти годы обязательно посещали Форд Холл Форум. В последний раз мы были там на ее лекции, когда жили в Лос-Анджелесе. Возможно, мы побывали там еще раз, и каждый раз после беседы заходили в комнату, где она беседовала с людьми.

Как вы получали приглашения?

Мы были знакомы с Гарри Бинсвангером, Алланом Готтхелфом, а они приглашения получали. К тому же, Майк числился среди немногих объективистов в образовательной программе по философии.

В отношении приемов я запомнила одну удивившую меня вещь: она никогда не выглядела усталой даже после того как провела два часа на сцене и ответила на уйму сложных вопросов.

Однако на приеме она любила обсудить альтернативные варианты ответов на полученные из аудитории вопросы, а также вопросы, которые хотела бы услышать. Она не могла расстаться с вопросами. И это произвело на меня глубокое впечатление. Присутствовавшие также продолжали расспрашивать ее о заданных вопросах и о том, почему она ответила на них именно так, а не иначе.

Она превосходно взаимодействовала с ведущим, судьей Лурией. Он относился к ней очень покровительственно, в том смысле, что если нападки на нее становились очень жаркими, он пресекал их дальнейшее развитие. Она отлично ладила с ним.

Что вы можете сказать об этих вопросах и ответах в Форд Холл Форуме? Общий настрой был дружелюбен или враждебен ей?

Должна сказать, что в эти ранние годы преобладал враждебный настрой, но я помню, что Гарри задал ей много вопросов. И всякий раз они, конечно же, были заданы в позитивном ключе. Кроме него, беседы посещали и другие объективисты, и их вопросы в известной мере уравновешивали

негативный настрой. С течением лет вопросы стали задавать по большей части объективисты.

Когда вы в последний раз видели Айн Рэнд?

На последнем Форд Холл Форуме в 1981 году[184], она читала лекцию на тему «Век посредственности».

Она изменилась?

На мой взгляд, нет. В тот раз задавалось много больше положительных объективистских вопросов, насколько я помню, народа собралось поменьше, чем в прошлые времена, но достаточно много.

Был один инцидент, который может рассказать вам, как она воспринимала себя сама. Мы с Майком приехали в Бостон на ее лекцию из Лос-Анджелеса. Заметив нас обоих в фойе отеля «Вестин», она с большим удивлением спросила нас: «А что вы оба тут делаете?» Как будто ей и в голову не могло прийти, что мы способны приехать из Калифорнии только для того, чтобы послушать ее. Это всегда говорило мне, что она ни в коем случае не воспринимала себя как звезду.

Френсис Смит

Френсис Смит являлась исполнительным директором, президентом и председателем совета бостонского Форд Холл Форума, в котором Айн Рэнд с 1961 по 1981 год выступала почти ежегодно. Официально объявленное предназначение Форума заключалось в «воспитании информированного и эффективного гражданина и содействии свободе слова посредством публичных лекций, дебатов и дискуссий»[185]. Миссис Смит скончалась в 2001 году.

Дата интервью: 4 июня 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Что представляет собой Форд Холл Форум?*

Френсис Смит: Это старейший форум в стране, имеющий период открытых вопросов. Форум начал действовать в 1908 году.

Какое положение в Форуме вы занимали?

Я сделала в Форуме интересную карьеру. Я начала посещать его еще в старших классах, когда мой будущий муж захотел слушать лекции, так что мы ходили туда развлечения ради. Однако слушание всех этих выступлений производило хороший образовательный эффект. Я прошла снизу вверх всю служебную лестницу и закончила свою карьеру, проработав в течение примерно сорока лет исполнительным директором, а потом президентом и пожизненно избранным председателем совета, но теперь ушла в отставку.

Знаете ли вы, по какой причине мисс Рэнд впервые пригласили выступить на Форуме в 1961 году?

Да. В то время комитет, занимавшийся составлением программ, обнаружил, что мы перегрузили программы последних лет беседами с представителями левого крыла, и потому, по сути дела, не располагаем хорошей сбалансированной программой, какую нам хотелось бы иметь. Посему комитет стал искать персону более консервативного настроя, способную привлечь аудиторию, и поэтому мы пригласили ее.

Какой была обыкновенно реакция публики на Айн Рэнд?

Она как будто привела с собой собственную аудиторию. Чтобы послушать ее, люди приезжали со всех частей света: из Африки, с Багамских островов, изо всех частей Соединенных Штатов, так что аудиторию нельзя было назвать нашей обычной, но тем не менее в ней хватало представителей нашей привычной публики, засыпавшей ее уймой самых разнообразных по природе

вопросов.

Сколько человек вмещала ваша аудитория?

В ней было 1300 сидячих мест, но нам все равно приходилось отказывать людям. Тех, кому не хватало мест, мы часто отправляли в помещение, предоставлявшееся нам YMCA[186], где они могли слушать трансляцию беседы. Это помещение могло вместить еще примерно пятьсот человек.

Как выбирались даты и темы ее выступлений?

Она сама выбирала их. Мы делали ей предложение — не хотите ли выступить в такой-то день — а может быть, и предоставляли ей два варианта. Это всегда был воскресный вечер. Мы никогда не утверждали ее темы и принимали то, что она называла.

Можете ли вы описать Айн Рэнд во время выступления?

Я была тогда очень молода, и на меня произвел впечатление тот факт, что она всегда появлялась в угольно-черных нарядах. За все те годы, которые я знала ее, мне так и не пришлось увидеть на ней цветное платье. Я была в восхищении. Эта небольшая женщина производила впечатление могущественной персоны.

Во время ее выступления и вопросов и ответов все держались с почтением к ней. Присутствующие никогда не учиняли никаких беспорядков из-за того, что придерживались отличного от нее мнения. А несогласных с нею всегда бывало достаточно.

Как она воспринимала критику из зала?

Она очень хорошо справлялась с ней.

Как она держалась во время вопросов и ответов?

Самым непринужденным образом. Она всегда оставалась очень спокойной, сдержанной и никогда не возмущалась. Помню, какое впечатление на меня, тогда молодую женщину, произвело ее публичное выступление в защиту абортов. Она говорила примерно так: это твое тело, и ты вправе делать с ним все, что хочешь.

Вы разговаривали с мисс Рэнд на эту тему?

Нет. Я очень мало говорила с ней. Она была очень сдержанным человеком, и у нас не было времени на разговоры. Перед лекциями она беседовала с Леонардом Пейкоффом и одним-двумя из своих последователей в так называемой Зеленой комнате; потом она разговаривала с ведущим, если хотела добавить какую-то информацию к тому, что ему уже было известно. Потом они вместе выходили на сцену. Когда беседа заканчивалась, она уезжала вместе со своей свитой, очень часто у них была приватная вечеринка.

Случалось ли мисс Рэнд разговаривать с вами о вашей работе?

Она только восхищалась тем, что мы предоставляем ей

возможность вести на Форуме беседы на одну и ту же тему. Она часто превозносила в разговорах со мной Форум, так как с ее точки зрения было чудесно, что мы продолжали приглашать ее. Кстати говоря, я всегда сидела рядом с ее мужем в самом последнем ряду аудитории.

Почему же?

Там сиденья располагались выше. Эта аудитория в основном использовалась для музыкальных спектаклей, поэтому последние ряды ее были приподняты, и он там сидел, потому что оттуда было лучше всего видно сцену, и мисс Рэнд часто и очень тепло говорила о нем, о том, насколько он предан ей.

Кто такой судья Лурия?

Судья Рубен Лурия во время ее первого появления на Форуме являлся его президентом и был первым ведущим. Впоследствии он сделался старше, вести собрания ему стало трудно, и он передал эту обязанность моему сыну Джеффу. Судья Лурия был республиканцем, однако ни в коем случае не принадлежал к числу консервативных республиканцев, по своему образу мышления он был либералом, и он рассказывал мне, что когда они оставались с глазу на глаз, мисс Рэнд пыталась обратить его в объективизм. Он сказал, что ей это не удалось.

И это было приятно ему?

Да. Он смеялся. И считал забавным, что она предприняла такую попытку.

Что вы можете рассказать о ее отношении к судье Лурии?

Он был мал ростом, она тоже, и в известном смысле они были парой.

Судя по их переписке, хранящейся в Архиве Айн Рэнд, они как будто испытывали по отношению друг к другу теплое и уважительное чувство.

Именно это я и имею в виду, когда говорю, что он был очень и очень заинтересован в том, чтобы оказать ей все возможное содействие, однако не позволил уговорить себя перейти в объективистскую веру.

У меня есть заметка о том, что в 1971 году на Форуме был дан обед в честь столетия службы судьи Лурии и Луиса Смита.

Правильно. Мы всегда старались найти способ почтить людей, долгое время работавших на Форуме и притом не получавших никаких денег за свой труд и хлопоты. Судья Лурия и Лу Смит вместе прослужили нашему делу сотню лет, что и стало причиной для торжественного обеда. Кажется, председательствовала за обедом я сама. Мы назвали его обедом столетия службы, так как вместе они прослужили Форуму целый век.

Приходилось ли вам вступать с ней в контакт по другим поводам?

Однажды, когда я была исполнительным директором или президентом Форума, нам отчаянно потребовались деньги. Поэтому я попросила ее прибыть к нам на торжественный прием и исполнить роль почетного гостя[187]. Она согласилась, но сказала, что не будет выступать, а только поприсутствует на нем. И мы устроили обед в воскресенье, перед вечерним заседанием Форума. В результате нагрянуло немыслимое количество желающих.

Как только стало известно о ее присутствии, объявилось большое количество гостей Форума, нам даже пришлось прекратить продажу билетов. Во время обеда гости подходили к ней с подарками, иногда достаточно ценными: драгоценностями и тому подобными вещами. Она не приняла ничего. Я сидела рядом с ней и видела это собственными глазами.

Она выслушивала похвалы и комплименты, однако подарки, предметы материальные не брала.

И что она говорила таким людям?

Она говорила: «Что вы, я не могу это принять». Не уверена в том, что точно воспроизвожу ее слова, однако, выражая благодарность, она не брала ничего. На мой взгляд, этот факт кое-что говорит о ней.

Она побывала у вас бесплатно, для того чтобы поддержать Форум?

Правильно; потом она отправилась немного отдохнуть, а когда вернулась, говорила так, будто ничего вообще не произошло, однако в жизни Форума это был чрезвычайно важный момент.

Вы проводили аукцион, на котором продавалась одна из рукописей мисс Рэнд?

О да. Мы всегда нуждались в деньгах. Мы не платили ей за выступления, однако оплачивали многих наших ораторов, так что нам были нужны деньги для этого, а также для поездок и других расходов — то есть на оплату их пребывания. Словом, мы решили придумать какую-нибудь уловку, способную привлечь публику, поэтому решили устроить аукцион рукописей выступавших на Форуме известных людей, и Айн Рэнд была одной из них. Она предоставила нам текст речи со сделанными ее почерком исправлениями.

И что было дальше?

Мы известили людей о своем намерении, и на аукцион собралось много народа. Не могу сказать вам, сколько именно, однако больше, чем пришло бы на обыкновенный обед с

аукционом. Кажется, за эту речь мы получили 10 000 долларов. За приобретение рукописи спорили несколько человек. Остальные письма ушли за более приемлемые суммы. Мы распродали все, включая фотографии некоторых из наших ораторов. Продали все, что попало под руку.

Итак, рукопись мисс Рэнд ушла за самую крупную сумму?

Совершенно верно. Это произошло потому, что исправления в текст она вносила собственной рукой.

Айрис Белл

Айрис Белл была замужем за представителем NBI, занимавшимся записями лекций.

Даты интервью: 11 мая и 10 июня 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы впервые познакомились с Айн Рэнд?*

Айрис Белл: Мой тогдашний муж Эд Нэш[188] работал представителем NBI. В конце 1962 года его стали приглашать на мероприятия ближнего кружка Айн Рэнд. Нас пригласили на новогодний вечер у Блюменталей, там присутствовала и Айн Рэнд.

В середине 1962 года, когда Эд сообщил Брандену о том, что его переводят в Чикаго, они попросили его организовать там лекции NBI.

Расскажите мне о речи, произнесенной мисс Рэнд в Маккормик-плейс в 1963 году.

Идея осенила Эда Нэша. Эту речь Айн произносила также в каком-то другом месте[189]. Он переговорил с Айн и Натаном. Они согласились, и мне пришлось проработать около двух месяцев. Мы арендовали небольшой офис в Чикаго, и я сделала все необходимое, оформила объявления, приготовила конверты, надписала их и наклеила марки, наняла телефонисток и позаботилась о продажах.

Незадолго до ее выступления мы съездили в Нью-Йорк. Напечатали несколько очень больших плакатов, рекламирующих ее выступление — такие плакаты обычно вывешивают на стенах заброшенных зданий, и наняли людей, чтобы они сделали это. Разрабатывая плакаты, я сказала Эду, что нам нужно обратиться к Айн, чтобы она получила возможность одобрить их. Он сказал мне, что не нужно, что мы все делаем правильно, и она уже выразила ему свое одобрение. Мы приехали к ней с этим громадным плакатом, развернули его и показали ей вместе с рекламными листками, оранжево-желтыми, с крупным черным шрифтом и ее фамилией Рэнд посреди них. Увидев все это, она пришла в ужас, спросила: «Неужели это окончательный вариант? Мне это не нравится». Эд честно признался ей в том, что я предлагала ему показать ей эскизы, сказал, что впредь будет слушать мои советы, что бы я ни сказала.

Почему она возражала против такого варианта?

Потому что ей было неприятно видеть свое имя, написанное

такими крупными буквами. Эд возразил ей и сказал, что элемент плаката, привлекающий внимание людей, должен быть самым крупным.

Что еще вы узнали, работая с мисс Рэнд?

Она дала мне кое-какие рекомендации относительно процесса планирования, которыми я с тех пор часто пользовалась. Однажды Эд Нэш сказал, что нам не обязательно заключать какое-то соглашение в письменном виде. Она сказала ему: нет, контракт заключать обязательно… что, если вашего контрагента собьет машина после выхода из офиса? Так что все должно быть занесено на бумагу.

Когда они с Фрэнком прилетели в Чикаго на лекцию, мы с Эдом встретили их в аэропорту и отвезли в отель. Мы все находились в одной комнате, когда явилась одна из студенток NBI — старшеклассница, посещавшая лекции в записи — и принесла с собой две дюжины роз на длинных стеблях. Айн сказала ей: «Это неуместно». Понятно было, что получилось неловко. «Однако тем не менее спасибо, хотя больше таких вещей не следует делать». После чего передала цветы Фрэнку, который поставил их в вазу.

Как отреагировала девушка?

Сперва обиделась и испугалась, но в итоге Айн привела все в норму.

Расскажите о той речи, которую она произнесла в тот вечер.

Была тревога из-за бомбы. Кажется, Айн уже выступала, так что Эд Нэш и я, и, кажется, Руби и Гарри Ньюман — помогавшие нам — возле зала обсуждали поднятую тревогу. Мы вызвали к себе Натана и решили в итоге ничего не делать. Мы решили, что нас хотят взять на испуг, и эвакуировать зал не стоит. Все закончилось хорошо.

Я совершенно уверена в том, что все билеты были распроданы — это был один из крупных залов Маккормик-плейс[190].

Как публика отреагировала на речь?

Самым очаровательным образом. Там собрались исключительно ее сторонники. Едва ли в тот вечер в зале находился кто-либо не симпатизировавший ей.

Расскажите мне о том, как фотографировалось это событие.

Снимал мой отец. Он был профессиональным фотографом и снимал без вспышки, получая мягкие кадры. На одном из снимков изображена сцена, явно до начала выступления. На нем присутствуем мы с Эдом и Айн в платье с откинутым капюшоном.

На другом снимке запечатлен книжный прилавок и Руби Ньюман, в качестве ценителя таланта беседующая с Айн. Кроме

того, на этом снимке присутствуют Фрэнк, Барбара, Натан и Боб Бартонс, мой друг, работавший на Эда Нэша.

Расскажите мне о художественном оформлении Объективиста. *Вы оформляли объявления и обложки пластинок?*

Да. В 1965 году я спроектировала логотип NBI Communications. Он присутствует и на обложке пластинок.

Объективист — тот, который с сине-зеленой обложкой и надписью в три строки, — его оформление проектировала я, однако мисс Рэнд воспользовалась своим правом обладателя копирайта. Она хотела спуск на три строки с левой стороны страницы. Она выбрала цвет, как я поняла, соответствующий металлу Риардена. И выбрала гарнитуру еще до того, как я представила ей макет. Я уже запланировала некие пояснения с моей стороны, потому что мне выбранная ею гарнитура показалась уродливой. Я подумала, что если познакомлю ее с историей этого шрифта, она изменит свой взгляд на него, так как это был баухаус, разработанный в Германии в 1930-х годах. Она выбрала шрифт из этой же группы, хотя существуют различные варианты рубленого шрифта, происходящие из той же самой греческой традиции. Я упомянула группу «Баухаус», и она немедленно остановила меня. Это было очень мило, однако она не слушала того, что я говорила, и сказала: «О, столько людей думают, что я люблю эту немецкую группу, однако она мне вовсе не нравится».

Мне даже в голову не приходило, что ей нравятся такие шрифты — я знала, что они ей не нравятся. Но она превратно поняла меня. Если бы она слушала меня, то поняла бы — я сомневаюсь в том, что ей может понравиться этот шрифт. Но поскольку я так и не сумела донести до нее свою мысль, дело закончилось тем, что в печать пошел именно баухаус.

Были ли у вас еще какие-нибудь интересные разговоры с Айн Рэнд?

У Эда возникла идея продавать наклейки на бампер с надписью: «Кто такой Джон Голт?» Я нарисовала ее, когда жила в Лос-Анджелесе. Я подарила ей одну, и она сказала, что идея ей не нравится. И такой политики она придерживалась еще несколько лет. Ей казалось, что таким образом мы крадем ее идеи, зарабатываем на ее интеллектуальной собственности. На это я сказала ей, что в маленьких городках есть люди, студенты колледжей, у которых нет способа узнать, кто в округе интересуется подобными идеями. Располагая подобными наклейками, они получают возможность это узнать. Она решила, что это отлично, и одобрила наш поступок.

Как она относилась к вам?

Очень хорошо. 16 апреля 1965 года я собиралась на бал в NBI и потратила много времени на поиски в магазинах подходящего платья. Только мне ничего так и не понравилось, но, наконец, моя мама сшила мне отличное платье с длинной юбкой из кисеи с тканными горошинами и широким кушаком. Когда я приехала на бал, присутствовали человек сто или двести, и все женщины были в облегающих платьях, причем многие с одним плечиком — как в *Источнике,* — а может быть, и в *Атланте.* Никто не обратил внимания на мое платье. Я как объективистская функционерка попала не в такт обществу. На мой наряд обратила внимание только Айн Рэнд.

Я подошла к ней, чтобы поздороваться, и она сказала, что, на ее взгляд, я очаровательна и похожа на балерину. Это было так приятно.

Потом мы с Эдом переехали в Лос-Анджелес, потому что ему предложили должность вице-президента Capitol Records Club. В его рамках он создал особый клуб для любителей классической музыки. Для нужд этого клуба я начала выпускать журнал в толстой обложке, выходивший каждые два месяца. Подпись представляемого композитора эффектно выглядела на черной обложке. Эд нанимал Боба Бэрронса — журналиста и редактора сразу — чтобы тот нанимал журналистов для написания тех статей в этот журнал, которые он не писал сам. Экземпляр первого номера мы показали мисс Рэнд после одной из ее нью-йоркских лекций. Пролистав его, посмотрев на заголовки, прочитав абзац-другой, она была очень растрогана и сказала нам: теперь я вижу, что борюсь не в одиночку. Тогда мы подозвали Боба Бэрронса, чтобы она могла похвалить и его. И она сказала ему, что высоко ценит его работу. Мне показалось, что она преувеличивает.

Когда мы с Эдом развелись, она не забыла меня — то есть для нее я была не только женой Эда Нэша, но самостоятельной личностью. После своего развода с Эдом я успела узнать, что существует достаточно много людей, владельцев ресторанов или моих знакомых на вечеринках, для которых я была только его женой — если я появлялась без него. Однако они с Фрэнком воспринимали меня иначе, за что им спасибо.

А что ей так понравилось в вашем журнале?

Наверно, объективистский подход к искусству — изящным искусствам, живописи и музыке, — проявлявшийся в статьях, посвященных композиторам. Одна из них была посвящена Рахманинову, к тому же Боб Бэрронс написал биографию Рахманинова. Читая это оригинальное исследование, вы могли понять, что у него были психологические проблемы или же он

являлся непонятым героем — что впоследствии сделал и Боб. Мы сделали три номера, и каждый отослали ей вместе с пластинками.

Вот еще одна история, которая кое-что говорит о ней. Когда два племянника Натана несколько месяцев гостили у него, и я была на вечеринке у Блюменталей, мы все стояли в очереди к закускам, и старший из мальчиков, — кажется, его звали Джонни — стоял рядом с мисс Рэнд. Она разговаривала с ним о его интересах и увлечениях. Он сказал, что имеет психологические проблемы и должен пройти курс лечения. Она спросила его о причине, и он признался, что любит музыку Бетховена и слышал, как она говорила, что если человек любит Бетховена, значит, у него не все в порядке с головой. Она сказала: «Не обращай внимания. Люди так мало знают — наслаждайся ею». И он успокоился.

Помнится, вы делали праздничные украшения для мисс Рэнд и мистера О'Коннора?

Да. Это были рождественские украшения, и я начала их делать, когда переехала в Нью-Йорк. Все они были оригинальными, я делала их из различных попавших под руку материалов. Кроме того, я делала для этих украшений красивые подарочные коробки, на которые уходило столько же выдумки и труда, как и на само украшение.

Ей нравились эти рождественские украшения, которые я ей дарила каждый год. О, ей всегда было приятно получать их! Она или сама при встрече говорила мне, сколько удовольствия получила, или же передавала через Джоан Блюменталь. А еще позже просила Барбару Вейсс рассказать мне об этом.

Однажды Джоан побывала у Айн и обнаружила, что неоткрытая коробка стоит у нее на кофейном столике. Она спросила Айн о причине, и та сказала ей: «Да разве ты не видишь, какое это чудо? В этом году Айрис сумела сделать из бумаги свечу». Джоан даже пришлось какое-то время доказывать ей, что это всего лишь упаковка, и настоящее украшение находится внутри. В конце концов, Айн уступила ей и сказала: «Ладно, можешь вскрыть, но только при условии, что внутри действительно что-то есть».

Микки Спиллейн

Микки Спиллейн — автор бестселлеров-детективов, один из любимых писателей Айн Рэнд. Они подружились с мисс Рэнд в 1960-х годах. Мистер Спиллейн скончался в 2006 году.

Дата интервью: 8 марта 2002 года.

Скотт Макконнелл: *Что приходит вам в голову, когда я упоминаю имя Айн Рэнд?*

Микки Спиллейн: Мы с ней дружили. Возможно, вам сложно это представить, но мы дружили. Я не просто одобрял то, над чем она работала, я симпатизировал ей лично. Однако меня удивило то, что инициатива нашего знакомства исходила от нее, потому что мне и в голову не могло прийти, что она любит тот жанр, в котором я работал. И тем не менее… Еще она говорила, что любит произведения Микки Спиллейна за то, что они никогда не были серыми. Только черными или белыми.

Словом, она захотела отобедать со мной, и наш издатель [New American Library] в сентябре 1961 года устроил нам обед в шикарном бельгийском ресторане нью-йоркского Сити. Он был настолько роскошным, что открывался всего на пару часов в день, обслуживали клиентов там отборные, интеллектуальные официанты. Ланч, за которым мы познакомились, начинался в одиннадцать, и еще до того, как мы закончили обедать, ресторан оказался битком набит репортерами и досужей публикой. В итоге мы выбрались оттуда только в семь вечера. К этому времени все официанты и прочая публика сели вокруг нас кружком и внимательно слушали. О, это было здорово.

О чем же вы говорили?

Обо всем на свете. Мы разговаривали о людях и о том, как сочиняем, потому лишь, что именно это интересно писателям. Учтите: я не автор, я писатель. Существует огромная разница между автором и писателем. Эйзенхауэр и Черчилль были авторами. Они могли рассказать одну-единственную историю. И это было все. Они не делали постоянное литературное творчество источником собственного дохода. Поэтому я действующий писатель. Это мое ремесло. Я пишу.

Так какие же аспекты писательского дела вы обсуждали?

Мы обсуждали вопрос темы, способы сочинения повествования. Она всегда подчеркивала тот факт, что люди читают книгу не для того, чтобы закончить чтение на середине. Они читают для того, чтобы узнать, чем все закончилось, и

надеются, что финал окажется настолько занимательным, что оправдает все время, потраченное на чтение. Читатель должен добраться до конца книги и сказать: «Вау, вот самая лучшая часть книги!» Словом, мы беседовали примерно на такие темы.

Ей нравился мой роман *Я сам вершу суд [I, the Jury (1947)]* и самый конец его, потому что все заканчивалось вполне определенным образом. То есть: «Я победил». Бабах! И она сама тоже была такой. Она была великой писательницей. Я отказываюсь считать ее автором. Я всегда считал ее скорее писателем, чем автором.

Ей нравилась такая позиция. И ей нравилась *Ночь одиночества [One Lonely Night (1951)].* Эта книга потрясла ее.

Мы с ней были на ты. Дело не в том, что мы были собратьями по ремеслу. Мы были друзьями по самой сути. Мы много смеялись вместе, и нам было интересно разговаривать о всяких вещах. На самом деле в наших разговорах не было никаких глубин. Мы не обсуждали мировые проблемы. Я знал, что она замечательный экономист и ценил этот факт. Я знаю, что люди до сих пор спрашивают друг друга: «А кто такой Джон Голт?»

Словом, нам было приятно общество друг друга. Иногда находятся такие люди, способные подружиться, и остается только удивляться тому, что им удалось это сделать. Но такими были мы с ней, и нам было хорошо вместе. Нам было приятно беседовать. У нас никогда не было разногласий. Я никогда не интересовался политикой. Она интересовалась политикой. Но в разных аспектах.

Мы прекрасно ладили. Нас можно было считать ровесниками, и нас соединяло в той или иной степени общее прошлое. Мы не принадлежали к богатым. Мы пережили годы Великой депрессии. И могли обсуждать связанные со всем этим темы. В годы Второй мировой войны я был пилотом истребителя, и могли говорить об этом. Мы помнили это время. И могли обсуждать такие вещи, которые обыкновенно обсуждают только с друзьями. Не думаю, чтобы у нее было много добрых друзей, с которыми она могла откровенничать так, как откровенничала со мной.

Вы подписывали свои письма ей «С любовью, Микки», и мисс Рэнд подписывала свои «С любовью, Айн».

Да. Я помню. Мы были очень хорошими друзьями. Трудно объяснить дружбу.

Диапазон наших бесед менялся от возвышенного до смешного. Мы любили поговорить об издательской тупости. Помню, однажды я рассказал ей об издателе, который уверял меня, что заметит любую ошибку в моей книге. Даже в том случае, если я сделаю ее преднамеренно, чтобы подколоть его. Я сказал ему: «Не заметишь», и мы заключили пари на тысячу

долларов. Вернувшись домой, я сел писать книгу. Потом он прочел ее, пришел ко мне и сказал: «Так ты не сделал здесь никаких ошибок». Я ответил: «Ошибаешься». Этот парень жил в Нью-Йорке, однако книга настолько увлекла его, что он пропустил ошибку. Я поместил пункт оплаты проезда не в том конце моста Джорджа Вашингтона.

А знаете, что было действительно забавно? Ее заинтересовали книжки моих комиксов. Это была, так сказать, литература второго сорта, однако она неплохо оплачивалась, и я занимался этим делом перед войной, писал для нью-йоркского издательства Funnies, Inc. Она хотела узнать все об этой форме писательского мастерства, ей было интересно с экономической точки зрения. И это тоже литература. Нравится вам это или нет, однако многие молодые люди научились читать на комиксах. Я среди прочих работал на Classic Comics.

Позвольте мне рассказать забавную историю, связанную с книгой для Classic Comics. Я однажды рассказал ее Айн Рэнд — и она решила, что это великолепно. Я был в семье единственным ребенком и научился писать и читать еще до того, как пошел в школу. Я читал с жадностью и прочитывал все, что попадалось мне в руки. Наверно, я был в пятом классе, когда однажды учительница достала толстую книгу и сказала: «Когда-нибудь, дети, вы научитесь читать подобные книги». Она держала в руках *Моби Дика* Мелвилла, и я сказал: «Мисс Фишер, мне нравится эта книга». Она посмотрела на меня и сказала: «Ты никак не мог прочесть эту книгу». И я сказал: «Зовите меня Измаил».

Что именно интересовало мисс Рэнд в деле писания комиксов?

Сама литературная форма, которой до тех пор мало кто занимался. Она носила изобразительный характер, и ее заинтересовало то, что мы писали первоклассные тексты, предназначенные для широкой аудитории. А широкой аудиторией располагает только хороший писатель. Айн была и в самом деле хороша. У нее осталось еще много ненаписанных книг.

Читали ли вы книги мисс Рэнд до знакомства с ней?

Я прочел все ее произведения, имевшиеся в продаже, однако любимой моей книгой был *Атлант расправил плечи.* Со мной случилась странная история. Я споткнулся о проволоку и растянул лодыжку и поэтому угодил на пару недель в кресло. Я прочел за это время все книги, которые подвернулись под руку, а среди них оказался пухлый томик под названием *Атлант расправил плечи.* Я сказал себе тогда: «Ого, придется прочесть». И приступил к делу, но оказалось, что просто не могу выпустить эту книгу из рук.

Почему?

Настолько она была хороша. Мне она нравится целиком. Все, что написано о Риардене, о его стали и обо всем прочем. Кроме того, вся книга была превосходно написана. Читать ее всегда интересно. Я скажу вам сейчас кое-что забавное. В New American Library мне рассказали, что было такое время, когда люди крали книги *Атлант расправил плечи.* Снимали с нее суперобложку, а книгу крали. Эта книга привлекла к Айн внимание общества.

А какого мнения вы придерживаетесь в отношении философской идеи, положенной в основание этой книги?

В то время наши философии во многом совпадали. Мы любили героев. И не любили бродяг.

Знаете, что по-настоящему зацепило меня? Айн надписала для меня экземпляр *Атланта*, и когда разразился ураган Хьюго [в сентябре 1989 года], книга погибла. Погибла вся моя библиотека. У меня была единственная библиотека в Марреллинлет… Это была крошечная рыбацкая деревенька, когда я поселился в ней. В моей новой библиотеке книг от пола до потолка, и в ней нет книг Айн Рэнд. А ведь были абсолютно все до этого урагана. Я потерял все. Потерял дом. Все пластинки. Все картины. У меня осталось немногое из вещей. Что ж, потерял старое барахло, значит, иди и покупай новое.

А вы помните написанное ею посвящение?

О нет, конечно, теперь я его забыл. Такое теплое, длиной в целую страницу. Очень личное, из тех, которые читаешь и, перечитывая, вспоминаешь каждое слово.

Должно быть, вы слышали о ее… о ее так называемых учениках.

Когда я бывал в ее доме — а я никогда не бывал у нее так, чтобы никого из них не было вообще, однако всей толпы там никогда не собиралось. Они просто сидели на полу и прислушивались к нашим с Айн разговорам. По прошествии времени мы переставали говорить на важные темы, однако они все равно вслушивались в каждое слово. Сначала я игнорировал их внимание просто потому, что так устроен. Возможно, она также не замечала их. Мы разговаривали друг с другом, и каждый раз, когда кто-то из нас говорил, все головы поворачивались в сторону говорящего, и когда заговаривал второй, головы поворачивались в обратную сторону. Было даже забавно. Прежде мне не приходилось бывать в подобной ситуации. Однако мы с Айн оставались друзьями. Иногда мы уходили от учеников.

Некоторые из ваших ранних романов носили антикоммунистический характер… говорили ли вы на эту тему с мисс Рэнд?

О, она одобряла занятую мной позицию.

И какова была эта позиция?

Я никогда не одобрял коммунизма. Эта глупость мне не по вкусу. Однако не возводил свое отношение в принцип, поскольку являюсь человеком аполитичным. Теперь я принадлежу к числу «Свидетелей Иеговы». Но политика никогда не интересовала меня. Я не пускаю ее в свою жизнь. Я существую параллельно с ней. Я соблюдаю законы, плачу налоги. Но не более того.

Доводилось ли вам обсуждать реакцию критиков на ваши с мисс Рэнд произведения?

Я никогда не обращаю внимания на критиков. Они за бесплатно получили свою книгу, так что пусть заткнутся. Меня они никогда не смущали. Подчас я получал от них худшие отзывы из тех, что можно составить на произведение. Знаете, как бывает, чтобы заинтересовать публику, они говорят: «Вы глупы, если читаете книги такого-то и такой-то». Ну и сами себя бьют по голове. Люди покупают книгу, потому что хотят прочесть ее. Именно поэтому Форд продает так много автомобилей. Никто не обращает на них внимания. И чем больше они твердят «не читайте книги Айн Рэнд или Микки Спиллейна», тем лучше они продаются. Так что пусть болтают, что им угодно. Наших продаж они никогда не ухудшали.

Что вы можете рассказать относительно ваших разговоров о критиках? Ей они также досаждали?

О, я знаю об этом. И мы одинаково относились к критикам. Я их не люблю. Она их тоже не любила. Они всегда цеплялись к ней, потому что ее книги пользовались успехом. Они никогда не цепляются к бедолаге, который не в состоянии заработать никель (5 центов). Их внимание обращено к тем, на кого смотрят прожектора.

В 1960 году вам принадлежало семь позиций в списке десяти лучших бестселлеров XX века в Соединенных Штатах, и вы были самым популярным писателем Америки.

В то время в мире я продал больше двух сотен миллионов книг. Забавно было, что все мои книги переводились. По мировой популярности я находился на пятой позиции. Меня опережали Ленин, Толстой, Горький, Жюль Верн. Следует напомнить, что все четверо уже были мертвы. Подобные подробности ее развлекали, она находила их забавными.

Итак. Вот вы самый популярный из живущих писателей, вам досаждают критики, и известная писательница Айн Рэнд выступает с публичными заявлениями, поддерживающими вашу популярность как великого писателя.

О, критики были убиты. Они даже не знали, что сказать. Это

было очень забавно. Я всегда восхищался подобными ситуациями. Единственным исключением среди критиков оказался мой друг Хай Гарднер, знакомый с этой кухней. Однажды он составил мне компанию при встрече с Айн Рэнд. Встреча удалась.

Как вы отреагировали на оказанную вам Айн Рэнд публичную поддержку?[191]

Это было очень мило с ее стороны, и особенно приятно, потому что я всегда считал ее великой писательницей. Под писательницей я в данном случае подразумеваю романистку, и считаю, что в таковом качестве она далеко опередила меня. В столь престижном жанре она стояла много выше меня.

Что вы можете сказать о своих тогдашних впечатлениях от прочтения Источника?

Источник не был моей любимой книгой. Я предпочитал ему *Атланта.* Мне всегда нравилось и само название. «Что бы ты сделал, если бы был Атлантом?» — «Я расправил бы плечи».

И вы расправили их?

Нет. Нам с Айн Рэнд не было нужды расправлять плечи. Мы были способны нести собственное бремя.

Вы читали что-либо из нехудожественной прозы мисс Рэнд?

Я прочел уйму ее сочинений, однако не помню их заглавий.

Особенно относящееся к вам называется Романтическим манифестом.

Да. Я помню это. Более того, у меня был экземпляр этого произведения, но погиб со всем остальным. Оно мне нравилось.

В своей главе «Основные принципы литературы» она анализирует отрывок, начинающийся с «Никто и никогда не шел по мосту…»

…в подобную ночь.

Да. «Пелена дождя казалась настолько мелкой, что превращалась в туман». Фраза из вашего романа Ночь одиночества.

Ну да. «Едва ли кто-то». Знаете ли, из-за окончания меня обвинили в плохом владении английским языком. Там было сказано: «Никто и никогда не шел по мосту в подобную ночь». А в конце говорится: «Едва ли кто-то». Ну, окончание книги совпадает с началом, потому что герой возвращается к тому месту, откуда все началось. Он говорит: «Никто и никогда не шел по мосту в подобную ночь. Впрочем, едва ли никто». Игра слов. А идиот редактор говорит мне: «Так не говорят: „Едва ли никто“. Надо говорить: „Едва ли кто-то“». Ну, я и сказал им, чтобы они заткнулись и оставили мой текст в покое.

Кстати, об этом отрывке. Вы обсуждали с мисс Рэнд тот факт, что она анализировала его в своем литературном классе, а

затем опубликовала ход обсуждения в Романтическом манифесте?

Да, она говорила мне об этом. И я сказал: «Ну как такое можно делать? Я же писатель, а не автор. Я не пишу великие тексты. Но мне случалось создавать великие вещи, как, например, сцена в конце романа *Я сам вершу суд,* где убийца говорит: „Как ты мог?“ И Майк Хаммер отвечает: „Это было легко“. Понимаете ли, финал — это существенная часть повествования. Она это понимала. Мы с ней часто обсуждали подобные мелочи. Это было по-настоящему интересно».

А вы обсуждали с мисс Рэнд концепцию идеального мужчины?

Ну, у нее был Джон Голт. А у меня Майк Хаммер.

Мисс Рэнд дважды писала отзывы на ваши книги. В первый раз она писала об Охоте на девушку *[1962] и выражалась при этом весьма красноречиво*[192]. *Например, что «Микки Спиллейн обладает блестящим литературным дарованием. Немногие современные писатели могут приблизиться к нему».*

Это неудивительно, потому что я всегда считал ее великой писательницей и выдающимся мыслителем, понимая, что сам далеко не таков, как она. Однако она извлекала из моих книг нечто такое, чего я осознанно в них не помещал. И всегда удивлялся, когда она обнаруживала в моих произведениях это самое нечто. Я никогда не думал такого. Она говорит мне: «Ты утверждаешь то-то и то то», и я удивляюсь: «Разве я об этом писал?»

А как насчет Дня пистолетов? *Помню, она была не в восторге.*

Ну, это не серия про Майка Хаммера. Тут герой совсем другой, Тайгер Манн.

Вы помните, как закончились ваши отношения с мисс Рэнд?

Нет, они никак не закончились — просто она умерла. И все.

Мисс Рэнд оказала какое-нибудь влияние на вас?

Нет. Я начал писать задолго до того, как познакомился с Айн Рэнд. К этому времени я уже прочно стоял на ногах. Я стал профессиональным литератором в 1935 году, сразу как только закончил среднюю школу.

Вы все еще пишете?

Сейчас работаю над последним романом о Майке Хаммере.

Что вы можете сказать мне в заключение об Айн Рэнд?

Мы были друзьями. Сложно сказать о человеке нечто большее.

Значит, дружба важна в ваших глазах?

О да, конечно. Она нравилась мне. Мы проводили вместе хорошее время. И мне жаль, что она умерла. Мне хотелось бы продолжать нашу дружбу.

Дон Вентура

Дон Вентура — скульптор, фотограф и преподаватель. Дружил с Фрэнком О'Коннором с 1962 по 1966 год.

Дата интервью: 9 февраля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Фрэнком О'Коннором?*

Дон Вентура: Я познакомился с ним примерно в 1962 году, когда мы вместе занимались в Студенческой лиге искусств. Основанием нашей дружбы стало то, что мы оба являлись художниками. Я — скульптором, а Фрэнк живописцем.

Каким было ваше первое впечатление о мистере О'Конноре?

Мы быстро сошлись и подружились. Это был очень мягкий, очень добрый человек, наделенный превосходным чувством юмора. Это знали все, и за это его любили. Очень мягкий, окруженный какой-то особенной теплотой.

Как вы описали бы его внешность?

Высокий, примерно шесть футов и один дюйм роста. Седеющие волнистые волосы. Кустистые брови, которые он подстригал. Голубые глаза; длинный симпатичный нос. Он выглядел очень достойно. Говорил любезно, и всегда с приятной полуулыбкой на лице. Еще он был очень и очень вежливым. Присутствие его ощущалось, однако он не подавлял собой. В нем читалась некая сдержанность.

Какова была тема тех лекций, которые вы с мистером О'Коннором посещали?

Художественная анатомия. Он учился у художника Роберта Брэкмана. Мы также слушали лекции [Роберта Беверли] Хейла. Джоан Блюменталь была кем-то вроде наставницы и ментора Фрэнка. Джоан была художницей, и Айн очень старалась подвигнуть Фрэнка к изучению живописи. Она советовала Джоан заняться им и привести в Студенческую лигу искусств, что впоследствии и вышло. Джоан и Фрэнк посещали ее вместе.

Чему он учился у мистера Брэкмана?

Технике. Основам рисования, основам живописи, основам техники. Тому, как надо пользоваться красками.

В технике Брэкмана было что-то особенное?

Она была наглядно-изобразительной. Однако работы Фрэнка не были похожи на работы Брэкмана. Работы большинства его студентов, как часто бывает в подобных случаях, напоминали работы учителя. Фрэнк же проявлял свою личность и

прислушивался к внутреннему маяку.

Можете ли вы припомнить какие-нибудь примеры его работ?

Его занимала сюрреалистическая тематика. Одна из них, называвшаяся *Уменьшающиеся возвращения*, была популярна среди объективистов и воспроизводилась ими. На ней была изображена парящая в небе деревянная фигура натурщицы. Очень сюрреалистическое изображение в стиле Дали. И юмористическое при этом. Кажется, Айн Рэнд любила ее больше остальных произведений Фрэнка.

А вы не помните, как она создавалась?

Он был человеком непредсказуемым. И я думаю, что идея картины возникла по его прихоти, по его воображению. Он любил шутку, и как мне кажется, усматривал во многих своих картинах элемент шалости или игры. Думается, у него была естественная наклонность к подобному поведению. Фрэнк вкладывал в свою работу существенную долю личности. И он не слишком внимательно относился к своей академической подготовке. Как таковая она не очень интересовала его. Он хотел рисовать ради того удовольствия, которое доставляет это занятие. Я думаю, что если бы Айн Рэнд не проталкивала его в Лигу учиться — он просто продолжал бы рисовать и получать от этого удовольствие.

Чем же его развлекала живопись?

Творчеством, воображением — удовольствием от создания вещи, способной порадовать других людей. Его отношение было очень простым: он наслаждался рисованием, не задавая вопросов. Он не был особенно разговорчив в отношении подобных вещей. Он любил доставлять удовольствие, не особенно мудрствуя при этом, и никогда не разговаривал о своем творческом процессе как таковом. Он получал удовольствие от процесса и хотел, чтобы так продолжалось дальше. Случались такие оказии, когда ему кто-нибудь задавал вопрос, и тогда Фрэнк обнаруживал легкую досаду. Однако обнаруживал ее чрезвычайно тонким образом. Он не хотел, чтобы его смущали чрезмерно интеллектуальными соображениями. На раннем этапе своей жизни он занимался цветочными аранжировками и немного рассказывал о том, какое удовольствие ему доставлял этот процесс. Это было одно из величайших удовольствий. Он занимался этим делом ранее, возможно, когда они жили в Калифорнии.

Расскажите мне о картине Икар, которую намеревался написать мистер О'Коннор.

Это была серьезная идея, он называл этот сюжет: «Икар павший». Предполагалось изобразить Икара, лежащего на камне посреди озера в Центральном парке. Он так и не нарисовал ее, однако его посещали серьезные идеи. Большинство картин, над

которыми он работал и которые я видел, представляли собой нечто причудливое.

Не называл ли мистер О'Коннор в вашем присутствии свои любимые картины?

На самом деле мы живо обсуждали такую картину, как *Распятие* работы Дали[193]. Его развлекал тот факт, что Дали изобразил на коленях фигуры Христа какие-то загадочные физиономии. По правде сказать, мисс Рэнд и Джоан были очень раздосадованы этим фактом, мешавшим наслаждаться картиной. Но нам с Фрэнком она нравилась, и мы часто говорили о ней.

Долго ли мистер О'Коннор пробыл учащимся в Лиге?

Несколько лет. В середине 60-х годов его избрали то ли президентом, то ли вице-президентом Лиги[194].

Какое впечатление оставила в вашей памяти мисс Рэнд?

Обыкновенно я заходил в студию на шестом этаже того здания, в котором они жили, и работал там. Он тоже рисовал, а иногда я приносил с собой неоконченную скульптуру, или мы нанимали модель и рисовали. Так мы и познакомились. Тогда мне было 34 года.

Однажды вечером мисс Рэнд пришла в студию, и Фрэнк познакомил нас. Он сделал мне небольшую рекламу — знаешь, великий скульптор. Она держалась очень сердечно, тепло улыбнулась мне. Первое впечатление? Не ожидал, что такая женщина способна так точно соответствовать роли и функциям жены. Мы немного поболтали.

Однажды Фрэнк рисовал портрет и очень углубился в это занятие, явно получая удовольствие от дела. Айн Рэнд появилась откуда-то из-за его спины — я сидел рядом — и сказала ему, что один глаз у него получился чуть ниже другого — и он взорвался, на несколько минут поднял руки к небу, что-то сказал на тему «оставь меня в покое» и вернулся к делу. На мой взгляд, сценка была забавной, однако она принялась извиняться, сказала, что очень жалеет о сказанном, отошла и устроилась в уголке. Этот небольшой эпизод подсказал мне, что Фрэнк любит наслаждаться своим делом, и если при этом он выражает себя ошибочно с точки зрения канонов живописи, это не имеет для него особенного значения.

О чем он разговаривал с вами?

Иногда он говорил о своей жизни с мисс Рэнд или о своей жизни вообще. Мы беседовали о тех уголках нашей планеты, в которых ему хотелось бы побывать, но не придется, потому что Айн Рэнд не любила летать. Будучи человеком романтичным, он готов был объездить весь мир.

Он что-нибудь говорил об их взаимоотношениях?

Он говорил о ней с большой теплотой. Их соединяла теплая и крепкая связь. Когда я встречал их на улице, она всегда держала его под руку, особенно в последние годы. Они жили вместе и были всегда близки.

Он рассказывал о том, какие черты любил в ней?

Он рассказывал небольшие эпизоды из их жизни. Я запомнил один небольшой анекдот. Много лет назад, услышав по радио свой собственный голос, она повернулась к нему и сказала: «Боже! Какой ужасный у меня, оказывается, акцент». Она была потрясена тем, что, оказывается, говорит с акцентом, и это рассмешило его.

Она упрекнула его: «Почему же ты ни разу не сказал мне об этом?» И Фрэнк ответил, что акцент показался ему настолько милым, что он не хотел его менять. Он всегда рассказывал такие же простые и полные нежности истории.

А не случалось ли ему говорить о ней с осуждением?

Нет. Он никогда не говорил о ней ничего плохого. И я не сказал бы, что та вспышка за рисованием была полна негодования. Он не был любителем негатива. И это было одним из факторов, так привлекавших к нему. Он был очень обаятельным человеком. И как тогда случилось в студии, мог рассердиться на мисс Рэнд по мелочи, но не по-крупному.

Они любили шутки. У них жил кот по имени Фриско. Фрэнк признавался мне, что любил говаривать, что Фриско подслеповат, чем очень расстраивал Айн Рэнд. С ее точки зрения, так о кошках говорить не было принято, и это развлекало его.

Он любил поддразнивать ее?

Да. Они были превосходной парой, хотя и очень отличались друг от друга.

О чем вы говорили, оказываясь в студии втроем?

Наверно, обо всем — но на общие темы, никаких тяжелых интеллектуальных вопросов. Пару раз она обращалась к изобразительному искусству. Однажды вечером она говорила о том, что терпеть не может Пикассо, — в присутствии натурщика, который, напротив, очень любил этого художника; и она все пыталась понять, что является причиной подобной любви. Вечер выдался очень интересным. Однако бедный парень был абсолютно измочален к концу сеанса.

Опишите, как шла эта беседа.

Айн Рэнд была невероятно остра в такой ошеломляющей, смущающей разум манере. Я был абсолютно заворожен тем, как работал ее ум, как она ставила вопросы и ответы. За ней было невероятно интересно наблюдать как на ее лекциях, так и на этих вечерах, проходивших в студии Фрэнка.

Как она обошлась с этим любителем Пикассо?

Очень хорошо. Однако он не понял этого и ближе к концу вечера даже начал огрызаться.

Люди могли не соглашаться с мисс Рэнд, и это не смущало ее?

Не слишком. Она, конечно, начинала сердиться, однако обыкновенно так фокусировала свое внимание на содержании беседы и на том, чего хотела добиться, что не обращала внимания на посторонние факторы — как было и в этом случае. И если ее оппонент начинал бояться ее, то не потому, что она этого хотела. Она никого сознательно не запугивала, хотя подобное и случалось.

Вы говорили, что одной из ваших моделей была Патриция Галлисон[195].

Да. Она обыкновенно давала мисс Рэнд советы о том, как надо пользоваться косметикой, поскольку работала в этой области. Когда мисс Рэнд предстояло участвовать в шоу Джонни Карсона, Патриция дала ей несколько советов о том, как подготовить свое лицо.

Еще она дала ей совет относительно того, каким образом надо сидя скрещивать ноги. Потом мисс Рэнд жаловалась, что у нее ужасно затекли ноги. Патриция спросила ее тогда, почему же она не изменила позу и не раздвинула ноги. И мисс Рэнд сказала, что боялась сделать это. Ее научили скрещивать ноги, но не подсказали, что делать дальше, поэтому она сохраняла позу и боялась пошевелиться.

Из застенчивости или требований благопристойности?

Из застенчивости. Она была очень скромной женщиной. И красавицей себя, безусловно, не считала. Застенчивость была особенно заметна, если застать ее врасплох; но когда ее внимание не было сфокусировано на «вопросах», она, бесспорно, была очаровательной женщиной. Когда Айн Рэнд не была погружена в интеллектуальный процесс, она сразу становилась очень застенчивой женщиной. Она стремилась, чтобы тебе было уютно в ее доме. И что-нибудь предлагала, чтобы добиться этого. В отличие от большинства окружающих нас людей она обладала невероятной способностью делать вещи прямыми и понятными. Это было очень приятно. И я всегда буду рад тому, что видел ее в подобном свете.

Айн Рэнд была сильной личностью, и Фрэнк по своей природе пребывал в подчиненном положении к ней. Он был очень добрым и мягким человеком. И не думаю, чтобы он полагал, что может рассказать людям что-то очень важное для них, однако жил с женщиной — и любил ее — готовой и способной рассказать людям чрезвычайно важные вещи, и прекрасно понимал это. Он

искренне верил в дарование мисс Рэнд. И очень любил ее.

Мистер О'Коннор когда-либо рассказывал вам о своем прошлом?

Он часто говорил о былых днях. О том, как они любили кататься на корабле до Статен-Айленд и обратно — должно быть, они часто развлекались подобным образом с Айн. Он часто вспоминал об этих поездках на Статен-Айленд и обратно. Должно быть, в то время они испытывали недостаток средств.

А что он рассказывал о первых проведенных в Нью-Йорке днях?

Он вспоминал их со смирением, с ностальгией: рассказывал о том, как они бродили по Нью-Йорку, смотрели по сторонам, удивлялись и ездили на Статен-Айленд.

Значит, он любил Нью-Йорк?

Он был заворожен этим городом. Он любил Нью-Йорк.

Вы знаете, чем он занимался в эти «смиренные дни» в конце 1930-х годов?

Думаю, какое-то время ничем — просто не знал, чем заняться. Как он попал во флористы, я не помню, знаю только, что он много рассказывал об этом занятии, о том, сколько радости и удовольствия оно приносило ему. Он хотел найти в жизни такое занятие, которое приносило бы ему радость, и аранжировка цветов как раз и представляла самое счастливое для него занятие до увлечения живописью. Когда он начал рисовать, появлялись желающие приобрести его картины, однако мисс Рэнд не позволяла ему продавать их, потому что не хотела расставаться с ними — во всяком случае, с теми, на которые находились покупатели. Он говорил об этом не без удовольствия.

Мистер О'Коннор говорил вам что-нибудь о людях, окружавших мисс Рэнд?

Они были ему симпатичны. Он называл эту группу ребятами. Однако, бывало, и жаловался мне на что-то. Айн всегда настаивала на том, чтобы он присутствовал за обедом, а он не хотел этого. Он рассказывал мне, что его тут же клонило в сон и он начинал клевать носом. Начинались интеллектуальные дискуссии, которые его не интересовали и которым он предпочел бы рисование. Однако она всегда настаивала на том, чтобы он присутствовал, и ему приходилось не расстраивать ее.

У мистера О'Коннора были какие-то проблемы с руками?

Да. Он потерял возможность рисовать, потому что у него начали дрожать руки.

Должно быть, это случилось году в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом. Я встретил его у дантиста, и помню, что он говорил об этом и даже упоминал операцию. В тот день он был очень расстроен этим. Помню, мы говорили об этом в приемной.

Он был крайне расстроен. Ему приходилось пользоваться палкой во время рисования, но и этот прием уже не помогал ему. Он больше не мог удерживать руки в покое на достаточно долгое время, нужное, чтобы рисовать.

Есть ли у вас какие-нибудь связанные с Айн Рэнд предметы?

Две небольшие вещицы. Корочка от книжечки со спичками любимых ею цветов, находившаяся на ее обеденном столе. И принадлежавшая ей фарфоровая фигурка, изображавшая двух подравшихся петушков — Фрэнк сделал для нее коробочку. И то и другое находится у меня.

Джен Шульман

Джен Шульман (ранее Кросби) вместе со своим тогдашним мужем, Питером Кросби, руководила лекциями NBI в Лос-Анджелесе. Они поработали в области создания магнитофонных курсов лекций.

Дата интервью: 26 сентября 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы организовывали службу магнитофонных лекций NBI?*

Джен Шульман: В 1961 году я вместе с моим тогдашним мужем, Питером Кросби, жила в Балтиморе, где он служил в армии… мы прочли статью о мисс Рэнд, может быть, в *Тайм* или в *Ньюсуик*. В статье было сказано, что Натан читает лекции по объективизму в Нью-Йорке, в присутствии мисс Рэнд. Поэтому я немедленно послала ему письмо, в котором написала, что мы собираемся скоро вернуться в Лос-Анджелес, так как срок службы Питера в армии уже подходит к концу, а также не думал ли он о том, чтобы учредить заочные курсы по изучению объективизма, чтобы и прочие жители страны могли пользоваться теми же преимуществами, что и нью-йоркцы. Мы получили в ответ письмо, в котором было сказано: «Почему бы вам не приехать в Нью-Йорк и не обговорить с нами этот вопрос, если такое возможно?» Поэтому мы сели на наш маленький мотороллер, крохотную ламбретту, ничего другого у нас не было — и доехали из Балтимора в Нью-Йорк.

В квартире Натана мы встретились с ним и Барбарой и обговорили нашу идею. Они сообщили нам, что все лекции записаны у них на магнитофонную ленту, и разрешили начать курс магнитофонных лекций в Лос-Анджелесе. Они сказали нам, что по возвращении в этот город мы должны популяризировать курс лекций под названием «Основные принципы объективизма». Они обещали оплатить объявления, в том числе и газетные, однако вся ходьба, беготня и реклама возлагались на наши плечи.

Мы согласились, и как только мы вернулись в Лос-Анджелес, я отпечатала на машинке крохотные объявления, и мы обошли книжные магазины и доски объявлений и расклеили на них эти листочки. Потом NBI напечатал несколько небольших объявлений в *Лос-Анджелес таймс*. Нам начали звонить, и у одного из звонивших оказался очень и очень большой дом, который он предложил нам, поскольку мы не знали, где проводить лекции. Телефон стал звонить почти беспрерывно. И я при всей

тогдашней наивности ожидала, что народ повалит валом, однако в первый вечер, как мне кажется, пришли всего двадцать пять или тридцать человек. Мне казалось абсолютно ужасным, что из всех тех, кто обещал быть по телефону, пришла всего такая горстка. Я сокрушалась, однако Натан и Барбара считали, что все отлично. Вот как все начиналось; так было в том году, когда мы проводили занятия в этом доме.

Как развивались курсы дальше?

Прогрессировали. К концу третьего года на каждом начальном собрании присутствовало больше ста человек, и мы проводили их уже в официальном помещении Американского института астронавтики и аэронавтики на бульваре Беверли. Они проходили в удивительной атмосфере. Начинали мы с небольших помещений и доросли до большой аудитории.

Сколько народа посещало ваши лекции на максимуме популярности?

Первые вечера всегда были наиболее посещаемы. Так случалось, когда Натан прилетал в Лос-Анджелес, но когда пару раз приезжала сама мисс Рэнд, конечно же, приходило особенно много народа. Аудитория не могла вместить всех желающих, так что мы не брали плату с тех, кто оставался в фойе, чтобы послушать ее. Чтобы они могли что-то слышать, мы выставляли в фойе громкоговоритель. Выгнать людей на улицу было бы слишком жестоко.

И сколько же всего народа собиралось, чтобы послушать ее?

Аудитория могла вместить пятьсот человек.

А сколько оставалось снаружи?

Они находились в фойе, и во время первой лекции мисс Рэнд мы насчитали там более тысячи человек. Словом, собралось столько народа, что вахтер даже позвонил в пожарную охрану, и главный брандмейстер, явившись, сразу же спросил нас: «Что здесь происходит?» Я ответила ему: «Здесь выступает Айн Рэнд, она впервые приехала в Лос-Анджелес, чтобы обратиться к людям, интересующимся ее учением, которые никогда не имели возможности увидеть и послушать ее». Он на это сказал: «Если вы пообещаете познакомить меня с ней после окончания вашей встречи, я позволю всем остаться». Я с восторгом приняла это предложение. Не знаю, насколько мисс Рэнд была рада знакомству с ним, однако она исполнила его желание и держалась при этом очень любезно. Шеф заставил собравшихся разделиться на несколько групп и организовал между ними проходы, бесполезные, между прочим, в случае реальной неприятности. Потом Барбара подвела его к мисс Рэнд, которая была в полном восторге. Она была восхищена тем, что

обязанности заставили его прибыть лично, что он оказался ее поклонником, и тем, что он не стал никого выгонять в обмен на возможность познакомиться с ней.

Расскажите о ваших встречах с мисс Рэнд. Сколько раз вы встречались с ней?

Всего два раза. Помню, один раз мы сидели в ресторане в Беверли-Хиллз, я была в очках, и она попросила меня снять очки. Я исполнила ее просьбу, и она сказала: «У вас такие прекрасные глаза. Нельзя прятать их за стеклами; вам надо пользоваться контактными линзами». Я чуть не расплакалась. Так это было сказано по-матерински, с теплом и заботой. После этого я обзавелась контактными линзами. И навсегда осталась благодарна ей за это, потому что перейти на контактные линзы мне и в голову не приходило. Она как бы разрешила мне быть тщеславной.

Потом у нас начался разговор об одном художнике, который в то время нравился мне, хотя мой муж вовсю ругал его. Это был Эндрю Уайет[196]. Несколько лет назад я натолкнулась в художественном альбоме на репродукцию его картины под названием *Мир Кристины* и прилепилась к ней по причинам, восходящим к моему собственному детству. Мой муж полагал, что моя связь с ней выдает очень темную сторону моей личности и психоэпистемологии, и он спросил мисс Рэнд: «Как вам кажется, о чем говорит ее симпатия к этой картине?» Она посмотрела на меня и спросила: «А почему вы ее любите?» Я не стала говорить ей всю правду, но сказала: «Потому что одиночество и отстраненность этой девушки много говорят мне». Я сказала еще, что мне особенно нравится ее прозрачность и стиль, что также было справедливо. И мисс Рэнд сказала: «Пока вы понимаете, почему вам нравится картина, и не реагируете на присущее ей ощущение жизни, нет нужды объяснять всем остальным, почему она так нравится вам». Помню, что я сделала все возможное, чтобы удержаться от слез, потому что она обращалась ко мне на самых разных уровнях, а я не была искренней с ней. Мне также казалось, что, заглянув в мои глаза, она заглянула мне в душу, и я ощущала, что она видела меня насквозь. Когда эта женщина обращала к тебе свой взгляд, она поистине видела тебя. Видела такой, какая ты есть. Это очень сильное чувство.

Можете ли вы припомнить какие-нибудь похожие случаи?

Помню, что моим любимым композитором был тогда Бетховен, явно не симпатичный ей, и мы поговорили об этом. Я была уверена в том, что не чувствовала необходимости защищать перед ней свою симпатию к Бетховену.

И вы сказали ей это?

Да. В то время мне казалось, что я должна защищать свои привязанности.

И что она сказала?

Помню, она говорила о его недобром восприятии жизни.

А как она отреагировала на лично ваши слова о симпатии к Бетховену? Она рассердилась?

Нет, нет, нет и нет — она осталась очень любезной.

Подписывала ли мисс Рэнд для вас свои книги?

На моем первом издании романа *Атлант расправил плечи* она написала: «Джен и Питеру Кросби, с искренней благодарностью за проделанную вами работу и наилучшими пожеланиями на будущее, Айн Рэнд. 8 октября 1963». В моем первом издании *Источника* она написала: «Джен и Питеру Кросби с благодарностью от имени объективизма. Айн Рэнд, 8 октября 1963».

Джон Р. Говард

Джон Р. Говард являлся президентом колледжа Льюиса и Кларка[197], в 1963 году удостоившего Айн Рэнд степени доктора Honoris Causa гуманитарных наук.

Дата интервью: 3 января 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы заинтересовались Айн Рэнд и объективизмом?*

Джон Р. Говард: Насколько я понимаю, интерес к Айн Рэнд возник у меня после прочтения романа *Атлант расправил плечи.* В начале 1960-х годов я учредил так называемую Неделю Чтения. Весь преподавательский состав и студенты колледжа, всем сообществом, читали заданную книгу. После этого мы на два-три дня приглашали в кампус автора, в данном случае это была мисс Рэнд, она получала возможность встретиться с различными группами студентов, после этого мы провели всеобщую ассамблею, на которой присутствовал весь коллектив колледжа. Мы показали фильм *Источник*, полученный из чикагского офиса Encyclopedia Britannica.

Проводя занятия, и при каждой возможности общения с нами Айн объясняла свою философию. У нас происходили очень серьезные интеллектуальные споры с Айн. Не могу сейчас вспомнить ее конкретные реакции, кроме того, что она была весьма довольна тем, что такое множество людей читало ее книгу.

Почему вы пригласили в колледж Льюиса и Кларка именно Айн Рэнд?

Я почувствовал, что имею дело с важным автором, и общение с ней способно стимулировать все наше сообщество.

Что именно в ее книгах привлекло вас?

Айн является классиком традиции, подчеркивающей независимость мышления и свободную инициативу. Представление о том, что бюрократия и тупость противодействуют подлинной системе свободного предпринимательства, истинно капиталистической системе — выглядело привлекательным для меня. Я занимался советским правительством и его политикой и потому увлекся ее идеями. Капитализм, то есть свободное предпринимательство, по необходимости должен быть свободным. И ты должен принять все последствия свободы. И как только ты начинаешь ограничивать эту свободу, как-то обходить и утеснять ее, ты лишаешь ее чего-то

важного. Это с очевидностью следует из ее произведений.

Сколько тогда было в колледже учащихся и преподавателей?

Сейчас нас в колледже примерно 3200 человек, однако тогда он был существенно меньше: около 1200 учащихся и сотня преподавателей.

Расскажите мне о показе экранизации Источника.

Мы устроили показ фильма в аудитории колледжа, причем Айн с микрофоном находилась возле экрана и давала попутный беглый комментарий.

В критической точке фильма главный герой в исполнении Гэри Купера выступал в суде, это священное для Айн место, как следует из книги. Она очень красноречиво объяснила мне, что это место является высшей точкой всего произведения.

Однако Encyclopedia Britannica укоротила речь Купера, так как они готовили фильм к показу по телевидению и сомневались в том, что телевизионная аудитория способна вынести его пяти с половиной минутный монолог. И обнаружив это во время показа, Айн Рэнд проявила незаурядное красноречие у микрофона. В присутствии всего колледжа она разнесла в пух и прах тех коммунистических сукиных сынов, которые несут ответственность за подобное деяние. Она заявила, что они-то как раз и знали, что делали, и что это типичный для коммунистов приемчик. Подобное выступление по-настоящему расшевелило аудиторию, вызвав больший интерес и к фильму, и к этому отрывку, чем случилось бы в том случае, если бы он остался без изменения.

Потом я связался с Encyclopedia, и там мне объяснили то, что, как я вам уже сказал, сокращение не имело ничего общего с идейными соображениями и объяснялось требованиями телевизионной презентации, поскольку рекламщики или, возможно, кто-то еще, были бы недовольны, если бы телевизионная публика во время такой продолжительной речи предприняла бы массовое путешествие к холодильнику[198].

Но перед этим моментом, когда Айн Рэнд делала свои комментарии по ходу показа фильма, на чем она останавливала свое внимание: на идеях, собственно фильме или его литературном источнике?

Исключительно на идеях. Айн Рэнд была человеком идей. Ее не интересовали мелкие или технические подробности, не имевшие прямого отношения к теме.

Опишите церемонию предоставления мисс Рэнд почетной степени.

Согласно процедуре провост, или декан факультета, представляет кандидата президенту колледжа. Ритуал вручения

почетной степени практически стандартен во всем академическом сообществе — «Все права, привилегии и обязанности, которые имеют отношение к…» и так далее. Я представил ее аудитории и остановился на ее произведениях.

Судя по материалам наших архивов, мисс Рэнд отнесла ваши комплименты к разряду самых изысканных среди тех, которые ей доводилось получать.

Что-то в этом роде она сказала и мне. Айн Рэнд пришлось столкнуться с резкой интеллектуальной критикой, и ей было очень приятно оказаться в таком месте, где ее принимали с сочувствием — а я говорил очень благожелательно о том, что она предлагает «важную точку зрения», что излагает ее исключительным образом, что она сама — удивительный человек.

Я по-прежнему продолжаю считать, что, приближаясь к концу двадцатого века, мы как бы заново переживаем его, и искренне полагаю, что Айн Рэнд относилась к числу наиболее значительных авторов и писателей, творивших в XX веке в Соединенных Штатах. Оглядываясь назад, могу сказать, что, на мой взгляд, любой, кто прочтет в наши дни роман *Атлант расправил плечи*, спустя сорок лет после его выхода в свет, найдет его более уместным, осмысленным и доказательным, чем в те времена, когда он вызывал философские дискуссии.

То есть как ученый академического толка вы находите, что приглашение Айн Рэнд в ваш колледж вызвало какие-то толки и проблемы?

О да, конечно. Некоторые мои сотрудники призывали меня к ответу, однако такое случается.

Мисс Рэнд предупреждала вас о том, что приглашение ее в колледж является важным, но рискованным шагом?

Да, она говорила, причем почти теми же самыми словами.

Опишите ее пребывание у вас.

Я бы сказал, что прожить подряд два дня рядом с Айн Рэнд было трудным делом. Она была удивительно сконцентрированным человеком.

С самого начала это был не пустяковый разговор. Айн не принадлежала к числу любителей пустых и тривиальных бесед, и я ценю это. Я и сам не слишком умею поддерживать светскую беседу. Но на самом деле погружен в нее в большей степени, чем она — как в часть собственной работы и жизненного стиля. Но сама Айн мне понравилась. Мне нравятся люди подлинные и искренние в своих убеждениях. Это и стало одной из причин, заставивших нас пригласить ее. Кроме того, я обнаружил, что в личном общении Айн Рэнд столь же убедительна, как в своих произведениях, и это нравится мне в любом человеке.

А как она воспринималась в личном общении?

Как человек сильный. Женской силой; нельзя усомниться в силе убежденности Айн Рэнд, в ее способности выразить собственные мысли, которые она, кстати, выражала с завидной прямотой. Она знала себе цену, и ей даже в голову не приходило что-то изобретать или хитрить, чтобы выгоднее подать себя. Она знала, кто она такая, знала, за что стоит, и прямо говорила об этом в своих книгах… и говорила это всей своей личностью.

Как вы описали бы Айн Рэнд?

Для этого я воспользуюсь фразой из трилогии *Звездные войны*, когда Оби-Ван Кеноби говорит: «Да пребудет с тобой сила». Айн Рэнд и была силой. Она буквальным образом оставляла за собой след, как корабль на воде; от нее расходились волны… она делала это своими произведениями и делала лично. Я чту ее память.

Гэри Миллер

Гэри Миллер коллекционировал предметы, связанные с Айн Рэнд, и встречался с ней в 1960-х годах. Он скончался в 2004 году.

Дата интервью: 24 мая 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Гэри Миллер: В октябре 1963 года в Сан-Диего я посетил ее лекцию и отобедал вместе с ней и Бранденом в отеле.

И что же произошло за обедом?

Я принес с собой книгу, чтобы получить на ней автограф, и дальнейшее, как мне кажется, много говорит о ней как о личности. У меня был с собой экземпляр романа *Атлант расправил плечи,* переплетенный в кожу и с золотым тиснением, и я намеревался получить ее автограф именно на нем. Однако, когда я стал доставать книгу, вспомнил, что я изменил ее внешний вид. На ней не было оригинальной обложки: она была переплетена в черную кожу с прямым корешком. В обложке был устроен кармашек. Кроме того, в книгу была переплетена репродукция картины Эль Греко [*Вид*] *Толедо*, на черной обложке значилось: «Айн Рэнд», а на корешке было написано: «Атлант расправил плечи».

Поэтому, передавая ей книгу, я сказал: «С моей стороны это несколько самонадеянно, поскольку я изменил облик книги». Она проглядела ее, и вся компания удивилась тому, что я поместил в ней репродукцию картины Эль Греко. Они решили, что запечатленный на ней общий дух городского упадка соответствует настроению первых нескольких страниц *Атланта.* Потом она посмотрела на обложку и сказала, что этот томик теперь скорее напоминает книгу *Айн Рэнд,* написанную неким Гэри Миллером, чем написанную Айн Рэнд. И когда я получил книгу назад без автографа, она принялась критиковать картину Эль Греко.

Что же она сказала?

Она назвала этот город побежденным, а я никогда не замечал этого. Когда я смотрел на картину, мне казалось, что только шпиль еще сопротивляется силам природы. Но, посмотрев на картину позднее, я понял, что она права.

Но потом полным благосклонности движением она протянула руку над столом, взяла книгу и надписала ее.

Все это время она действовала самым приятным образом —

очень благосклонно, очень мило, очень дружелюбно, стопроцентно вознаградив меня вопреки всем возможным сомнениям.

О чем еще она говорила?

После обеда она сидела за одним из кофейных столиков в холле, а я сидел на диване, и мы разговаривали об осмыслении понятий. И я спросил: «А как осмыслить, например, слово „красный“»? И она ответила мне без малейшей задержки: «Вы только что сделали это».

Она объяснила свою мысль?

Объяснила, однако я был настолько ошеломлен быстротой и легкостью ответа, что толком не сумел понять его.

Насколько я понимаю, вы присылали мисс Рэнд по почте некоторые материалы?

Я узнал, что она охотно подписывает присланные по почте книги и брошюры, и потому прислал ей посылку с дюжиной наименований, и она подписала все, кроме одного, и отослала обратно. Через несколько лет я послал ей другую посылку, с большим количеством предметов, включавшим и вещи сомнительные, как, например, афишу фильма *Источник*, которую она не подписала. Без каких-либо пояснений.

Приходилось ли вам посылать ей макет книги?

Это был пухлый томик в бумажном переплете под названием *Неисправленный макет «Романтического манифеста»*, и он находился в первой из посылок, которые я послал ей. Она вернула все материалы подписанными, кроме этой книги.

Элейн Калберман[199] прислала мне письмо, в котором было сказано, что они пришлют мне макет назад, если я подпишу обязательство не выпускать его из моей коллекции. Я подписал его, и они вернули мне макет. По всей видимости, она была готова расписываться только на том, что лично одобряла, но если материал содержал сведения, не устраивавшие ее, она его не подписывала.

Лизетта Хассани

Лизетта Хассани является дочерью Веры Гламе (в девичестве Гузарчик), российской кузины Айн Рэнд, мать которой была сестрой матери Айн Рэнд. Миссис Хассани выросла во Франции и теперь проживает в Швейцарии. Настоящее интервью было взято Хеленой Сканцикас во Франции (и переведено ею на английский язык) согласно вопросам, подготовленным Скоттом Макконнеллом.

Даты интервью: 18 сентября и 11 октября 1998 года.

Хелена Сканцикас: *Расскажите мне об Айн Рэнд.*

Лизетта Хассани: Эта дама была кузиной моей матери. Я впервые познакомилась с ней в Нью-Йорке. Она держалась очень профессионально. Я жила тогда на Лексингтон-авеню, совсем недалеко от ее дома.

Мой отец [Анри Гламе, француз] имел возможность посетить ее в 1948 году в Калифорнии, и он привез подарок от нее, прекрасное пальто. Она была очень щедрой женщиной[200]. Возможно, в Америке оно уже вышло из моды, но здесь… Впоследствии я занималась пошивом одежды и смогла по достоинству оценить качество этого пальто. Оно было зеленым, с бархатным воротником и капюшоном. Очень красивое было пальто.

Что говорил ваш отец о своей поездке в Калифорнию?

Он был очарован Айн Рэнд. Должно быть, она очень ласково приняла его.

А как вы сами встретились с Айн Рэнд?

Я приплыла в Нью-Йорк на корабле из Шербура[201]. Я хотела учить английский. Однако родители вместо Англии, куда я хотела, послали меня в Америку. Они сказали мне: у тебя есть дядя в Америке; езжай туда. Ну, чтобы он мог приглядывать за мной, тогдашней студенткой.

Я влюбилась в Нью-Йорк и не хотела возвращаться обратно! Я полюбила этот город. Для меня он означал свободу.

Как вы общались с Айн Рэнд в Нью-Йорке?

На дружеской ноге. Пили чай с пирожными и все такое. Она хотела, чтобы я знала, чем она занимается в Америке, и я сходила на лекцию. Тогда она была очень знаменита в Америке. Помню, что ее очень уважали. Я знаю, как ее слушали, я видела это своими глазами, однако многого понять не могла. Она говорила по-английски, а я только учила этот язык.

Она давала свою лекцию в большом помещении, и это произвело на меня большое впечатление. Я думала: «значит, моя тетя — очень важная особа!»

Как вы описали бы свою тетю?

Она показалась мне очень своевольной. И чуть упрямой — с моей точки зрения.

Когда вы жили в Нью-Йорке, ваша мать приезжала, чтобы посетить вас и Айн Рэнд?

Да, они повидались друг с другом. Помню, что моя мать боялась Нью-Йорка. Она все время держала меня за руку. Она очень волновалась и боялась потеряться в таком большом городе.

Ей нравилась Америка?

Когда мы приехали в дом моего дяди, я видела, как она поцеловала землю. Америка была для нее землей обетованной[202].

Вы помните Фрэнка О'Коннора?

Однажды я, кажется, видела его. Когда я была у нее, то видела только тетю. Его не было с нами; он занимался своей живописью.

Что вам запомнилось из ваших визитов в дом Айн Рэнд?

О, она была очень добра ко мне! Я жила в паре кварталов от нее, и она всегда вызывала для меня такси, даже если было еще не очень поздно. Она не хотела, чтобы я возвращалась одна и пешком. Она ощущала ответственность за меня. Я сохранила о ней добрую память. Она дарила мне подарки и хорошо обращалась с мной.

Я очень мало разговаривала с Айн Рэнд. Так что ничего особенного она мне не говорила. Она была просто добра ко мне, но в отношении объективизма, признаюсь, ничего вам сказать не могу.

Давайте ненадолго вспомним оставшихся в России родственников вашей матери. Что вы помните о них? Например, чем занималась ваша бабушка?

Наверно, она была домохозяйкой, потому что у нее было три дочери. Но я знаю, что, когда моя мама плакала, она могла нажать кнопку, и ей приносили платок! Они были очень богатыми людьми и жили на главной улице Ленинграда [на Невском проспекте].

Моя мать училась в России и получила диплом врача, и ее отец собирался премировать дочь поездкой в Европу. Она была всем обязана отцу. Он был врачом. И она приехала в Европу, потому что у нее был диплом. Сперва она поехала в Германию, в берлинский Институт Роберта Коха. А потом перебралась в Париж, в Пастеровский институт.

У меня есть фотография моих деда и бабушки. Я их не знала. Наверно, моя мама привезла это фото из России.

Ваша мать когда-либо возвращалась в Россию?

Нет, никогда. И когда умер ее отец, кто-то сказал моему папе: «Ты любишь свою жену?» Он сказал: «Да», и тогда ему сказали, чтобы он не отпускал ее на похороны в СССР, потому что она может не вернуться назад.

Роджер Саламон

Роджер Саламон является кузеном Айн Рэнд. Он внук Сары Липски, одной из чикагских родственников, пригласивших мисс Рэнд в Америку в 1926 году.

Дата интервью: 5 июля 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Есть ли у вас книги Айн Рэнд?*

Роджер Саламон: У нас хранятся три книги с ее посвящениями, одно из которых, в частности, я считаю чрезвычайно ядовитым. Она сделала его в первой опубликованной ею книге, *Мы живые.* На фронтисписе Айн написала: «Саре Сатрин, с глубокой благодарностью за избавление меня от описанной в этой книге разновидности ада, Айн Рэнд 4/2/1936».

Моя бабушка, Сара Сатрин [1885–1971], получала от Айн каждую опубликованную ею книгу. К несчастью, у меня остались только три.

Айн никогда не забывала тех, кто вызвал ее сюда. Она не считала, что на ней лежит какой-то долг; это было не в ее стиле, однако она ничего не забывала. В подаренном нам издании *Источника* она написала: «Саре и Солу, с любовью и благодарностью, Айн Рэнд, 30 ноября 1943». В *Атланте* она написала: «Саре Липски, с искренней благодарностью, Айн 11/6/57». Сара Липски — это моя бабушка. Сперва она носила фамилию Сатрин, а потом Липски. До этого она была замужем дважды, сперва за моим дедом Гарри Колльером, вторым мужем ее был Джо Липтон. Потом она вышла за Сола Липски. Она была красивой, богато одаренной, полной энергии и жизненной силы, яркой и талантливой женщиной.

Моя мать, Беатрис Колльер, перепечатывала ранние рукописи Айн. На этом большом фамильном снимке она находится рядом с Бартом Стоуном. Айн не слишком хорошо владела английским языком, хотя получила хорошее образование. В России они пользовались услугами частных учителей. Моя мать говорила, что вначале помогала Айн в этом отношении. Однажды она сказала мне: «Когда Айн приехала сюда, я печатала ее рукописи».

Моя бабушка и Айн переписывались. Они дружили. Моя мать писала ей письма от случая к случаю… Не думаю, чтобы они хранили эти письма, но переписывались постоянно. В те годы никто не звонил другим по телефону, как это делается сейчас.

Что Сара Липски говорила об Айн Рэнд?

Она любила Айн. Я думаю, потому, что они волновались за нее после того как вызвали ее сюда — до тех пор, пока она не научилась говорить, одеваться, вести себя соответствующим образом. В известной мере они ощущали ответственность за нее.

Моя бабушка гордилась ею, потому что она успела сделаться знаменитостью, но никогда не говорила, что Айн ей чем-то обязана, она всегда видела в Айн прежде всего кузину и родственницу.

Когда ваша бабушка познакомилась с мисс Рэнд, она проживала в отеле «Купер-Карлтон», бульвар Гайд-парк, 53-я стрит, Чикаго. Мисс Рэнд остановилась у нее.

Это был отель квартирного типа. Ничего особенного. Встроенные в стену кровати и спальня. Открываешь две двери, отодвигаешь мебель и видишь приставленную к стене вертикально кровать. Так называемая кровать Мерфи. Квартира бабушки состояла из двух комнат и кухни. Не думаю, чтобы кто-то из родственников, кроме Барта и Эстер Стоунов, связанных с бабушкой, имел какое-то отношение к ней, да, и еще моя мать, разумеется. Мне кажется, что она дружила с Айн. Они всегда хорошо ладили. И поскольку мама с самого начала помогала ей, это образовало связь, которая просто так не возникнет.

Когда вы познакомились с мисс Рэнд?

Когда она была в Чикаго, где давала лекцию в Маккормик-плейс 29 сентября 1963 года, а потом — когда умер Барт, и она приехала на похороны. Она была в очень близких отношениях с Бартом и Эстер, с которыми поддерживала связь. Она не относилась к числу теплых и дружелюбных людей. Бывает, что ты садишься однажды рядом с человеком, и между вами мгновенно образуется контакт. С Айн такого не было.

У меня хранится буклет, из тех, которые, наверно, раздавали на той лекции: «Письмо от Айн Рэнд, автора *Источника*», с ее портретом, на котором ее волосы совсем по-мальчишески зачесаны набок. Последний абзац гласит: «Каждому читателю, который обладает интеллектом, достаточным для того, чтобы понять *Источник,* честностью, позволяющей полюбить его, и отвагой для того, чтобы говорить о нем; всем вам не в общем, но в отдельности, лично и индивидуально, я говорю спасибо». Такой и была Айн Рэнд.

Я не во всем соглашалась с ней. Мне кажется, что она влюбилась в капитализм, не могла не полюбить его после того, что произошло в России. Лекция мне понравилась, было очень интересно.

Как реагировала на нее аудитория?

О, ее принимали очень хорошо.

Дэниел Саттон

Дэниел Саттон — сын Мими Саттон, племянницы Фрэнка О'Коннора.

Даты интервью: 6 и 7 августа 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Какое самое сильное впечатление осталось у вас от Айн Рэнд?*

Дэниел Саттон: Их было два. Первое я испытал примерно в возрасте десяти-двенадцати лет, вскоре после того, как прочитал роман *Атлант расправил плечи.* На самом деле в первый раз я встретился с Айн в поезде. Железная дорога завораживала меня, и она устроила мне экскурсию по дизельному локомотиву на станции «Юнион» в Чикаго. Мы прошли через весь поезд насквозь, и оказалось, что она очень много знает о нем, прямо как инженер-железнодорожник. Она приезжала к моим маме и папе, и мы встречались перед обедом. Очевидно, у нее сохранились какие-то контакты с железнодорожниками после написания *Атланта.* Для меня позвонили в колокола, и это составило одно из самых глубоких впечатлений в моей жизни.

Какой вы ее нашли?

Обаятельной и очень любезной.

Как обращалась Айн Рэнд с детьми?

Со мной, подростком, просто восхитительно.

А второе самое яркое воспоминание?

Дело было за обедом, мы обсуждали призыв в армию, Вьетнамскую войну и распространение коммунизма. Помню только то, что мы говорили о разнице между фашистом и коммунистом. Должно быть, я принадлежал к числу немногих людей своего возраста, которые действительно хотели идти в армию и верили в справедливость войны.

И вы говорили об этом с Айн Рэнд?

Достаточно много. В основном разговор вращался возле моего огромного интереса к коммунизму и ее впечатлениях от него. Мы разговаривали на эту тему уже после того, как я прочитал *Гимн.* Я разговаривал с мамой о прошлом Айн и о коммунизме, тогда я был чрезвычайно консервативен и придерживался правых взглядов. Оказалось, что она в войну не верила, и я был этим удивлен. Впрочем, она не столько не верила в войну, сколько яростно возражала против призыва. Она говорила: «Они не вправе заставлять тебя идти на войну, и если ты не хочешь этого, я найму тебе любого адвоката, не считаясь с

расходами». И я ответил: «Спасибо, но не надо. Мне все равно».

Я обнаружил в архиве письмо, написанное вами Айн Рэнд и датированное 11 апреля 1970 года. «Дорогая тетя Айн. Спасибо за подписку на Бюллетень объективиста». За этими словами кроется кое-что интересное?

Черт побери. Она разговаривала по телефону с моей мамой, а потом попросила передать мне трубку, сказала, что хочет, чтобы я кое-что сделал для нее. Она спросила: «Ты читаешь *Объективиста?»* — и я ответил, что читаю, но мне приходится одалживать его, потому что на покупку у меня нет денег. Она сказала: «Я открою для тебя подписку, но ты сделаешь для меня вот что. Я выпишу ее на другое имя, так что мы напишем фамилию Саттон, но я изменю твое имя, а потом ты позвонишь мне и скажешь, кто еще посылает тебе почту», так как ее беспокоило, что кто-то другой может пользоваться ее списком адресов рассылки.

Мартин Андерсон

Мартин Андерсон был знаком с Айн Рэнд в начале и середине 1960-х годов. В 1966 году в *Объективисте* была напечатана рецензия на его книгу *Федеральный бульдозер (The Federal Bulldozer)*. В 1968 году он руководил политической аналитикой для Ричарда Никсона, в 1980 году для Рональда Рейгана, экономическим и внутриполитическим советником которого также являлся. В настоящее время доктор Андерсон является Старшим Членом общества Кейт и Джен Херлбат в Гуверовском институте войны, революции и мира в Стэнфордском университете[203]. В 2000 году он являлся советником Джорджа Буша на президентских выборах.

Дата интервью: 12 апреля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы впервые узнали об Айн Рэнд и ее работах?*

Мартин Андерсон: Я снимал квартиру в нью-йоркском Сити вместе со своим однокашником по Дартмутскому колледжу и преподавал в Колумбийском университете. Однажды вечером он сказал: «Я только что закончил читать эту книгу, она понравится тебе. Она называется *Атлант расправил плечи*».

Так что я впервые услышал о ней, получив от него эту книгу, начал ее читать и увлекся. Это случилось, вероятно, году в шестьдесят четвертом — шестьдесят пятом. Помню, я засиживался допоздна, а иногда читал почти до утра. Кажется, я прочел всю книгу за пять или шесть дней.

Что же в ней так увлекло вас? Сюжет, идеи или все вместе?

Я думаю, комбинация того и другого. Это была увлекательная книга с точки зрения последовательности событий — в ней чувствовалась хорошая сюжетная линия. А некоторые идеи просто потрясали. Я люблю, когда события подтверждают ход моих мыслей. Во многих случаях ее мысли подтверждали мои собственные. Однако я никогда не связывал их воедино. И когда она рассуждала о них, я обнаруживал, что полностью согласен со всем повествованием. На мой взгляд, это великая книга. А по прошествии какого-то времени я прочитал *Источник.* Этот роман мне тоже понравился.

И что вы сделали, прочитав эти книги?

В какой-то момент мне попалось на глаза объявление о курсе лекций, основанных на ее философии. Я посещал некоторые из лекций, но не сказал бы, что прослушал весь курс.

Помните ли вы темы лекций?

Я присутствовал на вводной лекции, на которой разъяснялись основы объективизма. Более всего помню другую, на которой я познакомился с Аланом Гринспеном — он читал лекцию по экономике. Эта лекция произвела на меня, занимавшегося экономикой и специализировавшегося на ней, самое глубокое впечатление, я решил тогда, что Алан является лучшим преподавателем экономики среди всех, кого я встречал.

Почему?

Потому что он говорил очень осмысленные вещи. Четкие, ясные, логичные, увязывавшиеся между собой. Он излагал свои мысли лучше, чем те профессора, с которыми мне привелось иметь дело. Поэтому когда я слушал Алана Гринспена, математический метод расчета стоимости полностью совпадал с моими представлениями.

Являлась ли новой объективистская идея о выгоде эгоизма?

Насколько я помню, нет. Однако Айн Рэнд так преподносила свой предмет, говорила такие разумные вещи, каких я до того ни от кого не слышал.

Не случалось ли вам самому высказывать их?

Не теми же словами, другим языком, но когда она что-то говорила или делала, оказывалось, что это чрезвычайно разумно. Я до сих пор не согласен с ней в кое-каких аспектах, однако многое увязывается воедино. То есть я хочу сказать, что она могла говорить о метафизике, об эпистемологии, об этике — по отдельности в моем восприятии. Однако она умела увязывать все воедино самым естественным и разумным образом.

То есть она систематизировала?

Да. Она брала вкупе самые разные вещи и самым блестящим и ясным способом сочетала их.

Вы когда-нибудь говорили ей это?

Я не слишком много разговаривал с ней лично. Обычно предметы нашего разговора не носили сложного характера, так что сомневаюсь в том, что мне это удалось. Я находил чрезвычайно интересным то, что при всем своем тогдашнем образовании — я имел диплом педагога и посещал МИТ — ощущал постоянный упор на силу теории, проникновении в сущность вещей и демонстрации того, как сложно это сделать. На мой взгляд, было увлекательно видеть, что она творит в этой области философии, показывая, как сочетаются вместе самые разные предметы. Она делала много такого, что рекомендовали делать мои профессора, однако сами сделать не могли.

Не можете ли вы рассказать о своей первой встрече с мисс Рэнд?

Это произошло на одной из лекций. Она держалась очень профессионально, говорила очень и очень умно и четко. Во время своих лекций она бывала строга и совсем не похожа на ту, какой бывала в неофициальной обстановке.

А какой она бывала в приватной обстановке?

Обаятельной, дружелюбной, веселой и приятной. После одной из лекций однажды они всей компанией отправились пить кофе. Кто-то, по всей видимости, Алан Гринспен, пригласил и меня присоединиться к компании. Я как раз незадолго до того сломал левую руку, кисть моя была в гипсе, и мне было сложно владеть ею. Мы уселись, нам принесли кофе, и я попытался налить в него сливки. Они были в пластмассовой баночке с небольшим колпачком. Я попытался сделать это одной правой рукой, но у меня ничего не получилось. И никто из присутствующих не обратил никакого внимания на мои старания, кроме нее. Она подошла ко мне, взяла баночку, открыла ее и с улыбкой подала мне.

Помните ли вы какие-нибудь другие встречи с ней?

По-моему, раз или два меня приглашали на собрания ближнего круга, опять же происходившие после лекций. Мы приехали в ее квартиру, сели, получили какое-то питье и продолжили разговор на самые разные текущие темы — политические и насущные — не вдаваясь в особые подробности. Все происходило в умиротворяющей атмосфере.

И какой она была на этих собраниях?

Такой же. Только очень и очень расслабленной, обаятельной и донельзя разговорчивой. В известной мере она становилась другой, чем была на лекциях. Там казалось, что она, получая вопрос из зала, воспринимала его как вызов — как это часто и было. Но в приватной обстановке она не думала об обороне.

Эту женщину следует назвать удивительной, благодаря тому, что она написала и чего достигла. Однако в обстановке неофициальной она становилась простым и приятным человеком.

Мы встретились с ней еще раз. В 1965 году она присутствовала на нашей свадьбе. Мы только что арендовали апартаменты в пентхаузе в Верхнем Вест-Сайде и решили устроить свадьбу на крыше. Мы пригласили человек двадцать пять — тридцать, в том числе и ее. У меня до сих пор хранится полученный от нее подарок: превосходное изделие из граненого стекла.

Насколько я понимаю, вы оказали воздействие на принятое Ричардом Никсоном решение отменить призыв в армию. Что повлияло на идеи, заложенные в ваше предложение Никсону в 1967 и 1968 году?

Я воспользовался многими источниками. Я много читал на эту тему; в частности, статьи Мильтона Фридмана в *Нью-Йорк таймс* и другие статьи. Кроме того, я много думал на эту тему и не сомневаюсь в том, что эта идея прозвучала в тех лекциях Айн Рэнд, где она касалась призыва на военную службу. Я знаю, что она была противницей призыва. Так что все произошло в этом контексте.

Какими основными аргументами вы пользовались?

Я опирался на два аргумента; во-первых, этого требовала справедливость, и, во-вторых, такое решение должно было сделать армию более сильной и эффективной в военном отношении.

Как проявилось влияние на вас Айн Рэнд в отношении нравственного аргумента?

Мне кажется, что она говорила об этом в одной из лекций, и то, как она обосновывала этот аргумент, сделало его ясней и надежнее.

Насколько я помню, в то время вы произносили речи в Столичном клубе молодых республиканцев (Metropolitan Young Republican Club) совместно с Леонардом Пейкоффом и прочими.

Это было, вероятно, в 1967 году. Я писал на эту тему, разговаривал о ней со многими людьми. И выступал с речами.

Как вы потеряли связь с Айн Рэнд?

Я уехал в Вашингтон, однако никогда не поддерживал с ней постоянной связи. Пару раз я разговаривал с ней по телефону. Помню, однажды она звонила мне и расспрашивала о Никсоне.

Как вы оценили бы влияние мисс Рэнд на современную культуру?

Быть может, мое мнение и не совсем обосновано, но меня постоянно удивляет количество встречаемых мною людей, читавших ее произведения. Читая ее, многие люди соединяют свои идеи, и ее идеи придают форму их мыслям, укрепляют их и придают им новую силу. В этом плане она повлияла на огромное множество людей.

Кэтрин Эйкхофф

Кэтрин Эйкхофф была подругой и финансовой советницей Айн Рэнд. Она двадцать два года работала на консалтинговую компанию Таунсенд-Гринспен & Co., Inc., а в настоящее время состоит экономическим консультантом в собственной фирме, Эйкхофф Экономикс, Inc. Она замужем за Джимом Смитом (интервью с Джимом Смитом см. далее).

Дата интервью: 29 ноября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд и Фрэнком О'Коннором?*

Кэтрин Эйкхофф: В 1962 году меня представил ей мой друг Алан Гринспен после одной из лекций в NBI об основах объективизма.

Расскажите мне об этих лекциях и в особенности о том, как мисс Рэнд отвечала на вопросы.

Она отвечала на них очень убедительно и ясно. Если кто-то задавал вопрос по неведению, все было отлично. Но если вопрос задавал кто-то явно не читавший *Атланта,* она отвечала уже с резкой ноткой, потому что было очевидно, что всяк присутствующий на лекции обязан прочитать эту книгу.

Общались ли вы с О'Коннорами после лекций?

Брандены, О'Конноры, я и Алан Гринспен, когда он присутствовал, регулярно отправлялись пить кофе. Иногда к нам присоединялись Блюментали. Мы вели себя так, как полагается группе собравшихся за кофе друзей: разговаривали о своей работе и связанных с ней предметах.

Как вы еще общались с О'Коннорами в это время?

Мы ездили в какое-то место, кажется, в Хартсдейл, Нью-Йорк, где находился ресторан, обладавший хорошей кухней, танцевальной площадкой и раздвижной крышей, которая могла откатываться назад, так что в хорошую погоду можно было видеть небо. Помню, что мы с Аланом ездили туда, и О'Конноры были с нами. Там случались и такие оказии, когда обедающие собирались группами в разных отделениях, разговора ради.

Опишите эти группы.

Это началось примерно в 1963 году. Обыкновенно мисс Рэнд очень ласково принимала самого нового знакомого. Или того человека, который еще недостаточно хорошо был знаком с ней. Она обыкновенно усаживала такого человека рядом с собой. Помню, как она расспрашивала меня о себе, о своих книгах, о

том, как я познакомилась с ними и что мне в них понравилось. Она очень обаятельно расспрашивала о том, чем ты занимаешься и чем интересуешься. На одной из самых первых вечеринок присутствовал Людвиг фон Мизес, и она много разговаривала с ним. Насколько я помню, до этого вечера они не встречались, хотя его книги принадлежали к числу рекомендуемых в то время NBI, и некоторые из учащихся посещали его лекции в Нью-Йоркском университете. Айн и фон Мизес превосходно понимали друг друга.

Как обыкновенно проходили эти вечера?

За беседой.

С мисс Рэнд?

Нет, чаще завязывался общий разговор. С мисс Рэнд, одной или на пару с Фрэнком, никаких проблем не возникало. Но когда собиралась большая группа, беседой часто овладевал Натан. Разговор шел на философские или политические темы, или обсуждались свежие события.

Какова была тональность этих вечеринок?

Несерьезная. Царила такая родственная атмосфера. Собирались люди, разделявшие общие ценности, наслаждавшиеся обществом друг друга и регулярно встречавшиеся.

Что еще интересное вы можете сказать об этих вечеринках?

Айн постоянно была недовольна собственными волосами, а я как раз обнаружила новую разновидность бигуди, очень простых в употреблении. Я сказала ей о них, однако она ответила, что не имеет времени на подобные штуки. Больше эту тему я не поднимала.

Кажется, примерно в это время начали ходить слухи о том, что она собирается написать новую книгу, и о ее сюжете. Сама она говорила, что это будет детектив, однако главной героиней будет девушка-чечеточница. На это я заявила, что это должна быть очень веселая и легкая книга, потому что, танцуя чечетку, невозможно грустить и унывать. Она сочла, что это очень хорошее замечание.

На некоторых из вечеринок, особенно после того, как Брандены и О'Конноры переехали в один и тот же многоквартирный дом на 34-й стрит, мы скатывали ковры и танцевали бальные танцы. На самом деле мы слушали много музыки. Мисс Рэнд, конечно же, музыку знала и очень любила.

А как насчет праздников?

Однажды мы с Джимом — впоследствии я вышла за него замуж — решили устроить для Айн праздник Рождества. И в соответствующий день позвонили, чтобы узнать, дома ли она. Я спросила, можем ли мы приехать. Конечно, ответила она.

Поэтому мы упаковали то, что оставалось у нас от собственной рождественской вечеринки — пунш, эгг-ног[204] и всякие разности, которые у нас были, а также кое-какие маленькие подарки для нее — и поехали к ней. Она радовалась как ребенок. Подарки она опять-таки не приняла, однако я помню, как она сидела на диване, вынимала вещицы из мешка и с полным удовольствием разворачивала их. В конечном итоге она так обрадовалась Рождеству, что оставила себе подарки.

Мисс Рэнд считала Рождество удивительным праздником, поскольку оно стало насквозь коммерциализированным и полностью утратило свой религиозный смысл. Так радостно делать подарки приятным тебе людям и видеть вокруг украшенные к празднику дома. Однако Новый год был для О'Конноров куда более значимым праздником. И каждый год они отмечали его в разных домах.

И что же О'Конноры и их друзья делали по случаю Нового года?

Канун Нового года всегда бывал великолепно обставлен, и те, кто принимал гостей, должны были обеспечивать угощение и музыку, если помещение было пригодно для танцев.

А как насчет полуночи?

Его встречали полагающимся по случаю весельем и пением *Auld Lang Syne*[205] и новогодними поцелуями.

Вы бывали у О'Конноров по другим оказиям?

Иногда, вместе с Аланом. Я приступила к работе в его фирме в ноябре 1962 года, но встречаться с ним начала еще в сентябре того же года. Мы встречались два или три года, однако я проработала у него еще двадцать три года.

Я многому научилась из лекций Натана в плане того, как надо говорить и, в частности, отвечать на вопросы. Мисс Рэнд также способствовала этому, повторяя вопрос, что давало тебе время продумать, что именно ты хотела бы сказать в ответ на вопрос, а не бросаться сразу давать ответ. Я старалась поступать именно таким образом, когда выступала с речью по поводу объявленной Джонсоном войны с бедностью, это была моя первая речь после окончания школы.

Это происходило перед политической группой в Квинсе. В программе также выступал мэр Нью-Йорка [Джон] Линдсей. Выступление имело успех, и когда все закончилось, Алан спросил, что я хочу, чтобы отметить праздник. Я ответила: а знаешь, я действительно хочу рассказать своим двум героям об этом успехе. Он спросил: кому же именно? И я ответила: Фрэнку и Айн.

Я позвонила им по телефону, чтобы узнать, можно ли прийти,

и мы приехали к ним домой. Я рассказала им о том, что произносила речь, и передала мисс Рэнд ее текст. Она задала мне много вопросов по теме речи. Мои ответы, как всегда бывало у нее, влекли за собой новые вопросы. Она всегда, насколько это было возможно, прослеживала логическую цепочку. Словом, мы задержались у них допоздна, разговаривая о выдвинутом Джонсоном лозунге и о тех проблемах, которые он был способен вызывать. Так в конечном итоге и произошло. Мы уже тогда говорили, что его реализация приведет к сложностям для людей с фиксированными доходами, вызовет инфляцию, а также обойдется казне много дороже, чем это предполагалось. Это была жуткая программа.

Вы звали ее «Айн» с самого начала?

Благодаря ее взаимоотношениям с Аланом наше общение очень скоро перешло на «Айн». Меня и знакомили с ней не как с «мисс Рэнд», но как с «Айн Рэнд». Так что «Айн и Фрэнк» были с самого начала. Однажды, уже после того как мы с Аланом разорвали отношения, я была в ее доме и, выбрав котенка, назвала ее «мисс Рэнд». Она сказала: «Вот что, Кэтрин, не надо называть меня так. Меня зовут Айн, мы остаемся друзьями». После этого я возвратилась к «Айн», хотя старалась не забывать называть «мисс Рэнд» в обществе людей, не являвшихся ее личными друзьями.

Когда я перестала встречаться с Аланом, Брандены восприняли это так, будто я перестала существовать, что меня очень расстроило, потому что предыдущие два с половиной года я встречалась с ними по два-три раза каждую неделю. Но с Фрэнком и Айн мои отношения нисколько не переменились. Она с самого начала дала мне понять, что будет встречаться и разговаривать со мной на общественных мероприятиях или на лекциях. Но при этом пояснила, что я вправе рассчитывать на ее личное время, представлявшее собой огромную ценность. И я поняла это.

В какой манере она общалась и обращалась с вами?

Она всегда обращалась со мной очень любезно и дружелюбно. Никаких неприятных сюрпризов не было. Она всегда была очень добра. И учитывая все про все, щедро делилась со мной своим временем.

Как в то время складывались взаимоотношения мисс Рэнд и мистера Гринспена?

Мистер Гринспен проделал существенный объем работ в части сбора информации о сталелитейной промышленности для романа *Атлант расправил плечи.* Экономическая специализация Алана началась со сталелитейной промышленности, когда

работал в National Industrial Conference Board[206], и продолжилась после того, как он основал фирму Таунсенд-Гринспен.

Какого мнения она придерживалась о нем?

Она с самого начала ожидала от него очень многого. С моей точки зрения, наилучшей формулировкой ее отношения к нему служит посвящение, которое она сделала, даря ему экземпляр *Атланта* в твердом переплете: «Моему Спящему Гиганту». Они много лет поддерживали хорошие взаимоотношения. Он мог пригласить их с Фрэнком на обед в любое время. Однако он много путешествовал и не всегда был доступен для общения.

Когда Алан перешел в Вашингтон, первоначально в администрацию Никсона, естественным путем превратившуюся в администрацию Форда, она очень волновалась за него. И считала, что он жертвует собой. Однако вполне определенным образом утверждала, что если этот поступок не является жертвой с его стороны, то обеими руки поддерживает его. И это можно сказать обо всем том времени, которое он находился в администрации.

Примерно те же самые слова я услышала, когда в 1981 году меня пригласили в Вашингтон. Она посоветовала мне быть осторожной и постараться не попасть в такое положение, когда мне придется идти на компромисс и жертвовать своими принципами. Во всем прочем она была готова на любую помощь. Она всегда придерживалась очень патриотической позиции и воспринимала работу в Вашингтоне с этой точки зрения. Однако сама не могла пойти на сотрудничество с правительством, так как взгляды ее вошли бы в полный конфликт со всеми остальными. Алан находился в несколько иной ситуации, ну а я — в совершенно иной. Экономика оказалась несколько отстраненной от насущных проблем, хотя это и можно было оспаривать. В обоих наших случаях мы имели возможность добиваться ослабления регулирования и уменьшения перераспределения дохода. Впрочем, существуют три вопроса к людям, претендующим на высокие посты в Вашингтоне. Хотите ли вы, чтобы рухнула вся система, или готовы попытаться заставить ее работать настолько плавно, насколько это возможно, до тех пор, пока вы не сумеете исправить положение дел? Если вы ответите «нет» на первый вопрос, и «да» на второй, как, безусловно, сделала бы мисс Рэнд, то не жертвуете ли своими ценностями ради компромисса в битве, в которой невозможно одержать победу? Я никогда не задавала ей этот вопрос и потому не представляю, как она ответила бы на него. Она поддерживала мое намерение снизойти до уровня правительства, но делать это очень осторожно, так, чтобы ничего не принести в жертву, но если дойдет до этого, вернуться домой.

Какое влияние мисс Рэнд оказала на мистера Гринспена?

Очень глубокое. Конечно, к тому времени, когда я познакомилась с ним, он уже несколько лет был убежденным объективистом, однако я думаю, что ее воззрения стали тем фундаментом, который лег в основу его взглядов на экономику и позволил расширить их, дав им философскую подоплеку там, где они ее не имели. Ну а объективизм позволил ему, с моей точки зрения, лучше понять людей и мотивы их действий. А заодно наделил методологией мыслительного процесса. На самом деле можно считать установленным тот факт, что именно мы с Джимом извлекли максимальную личную выгоду из объективизма: он предоставляет тебе возможность рассмотрения проблемы под несколько другим углом, чем другие философские течения.

Айн была в восторге, когда Алан попросил ее присутствовать на его присяге, познакомиться с президентом Фордом и посетить Овальный кабинет.

Помните ли вы какие-нибудь ее слова по этому поводу?

Нет, знаю только, что ей было очень приятно. Опять-таки ее отношение к Алану всегда напоминало мне родительскую гордость.

А как он относился к ней?

Соответствующим образом.

Как гордый сын?

Да. И это отношение не изменилось после смерти Айн. Думаю, мисс Рэнд была бы очень довольна тем, что он сделал и совершил для Соединенных Штатов[207].

Как мистер Гринспен и мистер О'Коннор относились друг к другу?

Дружелюбно. Не знаю, однако, поддерживали ли они какие-то отдельные отношения между собой. Я была ближе знакома с Фрэнком, потому что мы проводили вместе много времени на лекциях. Он водил меня в свою студию, показывал, что нарисовал и над чем работает, так что у нас сложились более близкие взаимоотношения.

Расскажите мне о своих посещениях его студии.

Тогда она находилась на 28-й стрит, между Парк-авеню и Лексингтон-авеню. В то время он работал над картиной *Уменьшающиеся возвращения,* на втором холсте его автопортрет размещался в цветных кругах. Кроме того, он показывал мне написанные им или находившиеся в работе городские пейзажи.

Расскажите мне об О'Коннорах и их кошке Сандерберд.

Вот как эта кошка досталась О'Коннорам. После одной из лекций двое студентов NBI принесли этого котенка в шапке и

предложили в подарок мисс Рэнд. Та, согласно своему обычаю, немедленно заявила: «О нет». Подарков она, как правило, не принимала, однако исключения случались, и через несколько минут она сдалась, и они с Фрэнком унесли киску домой.

По прошествии скольких-то там месяцев я была с визитом у О'Конноров, и Айн распространялась о том, как прекрасно ладят между собой Фриско и Тандерберд и что, к счастью, Фриско уже слишком стар, чтобы иметь от него котят. Услышав от нее потом подобный же комментарий, Алан посмотрел на Тандерберд и сказал: «Думаю, ты ошибаешься в отношении Фриско. Примерно через неделю у Тандерберд будут котята». Так и случилось: она принесла четверых. Один был похож на Фриско, трое других на Тандерберд. Алан спросил у них, нельзя ли мне забрать себе одного из котят, и они сказали: «Конечно». Так я получила своего и назвала его в честь героини *Источника*, однако впоследствии моя Доминик оказалась котом Домиником, хотя меня уверяли в обратном. Айн стала называть себя «бабушкой Доминика», и я регулярно рассказывала ей о том, как он поживает.

Они оставили себе Фриско-младшего. Старый Фриско скоро умер, и квартиру с О'Коннорами разделяли Фриско-младший и Тандерберд.

Какие еще кошачьи истории вы можете рассказать?

Она никогда не обрезала когти своим кошкам и не кастрировала котов.

Почему же?

Благодаря ее отношению к сексу. Секс является очень важным и приятным аспектом человеческой жизни, и мисс Рэнд считала, что он доставляет такое же удовольствие кошкам. И кастрировать их — все равно что кастрировать человека, так что она никогда не делала этого.

Вы дарили мисс Рэнд марки?

У нас был приятель-объективист, который по роду деловой деятельности получал много писем из-за рубежа. Он сохранял все красивые марки и передавал их Джиму и мне, а мы в свой черед относили их мисс Рэнд во время нашего следующего визита. Подарков она не принимала, но от марок не отказывалась.

А как мисс Рэнд относилась к бородам?

Она их не любила. Она считала, что бородатые мужчины всегда пытаются что-то скрыть. В начале семидесятых Джим носил бороду, и мисс Рэнд всегда говорила, что ни за что не поцеловала бы бородатого мужчину. Однако Джима, несмотря на это, целовала.

И это ее как-то смущало?

Нет. Она говорила что-то вроде того: «Как вам известно, я не

целуюсь с бородатыми мужчинами». Только что поцеловавшись с Джимом. Это было забавно.

Вы встречались с мисс Рэнд после ее операции по поводу рака легких в 1975 году?

Мы пытались уговорить ее делать больше физических упражнений и принимать больше витаминов, чтобы вернуть себе силы, но не сумели этого сделать. Она сказала, что не может делать упражнения, потому что у нее больше нет на это энергии. Мы попытались убедить ее в том, что энергии у нее нет, потому что она не делает упражнений, но если начнет их делать, то энергия у нее появится. Витамины же она принимать не хотела, потому что надо было сперва определить, какой витамин что делает и в какие витамины можно верить, а в какие нет. Она доверяла только одному доктору, и если он не рекомендовал чего-то делать, то всегда выполняла его рекомендации.

Рассказывала ли она вам о своих проектах?

Она рассказывала мне по телефону о планах съемки фильма по мотивам *Атланта* и была в восторге от соглашения, которого сумела достичь с продюсером. Но планы эти так и не реализовались.

Потом она сама собиралась взяться за сценарий, и мы с Джимом спросили ее: «Сможем ли мы вложиться в съемки фильма?» Она была резко настроена против этого, потому что считала, что мы делаем это по дружбе с ней, а не ради выгодного вложения. Но мы возразили: «Нет, мы так не считаем». И тогда она согласилась.

А у вас никогда не случалось такого девичьего разговора с Айн Рэнд? О прическах, косметике, покупках и все такое?

Не сказала бы, чтобы нам случалось говорить на женские темы, за исключением проблем, связанных с ее небольшим ростом и необходимостью носить очень высокие каблуки, чтобы прибавить себе роста. Однако она не могла далеко ходить на высоких каблуках, и это всегда раздражало ее. Иногда наши разговоры носили конфиденциальный характер.

Можете ли вы рассказать мне что-нибудь об одном из подобных разговоров?

В последние годы ее жизни я стала ее финансовым консультантом, так что мы разговаривали о состоянии ее финансов. Она была очень довольна и горда нажитым ею состоянием, и мы разговаривали с ней о роялти, о том, что она получила за *Атланта* и о том, что еще поступало за *Источник* и другие книги. Я спросила ее о том, как она распорядилась своими деньгами, как вложила их. Оказалось, что она держит их на противоположной стороне улицы — в сберегательном банке.

Должно быть, предельный ужас ситуации был написан на моем лице. Она всегда придерживалась той точки зрения, что не хочет покупать правительственных бондов[208], потому что они правительственные. Тогда я сказала: «Знаешь ли, сберегательные банки удерживает на плаву только правительство. Должно быть, это самое рискованное место для вложения денег свыше той суммы, которую гарантирует FSLIC[209], потому что берут быстро, а отдают долго». После этого разговора мы стали изменять схему ее капиталовложений.

Я познакомила ее с Чаком Бруни из «Оппенхаймер Кэпитал» [инвестиционный банк]. Чак был объективистом и большим поклонником мисс Рэнд. Помню, как я привезла его к ней на квартиру, и она спросила: «Каким образом я смогу компенсировать вам беспокойство?» И он ответил: «Что вы, мисс Рэнд, вы уже более чем компенсировали. Этой малостью я едва ли смогу уравнять то, что вы дали мне за прошедшие годы». Она была очень довольна подобным проявлением восхищения и уважения. Приняв на себя управление, он вложил ее деньги в очень надежные ценные бумаги. Насколько я помню, денежный рынок давал тот же доход, что и правительственные облигации. Одновременно она сказала, что не хочет вкладываться в обыкновенные акции, потому что в таком случае ей придется сначала все разузнать об этой компании и об управляющих ею людях, выяснить, пользуются ли они правительственными субсидиями и так далее. А времени на это у нее не было.

Она не хотела также вкладываться в фондовую биржу. По моему мнению, это было нечто вроде нежелания принимать витамины, не выяснив сперва их подноготную: слишком много сведений следовало собрать, чтобы сделать это без ущерба для себя. Не сомневаюсь в том, что Чак также учел это при выборе места и способа вложений. Я не стала выяснять, куда именно он определил ее средства. Купили мы только «цветочные» бонды. Это была особенная серия правительственных бумаг, продававшихся со скидкой из-за высокого процента по ним, в случае смерти обладателя их можно было использовать по номинальному значению для уплаты налогов на недвижимость, и приобретать их можно было даже после смерти.

За все те годы, что я знала ее, она всегда была добра со мной и не жалела своего времени ради нас с Джимом. Не думаю, чтобы мы с ним представляли интерес для нее в качестве интеллектуальных компаньонов. Вполне возможно, что мы не стоили ее раздражения, однако я не помню, чтобы она проявляла какое-нибудь недовольство Аланом или нами.

Чем болел мистер О'Коннор?

Я разговаривала с ним о проблемах, которые он испытывал со своими руками, которые усыхали, мышцы их сокращались, и о хирургических операциях, которые он проводил на них. После этих операций ему пришлось разрабатывать кисть с небольшим мячиком. Помню, как он объяснял мне, что ему приходится проделывать эти упражнения снова и снова в течение всего дня, чтобы укрепить свои пальцы и заново овладеть ими. Болезнь очень угнетала Фрэнка, так как она означала, что он больше не может держать кисть в руках. Я привезла им подушки, чтобы он мог удобнее поместить свою руку, и устроила для них ужин с мясом в горшочках. Похоже, что из всех знаков внимания более всего понравился им ужин. У меня создалось впечатление, что в то время они по вечерам в основном ужинали визуально — наблюдая за кулинарной телепрограммой.

У Фрэнка также случился сердечный приступ, и он какое-то время провел в больнице. Айн по этому поводу сказала, что впервые в жизни ночует без Фрэнка. И до тех пор, пока Фрэнка не выписали из госпиталя, с ней жила Мэри Энн Сурс.

За двадцать лет вашего знакомства изменились ли характер или личность мисс Рэнд, или ее отношение к жизни?

Я такого не замечала, особенно в том случае, если вы имеете в виду какой-нибудь негатив. Если что, могу сказать, что с возрастом она стала лучше. Во всяком случае, с моей точки зрения… Мне становилось все проще и проще разговаривать с ней. Отчасти это можно объяснить тем, что мы становились все более близкими друг другу, или же, возможно, я становилась все более уверенной в себе.

Эрл, Делла и Анна Лайвли

Эрл и Делла Лайвли были знакомыми Айн Рэнд; Анна Лайвли, дочь Эрла и Деллы, поет в кабаре и является крестницей мисс Рэнд. Эрл Лайвли был журналистом-обозревателем во времена знакомства с мисс Рэнд.

Дата интервью: 9 августа и 15 октября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с мисс Рэнд?*

Эрл Лайвли: В начале 1960-х годов я работал радиокомментатором и газетным обозревателем, а также представителем Лекций Натаниэля Брандена в Далласе. Мы с Деллой прослушали все лекции, когда их читал Бранден, а иногда Леонард Пейкофф. Я достаточно хорошо познакомился с Натаниэлем Бранденом, потому что он пару раз приезжал в Даллас на начальные лекции. Я познакомился с мисс Рэнд, когда она выпускала журнал *Объективист,* и люди начали говорить: «Мисс Рэнд, мы хотим увидеть то, что вы говорите о текущих делах». Однако она была слишком занята для того, чтобы свести воедино свою философию и записать ее в разумном виде на бумаге.

Бранден сказал, что они подумывают нанять автора, чтобы он писал статьи для *Объективиста.* В конечном итоге они отказались от этой идеи, однако он предложил, чтобы я прислал ей кое-какие из моих статей. Одна из них ей понравилась, и она процитировала ее в октябрьском номере *Бюллетеня объективиста* за 1965 год, и тогда я начал переписываться с нею. Потом в 1966 году пару летних месяцев я провел в столичном округе Вашингтон, откуда мы съездили в Нью-Йорк, и общие знакомые познакомили нас.

Мы договорились отужинать с мисс Рэнд и мистером О'Коннором на квартире приятеля 26 августа 1966 года. Так что мы поехали в Нью-Йорк, хотя моя жена была на сносях и родила нашу дочь Анну через две недели после визита. Потом мы говорили. Говорили, и говорили, и говорили. В три часа утра я отвез О'Конноров к ним домой.

О чем же вы говорили?

О многом. Обсуждали мою статью, которую она процитировала. В самом начале разговора она сказала мне: «Порадуйтесь, цитата из вашей статьи, которую я поместила в новостной листок, будет присутствовать в моей новой книге *Капитализм. Незнакомый идеал*». Я ответил: «Очень приятно.

Мисс Рэнд, хотите, я расскажу вам, каким образом мне удалось заранее понять, какой из присланных мною статей вы решите воспользоваться?»

Эта была та статья, которую я опубликовал в своей колонке «Живой комментарий», 28 апреля 1965 года: «Опасаясь стоять в одиночестве, даже на коленях, [Джордж] Ромни говорит всем нам, что мы не знаем определение капитализма, не понимаем основ собственной экономики и что нам же будет лучше, если мы перестанем защищать такую непопулярную концепцию, как капитализм. Он хотел известить мир о том, что мы перешли к более высокому понятию: консьюмеризму или потребительству. Фраза „Опасаясь стоять в одиночестве, даже на коленях“ показалась мне похожей на строчку, которую могла бы написать сама Айн Рэнд. Сказав это ей, я добавил: „Я понял, что она понравится вам“. И она с восхищением посмотрела на меня и сказала: „Действительно, такую строчку я бы с удовольствием написала“. Я ответил: „Но, мисс Рэнд, тогда вы побили меня, потому что в своей статье написали: `Мистер Лайвли восхитительно точен в своем описании выбранной позы, изображающей Ромни стоящим на коленях`, а потом самым блестящим образом обыграли ее, так что можно считать, что вы побили мои слова козырем“. Она ответила: „Нет, мой дорогой, козырь был в ваших руках, я просто последовала за вами“. Она была настолько любезна, что это потрясает».

Что еще вы обсуждали с мисс Рэнд в тот вечер?

У нас имелись некоторые вопросы в отношении объективизма, а сама мисс Рэнд очень интересовалась Деллой и расспрашивала ее. Она не хотела, чтобы Делла оставалась вне общей беседы, и с видимым интересом расспрашивала мою жену о ее воззрениях. Все выглядело совсем не так, будто она преследовала какую-то цель. Дэвид Доусон (на чьей квартире происходила встреча) тогда занимался пропагандой против призыва и начал было расспрашивать ее. Однако она сказала: «Подожди, Дэвид, мы с тобой можем поговорить в любое время. Я здесь для того, чтобы обсудить воззрения мистера Лайвли», — и не стала разговаривать с ним. Мы беседовали с ней, в частности, о моих статьях, которые я писал для журнала *Американ опинион* [издание Общества Джона Бёрча] — по военной стратегии, политической экономии… я посылал ей уже написанную статью, и еще я показал ей первую страницу, там, где находилось содержание и заметки редактора, а также статья некоей Меррилл Рут, опубликовавшей в *Нэшнл ревью* статью о мисс Рэнд после выхода в свет *Атланта*. Профессор Рут была очарована произведением Айн Рэнд и постоянно защищала ее от прочих

религиозных консерваторов тем, что на самом деле мисс Рэнд не является атеистом.

Прокомментировав мою статью, редактор добавил следующее: «Профессор Меррилл Рут потрясет наравне друзей и врагов Айн Рэнд тем…», дальше шли какие-то подобные словеса, доказав, что на самом деле она является религиозным человеком. Худшего оскорбления придумать было невозможно. Я обвел эту фразу красным карандашом. И поставил после нее жирный знак восклицания, подумав про себя: «Какая нелепость!» Посему ближе к концу нашего разговора она показала мне на это место, и я сказал: «Честно говоря, нас печатают далеко не повсюду. И я печатаюсь в *Американ опинион,* в частности, и по этой причине». Она ответила: «Ну конечно, вы совершенно правы. Но печататься рядом с такими людьми, водить компанию с теми, кто способен написать такое…[210]», и я ответил: «Я поставил восклицательный знак, чтобы выделить эту нелепость», после чего она сказала: «Надеюсь, что мои друзья будут защищать меня». На что я сказал: «Вы правы, должно быть, мне следовало известить редакцию о том, что я не согласен с этим пунктом». Тогда она подмигнула мне, чуть пожала руку. И сказала: «Ладно, все в порядке, вы все равно нравитесь мне».

Расскажите мне, какое впечатление произвела на вас Айн Рэнд в тот вечер.

Ну конечно же, в первую очередь глаза; главными в ней были глаза. Взгляд их был таким внимательным и глубоким, и держалась она настолько обходительно, и хотя мы обсуждали очень серьезные темы, однако я ощущал исходившую от нее теплоту, она говорила, не снисходя до тебя. Чужое мнение было всегда интересно ей. Еще она сказала мне: «Знаете, хотя многие, кто пишет с объективистской точки зрения, стараются подражать моей манере, но вы излагаете объективистские представления собственными словами, не пользуясь моей терминологией и так далее. Вы анализируете в такой же самой манере».

После того как мы поздно вернулись домой после общения с ними в первую ночь, на следующий день мы с Деллой отправились кататься на пароходе вокруг острова Манхэттен. Когда мы вернулись в отель, наши друзья ожидали нас, поскольку мисс Рэнд уже пыталась найти меня. Они передали нам ее не зарегистрированный в справочнике номер и сказали, что она хочет, чтобы я позвонил ей. Я позвонил, и вот вам еще одна характеристика Айн Рэнд: она сказала, что думала о том, как проходит мое профессиональное становление — знаете, как работает профессиональный рынок — ты делаешь себе имя, пишешь книгу, умную или глупую, становишься знаменитым, а

потом люди просят тебя написать обозрение. И они не примут его только на основании того, что у тебя есть что сказать. Она спросила меня, не буду ли я возражать, если она обратится в L. A. Times Syndicate и попробует уговорить их предоставить мне рубрику. Издававшее ее издательство в то время принадлежало компании, владевшей L. A. Times Syndicate — у нее были там связи. Она попросила моего разрешения, не проявив никакой бесцеремонности, и я сказал: «Ну, конечно».

Мы вернулись в Техас. Анна родилась на следующий день после того, как мы оказались дома. И мы дали ей имя Анна Рэнд Лайвли.

Вы сообщили об этом мисс Рэнд?

О да! Мы планировали, если родится девочка, назвать ее Анной, однако не подумали о втором имени. Деллу, свеженькую из родильной и не вполне еще пришедшую в себя, спросили о том, какое имя дать ребенку. Мою мать звали Джинни, таким же было второе имя у Деллы, и она сказала регистратору родильного отделения: «Анна Джинни». Но когда свидетельство о рождении выписали, я сказал: «Так нельзя. Надо назвать ее в честь мисс Рэнд». Мысль эта настолько досаждала нам, что мы наняли адвоката, он оформил все необходимые бумаги, и я официально изменил ее имя.

Случилось так, что мы пришли в суд для получения соответствующего документа как раз в день десятой годовщины со дня выхода в свет романа *Атлант расправил плечи.* Поэтому я отослал мисс Рэнд письмо, кажется, вместе с копией документа: Поздравляю с десятым днем рождения *Атланта.* Я тоже отметил этот день тем, что изменил имя своей дочери на Анна Рэнд. Так что одним из подлинных сокровищ моей дочери является юбилейный комплект *Атланта* в особом переплете и коробке, подписанный мисс Рэнд. Сразу после этого я написал мисс Рэнд, попросив, чтобы она надписала на одной из книг: «Анне». Я послал ей денег, однако она так и не обналичила этот чек, и написала небольшое посвящение на первой странице со своими инициалами.

Мисс Рэнд что-либо говорила вам о том, что вы дали своей дочери такое имя?

О да. Ей было очень приятно. Потом в 1978 году, когда Анне должно было вот-вот исполниться двенадцать лет, я повез ее к мисс Рэнд. Мы встретились с ней и ее мужем, долго сидели и разговаривали.

Сперва я, конечно, позвонил мисс Рэнд, чтобы узнать, можно ли ее посетить и привести с собой Анну. Мисс Рэнд ответила мне, что очень и очень занята; это было как раз в то время, когда она

писала сценарий мини-сериала по роману *Атлант расправил плечи* для NBC[211]. Еще она сказала, что я должен поклясться, что сохраню эту информацию в тайне, чтобы продюсер мог дать свой анонс: «Я не должна никому рассказывать об этом, но должна признаться вам в том, что одна из причин моей занятости и отсутствия свободного времени — то, что работаю над этим сценарием, однако все-таки должна выделить время на встречу с вами и вашей дочерью, поскольку в конце концов являюсь ее крестной». Я ответил: «Если простите украденную концепцию». И она ответила: «Концепция эта вовсе неплоха, и раз мы можем воспользоваться ею какое-то время, то сделаем это».

То есть это она сама первой назвала Анну своей «крестницей»?

О да, так она мне сказала.

Лайвли: *Анна, что ты помнишь об этом визите?*

Анна Лайвли: У меня осталось путаное воспоминание, но если бы мисс Рэнд не была такой милой, ее можно было даже испугаться: такой могущественной она казалась. Тем не менее эта крохотная женщина напоминала скорее чью-нибудь бабушку, только очень строгую и удивительную. Она держалась так тепло и мило, но ее глаза забыть невозможно, потому что от них невозможно было отвести взгляд. Ее словно окружало сияние, и даже в таком юном возрасте я была очарована. И я чувствовала себя в ее обществе совершенно непринужденно; она не заставляла меня нервничать, потому что она была такой дружелюбной, такой любящей и милой. Я чувствовала, что оказалась в обществе наделенного подлинным величием человека. Встречаясь с другими знаменитыми людьми, я не испытывала ничего подобного. Это была настоящая сила.

Скотт Макконнелл: *О чем же вы говорили?*

Забавно. Единственное, что я по-настоящему запомнила, это то, что я сказала ей, что ненавижу алгебру, что в ней нет никакого смысла, и она сразу начала рассказывать мне об алгебре и о том, зачем она нужна нам. Так что к тому времени, когда мы уходили от нее, я уже была уверена в том, что алгебра — величайшая вещь на всем белом свете. Не помню, что именно она мне сказала, но помню, что думала сама: лучшего объяснения я никогда не слыхала. Теперь я поняла, зачем нам нужна эта наука.

Эрл Лайвли: *Анна, ты помнишь, как она спросила тебя о том, кем ты хочешь стать, хотя еще и маловата, чтобы по-настоящему понимать это? Анна тогда только что посетила крупную выставку сокровищ фараона Тутанхамона.*

Анна Лайвли: Я сказала, что хочу стать археологом. А она сказала: и ездить по всем этим жутким странам?

Эрл Лайвли: Тогда Анна сказала, что подумывает об

археологии, но мисс Рэнд скривилась, как от лимона, и сказала: но, Анна, тогда тебе придется жить и работать в этих жутких странах… Ты сразу поняла, что Айн Рэнд не представитель «третьего мира». А мне в это время пришло в голову, что никто не любил эту страну, саму ее идею так, как любила она. Для нее наша страна была самой важной, она считала ее самым важным историческим фактом.

Анна Лайвли: Она оказалась очень и очень дружелюбной, очень душевной, и как сказал папа, не такой, какой ее представляли люди.

Эрл Лайвли: Я знаю, что она недолюбливала Рональда Рейгана. Она называла его соглашателем, однако в 1976 году я организовал общество «Пилоты за Рейгана»; я составил список всех летчиков Соединенных Штатов, мы раздавали значки с крыльями и поддерживали первичную кампанию Рейгана против Форда. Я спросил мисс Рэнд: «Как нам отнестись к кандидату на выборах 1980 года? Я знаю, что вы не любите Рональда Рейгана, потому что он — соглашатель. Я в точности знаю, почему вы так сказали, однако не вижу никого лучше». Она тут же упомянула Уильяма Саймона, возможно, лучшего среди кандидатов. И сказала, что он, возможно, был бы лучшим среди кандидатов, однако он свихнулся на католической религиозности и протаскивает ее в политику. Она сказала еще, что Алан Гринспен одобряет Рейгана и добавила: «Это хорошо, однако я никогда не смогу поддержать его». Я спросил ее о причинах подобного отношения, и она вспомнила его компромиссы во время борьбы с красными в Голливуде.

И на какие же компромиссы он пошел в Голливуде?

Она пояснила, что вместе с крупными шишками, руководством студий, намеревалась изгнать коммунистов из отрасли, они твердо стояли на своем и намеревались победить сторонников красных, и тут другая группа, которую возглавлял Рейган, начала вырабатывать компромисс между обеими сторонами, и эта группа помешала антикоммунистам изгнать красных. Я сказал: «Это ужасно», и она сказала: «Но это еще не самое плохое». Я спросил: «Что может быть хуже?» И она ответила: «Группа Рейгана называла себя „крайними средними“». Я ответил: «Ну это вообще один из самых презренных поступков, о которых мне доводилось слышать!» И никогда больше не голосовал за Рейгана — ни в 1980, ни в 1984 году.

Что еще интересного можете вы рассказать нам о мисс Рэнд?

Я спросил ее мнение об Александре Солженицыне, потому что заметил, как он постоянно поливает грязью Соединенные Штаты, в основном, потому что мы недостаточно религиозны. То

есть страна наша нехороша ему уже потому, что не страдает от религиозного наваждения. Я сказал, что заметил это в недавно произнесенной им в ООН речи, где он, как обычно, осуждал американское общество. На это мисс Рэнд сказала мне, что получила в ООН оригинальный русский текст его речи и перевела сама, так что никаких неясностей остаться уже не могло, и что переводчик смягчил его формулировки.

Она протянула руку к кофейному столику, взяла с него карикатуру Пата Олифанта[212], вырезанную ею из газеты, и сказала, что это лучший комментарий среди всех тех, что были сделаны по поводу речи Солженицына. На карикатуре была изображена русская старуха в плотном черном пальто и платке на голове в совершенно пустой комнате, в которую входит врач. В дальнем конце комнаты на полу сидит Солженицын. Над головой его грозовое облако, на полу перед ним американский настольный флаг. Он смотрит на него круглыми как блюдца глазами, а над головой его эта самая гроза, и женщина говорит: «И такое с ним происходит каждое Четвертое июля[213], доктор: все люди радуются и веселятся. Кругом счастье. О, какое же это тяжелое время для мистера Солженицына».

В другом углу комнаты сидят два таракана, и один из них говорит другому: «Возьми кнут и подбодри его». Мисс Рэнд сказала, что это лучший комментарий из всех, которые она видела.

Она не знала того, что я был знаком с Патом. И поэтому, вернувшись в Даллас, позвонил ему и рассказал всю историю и то, как она его похвалила. И спросил, не сохранился ли у него оригинал карикатуры в полный размер. Он немедленно и без колебаний ответил: «Ты хочешь, чтобы я послал ей карикатуру или намереваешься сам это сделать?» То есть и он оказался почитателем Айн Рэнд. Тогда я предложил: «Распишись на рисунке, и пришли мне, а я вставлю в рамку и отошлю ей». Что я и сделал. С надписью внизу: «Айн Рэнд, с наилучшими пожеланиями, Пат Олифант».

Могу еще кое-что рассказать вам об Айн Рэнд — она всегда любила хорошие идеи, кому бы они ни принадлежали. У меня был приятель по имени Гарри Никкербоккер-младший, подвигнувший меня к чтению ее произведений.

Она всегда уверяла, что философия и программы обучения плохи во всех колледжах, однако в некоторых колледжах они хуже, чем в других. И я вставил: «Друг Гарри Никкербоккер говорит, что все, что наши колледжи могут сделать нашим детям — это нехирургическую лоботомию». Она переспросила: «Он действительно так сказал?» О, эта фраза понравилась ей. Потом я

заметил, что еще он сказал, что если люди видят в капитализме лучшую или самую честную экономическую систему, то по его мнению капитализм является *единственной* экономической системой. Остальные системы не являются экономическими — это просто системы дележа добычи. Так что капитализм является единственной истинно *экономической* системой. Она решила, что это блестящая мысль.

Миссис Лайвли, наверно, вы разволновались, когда вам пришлось посетить мисс Рэнд?

Делла Лайвли: О да, я была в восторге! В те дни Эрл был достаточно популярным политическим обозревателем. Я знала, что мисс Рэнд выражала желание встретиться с ним и интересовалась его воззрениями. Я знала, что буду присутствовать при их встрече и слушать, но все равно волновалась. Мне предстояло познакомиться с женщиной, преобразившей мою жизнь своим романом *Атлант расправил плечи.* Потом она пришла с мужем. И хотя они с Эрлом получили полную возможность насладиться беседой, она постаралась проявить интерес и ко мне. Она знала, что я беременна — но в ту ночь еще не знала, что мы назовем свою маленькую девочку Анной Рэнд — и потому задавала мне вопросы о моем самочувствии и о том, насколько я взволнована перспективой появления первого ребенка. Она отнеслась ко мне со всей возможной теплотой и вниманием. И потом, когда я слышала, что люди называли ее холодной и занятой только собой, я всегда поправляла их и рассказывала, как очень и очень тепло она принимала меня в нью-йоркской квартире тем летним вечером 1966 года. Я никогда не забуду его.

Мисс Рэнд была еще и веселым человеком. Мы отвозили мистера О'Коннора и мисс Рэнд к их дому, потому что все мы засиделись до трех утра в доме наших друзей. Эрл был взволнован и всю дорогу пытался говорить с мисс Рэнд — он сидел за рулем, но все время поворачивал голову к ней — она сидела на правом заднем сиденье — наконец, она по-дружески похлопала его по плечу и с улыбкой сказала: «Эрл, мне очень интересно слышать то, что вы говорите, но, пожалуйста, больше не оглядывайтесь на меня — это же Нью-Йорк — и смотрите на дорогу, чтобы я целой приехала домой!»

На следующий день мисс Рэнд позвонила Эрлу в наш отель и сказала, что получила большое удовольствие от нашей встречи и особенно от беседы с ним. Они перезванивались по телефону до ее кончины.

Роберт Стэк

Роберт Стэк начал свою актерскую карьеру в Голливуде в 1939 году. С 1959 по 1963 год он блистал в популярном телесериале *Неприкасаемые* в роли известного чикагского агента ФБР Элиота Несса[214], за исполнение которой был награжден премией «Эмми»[215] как лучший актер 1960 года. Мистер Стэк скончался в 2003 году.

Дата интервью: 23 февраля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Ваше самое яркое воспоминание об Айн Рэнд?*

Роберт Стэк: Статья о *Неприкасаемых*[216], которую она напечатала в *Лос-Анджелес таймс.* Абсолютно уникальная статья. Я вставил ее в рамку и повесил на стене в собственном кабинете. Статья удивительная в своей полноте и достаточно полно объясняющая и мое, и ее собственное восприятие постановки. Статья стала прямым ответом критике *Неприкасаемых,* вызвавшей известную суету и брожение в обществе. Наша постановка представляла собой простое моралите, живописующее противостояние добра и зла, и я постарался, чтобы отрицательные герои выглядели именно так, какими они были на самом деле — как кучка подонков. Мы не изображали их сложными, запутавшимися людьми. Они получились у нас теми ублюдками, какими были на самом деле.

Меня в *Неприкасаемых* критиковали за сцены насилия. Но я сказал: нельзя изобразить зло, не изобразив при этом добро — и нельзя показать добро, не показав зло. И если мы не покажем те ужасные вещи, которые творили эти паразиты, в Нессе не будет никакой нужды. В итоге выясняется, что Несс был личностью. У него были свои причины для этого поступка. Он сделал все это по причине, быть может, апокрифичной, но важной ему, как считала Айн. Вместе с шестью другими парнями он занялся этим делом и сразился не только с городскими властями, но с Капоне и всеми прочими. Именно по этой причине Айн врубилась в наш спектакль в полном сочувствии к его концепции.

Особенное впечатление на меня в этой статье произвела ее заключительная часть, где Айн говорит: «Если вас волнует нравственное воздействие на детей, спросите себя о том, какой способ лучше поможет вам сформировать нравственный облик ребенка: убеждение в том, что возможны справедливость, нравственные ценности, борьба за них и победа, что на свете

бывают герои, которым можно подражать — или же уверенность в том, что ничто подобное невозможно и все дозволено, что добро, к которому он отчаянно стремится — всего только иллюзия, а искушающее его зло сулит ему любовную симпатию, что никто не поможет ему в его делах. И что нет выхода из того течения, которое будто бы уготовала ему жизнь. Что сформирует его душу? То, что, возможно, заставило вас отречься от собственной?»

В ответ я послал ей записку, текст которой привожу ниже:

«Дорогая мисс Рэнд, мне хотелось бы поблагодарить вас за чудесную статью по поводу ТВ и, в частности, *Неприкасаемых*. Подобные моменты подлинного признания в нашей профессии чрезвычайно редки. Я навсегда запомнил слова одного старого актера на характерных ролях, сказанные мне, когда я только начинал свою карьеру. Он сказал мне, что в первую очередь актер должен стараться заслужить уважение тех немногих, кого он по-настоящему уважает. И я думаю, что даже этот суровый шотландец был бы приятно удивлен статьей, опубликованной Айн Рэнд на редакторской странице».

Эта статья стала для меня знаком отличия. Она была написана безупречным английским языком, во многом забытым сейчас. Читая ее статью, — соглашаясь с ней или нет — ты говоришь себе: вот работа блестящего интеллектуала. Поэтому я и вставил ее в рамку.

Какое воздействие на вас произвела эта статья, в особенности в период так сказать, гонений?

Это было подтверждение моей правоты. Как я сказал продюсерам в самом начале: тот, кто станет прославлять или оправдывать этих типов, должен учесть, что говорит он о самой низшей форме жизни. Так сказать, придает им человеческий облик. Я не намеревался этого делать. Элиот Несс взялся за дело вместе с шестью другими парнями, и он объявил войну преступности, совершив поступок, близкий к самоубийству, бросив вызов этим животным, которые владели Чикаго. Ну, если он и не Рорк из *Источника*, то, во всяком случае, человек, пошедший против течения, против коррупции, владевшей этим городом. Статья эта разом разрешила всю проблему. Она является выдающимся литературным произведением, она поразила меня до глубины души своей постановкой: хорошие парни против плохих. И все это уходит корнями во Вторую мировую, Иводзиму, Гуадалканал[217], к людям, рисковавшим жизнью ради своей страны, к тем, кто чтит свой флаг, попросту к героям. Там находится и мое сердце.

Читая все это, я ощущал нашу духовную близость. Когда ты выступаешь в качестве исполнителя, то всякий раз надеешься и

молишься, чтобы кто-то понял, что ты делаешь. Ты расходуешь свою жизнь, отдавая людям плоды своего труда и надеясь на то, что тебя поймут на противоположном конце. Кто-то говорил, что это все равно как шептать в открытую бочку, надеясь, что тебя услышат с глухого торца. Однако в отношении статьи мисс Рэнд можно сказать, что она приносит ощущение не только того, что ты достоин похвал, но и того, что на том, глухом конце целиком и полностью услышали то, что ты с таким отчаянием пытался донести, и высказали свое мнение в форме, на которую ты даже не смел надеяться. Читая эту статью, я ощущал, что полностью согласен с ней.

Вы упомянули имя Говарда Рорка. Он был вашим героем?

Был. Существуют такие области, куда можно попасть, если довести ее философию до логического предела; можно довести ее до такого места, где ты становишься во всем настроенным против правительства, а личность имеет право даже на то, чтобы кричать: «Караул! Караул!» Однако я понял Рорка и понял, откуда мисс Рэнд взяла его. Я думаю, что *Источник* заслуживает некоторых уточнений, однако в общем и целом именно индивидуализм сделал эту страну великой, именно он приводил ее в действие с самого момента возникновения. Помню, одна молодая леди написала статью, порицавшую героизм, в которой она утверждала, что мы должны уделять больше внимания отваге обыкновенного человека, которому приходится вставать по утрам и заниматься всякой суетой.

Что в личности Говарда Рорка особенно радовало вас или восхищало?

Те из нас, кто пытается созидать, делают это под ритм собственного барабанщика. И Рорк исполнил свою творческую мечту, несмотря на противодействие по всем фронтам.

Какая конкретная сцена романа или фильма Источник *вдохновляла вас или доставляла особое удовольствие?*

Будучи так называемым артистом, думаю, я только что подчеркнул упорное продвижение Рорка к намеченной цели, не признающее никаких преград на своем пути, вплоть до того, что его можно назвать «экстремистом». Творческие соки, на мой взгляд, — будь ты концертирующим пианистом, архитектором, да кем угодно, — теоретически должны быть ярко выраженными, чистыми и подлинными и направленными к той цели, о которой повествует данная отрасль искусства, если в данном случае речь об искусстве. Возьмите того же Фрэнка Ллойда Райта. Возьмите любого, кто добился поставленной себе цели своим собственным путем, не испытав потребности как-то определять ее. Более всего меня удивляет то, что происходит постоянная битва между

художником и прагматиком с другой стороны, который хочет, чтобы она продолжалась по другой причине.

Когда вы впервые прочитали Источник?

Как только этот роман вышел в свет. Он оказался бестселлером, и, конечно, всем хотелось сыграть Рорка.

И вы сыграли?

О, конечно!

Вы пробовались на роль или получили возможность?

Когда на роль претендуют Гэри Купер и Кларк Гейбл, особо молиться не о чем.

Источник стал одной из ваших любимых книг?

Да, я до сих пор люблю эту книгу.

Арнольд Ньюман [218]

Арнольд Ньюман был пользующимся мировой славой фотопортретистом, создававшим портреты всех американских президентов и премьер-министров Израиля за последние пять десятков лет. В 1964 году он фотографировал мисс Рэнд. Мистер Ньюман скончался в 2006 году.

Дата интервью: 5 апреля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как случилось, что вы стали снимать Айн Рэнд?*

Арнольд Ньюман: Насколько я помню, меня попросили об этом ее издатели из Новой Американской Библиотеки. Я предпочитаю снимать человека в привычной ему обстановке. Я спросил ее о том, где она работает, она ответила: «У себя на квартире», — и пригласила меня домой. Я приехал к ней, — она была с мужем и держалась настороженно — осмотрелся и несколько изумился. Все вокруг было покрыто плотным полиэтиленом: ковры, кресла, диван, лампы — словом, все; я был попросту изумлен, но, конечно же, ничего не сказал. Потом мы договорились, что созвонимся для того, чтобы назначить окончательную дату и время съемки. Не знаю, было ли это сказано тогда или позже, однако она сказала мне, что предпочитает сниматься в моей студии — и не хочет, чтобы я фотографировал ее дома.

Читали ли вы ее произведения?

Я читал некоторые из них. Ну, не то чтобы они мне не понравились — я хочу сказать, что был не согласен с ней, поэтому я читал не слишком много.

Потом она пришла в мою студию, и на ней была эта ее любимая брошка — со знаком доллара. Не знаю, видели ли вы сделанные мною снимки, но на них она была в черном платье со знаком доллара. Я сделал несколько крупных планов, и так далее, и не скажу, чтобы между нами завязался сколько-нибудь интересный разговор.

Было ли что-нибудь особенное в ее лице и позе?

Что касается лица, Айн Рэнд нельзя было назвать красивой в голливудском смысле. Однако соображения подобного рода не смущают меня, когда я снимаю людей. Я снимаю людей, а не лица, но у нее было морщинистое лицо, и я снял ее такой, какая она была. Я не пытался сделать ее красавицей и не пытался изобразить уродкой. Мое дело — поймать реальность. И

особенно, имея дело с женщинами, я избегаю всего, что может быть им неприятно в себе самих, во внешности или личности. На одном из снимков она только что прикрыла глаза, как бы задумавшись или что-то вроде того, и я сделал снимок. Я его не использовал, остальные были почти такими же, но на них глаза ее были открыты[219].

Каким было предназначение этого снимка? Он предназначался на обложку книги?[220]

Наверно, или на заднюю страницу суперобложки.

Что вы намеревались поймать в ней?

Я никогда не пытаюсь что-либо «поймать». В известном смысле я стараюсь зафиксировать некий общий знаменатель личности. Впрочем, нет. Люди обыкновенно достаточно хорошо презентуют себя. С этим у меня не бывает никаких проблем — я не пытаюсь уловить душу. К чертям. Если священники, раввины и психологи не в состоянии объяснить, что представляет собой душа, то с какой стати должен отвечать за них я? Я всего только фотограф. И я ищу этот самый общий знаменатель личности; я пытаюсь заставить людей расслабиться, так, чтобы, пусть на мгновение, но эта напряженность оставила их, чтобы они забыли о том, что их сейчас снимают. Я пытаюсь зафиксировать то, что они представляют собой на отдыхе.

Случалось ли вам ехать в общественном транспорте, не важно, в автобусе или на метро, словом, там, где люди присаживаются на какое-то время? Мне приходилось замечать, что при этом на лицах появляется совершенно нейтральное выражение, очень часто именно такое, какого я ищу. Впрочем, иногда люди склоняются к юмору, унынию или надменности, что и фиксирует снимок.

И как, по вашему мнению, вышла Айн Рэнд?

Думается, на том снимке, где она закрыла глаза, в ней было много от мечтательницы, человека, старающегося навязать всем прочим остальным собственное понимание жизни и бизнеса, вокруг которого должно вращаться все остальное.

И какова она была в качестве фотомодели?

Она не была моделью. Модель заведомо лишена характера. Она была личностью, и именно личность я фотографировал. Она охотно участвовала в съемках — то есть я не помню никаких возражений или требований с ее стороны или чего-то еще в этом роде. Она пришла в мою студию в платье, и в этом единственном платье я ее снимал.

На нескольких фотографиях у нее на шее косынка. Очень интересная подробность.

Да, но только на некоторых, не на большинстве.

Похоже, вы снимали ее в полутонах.

О да, когда она стояла. Не помню, почему я так поступил. Это ужасный снимок. На одной из подобных фотографий она стоит, уперев руки в бока. Смотрит напряженно или чуть улыбается. Она не была одинаковой: думаю, ей хотелось выглядеть внимательной и очень серьезной.

Вы, безусловно, уловили этот момент.

Клиенты часто сами выдают свою сущность — скажем так.

И как долго продолжался сеанс?

Ну, не знаю; должно быть, примерно час. Во время него не произошло никаких событий, которые могли бы запомниться мне. Но когда я теперь смотрю на эти снимки, то понимаю, что мы сделали достаточно много, и она хорошо помогала мне.

Сколько же снимков сохранилось у вас?

На одном из них стоит число «48», это немало для подобного сеанса.

Какое же впечатление осталось у вас об Айн Рэнд после общения с ней?

Она была человеком прямым, лишенным всяких выкрутасов. И очень умным. Я сознательно не стал тогда говорить с ней о ее книгах, потому что не со всем в них был согласен, а это значит, что мы ограничились легким разговором.

Какого вы мнения о ее фотографиях?

Они помещены в несколько моих альбомов. Как мне кажется, та, которой воспользовались в NAL, представляла собой очень хороший портрет, и я думаю, что неплохо потрудился, запечатлевая Айн Рэнд.

Элвин Тоффлер

Элвин Тоффлер, автор книг *Шок будущего* (*Future Shock)* и *Третья волна (The Third Wave),* интервьюировал Айн Рэнд в 1964 году для мартовского номера журнала *Плейбой.*

Дата интервью: 17 февраля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Почему руководство журнала* Плейбой *выбрало вас интервьюировать мисс Рэнд в декабре 1963 года?*

Элвин Тоффлер: Просто потому что я уже делал интервью для журнала, и они нравились руководству. Я был компетентным журналистом. Не думаю, чтобы здесь крылся какой-то особый резон.

Вы придерживались тогда прочных идеологических убеждений?

Я скорее отмахивался от всяких идеологий, чем принимал их. К тому времени мои взгляды сделались неопределенными, однако начинал я с крайне левой позиции, от которой мигрировал в противоположную сторону. Я предполагал, что Айн Рэнд придерживается крайних взглядов, однако она была очень проницательной леди, и я, откровенно говоря, не слишком много знал о ней, пока кто-то не сказал мне: «Будь начеку».

И что же вам было известно о ней?

Я знал, что она противоречивый человек. Должно быть, я прочитал несколько критических разборов романа *Атлант расправил плечи.* Забавно сказать: получив это задание, я принял решение прочитать все ее произведения, которые сумею найти, за исключением романа *Атлант расправил плечи* на одиннадцати сотнях внушительных страниц. И я явился к ней, волоча — в те-то дни — огромный ленточный магнитофон. Я провел с ней довольно много времени, возможно, час или два. В какой-то миг она распрямилась и подлинно прокурорским тоном произнесла: «Вы не читали *Атлант расправил плечи*!» И я с трепетом признался, что да, она права, и я читал все, кроме *Атланта.* Тогда она проговорила: «Убирайтесь отсюда и не возвращайтесь до тех пор, пока не прочтете». Что я и сделал. Это было и вправду забавно.

А потом она задавала вам вопросы, чтобы определить, действительно ли вы прочли Атланта?

Послушайте, мы, авторы, чувствуем такое за десять миль.

И какое же впечатление о ней возникло у вас после встречи с ней?

Удивление. Я не думал, что она говорит с акцентом, и вообще

она напомнила мне добрую еврейскую бабушку.

Опишите процесс интервью.

Первый сеанс занял, по всей видимости, пару часов и проходил в ее квартире, в Манхэттене. Когда я вернулся к ней во второй раз, не помню, сколько продлилось интервью. Я не оспаривал ее взгляды. Как интервьюер я должен был осветить их, и думаю, именно это я и сделал. Она была очень удивительным человеком. Встречу с ней забыть невозможно, особенно если она выставила тебя и пригласила вернуться обратно.

Почему вы выбрали именно такие вопросы и темы?

Должно быть, потому, что они отражали мои собственные интересы. Я всегда интересовался социологией в плане социального анализа и экономики, а также философии. Интервью было продолжительным, за это время можно было составить новые идеи, почему мне, собственно, и нравился этот процесс.

Можете ли вы вспомнить, кто именно решал, какие вопросы и ответы публиковать?

В *Плейбое* говорили: «Возьмешь интервью у X, Y, Z» — и могли наметить интересовавшие редакцию вопросы, однако я сам должен был составить список предполагаемых вопросов и, возможно, отослать его в журнал на утверждение.

Насколько я помню, в то время ее настолько допекала пресса, что она самым свирепым образом желала контролировать все части этого процесса, включая — и это далеко выходит за привычные рамки — подписи под снимками. Обычно это не позволяется интервьюируемому. Те, кого я интервьюировал, обыкновенно об этом не просили.

Осуществляла ли она редактирование какого-либо рода?

Каким-то механизмом контроля она располагала. Но не могла осуществлять его без предварительного прочтения. Впрочем, не помню никаких крупных противоречий и трудностей.

Что вы думаете о ее ответах?

Проницательные! Она была в высшей степени умным и проницательным человеком. Располагая своей философской системой, она, возможно, была способна предвидеть направление любого вопроса и располагала четко сформулированными ответами на них.

Какое мнение у вас сложилось об этом интервью от плохого?

На мой взгляд, оно удалось мне, однако я, конечно же, заинтересованное лицо. Чтобы понять весь блеск ее ума, не обязательно было соглашаться с ней.

Как интервьюер скажите, чем отличается хорошее интервью от плохого?

Дело интервьюера, особенно в свете того, что я уже рассказал

вам, требует хорошей домашней подготовки — нельзя забывать в каждом случае вовремя прочесть своих *Атлантов*.

Как писатель и журналист я встречался с самыми интересными людьми, начиная от президентов и премьер-министров и кончая нобелевскими лауреатами, и высоко ставлю ее в этой компании. Она никогда не растворялась в тени. Она блистала.

Таня Гроссинджер

В 1964 году Таня Гроссинджер работала в качестве обозревателя в журнале *Плейбой*.

Дата интервью: 11 февраля 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Таня Гроссинджер: Я руководила радиорекламой журнала *Плейбой* в Нью-Йорке. В то время моей обязанностью было устраивать людей, дававших нам интервью, в радио- и телевизионные диспуты.

Я должна была делать макеты интервью примерно за два месяца до их публикации. Поэтому, получив текст интервью Айн Рэнд и номер ее телефона, я позвонила ей и предложила поучаствовать. Она ответила полным согласием и дала мне свой адрес. И мы назначили дату моего приезда в ее дом для того, чтобы познакомиться. Мне понравилось то, что она сразу пригласила меня к себе. Некоторые люди не хотят этого делать до того, как познакомятся с тобой, либо просто не желают видеть чужого человека в своем доме.

Так сложилась моя первая встреча с Айн Рэнд. Я стучу в дверь, и она открывает мне будучи в фартуке. Она ожидает кого-то, кто должен починить ей холодильник. Фрэнк тоже дома с кошками, и она говорит мне: Вот вам Айн Рэнд, известный философ, не способный добиться, чтобы в ее доме исправили холодильник. И тут я решаю, несмотря на то что была категорически настроена против ее философии, что женщина эта что надо.

Расскажите мне о тех интервью, которые вы устраивали.

Я устроила ее в радиоинтервью к Барри Фарберу на радио WOR[221]. В мои обязанности входило забирать писателей и доставлять их на радиостанцию. В тот самый день был парад Святого Патрика, и потому мы не могли выполнить свои обязанности обыкновенным образом. Она сказала, что не видит в этом никакой проблемы, возьмет такси и встретится со мной на радиостанции, находившейся на углу Бродвея и 41-й стрит в Нью-Йорке.

Я первой приехала туда, ее еще не было, а шоу было назначено на семь вечера. И вот 6.30, потом 6.45, потом 6.50, потом 6.55. Барри Фарбер не рад. Я не рада. И мы не знаем, где находится Айн Рэнд и рада она или нет.

Почему она опоздала на интервью?

Это же был день Святого Патрика; и она не сумела прорваться к нам. Наконец Барри говорит мне: «У нас нет выбора, и ты должна действовать. Ты будешь у нас Айн Рэнд». Я ответила, что так не пойдет, потому что я не только не Айн Рэнд, но категорически против всего, что она говорит. Тут он говорит: значит, расскажешь все это в эфире. Ну, и мы целый час даем в эфир мое мнение об Айн Рэнд. Я настаивала на том, что это — удивительная женщина, что я восхищена ею как личностью, однако не согласна с ее философией. Случилось так, что мы с Айн никогда не разговаривали о моем отношении ко всему, что она намеревалась сказать, потому что это не имело никакого касательства к нашим отношениям. Итак, шоу закончено, и в студии звонит телефон. Барри Фарбер говорит мне: «Таня, это тебя».

Я беру трубку, говорю «алло» и слышу голос Айн Рэнд: «Никогда не думала, что вы именно так относитесь к моей работе». Я ответила: «К вашей философии, а не к вашим произведениям. Мне очень жаль, что так получилось». Она самым спокойным образом сказала мне: «Хорошо, вы у меня в долгу. Сегодня вечером вы побывали Айн Рэнд, а в следующий раз, когда в „Плейбой-клубе“ соберутся журналисты, я побуду Таней Гроссинджер». Отказать было невозможно, так что я ответила: «Хорошо».

Однако, закончив шоу, я поняла, что сделала не то, что нужно. Моя работа заключалась не в том, чтобы рассказывать в эфире о том, как я отношусь к объективизму. Я должна была рекламировать ее, а не выкладывать свое несогласие. Но она восприняла этот факт с таким юмором. Она смеялась, хотя могла бы и расстроиться. Но не расстроилась, а сказала мне: «Я тебе отомщу». Но с таким удивительным обаянием. Это было удивительно.

Похоже, что вы действительно нашли общий язык.

Да, я отнеслась к ней как к интересному писателю. Я прочитала ее книги и сказала ей, что не согласна с ее мнением. И она уважила мое несогласие. Никакого обмена резкостями между нами не было. Она никогда не пыталась переубедить меня. И только однажды сказала: «Знаете, наверно, вам стоит еще раз перечитать все это. Я не уверена в том, что вы действительно поняли то, что я хочу сказать». Я ответила: «А что, внушительная перспектива». И после этого Айн Рэнд прислала мне все свои книги и велела читать. Тонко сработано.

И вы взяли Айн Рэнд с собой в «Плейбой-клуб»?

В то время за мной ухаживал врач-шотландец, и мы вчетвером — я с Эндрю, Айн и Фрэнк — планировали отобедать в

вип-зале «Плейбой-клуба», очаровательном, по правде сказать, месте.

Я сказала ей: «Вы понимаете, что мы устроили себе двойное свидание?» Она только расхохоталась. С ней действительно было весело.

За обедом включается мой пейджер; приехали какие-то немецкие журналисты, и им нужен гид. Айн Рэнд смотрит на меня и говорит: «О'кей». Я провожаю ее вниз к журналистам. Они, конечно, никогда не встречались со мной, и она говорит им: «Привет, я — Таня Гроссинджер, позвольте мне показать вам клуб. Знаете ли вы, что Хью Хефнер[222] спит со всеми зайками?»

Я пришла в полный ужас, то есть люди уже смотрели на нее, задавая себе вопрос: «Неужели эта самая особа и ведает общественными связями *Плейбоя?»* А она все продолжала рассказывать о зайках: «Будьте внимательны, смотрите, чтобы они не пролили на вас кофе. Клуб выглядит очень симпатично, и зайки должны быть вышколенными, однако с улицы заходят всякие и надевают свои ушки». Это уже был настоящий фарс.

Так она выступала минут десять, и они делали заметки и снимали на телекамеру. Шутка уже превращалась в настоящую неприятность. Так что, наконец, она заходится смехом и объявляет: «Простите меня, на самом деле я не Таня Гроссинджер. Ею является та самая женщина, которая стоит за мной и вот-вот упадет в обморок». Тут я представилась и сказала: «А теперь позвольте мне представить даму, только что познакомившую вас с клубом». Она сказала: «Не смей». И я ответила: «Вот еще. Леди и джентльмены, перед вами Айн Рэнд». В итоге они взяли у нее короткое интервью, и мы пригласили их присоединиться к нам за столиком. Это было великолепно.

А что в это время делал Фрэнк О'Коннор?

Они с моим кавалером мирно обедали, понимая, чем все это закончится, и не желая принимать участия в фарсе. Однако я хотела подчеркнуть, что Айн была наделена воистину убийственным чувством юмора. Она была восхитительной личностью, но все, кто писал о ней, выставляли ее очень трезвой особой — я стала ее поклонницей в личном, но не философском плане — и никто и никогда не заметил то чувство юмора, каким она обладала. И я ценю это воспоминание, потому что никогда не слышала, чтобы кто-то характеризовал ее иначе, чем жесткой и строгой леди.

Потом мы поддерживали контакт. И если я ей не звонила, то звонила она: «Ты совсем забыла меня». Мы испытывали друг к другу подлинную симпатию, обедали вместе, но никогда не разговаривали о ее или моих делах, просто разговаривали, как

все люди. Я поняла, что она потрясающий человек и, по сути дела, обожала ее.

Интересно, как она отнеслась к наготе… вы говорили об этом?

Нет, но пребывание в Плейбой-клубе ничем не смущало ее. Помню, однажды, еще до интервью, я спросила, согласится ли она побывать вместе со мной в этом клубе или предпочтет какое-то другое место. Она сказала: «Нет, в клубе будет хорошо».

Она была там несколько раз, обычно вместе с Фрэнком. Однажды я сказала ей: «Вот что, сегодня вечером нам не нужно быть именно в клубе и можем пойти куда-то еще». Она сказала: «Нет, мне здесь нравится».

О чем же вы разговаривали с Айн Рэнд?

Обо всем. Я выросла в горах Катскилл[223] в курортном отеле, называвшемся У Гроссинджеров[224]. Ее интересовало, как проходило мое детство. Она хотела знать, как можно расти в отеле.

Что именно?

Знаменитости в их подлинном облике, и как может ребенок расти в такой атмосфере. Течение моей жизни по-настоящему интересовало ее. Во время работы в *Плейбое* мне приходилось иметь дело с рядом выдающихся личностей, кого-то я интересовала как человек, кого-то нет — но она проявляла подлинный интерес.

Расскажите мне о Фрэнке О'Конноре.

Фрэнк был человеком тихим, но очень обаятельным, и она была предана ему. Помню, когда я познакомилась с ним, он был окружен кошками. Он очень тепло отнесся ко мне, поблагодарил за то, что я пришла к ним в дом, и вообще столько делаю для Айн, устраивая эти интервью.

Что вы можете сказать об Айн Рэнд как о личности?

Мое восприятие противоречит стереотипу. Ее принято считать холодной, но я никакого холода в ее характере не наблюдаю. Я провела в ее обществе много времени и потому воспринимаю ее не через произведения, не через объективизм. Она не старалась произвести на меня впечатление. Я тоже не старалась перед нею блеснуть. И она не пыталась обратить меня в свою веру.

Уэсли Халперт

Уэсли Халперт был дантистом Айн Рэнд.

Дата интервью: 21 января 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Когда Айн Рэнд стала вашей пациенткой?*

Уэсли Халперт: В 1960 году ее направил ко мне один из ее знакомых, Алан Гринспен.

Почему он рекомендовал ей вас?

Я был его дантистом. И он считал, что я хороший дантист.

Айн, как и все прочие люди, не любила ходить к зубным врачам. Однако как человек рациональный она понимала, что я могу сделать для нее, и обратилась ко мне.

Она интересовалась вашим послужным списком, прежде чем стать вашей пациенткой?

Нет. Я имел самые отличные рекомендации от многих людей, так что она решила довериться мне — ну и кроме того, моя внешность и личность соответствовали ее требованиям к своему врачу. С ней было приятно работать. Однажды она даже пришла ко мне на дом, когда я жил в Вестчестере. По большей части наши встречи происходили до 1965 года. Я посещал ее лекции, и обыкновенно мы приятно беседовали. Я восхищался ею.

И как она оценивала вашу работу?

О, ей нравились ее результаты. Она рекомендовала меня другим пациентам, так что можно не сомневаться в том, что она была довольна мной.

Мисс Рэнд что-либо говорила вам о лечении зубов?

Нет, она целиком полагалась на меня. Конечно, я все объяснял ей, и это производило на нее соответствующее впечатление.

То есть она хотела все знать?

Конечно. И я объяснял ей все что и почему, потому что никогда ничего не делаю, не имея для этого причины.

Айн приходила ко мне по вечерам в пятницу, и сначала мы занимались делом, а потом говорили. Я отводил для нее целиком весь вечер. Это было удивительное время, мы обсуждали самые разнообразные текущие, да и вечные вопросы. Мы обсуждали проблемы, связанные с наркоманией и смертной казнью. Она разъяснила мне многие пункты собственной философии, касающиеся, например, понимания психоэпистемологии личности, мы говорили о том, как вредит детям иррациональное поведение родителей. Этот пункт был для нее очень важным. Она

считала, что детей могут иметь только люди, подготовленные для этого дела и способные воспитать своих детей рациональным образом.

Обычно я отвозил ее домой в небольшом спортивном автомобиле, ей нравились эти поездки. Она жила тогда на 36-й стрит.

Вы разговаривали на романтические темы — об ухаживании, свиданиях, браке?

Да, она всегда с восхищением говорила о своем муже Фрэнке. Кстати, он тоже стал моим пациентом. Она говорила мне, что когда увидела его, то сразу подумала: «Вот мой идеал». Должно быть, она хотела этим сказать, что сразу поняла то, что хочет выйти замуж именно за этого человека. Она очень любила его.

Она рассказывала вам что-нибудь еще об их взаимоотношениях или своей любви к нему?

Нет, эта любовь чувствовалась в ней всегда. Лицо ее светилось, когда она заговаривала о нем.

Можете ли вы описать мистера О'Коннора?

Очень симпатичный мужчина, одевавшийся в броском стиле. Еще он носил большую шляпу, как Фрэнк Ллойд Райт.

Беседы с вами занимали много ее времени. Зачем это было ей нужно?

Я нравился ей как человек и как профессионал. Она считала, что я очень рациональным образом подхожу к своей работе. Она рассказывала мне интересные вещи. И однажды сказала мне: «Когда вы заняты работой, ваше лицо начинает светиться, вы словно оживаете, видно, что вы заняты любимым делом и вам хорошо. А потом, закончив лечение, расслабляетесь и становитесь совсем не тем человеком, каким были за работой». Это не изменилось: я по-прежнему зажигаюсь, когда работаю. Она заметила это. Она вообще замечала такие вещи, которые могут заметить немногие.

Скажу вам еще одну важную вещь, которую Айн Рэнд говорила мне: она сказала, что не нуждается в бестолковых последователях. Она говорила, что люди, не способные самостоятельно разобраться в концепциях, не интересны ей. Она не хотела иметь возле себя таких людей. Ей хотелось дружить с теми, кто собственным разумом понимал ее идеи.

Вы уже прочли к этому времени Атланта?

О да, *Атлант* — чудесная книга. В первую очередь очень увлекательная. Более того, я увидел, как ее предсказания начинали сбываться. Когда китайские коммунисты разгоняли фермы и приказывали всем плавить сталь на своем заднем дворе, она предсказывала, что из этого ничего не получится. Она

осмеивала эту идею, и та лопнула, а китайцы заработали на свои головы голод.

Еще она говорила мне, что в нашей стране слишком боятся русских.

Она утверждала, что при столь иррациональном мышлении они не могут и не смогут построить общество, которое сможет реально производить оружие и все прочее, что может сделать их опасными для США. Так что явился Горбачев, и ее слова подтвердились. Кроме того, в то самое время египтяне возводили Асуанскую плотину, и материалы, которые они получали из Советского Союза, оказались настолько некачественными, что им пришлось отказаться от них и провести закупки, как мне кажется, во Франции. Она предсказывала все это. Я так и сказал своей жене: «Она предсказывала все это, и смотри, что сейчас происходит». Она все предсказала в своем романе *Атлант расправил плечи.*

Она что-нибудь еще говорила о Советах или коммунистах?

Она выдвигала и предлагала очень важный принцип: если нечто неправильно с философской точки зрения, оно не сработает. Поначалу может показаться иначе из-за тех подпорок, которыми люди пытаются укрепить ошибочное предприятие, но в итоге тебя ждет неудача. Именно так она относилась к Советам — это неразумное предприятие, и оно провалится.

Помню, что когда появился лозунг «Лучше быть красным, чем мертвым», она тут же развернула его в обратную сторону: «Лучше быть мертвым, чем красным».

Случалось ли вам обсуждать с мисс Рэнд политико-экономическую ситуацию, в которую вы как дантист попали в 1960-х годах в связи с покушением правительства на медицинские профессии методами программы «Медикэр»?

Конечно. Айн видела в этих мерах угрозу самому существованию медицины как профессии. Подобная перспектива очень расстраивала ее.

Джон Хиггинс

Ветеринар Джон Хиггинс следил за здоровьем кошек Айн Рэнд.

Дата интервью: 9 июня 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы попали в ветеринары кошек Айн Рэнд?*

Джон Хиггинс: Примерно в середине 1960-х годов меня рекомендовал ей кто-то из знакомых. У нее был кот по имени Фриско. Интересно уже то, что я запомнил имя этого животного. Такое впечатление оно на меня произвело.

И чем же вам запомнился Фриско?

Это был старый и хороший кот, однако он страдал от болезни почек, трудноизлечимого заболевания, именуемого «хроническим интерстициальным нефритом». Он является следствием старения почки. Коту, как мне кажется, было лет двенадцать-тринадцать, то есть по тем временам это было достаточно много для кошки. Теперь благодаря достижениям современной медицинской науки эти животные живут несколько дольше.

Айн Рэнд и Фрэнк О'Коннор привезли к нам этого кота, мы обследовали его и сделали все анализы. С клинической точки зрения было очевидно, что у животного отказали почки. Вечером я попробовал объяснить ей ситуацию: она была очень и очень умна, но странным образом непонятлива. Она слушала меня очень внимательно — муж стоял чуть позади нее, и оба они были очень расстроены. Они понимали, что кот очень болен. Я попытался объяснить ей, что почечная ткань постоянно изнашивается, поскольку клетки ее не восстанавливаются, так что с каждым годом ты теряешь все больше и больше почечных клеток, и токсины удаляются в недостаточной мере и остаются в организме. Рано или поздно организм рушится по спирали.

Мы пытались справиться с проблемой, и как мне кажется, прибегли к интенсивному лечению. Спустя какое-то время мне пришлось сказать ей, что животное не идет на поправку, его тошнит, кот теряет вес и что нужно рассматривать ситуацию с точки зрения качества жизни самого кота. И я был изумлен тем фактом, что хотя она была очень заботливой и достойной женщиной — так сказать, кошачьей породы, и я говорю это в весьма положительном смысле, — она не поняла ничего. И спросила меня: «Доктор, ну почему это случилось с моим котом?» Мне пришлось вернуться назад и начать объяснения заново, —

что почки изнашиваются, теряют клетки, качество жизни кота необратимо ухудшается. И тут она снова говорит: «Но почему Фриско? Почему именно мой кот?» Ну как малое дитя, пытающееся понять, почему занемогла ее любимая игрушка, ее котик.

Некоторые люди спрашивают, почему подобное происходит, ты объясняешь им, и они принимают твое объяснение, но у других людей в таком случае включается защитный механизм; они просто не хотят верить в неприятную перспективу. Но чтобы настолько по-детски вела себя очень интеллектуальная и одухотворенная особа… Мне показалось несколько, что она не может — или даже не хочет — понимать меня. Ее муж, я помню это, стоял рядом. Такой мягкий, чувствительный человек, художник, очень внимательный и надежный. Судя по его глазам, он прекрасно понимал меня.

Я прекрасно запомнил всю сценку, потому что запомнил его лицо, прекрасное, полное сочувствия. Он был в известном смысле смущен тем, что эта великая женщина, известная всему миру, не может уразуметь одну вещь. Вот что запечатлелось в моей памяти.

Я не осуждаю ее, скорее всего она, человек возвышенный, просто верила в то, что случится чудо, что животное поправится и выживет, переборет ситуацию.

Еще мне кажется, что она и в самом деле понимала кошачью личность.

А также, что с котом ее соединяла такая прочная связь, что отрицание неизбежного было для нее естественным. Просто случилось так, что отрицание это обрело субъективную, а не объективную форму. Такая невинная подробность.

Но более всего меня потрясла не ее репутация, а сама женщина — ее благородное, теплое, полное любви и заботы отношение к коту, что всегда подкупало меня. Это животное и на самом деле было очень дорого ей.

Вы сказали, что Айн Рэнд была «кошачьей породы»?

Я хотел этим сказать то, что она явно понимала кошачью личность. Она как будто бы обладала такой же гибкостью. Например, с львицей труднее иметь дело в дикой природе, потому что она защищает детей, в то время как самец ходит и занимается своими делами, но львица более упряма. Айн Рэнд казалась мне более упорной личностью, однако лишенной жесткости или жестокости. Это комплимент, когда говорят, что ты похожа на кошку и сильна. Думаю, что она уважала кошек и их дух.

Мистер и миссис О'Коннор всегда приходили в вашу лечебницу

вместе?

Да. Ни он, ни она никогда не появлялись у нас с кошкой в одиночестве. Они, как родители, всегда приходили вместе. Все выглядело так, будто она была не столько знаменитостью, сколько кошатницей и мамой своих кошек.

Перри Нолтон

Перри Нолтон являлся литературным агентом Айн Рэнд в агентстве Curtis Brown начиная с 1957 года до ее смерти в 1982 году. Он являлся владельцем и президентом этого агентства до того, как вышел в отставку в 1996 году. Мистер Нолтон скончался в 2007 году.

Дата интервью: 26 марта 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы впервые узнали об Айн Рэнд и ее произведениях?*

Перри Нолтон: Как мне кажется, это произошло в молодые годы, когда я впервые прочитал *Источник*. А потом — когда посмотрел снятый по этому роману фильм, который она ненавидела. Но, на мой взгляд, фильм был совсем неплох.

Какое же впечатление произвел на вас Источник*, когда вы прочли его?*

Я воспринял его как очень интересную книгу. И не видел в нем никакого политического подтекста. Книга была опубликована в 1943 году, и люди разговаривали о ней уже тогда.

А вы не помните что-нибудь из того, что говорили о мисс Рэнд до того, как стали ее агентом?

Я кое-что знаю из того, что говорили об Айн Рэнд еще до того, как я начал работать в агентстве Curtis Brown в 1957 году. Издательский бизнес я начинал в качестве коммивояжера, затем перешел в торговый отдел издательства Scribner's, откуда меня послали на шесть недель на разведку в Лондон в качестве приятного развлечения.

Через друзей я вышел на Арчи Огдена,[225] и он сказал, чтобы я позвонил ему, как только окажусь в Лондоне. Это было году в пятьдесят девятом или шестидесятом. Кажется, он был тогда литературным редактором студии 20th Century Fox по Европе и Англии. Конечно, я слышал историю об Арчи Огдене и *Источнике,* популярную в то время в издательском мире: о том, что он сказал своим боссам в Bobbs-Merrill, что если они не опубликуют этот роман, он уволится и пристроит Айн Рэнд в каком-то другом издательстве. И добился своего.

Что мистер Огден рассказывал вам о мисс Рэнд и Источнике?

Он был в восторге от Айн Рэнд, считал ее великолепным рассказчиком, интереснейшим философом, подлинным мыслителем, и в таком качестве она была у него своего рода героиней.

Каким было ваше мнение о романе Атлант расправил плечи?

Я прочитал его до того, как пришел работать в Curtis Brown. Книга была опубликована осенью 1957 года, а я оставил Scribner's и перешел в Curtis Brown в декабре. Я прочел ее не только потому, что намеревался переходить в Curtis Brown, но и потому, что хотел узнать, на что похож этот роман. Он удался автору. Получилась могучая книга.

Даже с точки зрения такого либерала, как вы?

Да, даже для либерала. Потому что она отличный рассказчик. Знает своих персонажей; знает сюжет. Такова одна из сторон ее дарования, помогавшая ей в написании киносценариев. Она умела нагнетать ситуацию.

Случалось ли вам работать с Аленом Коллинзом [агентом Айн Рэнд] в то время, когда он представлял интересы мисс Рэнд?

В то время я не работал с ней напрямую. Я был во многом занят консультациями, которые давал Алену, восхищавшемуся моим знанием рынка, позволявшим определять, сколько можно требовать за издание книги. До того времени самый большой аванс, который выплачивали в Curtis Brown, составлял 75 000 долларов. Тут Алан явился ко мне и спросил, интересует ли меня предложение Айн опубликовать ее роман под названием *Атлант расправил плечи.* Я ответил: «О'кей, и о чем же в нем речь?» Тогда он сказал: «Ну, на самом деле она еще не составила свою заявку и пока располагает только идеей, а книгу мы условно называем романом о Джоне Доу[226]». Я ответил: «Итак, ты хочешь продать новую книгу Айн Рэнд?» Он сказал: «Ну да, и сколько, по-твоему, мы можем получить за нее? Как ты считаешь: 50 000 долларов наберем?»

Я ответил: «Нет, ты не должен просить за нее меньше четверти миллиона». Мое предположение ошеломило его. И я сказал: «На твоем месте я сходил бы в NAL, к Виктору Вейбрайту[227]. Она восхищается им и говорит, что до смерти устала от Беннетта Серфа[228] и его издательства Random House — она считает его трусом, говорит, что он предал ее, и не хочет больше там публиковаться. Серф уже рассказал мне все это». Так что Алан предпринял такую попытку, и Виктор сказал ему: «Конечно, действуй. Мы заключим контракт немедленно». Действительно, контракт составили очень быстро. NAL так и не выплатила Айн Рэнд весь аванс, уже не помню, по какой причине. Кажется, Алан получил кое-какие деньги, а потом вернул их обратно, когда Айн так и не написала роман.

Это было слишком плохо, потому что все ждали книгу о Джоне Доу, и она и контракт с NAL оказались на деле единственными аргументами, которыми я и Айн Рэнд смогли

воспользоваться после смерти Алана и Виктора Вейбрайта для того, чтобы NAL не прекращала оказывать нам услуги по продаже книг Айн Рэнд, не ограничиваясь существующим рынком, но занимаясь их рекламой, продвижением и паблисити.

И все последующие главные редакторы говорили нам: «О да-да, конечно-конечно» — и обманывали нас и ничего не делали.

Мы могли выжать кое-что из них исключительно благодаря этому обещанному роману и прежнему опыту отношений, потому что когда дело доходило до контрактов, Айн становилась очень упрямым автором. Поэтому нам с Аланом работа с ней доставляла одно удовольствие, потому что она скорее ушла бы из издательства, если бы не получила именно того, что хотела, что считала заслуженным и подобающим автору.

Конечно, подобный подход срабатывает не у всех авторов, однако у нее получалось. Она говорила издателям с абсолютно независимым видом: «Или вы хотите меня, или не хотите, но если все-таки хотите, будьте любезны выполнить следующие условия». И начинался длинный перечень.

Это сделалось у нее наваждением, так как она придерживалась одинаковой манеры обращения с кинокомпаниями из-за своей нелюбви к фильму *Источник,* потому что, по ее мнению, он был плохо поставлен. Она говорила, что никогда и ничего не продаст кинокомпании, которая не предоставит ей права выбирать режиссера, сценариста и участия в монтаже картины. Конечно, люди нередко заключают контракты, полагая, что сумеют добиться выполнения всех своих условий, однако на практике не могут этого сделать. В итоге это стало проблемой, с которой Айн так и не сумела справиться, тем не менее она отказывалась изменить свой подход, полагая, что она права, как и было на самом деле. Ей не понравилось то, что проделали над *Источником,* и поэтому она пыталась исключить возможность повторения подобной ситуации.

О чем повествовал роман Джон Доу[229]?

Он не имел темы. И так и не был написан. Она никогда не обсуждала со мной свои планы. Я пару раз спрашивал ее, и она оба раза ответила, что так и не смогла найти тему, достойную уровня *Источника* и *Атланта.* Поэтому перед самым концом она сказала мне, что не хочет писать его: ей не хотелось повторяться.

Помните ли вы какие-либо другие условия, которые она вставляла в свои контракты с издателями?

Конечно. Они не могли заключать вообще никаких сделок без ее полного одобрения. Речь шла не о каких-либо частичных условиях, а о полном одобрении. При желании она могла пересмотреть условия сделки. Она была спинным хребтом для

бесхребетных издателей, не думавших, что они могут столько заплатить за право на репринт или издание книжного клуба. И тогда она говорила им: «На таких условиях мы продавать не будем». Но в итоге они приходили к ней с поклоном и платили столько, сколько она хотела.

Можете ли вы назвать любые конкретные примеры книг или издателей, над которыми она проделывала подобную процедуру?

Время от времени с New American Library. Мы имели дело только с двумя издателями. Мы не связывались с Bobbs-Merrill по поводу *Источника*. Я думаю, она могла сделать это самостоятельно, не привлекая агента.

Значит, с издателями у нее были только плохие взаимоотношения?

Нет. Какое-то время она прекрасно ладила с Беннеттом Серфом. Но, после того как вышел в свет *Атлант*, заявила, что он не справляется со своими обязанностями и не следит за выходом книги. Людей, не признававших в Айн Рэнд мыслителя, называвших ее ничтожеством и пустышкой, хватало, и Беннетт Серф не намеревался выступать в ее защиту. Так что она послала к черту Беннетта и перебралась к Виктору Вейбрайту, который начал репринт *Атланта* в бумажной обложке. Он также первым издал эту книгу в обоих видах: в обложке и переплете.

Что говорил Беннетт Серф об Айн Рэнд?

Какое-то время он только улыбался и хихикал. Беннетт Серф в отличие от Айн был человеком поверхностным. Она, напротив, была глубока и имела убеждения, за которые готова была сражаться. И требовалось какое-то время, чтобы понять, что она вовсе не является той скверной особой, которой ее рисовали слухи.

И какие же слухи ходили о ней?

Ее называли нацисткой, крайне правой в своих убеждениях, сторонницей и наследницей Гитлера, чего, конечно, быть не могло. Она ненавидела любые тоталитарные правительства. Она была за свободу.

А другие ваши клиенты не предъявляли вам претензий по поводу контактов с Айн Рэнд? Нетрудно представить, что многие из них были либерально настроены, возможно, скептически поднимали бровь, узнавая, что вы представляете интересы Айн Рэнд.

О да, однако у нас была стандартная реакция на сей счет. Мы представляли Ленина, мы представляли Черчилля, мы представляли Гитлера, мы представляли обе стороны каждой монеты, о которой вы слышали за последние годы, а наша контора в Соединенном Королевстве начала свое существование в

1914 году. И мы гордились тем фактом, что не позволяли никому указывать нам, кого можно представлять, а кого нельзя. Я думаю, что Айн именно поэтому было приятно работать с нами. Мы с большим вниманием относились к этому принципу и считали, что если автор написал книгу, важную книгу, то мы должны сделать все возможное, чтобы опубликовать ее, даже и в том случае, если речь идет о *Mein Kampf*.

Репутация Айн Рэнд в литературном мире претерпела какие-нибудь изменения за последние сорок лет?

Думаю, да. На мой взгляд, она сделалась более респектабельной, многие люди стали считать, что она говорит разумные вещи, и перешли на ее сторону.

Это можно сказать о ком-то из знакомых мне знаменитостей?

Я постоянно встречаюсь с самыми разными людьми, не знаю, в какой степени они знамениты, которые говорят мне, что являются почитателями Айн Рэнд. Это происходит во многом потому, что им известно, что я был ее агентом, и потому расспрашивают меня, чтобы убедиться в том, каким замечательным человеком она была. Некоторые начали понимать ее только по прошествии многих лет. Подобное понимание в моей жизни не запоздало, однако мне жаль, что оно не пришло раньше.

А как вы стали агентом мисс Рэнд?

Ален Коллинз умер. Поэтому мы с Айн созвонились вскоре после смерти Алена, и она сказала, что нам следует встретиться и познакомиться поближе, чем прежде. До той поры я на самом деле не имел с ней никаких личных взаимоотношений, подобных тем, которые завязались между нами после смерти Алена.

Значит, вы были знакомы с ней еще до смерти мистера Коллинза?

Да. Я встречался с ней в обществе Алана и обсуждал ее планы относительно книги *Джон Доу*. Мы с Аланом проводили переговоры с ней по этому поводу.

Что мисс Рэнд хотела от вас в качестве ее агента?

Насколько я понимаю, она получила все, что хотела. У меня были собственные представления в отношении обязанностей агента. Он должен быть лояльным по отношению к своим авторам, и самое большее, что он может сделать — это просветить их в отношении того, как работает издательская машина, и выбить для них побольше денег. Она считала такое разделение труда честным.

Вы долго сотрудничали с ней.

Ну да. А до того она долгое время работала с Аланом до самой его кончины. Все мы прекрасно ладили.

Каким было ваше первое впечатление о ней?

Я был несколько удивлен тем, что она оказалась не такой, какой ее описывали мне люди. За тем обедом у нас произошел невероятный разговор. Я откровенно сообщил Айн, что, по всей видимости, не подойду ей из-за своих либеральных убеждений. Мои родители были республиканцами, и мне пришлось сражаться, чтобы выйти из-под их давления, поскольку на самом деле я был демократом. Она спросила меня: почему? Я объяснил им причину, и она сказала: ладно, у вас есть право думать так, как вам угодно, и именно за это я выступаю. За одним очень непринужденным ланчем она объяснила, что не стоит представлять ее как судью, приставленного ко мне самому. Она настаивала только на том, чтобы люди, с которыми она работала, имели собственную жизненную философию, чтобы они были интеллигентными и прислушивались к доводам рассудка. Мы часто спорили на разные темы, однако никогда не ссорились и не ругались. Она посмеивалась, я посмеивался, и она говорила: «Сегодня мы, Перри, узнали друг о друге кое-что новое».

У нас были разногласия по поводу вопросов, связанных с окружающей средой. В этом единственном вопросе она, как мне казалось, была серьезно слаба, так как она говорила: «Они все наладят, нам не о чем беспокоиться». Тогда я спросил ее: «И кто же будет налаживать все это?» Она ответила: «Инженеры». И я сказал: «В самом деле? Имеете ли вы какое-то представление о том, что до сих пор делали инженеры для того, чтобы только не заниматься этим вопросом?» Она всегда любила спорить и говорила: «Ты что-то узнал, я что-то узнала, вот так люди и учатся».

На какие еще темы вы спорили с ней?

Существовала только одна тема, действительно разделявшая нас, так как я ощущал, что она неправа, и я должен просветить ее — если такое было вообще возможно — потому что принимал активное участие в движении по охране окружающей среды и до сих пор участвую в нем.

Что вы обсуждали с Айн Рэнд на ваших встречах, совместных обедах и ужинах?

Все что угодно, но после смерти Виктора Вейбрайта в 1974 году мы разговаривали о том, каким образом можно заставить NAL более эффективно пропагандировать ее книги. Мы сделали много заходов. Эд Кюн, один из ее редакторов, шеф NAL, обещал нам все, что мы просили, однако ничего не делал. Как и Нед Чейз, другой ее редактор. Он мог хотя бы попытаться, однако у него не было ни пороха, ни мозгов, нужных для того, чтобы убедить в этом владельцев NAL, которое тогда принадлежала Times-Mirror,

Лос-Анджелес.

Но почему в NAL не заметили ее потенциал и рыночную стоимость?

Не имею представления. На мой взгляд, там просто побоялись той репутации, которую ей приписывали слухи, при всей их ерундовости.

Каким образом она планировала или какую тактику намеревалась применить, чтобы заставить NAL продвигать ее книги?

Долгое время мы располагали единственным аргументом в виде книги про Джона Доу и размахивали им перед издательскими носами, словно морковкой. Они ее слушали и говорили «о'кей», но тут какого-нибудь главного редактора увольняли, на его место ставили кого-то другого, а потом владельцы начинали вопрошать: «А как там дела с новым романом Айн Рэнд, когда его наконец опубликуют?» Эта идея постепенно сделалась помехой в нашей работе, и мы ничего не могли сделать, потому что она передумала писать этот роман.

А предлагала ли она вам другие идеи и тактику общения с издателями?

Начиная с последних лет жизни Алана и до ее собственной смерти я ведал всей ее тактикой. Однако особого кипения дел не наблюдалось, потому что наблюдать было нечего. Мы выходили на рынок с ее публицистикой, не предназначенной для широкого потребителя.

А что Айн Рэнд думала об издателях и агентах?

Она еще не успела дойти до той точки, в которой я очутился после ее смерти: издательское дело умирает, и положение делается все хуже и хуже. Подобные мысли ей в голову не приходили. На мой взгляд, она всегда считала, что можно еще кое-что сделать, хотя и не знала, что именно, как и я теперь.

Кто из издателей ей нравился?

Виктор Вейбрайт и Мэтт Колли, кажется, являвшийся зятем Виктора Вейбрайта.

Часто ли вы встречались с Айн Рэнд?

Мы оба жили в Нью-Йорке, раз в один-два месяца встречались за ланчем, и так далее.

А вам не случалось общаться с мисс Рэнд и мистером О'Коннором в иных ситуациях?

Только когда мы встречались в их квартире на 34-й стрит. В таких случаях она говорила мне: «Знаешь что, Перри, нам пора пообедать». Она приглашала меня к обеду, я приезжал, и мы обедали. Кажется, один из наших споров по поводу окружающей среды пришелся на такой обед в обществе Фрэнка.

Вы вели теплые дружеские беседы?

О да, все время поддразнивали друг друга. Она знала о моем интересе к экологии и переводила разговор на нее. Без всякого раздражения. Она говорила — у вас есть право на собственное мнение, и я смиренно благодарил.

И она не изменилась за все время вашего знакомства?

Да, потрясающая особа.

Сумела ли она изменить ваше мнение по какому-нибудь из вопросов?

Она изменила мое мнение о себе самой, так как у меня составилось ошибочное мнение о ней и ее целях по ложным слухам. Она не пыталась разубедить меня. Она просто сказала: «Я вовсе не такой вурдалак, каким меня представляют — я придерживаюсь исключительно того мнения, что вы имеете право на собственные идеи до тех пор, пока располагаете философией, подкрепляющей эти идеи. И если вы поняли это, никаких проблем не будет». Их у нас и не было.

Какова была Айн Рэнд в качестве клиента?

Потрясающим клиентом. Я хотел бы, чтобы все мои клиенты были подобны ей, как сказал это о Тони Хиллермане[230]. С ним было удивительно приятно работать, и с ней тоже. После того как я познакомился с ней и мы поняли друг друга, отношения наши складывались очень просто. У нас в буквальном смысле слова не было никаких проблем. Впрочем, нет! Однажды я отрастил усы, и увидев это, когда я вышел навстречу ей в приемную, она укоризненно воскликнула: «О, Перри».

Я спросил: «Что случилось?» Она сказала: «Что вы сделали со своим лицом!» — «А что с ним такое? Раньше оно вам нравилось». — «Но теперь на нем волосы!» И я ответил: «Ах да, вам не нравятся люди с усами и бородой; теперь я это вспомнил».

Она говорила это серьезно?

Нет, дразнила меня.

Почему с ней было легко работать?

В основном потому, что она была умным человеком. А в книгоиздательском деле тому, у кого не хватает ума, делать нечего. Она находилась среди людей, которым симпатизировала и которыми восхищалась, в этом все и дело.

Она изменилась за прошедшие годы?

Я никогда не знал ее другой. Я волновался при нашей первой встрече, которая внезапно оказалась веселой и поучительной, и установила наши отношения на будущее.

Насколько глубоко она погружалась в издательские дела в плане рекламы, издания, обложек, дизайна?

Она очень внимательно относилась к дизайну, требуя, чтобы

ей была предоставлена возможность одобрить его, и NAL всегда соглашалась на это.

Предъявляла ли она какие-нибудь особые требования в отношении роялти?

Она всегда требовала, чтобы ее оплачивали по самой высокой возможной ставке, и мы называли ей эту цифру. После чего она говорила: «О'кей, да будет так», и мы делали. Все было очень просто. Она всегда хотела получать то, что ей было нужно, по максимуму, и мы всегда обеспечивали ей этот максимум.

И как она добивалась этой цели? В какой манере и с каким отношением она делала это?

Обычно она задавала вопросы. Говорила: «Обыкновенно бывает так и так, или, может быть, здесь есть нечто такое, за что можно поторговаться?» И мы отвечали: «Приложив некоторые, не слишком существенные усилия, мы можем выторговать почти все, что угодно». И она говорила: «Что ж, попробуем». И мы пробовали и, как правило, добивались поставленной цели.

Вы оформляли права на съемку фильма Атлант расправил плечи?

Мы защищали права Айн Рэнд на съемку фильмов по ее книгам, и в том случае, если кто-то намеревался писать свой собственный сценарий, предоставляли права на него. Я как раз занимался этим делом, когда Эл Радди собрался снять фильм по роману *Атлант расправил плечи*, так что нам пришлось проинформировать его о предстоявших ему мытарствах. Он был настроен очень по-деловому и полагал, что, получив права, будет снимать фильм так, как ему заблагорассудится. Так что мы сказали ему: «Все это очень и очень мило, однако условия таковы: Айн Рэнд должна получить право одобрить состав актеров, назначенного тобой режиссера…» — и так далее и так далее, все по пунктам, включая редакцию при монтаже. Если перечислить все эти требования любому продюсеру, он просто рассмеется тебе в лицо, что в итоге и сделал Радди.

Проект NBC не состоялся именно по этой причине?

Конечно. Их адвокаты никогда не согласились бы на подобные условия. Не подлежит никакому сомнению, что фильм никоим образом не мог быть снят, пока Айн настаивала на этих своих требованиях[231]. Тем не менее, она заключила договор с мистером Радди. Они подписали договор и даже устроили пресс-конференцию, на которой объявили о совместном проекте. Отменное достижение, однако Радди не сумел договориться с людьми, способными поддержать его. Теми, чье мнение весомо в киноиндустрии. Это был всего лишь один из проектов съемки фильма по *Атланту,* прошедших через мои руки, были и другие,

однако они развалились на еще более ранней стадии.

Портрет мисс Рэнд находится в галерее агентства Curtis Brown?

Да, теперь он находится у меня. Набросок, изображавший ее, какой она была в прежние дни.

Изменилась ли Айн Рэнд после смерти мистера О'Коннора?

Она умолкла примерно на два месяца, и мы не встречались друг с другом. Наконец, я позвонил ей и спросил, почему бы нам не отобедать вместе.

Она ответила: «И в самом деле мне не хватало вашего общества; пусть будет ланч». О Фрэнке мы даже не упомянули. Я ощутил, что она оплакала его и выздоравливает.

Какое же общее мнение составилось у вас об Айн Рэнд?

Мне хотелось бы, чтобы она по-прежнему была с нами. Так было бы интереснее жить. Она была удивительной личностью, и мне хотелось бы время от времени встречаться с ней.

Она была цельным человеком?

О да, абсолютно. Она верила в цельность, которая была у нее одним из пунктиков.

Когда вы в последний раз видели ее?

Я не видел ее перед концом. Я знал, что она больна и лежит в госпитале. Кончина ее по-настоящему потрясла меня, потому что я хотел хотя бы проститься с ней. Я не знал, что она настолько больна.

Что бы вы сказали ей, если бы получили возможность проститься?

Она не верила в Бога, рай или ад. Думаю, она считала, что если ад есть, то ты сам создаешь его для себя на земле. Она не была религиозным человеком и поэтому не задавалась вопросом о том, куда пойдет. Так что не думаю, чтобы я сказал ей больше, чем «прощай».

Юджин Виник

Юджин Виник являлся одним из адвокатов Айн Рэнд начиная с 1962 года и до ее смерти в 1982 году. Является владельцем и Генеральным директором литературного агентства McIntosh & Otis, Inc., Нью-Йорк Сити.

Дата интервью: 15 декабря 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Юджин Виник: В ноябре 1961 года я поступил на работу в юридическую контору Ernst, Cane, Berner & Gitlin и познакомился с Айн, наверно, в начале 1962 года. Я стал ее адвокатом, потому что поступил на работу в фирму, защищавшую ее интересы. Пинкус Бернер[232], являвшийся партнером фирмы, скончался в августе 1961 года, и мне в какой-то степени пришлось занять освобожденное им место, но ни в коем случае не хочу сказать — заменить его. Однако Айн работала в основном с Полом Гитлином, тогда являвшимся ведущим адвокатом нашей фирмы, однако за последующие годы мне также пришлось познакомиться и поработать с ней.

У меня не осталось никаких особых воспоминаний в отношении нашей первой встречи. Могу сказать только, что при большинстве наших переговоров присутствовал Фрэнк. Он сопровождал ее практически на каждую нашу деловую встречу, кроме последних двух-трех лет своей жизни.

Мисс Рэнд интересовалась вашим деловым прошлым, прежде чем вы начали работать с ней, или ваше сотрудничество стало просто свершившимся фактом?

Да, свершившимся фактом, потому что интересы ее представляла фирма. В качестве младшего партнера я был знаком с нею два или три года. Первоначально я только присутствовал при ее разговорах с Полом Гитлином, а потом встречался с ней по тем вопросам, которыми занимался сам. По некоторым пунктам она контактировала с Полом, по другим со мной, а иногда дело требовало участия нас обоих.

Какими вопросами ее деятельности занимались вы, а какими мистер Гитлин?

Она обращалась к нам за любыми юридическими консультациями. Так было до того, как в 1961 году был организован Институт Брандена. Мы заполняли их официальные бумаги, а потом на сцене появился адвокат института и оформил аренду помещения в Эмпайр-стейт-билдинг и занялся другими

делами. То есть мы, так сказать, не слишком вникали в этот аспект их деловой деятельности. Большая часть ее поручений, однако, была связана с издательской деятельностью. Мы занимались охраной авторских прав. И если возникал какой-либо иск или нарушение прав собственности, она обращалась к нам. Конечно, за прошедшие годы они с Фрэнком время от времени пересматривали свои завещания, как это часто делается, и она обращалась к нам по этому поводу. Потом мы занимались уплатой налогов и каждый год участвовали в составлении их с Фрэнком общей доходной декларации.

Какими вопросами занимались вы лично?

Должно быть, уплатой налогов и копирайтом. Кроме того, она консультировалась у Мела Кейна, хотя я подозреваю, что большинство их консультаций происходило на светском уровне, а не на юридическом[233].

Какими наиболее интересными с юридической точки зрения проблемами вы занимались с нею?

Помню, она была озабочена тем, что ее имя помянули в одной из книг издательства Hearst/Avon, использовав его для рекламы собственной книги. Она подала на них в суд, хотя мы советовали не делать этого, однако она не послушалась и обратилась в другую фирму, которая выступила с иском против Хёрста и проиграла процесс[234].

Почему вы не советовали ей обращаться в суд?

Согласно нашему пониманию закона и статуту штата Нью-Йорк, они ничем не нарушали ее права собственности.

Подобная ситуация имела место, когда либертарианский[235] *журнал* Разум (Reason) *также воспользовался ее именем?*

Да. Она часто отмечала, что не любит, когда ее связывают с либертарианством, как это делали некоторые.

Она объясняла причину?

Нет, просто считала такую взаимосвязь неуместной. Ей это не нравилось, она не хотела, чтобы подобное происходило, и мы писали письма. За прошедшие годы нам пришлось отправить от ее имени достаточное количество писем отдельным людям или организациям, которые либо неправильно цитировали ее, либо неправильно ссылались на нее, либо без разрешения использовали фрагменты из ее книг. Например, использовали имя «Джон Голт» в коммерческих целях.

И как она реагировала на это?

Так, словно бы это была кража.

Можете ли вы назвать примеры работ, выполненных вами для мисс Рэнд в отношении ее агентов и издателей?

По-моему, ее книжными контрактами занималось в основном агентство Curtis Brown. Регистрацией там занимался Перри Нолтон. Curtis Brown также представляли ее в связи с выдачей лицензий на права издания романа *Атлант расправил плечи,* однако в двух случаях ими пришлось заниматься и нам. Один случай имел место, когда Эл Радди выиграл опцион на роман *Атлант расправил плечи.* Радди был кинопродюсером, отснявшим на студии Paramount, где у него был производственный блок, фильм *Крестный отец*, так что он был птицей высокого полета. Он хотел отснять фильм по роману *Атлант расправил плечи*, однако Айн была недовольна тем, как поставили *Источник,* так как начинала свою карьеру в Голливуде в качестве сценариста, что давало ей право на мнения, которых не мог бы изъявить обыкновенный автор, поэтому она отказалась предоставлять права на съемку *Атланта,* не сохранив за собой некоторый контроль за производством картины. Она требовала не просто согласования сценария, но повседневного контроля и получила его вкупе с контролем над монтажом фильма, что не принято в соответствующей практике. У нее были и другие условия. Ей не нравилась озвучка последующих сцен, пока их нельзя было увидеть визуально. Кроме того, она не хотела, чтобы персонажи фильма носили бороды и усы, и включила это в свои условия.

Помню, как я обсуждал с ней другие ситуации, возникавшие в договорах нашей фирмы там, где речь шла о киносъемке, и приводил ей в пример Гарольда Роббинса[236] как образец противоположного подхода. Кстати говоря, сама Айн восхищалась Гарольдом Роббинсом, потому что как писатель он писал очень наглядно. Мы также представляли интересы Роббинса, и как мне кажется, Гарольд и Айн время от времени встречались, чтобы поговорить. Роббинс без всяких опасений передавал права в Голливуд, поскольку сам был «родом» из Голливуда, знал его работу изнутри и готов был помочь киношникам. А она вписывала требования, которые должны были предоставить ей абсолютный, прочный и неоспоримый контроль за ходом съемок. Ну, Радди заплатил уйму денег за этот опцион, ожидался еще один крупный платеж после того, как они начнут съемки. Однако прежде, чем студия Paramount разрешила начать реализацию прав, так как она финансировала весь процесс, ее представители обратились к ней с предложением отозвать свои условия, кажется, оставив за ней только согласование сценария. Не уверен, что дело обстояло именно так, однако она отказалась, и сделка не состоялась. Фильм не был снят. Права остались не использованными, и в итоге возвратились к Айн.

По прошествии нескольких лет возникла перспектива другой

сделки, с NBC, Генри Яффе и его сыном Майклом, являвшимися там главными продюсерами. Предстояло снять шестичасовой мини-сериал по *Атланту,* в контракт были вписаны те же ограничения, дабы она имела возможность повлиять на процесс съемок[237]. В телевидении существуют так называемые «пошаговые сделки», когда телевещательная компания, финансирующая производство, выплачивает определенные суммы после выполнения конкретного этапа работ. Однако прежде чем заключать окончательное соглашение, они захотели, чтобы Айн отозвала условия, заложенные в оригинальный текст, потому что обыкновенно случается, что многие авторы, далеко зашедшие по этой дорожке, чтобы повлиять на производство, впоследствии отказываются от этого права. Но Айн этого не захотела. Она осталась непреклонной и хотела сохранить за собой полный контроль.

Случалось ли вам обсуждать с ней юридические тонкости?

Да, такое случалось время от времени, однако не могу сказать об этих разговорах ничего определенного, коме того, что наши переговоры обыкновенно чередовались с обсуждениями текущих новостей или всей нашей системы.

Помните ли вы, чтобы она выражала острое недовольство или радость от сделанных вами тех или иных толкований закона?

Помню только, что когда тема для критики возникала, она всякий раз выражала свое недовольство одними и теми же словами. Я до сих пор слышу ее голос, с этим ее акцентом произносящий: «Those Zons of Beetches»[238]. И ударяла по столу руками. Эти «Zons of Beetches» сделались самым ярким моим воспоминанием о ней.

Можете ли вы привести пример события, вызвавшего у нее такую реакцию?

Если кто-то пользовался именем «Джон Голт». Или это могла быть цитата из ее книги в чьей-то рекламе. События такого рода.

И что же она предпринимала, высказавшись подобным образом?

Она изливала свой гнев, спускала пары, и мы возвращались к прерванному разговору, при котором чаще всего присутствовал Фрэнк. Иногда он высказывал собственные соображения, если тема особо задевала его. Он всегда выступал в ее защиту.

Каким образом?

Поддерживал ее позицию в вопросах, беспокоивших и смущавших ее. Он не участвовал собственно в переговорах, но когда все-таки вступал в них, высказывался в поддержку Айн и ее позиции. Мог еще сказать пару слов в плане согласия с тем, что происходило между нами. Он никогда не спорил с ней.

В то время мы также представляли интересы издательства Bobbs-Merrill, опубликовавшего *Источник,* и при подготовке переиздания к двадцать пятой годовщине выхода книги в свет участвовали в оформлении использования картины Фрэнка на обложке юбилейного издания[239]. Это было очень приятно.

Не помните ли вы, что они говорили по этому поводу?

Книга им очень понравилась. Более того, оба они оставили свои автографы на экземпляре, который я храню у себя дома.

Какой аспект личности мисс Рэнд наиболее ценен для вас?

То, что на нее всегда можно было положиться. Она твердо придерживалась принципа, требующего исполнять свои обещания. Твердо и решительно.

Случалось ли вам замечать, как она прилагает собственную философию к деловым проблемам или к принятию решений?

Цельность ее натуры всегда была очевидна. Она всегда четко определяла, что именно и когда хочет сделать. Иногда ей бывало непонятно, как именно надо поступить, и тогда она являлась к нам за юридической консультацией.

Какой манеры она придерживалась в деловом плане?

Я бы назвал ее очень открытой и адекватной.

Как часто вы встречались с ней?

Когда были какие-то дела — раз в несколько недель. Помню, что иногда бывал в их квартире. Наверно, не реже раза или двух в год по налоговым вопросам. Айн и Фрэнк приносили свои декларации. И мы подготавливали платеж. Потом, после того как платеж был проведен, они приходили через неделю, две или месяц. В среднем мы встречались три-четыре раза в году как минимум.

Она звонила, договаривалась о встрече и приезжала?

Правильно. Она звонила о чем-то, или оказывалось, что нам нужно встретиться по какому-либо поводу, и приезжала, всегда по какому-то формальному поводу. Она хорошо одевалась, была на очень высоких каблуках и обычно в своей норковой шубке. Фрэнк помогал ей снять ее и вешал на вешалку.

Потом она извлекала сигарету и вставляла в мундштук. Так выглядел ритуал ее прибытия.

Как она относилась к перспективе уплаты налогов?

Без удовольствия, но и без возражений.

А зачем вы ездили к ней на дом?

Иногда требовалось подписать какие-то бумаги, и я ездил к Айн, чтобы не отрывать ее от работы. Однако ей было приятно посещать наш офис, она радовалась визиту.

Почему ее всегда сопровождал мистер О'Коннор?

Не знаю. По-моему, так им обоим было спокойнее, когда они

приезжали к нам вместе. В особенности для подачи налоговой декларации, поскольку они подавали одну декларацию на двоих, и у него был собственный доход. Он содержал собственную студию, однокомнатную квартиру в том же доме. Ну и в качестве налогоплательщика он должен был представлять материалы для налоговой декларации и подписывать ее. С налоговой точки зрения они являлись партнерами.

Случалось ли возникать каким-нибудь юридическим вопросам, затрагивающим его живописные работы?

Да, когда галерея продавала эстампы его картин или подлинники. Это следовало учитывать при составлении их налоговой декларации. Он заполнял собственную форму «С», затрагивающую доход и расходы.

Как держалась мисс Рэнд во время ваших деловых встреч?

Полностью сосредоточенно. Никакой ерунды. Она была очень решительно и определенно настроена относительно того, что хотела. Тем не менее она, несомненно, обладала собственным чувством юмора, которое время от времени проявляла.

Можете ли вы привести примеры?

Не могу, однако помню, что мы частенько смеялись за делом. С ней всегда было легко работать, хотя подчас и непросто, учитывая некоторые ее цели. Я думаю, что, общаясь со мной, она исходила из практических соображений.

Объясните эту мысль.

У нее была цель, и она всегда знала, что именно потребуется, чтобы добиться этой цели. Я не был ее противником или человеком, которого можно рассматривать как противоборствующую сторону. Даже в том случае, когда она отвергла наш совет не обращаться в суд, ибо таковое обращение могло создать для нее дополнительные проблемы с точки зрения паблисити — чего, кстати, не произошло, на мой взгляд, потому, что никто не обратил внимания на этот процесс — чем любые потенциальные выгоды, на которые она рассчитывала, подавая в суд. Она не проявила никакого неудовольствия нами, должно быть, потому, что оценила наш профессионализм.

Вы говорили, что не были согласны с некоторыми ее целями. Можете ли привести примеры?

Это единственный пример, который приходит в голову. Мы не всегда соглашались друг с другом в философском плане, однако, как мне кажется, всегда уважали друг друга.

Случалось ли, чтобы вы когда-либо не оказывались ее союзником или поклонником ее произведений?

Я был ее союзником почти во всех делах и произведениях. На мой взгляд, она великолепно справилась с той целью, которую

поставила себе. Однако с некоторыми аспектами ее идей я не был согласен.

Вы обсуждали с ней таковые?

Обсуждали, но я уже не помню подробностей.

Какова бывала ее реакция, когда вы говорили: «Я не согласен с Х.»?

Она самым рациональным образом в соответствии с собственной терминологией углублялась в подробности и объясняла мне, почему я настолько неправ, а она права.

Изменила ли она ваш образ мышления?

Не думаю, чтобы это было так.

Оказали ли вы на нее заметное воздействие?

Едва ли, однако она всегда обращалась со мной с достаточной терпимостью и терпением.

Она как-нибудь изменилась за двадцать лет вашего знакомства?

Не думаю. На мой взгляд, она всегда была последовательна во всем. Мне случалось знать ее с теплой стороны. Когда, например, Мел Кейн, наш партнер по фирме и известный поэт, праздновал свой сотый день рождения, мы устроили прием в своем офисе. Его столетний юбилей пришелся на 15 апреля 1979 года[240], и Айн собственной персоной прибыла в нашу контору. Я помню, что на одном из фото Мел и Айн были запечатлены вместе, с ними в кадр попала и моя жена. Айн была очень оживлена и довольна своим участием в событии. И хотя сам Мел бурчал, что его-де чествуют за долголетие, а не по другой причине, он был рад видеть ее.

А каким из своих имен мисс Рэнд подписывала официальные документы?

На налоговых декларациях она расписывалась как «Алиса О'Коннор».

Когда мисс Рэнд «отошла» от общественной жизни и выпуска новостного листка в середине 1970-х годов, вы советовали ей обратиться в службу государственного пенсионного обеспечения?

Мы, вне сомнения, обсуждали этот вопрос и представили ей на выбор два варианта — отказаться или обратиться. Я не стал бы рекомендовать отказываться от пенсии.

Помните ли вы еще какие-нибудь подробности ее «отставки»?

Не думаю, чтобы она когда-либо технически уходила на покой. Айн всегда занималась своим делом до самых последних дней, когда уже не была в состоянии что-либо делать.

В каком плане?

Чисто физически. У нее просто не осталось сил делать то, что она делала всю свою жизнь — писать.

Она обсуждала с вами смерть мистера О'Коннора?

Да. Она говорила, каким трудным было для нее это время. Не думаю, чтобы она сумела по-настоящему пережить его смерть, ей не хватало его и как друга, и как делового партнера. Они обращались друг с другом с большой любовью, преданностью и теплом.

Как вели себя мистер О'Коннор и мисс Рэнд при обсуждении перспективы собственной смерти и завещаний?

Самым трезвым образом. Очень непринужденно. Без малейшего смятения.

Итак, вы одним из первых узнали о ее смерти?

Должно быть, я находился в своем кабинете, и нам позвонил кто-то из окружения Айн и сообщил, что ее не стало. Посему я немедленно отправился посмотреть, что там происходит.

В качестве ее адвоката?

Да, а также душеприказчика.

Что вы хотели проконтролировать? Защитить ее или собственность?

У меня не было конкретной цели. Просто я был обязан кое-что сделать. Наверно, я должен был защитить собственность, а также убедиться в том, что все идет положенным чередом вплоть до технических подробностей, соблюдаемых в подобных ситуациях.

Например?

Мне следовало войти в контакт с прибывшими на место сотрудниками полиции, а также с коронером, с судебно-медицинским экспертом, получить ее тело для похорон. То есть совершить положенные в таком случае действия.

Вы присутствовали на похоронах?

После смерти Фрэнка Айн отправилась в Валгаллу. Это такой городок, расположенный к северу от Уайт-Плейс, Нью-Йорк, графство Вестчестер. Валгалла в данной ситуации — вполне уместное название. Она отправилась туда, чтобы выбрать участок для могилы Фрэнка и для себя самой, когда наступит ее время. Ее сопровождали моя жена Ина и коллега Ева Прайор. По словам Ины, они обратились в кладбищенскую администрацию, узнали, какие участки свободны, и осмотрели несколько. Айн выбрала участок, расположенный на пригорке с тенистым деревом, чтобы можно было посидеть у могилы в тени. Наверно, Айн планировала поставить там скамейку, чтобы было удобно сидеть. Фрэнка похоронили, а когда через три года настала очередь Айн, мы обнаружили, что в дерево ударила молния и погубила его. После ее похорон мы посадили там молодое деревце, но то, что планировала сделать она сама, не было сделано ко дню ее

похорон. Не знаю, сколько людей знали об этом ее желании — но о нем знали я, Ева и моя жена — однако нами владело чувство чего-то не поддающегося контролю, чего Айн, конечно, не одобрила бы.

С ней прощались в траурном зале «Кэмпбелл». Пришло огромное множество народа. Я был там вечером, предшествовавшим дню собственно похорон. Очередь желающих проститься с ней вытянулась на целый квартал. Мы представляли в зале душеприказчика, адвоката и «членов семьи», и поэтому нас направили к лифту, чтобы нам не было нужды стоять в очереди. Когда мы подходили к залу, я заметил в очереди Алана Гринспена, пришедшего со всеми прочими проститься с нею, я пригласил его присоединиться к нам, и он воспользовался предложением.

Зрелище вышло впечатляющее — цветы, почитание и ощущение утраты со стороны пришедших, людей, незнакомых ей, однако ощущавших собственную близость к ней и ее трудам. Все это было очень трогательно.

Сильвия Бокор

Сильвия Бокор, художница, посещавшая беседы и публичные мероприятия, на которых присутствовала Айн Рэнд в Нью-Йорке и Бостоне.

Дата интервью: 1 июля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Сильвия Бокор: По правде сказать, я долго не была с ней знакома. Она впервые узнала о моем существовании на лекции. Она поднялась на подиум, чтобы вместе с лектором отвечать на вопросы. Один из вопросов имел отношение к международной политике. И я ничего не видела и ничего не слышала. Я вскочила с кресла и начала отвечать на вопрос. Я говорила и говорила, ощущая при этом, что все в зале умолкли. Наконец я завершила свой ответ, уже дрожа как осиновый лист, после того, как отхлынула страсть, заставившая меня вылезти со своим ответом. Тогда я только что возвратилась из-за рубежа и собственными глазами видела то, о чем была речь. В то же время я была чрезвычайно взволнована: не только из-за вопроса, но и потому что прекрасно понимала, что нахожусь перед аудиторией в двести, наверное, человек, абсолютно мне незнакомых, перед лицом женщины, которой я невероятно восхищалась, и отвечаю на вопрос о международной политике.

Наконец я села и полезла за зажигалкой. Посреди мертвого молчания. И тут раздались аплодисменты. Я поглядела на сцену и увидела, что мисс Рэнд смотрит на меня с улыбкой и аплодирует. Тут, конечно, все последовали ее примеру и устроили мне целую овацию.

Случалось ли вам как-нибудь еще контактировать с мисс Рэнд на лекциях NBI?

Нет, никакого общения с глазу на глаз не было, если не считать вопросов, которые я ей задавала после лекций. Меня всегда поражала манера, в которой она разговаривала со мной. Например, однажды я спросила ее, что если «искусство является „селективным воспроизведением реальности“, то чем оно отличается от науки?» Она попросила пример. Я сказала: «Ученый изобретает пилюлю». Она ответила: «Но это перестройка реальности». И стала развивать свою мысль. А когда закончила, я поблагодарила ее: «Спасибо». Она посмотрела прямо на меня и сказала: «Рада видеть вас». Она всегда была очень вежливой.

Какой еще?

Мисс Рэнд была очень земной и конкретной. Очень прямой и точной. Моему другу Эмброузу было тогда восемнадцать лет, он имел большие способности к языкам и практиковался где только возможно в том языке, который изучал в то время. Однажды вечером мы оба ожидали начала лекции, и он сказал мне: «Сегодня я попробую поговорить с ней». Я спросила: «О чем?» Но он не ответил. После лекции примерно десять человек окружили мисс Рэнд, чтобы поговорить с ней. И тут Эмброуз вдруг выпалил предложение по-русски. На лице мисс Рэнд появилось величайшее изумление, она была ошеломлена. А потом громко расхохоталась и сказала: «Ваше русское произношение еще хуже моего английского». Все рассмеялись, и она спросила: «А это правда, что вас ждет жена на железнодорожном вокзале?» Эмброуз ответил: «О нет, просто это единственное русское предложение, которое я знаю».

Мисс Рэнд и мистер О'Коннор были дружелюбны и обходительны. После одной из лекций мы в количестве человек двенадцати собрались вокруг нее. Однако разговаривали фактически лишь двое или трое. Среди нас не было интеллектуалов или философов. Все мы тогда были простыми студентами. Однако после ее лекций мы говорили и говорили с ней. Помню, после одной лекции стало уже по-настоящему поздно, время уже приближалось к полуночи. Однако мисс Рэнд продолжала разговаривать с нами. Наконец она пожелала нам спокойной ночи, и они вместе с мистером О'Коннором прошли по проходу между рядами, должно быть, половину расстояния до двери, когда она остановилась, повернулась, возвратилась к нам и с абсолютной искренностью и полной благосклонностью произнесла: «Мне так нравятся эти наши беседы».

Мисс Рэнд была очень милым и решительным человеком. Однажды в перерыве лекции Леонарда Пейкоффа одна девушка сказала ей: «Мисс Рэнд, я хочу сделать вам небольшой подарок». Мисс Рэнд ответила: «Нет-нет, прошу вас, не делайте этого. Я не люблю подарков». Тогда та сказала: «Но, мисс Рэнд, прошу вас… Мне хотелось бы этим жестом выразить свою симпатию к вам. Ничего большего я просто не могу сделать». Мисс Рэнд сказала: «Ну ладно, но пусть ваш подарок будет не дороже трех долларов».

Девушка разволновалась и обратилась ко мне: «Не хочешь поучаствовать?» Я ответила: «Ну, конечно». Мы не знали, что можно подарить ей, однако сумма в три доллара не оставляла особого выбора. В итоге девушка купила ей булавку с головкой в виде очень симпатичного котика. Она упаковала свой подарок и на следующей неделе вручила его мисс Рэнд, та сказала спасибо, однако разворачивать не стала, просто взяла его. На следующей

неделе мисс Рэнд вошла в зал вместе с мистером О'Коннором, и они сели позади меня. Я обернулась, чтобы поболтать, и увидела на ней эту самую булавку.

Аллан Готтхелф

Аллан Готтхелф, профессор философии, познакомился с Айн Рэнд еще будучи студентом и начинающим преподавателем. Он является известным специалистом по Аристотелю и основателем Общества Айн Рэнд, профессионального объединения, связанного с Американской философской ассоциацией, ее Восточным отделением.

Даты интервью: 6, 7 и 10 января 2000 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы впервые узнали об Айн Рэнд и об объективизме?*

Аллан Готтхелф: Летом 1961 года моя мать по рекомендации делового партнера прочитала роман *Атлант расправил плечи* и решила, что мне он тоже понравится. Но меня этот роман восхитил. Книга была наполнена уважением к разуму, что было для меня важно. Она показывала, как можно без конфликта ставить на первое место свое собственное счастье, уважая при этом права остальных людей. При этом герои ее счастливы, и мне хотелось бы стать похожим на них. Той же осенью я побывал на лекции, которую Айн Рэнд читала в колледже Бруклина. Я не вынес из нее особенно многого, хотя меня увлекла ее манера. Она знала, о чем говорит, слова ее звучали строго и серьезно. Такое внимание к общественным идеям вместе с проявленной точностью и уверенностью тогда были еще неведомы мне.

Каким образом вы впервые встретились с мисс Рэнд?

После второго прочтения книги я заметил на последней странице бумажной обложки своего экземпляра *Атланта* упоминание о лекциях, читавшихся в NBI. Мне хотелось бы посещать эти лекции, однако я понимал, что не могу позволить себе этого в материальном плане. Поэтому я спросил себя о том, как именно поступил бы в такой ситуации герой Айн Рэнд? И понял, что тот предложил бы вместо платы собственные услуги. Поэтому я написал письмо в NBI. Натаниэль Бранден принял меня и сказал: «Да, вы вполне могли бы исполнять обязанности билетера, но таковой нам пока не нужен. Но пока таковой не понадобится, вы можете поработать в офисе NBI, куда нам как раз нужен человек».

Когда я уже проработал там какое-то время, офис посетила Айн. Едва она появилась в дверях, я вскочил с места и выпалил: «О, мисс Рэнд, я так счастлив, что вижу вас. Я очень люблю ваши

книги». И она ответила мне историческими словами: «Вы — бухгалтер?» Я сказал, нет, и она проследовала дальше.

Билетерствовать я начал, кажется, в октябре 1962 года. Иногда я задавал вопросы после завершения лекции, иногда даже после того. Так она постепенно познакомилась со мной.

Помните ли вы какие-нибудь из своих вопросов и ее ответов?

Один из вопросов, которые я задавал ей, представлял на самом деле утверждение, облеченное в форму вопроса. Совсем недавно перед этим я увидел в музее Современного искусства картину, представлявшую собой девять черных квадратов, различных оттенков черного цвета. И сказал нечто вроде: «Что вы можете сказать о подобных картинах, о нарисовавших их безнравственных художниках и покупающих их дураках?» Она ответила нечто вроде: «Именно».

Однажды после посвященной искусству лекции Айн спросили о ее отношении к религиозному искусству, и она ответила, что некоторые такие произведения чрезвычайно уместны и очень прекрасны.

«По правде говоря, — сказала она, — любимой моей картиной является *Распятие* Дали, но видит Бог, я — атеистка». Тут Айн осеклась, и все расхохотались. Рассмеялась и она сама. А потом сказала, что любимой эта картина стала для нее, потому что напоминает о поведении Джона Голта на дыбе.

Когда вы впервые провели долгое время в обществе мисс Рэнд?

Это произошло осенью 1963 года. Я как раз написал курсовую работу с критикой «Логики без онтологии» Эрнеста Нагеля[241], в которой защищал ту точку зрения, согласно которой закон непротивления является жизненной, а не только языковой истиной — как утверждал Нагель. Я спросил ее, не согласится ли она обсудить со мной эту работу. Айн проявляла особенный интерес к тем, кто интересовался объективизмом, имел соответствующую философскую подготовку и намеревался посвятить свою жизнь философии. Натаниэль Бранден, уже читавший мою работу, присутствовал при нашем разговоре и сказал, что работа хорошая; как Айн рассказала мне потом, у нее был собственный интерес к этой теме, потому что она была знакома с работой Нагеля и сама подумывала написать на нее критическую статью. Поэтому она согласилась встретиться со мной. Я явился в ее квартиру в девять часов вечера и ушел только в четыре утра.

Мы сели и начали обсуждать мою работу. Кажется, она делала какие-то пометки на полях. В основном она согласилась с моими мыслями. В одном месте, однако, я утверждал, что мысль предшествует языку. Поэтому, если не следует допускать

противоречий в языке, то это следует из того, что неправильно допускать противоречия и в мысли. Однако она сказала, что связь языка с мыслью происходит очень сложным образом, и захотела, чтобы я подчеркнул как существенно важный эпистемологический момент то, что мысль далее определенной точки невозможно выразить без языка. Поэтому неправильно разделять их подобным образом.

Мы разговаривали о точности мысли и языка — о том, что язык необходим для произнесения мыслей и донесения их далее определенной точки. И что точность языка определяется точностью мысли, что делает необходимыми точные определения. Еще она сказала о цифрах, которые я люблю, что ей очень нравится, что «пять» означает ровно пять, а не к примеру, четыре и семь десятых, и что ее представление или цель заключается в том, чтобы все концепции обладали точностью этой пятерки[242].

Потом мы перешли к Бертрану Расселу[243]. Я недоброжелательно отозвался о нем в своей работе, и она подняла меня на смех. Но вот то, что случилось потом, было очень типично для Айн и образует существенную часть моего восприятия ее как человека. Я сказал: «Однако я думаю, что Бертран Рассел дал правильное определение числа, и потому он не полностью безнадежен». Тут сама атмосфера в комнате полностью переменилась. Она сделалась очень серьезной, и сказала мне что-то вроде: «Подобные мнения вредоносны для вашего мышления». Она объяснила мне, что данное Расселом определение заранее предполагает, что ты уже осознал разницу между единицей и множеством и даже овладел концепцией «единицы». Посему, прежде чем определять понятие числа, необходимо ввести понятие «единицы». Таким образом, это понятие является фундаментальным в математике, а не «класс» или «ряд». Все это следовало из ее понимания действия концепций, и мы немного поговорили об этом.

Словом, к моменту окончания нашего разговора я был уже убежден в том, что данное Расселом определение неверно, и что хотя мы не имели определения числа, правильно искать его на намеченном ею пути — возводя его к концепции единицы.

Что меня заворожило при этом в ее манерах — и очень растрогало — так это причина ее особой серьезности. Выражение ее лица явно свидетельствовало о том, что она думает: Аллан допускает в этом ошибку. И эта серьезная ошибка способна отрицательно повлиять на его мышление во многих других вопросах. И на свете нет ничего более важного, чем помочь Аллану разобраться в этом вопросе. Она как бы считала, что я не заслуживаю того, чтобы пребывать в подобном заблуждении. И я

всегда ощущал в этом некую справедливость.

Потом мы обсудили мою вторую статью, посвященную восприятию. У нее имелся целый список замечаний по моим работам, мы двигались от пункта к пункту, однако разговор перемещался в широком диапазоне связанных тем. Мне нравилось, что я могу сидеть в полном спокойствии, не прекращая своей беседы с Айн Рэнд.

Уже перед самым уходом я сказал ей о том, что ее произведения существенно повлияли на мою жизнь. Он удивилась: «Неужели?» — и я ответил: «Да». Когда я уходил, она с огромной заботой напомнила мне, чтобы внимательно выходил из кабинки лифта и шел по улице, потому что было уже очень поздно. Один из моих профессоров говорил о греческих богах и героях, что они очень глубоки и драматичны в своих действиях и переживаниях: что если они гневны, то очень гневны, если счастливы, то очень счастливы, и я часто думал, что в этом Айн Рэнд подобна им. Теплота ее души была подобна теплоте души великана.

В этой теплой и мягкой теплоте ее души случались другие мгновения, которых люди часто не замечали. Например, в своей квартире, когда разговор шел об идеях и присутствовало не слишком много людей, она иногда позволяла себе откинуться на спинку дивана или прилечь на него. В такие мгновения мне приходила на память строка из *Источника*, в которой Рорк расслаблялся, словно кот или котенок. Именно так выглядела и она сама. Айн умела расслабляться самым невероятным образом.

Вы были среди тех, кто задавал ей вопросы во время радиошоу в Колумбийском университете в 1960-х.

Я узнал о ее радиопрограммах на WKCR[244] и о том, что студенты там задают вопросы, так что, приехав в Колумбию за своей докторской степенью, позвонил на студию и записался в число задающих вопросы. Я участвовал в восьми, кажется, программах, которые записывались попарно. То есть в течение получаса шла запись одной программы, потом делался небольшой перерыв, и еще тридцать минут записывалась другая.

Я жил возле Колумбии и спрашивал ее, могу ли я приехать и вернуться с нею в Колумбию на такси. Так мы и поступали. Раз или два она спросила у меня: не понимаю, почему вы приезжаете за мной только для того, чтобы вместе вернуться обратно. Я только скривился и сказал ей: да неужели. Конечно же, мной руководила возможность поговорить с ней. В такси у нас происходили интересные разговоры.

Когда я поднимался в их квартиру, она нередко оказывалась не готовой к выходу, что позволяло мне пообщаться с Фрэнком

О’Коннором. Мне нечасто доводилось разговаривать с ним, и, наверно, это были самые продолжительные наши встречи. Память об этих разговорах заставляет меня улыбаться. Он был таким благородным, благожелательным, обходительным и привлекательным человеком. Иногда случалось, что Фрэнк отправлялся в свою студию рисовать, так что мы вместе спускались в лифте. Потом мы садились в такси, она прощалась с ним, называя его «мой уютный» [Cubbyhole].

Случалось ли что-нибудь интересное во время этих ваших поездок?

Случалось. Например, если таксист слишком гнал, я должен был его осадить. Иначе она говорила: «Водитель, не гоните так быстро». Такова была Айн Рэнд. Она хотела, чтобы все складывалось определенным образом, и добивалась этого.

В то время я как раз читал Ницше. По правде говоря, мы тогда делали программу о Ницше и об объективизме, и ей было важно, чтобы ее воззрения четко отличались от ницшеанства. Однажды на пути в студию я сказал ей: «По-моему, если бы Ницше прочитал *Атланта* в свои молодые годы, то сделался бы объективистом». Она усомнилась: «Едва ли. Ницше слишком не любил разум. Аристотель другое дело, вот если бы его можно было подвергнуть воздействию объективизма…» Я сказал: «Да. Как там в Долине Эндрю Стоктон сказал о Риардене: „Он бы взвился словно ракета“». Айн улыбнулась. Она весьма симпатизировала Аристотелю.

Однажды мы говорили с ней об отношениях Дагни с Голтом, Франсиско и Риарденом. Она заметила, что по своему восприятию жизни ближе всех к Дагни был Голт, но Риарден был ближе ей, чем Франсиско.

Как проходили ее интервью?

Ведущим в тот год был Артур Гэндольфи. Согласно стандартной процедуре, он объявлял о начале программы и передавал слово первому интервьюеру. Нас было от трех до пяти человек. Если у тебя был вопрос, проистекавший из предыдущего, ты поднимал вверх два пальца. Если у тебя был новый вопрос, ты поднимал один палец. В паре случаев кто-то произносил вводный текст — например, в посвященной Ницше программе Гэндольфи попросил меня начать с краткого обзора философии Ницше. Я попытался втиснуть примерно в двадцать секунд все философские воззрения Ницше на метафизику, эпистемологию, природу человека и этику, а потом попросил ее противопоставить мнение объективизма по всем этим пунктам! Она немедленно и самым блестящим образом проделала это, уложившись примерно в то же самое время.

В общем, это было забавно. Некоторые из моих вопросов были «с подковыркой». Я редко задавал такие вопросы, на которые не знал заранее ответ в общих чертах, поскольку имел возможность все заранее обговорить с ней. Однако ее ответы подчас уводили меня в новом направлении, чему часто способствовали и проистекающие вопросы. Это были вдохновляющие сессии. Она всегда первой успевала к мячу. Помню одну ее реплику. Речь в программе шла о прагматизме. Я заметил, что по какому-то вопросу прагматик скажет то-то и то-то. Она дала свой ответ. Но я продолжил: «Но прагматик скажет иначе…» И забыл, что хотел сказать. В эфир понеслось полное молчание. И тут она почти без промедления вставила: «Вы правы, прагматику нечего будет сказать».

Случалось ли вам видеть ее в телешоу?

Несколько раз. Однажды это было, как мне кажется, в шоу Леса Крейна, ведшего на местном нью-йоркском телевидении программу вопросов и ответов. Это было в 1964 году, вскоре после того как в *Плейбое* появилось ее интервью. Он начал с того, что сказал: «Мисс Рэнд появилась в мартовском номере *Плейбоя.* Но не в качестве дамы с обложки». Она рассмеялась и сказала: «Благодарю вас». Еще помню, как кто-то позвонил на студию и сказал: «Вы тут утверждаете, что надо полагаться на свои силы и все такое. Однако на деле в жизни, в карьере без чужой помощи не обойтись. Кто помогал вам на старте литературной карьеры?» И она ответила: «Никто, мой милый».

Было еще одно шоу, которого я не видел, но она рассказывала мне о нем[245], где зрители должны были догадаться, с кем имеют дело. Она выбрала Аристотеля в качестве наиболее симпатичного ей персонажа мировой истории, и телевизионщики закрыли ее лицо маской Аристотеля. Она сидела в таком виде перед зрителями, которые должны были догадаться, кто она.

Случалось ли вам посещать лекции мисс Рэнд в университете?

Я основал в Бруклинском Колледже один из первых клубов Айн Рэнд, и она приехала, чтобы выступить перед нами. В аудитории собралось более тысячи человек. Это происходило весной 1963 года. Ее лекция носила название «Новый фронтир фашизма», и Айн полностью захватила внимание аудитории. После этого в кампусе было много споров.

Осенью 1965 года я получил свою первую преподавательскую работу по философии — должность с частичной занятостью в Институте Пратта, Бруклин. Там преподают искусство, архитектуру и технические науки. Я вел вводный курс по философии, но имел еще часы по эстетике. И я спросил ее, может ли она приехать и выступить перед моими студентами. Я сказал,

что лекция будет открыта для всех желающих, и она согласилась, однако вопросы могли задавать только студенты группы, прочитавшие в качестве домашнего задания «Психоэпистемологию искусств». Я поехал за ней в своем крохотном «Фольксвагене» и отвез назад. Айн произвела фурор среди моих студентов.

Расскажите мне о тех философских дискуссиях, которые вы вели с ней.

В речи Рорка, героя романа *Источник,* я прочел, что этика основана на предпочтении выбора жизни или смерти. Обыкновенно считается, что подобная постановка вопроса восходит к *Атланту*. Но Рорк говорит: «Однако истинный выбор производится не между самопожертвованием и господством. Выбирать следует между независимостью и зависимостью. Между жизненным кодексом творца и жизненным кодексом паразита. Вот его настоящая суть, выбор между жизнью и смертью». И я сказал ей: «Знаете, я всегда представлял себе подобную оценку как начало речи Голта, однако пассаж этот нашел в *Источнике».* Я думал, что показываю ей в ее собственном произведении нечто такое, о чем она позабыла. И Айн ответила: «Действительно, так, но в то время, когда я писала эти строки, я не понимала еще, что собственные ценности имеются и у сорняков». То есть даже у самых неприхотливых растений есть свои ценности. Таким образом, она хотела сказать, что представление о жизненных ценностях зависит от представления о жизни. Важно подчеркнуть, что она сказала, что «поняла это только потом». То есть тогда, когда писала речь Голта.

Примерно в то же время я начал читать друзьям курс философии Аристотеля и записал его на ленту. Последняя лекция была посвящена истории влияния Аристотеля вплоть до объективизма. И однажды я спросил, не хочет ли она прослушать эту лекцию. Айн заинтересовалась, и мы прокрутили ленту. В каком-то месте лекции я сообщал слушателям, что существует некая книга *Liber de Causis*[246], которая в Средневековье приписывалась Аристотелю, но содержащая теологическую, платоническую тенденцию, что и заметил в конечном итоге Аквинат. Помню, как она сказала: «Он не мог не заметить этого». Эта небольшая подробность свидетельствует о ее восхищении Фомой Аквинским, тем, что он не мог упустить из вида ни одно не аристотелевское положение, хотя все его предшественники этого не заметили.

Она произвела на меня глубокое впечатление своей способностью говорить почти на любую тему и высказывать при этом интересные мысли. И сколько бы ты ни знал ее мысли по

любому конкретному поводу, она всегда умела удивить чем-то новым. Ум ее никогда не прекращал работать. Причем дело было не только в том, что у нее постоянно рождались новые идеи, но в том, что ее прежние мысли были настолько полны содержанием, что в них можно было копаться буквально без конца. Теперь я вижу это в публикуемых ныне ее более ранних произведениях и документах.

Знакомили ли вы с ней известных вам профессоров?

Я начал преподавать в Колумбии в 1964 году и вел вместе с Рэндоллом[247] два курса — общей истории философии и философии Аристотеля.

Она послала ему экземпляр своей рецензии, однако он никак не отреагировал. Тогда я сказал, что лично заинтересован в ней, и думаю, что личная встреча доставит им удовольствие. И мы договорились пообедать в Колумбии. За ланчем присутствовали он, его жена, Айн и я.

Он оказался очень застенчивым человеком — лучшее определение трудно найти. И не слишком разговорчивым. Она едва ли не первым делом сказала, как ей нравится его книга. И спросила, не чувствует ли он себя одиноким в профессии благодаря своему уважению к Аристотелю и к разуму.

Это интересно, потому что она сразу пошла в открытую, надеясь завязать контакт, ибо, если он скажет «да», тогда бам! Дело сдвинулось с мертвой точки. Однако вопрос смутил его, поскольку она, возможно, задела нечто такое, что он старался отрицать всю свою жизнь. В итоге он усмехнулся и, приняв оборонительную позу, проговорил: «Ну что вы, я всегда могу поговорить с мистером Готтхелфом».

Сразу она не сдалась, напротив, обратилась к теме разума и сказала что-то вроде: но разве не верно, что большая часть нашей профессии противоречит уму? Он погрузился в пустые и неопределенные отговорки, отделавшись пустыми словами вместо четкой формулировки. Тут она, по-моему, и сдалась. Но по ходу разговора сказала, что не согласна с его восприятием Аристотеля как отца государства всеобщего благоденствия.

Когда мероприятие закончилось, Айн в смятении сказала мне: «Не могу с ним говорить. Из него клещами слово не вытянешь». Я согласился: «Да, это трудно. Но иногда мне удается выжать из него побольше». Она была разочарована, потому что Рэндолл явно находился в угнетенном состоянии, и ей хотелось вызвать его на разговор.

Айн также общалась с Брандом Бланшаром[248]. По ходу дела они обменялись книгами. Она послала ему *Добродетель эгоизма,* а он ей свой труд по этике *Рассудок и добродетель (Reason and*

Goodness)[249]. Прочитав эту книгу, она сказала мне с улыбкой: «Он не из наших друзей». Разочарование ее было вызвано тем, что Бланшар включал в свою «личную галерею героев» этической философии портреты Платона и Юма[250], забывая об Аристотеле.

Я вступил в переписку с Бланшаром. Время от времени он писал рецензии для *Нью-Йорк таймс*, и я попытался уговорить его написать рецензию на *Добродетель эгоизма*. Он ответил, что не любит рецензировать книги, когда совершенно не разделяет их главный тезис. И тем не менее он сказал — и я полагаю, вполне искренне, — что считает Айн интересным мыслителем.

Случались ли у вас другие дискуссии относительно профессиональных философов?

Помню, один такой случай произошел во время телефонного разговора с Айн.

Я рассказал ей о своем успехе в технической проповеди объективистской позиции — речь, кажется, шла о концепциях — в разговоре с одним моим знакомым, известным молодым философом. И подчеркнул, что добился успеха не посредством выражения принципов объективизма современным философским языком, но построением от нуля собственного объективистского контекста с помощью живших раньше философов. Я сказал ей, что мой философ более или менее уразумел идею. И когда я закончил свой рассказ, мне показалось, что я вижу, как Айн улыбается на том конце провода. Она сказала: «Ну, раз вы способны на это, отлично, мне такое не удается».

Рассказывала ли вам мисс Рэнд о своей жизни в России?

Нет, но однажды Леонард [Пейкофф], Гарри [Бинсвангер], Гессены и я поехали в Принстон с Айн и Фрэнком, когда там выступала с лекцией Лилиан Гиш[251]. Айн и Фрэнк планировали пройти после лекции за кулисы.

Однако в своей лекции Гиш что-то сказала о том, что намеревается посетить Россию, и это вывело Айн из себя. Она сказала Фрэнку: «Вот что, после таких слов я не хочу здороваться с ней. Не хочешь ли ты сделать это один?» Фрэнк все понял, отправился за сцену и поговорил с Гиш.

Айн была по-настоящему рассержена, и скорее ей было обидно, что человек, о котором она слышала от Фрэнка столько хорошего, может считать Советский Союз цивилизованным местом. Она была лучшего мнения о Лилиан Гиш.

Ранее в тот же самый вечер один из нас спросил ее о том, следует ли считать немые кинофильмы отдельным жанром, и она сказала: «Нет. Немое кино скорее подобно пантомиме». Я думаю, она часто говорила это в других местах: озвучка фильмов скорее завершила полноту жанра, чем создала новый жанр; и немой

фильм подобен пантомиме, где актер ограничен в средствах общения.

Что мистер О'Коннор рассказывал о своей встрече с Лилиан Гиш?

Она помнила его по работе в студии Гриффита, и они недолго поговорили о том, как впоследствии сложилась их жизнь. Полагаю, что Лилиан Гиш было известно о произведениях Айн Рэнд, однако я не помню никаких оценок с ее стороны.

Как вы стали составителем указателей для произведений мисс Рэнд?

В 1964 году я составлял индекс для книги *Добродетель эгоизма,* а в 1966-м — для книги *Капитализм. Незнакомый идеал*. Согласно нормальной процедуре, издатель заказал индекс *Добродетели эгоизма* кому-то другому, однако Айн этот указатель не понравился. Тогда ей сказали: «Если вы найдете составителя сами, мы ему заплатим». Она попросила меня, и я согласился.

Мы с ней сверили мой набросок указателя постранично, и она подтвердила: «Да, все правильно, это взято именно отсюда», отрицаний было немного. Когда мы добрались до пункта о коллективизме, она сказала: «Постой-ка, а разве про коллективизм ничего не сказано в такой-то и такой-то статье?» Она удивительно хорошо помнила собственные работы, и я был удивлен тем, насколько изумительно она помнила отдельные подробности.

Во время этой работы возник вопрос относительно ее определения разума. В *Атланте* разум определяется как «средство, воспринимающее, определяющее и интегрирующее материал, предоставляемый чувствами человека». В *Этике объективизма,* написанной четыре года спустя, в 1961 году, разум определяется как «средство, определяющее и интегрирующее материал, предоставляемый чувствами человека». Здесь было исключено слово «воспринимающее». И я спросил, почему она это сделала.

Она сказала, что этот вопрос поднял Натан [Бранден] — что писать «воспринимающее» в определении может привести к такому толкованию, что восприятие внутренне требует разума или концепций — и таким образом свидетельствует о том — как считали подобные Бланшару идеалисты, — что сознание конструирует тот мир, который мы воспринимаем. Она не допускала подобных мыслей и потому опасалась, что это самое «воспринимающее» может быть понято подобным образом.

Когда мы занимались указателем, Фрэнк обратился к ней и сказал, что Элоис приготовила обед. Айн уже предложила мне остаться на обед, чтобы после него мы продолжили работу и

закончили ее. Я, конечно же, согласился. Спустя какое-то время Фрэнк снова вошел в кабинет, уже с достаточно сердитым видом. Он сказал: «Элоис потратила много времени на готовку, и она расстроится, если обед простынет». Сам тон его предполагал, что подобная ситуация возникала не впервые. Он вышел, она повернулась ко мне, улыбнулась и сказала: «Фрэнк прав». Мы отложили свои бумаги и встали от стола. При этом я ощущал, что всей своей позой она говорит, что да, такое уже случалось, и Фрэнк имеет все основания быть недовольным мной. Эта улыбка и слова «Фрэнк прав» оставили глубокий след в моей памяти. За обедом не ощущалось никакой напряженности.

Мисс Рэнд когда-нибудь редактировала ваши работы?

Да, это происходило в отношении *Указателя философа (The Philosopher's Index),* публиковавшего краткие конспекты или резюме статей, появляющихся в философских журналах, и индексировавшего их по теме. Издатели *Указателя* получили грант на осуществление подобной работы в обратной перспективе до 1940 года. Для этой работы наняли меня.

Я рассказал Ричарду Лайнбеку, издателю *Указателя,* что очень интересуюсь Айн Рэнд и что она написала много философских работ, неизвестных широкой публике, которые следует включить в *Указатель.* Он ответил нечто в таком духе: «Да, мне также кажется, что в ней кроется много больше, чем признают некоторые философы. Действуйте. Сделайте резюме, и я включу их в ретроспективный указатель». Я получил на это одобрение со стороны Айн.

Работа, в сущности, состояла в том, чтобы прочитать каждую статью, которую я считал философской, написать ее краткое содержание, уложившись не более чем в семьдесят пять слов, и выбрать несколько тематических рубрик, в которые ее можно поместить. Я отослал свои резюме Леонарду, который отредактировал их, после чего переслал Айн, сделавшей окончательную редакцию, после чего мы, Айн, Леонард и я, провели телефонную конференцию.

Итак, она действительно редактировала меня — или точнее, мое изложение ее идей. Она переписала те из них, где, по ее мнению, я не понял главного. Иногда она меняла несколько слов, иногда все резюме. Иногда оставляла все как есть. После чего я перепечатал окончательный вариант и передал его издателю, который включил в ретроспективный *Указатель* примерно шестьдесят различных статей, в основном написанных ею, однако среди них было несколько принадлежащих Леонарду и совсем немного написанных Джорджем Уэлшем. Некоторые статьи она посчитала не философскими, и они не были включены. Книги,

конечно, вошли без исключения. Это издание стало первым обстоятельным перечнем ее философских трудов в составе академического библиографического инструмента.

Рассказывала ли она вам какие-нибудь истории о своих отношениях с издателями?

Да, например, для *Добродетели эгоизма* она просила на переплет ткань сине-зеленого цвета, так, чтобы корешок был скорее зеленого оттенка, а сама обложка уже синеватой. Издатель сделал сначала наоборот, и она попросила, чтобы цвета поменяли, так, чтобы они отвечали ее любимой гамме.

Другая история, которую она рассказывала мне, относилась к первоначальной бумажной обложке *Атланта,* на которой была изображена стоящая фигура мужчины, обратившего вперед ладони. После лекции в NBI она сказала мне, что художник сделал фигуру чересчур атлетичной, и она попросила его убрать лишнюю мускулатуру. Однако и этот вариант показался ей чересчур атлетичным… в итоге ей пришлось взять художника за руку и самостоятельно вывести контуры тела.

Обратимся теперь к книге мисс Рэнд Введение в объективистскую эпистемологию *[далее* ВОЭ*]*.

Весной 1963 года после устроенной мной ее лекции в Бруклинском институте группа студентов отправилась обедать вместе с ней. Потом я рассказал ей о разговоре со студентом, в котором он настаивал на том, что определения субъективны, и по сей причине мы не в состоянии разрешить ни один философский вопрос. И я сказал ей: знаете ли, нам и в самом деле необходима эта книга по эпистемологии, о теории концепций, определений и всего подобного. На что она отозвалась коротким: «Гм-м».

Потом, когда она начала писать этот труд по эпистемологии, а возможно, еще до того, она сказала мне, что именно этот наш разговор и кое-какие предварявшие его соображения Леонарда стали для нее стимулом, побудившим к написанию этой работы. И я запомнил, что в ее понимании именно мой разговор подтолкнул Айн к написанию этой работы. По прошествии нескольких лет, подписывая мне эту книгу, она написала: «Аллану: книга, о которой вы просили меня несколько лет назад. С наилучшими пожеланиями и к вящей пользе». В итоге получилось, что наши с Леонардом поползновения подтолкнули ее к созданию этой работы. Приятное ощущение.

Вы имели возможность прочитать ВОЭ *перед публикацией этой книги?*

Мы с Гарри прочли первый вариант этой работы до публикации. Это была вещь удивительная и новаторская. У меня есть смутное ощущение, что она написала про математическую

бесконечность нечто, показавшееся мне не вполне правильным, и она после этого изменила формулировку. Однако книга оставила по себе самое яркое впечатление.

Вы обсуждали с ней эту работу?

В это время я обсуждал несколько вопросов с Леонардом, так как он регулярно встречался с ней, потому что готовился или к чтению курса лекций в Денверском университете, или к своему курсу в NBI: «Объективизм и теория познания». Однако не помню, чтобы систематически обсуждал эту тему с Айн до мастерской *ВОЭ*.

Она также говорила, что когда наконец засела за эпистемологическую книгу, то нашла процесс очень легким… текст как бы самостоятельно ложился на бумагу, потому что давно вызревал в ее подсознании. Интересно отметить, что некоторые из определений, например, «единицы», опубликованных в версии 1966 года, отличались от тех определений, которые они с Бранденом давали мне в 1963 или 1964[252] годах.

Как появилась на свет мастерская ВОЭ?

О ней мне рассказал Леонард, пригласивший меня на заседание. Не помню, как в точности это выглядело, однако, как мне кажется, идея заключается в том, чтобы подобно курсам публицистики учить авторов для работы на журнал *Объективист;* мастерская должна была учить кадры объективистской эпистемологии, чтобы они могли преподавать ее или использовать в своей работе. Не сомневаюсь в том, что первоначальный посыл был именно таким. И это помогло мне. То есть я ощутил огромную разницу. Та работа, которую я проделал в процессе подготовки, и то, что я понял в процессе этой работы, воистину заточили мое понимание теории и метод мышления — просуществовавший до сего дня.

В первой мастерской было много народа. Леонард исполнял обязанности хозяина, и он сразу сказал, что, имея полный доступ к Айн, много вопросов задавать не будет, однако примет участие в дискуссии. Старшими были Джордж Уолш и Джон Нельсон, знакомые Леонарду по Денверу. Философов представляли Гарри, я и Майк Берлинер. Кроме того, были еще несколько физиков и другие люди, которых я не запомнил.

План состоял в том, чтобы назначенная персона в течение примерно часа задавала вопросы Айн. Этот час должен был задать направление заседанию, а также предоставить возможность задающему получить ответ на свои недоумения.

Первое же заседание продлилось около девяти часов, включая перерыв на обед, заняв, таким образом, около семи часов. Айн

обладала колоссальной энергией и могла бы проработать всю ночь напролет.

Первое заседание Джордж Уолш начал с вопросов по первым двум главам. В начале второго заседания Джон Нельсон задавал вопросы по третьей главе «Обобщение обобщений». Я был третьим, однако меня попросили задавать вопросы по всей книге, поскольку Айн решила, что больше заседаний не будет. Она не хотела продолжать работу в прежнем формате. Леонард сообщил мне, что она намеревается продолжать заседания в своей квартире при сокращенном составе участников, однако официально эпистемологическая мастерская завершила свое существование после трех заседаний.

Айн решила, что первое заседание заняло слишком много времени, поэтому длительность второго была ограничена пятью часами. Тем не менее, на мой взгляд, ей было скучно выслушивать столько несущественных и неинтересных вопросов, хотя лучшие из них привлекли к себе ее внимание, и многие вопросы она сочла ценными.

Ну а мы были ошеломлены потоком новой информации. Здесь можно было спросить буквально обо всем, что ты думал на поднятую тему, поскольку такие рассуждения приветствовались. Поэтому занятия щедрой рукой возмещали потраченное на них время и обогащали. Возможность задать свои вопросы Айн Рэнд приносила неописуемое интеллектуальное наслаждение. С моей точки зрения, это было так, как если бы в комнате вдруг появился сам Аристотель.

Как вы описали бы ее во время этих семинаров?

Думаю, она испытывала тихую радость, когда ей задавали разумные вопросы, и получивший ответ на свой вопрос реагировал какой-то фразой, свидетельствовавшей о том, что он все понял. Подозреваю, что она также испытывала некоторую напряженность, когда ей задавали вопросы в каком-то странном и неожиданном контексте. Тем не менее напряженность, буде таковая действительно существовала, являлась скорее интеллектуальной, чем эмоциональной, в том плане, что ей было важно понять, что ей говорят, так как цель мероприятия заключалась как раз в ее ответах. Я фокусировал свое внимание не на ее реакции, но мог заметить, что большую часть времени она получала удовольствие от процедуры. И когда она говорила «именно так» в ответ на нечто сказанное ей — я ощущал, что наступил приятный для нее момент. Кроме того, она очевидным образом любила объяснять.

Но и в этих технических дискуссиях приключались свои сюрпризы. И Айн была неисчерпаема. Что касается того, что

можно было узнать, уместно назвать подобные собрания «незаменимыми».

Завершая первую мастерскую, она рассказала нам о том, как попала к самой сердцевине своей теории[253].

Давала ли вам мисс Рэнд какие-либо приватные советы?

Однажды мне случилось переговорить с ней по действительно очень личному вопросу, но мне хотелось бы упомянуть об этом, поскольку сам случай характеризует ее методику. Я почувствовал, что неким образом предал ее. Я позвонил ей бесспорно в расстроенном состоянии. Однако она хотела знать только одну вещь, и я ответил ей: «Нет, я этого не делал!» И она сказала только одно: «Ну и хорошо». Я хочу этим сказать только то, что она была очень чувствительным в психологическом отношении человеком. Она видела, что я делаю, как видела и ту ошибку, которую совершаю в психоэпистемологическом отношении. И она обратилась к уместным в данной ситуации философским принципам. Она как будто придавала ситуации тот вид, в котором я мог понять ее. Она сказала: «Вы впали в гегельянство. И ожидаете, что познаете сначала все, а потом уже частность». И я сразу же понял, на что она указывает.

Итак, в первую очередь она хотела знать, не совершил ли я поступка, который можно было бы счесть аморальным или предательским. И как только стало ясно, что я не совершил ничего такого, стал возможен дальнейший разговор. В этой ситуации она обнаружила то же самое желание, о котором я уже упоминал выше — помочь мне увидеть нечто интеллектуальным образом. И это было именно то, в чем я нуждался.

Кстати, работая над указателем, я один или два раза обедал в ее доме. При этом присутствовала очень привлекательная женщина, также интересовавшаяся мной. А потом она увлеклась другим молодым человеком и стала объяснять, почему разочаровалась во мне. Одна из причин заключалась в моей излишней полноте, я сказал об этом Айн, и она ответила примерно следующее: «Я бы так не сказала. На ее месте я бы подтолкнула мужчину к тому, чтобы он занялся сгонкой веса, однако по такой причине нельзя отказываться от человека». То есть с ее точки зрения внешность имеет значение, однако существуют и другие способы уладить этот вопрос, кроме разрыва отношений.

Мы также обсуждали ощущение, испытываемое многими людьми, а иногда приходившее и ко мне, состоящее в том, что они никогда не встретят романтического партнера, которого можно любить весь остаток жизни. И она сказала мне нечто,

навсегда запомнившееся мне, и я пересказывал ее слова людям, испытывавшим аналогичные чувства. Она сказала: «Но вы же не урод, так?» И я сказал: «Нет». — «А значит, должны найтись и подходящие вам девушки. Нужно только отыскать их». Она имела в виду, что человек становится определенного рода личностью, приобретает определенные ценности и определенный характер, а значит, и другие люди могут разделять подобные ценности, иметь схожий характер и разделять стиль твоей жизни. Ну, как в анекдоте про Нью-Йорк: дело в том, что даже если таких, как ты, один на миллион, то в Нью-Йорке вас восемь человек.

Случалось ли вам видеть, как кто-то другой давал ей советы?

Я присутствовал при том, как 18-летний сын новой знакомой пытался объяснить Айн, почему он считает, что она должна иначе преподносить миру свои идеи. Если бы это сказал ей не сын новой подруги, она не стала бы даже слушать его. А так она ответила ему строгим, но теплым тоном: «Видите ли, молодой человек, я уже давно занимаюсь этим делом». А могла бы сказать: «С чего это вы решили, что лучше, чем я сама, сумеете излагать мои собственные мысли?» Что-что, а это она умела делать великолепно.

Какие аспекты ее романов вам случалось обсуждать с ней?

Мы разговаривали с ней об *Атланте*. В частности, о сцене на юбилее Риардена, когда Франсиско говорит Саймону Притчетту, что является учеником Хью Экстона. Там, где женщина говорит, что Притчетт учил тому, что ничто — это все что угодно, и Франсиско говорит о Хью Экстоне, что тот учил тому, что все есть нечто. Она сказала мне, что это одно из ее любимых мест в романе, и что ей очень приятно, что она сумела овладеть этими очень абстрактными идеями: ничто — это все что угодно, все — это нечто, — и использовать их в драматической сцене.

Она также говорила, что ей нравится то, как она сумела выразить смысл гегелевской рациональной вселенной в той сцене, когда Дагни и Оуэн Келлог посреди ночи идут по железнодорожному пути в поисках телефона: «…пространства, которое есть не свет и не тьма, почва не вязкая и не упругая, туман сразу неподвижный и движущийся». Вот два примера того, как две очень абстрактные философские идеи создают литературный контекст, смыслы которого пересекаются самым драматическим образом.

Еще она гордилась описанием звука сирены на заводе Риардена, под стон которой из печи изливается металл. Она говорила, что в литературе одной из самых трудных вещей является передача идеи звука. И считала, что в данном месте достигла совершенства.

В части ответов на вопросы она рассказывала об имени Уэсли Мауча (Mouch). Тема эта возникла, когда кто-то сказал: «Уэсли Муч (Mooch)». Она пояснила: «Нет. Он не Уэсли Муч (Mooch). Он — Уэсли Мауч (Mouch)». Ибо это имя она создала, соединив слова «mouse, мышь» и «mooch, бездельник».

В отношении Голта она рассказала, что не помнит, откуда взяла это имя. Еще был вопрос о Хэнке Риардене, что-то вроде: Дагни и Риарден первоначально были всего лишь деловыми партнерами, почему же в таком случае Дагни зовет его Хэнком? Она ответила, что в американских деловых кругах принято в разговорах между собой пользоваться уменьшительными именами или кличками. И хотела зафиксировать эту подробность.

Еще она говорила, что молодая Кэтрин Хепбёрн была бы превосходной Дагни, имея в виду ту Хепбёрн, какой она была в 1930-х годах.

Я спрашивал ее о том, случалось ли ей перечитывать *Атланта.* Она ответила: «Очень редко. Всякий раз, перечитывая его, я погружаюсь в мир этих людей, и на то, чтобы выйти из него, необходимы недели».

Рассказывала ли вам мисс Рэнд о каком-нибудь своем новом литературном произведении, над которым работала?

Во время одного моего визита она упомянула, что только что получила аванс за свой следующий роман. Я спросил ее, о чем он будет, но она ответила: «О, пока об этом нечего говорить». Еще она сказала, что ни одна еще женщина-писатель не получала такого огромного аванса. Речь шла, кажется, о четверти миллиона долларов. Какое-то время спустя тема аванса снова всплыла, и она ответила: «О, я вернула его обратно». Это случилось после того, как она раздумала писать роман.

Давайте перейдем к другим темам. К Аристотелю?

Кто-то писал, что в конце 1940-х годов она приобрела «полное собрание сочинений Аристотеля». Поэтому я спросил ее о том, правда ли это, однако она ответила, что купила только *Основные работы Аристотеля* Маккиона (McKeon *Basic Works of Aristotle),* содержавшую большинство его философских сочинений, но не полные двенадцать томов.

Элеонора Рузвельт?[254]

Она называла Элеонору Рузвельт «энергией без толка». Таковым определением она характеризовала людей суетливых, но не способных достичь чего-то значительного. И миссис Рузвельт была для нее примером этого тезиса.

А как насчет веса?

Иногда она сражалась с лишним весом — в том плане, как понимала его. Что касается роста — Айн приобрела туфли на

платформе, когда они были в моде, так как казалась в них более высокой.

Случалось ли вам разговаривать с ней относительно того, как она использовала свой разум?

Да. Один только раз. Айн сказала мне, что ей повезло в том, что она очень рано направила себя в нужную сторону. То есть к вопросам о причинах, к переходу на следующий уровень абстракции, к поискам основ. Она выбрала для себя подобную деятельность, однако таковая требовала открытия, и потому она могла понять людей, продвигавшихся более долгим путем к открытию этой методологии, если оно имело место. Она ощущала свою удачу — что было для нее вовсе не типично — в том, что рано отыскала ее, и считала, что если кому-то потребовалось дольше идти к этой здравой психоэпистемологии, то не стоит возлагать на него вину за это.

Она любила каких-нибудь поэтов?

Однажды она сказала, что ей нравится Суинберн[255].

Случалось ли мисс Рэнд беседовать с вами о других философах помимо Ницше и Аристотеля?

Ну, в известной степени о Платоне. На страницах *Атланта* Хью Экстон говорит, что в возрасте шестнадцати лет Джон Голт задал такой вопрос по метафизике Платона, который самому Платону следовало бы задать, исходя из соображений здравого смысла. Мы с Леонардом спрашивали у нее, какой именно она имела в виду, предполагая что-нибудь вроде «аргумента третьего человека» на Платонову теорию идей — хотя и не именно этот вопрос, — однако она сказала, что не имела в виду ничего конкретного.

Как насчет Канта?

Этика Канта основана на принципе «универсализации», требующем, чтобы человек поступал согласно максиме, которую можно преобразовать в универсальный закон. В ходе разговора о Канте она сказала: «Мне всегда хотелось написать статью о принципе универсализации, о том, что в нем правильно — потому что правильно в нем нечто важное — и что неправильно».

Обсуждали ли вы с ней ее планы относительно написания публицистических и философских работ?

Во время шестичасовой беседы, состоявшейся в ее квартире в 1963 году, мы немного поговорили о ее дальнейших планах. В то время я заканчивал университет по математике, и мы обсуждали мое мнение о том, что принципы философии математики существенно зависят от отношения к универсалиям, что традиционные школы философии математики двадцатого века неявным образом происходят от трех ошибочных школ

философии универсалий, причем отсутствует даже современная аристотелианская школа философии математики, не говоря уже об объективистской. Она сказала тогда: «Ну, я пообещала себе самой, что когда мне исполнится семьдесят лет, займусь философией математики». Это было в 1963 году, и она уже делала кое-какие заметки о связи между концепциями и математикой[256].

Разговаривали ли вы с ней о Линдоне Джонсоне?

Однажды я сказал ей: «Джонсон кажется мне в точности похожим на мистера Томпсона». И она согласилась: «Это заметно, однако мистера Томпсона отливали по модели Гарри Трумэна».

Согласно вашим собственным наблюдениям, следовала ли она сама проповедуемой ею методике?

Следовала. Однако здесь крылось нечто большее, чем практическое применение собственной проповеди. Ее действия без всякого принуждения проистекали из ее собственного образа мыслей. Я не могу представить себе того, чтобы она поступила вопреки собственным убеждениям. Она была очень закрытым человеком, поэтому никаких внешних свидетельств внутренней борьбы, если таковая и существовала, заметить было невозможно, однако я чувствовал, что она абсолютно честна перед самой собой и перед миром. Никаких внутренних раздоров, никаких противоречий. Такой она была во все времена нашего знакомства. Словом, она была крепка как камень.

Каким образом закончились ваши взаимоотношения с мисс Рэнд?

В конце 1970-х годов я перестал занимать активную позицию в движении и не так часто встречался с Айн. Но в ноябре 1981 года, когда она направилась в Новый Орлеан, чтобы прочесть лекцию, мы случайно встретились на Пенсильванском вокзале в Нью-Йорке. Сопровождавший ее Гарри заметил меня, подошел и сказал: «Айн уже здесь, мы едем в Новый Орлеан читать лекцию». Поэтому я отправился в особый VIP-зал компании «Амтрак», чтобы увидеться с ней. Мы недолго поговорили о том, как провели последние несколько лет. Она рассказала мне о причинах, побудивших ее предпринять поездку в Новый Орлеан.

Я всегда останусь благодарным этой возможности повидаться с ней, потому что знакомство наше явно подходило к концу. Я не видел ее долгое время и поэтому с особенной ясностью увидел, как она сдала, и был опечален этим, хотя ее упадок сил в исполнении другой персоны мог показаться вспышкой активности. Она казалась не настолько бодрой, как в прежние времена, и явно физически ослабела и устала. Я сохранил об этой встрече самые приятные воспоминания, и тем более благодарен

представившейся мне возможности, потому что снова услышал об Айн уже то, что она заболела во время путешествия. Потом мне позвонил Гарри и известил о ее смерти. Он рассказал мне, что сперва будет прощание, а потом похороны. Учитывая свои преподавательские обязанности, я мог побывать только на чем-то одном и предпочел пойти на похороны.

Как вы простились с мисс Рэнд на вокзале?

Едва ли мне могло прийти в голову, что эта встреча может оказаться последней. Она рассказала мне, что устроители лекции в Новом Орлеане приготовили для нее специальный личный вагон. Она рассказывала об этом с каким-то детским удовольствием, и я сказал: «Вот и отлично, пусть дорога окажется приятной для вас. Надеюсь, что и лекция сложится удачно».

Вы говорили мисс Рэнд что-нибудь о ее свершениях в дополнение к тому, что сказали ей в вашем первом долгом разговоре?

Да. Это случилось после того, как я прокрутил ей ленту с записью упомянутой выше лекции о влиянии Аристотеля на последующую мысль. Мы разговаривали, и она подчеркивала все величие Аристотеля. И я сказал ей: «Знаете, а ведь и вы сделали для сознания то, что Аристотель сделал для бытия». Кажется, я сказал ей, что Аристотель дал нам принцип, согласно которому бытие обладает подлинностью. А она научила нас тому, что подлинно и сознание. Он внес в мир ясность — сущности, свойства, причины и следствия и так далее. Она сделала то же самое для сознания — концепциями, свободной волей, искусством и многим прочим. И она признавала это. Однако никогда и никому не позволила бы сказать, что она превзошла величием Аристотеля. И я никогда не испытывал искушения сделать это.

Мне до сих пор очень не хватает ее. Однако я не высказываю претензий к ее смерти. Я провел в ее обществе отпущенное мне для этого время. Разве не благосклонна к нам эта Вселенная, если я был знаком с Айн Рэнд?

Дороти Готтхелф

Дороти Готтхелф — мать Аллана Готтхелфа, философа и друга Айн Рэнд. Миссис Готтхелф скончалась в 2003 году.

Дата интервью: 30 июня 2000 года.

Скотт Макконнелл: *Как мне кажется, вам однажды пришлось разговаривать с мисс Рэнд по телефону.*

Дороти Готтхелф: Да. Впрочем, наверно, это случалось неоднократно, однако один раз особенно запомнился мне, она была очень любезна. Аллан только что начал интересоваться ее работами, начал проводить много времени в обществе мисс Рэнд. В это время Аллан находился на выпускном курсе Бруклинского колледжа, она позвонила и попросила пригласить его к телефону, однако его не оказалось дома. Тогда она спросила, не с матерью ли его говорит, и я назвала себя. Она сказала мне, что Аллан один из самых одаренных людей среди всех, с кем ей приходилось встречаться, и что она рада знакомству с ним, а теперь и со мной. Она удивила меня своим пожеланием: «Должна сказать, что искренне завидую вам, мне хотелось бы иметь такого сына». Я сказала: «Увы, этой радостью я не могу с вами поделиться». Мне было очень приятно. Она говорила таким искренним тоном; я действительно была рада слышать такие слова.

Эдвин А. Локк

Эдвин А. Локк является внештатным и отставным профессором (эмеритом) курса руководства и мотивации Университета Мэриленда в Колледж-парке, он был знаком с Айн Рэнд в 1960-х и 1970-х годах.

Дата интервью: 12 марта 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Расскажите мне о курсе публицистики, прочитанном мисс Рэнд в 1969 году.*

Эдвин А. Локк: Я пытался сочинять связанные с объективизмом статьи, однако ничего толкового у меня не получалось. Целью этого курса являлась помощь начинающим авторам *Объективиста,* и я предпринял неудачную попытку написания такой статьи. Я обсудил с ней мою работу, которая была ужасна, — и Айн Рэнд сказала: «У вас получилось не слишком удачно» — и начала рассказывать мне, в чем я ошибался, причем совершенно правильно, подчеркивая немногие удачные моменты.

Иногда мое невежество потрясало ее. Тогда она говорила, не с осуждением, как бы не веря себе самой: «Разве вы этого не знаете?» И я в великом смущении отвечал: «Нет». Однако она всегда была очень объективна в своих комментариях. И никогда не съезжала на мораль.

Можете ли вы поподробнее рассказать мне о ее редакторской манере?

Она всегда стремилась установить главное и определить место ошибки: что не следует из чего, где ты не обосновал свое утверждение. Она всегда выхватывала фундаментальный вопрос и обладала способностью связать его с частностями, сказать: «Это отсюда не следует… Неясно, что вы хотите этим сказать». А когда я представил ей набросок своей статьи, она объяснила мне, почему фокус внимания следует подкорректировать.

Однако в известной мере я никогда не мог ощутить в себе достаточную внутреннюю свободу, чтобы воспринимать достоинства ее редакторской методики, так как пребывал в священном трепете перед ней.

Как она обращалась с вами?

Всегда очень объективно и честно. Основываясь исключительно на фактах. И всегда благожелательно. Мы все по очереди приносили на лекции какие-нибудь новые идеи, и в перерывах люди могли поговорить с ней, всегда о деле, всегда об

идеях. К ней можно было подходить только с комментарием об идее.

Сердитой я видел ее только однажды. Она рассердилась на Фрэнка за то, что он слишком широко открыл окна и в них могла выпасть кошка. Она сказала нечто в том роде, что нельзя же так необдуманно поступать. А когда началось занятие, сказала всем нам: «Простите мою невыдержанность, но я боялась за кошек».

Иногда после очередной лекции я имел счастье оказаться среди приглашенных на «семинар» вопросов и ответов в ее квартире. Я спросил ее о том, чем был плох Генри Камерон в сравнении с Рорком, так как Камерон сломался, когда его дело пришло в упадок, а Рорк устоял на ногах, несмотря на многочисленные неприятности. Она ответила, что Камерон оказался слишком эмоциональным человеком.

Я был ошеломлен глубиной ее познаний, тем, что она могла взять такую простую вещь, как набросок статьи, и часами рассуждать о ней. Это было просто удивительно, однако она всегда придерживалась логики и фактов и вежливо отвечала на вопросы. Она всегда была полностью рациональным человеком. Насколько я помню, эти «семинары» вопросов и ответов завершились сразу после смерти Фрэнка. И я был очень расстроен этим, не только смертью Фрэнка и ее воздействием на нее, но и тем, что я готовил несколько новых вопросов к ней.

Случалось ли вам разговаривать с ней лично?

Да, таких разговоров у меня получилось два. Первый состоялся во время упомянутых выше публицистических курсов. Как я уже говорил, она хотела, чтобы мы писали статьи, и многие из нас предпринимали подобные попытки во время курсов. Моя попытка оказалась неудачной.

Вторая попытка после завершения курсов удалась мне лучше. Я написал статью о концепции цели, которая ей понравилась, и мисс Рэнд хотела опубликовать ее в *Объективисте*, однако публикация его очень скоро прекратилась. Однако мне было приятно то, что я сумел написать хорошую работу. Впоследствии Гарри Бинсвангер закончил свою докторскую диссертацию на близкую тему, тем самым пролив новый важный свет на вопрос.

Джон Ридпат

Джон Ридпат поддерживал знакомство с мисс Рэнд начиная с 1962 года до ее смерти в 1982 году. Он в течение тридцати двух лет, основываясь на ее идеях, преподавал историю мысли и экономику в Йоркском университете, Торонто, Канаде, а также выступал в защиту капитализма в университетах Северной Америки и Европы.

Даты интервью: 10, 11 и 22 июля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как случилось, что вы познакомились с Айн Рэнд?*

Джон Ридпат: Весной 1961 года, получив степень бакалавра технических наук в Университете Торонто, я работал в компании, занимавшейся кондиционерами. Друг одолжил мне роман *Атлант расправил плечи,* полностью поглотивший меня тем летом, но только как художественное произведение. В конце осени 1961 года я возвратился в Торонто и увидел в газете объявление о том, что Натаниэль Бранден будет проводить лекцию об идеях Айн Рэнд.

Эта лекция стала поворотной в моей жизни. Мне было двадцать пять лет, я плохо разбирался в гуманитарных вопросах и — не умея понять свою собственную жизнь, не говоря уже об истории — погружался в цинизм. Та лекция произвела на меня впечатление, прежде всего, не философскими идеями Айн Рэнд, но ее глубоким проникновением в те идеи, которые лежат в основе жизни и истории общества. И летом 1962 года я вернулся в аудиторию — изучать историю идей.

Как вы впервые встретили ее?

Когда я работал над своей магистерской диссертацией в Университете Торонто, в Нью-Йорке объявили о проведении бала NBI. Я познакомился с ней в перерыве между танцами: увидел, что она осталась одна за своим столиком, подошел и представился.

И о чем вы с ней говорили?

О веселом и счастливом вечере, о значении для меня *Атланта* и моих выпускных планах. Однако более значимым для меня в тот вечер было не то, о чем мы говорили, но как происходил разговор — ее манера. Здесь, в танцевальном зале, я предполагал встретить интеллектуальный танк «Шерман» — сосредоточенный, серьезный, полный внимания, и был заранее готов к этому. Однако после первых нескольких мгновений я

оказался в атмосфере счастья, благожелательности, деликатности, даже душевной теплоты. И с той самой первой нашей встречи до самой последней эта атмосфера сопровождала все то время, которое мне довелось провести в ее обществе.

Давала ли она вам какие-нибудь советы по поводу вашей преподавательской деятельности или академической жизни?

И да, и нет. Что касается преподавания, удача сопровождала меня с самого начала — я начал преподавать в Университете Вирджинии в 1965–1966 гг. Что касается успеха в преподавании, мы обсуждали значение как иерархии, так и примера, но в общем и целом, насколько я помню этот разговор, он скорее напоминал отчет с передовой о выигранной битве, чем наставление главнокомандующего.

Касательно академической жизни она таки дала мне совет. Она помогла мне научиться не учить собственных учителей — вне зависимости от того, насколько они в этом нуждались. А кроме того, предупредила меня о глубине академической коррупции, распространенной куда глубже, чем я мог это представить — во всяком случае, до того, как стал преподавателем в Йоркском университете, Торонто.

Кроме того, по ходу дела она ответила на множество моих вопросов, отчасти относившихся к экономике, но в основном об истории познания и идеях, оставивших свой след в истории философов.

Помните ли вы какие-нибудь из ее ответов?

Да. Например, она говорила о величии Аристотеля, объясняя глубину его интеллектуальных озарений, любовь к научным исследованиям, широту интересов и в особенности независимость, позволившую ему открыть многое, дотоле неизвестное цивилизации.

Помню также одну нашу дискуссию по поводу концепции индивидуализма, которая завела нас к вопросу о первичности индивидуальных сущностей, в свой черед породившему вопрос: «Что такое сущность?» Если сущностью может быть кирпич, то как может быть сущностью стена? В стене много кирпичей, так к чему же относится это понятие — к одному или к другому? Конечно, она могла ответить: это зависит от контекста и может относиться или к тому, или к другому. Путаница возникала из непонимания контекстов. Вот пример тех разговоров, которые мы с ней вели.

Я ярко помню другой пример ее способности погрузиться к основам, чтобы разрешить спор. После ее выступления в Форд Холле, уже в ее гостиничном номере, один из нас спросил, не может ли она разрешить возникший между многими из нас спор. Вопрос состоял в том, является ли частичное банковское

резервирование скрытой кражей или законной банковской операцией, благодаря тому что она создает расширенный кредит на заданной базе. Мы — несколько аспирантов, если уже не докторов экономических наук — разделились в мнениях по этому поводу. С характерной для нее сосредоточенностью она задала несколько вопросов, обнаружив удивительное знание дела, и — хоп — ответ становится очевидным. Эта операция вполне законна — суть ее определяется информированным и просчитанным риском и потому не является кражей.

Подобные ситуации могли лишить меня сна на несколько дней после лекций в Форд Холле. Беседы с ней, вне всякого исключения, всегда становились удивительным и вдохновляющим топливом.

Она действительно знала во всех подробностях историю человеческой мысли?

Не во всех подробностях в некоторых случаях, но в главном всегда. Она говорила, что понятие о правах стало столь выдающимся достижением, что лишь немногие понимают его даже теперь. Она могла сказать это не потому, что знала всю историю возникновения этой концепции, но потому что знала основные моменты в истории философии, и то, как они заставили людей воспринимать права человека в неправильной перспективе.

Хорошим примером ее владения идеями является ее отношение к Фридриху Ницше. В 1960-х и 1970-х годах среди ее очернителей стало модно характеризовать ее как современную ницшеанку. Таким образом они отказывали ей в оригинальности, делали излишним всякое открытое упоминание ее идей и связывали ее с мыслителем, которого принято считать прото-наци и безумцем.

Я много читал Ницше и знал, что за всеми его страстями и драмой, как будто призывающими людей к личному героизму и величию, кроется комплекс более глубоких идей, полностью несовместимых с индивидуализмом и потому определенно неприемлемых для Айн Рэнд.

Я спросил мисс Рэнд, стоит ли мне, по ее мнению, написать о том, что она ни в коей мере не находится под любым серьезным философским влиянием Ницше. Она дала свое одобрение. Я засел за чтение Ницше и груды всякой вспомогательной литературы о нем. И в процессе чтения звонил мисс Рэнд или посещал ее. Она помогала мне разбираться с трудными местами, и я беседовал с ней о Ницше. В молодые годы она читала некоторые из его основных произведений, но, как мне кажется, не весь свод, и, во всяком случае, не читала биографий или современных обсуждений. Поэтому ей было интересно узнавать новые грани

его воззрений.

В какой манере или методике она объясняла вам эти вещи?

Внимательно, терпеливо и очень, очень сосредоточенно. И благожелательно — в том плане, что она добивалась, чтобы ты понял, чтобы научился, чтобы справился со своими ошибками. Я постоянно ощущал ее терпение, ее уверенность в том, что в конечном итоге я все пойму, и ее уважение к тому факту, что я слушаю, задаю вопросы, учусь и усваиваю — независимо и в своем собственном темпе. Я никогда не ощущал ее разочарования в себе, и она, безусловно, никогда не осуждала меня — в отличие от тех ложных идей, которых я мог придерживаться. Она никогда не стремилась к тому, чтобы я достиг согласия с ней; ее целью было добиться лучшего понимания мной реальности. В то время я совершенно не осознавал того, как щедро тратит она свое время.

Вы говорили, что лучше познакомились с ней в конце 1970-х годов. Как и почему ваши взаимоотношения изменились в последние несколько лет ее жизни?

Сему помогало, во-первых, течение времени, позволяющее глубже познакомиться с человеком. А потом я сделался ее так называемым телохранителем. За сценой Форд Холл Форума располагалась небольшая комнатка, где она раздавала автографы и из которой выходила к ожидавшей ее публике. Она выходила, ее обступали со всех сторон и аплодировали. Однажды в толпе обнаружился молодой человек, пожелавший непременно облагодетельствовать Айн собственным трактатом по эпистемологии, который он считал решительным опровержением ее теорий. Она не хотела брать эту работу, но молодой человек решительно настаивал на своем, и мы уже начинали волноваться. Тут кто-то предложил: «Айн, возьмите Джона под руку. Он самый рослый и скромный среди всех нас, а дальше пойдем тесной группой, чтобы не пропустить к вам никого слишком настойчивого». Так мы и поступили: идея оказалась вполне здравой. Так что каждый год — сперва на Форд Холл Форуме, а потом на прочих мероприятиях — если ей приходилось идти сквозь толпу, она оглядывалась по сторонам и спрашивала: «А где Джон?» Вот таким образом я сделался ее сопровождающим на публичных выступлениях и после них, в том числе на последнем появлении на сцене в Новом Орлеане в 1981 году.

Наши взаимоотношения с ней также менялись в том плане, что в процессе своего обучения я достиг той точки, которая сделала возможными с моей стороны более интересные и сложные вопросы.

Что еще вы можете сказать о ее манере общения?

Мои личные отношения с ней будто бы соединяли в себе

интеллектуальное и серьезное с одной стороны, и легкий и веселый, очень приятный разговор с другой. Чтобы более полно охарактеризовать ее манеру, расскажу вам о другом нашем разговоре, не связанном с высокими материями, но кое-что говорящем о ней.

Однажды мы отдыхали после дискуссии, как она выражалась, на «деловые темы», и разговор сам собой перешел к *Человеку, который смеется* Виктора Гюго. Я рассказал ей о том, что, когда впервые прочитал эту книгу в начале 1970-х годов, она оставила по себе столь яркое впечатление, что в голове моей буквально сложилась киноэкранизация этого романа. Глаза ее зажглись восторженным интересом, и она сказала: «И у меня тоже. С чего начался ваш фильм?»

Я сказал: «Колышущаяся черная вода, плеск волн, звуки драки, а по экрану бегут титры». Она удивилась: «Но почему черная вода?» Я объяснил ей, и услышав мое объяснение, она обрадовалась, зажглась энергией, почти детским энтузиазмом. Более того, вставила этот кадр в свой умственный фильм.

Беседовали ли вы с ней об искусстве?

Не слишком подробно. Но говорили о различных произведениях искусства и моем восприятии их. Помню, что, кроме Гюго, мы обращались к Бетховену, Рахманинову, различным вариантам нравившегося мне джаза, *Сирано де Бержераку* Ростана, поэзии Ницше и ужасам современного мира искусства.

Что вы говорили о Бетховене?

Мы говорили о нем, потому что он глубоко трогал меня, а ее оставлял равнодушной; она считала, что он допускал существование недоброжелательной, злой вселенной[257]. Я рассказал ей, что сходил на симфонический концерт, чтобы послушать музыку Бетховена, и был глубоко потрясен ею, после чего мы немного поговорили на эту тему, так как ей было интересно.

Задавала ли она какие-нибудь вопросы, чтобы узнать, что именно вам нравится?

Насколько я помню, в каждом конкретном случае общей нитью являлись возникавшие у меня образы, настроения, отклики, связанные с произведениями искусства.

Обсуждали ли вы с ней текущие дела?

Не помню, чтобы мы подолгу говорили с ней о современных проблемах. Помню только то, что подчас она не верила тому, что мы ей говорили. Хорошим примером могут стать Jesus freaks[258] на тротуарах Америки. Она не могла даже представить себе такой глубины порочности, и поэтому считала, что мы шутим с ней.

Расскажите мне об эпистемологических мастерских.

Я жил не в Нью-Йорке, и поэтому посещал только один или два писательских курса, и некоторые — но не все — эпистемологические мастерские. Последние проводились в той же небольшой гостиничной комнате, что и семинары. Активно интересующихся философией было примерно пятнадцать человек, и они сидели с внешней стороны расставленных овалом столов. Нефилософы сидели позади группы, и им не было позволено участвовать в обсуждении. Я принадлежал к числу этих слушателей.

Опишите ее манеру преподавания.

Она являлась без церемоний, рассчитывая на то, что все уже собрались и готовы приступить к делу. И никакой предваряющей болтовни, кроме дружелюбного приветствия. Она садилась, доставала из сумочки сигареты и зажигалку и клала их на стол. Никаких записок. Никаких бумаг. Никакой ручки. Никакого *ВОЭ*. После чего принимала вид самый серьезный и деловой, и заседание начиналось.

Айн Рэнд была человеком организованным, руководящим, очень властным — но и очень терпеливым в своих объяснениях и внимательным к вопросам. Присутствующие скоро понимали силу и организованность ее ума, включая способность следить за всем происходящим и его связью с тем, что было ранее сказано в мастерских.

Расскажите мне о том, что происходило во время занятий в мастерских.

Собрания, насколько я помню, продолжались три и более часа. Одному из участников заранее давалась тема, а также час на то, чтобы обсудить ее лично с мисс Рэнд в мастерской. Должно быть, какая-то часть *ВОЭ,* может быть, глава — не уверен. Эта процедура занимала около часа, а потом оставшееся время занимала сессия вопросов и ответов по предложенному материалу. Все ошибки в цитатах из *ВОЭ* немедленно исправлялись ею. Она помнила не только каждое слово и каждую запятую, но и то, по какой причине они оказались на своем месте.

Поскольку вопросы и комментарии были адресованы ей, она выглядела сосредоточенной, пытливой и деликатной. И чем важнее оказывался вопрос, тем более оживленной и внимательной она становилась. Она проявляла удивительное терпение ради того, чтобы вопрос и проистекающие из него следствия получили адекватное разъяснение, особенно в связи с тем, что некоторые из присутствующих в недостаточной степени понимали объективизм или же, по необходимости соглашаясь с его положениями, находились в плену глубоко ошибочных

воззрений или купированных психоэпистемологий.

При всем моем опыте общения с ней эти занятия сделались самой удивительной демонстрацией присущих ей силы ума и благожелательности. Она непринужденно владела огромным объемом информации. Поняв направленный к ней вопрос, она без всякого труда отвечала на него исчерпывающим образом, в том числе заставляя спрашивающего осознать следствия своего вопроса, и даже заранее отвечала на возможные боковые ответвления основной линии дискуссии, к которым последняя, по ее мнению, должна была обязательно прийти. И все это происходило в самой тактичной и выдержанной манере, даже в тех случаях, когда — как мне казалось — ее оппонент переступал рамки приличия и почтительности.

Давайте обратимся к другим аспектам жизни и характера мисс Рэнд. Помните ли вы какие-нибудь примеры проявленного ею чувства юмора?

Она, безусловно, обладала чувством юмора и легко проявляла его. Самым ярким моим воспоминанием остался эпизод, происшедший в ее гостиничном номере после одной из бесед. Я до сих пор вижу ее, откинувшуюся на постель или диван и рассказывавшую нам о том, как они вместе с Изабель Паттерсон пытались изобразить, какой была бы жизнь, если воспринимать ее умом бобра. Она смеялась, с удовольствием вспоминая сценку, а я удивлялся тому, насколько точной была ее память.

Можете ли вы вспомнить какие-нибудь проявления ее гнева?

Только на публике, но не в той приватной обстановке и аудитории, свидетелями которых я был. На публике, однако, случались такие оказии, когда она позволяла себе выразить раздражение, вызванное враждебным и злобным поведением оппонентов и тех людей, которые пытались использовать созданную ею трибуну и аудиторию для выражения пренебрежения и насмешки над нею. Яркий пример подобной ситуации возник во время публичных дебатов, когда Альберт Эллис попытался выставить нелепыми и осмеять героев ее произведений[259]. Она поднялась на ноги и громким и твердым голосом поставила его на место.

Но если ее оппонент соблюдал правила вежливости и обнаруживал серьезный интерес к какому-либо вопросу, она отвечала ему вежливым, серьезным и даже полным заботы тоном. Однако если кто-то проявлял себя неприемлемым образом, такого она быстро срезала или же требовала, чтобы они говорили прямо и не юлили, или же садились на место. Подобные ситуации испарялись столь же быстро, как и возникали, и никогда не отвлекали ее заметным образом от привычной манеры и целей.

Я знаю, что она умела быть очень любящей и непринужденной. И те, кто говорит «с Айн Рэнд невозможно было договориться», свидетельствуют этим только о том, что, разговаривая с ней, пребывали в состоянии напряженности, не умея почувствовать себя непринужденно. Я никогда не боялся ее мнений о себе. Иногда я просто садился в сторонке и наблюдал за тем, как она общается с людьми. И я прекрасно видел, какую напряженность «создавала» Айн Рэнд в других людях, что очень печалило меня, потому что не она являлась ее источником.

Расскажите мне о мистере О'Конноре.

Я не часто имел возможность общаться с ним, однако, когда такое происходило, он всегда оставался одним и тем же. Он с любовью возвышался за нею на заднем плане, наблюдая, но как бы не присутствуя. После бесед нетрудно было заметить, что он обожает свою жену, как и она его. При этом от него как бы исходила аура главного, и когда он замечал, что она устает, то ненавязчиво, но решительно выходил на первый план и вместе с нею желал нам всего хорошего и доброй ночи.

Вы присутствовали на последней речи, произнесенной мисс Рэнд на финансовой конференции в Новом Орлеане в ноябре 1981 года?

Да, присутствовал. Я прилетел тогда из Торонто на эту речь, чтобы проводить мисс Рэнд на выступление и с него. Это было памятное событие. Лимузин подвез нас к какому-то боковому подъезду. К тому времени внутри здания уже собралась порядочная толпа, ожидавшая нас с лихорадочным оживлением.

Народу собралось столько, что устроителям конференции пришлось воспользоваться большим проекционным экраном, чтобы ее могли увидеть и из самых последних рядов. После выступления я застал ее за сценой, мисс Рэнд выглядела усталой, к ней тянулся целый хвост VIP-персон, желавших лично поздороваться с ней, передать свои визитные карточки и предложить, по всей видимости, неограниченные средства на съемку фильма по *Атланту,* который она только что анонсировала. После, в автомобиле по дороге на ланч, она сказала мне, что обещания эти скорей всего окажутся пустопорожними, поскольку немногие корпорации рискнут на самом деле связать свое имя со столь противоречивым проектом.

Когда вы в последний раз виделись с ней?

Как раз после этого разговора, поскольку она, Элоис и еще несколько человек приехали в индивидуальном железнодорожном вагоне, предоставленном одним из поклонников ее творчества. Она решила ночь после выступления провести в этом вагоне, так что когда она повидалась с теми, кто ждал ее в отеле, и раздала автографы, мы с Леонардом проводили

их обеих на вокзал. Когда мы дошли до вагона, она уже казалась очень усталой, однако с восторгом показала нам, насколько роскошен он изнутри. Так что в последний раз я видел ее, когда они с Элоис помахали нам вслед. И всего через несколько месяцев меня совершенно врасплох застал телефонный звонок с сообщением о ее смерти.

Вы были на ее похоронах?

Да. Мы с Джинни, моей женой, прилетели в Нью-Йорк, так что я присутствовал на похоронах и на прощании с ней.

В траурном зале ее друзьям и знакомым была предоставлена возможность проститься с ней в течение часа, тело ее лежало в открытом гробу. Эта часть общей процедуры позволила нам в последний раз высказать свое уважение, поддержать друг друга и проститься с ней. Каждый из нас — почти все, наверно — в какой-то момент подходили ко гробу и прощались с ней.

Играла любимая ее музыка, желающие проститься с ней ожидали на улице, образуя очередь, огибавшую целый квартал. Потом пустили и их — их были сотни, совершенно незнакомых нам людей, они тихо и почтительно проходили мимо ее гроба. В самый последний момент меня попросили присоединиться к сотрудникам безопасности у входа, чтобы они не пропустили нежелательных для нас людей. Но таких не оказалось.

Когда время прощания истекло, Леонард на какое-то время остался с ней один в пустом зале, а потом все мы ушли.

Следующий день оказался пасмурным и безветренным. Когда мы приехали на кладбище в Валгалле, там уже собрались сотни людей. Ветра не было, падали крупные хлопья снега. Над головами символично пролетела стая казарок.

На кладбище для нас был устроен небольшой навес, гроб покрывали желтые цветы. Прочли стихотворение Киплинга *Если*, после чего покрытый желтыми цветами гроб неторопливо опустили в землю.

Как вы могли бы подытожить свое знакомство с Айн Рэнд?

Двумя мыслями. Во-первых: те, кто стремится умалить ее, совершают — повторяя сочиненное Ницше осуждение христианства — восстание всего, что ползает по земле, против того, что возвышается над нею. Их мнение никак не может отменить факт интеллектуальных и личных высот, достигнутых такими личностями, как Айн Рэнд.

И во-вторых: мне не хватает ее ощущения жизни. В добавление ко всему, чему она научила меня, о чем научила думать, в дополнение к тому направлению жизни, которое она помогла мне избрать, она показала мне через свое ощущение жизни, зачем нужны наши труды и битвы. Они нужны для жизни

и счастья.

М. Нортрап Бюхнер

М. Нортрап Бюхнер в 1960-х годах учился в NBI, а теперь преподает экономику в Университете святого Иоанна в Нью-Йорке.

Дата интервью: 14 декабря 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

М. Нортрап Бюхнер: Впервые я увидел ее лично летом 1965 года на лекциях NBI. Я видел ее рассерженной, что было весьма интересно, а потом — милой, сочувствующей, открытой, умеющей поддержать человека.

Насчет гнева… Что там произошло?

Я стоял перед комнатой, надеясь переговорить с ней, она сидела рядом с Натаниэлем Бранденом, тут кто-то подошел к ней и сказал: «А что по-существу вы думаете о субъективизме?» Она буквально дернулась и сказала: «Вы вообще читали что-нибудь из того, что я написала?» Тот ответил: «Ну да, но мне было интересно услышать, что вы скажете». Она отпарировала: «Что ж, теперь вы слышали мой ответ!»

Я задал свой вопрос и получил ответ в совершенно другом тоне. В то время я пытался одолеть утверждение Мизеса, говорившего, что все в экономике выводится из априорных категорий, в частности из концепции человеческого действия. Еще меня смущало требование чикагской школы сперва предложить гипотезу, а потом обратиться к фактам и доказать, верна она или ошибочна. Я не мог совместить эти требования воедино, ни одно из них не казалось мне правильным.

Они с Бранденом ответили мне, что вопрос этот на самом деле слишком серьезен и велик, чтобы его можно было непринужденно растолковать на ходу после лекции, и что по сути дела неверны оба утверждения: нельзя ничего установить априори, потому что все выводится из опыта, но, даже располагая предметами, известными нам по опыту, выводить нельзя ничего; следует постоянно сверяться с реальностью, проверяя на ней свои выводы, чтобы убедиться в их справедливости. Нельзя размышлять в вакууме, не обращаясь к реальности.

Кажется, они еще что-то говорили о том, что статистика не является уместным инструментом для доказательства и опровержения экономических законов. Я ушел от них как на крыльях, получив новую перспективу решения проблемы. Правильный путь требовал совмещения логики и опыта. Вне

взаимодействия ни тот, ни другой метод не были правомочны, в этом заключалась новизна идеи *Айн Рэнд.*

Случалось ли вам проводить с ней много времени?

Да. Лето 1965 года я проработал интерном в нью-йоркском банке. Я посещал все лекции и мероприятия и иногда имел возможность после лекций поговорить с ней и задать вопросы. Потом доктор Пейкофф проводил семинар, на котором группа старших студентов собралась для того, чтобы обсудить ее идеи. В результате всех нас пригласили на встречу с Айн Рэнд. Целью этих мероприятий, на мой взгляд, было направить нас должным путем к пониманию объективизма.

После этой встречи я получил возможность поговорить с ней, поблагодарить ее, сказать, как много ее труды значат для меня и что я считаю себя находящимся в таком долгу, с которым никогда не смогу расплатиться. И спросить, могу ли я что-нибудь сделать для нее. Я ожидал услышать от нее что-нибудь вроде: «Мерси, спасибо за комплимент», однако она отреагировала иначе. Она сказала: «Да, кое-что вы можете сделать. Вы можете сохранить верность разуму. Вы можете хранить эту верность всю свою жизнь, и этим расплатитесь со мной». Я был ошеломлен и пообещал: «Да, я сделаю это». И сделал.

Присутствовали ли вы на диспуте между Альбертом Эллисом и Натаниэлем Бранденом?

Многие люди считали, что между проповедуемыми Эллисом и Бранденом идеями в области психологии существует значительное сходство, поэтому и был организован диспут. Однако комментарии Эллиса были направлены не на представления Брандена в психологии, он метил в объективизм и к концу своего выступления начал осмеивать и выставлять нелепыми ее героев, особенно Голта и Рорка.

Все это происходило в многолюдной аудитории, и как мне кажется, все присутствующие были шокированы подобным поворотом дела. Она поднялась на ноги посреди его речи и выкрикнула: «Здесь нападают также и на меня», чем остановила его излияния.

Айн Рэнд была в ярости, и тут Бранден поддержал ее следующими словами: «Как мне кажется, мы собирались говорить о психологии, но вы нападаете на роман *Атлант расправил плечи».* Еще он сказал, что не считает уместным нападать на того, кто по правилам проведения диспута не способен выступить в собственную защиту.

Не помню, что там сказал Эллис, но тут наступила пауза, и во время нее девушка, с которой я дружил в то время, сделала снимок Айн Рэнд. Та немедленно взорвалась. Начнем с того, что

она была в совершенно неподходящем настроении, а потому вскочила на ноги и сказала: «Передайте мне ваш аппарат. Вы не имеете права снимать меня». Моя девушка пришла в ужас, она не имела ни малейшего намерения рассердить Айн Рэнд. Наконец, мисс Рэнд сказала: «Отдайте пленку моему адвокату. Вы не имеете права на эту фотографию». Затем последовали недолгие переговоры, и они сошлись на том, что адвокат проявит снимки и перешлет ей все кадры, за исключением того, на котором была запечатлена Айн Рэнд. Так и поступили. Перенесенное испытание нанесло девушке глубокую травму и, наверно, ознаменовало начало конца ее интереса к объективизму.

Здесь принципиальным положением в конфликте — не помню, кто высказал эту мысль, — являлось то, что мисс Рэнд считала свою внешность своей собственностью и потому запрещала фотографировать себя без разрешения.

Дуэйн Эдди

Дуэйн Эдди, гитарист, лауреат премии «Грэмми», член Зала славы рок-н-ролла. Многочисленные записи 1950-х — начала 1960-х годов сделали его самым успешным и влиятельным инструментальщиком эры рок-н-ролла. К числу самых знаменитых его альбомов относятся Призыв к мятежу (Rebel Rouser), Потому что они молоды (Because They're Young), Сорок миль по скверной дороге (Forty Miles of Bad Road), а также темы известных телешоу *Have Gun — Will Travel* и *Peter Gum.* Он встречался с Айн Рэнд в феврале 1967 года.

В интервью участвовал также Гарри Бинсвангер (друг Айн Рэнд, философ-объективист и поклонник Дуэйна Эдди).

Дата интервью: 9 марта 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы познакомились с произведениями Айн Рэнд?*

Дуэйн Эдди: Я купил *Источник* в книжном магазине в возрасте примерно двадцати трех лет. К тому времени я уже один раз прочел эту книгу, но теперь перечитал еще раз и заинтересовался по-настоящему. После этого я купил и прочел *Гимн, Мы живые* и *Атлант расправил плечи.*

Источник, *возможно, особенно заинтересовал вас отношением к искусству или личности художника?*

Да. Я чту решение Говарда Рорка взорвать квартал Кортленд, и охотно проделал бы то же самое с некоторыми моими пластинками, выпущенными в перезаписи и тем самым испорченными. Компании, занимающиеся музыкальными записями, перезаписывают мои старые выступления для комплектов или новых CD, и для этого запись следует обновлять. Этот процесс может изменить микширование и всю концепцию первоначальной записи. Молодые всезнайки, работающие сегодня в звукозаписывающих компаниях, говорят: «Раньше не умели записывать так как надо» — и продолжают менять первоначальные записи в соответствии с собственными представлениями о звуке. Мне хотелось бы получить возможность уничтожить эти версии или хотя бы исправить их. Я смог участвовать в обновлении одного комплекта, выпущенного фирмой Rhino Records, — *Twang Thong: The Duane Eddy Anthology,* и только эта запись передает сегодня мою аутентичную музыку. Не думаю, чтобы сегодня кто-то осмелился сказать нечто вроде «старые мастера не умели рисовать картины» и на этом

основании отправился исправлять старинные полотна, просветляя их или делая более яркими прячущиеся в тени участки. Однако именно это проделывается в наши дни.

Быть может, в романе Атлант расправил плечи *и других романах имелись особые места или аспекты, особенно интересовавшие вас?*

В *Атланте* меня интересовало буквально все. Этот роман прояснил мою жизнь, он буквально ошеломил меня. Я по-прежнему перечитываю его хотя бы раз в год, а *Источник* каждые два года. Впервые прочитав *Атланта,* я настолько полюбил эту книгу, что, когда в Калифорнии, где я тогда жил, появились объявления о собраниях объективистов, стал посещать их. Это было в 1963-м или 1964 году. Когда к нам приехал с лекцией Натаниэль Бранден, я познакомился с ним.

Сценки с Ричардом Галлеем, композитором из Атланта, *как-нибудь повлияли на ваше отношение к музыке?*

Я ощущаю известное сродство с ними. И думаю, что теперь, достигнув его возраста, соглашаюсь с его позицией более полно, чем когда впервые читал эти сценки.

Как вы познакомились с Айн Рэнд?

Это произошло в феврале 1967 года. В то время мне было двадцать восемь лет. Я сообщил Натану, что на какое-то время задержусь по делам в Нью-Йорке по дороге в Лондон, и он сказал: «Отлично, пообедаем вместе». Так что я явился на обед в его квартиру, он жил тогда в том же доме на 34-й стрит, что и мисс Рэнд.

Натан просил меня приехать пораньше, и когда назначенное время начинало уже приближаться, послышался стук в дверь. Ее открыли, и за ней оказались мисс Рэнд и Фрэнк О'Коннор. Для меня это был огромный сюрприз.

Какое впечатление произвела на вас мисс Рэнд?

В жизни мне довелось встречаться со многими звездами, в том числе Фрэнком Синатрой и Элвисом Пресли, и она обладала теми же качествами — внешним видом, искрой, уверенностью в себе и душевным теплом, что становилось очевидным с первого взгляда.

Мистер О'Коннор произвел на меня впечатление очень спокойного и достойного человека — типа Гэри Купера. Недолго побродив по комнате, он скоро нашел кресло и устроился в нем. Он держался очень дружелюбно и очень тихо. Он казался довольным тем, что мисс Рэнд была окружена всеобщим вниманием, ему было приятно следить за ней и реакцией собравшихся на нее. Она была куда более активна, подошла ко мне и завела разговор. Я сказал ей: «Мне хотелось бы, чтобы вы

перебрались в Калифорнию, и мы могли бы там чаще видеться с вами». Она ответила: «Я подумывала об этом, но поняла, что никогда не покину Нью-Йорк». Я попытался распропагандировать ее и сказал: «Согласно моему опыту, когда я переезжаю через Миссисипи, направляясь на запад, то словно выбираюсь из-под одеяла; все словно бы открывается передо мной». Она ответила: «Забавно сказать, но я испытываю примерно те же самые чувства, — но когда возвращаюсь оттуда сюда. Здесь я ощущаю себя живущей в большом саду». А потом со смехом проговорила: «Однако не могу сказать, что нахожу в этом какой-то философский смысл!» Такой она была. Она часто шутила и легко смеялась. Когда настало время обеда, она спросила меня о том, где я сижу, и объяснила: «Я хочу сесть рядом с почетным гостем», эти слова доставили мне особое удовольствие, и я почувствовал себя непринужденно в ее обществе.

Потом она повела всех нас наверх, в ее квартиру, чтобы показать нам новые картины Капулетти[260] и проиграть мне свою любимую песню.

Она сказала мне, что эта песня самым глубоким образом иллюстрирует ее представление о том, какой должна быть музыка. Она сказала, что по ее мнению — совершенно правильному, — мне как музыканту будет интересно услышать ее. Ставя пластинку на диск, она пояснила, что песня эта была любима ею во все времена и что для нее эта запись является музыкальным воплощением человеческого счастья.

Песня оказалась оптимистичной и полной радости фортепианно-инструментальной пьесой под названием *Болотный огонек* в исполнении Отто Добриндта[261] на музыку Герберта Кёстнера. Пластинка крутилась, я слушал, а когда музыка умолкла, повернулся к ней и спросил: «Простите, а это случайно не *Песня битого стекла* в *Мы живые*?» Она сперва удивилась, а потом позвала: «Фрэнк, Натан! Идите сюда! Идите скорее! Вы не поверите — Дуэйн с первого раза понял, что представляет собой эта музыка». Потом она повернулась ко мне с теплой улыбкой и сказала: «Я всегда считала, что среди миллионов читателей моих книг, — тут она задумалась ненадолго, и продолжила: — найдется сотня тысяч читателей, действительно понимающих, о чем я пишу». Подобный оборот был типичен для нее. Помню, что тогда мне подумалось, что не такой уж это комплимент — оказаться зачисленным в когорту из сотни тысяч других душ. Однако я тут же подумал, что она честна в своей оценке, тем более если учесть все миллионы читавших ее книги. Она была очень взволнована и обрадована тем, что я правильно понял то, что эта песня про болотный огонек стала

прообразом песни о битом стекле.

Она извинилась передо мной за качество заезженной записи и пояснила, что при всем том, что она любит ее и старается как только можно оберегать, пластинка все рано износилась от частых прослушиваний. Я сказал ей, что в своих поездках по миру попытаюсь найти другой экземпляр, однако она поведала мне, что не сумела найти замену, так как весь тираж оказался распродан. Тем не менее я списал всю информацию о песне, так как у меня была одна идея: я слышал, что в архивах радио Би-би-си в Лондоне хранятся копии почти всего, что было когда-либо записано. Словом, оказавшись через несколько дней в Лондоне, я позвонил своему другу на Би-би-си, передал ему всю информацию и попросил найти эту запись. Он нашел ее и передал мне. Я взял ее в Калифорнию в студию звукозаписи и попросил своего звукоинженера почистить пластинку от всяких шумов, вызванных давлением, царапинами, шипением и всем прочим. Экземпляр, хранившийся в Би-би-си, был лучше, чем принадлежавший мисс Рэнд, однако он также был старым и шумноватым. Мы сделали пару свежих копий на ацетатных дисках и послали ей, а оригинал я вернул своему другу в Би-би-си.

Тогда-то она написала мне то благодарственное письмо, которое вы поместили в *Letters of Ayn Rand.* Она была чрезвычайно восхищена тем, что я прислал ей эту запись, сопроводив ее короткой запиской, в которой сказал, что сделать это оказалось очень просто, а за высокое качество записи несет ответственность мой звукоинженер. В конце присланного ею мне письма обнаружилась сделанная от руки приписка, в которой было сказано: «P. S. Пожалуйста, передайте мою благодарность тому инженеру, который обрабатывал запись. А.Р.»

Помните ли вы содержание других своих разговоров с мисс Рэнд во время той первой встречи?

Посмотрев на картины, выслушав песню — и познакомившись с кошками — мы вернулись в квартиру Натана, где мисс Рэнд, Натан и Леонард Пейкофф погрузились в глубоко философскую беседу, тему которой я с тех пор позабыл. Интеллектуально я вполне мог следить за ее течением, и для меня это было что-то вроде философского джем-сейшна, философской импровизации. Кто-нибудь — Натан или Леонард — начинал мысль и какое-то время развивал ее. Потом встревал второй и говорил: это так, но… Айн слушала, пока они развивали свои идеи, а потом вступала в разговор и приводила его к логическому завершению, так что все становилось понятным и ясным, и идея обретала полноту и завершенность. Потом один из них вопрошал: но что, если?.. И они вновь погружались в рассуждения. Беседа

развивалась достаточно увлекательно. Наконец, кто-то посмотрел на часы и заметил, что уже половина третьего утра. Мисс Рэнд улыбнулась и сказала: ладно, продолжим потом.

Гарри Бинсвангер: *Случалось ли вам обнаружить, что она слышала ваши выступления, и если так, имела ли она какое-то мнение о них?*

Я так и остался в неведении об этом. После обеда Натан проиграл ей пару отрывков из моих, как я их называю, «струнных альбомов» — записанных с большим оркестром. Один альбом назывался *Звонкая гитара, шелковые струны (Twangy Guitar, Silky Strings);* другой — *Одинокая Гитара (Lonely Guitar).* Не помню, что именно он выбрал. Она объявила, что они прекрасны. Натан не стал проигрывать ей *Rebel Rouser* или любой из рок-н-роллов. Он сказал, что, по его мнению, они ей определенно не понравятся, так как она не любит рок-н-ролл.

Я всегда сожалел, что не настоял на том, чтобы Натан проиграл ей пару моих хитов, даже если бы она тут же приказала выставить меня за дверь. Ну, этот вариант мне, конечно, не понравился бы, но и она была слишком любезна для него. Думаю, что она скорее всего порадовалась этим счастливым и беззаботным звукам или просто сказала, что они не соответствуют ее музыкальным вкусам.

Разговаривали ли вы с мисс Рэнд о рок-н-ролле вообще или о таких людях, как Элвис Пресли или другие звезды?

У нас получился короткий разговор на эту тему, и она сказала нечто в том плане, что считает их хорошими людьми и все такое, однако рок-н-ролл по большей части оставляет ее безразличной. Она кое о чем умолчала. Я знаю, что она писала об Элвисе и, хотя не одобряла его музыки, но ничего не имела против него лично[262]. Натан упомянул Айн о моей дружбе с актером Ричардом Буном[263], это ее заинтересовало, и она стала расспрашивать меня о том, каков он в жизни. Я рассказал ей о том, какой яркой индивидуальностью и умом обладал мистер Бун и как часто он казался окружавшим его «большим самой жизни». Ей было интересно узнать о нем, и я описал некоторые из тех качеств, которыми он обладал и которые в некоторых отношениях были тождественны качествам ее персонажей. Она сказала мне, что с огромной радостью слышит это, потому что любит его мастерство и с удовольствием повстречалась бы когда-нибудь с ним.

Она что-нибудь говорила об Элвисе и окружавшем его низкопоклонстве?

Она говорила, что то же самое имело место в более ранние времена в отношении Фрэнка Синатры[264] и Руди Валли[265].

ГБ: Она, конечно, не презирала Элвиса, однако прямо говорила, что рок-н-ролл — это не для нее.

Она считала, что рок-н-ролл несколько не интеллектуален, что в известной мере справедливо. При всем интересе к рок-н-ролльной музыке, я замечал, что некоторая часть ее глупа. Однако при всем том уже составил определенное отношение к ней — хотя никогда не обсуждал этого с мисс Рэнд. К тому времени я еще не настолько продумал эту музыку, чтобы разговаривать об этом с мисс Рэнд. Однако в рок-н-ролле присутствует момент счастья и веселья. И он не настолько безмозгл — не более чем балет под музыку больших оркестров.

СМ: *Приходилось ли вам встречаться с мисс Рэнд потом?*

После первой встречи я посетил одну из ее лекций в Нью-Йорке, понаблюдал за ее работой и отвез домой на такси. В какой-то момент она сказала интересную вещь. Я пытался объяснить ей, насколько ценю ее, и закончил словами: «Вы — великий человек». Она ответила: «Не я велика, велика философия». Я ненадолго задумался, однако прежде чем успел задать следующий вопрос, мы прибыли на место назначения, и наступила пора прощаться.

Случалось ли вам иметь какие-нибудь контакты с мистером О'Коннором?

Нет, если не считать обмена несколькими фразами. Если бы мне пришлось описывать его одним словом, я выбрал бы слово «благосклонный». Судя по словам мисс Рэнд, иногда он оказывался мудрее, чем она сама. Конечно, нужно помнить, как она любила его, однако я могу понять, почему она так думала. Его реплики всегда оказывались очень по делу. Он извлекал максимум удовольствия из пребывания в одном обществе с ней, только не считал нужным в существенной степени участвовать в разговоре.

Она так и сказала, что считает его мудрее себя?

Она сказала, что так случалось «иногда». Еще она говорила, что подчас обкатывала на нем свои идеи. Они беседовали, и он указывал ей на то, до чего она не додумалась.

Ранее вы говорили, что мистер О'Коннор принадлежал к тому же типу мужчин, что и Гэри Купер.

О, безусловно. Он обладал колоссальной внутренней силой и уверенностью. И на мой взгляд, даже внешне был чуточку похож на Гэри Купера.

Какой она показалась вам во время знакомства?

Она смеялась легко и от всего сердца. Еще она была очень практичной. Я рассчитывал увидеть особу, не обязательно снисходительную и манерную, но малость надменную и слишком

серьезную. Она оказалась полной противоположностью моим ожиданиям. Мисс Рэнд была неподдельно приветлива, благожелательна и добра, так что я немедленно почувствовал себя в ее обществе непринужденно и свободно. На мой взгляд, она была самым здравомыслящим, самым дальновидным мыслителем из всех, кого мне было суждено повстречать. У меня даже составилось собственное название для того приключения, которым для меня стали встреча и общение с ней: я называю эту встречу «подлинным чудом на 34-й стрит».

Шелли Рубен [266]

Шелли Рубен, автор популярных детективов, работала у мисс Рэнд машинисткой с 1964 по 1965 год. Она написала романы *Джулиан Соло (Julian Solo), Происхождение и причина (Origin and Cause), Догоревшие спички (Spent Matches), Плача… (Weeping) и Чистая страница (Tabula Rasa).*

Дата интервью: 2 марта 2000 года.

Скотт Макконнелл: *Как случилось, что вы стали машинисткой Рэнд?*

Шелли Рубен: Это произошло в 1964 или 1965 году, когда мне было восемнадцать лет, и я только что вернулась из Израиля. Я ушла из колледжа, потому что терпеть не могла учиться. Я решила, что, посещая колледж, писательницей не станешь. Я прошла курс печати на машинке, переехала в Нью-Рошель, Нью-Йорк, немного поработала в Консервативном книжном клубе, однако дело оказалось столь простым, что я долго не вынесла.

Тогда я позвонила в *Объективист* и сказала: «Привет, это Шелли Рубен; я работаю в Нью-Рошели, и мне нравятся идеи мисс Рэнд. Хочу узнать, не нужна ли вам машинистка». На звонок ответила Элейн Кальберман, она сказала: «Приезжайте и поговорим». Мы побеседовали, и она взяла меня на работу. В основном я работала на *Бюллетень объективиста.* Время от времени меня прикомандировывали к Институту Натаниэля Брандена, однако работала я в *Объективисте* и перепечатывала статьи мисс Рэнд, которые она писала от руки.

Не знаю, рассказывал ли вам кто-нибудь о ее манере. Когда у нее была для меня работа, я поднималась в ее квартиру. Там, кажется, я и познакомилась с ней, она назвала себя и познакомила меня со своей кошкой. То есть кошек она любила по-настоящему, и они были для нее таким малым народцем. Она показала мне комнату, полную картотечных шкафов, присутствие которых теперь, став писателем, я прекрасно понимаю. Наверно, письменный стол там был, но боже, сколько же там было картотечных шкафов. Еще помню гостиную, однако эта комната разочаровала меня своей неряшливой мебелью, как я теперь понимаю, что до такого состояния ее довели кошки.

Мы входили, садились рядом на диван, она всегда спрашивала меня, не хочу ли я пить: она всегда была очень заботливой.

Потом я прочитывала вслух ее рукопись, и она говорила мне,

все ли я правильно поняла. Она была очень внимательна к мелочам, то есть всегда могла сказать нечто вроде: «Да вот здесь есть одна строчка, в которой два одинаковых слова, одно под другим, не ошибитесь». Ну, и если я не могла прочесть ее почерк, она подсказывала мне слово. Прочитав всю статью, я возвращалась к себе и перепечатывала ее.

То есть вы спускались вниз, печатали, а потом приносили ей готовую статью?

Без всякой суеты и спешки… ничего подобного не бывало. А потом я приносила ей статью.

Мисс Рэнд была очень чувствительным человеком. Однажды я сидела рядом с ней и услышала, как повернулся ключ в замке входной двери. Я посмотрела на дверь, и она сказала: «О, это всего лишь мой муж. Не беспокойтесь, пусть поработает». Должно быть, на моем лице появилось очень даже недоуменное выражение, так что она посмотрела на меня, проверяя, правильно ли я воспринимаю ситуацию, и сказала: «Он уже вставил свой ключ в замок, и если я сейчас встану и пойду открывать дверь, то это только помешает ему». Просто прочитала мои мысли, подумала я. Она поняла, что я подумала: «Нельзя же относиться так невнимательно к этому человеку?» И все объяснила, развеяв мое недоумение, так что я не стала защищать мистера О'Коннора ценой своей жизни.

Какое первое впечатление произвела на вас мисс Рэнд, когда вы поднялись в ее квартиру?

Меня удивил ее малый рост и безвкусная одежда. Это было мое первое впечатление. Проведя с ней какое-то время, я начала думать: «Боже, ну как можно быть такой наивной?» Потом мне стало казаться, что половину своей жизни она проводит в обществе гадюк. Однако не считала себя вправе высказываться на эту тему. Уж и не знаю, ошибалась ли я, или так мне казалось из-за огромной разницы в интеллекте между нами обеими.

В чем проявлялась ее наивность?

Она не понимала, что хотя большинство окружавших ее людей всегда соглашались с ней, нормальные люди не могут настолько и всегда, всегда и во всем соглашаться, если только не хотят пропихнуть нечто неверное. И даже если ты вполне согласен, то не можешь настолько быстро осознать идею со всеми ее следствиями.

Я не считаю это дефектом ее личности; это не дефект, а изоляция. Мне кажется, в ее окружении действовал момент низкопоклонства. Я видела, что люди воздавали ей тем, что ей и так принадлежало, хотя она считала, что все эти чувства исходят от них, что приводило к большей изоляции и еще большему

одиночеству.

Примером может послужить покупка ими одного и того же обеденного стола. Так сказать, объективистского обеденного стола. Сперва мисс Рэнд купила стол в свою столовую, потом еще две семейных пары прикупили себе по такому же. То есть существовал определенный конформизм, когда окружавшие ее люди автоматически следовали ее примеру.

Какого рода работодательницей была мисс Рэнд?

Она была добрым человеком. Точной противоположностью тем, кто рожден с серебряной ложкой во рту. Она никогда не работала секретаршей, однако умела понять, с какими сложностями сталкиваются секретарши или машинистки. Это было очень мило с ее стороны. Она нравилась мне.

Я была в их группе чужаком и не принадлежала к числу приближенных. Я никогда не была с ней в теплых и близких отношениях. Ну вроде того, как «давайте сядем рядком, и я расскажу вам о моем последнем парне». Вот послушайте о том, что однажды произошло и многое рассказало мне о ней. Я все время печатала ее бумаги, пока работала на них, и вот однажды по пути на работу вижу, как она то ли выходит из такси, то ли садится в машину. Она стояла около двери автомобиля, и я окликнула ее: «Привет, мисс Рэнд!»

Она повернулась ко мне с суровым выражением лица и строгим голосом отозвалась: «Да». Я ответила: «Я просто хотела поздороваться с вами», и она расцвела самой очаровательной улыбкой, которую я видела на ее лице за все то время, что работала на нее. Тут в голове моей щелкнуло, и я подумала: «Вау, так, значит, она считает, что людям от нее всегда что-то нужно». И когда оказалось, что мне ничего от нее не надо, она расцвела как ясное солнышко.

А вот мистера О'Коннора я полюбила. Этот человек словно был наделен лиричной душой эльфа. Сказочный, волшебный персонаж… прямо как муза. Мне казалось, что на свете нет более мягкого и доброго человека. Всякий раз, когда мы встречались в лифте, он здоровался со мной, а если шли в одну сторону, обязательно отбирал мой портфель и нес его. И это при том, что по сути дела он даже не был толком знаком со мной. Это был джентльмен старой школы. Прекрасный человек, обладатель прекрасной души.

Повлияла ли Айн Рэнд на ваше литературное творчество?

Отвечу сразу и «да», и «нет». Нет, потому что как писатель я настолько хорошо понимала всю силу ее стиля, что прилагала все силы для того, чтобы не копировать ее. Я точно знаю, что самые первые написанные мной вещи слишком подражали ее манере, по

каковой причине я и выбросила их в корзину. Я изо всех сил старалась не подражать ее стилю. И я не перечитываю ее вещи так часто, как мне хотелось бы, потому что она слишком сильна, и я боюсь незаметно для себя подхватить ее стиль и удариться в подражание.

Ну, а «да» прозвучит потому, что она во многом повлияла на меня как на человека. Ее книги повлияли на меня в плане выбора жизненных ценностей, жизненной ориентации и битв, которые мне пришлось пережить.

Керри О’Квинн

Керри О’Квинн был слушателем NBI и как художник поддерживал знакомство с Айн Рэнд и Фрэнком О’Коннором в 1960-х годах. Ныне является писателем и издателем.

Даты интервью: 20 октября и 1 ноября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Насколько я понимаю, вы работали в NBI.*

Керри О’Квинн: К работе на NBI меня привели некоторые события. Я начал работать на них дизайнером, сразу после того, как в 1967 году они переехали в Эмпайр-стейт-билдинг. После начала работы издательства NBI Press я много работал с мисс Рэнд над обложками к книгам *Калумет К* и *Человек, который смеется*[267].

Для меня это было откровением. Мои отношения с мисс Рэнд и Фрэнком О’Коннором складывались по-разному. Я чувствовал себя в его обществе очень непринужденно, в то время как она воздействовала на меня несколько устрашающе. Я относился к ней с огромным уважением, и мне было очень интересно работать с ней хотя бы и над обложками книг, однако мне сразу же дали понять, что она должна получить то, что хочет, начиная от шрифта и кончая цветом обложки, и будучи уже опытным дизайнером, я на самом деле имел одну только цель: выполнить то, чего она хотела.

И чего же она хотела и какими принципами руководствовалась?

Приведу пример. У нее были очень конкретные представления в отношении шрифтов, и мне пришлось делать некоторое количество вариантов. Например, я рисовал набросок первой страницы к ее брошюре *Введение в объективистскую эпистемологию.* Она в точности рассказала мне, что именно хочет видеть на обложке. Она не знала названий шрифтов и колеров, однако описала их мне. Я приносил ей свои наброски до тех пор, пока она не сказала мне — это именно то, что нужно.

Я принес ей несколько вариантов шрифтов, и она сказала: «Мне не нравятся эти приземистые и жирные буквы». Она имела в виду так называемые «выделительные» шрифты, имеющие в своем начертании выделенную горизонтальную линию. Ей они казались жирными. Ей нравились шрифты «узкие», имеющие в себе вертикальную линию. Таково было ее предпочтение. Другие шрифты не казались ей приемлемыми.

Не помните ли вы, какой из шрифтов она предпочитала?

Помню, гротеск, рубленый шрифт, похожий на гельветику. Она не хотела слишком тонкого или жирного написания букв. Ей было нужно нечто среднее.

Что еще ей нравилось в плане дизайна?

Ей нравился такой сине-зеленый цвет, скорее голубоватый сине-зеленый. Он был у нее любимым для всего. Она не любила яркие цвета — красные, оранжевые и подобные им.

Вы помогли NBI организовать показ их киносерии «Романтический экран» (The Romantic Screen). Мисс Рэнд говорила что-нибудь об Эрроле Флинне[268], фильм с участием которого был показан в этой серии?

Да. Мы показывали *Приключения Робин Гуда.* Не могу восстановить в памяти ее комментарии по этому поводу, но знаю, что она любила этого актера. Не помню ее конкретных слов, но она одобряла его киногероев.

Посещала ли мисс Рэнд просмотр?

О да. Кажется, она была на нескольких, а также присутствовала на показе мод NBI и всяких других забавных мероприятиях, которые мы проводили в те дни. Я сам был на показе мод NBI, как и Фрэнк, и Леонард, и все прочие. В тот вечер присутствовали все: NBI впервые проводил показ мод. Все мы разоделись согласно моде и прошли в дефиле. Она сидела и смотрела. Я рисовал программу к этому вечеру. Все было очень элегантно. Присутствовала Сью Лудель. В конце появилась в образе невесты Патриция Галлисон. Кажется, представлял ее Фрэнк. Это был удивительный вечер.

В NBI устраивались даже танцевальные вечера и тому подобные мероприятия. В конце своего существования NBI занимался самой разнообразной деятельностью.

Расскажите, как выглядел мистер О'Коннор на этом показе мод.

О, это был настоящий щеголь. Он сменил несколько костюмов.

Вы говорили с мисс Рэнд о фильме Зигфрид[269]?

Она смотрела этот фильм у меня на квартире. Как раз тогда я сумел раздобыть копию и устроил специальный показ для нее. С ней были Фрэнк и еще несколько человек. Она сказала, что это один из ее любимых фильмов. Я сумел также найти несколько кадров в Музее современного искусства, чтобы ими можно было воспользоваться при издании брошюры NBI; она очень любила их и говорила, что всякий кадр этого фильма представляет собой готовую картину, произведение искусства. Она говорила, что, любит этот фильм, потому что его можно остановить на любом кадре, и композиция и свет будут выдержаны в нем идеальным

образом. Она говорила, что, с ее точки зрения, именно это превращает кино в искусство и Фриц Ланг сумел добиться этого, и в особенности в этом фильме. Он нравился ей прежде всего как режиссер; кроме того, она любила и другие его фильмы, однако именно этот оказывал на нее особенное воздействие.

Опишите, как мисс Рэнд смотрела этот фильм.

Не стоит лишний раз говорить, что она всегда была внимательной и усердной, что бы ни делала и чем бы ни занималась. Она была в восторге. Она радовалась и восхищалась. Она находилась в своего рода трепете, потому что умела ценить живопись, кинофильмы, скульптуру и визуальное искусство всякого рода… Не думаю, чтобы другие произведения приводили ее в подобный восторг. Словом, она восхищалась такими людьми как Дали и Капулетти, художниками, умевшими создавать живописные произведения. Фриц Ланг попадал, с ее точки зрения, в ту же самую категорию. Поэтому она сделалась в известном смысле его поклонницей. И иногда было приятно видеть ее обожающей кого-то.

Расскажите о ваших художественных контактах с Фрэнком О'Коннором.

Помню, однажды я увидел в его мастерской картину, изображавшую снеговые горы, перед которыми в самой середине картины располагалась линия электропередачи. Я сказал: «Фрэнк, так не делают, обычно художники опускают такие подробности, как излишне натуралистические». Он ответил: «Это так, однако в центре моей картины находится цивилизация. В противном случае она будет изображать только горы, однако сейчас по горам прошлась рука человека». Я сказал: «Ага, ну теперь понятно». Это была не лучшая работа, однако она в каком-то виде представляла то, что привлекало его: прекрасные снеговые вершины и идущая мимо них линия электропередачи.

Что же привлекало его?

Он был молод душой, молодость была в нем очевидна, я видел ее, и это привлекало меня к нему. У него на стене висела картина, носившая названия *Снижение доходности* (*Diminishing Returns),* в ней он изобразил манекен, которым иногда пользуются художники, придавая ему разные позы, и рождественские елочные украшения. Его восхищали крохотные игрушки и всякие дурацкие мелочи.

Темы, часто интересовавшие Фрэнка в его живописи, были во многом похожи на пустяковую музыку, которую любила мисс Рэнд, дурацкие пьески, лишенные всякой глубины, однако цеплявшие за нечто очень глубокое в ее душе. Я думаю, что примерно такую же роль в жизни Фрэнка О'Коннора играли эти

блестящие новогодние побрякушки.

Опишите мистера О'Коннора.

Это был высокий и худой мужчина, наделенный размашистыми движениями. Впрочем, он не возвышался над сценой и не командовал. Он никого не устрашал, и я, да и все вокруг, чувствовали себя в его обществе непринужденно. Если кто-то подходил к нему и говорил: «Мистер О'Коннор, знакомство с вами — честь для меня», он отвечал: «Фрэнк, зовите меня Фрэнк». Он старался обращаться с людьми так, чтобы общение с ним не заставляло их нервничать. Кроме того, он легко улыбался.

Он не любил разговоры о мировых проблемах, и только однажды мы обменялись кое-какими саркастическими репликами в отношении какого-то текущего события, но тут же расхохотались и перешли к другой теме. Вот если мисс Рэнд наталкивалась на неприятное ей политическое событие, она этого так просто не оставляла, а принималась комментировать, но Фрэнк просто отмахивался от него и переходил к следующей теме.

По-вашему, он был счастлив?

Насколько я его понимаю, да. Он был остроумным человеком, с ним было забавно. У него всегда находилось что-то смешное, он всегда с охотой откликался на шутку. Любил острить. От записных остряков обычно отмахиваешься и стонешь. Я слышал остроты и от Фрэнка, но он был восхитителен, остроумен, забавен и счастлив, на мой взгляд.

Интересно сказать, что Фрэнк никогда не обременял меня — возможно, просто по моей молодости — проблемами, жалобами и так далее. В моем обществе он всегда был самым положительным человеком на свете. Он говорил о предметах, интересных ему, и проявлял интерес к тем, в чьем обществе находился.

Опишите Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора как пару.

Они казались привлекательной парой. Она всегда носила подаренные ей Фрэнком меха. Она любила их. Она ценила их. Она роскошествовала в них. А когда они оказывались на вечеринке или вообще в обществе, то вели себя как молодая пара и были вполне восхитительны. Мне кажется, они становились моложе в обществе друг друга. Они самым очевидным образом оказывали друг на друга определенное положительное воздействие. Даже омолаживающее. Я всегда радовался, видя их вместе. Однако, оказавшись на вечеринке, они разделялись, мисс Рэнд разговаривала с людьми, и Фрэнк тоже. Они не липли друг к другу весь вечер, однако на их манеру приятно было посмотреть, такой они были приятной парой.

Дуг Мессенджер

Дуг Мессенджер встречался с Айн Рэнд на публичных лекциях. Музыкант, гитарист, звукорежиссер Вана Моррисона[270], занимается звукозаписью как инженер и продюсер.

Дата интервью: 22 октября 1996 года.

Скотт Макконнелл: *Как получилось, что вам удалось побеседовать с мисс Рэнд?*

Дуг Мессенджер: 8 декабря 1968 года мы с женой отправились в Форд Холл Форум, чтобы прослушать лекцию мисс Рэнд «О живой смерти». После лекции и вопросов мы вышли наружу, была холодная ночь, всего десять или двадцать градусов по Фаренгейту [минус семь или минус двенадцать градусов по Цельсию]. И когда мисс Рэнд вышла наружу, она направилась прямо к нам. Мне хватило смелости задать ей вопрос, она решила, что он ей понравился, и дала мне развернутое объяснение.

В чем заключался вопрос?

Он касался соотношения между ее концепциями психоэпистемологии и восприятия жизни[271]. Она какое-то время поговорила со мной. Но спутники все торопили ее: «Пойдем, Айн, нам пора». Однако она ответила: «Подождите, мне нравится этот вопрос».

Помните ли вы, что она вам говорила?

В основном то, что некто находящийся в контакте с реальностью, чьи мысли и реальность находятся в хорошем согласии, будет обладать здравым восприятием жизни и соответствующей психоэпистемологией. Однако это не обязательно в связи с многочисленными ошибками, возможными в данной жизни.

Во время нашего разговора она была много более конкретной, однако теперь я уже не помню подробностей. Было очевидно, что она всегда стремится смотреть на факты, всегда готова обратиться к реальности, и что рационализм[272] не является ее методом как противоположный рациональности. Сказав мне, что я затронул сложный вопрос, требующий хорошего обдумывания, она отметила, что мой вопрос не так прост, как это может показаться. Так или иначе, она говорила минут пять или десять. Они показались мне часом, тем более в такой-то мороз.

Помню, как смотрел вниз, на невысокую женщину, наделенную пронзительным взглядом. Удивительное, бесподобное переживание.

И какое впечатление она тогда на вас произвела?

Помню ее акцент, время и внимание, уделенные ею (timing and focus), а также то веселье, с которым она рассуждала по теме. Она любила вопросы, что нетрудно было заметить во время послелекционных вопросов и ответов.

Кстати, вот интересная подробность. В то время я носил длинные, до плеч, волосы в стиле битловской стрижки времен *Rubber Soul*, их шестого альбома. Такая стрижка нравилась мне всегда, и мисс Рэнд поняла причину, ничего не спрашивая у меня. Посмотрев на меня, она сказала: «У вас чудесные волосы, вы похожи на мушкетера».

Довелось ли вам еще раз повстречаться с ней?

На следующее утро после лекции в Форд Холл Форуме мы отправились в Гарвард и проникли в столовую, в которой мисс Рэнд выступала перед Гарвардской школой бизнеса[273].

Она была великолепна. Собравшаяся публика изо всех сил грубила ей первые десять или пятнадцать минут, но когда вопросы закончились, ее проводили овацией, встав на ноги. Она завоевала эту аудиторию.

Один наиболее докучный джентльмен особенно пытался, так сказать, достать ее, однако она легко и элегантно разделалась с его аргументацией. Помню, обозреватель написал об этой встрече: «Они пришли посмеяться, но остались, чтобы рукоплескать».

Джекки Гиллам

Джекки Гиллам присутствовала на речи Айн Рэнд в 1971 году.

Дата интервью: 5 сентября 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Джекки Гиллам: Это было зимой 1971 года. Мы с сестрой жили в Кливленде и очень чтили Айн Рэнд. У нас был старенький «Фольксваген», и мы решили съездить из Кливленда в Бостон, так как знали, что она должна провести там беседу. Мы проехали без остановки из Кливленда до Бостона. Доехали до места, где должна была происходить эта беседа, уселись на ступеньках большого и старого каменного дома вместе с двенадцатью или пятнадцатью другими молодыми людьми и только тут поняли, что у нас нет билетов. Так что мы сидим на этих ступенях, не зная, что теперь делать, и тут подъезжает большой лимузин, из него выходит эта самая крохотная особа в черном длинном плаще с капюшоном и начинает подниматься по ступеням. Это была Айн Рэнд. Она явным образом мгновенно оценила ситуацию и поняла, что ни у кого из нас нет билетов. Тогда она поднимает руки и расправляет полы своего плаща, словно епископ Шин[274], и говорит: «Дети мои, следуйте за мной». Она сказала, что хочет, чтобы все мы сидели возле нее. И все мы сидели потом на полу сцены, пока она проводила беседу.

Сьюзен Лудел

Сьюзен Лудел, журналист-новостник на телевидении и автор журнала *ТВ гайд,* написала несколько статей для журнала *Объективист.* Она была замужем за Леонардом Пейкоффом с 1968 по 1978 год и дружила с мисс Рэнд в 1968–1982 годах. Мисс Лудел скончалась в 1999 году.

Даты интервью: 8 и 28 октября, 4, 6 и 25 ноября 1997 года и 26 февраля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Самое главное ваше воспоминание об Айн Рэнд?*

Сьюзен Лудел: Их два, и первое касается ее серьезной, глубокой стороны. Она представляется мне сидящей на своем диване и занятой интеллектуальной беседой с кем-нибудь — может быть, со мной или Леонардом. Она могла писать весь день и устать к вечеру, однако если возникал какой-то интересовавший ее интеллектуальный вопрос, она полностью преображалась. Становилась энергичной, оживленной, страстной, полностью увлеченной, словно уподобившись собственным глазам, сверкающим и пронзительным. В первую очередь заметны были ее глаза, а потом острый ум. Это была настоящая личность… без всякого преувеличения. Она могла говорить часами. До часа или двух ночи без особых сложностей.

Поэтому первое мое воспоминание касается ее страстной любви к идеям, к беседам, где она могла говорить и объяснять. Если вы задавали свой вопрос с полной серьезностью и искренностью, она давала самый подробный ответ. Она приводила собственные обоснования, давала полное объяснение. Я никогда не встречала подобный ей ум.

Айн всегда объясняла свои мнения. В том случае, если собеседник был полностью озадачен, или не понимал чего-то, или в его глазах мелькала искра недоумения, она обосновывала свое мнение точным и исчерпывающим образом. Два ее главных критерия в отношении людей, о чем она пишет в своем эссе «Что делать?» — это искренность и серьезное отношение к идеям, разуму. По этим качествам она судила людей, по ним же она судила и меня.

Ну а второе главное воспоминание?

Оно касается ее нежной, мягкой, ласковой и женственной стороны. Я вижу ее в таком особенном черном платье. К выходу она одевалась с особым шиком. Это было простое черное платье,

и она надевала на шею то, что я звала канделябром: ожерелье из небольших хрустальных шариков, спускавшееся до талии. Ей была присуща особая, очень женственная мягкость, о которой Айн знала — знала, как выглядит и ходит. У нее были потрясающие ноги.

Женственная сторона становилась очевидной, когда она одевалась к выходу из дома. Особенно мне запомнились встречи Нового года. Обычно это была многолюдная вечеринка. У нее был обычай в полночь, вне зависимости от того, где они находились, вместе с Фрэнком оставлять общую гостиную и уединяться в спальне.

И чем же они там занимались?

Наверно, целовались и обнимались. Это было их секретом.

В натуре ее существовала также добрая, тихая и мягкая, ласковая сторона. Они оба были из тех людей, что провожают тебя до лифта в любое время и ждут, пока приедет кабинка, и только потом уходят к себе.

И чем вы это объясняете?

Старым светом, временем, когда хорошим манерам учили. Такое обращение выказывает уважение к людям. Ей были присущи какая-то элегантность и изящество. Именно Старым светом, потому что Америке такое больше не свойственно. В частности, Фрэнк очень церемонно обращался с женщинами. Он открывал перед тобой дверь, а когда шли к столу, отодвигал для тебя стул.

Опишите в общих чертах обстановку вашего знакомства с Айн Рэнд.

Я познакомилась с ней в 1968 году, после того как начала встречаться с Леонардом. В качестве слушательницы лекций по объективизму я видела ее на лекциях курса «Основные принципы объективизма», который проходила в 1966 году. Она приходила, чтобы отвечать на вопросы после лекций. Тогда я только видела ее, но не знакомилась с ней.

Как долго вы знали мисс Рэнд?

Я поддерживала знакомство с ней до самой ее кончины в 1982 году. В 1981 году я уехала из Нью-Йорка и жила в Атланте и Вашингтоне, однако поддерживала связь с ней по телефону. С Леонардом я рассталась в 1978 году.

И какое впечатление произвела на вас мисс Рэнд при первой встрече?

Словно бы вышедшей из одного из собственных романов. Это была та серьезная Айн, которую я описала.

В 1968 году Леонард взял меня с собой в ее квартиру. Я запомнила ее любезной, приятной и хорошо воспитанной

женщиной, леди в самом лучшем смысле этого слова. Она предложила мне посмотреть ее коллекцию львов. В то время с ней жили три настоящих живых кошки, а я любила кошек, однако у нее еще была и коллекция фигурок кошек, выполненных из полудрагоценных камней и слоновой кости, выставленная в витрине из оргстекла. В той же витрине находились полудрагоценные камни, которые она собирала всю свою жизнь — от самых крохотных до крупных. Полка эта отражала ее характер, поскольку в ней были собраны значимые для нее вещи.

Как она вела себя, показывая вам все это?

Я думаю, что она просто знакомила меня со своим кабинетом. И она была в восторге оттого, что он мне понравился. Ее всегда восхищало, если люди любили то же самое, что и она. Ее всегда радовало, когда кто-то искренне обнаруживал те же положительные чувства, что и она сама.

Значит, вы встречались и с мистером О'Коннором?

Да, это был человек элегантный и благородный, учтивый и любезный джентльмен… оба они действительно существовали — жили, как умеют немногие. Внимание большинства людей лишь наполовину сфокусировано на собственных делах, оно обращено куда-то внутрь себя, а то и вообще неизвестно куда, однако Айн и Фрэнк присутствовали в этом мире как никто другой. Они были людьми цельными, столь же основательными и надежными как мир.

Нельзя ли поподробнее об этом?

Помните ту часть *Атланта*, где Черрил говорит, что пора сдаваться, и все вокруг делается туманным и нереальным, потому что все идет не так, как надо — Айн как личность была абсолютной противоположностью этой Черрил, ей нужно было повидать Айн, женщину реальную и неизменную. Айн была абсолютно реалистичной. Она во всем походила на собственное творчество: черные и белые тона, ясные и откровенные. О чем бы Айн ни говорила, выражалась она всегда четко и ясно.

Она всегда оставалась одинаковой и предсказуемой — славная и редко встречающаяся привычка. Она была постоянна. Она никогда и никого не стремилась ошеломить идеей, выходящей за рамки контекста или просто безумной. Ее слова и дела всегда имели смысл.

Одной из наиболее важных ее черт как личности было то, что она всегда была одинаковой, где бы ни находилась — в ресторане «21»[275] или на уличной ярмарке-распродаже, — в чьем бы обществе ни находилась, и о чем бы ни шла речь. Среди всех встреченных мною в жизни людей мне некого уподобить ей. В ней не было ничего странного, шизофренического, невротического,

ничего, что могло бы сделать ее в один день одной, а завтра другой. Она всегда была одинаковой, на модном мероприятии, званом обеде, в халате у себя дома, в обществе знаменитостей.

Что еще?

Ее глаза. В них для меня вся Айн, такими они были умными, пронзительными и внимательными… они видели все. Они могли сверкать, радоваться, быть приветливыми, как дешевая легкая музыка[276].

Что еще вы делали во время этой первой встречи?

Просто говорили. Все годы нашего знакомства мы говорили или обедали и говорили.

На какие темы?

Философские. Леонард и Айн в равной степени интересовались философией. Он проявлял такую интеллектуальную активность, что разговоры чаще всего сводились к интеллектуальной дискуссии, однако происходили они на разных уровнях. Абстрактные философские темы сменялись более интересными для меня вопросами, например: почему левые командуют новостными службами. Случались и политические дискуссии, однако надолго они не затягивались; они неизбежно переходили к вопросам более абстрактным.

Помните ли вы какие-нибудь темы, которые особенно волновали или огорчали ее?

Мы вместе пережили студенческие волнения, а в то время это была очень и очень серьезная вещь. Люди тогда бунтовали на улицах, неподалеку от того места, где мы жили. В то время она писала статьи на эти темы[277]. Она была раздражена тем, что волнения продолжались, и была чрезвычайно довольна представителями профсоюза, выступавшими против студентов.

Более всего я запомнила ее реакцию на полет корабля «Аполлон-11», чрезвычайно положительную — для Айн этот полет представлял собой действительно великое событие. Ее восхищало все, вид корабля на стартовой площадке, старт его в космос. Запуск привел ее в восторг. Это была ее вселенная, однако, учитывая все события и состояние культуры, я не часто видела ее реакцию на положительные события, так как они случались очень редко[278].

Я хочу подчеркнуть, что общение с ней далеко не всегда выливалось в серьезную философскую дискуссию. Хотя идейно-философская сторона жизни была наиболее важна Айн, жизнь свою она проводила отнюдь не только сидя в гостиной и рассуждая на философские темы.

Случалось ли ей разговаривать на личные или интимные темы?

Да, конечно. Я достаточно долго обсуждала с ней свои личные проблемы, как делали и другие люди. Она называла эти разговоры психоэпистемологией или психологией. Упор она делала на том, чтобы заставить тебя назвать те базовые предпосылки, которыми ты пользуешься, не подозревая об этом. Ее занимало представление о том, что подсознание вмещает конфликты, идеи и предпосылки, которые можно вывести в сознание — поскольку ее вообще интересовали разум и мышление.

Какого рода личные вопросы вы с ней обсуждали?

Личные взаимоотношения, сложности в общении с людьми, трудности, возникавшие на работе. Хочу сразу прояснить одну вещь, которую она сама в то время говорила открыто и ясно: то, что она не психолог, и что психология как наука еще не открыта и не разработана. В этих личных беседах она выступала не как знаток психологии. У нее были собственные соображения относительно так называемой психоэпистемологии, которая повествует о том, как работает ум, и о тех подсознательных идеях, которыми вы располагаете. Она считала, что вы должны пробиться к своим подсознательным идеям, о которых не имеете представления.

Как она держалась во время этих разговоров и какой использовала метод?

Она держалась очень серьезно. Как и во всех прочих интеллектуальных дискуссиях. Не допускала никаких нравственных суждений, потому что все это только психология; речь идет о подсознательном, и поэтому находящемся вне вашей власти. Она очень серьезно воспринимала эту точку зрения. Ее метод заключался в интеллектуальной дискуссии.

Упоминала ли она какие-нибудь интимные подробности из своей собственной жизни?

Нет, она не рассказывала о себе. И я была крайне удивлена, когда вышла книга ее переписки, так как узнала из нее много такого, о чем даже не слышала. И во многом виню в этом себя, так как по какой-то причине, скорее всего из страха, не часто задавала ей личные вопросы. Теперь я бы нашла, что спросить у нее, спросить о таких вещах, которые даже не могли прийти в голову такой юной девушке, какой я была тогда.

Вы боялись ее?

Нет, я чувствовала себя в ее обществе очень спокойно и уверенно, наверно, более уверенно, чем в чьем-нибудь другом, кроме Леонарда, обществе. Однако я понимала, что в интеллектуальном плане нахожусь рядом с гением. У меня не было опыта общения на подобном уровне, и я не знала, как

правильно себя вести, и оттого боялась. Боялась, что рассержу ее и даже не замечу этого.

Давала ли она вам какие-нибудь советы в разрешении романтических проблем?

Давала, но не практического плана. Она придерживалась интеллектуального подхода. Ничего вроде: «Если у тебя возникла романтическая проблема, встречайся с ним три раза в неделю и однажды занимайся сексом». Нет, уровень был совсем другой: пойми, в чем именно заключается суть конфликта. И если ты сумеешь это понять, то поступишь правильно.

Люди, очень близкие Айн Рэнд или казавшиеся таковыми, как будто не задавали ей личных вопросов и не расспрашивали о прошлом.

Действительно, так. И я не знаю, почему. Все они находились на более высокой «интеллектуальной» плоскости. До более простых вопросов, которые можно задать людям, просто не доходило. Думаю, что так получилось в основном потому, что люди боялись ее, а сама она не любила говорить на личные темы.

Значит, вы никогда не разговаривали с ней о прошлом или о ее родных?

О ее родных — да. Она сама заговаривала на эту тему, но украдкой, так как родственники были советскими. Она не хотела, например, чтобы люди знали, как у них сейчас дела или как развивается сейчас контакт с ее сестрой Норой.

Вам доводилось обсуждать с ней моду или другие женские темы?

Да, она рассказывала об Адриане и о том, почему он нравился ей как модельер. Когда я ее знала, она не носила его платья в Нью-Йорке, однако сохранила их и показывала мне. Я была знакома с его работами по кино, и мне было очень интересно увидеть их.

Что она говорила о них?

Что они уникальны и идут женщине, которая их носит. Они были очень хорошо пошиты, в каждом из них находилось нечто уникальное, необыкновенное, поразительное, такое, что нетрудно было заметить. Они были очень яркими. Мимо работы Адриана невозможно было пройти.

Она очень любила драгоценности, начиная от дешевых и кончая дорогими. И всегда стремилась найти что-нибудь уникальное, необычное, соответствующее ее необыкновенной натуре, как уже упомянутое мной хрустальное ожерелье. Она рассматривала брошки и кольца на уличных ярмарках и восхищалась ими как чем-то ценным.

С какими другими сторонами личности Айн Рэнд вы были

знакомы?

У нее была кухарка, Элоис. Когда Элоис отсутствовала, Айн готовила сама. И подходила к этому повседневному делу со всей привычной для себя серьезностью. Не в смысле, конечно, философических рассуждений, однако она была чрезвычайно сосредоточена и углублена в свое дело; Айн терпеть не могла, если ее прерывали, когда она занималась делом. Вот вам и другая сторона ее характера.

Элоис готовила, и Айн приходилось разогревать. И она стояла у плиты и мешала, и это было в данный момент ее единственной целью. В такие моменты она не разговаривала ни с кем и не отвлекалась — потому что была занята. В аналогичной манере она выписывала чек. Она заполняла его, потом проверяла, и все делалось самым серьезным образом.

Она не любила отвлекаться?

Да. Нарушения привычного распорядка, особенно связанные с выездом из дома, например, к врачу или парикмахеру, имели последствия, растягивавшиеся на целые дни. Она не могла писать и должна была прийти в себя.

В ее характере была и морализаторская сторона, неготовность к компромиссам. Я поняла это в процессе подготовки экранизации *Атланта*. Я перевидала не знаю сколько сценаристов и заинтересованных продюсеров. Все они в конечном итоге не понимали, что делают. Если очередной претендент не мог проявить понимание текста и вложить это понимание в сценарий, ей было абсолютно все равно, с кем она имеет дело. Это был дохлый случай. Никто не мог польстить ей. Мысль о том, что на *Атланте* можно крупно заработать, просто не приходила ей в голову. Фильм должен быть снят только определенным образом, и она знала, как именно. Именно так и никак иначе.

Она была нравственна в подлинном смысле этого слова — и далека от псевдоморали. Она была абсолютно последовательна на этом уровне. Проводилось какое-то собрание по поводу неприятностей местного уровня, и Пейкоффы и О'Конноры отправились на него. Кажется, речь шла о студенческих волнениях. Было это во время студенческих бунтов той либеральной, левой эры. Кто-то на собрании занял левую позицию, и она взвилась, как если бы при ней охаяли Канта.

Иногда она самым забавным образом проговаривалась, по причине своей невинности в отношении реакции на себя людей. К примеру, она ненавидела бороды, потому что считала лицо самой важной частью тела, и полагала, что если мужчина носит бороду, то это значит, что он что-то скрывает под нею и вообще имеет несовременный вид. Кто-то из ее знакомых оброс бородой во

время долгого отсутствия в ее обществе, и когда он вошел в ее квартиру, она сказала: «Боже, разве можно носить на лице подобные вещи!» Она просто не понимала, что подобные вещи людям не говорят!

Аналогичным образом она относилась к женским челкам, поскольку они закрывали лоб, демонстрирующий твой ум и твои глаза. Она считала, что прятать свой лоб женщине глупо.

Что еще о прическах вы можете сказать?

Дагни причесывалась как Айн. У мисс Рэнд в Нью-Йорке был свой парикмахер [Лоренс Казан], которого она посещала долгие годы. Собираясь выйти в свет, она всегда направлялась к нему. Айн всегда носила очень гладкую и короткую артистическую стрижку.

Как она относилась к длинным волосам у мужчин?

Не обращала внимания. Она очень любила все современное и считала современными короткие прически.

С какими другими сторонами характера мисс Рэнд вы знакомы?

Она была значительным и блестящим человеком — этой всевидящей Айн. А еще шаловливой, веселой Айн, любившей потанцевать под легкую музыку проигрывателя. Она слушала ее и расхаживала по гостиной, размахивая тросточкой в такт музыке. Еще она очень любила кошек. В то время их у нее было три штуки.

И кто же ухаживал за ними?

Они оба, но Фрэнк в большей степени. Фрэнк заботился о физической стороне кошачьего бытия. Одного из котов звали Томми, другого Юниор. Вообще-то Томми был наречен Фомой (Томасом) Аквинским, а полное имя Юниора было Фриско Юниор, то есть Младший. Они все время находились возле них с Фрэнком. Не помню, старалась ли она выставить их из кабинета или нет, однако один из котов всегда валялся на ее столе. Кстати, более всего она любила персидских кошек. Ей нравилась их внешность. Их шубки, их большие глаза, их ум и независимость.

Как она играла с ними?

Она дожидалась, когда они придут, усядутся возле нее, и гладила их.

Что вы можете рассказать об их коте Фриско?

Она терпеть не могла, когда люди искажали слова песни, потому что это каким-то образом нарушало авторские права, и потому рассказывала эту историю очень конкретно: когда в 1951 году они ехали с Западного побережья в Нью-Йорк, она сочинила новые стихи на мелодию *It's a Long Way to Tipperary*[279]. Что-то вроде: «Здравствуй, 36-я стрит, мы почти дома». В машине были

только они вдвоем и Фриско. Песня предназначалась коту. И они пели ее дуэтом в машине, подъезжая к 36-й, потому что Айн очень любила Нью-Йорк. В конце она с легкой девичьей застенчивостью говорила: «Не хотите послушать?»

Расскажите мне о друзьях мисс Рэнд.

Ограничусь упоминанием пары людей, в обществе которых я ее видела. И собственными глазами могла определить ее отношение к ним. Одним из них был Алан Гринспен. Он ей чрезвычайно нравился. Она уважала его интеллект и считала его чрезвычайно умным человеком. Она очень гордилась тем, что он делал в Вашингтоне, и считала, что тот огромный вклад, который он делает, касается вещей, которых люди никогда не услышат и не увидят, потому что он избавляет их от многих зол.

Она относилась к Алану с теплотой и пониманием, отличными, между прочим, от тех же чувств, но обращенных к Леонарду. В отношении ее к Алану не было материнской нотки, она видела в нем прежде всего коллегу.

Но к Леонарду она относилась по-матерински. Думается, она видела в нем своего сына. Едва ли она говорила это, но относилась к нему именно так. Леонард был для нее подобием сына, и как мне кажется, Фрэнк также питал к нему подобное чувство. Они с Леонардом всегда были на связи и разговаривали почти ежедневно. Они часами могли разговаривать на философские темы. У них был собственный, общий мир.

А другие?

Существовала группа людей, вошедших в ее жизнь через марки, которых она действительно любила, такие как Жак Минкус, и отец Леонарда, и Чарльз, муж Мэри Энн Сурс, в то время собиравший марки. Они возили ее на выставки марок. Айн очень подружилась с мистером Минкусом, профессионально занимавшимся марками. Марки сделались ее страстью, он снабжал ее новыми марками, и они периодически вместе посещали выставки марок. Доктор Холман, ее хирург, также интересовался марками. Она восхищалась доктором Холманом, потому что он был очень хорошим врачом. Она подружилась с отцом Леонарда, доктором Сэмом Пейкоффом, потому что он собирал марки.

Они обменивались письмами и марками. Во Флориде жила одна маленькая девочка Тамми [Во], с которой они познакомились во время запуска космического корабля «Аполлон-11». Айн переписывалась с ребенком и посылала ей марки.

Как мисс Рэнд относилась к Тамми?

Девочка очень нравилась ей. Айн считала ее очень

смышленой, и ей нравилось, что Тамми интересуется марками. Айн посылала ей свои новые марки и сообщала о своих находках.

Расскажите мне об Элоис Хаггинс, кухарке мисс Рэнд. Во-первых, каким человеком она была?

Элоис мне очень нравилась. Она чрезвычайно хорошо знала свое дело. Она была очень душевным, серьезным и добрым человеком. Мне нравилось, как она относилась к мистеру О'Коннору — она ценила его и уважала. Более того — симпатизировала ему. Мне кажется, что Айн и Элоис дружили. У меня создалось впечатление, что Элоис определенным образом заботилась о ней, и Айн в свой черед заботилась об Элоис. Не знаю, насколько откровенничала на эту тему Айн, но в конце ее жизни, когда не стало Фрэнка, Элоис неотлучно находилась при ней.

Она ничего не скрывала от Элоис и доверяла ей. Элоис была очень порядочной и трудолюбивой женщиной, крайне преданной Айн. Мне кажется, что по мере того как из жизни Айн уходили все новые и новые люди, постоянная Элоис приобрела для ее особенное значение. Она ни в коем случае не относилась к числу интеллектуалов, однако была хорошим человеком, очень добрым по отношению к Айн.

В каком плане?

Она заботилась об Айн. И гордилась тем, что исполняет по отношению к ней свои обязанности, будь то хождение за продуктами по магазинам или готовка.

Насколько близкими были их отношения?

Они были близки не в том смысле, в котором Айн была близка с Леонардом, однако Айн любила Элоис, и они дружили.

Обладала ли Айн Рэнд чувством юмора?

Ну, это чувство не относилось к ее главным личным характеристикам, однако она могла посмеяться над шутками Фрэнка или Оскаром и Освальдом[280] или над выходками кота. Но была не из тех, кому люди будут рассказывать анекдоты.

Помню одну из любимых шуток Айн Рэнд. Она рассказывала ее с несколько лукавым и застенчивым видом. Идея заключалась в следующем: кроссворд требовал найти слово из четырех букв, заканчивающееся на «it», чтобы оно было похоже на Элеонору Рузвельт и на субстанцию, находящуюся на дне птичьей клетки. Тут она начинала хихикать, спрашивала, прилично ли это, и, наконец, называла ответ: «Grit», песок.

Вы знали Айн Рэнд как человека и как писательницу. Как соотносились между собой обе стороны ее личности?

Айн-писательница и Айн-личность никак не различались между собой. Одна и та же любовь к идеям и морали, и личность,

замечающая все вокруг. Ту же проницательность и стремление понять и объяснить мы ощущаем в *Атланте.*

Хочу сказать вам кое-что в отношении торговки рыбой, присутствующей в *Атланте*: Айн говорила мне, что писала ее с себя самой. То есть она присутствует в *Атланте* на манер Альфреда Хичкока. Любовь к Голту, которой дышит эта женщина, принадлежит Айн. Прочтите этот отрывок, и вы получите представление о ее отношении к Голту.

Позвольте мне теперь задать вопрос относительно предпочтений Айн Рэнд. Начнем с ресторанов, были ли у нее любимые?

В то время она предпочитала «Русскую чайную».

Она любила борщ (borscht) и пирожки (piroshki). Она также любила соседний ресторан «Джунгли Джима» (Jungle Jim's), где подавали бургеры и стейки. Другим ее любимым рестораном был «Японский дом» (La Maison Japonaise), соединявший японскую и французскую кухню.

Любимые блюда?

Мороженые десерты от Сары Ли[281]. Тогда была такая реклама: «Нет лучше, чем у Сары Ли», ей нравился этот ролик, и она постоянно покупала продукцию от Сары Ли. Она любила русский ореховый пирог и сэндвичи с сыром и майонезом на черном хлебе.

Что она пила?

По сути дела, ничего. Ну, шампанское на Новый год. Когда она ездила в Бостон выступать в Форд Холле, мы останавливались в большом отеле, где был полинезийский ресторан под названием Trader Vic's. Она любила напиток с небольшим зонтиком и фруктами. В нем не было спиртного, но состав производил впечатление Южных морей.

Любимый шоколад?

Она любила шоколад фирмы «Годива»[282], которые называла шоколадками леди Годивы. Она любила наборы, бывшие тогда и остающиеся золотыми, их оформление и сам вкус шоколада.

Когда она приобретала их?

По специальным оказиям, когда хотела отпраздновать написание какого-нибудь эпизода или завершение работы, или их приносили друзья, или просто праздника ради. Факт особой оказии вытекал из самого употребления этих конфет. Она всю свою жизнь боролась с излишним весом и сидела на диете, так что не часто могла позволить себе такое лакомство.

Любимая музыка?

Предпочитала Рахманинова и романтиков, любила Артура Рубинштейна[283] и Владимира Горовица[284], однако я чаще

слышала, как она восторгается, чем видела, как она слушает их. Сама я видела ее реакцию на популярную легкую музыку, американские патриотические песни типа *Over There*[285] и вообще музыку в стиле Джорджа М. Кохана. Она также любила марши.

Что в стиле Горовица ей нравилось?

Драматичность и рискованность. Она полагала, что его стиль чрезвычайно хорош, отважен и страстен. Стиль Рубинштейна, с ее точки зрения, был прекрасен и лиричен, но сдержан. Горовиц был более энергичен.

Какие другие патриотические песни она любила?

Марши в стиле Сузы[286], такие как *Марш газеты «Вашингтон пост» (The Washington Post March)*. Она всегда считала, что национальным гимном должен быть марш *Прекрасная Америка (America the Beautiful)*, а не *Звездное знамя (The Star-Spangled Banner)*. Фрэнк любил песню *Down South*[287]. Слушая ее, он расцветал и отбивал такт рукой.

А как насчет фильмов?

Она очень любила *Поверженный идол* (*Fallen Idol*) с Ральфом Ричардсоном и Бобби Хенри. Она считала, что Бобби Хенри в нем просто потрясает, ей нравился аспект почитания героя, и она считала его отличным детективом. Причудливый сюжет был далеко не очевидным. По тем же причинам она любила фильмы по пьесам Теренса Раттигана[288].

Кого из актеров она любила?

Она считала Алека Гиннесса[289] блестящим актером. Он мог сыграть любую роль, и в разных ролях его можно было и не узнать.

А как насчет Раггльза из Ред-Гэп?

Эта комедия принадлежала к числу моих любимых, и я помню, как обнаружила ее и порекомендовала Айн, она также ее высоко оценила. Она считала Чарлза Лоутона отличным актером.

А как насчет Греты Гарбо?

Айн считала Гарбо самой лучшей. Она называла ее потрясающей актрисой, способной передать на своем лице бурю чувств. Она также восхищалась элегантной и потрясающей внешностью Гарбо.

Вам известно, что она думала про кинофильм Рожденная свободной?

Помню, что ей нравился этот фильм. Конечно, она любила зверушек. Они непослушны, веселы, умны и милы. Ей нравился фильм, но я больше помню ее реакцию на зверушек вообще. Она была растрогана.

Еще мы ходили на один фильм — не помню названия, — в нем благоприятно упоминалась Россия, после чего она пришла в

ярость и прямо посреди сеанса начала во всеуслышание говорить, что это пропаганда и что она уходит.

Смотрели ли вы вместе с ней фильм Крестный отец?

Помню, как она обсуждала этот фильм, по ее мнению, отлично снятый с драматической точки зрения. Она считала его персонажей хорошо прописанными.

Любимые телепередачи?

Помню, что она любила *Ангелов Чарли,* из-за Фарры Фосетт. Айн считала Фарру восхитительной, невинной, женственной и хорошенькой. Ей нравилась внешность Фарры Фосетт, и она считала, что эту актрису окружает аура невинности и благожелательности. Мне кажется, что она видела ее исполняющей роль в *Атланте.* Другим ее любимцем был Реймонд Бёрр в *Перри Мейсоне*. Ей нравились его серьезность и сюжетные линии. Симпатией ее пользовался еще один актер — Ганс Гудегаст[290], герой приключенческого телесериала *Крысиный патруль (Rat Patrol)*. Она обожала его и была готова без перерыва смотреть фильмы с его участием. Это происходило уже под конец ее жизни. Она всегда хвалила его внешность, говорила, как он ей нравится и что это мужчина ее типа.

Ее любимые картины?

Кисти Фрэнка.

Ее любимая опера?

Травиата. Мы слушали ее в Метрополитен-опере. Ей нравилась застольная ария, однако она была по-детски разочарована, потому что в России ее ставили в великолепных декорациях и костюмах, а здешний спектакль показался ей бедным. Она была очень разочарована.

Что она думала о рок-н-ролле?

Она его ненавидела и считала слишком громким и немелодичным.

Ее любимое стихотворение?

Если Редьярда Киплинга. Она также любила стихотворение *Непокоренный (Invictus)* Уильяма Эрнеста Хенли.

Что ей нравилось в Непокоренном?

Строчка, в которой он говорит: «Я — капитан своей души».

Почему она любила Агату Кристи?

Она считала Кристи очень умной женщиной и любила ее детективы. Айн называла ее Агатой. Ей нравились сюжетные ходы Кристи, она пыталась самостоятельно вычислить убийцу.

Удавалось ли это ей?

Не думаю. Она прочитала все книги Кристи, но ей нравился Пуаро, а не мисс Марпл.

Любимый балет?

Идею балета она любила больше, чем любой из них. Она считала балет очень абстрактным искусством и видела его смысл в красоте и изяществе и тому подобных характеристиках.

Любимый цвет?

Сине-зеленый.

А не можете ли вы назвать точный оттенок?

У меня хранится принадлежавшая ей маленькая пепельница. Она выполнена в форме как раз сине-зеленой раковины. Это цвет морской волны, скорее зеленый, чем синий. Это яркий и бодрый цвет.

Что еще доставляло ей удовольствие или развлекало?

Она считала Нуреева великим танцовщиком за уникальные способности и за то, что он явился в западный мир как романтический герой. Айн очень любила его. Не с той страстью, что я сама, но восхищалась им, его мастерством. Мы с Леонардом в компании двух других пар однажды побывали на его спектакле. Кажется, давали *Дон Кихота,* и он с блеском исполнил свою бравурную роль. Потом, когда мы обсуждали его выступление, кто-то из наших спутников сказал, что Нуреев — гомосексуалист. Я по-настоящему расстроилась и высказала свое мнение Айн, которая согласилась со мной в том, что не подобает обращаться к негативу сразу после того, как ты видел выступление большого мастера. Не стоит сразу искать глиняные ноги у колосса. Она была очень решительно настроена в данном отношении.

Это портит эмоциональный настрой?

Да. Он был таким удивительным. Вы же не станете говорить о восхищающем вас человеке, что у него лихорадка на губе.

А сама Айн Рэнд была на спектаклях с участием Нуреева?

О да. Насколько я помню, она раз или два ходила смотреть его. Это все равно что спрашивать: «Пойдете ли вы на беседу Айн Рэнд?» Когда приезжает великий мастер, ты идешь смотреть его.

Знаете ли вы ее героев? Кто привлекал ее внимание на общественной арене?

У нее не было любимцев среди политиков. Она считала политику слишком примитивной и соответствующим образом к ней относилась. Среди политиков не было интересных ей людей. Вот астронавтами она восхищалась, и посещение запуска корабля «Аполлон-11» было для нее огромным впечатлением.

А как насчет прочих публичных фигур?

Аристотель — по причине величия ума и выдвинутых им идей. Она восхищалась Аристотелем так, как мы восхищались бы живым человеком. Среди живых она восхищалась также художником Капулетти. Она не помещала его в ту же категорию, что Аристотеля или Микеланджело, но очень им восхищалась. Ей

нравилась его живописная манера.

Не помните ли вы какие-нибудь ее высказывания в отношении кого-нибудь из мировых лидеров?

Нет. Она писала, что большинство людей фокусирует свое внимание не на идеях, а на людях. Она этого не делала. Она считала существенными как раз идеи, а не людей. Если бы среди современников нашлись люди, достойные восхищения, действительно великие люди, она восхитилась бы, однако таковых не было. Она могла бы восхититься современным Аристотелем или фигурой несколько меньшего масштаба, вроде Гюго. Ими она восхищалась не в абстрактной манере, но в том плане, что были люди, которые научили нас великому. Они были для нее подлинно реальными, такими реальными, словно она была лично знакома с ними — ну как люди говорят: мой герой бейсболист Джекки Робинсон, но она поставила бы на место спортсмена Аристотеля.

Интересовали ли ее жизнеописания таких людей, как Аристотель, хотела ли она изучать их?

Она знала о них все.

Да, а как насчет собственно спортсменов?

Боксер Мохаммед Али[291]. Кроме того, она любила гимнастику, но в качестве отклика на единственную спортсменку — Ольгу Корбут. Айн очень любила ее и считала, что она неподражаема, артистична и стоит над всеми прочими гимнастками.

Кроме того, существовал некий кот Моррис, рекламировавший кошачий корм «9 жизней». Реклама изображала его крупным дворовым котом, ярко-рыжим, наделенным яркой личностью. Говорил он в задиристой манере и вел себя соответствующим образом. Кот Моррис был ее героем. Она любила его. Кроме Морриса, в рекламе присутствовала и благородная красотка, белая персидская кошка. Айн любила поговорить о них. Кажется, она даже купила книгу про Морриса; тогда как раз вышла его «автобиография». У него на лбу была буковка М — ну, знаете, сложенная такими морщинками? Так вот у него было М от Моррис.

Она восхищалась Бобби Фишером. Она считала его очень интеллигентным человеком, и ей нравилось, что он победил Бориса Спасского[292]. Однако она не верила в это организованное противостояние между Россией и Америкой и потому не преувеличивала значение этой победы.

Каких ученых или искателей приключений она чтила?

Думаю, что подобных Леонардо да Винчи, однако не в той же самой весовой категории. Она в уме подразделяла людей на

разные группы. После Аристотеля, Микеланджело и Гюго должен был находиться кто-то еще.

Почему она любила Микеланджело?

Потому что считала его великим художником, и в особенности за то, что человек в его *Сотворении Адама* является центром вселенной.

Как я заметила, у Айн в каждой части ее жизни существовали свои ценности. Не было такой области жизни, в которой у нее не было бы своих фаворитов. Основные, самые фундаментальные для нее добродетели нам прекрасно известны, однако она в точности знала, что ей приятно во всех областях жизни. Определенным и абсолютным образом. В ней не было ничего расплывчатого и неопределенного.

Случалось ли вам расспрашивать мисс Рэнд о ее встречах с Гэри Купером?

Она рассказывала о своих встречах с ним на съемочной площадке, о попытках научить его произносить текст и о том, как ей нравилось его лицо. Внешностью он соответствовал ее представлению о внешности героя. Айн любила подобные лица. Однако Купера трудно было назвать интеллектуалом, и он не понимал смысла речи, которую должен был произносить в зале суда из фильма *Источник*.

Расскажите мне о кабинете Айн Рэнд.

В кабинете, где она проводила большую часть своего времени, находились ее стол и книжные полки. Я уже рассказывала о стеллаже с ее драгоценной коллекцией львов и камней. В кабинете всегда царил хаос. Не потому, что она любила беспорядок, но руки не доходили, потому что она всегда что-то писала.

Расскажите мне, что вы еще делали в обществе Айн Рэнд.

Мы время от времени плавали на пароходике компании Circle Line вокруг Нью-Йорка. Маршрут охватывает кольцом Манхэттен, и они с Фрэнком любили его. Обыкновенно эту поездку мы предпринимали, когда к нам из Вашингтона приезжали Сурсы. Она любила эти поездки и по дороге рассуждала об архитектуре и конкретных зданиях, отмечала отдельные сооружения, в частности, такие небоскребы как Крайслер и Эмпайр-стейт. Она отмечала, как изменился облик города: если раньше каждый небоскреб имел свой характер, то новые, гладкие коробки никакого смысла не имеют. Во время прогулки она пребывала не в рабочем настроении, она углубленно рассматривала окрестности и впитывала внешний вид.

Какое здание она любила больше прочих?

Вулворт-билдинг.

Была ли она очень щедра в расходовании своих денег?

Безусловно, когда речь шла о ее друзьях или сестре Норе. Она могла, не считаясь с расходами, украсить целую квартиру и заплатить за все, даже за медицинское обслуживание. И если кому-то нужны были деньги, она всегда была готова помочь. Она была щедрой. И это любопытно, поскольку при той бедности, с которой Айн начинала — а пару раз она говорила, что когда оказалась в Нью-Йорке, могла позволить себе только тарелку супа — можно было подумать, что, добившись успеха, она могла бы и придавать куда большее значение материальному комфорту. Айн жила хорошо и не экономила, однако деньги не были для нее важным фактором. Дешевая бижутерия могла доставить ей столько же удовольствия, сколько настоящая драгоценность. Она жила не напоказ.

Дарила ли она подарки?

Нет, не дарила. Она всегда протестовала, когда ей что-то дарили. Получая подарок, она всегда говорила: «О, вам не следует что-то дарить мне», а потом радовалась тому, что ей поднесли. Она не хотела, чтобы люди тратили на нее свои деньги.

А вы что-нибудь дарили ей?

Я поднесла Айн в качестве сюрприза стоп-кадр из одного из фильмов, в котором снимался Фрэнк; фильм этот назывался *Трое в паре (Three on a Match)*. Я работала в Нью-Йорке на независимой телестанции Channel 5, располагавшей этим фильмом. Мой друг редактор получил этот фильм и сделал нужный мне кадр. Тогда у Айн была не очень счастливая стадия ее жизни, однако она обрадовалась подарку.

Расскажите мне о праздниках в доме О'Конноров.

Они праздновали День благодарения и Рождество и устраивали по поводу Дня благодарения полнокровный американский банкет с индюшкой и всем прочим. Каждый год мы с Леонардом ходили к ним в гости на этот праздник. Атмосфера была очень праздничной, и Элоис особым образом накрывала на стол. На Рождество появлялись два львенка, Оскар и Освальд, в рождественских колпачках и с бантиками. Они всегда приписывали этим львятам неудачные шутки Фрэнка: «Это Оскар сказал».

Под Новый год Айн придерживалась русского обычая делать в этот день то, что ты хочешь делать весь наступающий год, и поэтому она всегда уделяла сколько-то времени писательским трудам.

Играла ли она в какие-то игры?

Да, на вечеринках. Однажды в квартире Айн приглашенные должны были представить наиболее счастливый для себя

музыкальный отрывок, и все должны были догадаться, чья это музыка.

Тогда я выбрала для себя *Лондонскую сюиту* [Эрик Коутс], оказавшуюся заодно одной из любимых музыкальных пьес Фрэнка. Это очень веселая маршевая музыка. Фрэнк выбрал Down South в восхитительном исполнении на банджо. Айн предпочла какой-то легкомысленный отрывок из венской оперетты. Алан Гринспен назвал отрывок из какой-то симфонии, что вполне соответствует его характеру. Игра была очень интересной.

На другой вечеринке, вновь происходившей на квартире Айн, каждый должен был принести свое детское фото, и надо было догадаться, кто есть кто, что было очень непросто сделать. Кажется, фото были подписаны девизами, у Леонарда девиз был «Чистый лист» (Tabula Rasa), и мне кажется, Айн вычислила его. Такие у нас были игры. Кроме них, были регулярные развлечения, что-то вроде шарад, но всегда с какой-то изюминкой.

Существовала ли игра по роману Атлант расправил плечи?

Да. В те былые дни Коллектив всегда занимался ею и изображал «постановку *Атланта*».

Кого хотела мисс Рэнд?

У нее никогда не было Голта.

Кого она хотела в качестве Франсиско?

Французского актера Алена Делона, в его молодые годы. Ей нравилось его лицо, эти высокие скулы — и в нем была какая-то сила.

А как насчет Дагни?

Однажды она назвала Ракель Уэлч[293], Айн нравилось ее лицо. Айн очень внимательно относилась к тому, как выглядят люди, особенно актеры. И кстати говоря, именно внешность заставила ее обратить свое внимание на Фрэнка. Она самым определенным образом представляла себе, как выглядят ее герои и какое место они занимают в ее вселенной. Она четко представляла себе тот тип лиц, которыми были наделены любимые ею разновидности душ. В частности, мужчины должны были иметь резко очерченное лицо, высокие скулы, пронзительные светлые глаза, истинно американский облик. Таким был и Фрэнк — настоящим американцем. Высоким, сухощавым, с высокими скулами, резким, но приветливым лицом, внимательным, американским и добродушным.

Она что-нибудь говорила о лице Фрэнка, каким он был во время их знакомства?

Сказала, что сразу по лицу поняла, что это ее мужчина.

Каких еще актрис она любила?

Она считала, что Фэй Данауэй[294] очень женственна и

интеллигентна, но похожа на карьеристку.

Можете ли вы припомнить конкретные припадки ненависти либеральной прессы по отношению к мисс Рэнд, которые она видела или на которые обращала внимание?

В припадке ненависти постоянно билась *Нью-Йорк таймс*. Она читала эту газету, подчеркивала выпады в свой адрес и отвечала на них, если считала, что это необходимо.

Как она отреагировала на то, что вы стали режиссером программы новостей?

Она прокомментировала две передачи, которые я сделала, когда работала в NBC. Наверно, они с Леонардом вместе смотрели мои передачи, а потом звонили мне. Айн умела хвалить людей, заслуживающих похвалы, особенно за проделанную работу.

Одна передача была посвящена Нурееву. Я сделала о нем биографический очерк для программы NBC News. Помню, как она восторгалась моей работой и говорила: «Знаешь ли ты, сколько танца сумела вместить в свою передачу? Никто другой не смог бы этого сделать». Она поздравила меня с этим, как и с тем, насколько я выявила его личность и роль романтического героя в балете. Она отреагировала именно на эти моменты и прокомментировала их.

Другую свою передачу я сделала о Томе Хайдене[295] и Джейн Фонде[296]. Я месяцами следила за всей их деятельностью. У них была собственная организация, носившая название «Кампании за экономическую демократию». В NBC мне дали за них настоящий бой. В идеологическом плане они любили Джейн Фонду. В своей передаче я использовала весь объем пропаганды, которым они располагали. Я использовала репортаж о выступлении Фонды в Ханое перед северо-вьетнамскими войсками, во время нашей войны с ними. Я вставила репортаж о протесте ветеранов войны против нее. Я брала у нее интервью, где она выглядела полным нулем. И я сделала это так, что симпатизировавшие ей люди считали, что я по-доброму обошлась с ней. Айн сочла, что картина в итоге оказалась сокрушительной. И Фонда предстала перед объективными людьми как существо полностью злое, бессловесное и еще очень глупое. В частности, я подчеркнула, что действия ее направлял тот человек, с которым она тогда жила. Собственные мысли у нее в голове не водились. И я победила. Айн с большой похвалой отозвалась о моей передаче.

Что Айн Рэнд думала о Спиро Агню?

Он ей нравился. Он казался человеком очень нравственным, привлекало и его отношение к прессе. Он называл журналистов «болтливыми набобами негативизма». А кроме того, был

великолепен в своих нападках на левую прессу.

Случалось ли вам в NBC или в каком-нибудь другом месте вступать в какие-либо столкновения с людьми, осуждавшими вашу дружбу с Айн Рэнд или принадлежность к философии объективизма?

Ну, о дружбе с Айн я никому не рассказывала. И не занималась проповедью объективизма. На работе знали, что у меня в голове крутятся «странные» идеи, однако о моей приверженности к объективистской философии никто не знал. Айн советовала мне не пропагандировать объективизм, раз уж я нахожусь на вражеской территории. Она дала мне некоторые советы о том, как излагать свои идеи таким образом, чтобы не озлобить своих сотрудников.

Давала ли она вам другие советы относительно вашей работы?

Кажется, в 1968 году, когда я поступила на работу в новостной отдел NBC, все работники должны были являться членами профсоюза NABET[297], объединявшего теле- и радиотехников и инженеров. Каким образом в ту компанию попали журналисты и продюсеры новостей, я не знаю. Это достаточно жесткий, типа водительского, профсоюз. Я не хотела состоять в нем — они вычитали в качестве взносов внушительную долю зарплаты, и насколько я могла судить, ничего не делали для своих членов. Примерно через неделю после того, как я начала работать в NBC, союз объявил забастовку с целью пересмотра контрактов. Это был типичный трудовой спор. Я была недовольна уже тем, что вынуждена состоять в профсоюзе, а тут еще надо бастовать и пикетировать. Я намеревалась проигнорировать все мероприятие. Однако, когда я рассказала об этом Айн, та самым непреклонным тоном сказала, чтобы я вышла в пикет и делала все, что потребует от меня профсоюз, ибо уклонение могло быть поставлено мне в вину после забастовки, и насколько мне известно, я могла быть оштрафована на огромную сумму, или результатом его могли стать неприятные последствия в плане моей работы. Она также сказала, что раз у меня не было выбора в том, поступать в союз или нет, то у меня нет выбора и в отношении пикетирования и участия в делах союза, поскольку на этих условиях я получила эту работу. Я поверила ей на слово, потому что она знала об этом много больше меня, и потому одним летним днем оказалась возле Эмпайр-стейт-билдинг в пикете с одобрения Айн. Она была не меньше моего против всей истории, однако не сомневайтесь: когда забастовка закончилась и союз вернулся к работе, нашлись такие люди, которые не приняли участия в пикете и потому были вынуждены уплатить огромные

штрафы. Так что Айн оказалась абсолютно права.

Айн Рэнд что-нибудь говорила об Израиле?

Она принципиально восхищалась Израилем. Но ненавидела политически за левый социалистический уклон, однако считала, что только они на земле обладают моральным уклоном и способны следовать собственным убеждениям, как, например, в рейде на Энтеббе[298]. Она говорила, что Израиль дал урок Соединенным Штатам.

Расскажите, что мисс Рэнд и мистер О'Коннор делали на вашей свадьбе с Леонардом Пейкоффом в 1968 году.

Помню, что у нас была небольшая репетиция в квартире Леонарда, на которую пришли Айн с Фрэнком, все присутствующие увлеклись какой-то бессмысленной болтовней, и Айн выпалила: «Не пора ли нам взяться за дело». Или: «Разве мы собрались здесь не для конкретной цели». Или что-то еще в этом роде.

На свадьбе Айн выполняла обязанности посаженной матери, и Фрэнк тоже участвовал. Я хотела, чтобы они оба были в черном. Как мне кажется, в то время это было не обязательно. Айн сочла мое предложение хорошим, так как оно создавало драматический эффект: в ряду облаченных в черное мужчин присутствовала я в белом свадебном платье. В тот день они с Фрэнком были такими элегантными.

Видели ли вы, чтобы Айн Рэнд плакала?

Да, когда умер один из ее котов. Однажды Сурсы и Пейкоффы явились в ее квартиру, чтобы забрать в местную «кругосветку», и оказалось, что Томми умер как раз предыдущей ночью. Мы спросили ее, что случилось, а она заплакала и смутилась, так как не знала, можно ли плакать по такому поводу.

Расскажите мне об Айн Рэнд и покупке вашего кота Фриско.

Это было в 1981 году. У меня была гималайская кошка, красотка Ритци, сокращение от графини Марицы, однако она подхватила кошачий энтерит и умерла.

Через какое-то время я поняла, что не смогу завести новую кошку, потому что боюсь, что умрет и она. И как только я поняла это, то сразу захотела купить новое животное. Я сказала Айн, что хочу хорошенько поискать, чтобы найти подходящее животное, и рассказала ей о собственной реакции. Дело было вскоре после того, как умер ее собственный кот Томми. Айн захотела разделить со мной компанию, и я ухватилась за эту возможность. В то время существовали кошачьи магазины, называвшиеся «Сказочные кошачьи» (Fabulous Felines), там продавали прекрасных животных, и мы поехали туда.

Там мы нашли двух абсолютно очаровательных гималайских

котиков, двух братьев. Мы с Айн немедленно в них влюбились, и вопрос стоял о том, которого из них брать. Я не могла представить себе, что их можно разлучить, и подумала: может быть, она захочет купить другого себе, однако этого так и не произошло.

Она не захотела покупать второго кота?

Она находилась в депрессии. Наш поход за кошками состоялся, как мне кажется, вскоре после смерти Фрэнка, и она пребывала в плохом настроении, хотя поход за кошками определенно подбодрил ее. Но не настолько, чтобы она захотела покупать нового кота. Словом, из них двоих я выбрала того, который скакал и прыгал и был более активным. Айн сказала, что хотела бы подарить его мне на дорожку, так как я тогда как раз собиралась уехать из города в Атланту, поскольку получила работу в CNN. И тогда я самым кротким образом сказала: «Айн, у меня возник к вам серьезный вопрос. Как вы посмотрите на то, что я назову его Франциско в честь Франциско д'Анконии? Я не могу воспользоваться его именем без вашего одобрения». Она ответила: «О, ну конечно же». И с того момента кот стал Фриско, и я показывала ей его фотографии по мере роста. Она считала, что он красавец. Фриско был таким активным, подвижным и умным.

А как она вела себя, слыша аплодисменты или крики одобрения?

Она воспринимала такое одобрение как заслуженное ею, однако смущалась, если аплодисменты затягивались слишком надолго. Она не любила этого низкопоклонства по отношению к себе. Если после ее выступления звучали аплодисменты, она считала, что имеет на них право, и воспринимала их с деловой точки зрения.

Для нее очень важным было посещение Вест-Пойнта. Тот факт, что такое историческое учреждение Америки, как Вест-Пойнт, признало ее и захотело выслушать, чрезвычайно много значил для нее в личном плане.

Расскажите мне о посещении ею Вест-Пойнта.

Помню, как эти великолепные в своих мундирах курсанты вслушивались в каждое ее слово. Она уловила ту строгую и достойную нотку, которой обладает Вест-Пойнт, приняла в себя и признала как нечто, частью которого стоит быть.

Форд Холл Форум также много значил для нее. Мы ездили туда на поезде, и она дописывала свою речь по дороге в Бостон. А потом зачитывала ее по рукописному тексту.

Почему ей нравилось выступать в Форд Холл Форуме?

Она всегда ждала своего ежегодного выступления там,

потому что считала его интеллектуальной ареной, предназначенной для столкновения различных точек зрения. Она восхищалась судьей Лурией, по сути дела являвшимся великолепным ведущим. Он был достойным человеком, и он уважал ее. Он никогда и ничем не проявлял собственную точку зрения и обращался с Айн самым достойным образом. Даже поездка на поезде в Бостон — хотя в дороге она всегда писала — представляла часть общего приключения: обеда в ресторане отеля с распитием этих забавных напитков с фруктами и зонтиком. А потом вечеринка, посвященная «разбору полетов», на которой вместе с друзьями обсуждалось сказанное ею, реакция аудитории и звучали новые обращенные к ней вопросы.

Посылала ли она вам рождественские открытки?

Нет. У меня есть только подписанный ею экземпляр *Атланта* с надписью: «Сью и Фриско с пожеланием великого будущего. От имени Франсиско д'Анконии, его секретарь, Айн. 9/7/81».

Почему же она так поступила?

Потому что она знала, как много значит для меня Франсиско д'Анкония, и сделала это в качестве его профессионального секретаря. Ну, как если бы он распорядился, чтобы она подписала книгу. Я обожала этого персонажа и до сих пор люблю его. Я говорила ей, что Голт не вызывает во мне подобного чувства. И пыталась объяснить ей, почему больше люблю Франсиско.

Она согласилась с вами?

Нет. Она предпочитала Голта, но вполне могла понять меня. Она сказала, что подобное предпочтение вполне понятно, поскольку Голт является куда более абстрактной фигурой, а детство Франсиско и весь его облик прописаны более подробно.

Айн удивительным образом реагировала на мои соображения, когда я рассказывала ей о том, что мне нравится в ее книгах с литературной точки зрения. Я рассказывала ей о любимых мной персонажах и эпизодах, она слушала самым заинтересованным образом, расцветала и спрашивала почему.

Я получила от нее отпущение двух грехов: во-первых, я призналась ей, что в первый раз читая *Атланта,* пропустила речь Голта, так как очень хотела узнать, что произошло дальше. Она сказала, что может понять подобный поступок, но рекомендует мне не распространяться об этом. Другой грех приключился со мной на эпистемологическом семинаре. Я кротко призналась в том, что не могу ощутить в себе интереса к эпистемологии. Она сказала, что не усматривает для этого никаких причин, что эпистемология представляет интерес для интеллектуалов, профессиональных философов, каковым я не являюсь, и на этом вопрос был закрыт. Однако я всегда чувствовала себя виноватой в

этом, хотя она считала такую мою реакцию забавной.

А сама она перечитывала Атланта?

Она признавалась, что опасается делать это, поскольку вне зависимости от того, что она собиралась делать, — найти нужное место или подыскать материал для статьи, — книга немедленно затягивала ее в себя как читательницу. Она забывала обо всем прочем, и ей хотелось читать и читать дальше.

Помню, как она устроила целую историю из моей реакции на одну из ее статей, которая называлась «Компрачикос»[299], посвященную тому, как уничтожаются молодые умы. С ее точки зрения, было важно, что происходит в раннем детстве с развивающимися умами и как школьный учитель может погубить молодую поросль. В свое время меня водили в прогрессивный детский сад, который вселял в меня ужас, о чем ей было известно. Когда она написала эту статью, она сказала мне: «Теперь ты знаешь, что произошло с тобой в детском саду». Она была очень недовольна этим, и за годы нашего знакомства неоднократно вспоминала, что сделали со мной мои учителя и воспитатели.

Расскажите мне о визите в Америку Норы, сестры Айн Рэнд.

Айн была очень взволнована приездом Норы, она сняла для сестры и ее мужа Феди квартиру в своем доме. Айн подарила ей телевизор, у нее была привезенная из России памятка: рисунок женщины, который Нора сделала молодой девушкой. Айн любила его, потому что изображение было очень стилизованным. Она выставила его на очень заметное место, однако Нора не заметила этого.

Как сестры общались между собой?

С течением дней стало очевидно, что Нора и Федя не вписываются в нашу жизнь, и им не слишком нравится то, что они видят вокруг себя. Они были мрачными. С ужасом узнав о том, что Нора не испытывает особого отвращения к России, Айн рассказала об этом нам с Леонардом. Нора считала, что будущее ее надежно обеспечено в России, то есть у них были пенсии и все предоставляемые правительством льготы. Когда стало ясно, что Нора предпочитает страну Советов свободе этой страны, Айн пришла в ярость. Она испытывала глубочайшую скорбь — она считала, что потеряла вновь обретенную сестру — но, осознав чувства и ощущения Норы, Айн не захотела иметь с ней ничего общего.

Нора и Федя хотели вернуться домой. Они не хотели платить здесь за те вещи, которые «предоставляло» им советское правительство. Им не нравилась наша свобода выбора, они не хотели выбирать. Они хотели вернуться в безопасный уголок своей диктатуры. Муж Норы чувствовал себя не слишком хорошо,

у него был сердечный приступ, кажется, ему пришлось обратиться к врачу. Конечно, Айн заплатила за все. Она была очень щедрой женщиной.

Было ли в отношениях Айн Рэнд и Норы нечто хорошее? Они встретились как любящие сестры?

Нет, едва ли, потому что Нора не была ценителем или мыслителем, а Айн ценила в людях только эти качества. Когда, например, Нора не отреагировала на то, что Айн считала ее достижением — на этот ее небольшой рисунок — Айн отреагировала негативно.

Как один из авторов выпускавшегося Айн Рэнд журнала Объективист *расскажите мне о вашем общении с ней в качестве редактора.*

В этом плане я больше помню общение с ней Леонарда, чем собственное общение. Но могу описать вам ее редакторскую манеру, почти что ангела — очень терпеливого, целенаправленного и делового. Она не редактировала; она делала предложения и не запрещала авторам предлагать собственные соображения. Во-первых, она была бесконечно терпелива в том плане, что каждую подробность следует объяснить и растолковать. Все, начиная с абзацев, точек и запятых и кончая смыслами, обсуждалось и изменялось. Однако никакие изменения не делались без согласия автора. Она растолковывала все. Редакторские обсуждения затягивались на часы.

А когда мисс Рэнд сердилась во время философских дискуссий, извинялась ли она потом перед теми своими друзьями, на которых пал ее гнев?

Да, после взрыва она говорила: «Пожалуйста, поймите, что я сержусь не на вас. Моя реакция направлена на ту идею, которую вы защищаете». Она всегда говорила, что раздражает ее идея, а не человек. Айн придерживалась того мнения, что всякая вещь, начиная от произведений и кончая личными взаимоотношениями, может быть реально исправлена, и дискуссия является средством такового исправления. Так что все обсуждалось, обсуждалось до бесконечности.

Чему вы научились у Айн Рэнд как у редактора?

Самое главное, что она сделала, это научила меня связывать абстракции с конкретными подробностями. Я хорошо развивала сюжет, если взять, к примеру, мою статью о Марченко[300]. Я хорошо справилась с изложением его истории. Я достаточно хорошо владела понятиями объективизма и потому умела выделять абстрактные положения, однако в то время они существовали у меня как бы сами по себе. Эта трудность в мышлении и писательском мастерстве требовала связать то и

другое вместе. Ну а у нее никакого разделения между абстракциями и конкретикой не существовало. Она была великолепна — и это еще слабая оценка — в этом деле. Ее редакторская практика научила меня большему, особенно тому, как надо думать, и далее: как перелагать свои мысли в текст, что составляет еще один шаг.

Кстати, перечитывая недавно собственные статьи, я заметила отпечаток, оставленный Айн — мой стиль был очень и очень четким и конкретным. Прилагательные можно заметить у меня нечасто. Урок ее заключается в том, что конкретика рождает абстракции. Не надо говорить, что все было «чудесно». Написанное на бумаге, это «чудесно» не значит абсолютно ничего без подкрепляющей его конкретики. К вашему восклицанию необходимо добавить факты. И именно это я увидела в своем тексте. Я была настолько конкретна, что по моему тексту можно было рисовать картинку, в чем, несомненно, проявилось влияние Айн.

Сочиняя для нее статьи, вы должны были сперва представить план или какие-нибудь наметки?

Нет. Мы обсуждали тему. Потом я бралась за дело и представляла какие-нибудь наброски. Отношение Айн к сочинительству требовало затрат времени. Никакая спешка не допускалась. Если вопрос упирался в какое-нибудь слово, приходилось при необходимости просиживать часа по два, обсуждая, какое именно слово следует предпочесть. Поэтому я всегда испытываю некоторое раздражение, когда слышу, что кому-то там не хватает времени на литературную работу.

Будучи редактором, она оказывалась и соавтором, поскольку начинала упорно обозревать статью до тех пор, пока в чем-то не убеждала ее автора. Процесс представлял собой рациональное обсуждение, и кто-то должен был победить, а кто-то проиграть. Варианта, требующего просто положиться на ее слово, не существовало, как нельзя было и сказать: ладно, сделаю. Она считала, что сам процесс предполагает объективный подход и имеет свои плюсы и минусы, достоинства и недостатки. Очень плохая статья гибла немедленно. Она подавала это так: статью можно пустить в дело, однако сперва следует доработать. А доработка означала труд.

А что вы обсуждали на предварительной стадии?

Мы обсуждали главную идею и необходимые моменты, а потом уже дома следовало рассудить, что логично, а что нет. Поскольку я все время находилась в ее квартире, обсуждение идеи не было для меня пустой формальностью.

Сколько же набросков вы делали?

Четыре, самое большее шесть. По-разному. По Марченко был один, может быть, два, но это самая малость. По более конкретным темам, как например рецензии на книги, хватало и одной, но более абстрактные темы требовали большего.

Почему вы писали статью только о Марченко, но не о других диссидентах?

Потому что он написал книгу *Мои показания,* которую я прочла. Он был удивителен в том плане, что был рабочим, как бы типичным коммунистическим человеком. Советы могли ткнуть в него пальцем и сказать: «Вот рабочий — он верит всему». И вот передо мной оказывается крестоносец, диссидент, ставший в тюрьмах интеллектуалом. Благодаря своему происхождению он оказался другой породы, чем остальные диссиденты, такие как Сахаров и Даниэль. Все они знали друг друга и были о нем очень высокого мнения. Он был очень настоящим.

Что думала мисс Рэнд о других диссидентах?

Она ненавидела Александра Солженицына.

Расскажите мне о мисс Рэнд и Викторе Рейзеле.

Виктор Рейзел был журналистом-новостником старой школы, проявившим выдающуюся отвагу в борьбе против толпы, профсоюзов и коммунистов, в частности во время попытки захвата последними Голливуда. Должно быть, он единственным среди газетчиков выступал против этой выходки коммунистов. В итоге гангстеры из толпы ослепили его, плеснув кислотой в лицо, потому что им не нравились его репортажи. Он никогда не переставал говорить то, что, по его мнению, было правдой.

Я встретилась с ним в Нью-Йорке, на Пятом канале, где он выступал с гостевым комментарием. Он олицетворял собой тип раздражительного, но либерального консерватора. Мы познакомились и разговорились, я нашла его очень интересным человеком, потом я рассказала о своей встрече Айн, и она поделилась со мной сведениями о нем. От нее я узнала, что он был одним из немногих газетчиков, выступивших против «голливудской десятки»[301] и всего, что творилось в это время.

Не помню, как это произошло, однако я спросила ее о том, не хочет ли она встретиться с ним для того лишь, чтобы просто поговорить о прежних временах, и она сказала: «Конечно», и он сказал: «Конечно». Его жена Элинор, чудесная женщина, водила мужа повсюду. Не помню, с чего началась наша встреча, с общего обеда или нет, но закончилась она тем, что О'Конноры, Пейкоффы и Рейзелы оказались в квартире О'Конноров. Не могу восстановить в памяти подробности разговора, однако они говорили о прошедших событиях, о том, почему молчали журналисты, и о том, что даже теперь левые захватили прессу, и о

том, что отваги теперь больше нет. Оба они наслаждались встречей в той мере, в которой это было возможно, потому что Айн политике предпочитала философию, однако она была очень высокого мнения об этом человеке и восхищалась им.

Вы были возле Айн Рэнд, когда в 1975 году открылась ее болезнь.

У нее нашли рак легких. Она пошла к врачам, и они обнаружили опухоль в ее легких. Она сильно кашляла, однако болей у нее не было. Ее немедленно положили в больницу и сделали операцию. Не знаю, сумела ли она полностью выздороветь. Она надолго погрузилась в летаргию.

Почему она курила?

Она всегда считала, что наука не обладает свидетельствами против курения[302]. Она видела в госпиталях некое подобие чистилища, а не полной жизни, нечто такое, что следует пережить. В госпитале отменялась ее система ценностей. В этом месте следовало решить свои медицинские проблемы, выйти на волю и вернуться в свой мир.

Видели ли вы когда-нибудь Айн Рэнд нервничающей или испуганной?

Нет. Перед лекциями она горела энтузиазмом, но не нервничала. Она боялась некоторых, совершенно незначительных физических событий или реалий. Кажется, еще в Голливуде[303] ее едва не переехал автомобиль, и с тех пор она робела при переходе улицы. Не знаю, можно ли это назвать страхом, однако больше ничего вспомнить не могу.

Что еще вы делали вместе?

Вместе голосовали. Так как мы жили или в одном доме, или в нескольких кварталах друг от друга, то неизменно ходили голосовать на один и тот же избирательный участок и заранее договаривались о встрече по телефону. Единственный ритуал требовал дождаться мнения *Нью-Йорк таймс* и проголосовать за противоположного кандидата. Там всегда были рекомендации в отношении за и против.

И она серьезно воспринимала их?

О да.

Рассказывала ли она вам что-нибудь из времен своей работы в Голливуде?

Рассказывала, как побывала на элегантном званом обеде в доме Джоан Кроуфорд[304]. С дворецкими, девятнадцатью переменами блюд, разодетыми и красивыми гостями. Когда прием закончился, Джоан Кроуфорд встала и сказала: «Ну а теперь все могут сходить в уборную». Айн приводила эту историю в качестве примера того, насколько груба и неэлегантна была

Джоан Кроуфорд при всей своей красоте.

Она рассказывала вам об актере по имени Адольф Менжу?[305]

Она называла его в качестве примера голливудского актера, павшего жертвой «голливудской десятки». Иными словами, он являлся антикоммунистом и при этом лишился работы. Не знаю, на какой срок, но, во всяком случае, на больший, чем «голливудская десятка».

Что Айн Рэнд думала о Джозефе Маккарти?

Она считала его трусом, неспособным жить согласно своему рангу, однако полагала, что он прав в том, что делает, хотя знает больше и фокусирует свое внимание лишь на коммунистах, пролезших на низшие должности в правительстве.

Айн Рэнд когда-нибудь встречалась с ним?

Она говорила, что встречалась и уговаривала его проявлять такую отвагу, которой требовал его общественный статус, однако в интеллектуальном плане Маккарти не соответствовал своему положению[306].

Казалась ли она огорченной в это время?

О нет. «Огорчаться» — это не про нее. Она считала его дураком и была разочарована тем, что его храбрость не соответствует его убеждениям.

Что вы любите рассказывать об Айн Рэнд?

Мы с Мэри Энн [Сурс] просто обожали Фрэнка Синатру. И однажды мы были у Айн и затеяли разговор о нем, потом Мэри Энн направилась в город, и мы решили привезти Айн записи Синатры, чтобы посмотреть, что она скажет на это. Итак, мы явились к ней примерно с дюжиной долгоиграющих пластинок. Мы словно свихнулись на этой теме и упорно настаивали на своем. Чтобы добиться ее отклика, мы ставили одну пластинку за другой, и она говорила, что понимает, насколько серьезно он относится к тексту, что все очень хорошо и что ей нравится его голос. Она изо всех сил старалась изобразить понимание и симпатию к этой чуждой ей музыке. С другой стороны, она все-таки не отталкивала ее. Она старалась угодить нам, а мы были сентиментальны. Наконец она сказала таким тихим и виноватым голосом: «А нельзя ли сделать вашу музыку чуть потише?» Так что мы не стали проигрывать ей все двенадцать пластинок, и она была благодарна нам.

Позволяют ли ваши воспоминания и впечатления сказать, была ли Айн Рэнд счастлива?

Да, она достигла в жизни всего, чего хотела.

Что Айн Рэнд думала о себе самой?

Она никогда не говорила о самой себе, не рассказывала о начальной поре своей жизни. Не давала себе никаких оценок. Она

говорила о своих идеях, но не о своей личности.

Как она воспринимала себя в историческом плане?

Она всегда говорила, что не видит себя в такой перспективе, что ни один человек не может осознать себя в историческом плане или в качестве великого человека. Не то чтобы она уклонялась от ответа, человек всегда каким-то образом воспринимает себя. Леонард говорил ей, что она обладает самым могучим умом во всем мире, и она отвечала: «Нет, я всего лишь честная и интеллигентная женщина». Она не представляла масштаба собственной славы.

Эрл, Джейн, Тамми и Томми Во

Семейство Во приютило Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора под собственным кровом в июле 1969 года во время пребывания последних на мысе Кеннеди на запуске корабля «Аполлон-11». Семейство Во состояло из Эрла, сотрудника NASA, его жены Джейн и их детей Тамми и Томми, которым в это время было соответственно двенадцать и девять лет. Мистер Во скончался в 2001 году.

Даты интервью:
Тамми Во Лайонс — 29 сентября и 20 октября 1998 года.
Джейн Во — 29 сентября 1998 года.
Эрл Во — 2 октября 1998 года.
Томми Во — 2 октября 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Когда я упоминаю имя Айн Рэнд или миссис О'Коннор, что вам вспоминается?*

Тамми Во Лайонс: Помню давний космический старт, семейную пару, приехавшую, чтобы присутствовать на нем, мы тогда были малыми детьми. Мы не знали, кто они такие; нас никогда не знакомили с останавливавшимися у нас людьми. Кажется, наши родители приглашали в разное время четыре разные пары.

Миссис О'Коннор останавливалась в нашем доме в тот уик-энд, когда производился запуск корабля «Аполлон-11», и я познакомилась с ней через марки. Она была очень приятной леди.

Причина, по которой мои родители принимали гостей в своем доме, заключалась в том, что желающим присутствовать при запуске негде было остановиться в нашем городе, места в немногих мотелях расхватывались почти моментально. Поэтому сотрудники NASA проявляли гостеприимство. Выглядело это так: ночлег и завтрак.

Эрл Во: Титусвилль — не слишком большой город. В нем живут всего 40 000 человек.

Джейн Во: Заказ на пребывание в нашем доме они сделали через Титусвилльскую Коммерческую палату. Приехали они поездом, так как она была совершенно уверена в том, что если они полетят самолетом, его непременно захватят угонщики и отведут на Кубу[307], откуда ее обязательно перевезут в Россию и не позволят вернуться назад.

Эрл: Мы сообщили в Титусвилльскую коммерческую палату, что выделим для гостей одну спальню, она обратилась туда и

договорилась обо всем. Ее секретарша позвонила нам и подтвердила заказ, а потом позвонила еще раз. Наверно, она решила, что мы не знаем, кто такая миссис Фрэнк О'Коннор, и сообщила нам, что это Айн Рэнд, хотя я, конечно же, это знал.

Тамми: Она хотела оставаться здесь неизвестной.

Джейн: А я и в самом деле не знала, кто она такая. И если бы не моя подруга… Она сама едва не вышла на орбиту, когда узнала от меня по телефону, кого мы ждем, но сама-то я оставалась в полном неведении, потому что я раньше не читала ее книг, но тут-то я приготовилась, купила несколько книг, и она подписалась во всех. Было приятно получить ее автограф с небольшой надписью[308].

Эрл: Приехав, она сразу направилась в Коммерческую Палату в Орландо, у них был приготовлен для нее специальный автомобиль, и они приехали, взяли ее и отвезли обратно. Как мне кажется, надо обладать известным весом для того, чтобы в Палате с тобой так обходились.

Долго ли прожили у вас О'Конноры?

Джейн: Две или три ночи[309].

Вы помните вашу первую встречу с Айн Рэнд?

Тамми: Да, они приехали к нам в то утро, и все мы сели завтракать. Я была в трепете. Ведь она объехала весь свет. С моей, детской, точки зрения это было круто. Тогда мне было только одиннадцать или двенадцать лет. Нам, детям, велели вести себя тихо, потому что эти люди приехали на уик-энд, у них своя, отдельная жизнь, и мы не должны путаться у них под ногами. Но я, главная болтушка, ничего слушать не желала. Я была очень независимым ребенком. Непоседой. И не умела сидеть в уголке.

Джейн: Тамми и сейчас очень живая и разговорчивая особа. И всегда была такой.

Как вы обращались к ней?

Тамми: Миссис О'Коннор.

О чем вы с ней разговаривали?

Тамми: В основном о марках, о школьных делах и любимых игрушках. Она с интересом посмотрела марки, которые я получала от разных людей. Ей показалось странным, что я собирала их в альбом. Она всегда держала свои марки в большой коробке. Она хотела знать, где я раздобыла этот альбом, чтобы класть в него марки.

Джейн: Она намеревалась заняться этим после возвращения в Нью-Йорк.

Тамми, а почему и когда вы занялись собиранием марок?

Тамми: Я занялась коллекционированием, когда мне было четыре или пять лет. Моя бабушка подарила мне какие-то старые-

старые марки, которые нашлись у нее в комоде. Я решила, что они очень не похожи на те, что я видела ребенком. И потому занялась ими. Потом кто-то подарил мне альбом на день рождения. Марки были разложены по годам, и я пыталась собрать как можно больше, чтобы меняться разными странами. Так вот я и начала, взрослея, узнавать, где находятся другие страны.

Миссис О'Коннор сказала, что это очень хорошо, что я жду марки из разных стран. В таком возрасте трудно понять, насколько велик мир.

И как долго вы собирали марки?

Лет до семнадцати, наверно.

А почему прекратили?

Потому что вышла замуж, родила сына, занялась всякими делами, но я до сих пор храню их все. У меня хранятся все марки, которые я получила от Айн Рэнд, и у меня есть все первые выпуски, посвященные космическим запускам.

А вы помните, что она прислала вам в подарок одноцентовую марку Британской Гвианы?

Она присылала мне те марки, которые отпаривала с присылаемых ей писем.

Как вы описали бы характер ваших взаимоотношений?

Я понимаю, что это может показаться очень странным, и не хочу заносить эти слова на бумагу, но я была тогда так юна и не знала ее как художника слова; я видела в ней старшую подругу, с которой познакомили меня марки. Даже скорее бабушку, просто старшего человека, заинтересовавшегося мной и понимавшего меня. Не думаю, чтобы я тогда представляла, насколько знаменита наша гостья. Она вела себя не так, как подобает знаменитости. В том возрасте я не могла знать о ее произведениях.

И как вам далось общение с подобной знаменитостью?

На мой взгляд, это было великолепно. Они были готовы поговорить со мной. Но, конечно, вы должны понимать, что одиннадцатилетняя девочка не способна самостоятельно узнать, знамениты или нет ее знакомые, если только ей не расскажут об этом взрослые.

Мистер Во, а как вы относились к дружбе Тамми с знаменитой писательницей?

Эрл: Мы были, конечно же, удивлены. Я искренне недоумевал в отношении того, зачем человеку масштаба Айн Рэнд потребовалось тратить свое время на переписку с моей дочерью.

Как впоследствии складывались взаимоотношения Тамми и мисс Рэнд?

Она долго переписывалась с Тамми, однако мы с Джейн не

принимали в ней никакого участия. Тамми — особа очень независимая, так что она и писала письма, и отвечала на них.

А вам случалось видеть ее после этого визита?

Тамми: Мы писали друг другу, она звонила мне по телефону, но не часто. Наверно, всего раза три. Она звонила затем, чтобы узнать, получила ли я марки и как складываются наши дела. Однажды она прислала мне журнал с марками в нем, и как мне кажется, проверяла, дошла ли до нас посылка.

Эрл: Впоследствии она прислала Тамми пакет марок. Ее секретарь вырезала их из ее зарубежной корреспонденции. Секретарь посылала нам целый конверт с вырезками. Мисс Рэнд была совершенно не обязана делать это, и такой поступок был большой любезностью с ее стороны.

Тамми, а вы помните о том, что посылали миссис О'Коннор марки астронавтической тематики?

Тамми: Да. У меня остались такие же. Я получала первые выпуски марок, посвященных каждому запуску. Любой из выпусков NASA в ее коллекции начиная с того года в течение пяти лет получен от меня. Я посылала ей марки всякий раз, когда получала свои.

По какой причине прекратилась ваша переписка с мисс Рэнд?

Я была деловой девицей и не любила писать письма.

А вам довелось прочесть статью мисс Рэнд в Минкус стэмп джорнал *под названием «Почему мне нравится собирать марки»?*

Да. Я думала, что было здорово, что нашелся человек, написавший статью на эту тему и напечатавший ее в журнале. Я была в восторге, увидев ее.

Как мисс Рэнд и мистер О'Коннор относились к вашим детям?

Эрл: Я был удивлен тем, что у нее не было собственных детей, потому что она очень умело обращалась с ними.

А как насчет мистера О'Коннора?

Эрл: Он прекрасно относился к детям: он был очень любезен с ними.

Джейн: Она получала большое удовольствие от общения с детьми. Они плавали в нашем бассейне, и она с удовольствием слушала их смех. Она сделала Тамми небольшой подарок, колечко для ключей.

Тамми: Мама забрала у меня это колечко и вставила его в ожерелье. Она говорит, что я довольно долго носила его.

Мистер Во, мисс Рэнд разговаривала с вами о вашей работе в NASA?

Эрл: Мы немного говорили о моей работе. В то время я был инженером и работал в области наземного обеспечения.

Расскажите мне об их посещении NASA при запуске корабля

«Аполлон-11».

Джейн отвезла их до автобуса, шедшего до космического центра. Для доставки зрителей из города на Мыс *NASA* использовала специальный автобус.

Помните ли вы их реакцию на старт «Аполлон-11»?

Тамми: Они были заворожены. Как и все мы. Насколько я представляю, у них были пропуска в особую зону для зрителей.

Эрл: Мистер О'Коннор получил очень глубокое впечатление. Они оба были в восторге.

Что еще вы помните об Айн Рэнд?

Томми: При своих знаниях и опыте она была очень интересным собеседником.

О чем она рассказывала вам?

О том, какой была жизнь в России до того, как она уехала из нее, и жизнь эта была не такой, как пишут в учебниках истории… о трудностях жизни в то же время.

Что она рассказывала вам о своей жизни?

Джейн: Об угнетении в России.

Эрл: Она рассказывала о железных дорогах и прочих проблемах, а я очень консервативен, особенно когда речь идет о проблемах железной дороги, потому что примерно в то время железные дороги были в упадке, как она и писала в *Атланте*, то есть реальность соответствовала ее предсказаниям, что было достаточно интересно.

Она и в самом деле была против социального обеспечения. Мы говорили об этом, потому что здесь, на юге, многие люди пользуются социальным обеспечением. Мы более-менее согласились на том, что весь мир на собес не переведешь. Она произвела на меня очень глубокое впечатление. Я сам придерживаюсь консервативных убеждений, и потому прекрасно понимаю ее идеи.

Она рассказала нам, что является русской еврейкой, и приехала в нашу страну молодой девушкой, устроилась на работу к Сесилу Демиллю, где и познакомилось со своим мужем.

А как она держалась во время разговора с вами?

Эрл: Очень мило, непринужденно, на равных.

О чем вы говорили с мистером О'Коннором? Какое впечатление произвел он на вас?

Джейн: Он говорил немного. Он просто присутствовал, пока она говорила, и помалкивал в основном. Фрэнк был высоким и худым. Даже несколько хрупким. Он всегда разговаривал с детьми. Ему было приятно с ними.

Эрл: Я скажу, чем мы произвели на нее впечатление: собранием сочинений Виктора Гюго. Насколько я понимаю, он

был одним из ее любимых писателей.

Что еще делали О'Конноры во время пребывания в вашем доме?

Джейн: Она ни с кем не встречалась, особенно с прессой. Она сказала, что после отъезда мы можем рассказывать прессе о ее пребывании в нашем доме, но до тех пор не хочет, чтобы ее беспокоили.

Она говорила почему?

Да, она говорила, что не хочет никакого паблисити; что хочет уединения в нашем доме. Одна из моих подруг принадлежала к числу ее поклонниц, она читала все ее книги и хотела встретиться с ней, но я сказала ей, что мисс Рэнд не хочет никаких встреч. Но подруга все-таки упросила меня уговорить мисс Рэнд. И та сказала, что встретится с двумя-тремя моими подругами, но в очень приватной обстановке. Подруга привела с собой еще одну подругу, и мы имели возможность задавать Айн Рэнд вопросы, и в тот вечер она долго разговаривала с нами.

О чем вы с подругами разговаривали в тот вечер с мисс Рэнд?

Джейн: Они задавали ей много вопросов. Их в основном интересовала ее философия, а она ни в грош не ставила программы социального обеспечения и самым логичным образом объясняла причины. Ее соображения сперва казались эгоистичными, но после того как она растолковала этот вопрос, все оказалось иначе.

Насколько я помню, на руке ее было кольцо с несколькими рубинами и бриллиантами, подаренное ей мужем на сороковую годовщину свадьбы, причем каждый рубин означал год. Они были очень преданы друг другу. То, что они близки друг с другом и очень тесно связаны между собой, было видно невооруженным взглядом.

Мисс Рэнд снималась с вашей семьей?

Нет, нам это даже не пришло в голову. У меня осталась только газетная статья. После отъезда О'Коннноров я побеседовала с репортером нашей местной газеты, и она написала статью об их пребывании в нашем доме[310].

Какова была Айн Рэнд в качестве гостьи?

Они вели себя очень тихо и свое общество не навязывали. Она любила начинать свой день с чашки кофе. В тот уик-энд у нас гостила моя мама, и, откровенно говоря, я была в ужасе, потому что Айн Рэнд была такой знаменитостью, я даже не знала, что и как сказать, так что кофе по утрам ей подавала моя мама, абсолютно не волновавшаяся и способная говорить с кем угодно.

После того как я обнаружила, что именно представляет собой моя гостья, я так испугалась, потому что никогда не имела дела с людьми, которые пишут книги, словом, я была в трепете, однако

она все уладила.

Она была очень-очень легким человеком, с ней было очень просто. Просто удивительный человек.

В каком смысле?

Она много рассказывала нам о своих убеждениях, и ее муж также был очень интересным человеком. Он был художником и иллюстратором одной из ее книг[311].

Томми: Она держалась очень вежливо, с ней было очень спокойно. Я чувствовал себя очень легко, когда говорил с ней. Разговаривать с ней и ее мужем было очень просто.

Эрл: Мы видели, что она — очень хороший человек. Вы только подумайте — вот перед вами человек, который возражает против социального обеспечения, нетрудно представить себе человека грубого и нетерпимого, но она такой не была. Мы так не думали. И были довольны всем тем, что она делала. Мы действительно были очень довольны нашими гостями. Они были очень приятными людьми. Простыми в обращении. Они ничего не требовали, они ни на что не жаловались, хотя мой дом, конечно же, трудно было сравнить с их домом.

Тамми: Тихая дружелюбная пара, приехавшая погостить. Они были милы с нами, они писали письма нам, детям, они разговаривали с нами. Мы видели в них пару добрых пожилых людей. С моей тогдашней точки зрения, точки зрения одиннадцатилетней девочки, она была пожилым человеком. Она была очень спокойным, негромким человеком, однако на любые вопросы отвечала очень открыто. Она садилась и беседовала с тобой.

Она разговаривала с нами, детьми, хотя не все из наших гостей делали так. Они не разговаривали с нами. Но миссис О'Коннор разговаривала со мной, мы сидели с ней, и она говорила о разном, она заходила ко мне в спальню, мы показывали ей наш дом, она смотрела, как мы плаваем в бассейне и все такое. Она была для нас как подруга.

Данкан Скотт

Данкан Скотт — режиссер и продюсер, редактировавший реставрированную версию выпущенного в 1942 году итальянского фильма *Мы живые (*в двух сериях, называвшихся *Noi Vivi* и *Addio Kira*[312]*).*

Даты интервью: 18 августа 1997 года, 19 июля и 16 декабря 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Когда мисс Рэнд начала работать над фильмом* Мы живые?

Данкан Скотт: В 1969 году. Я проводил с ней две-три рабочих встречи.

Начнем с того, как вы познакомились с ней?

Я не слышал о ней до того, как увидел ее в «Вечернем шоу» Джонни Карсона в 1967 году. Я живо отреагировал на ее слова, несмотря на то что беседа носила непринужденный и поверхностный характер.

Однако в мозгу моем в ответ на ее идеи буквально вспыхнул фейерверк. Откровение — в данном случае самое подходящее слово. Следующим утром я помчался в книжный магазин и купил первую свою книгу Айн Рэнд — *Добродетель эгоизма.*

Я подписался на *Бюллетень объективиста* и в июньском выпуске 1968 года, на задней странице, обнаружил небольшое объявление о том, что Генри Марк Хольцер и Эрика Хольцер [тогда адвокаты Айн Рэнд] отыскали давно считавшийся потерянным итальянский фильм *Мы живые* и доставили его в Соединенные Штаты, чтобы заново отредактировать и выпустить в прокат в Америке. Хольцеры приняли решение найти этот фильм. И занялись его поисками на свой страх и риск. Этот увлекательный процесс занял, на мой взгляд, около двух лет.

В то время мне исполнился 21 год, я работал помощником редактора-монтажера и написал Хольцерам письмо; в ответе было сказано, что Генри Хольцер получил возможность заново отредактировать фильм *Мы живые,* нуждается для этого в помощниках и потому хочет встретиться со мной.

Мы встретились в его офисе в Эмпайр-стейт-билдинг. Он договорился с Айн Рэнд о том, что фильм должен быть отредактирован заново и что в него придется внести определенные изменения. Меня наняли для того, чтобы я внес редакторские изменения в ленту. За прошедшие годы моя доля участия в фильме несколько увеличилась, следуя общему

направлению моей карьеры.

Как вы познакомились с мисс Рэнд?

После того как меня приняли на работу, было назначено совещание, на котором были предусмотрены просмотр фильма и обсуждение необходимых изменений. При производстве фильма фашистские власти, контролировавшие итальянскую киноиндустрию, заставили студию внести в ленту кое-какую пропаганду по ходу сюжета, и чтобы убрать эти эпизоды, я добился разрешения воспользоваться в вечернее время оборудованием компании, на которую работал: Thomas Craven Films. Кроме Айн Рэнд, Хольцеров и меня присутствовали еще шесть-восемь человек. Кресла расставили полукругом перед телемонитором. Мы располагали большой и объемистой черно-белой камерой, направленной на крошечный экран мовиолы, профессиональной редакторской установки, прокручивавшей 35-миллиметровую пленку. Такое вот было примитивное устройство.

Нам нужно было прокрутить весь фильм, чтобы обсудить его, и нам нужно было воспользоваться мовиолой, располагавшей экранчиком размером всего в пять дюймов по диагонали; установка эта предназначена для использования одним редактором. Очевидным образом, такая крупная группа не могла удовлетвориться просмотром на столь маленьком экране. И все решили, что будет прекрасно, если мы воспользуемся для просмотра новой видеотехнологией, только что созданной для домашнего использования.

Итак, мы сделали видеозапись с экрана мовиолы и воспользовались большим телемонитором для общего просмотра. Конечно же, каждые двадцать минут нам приходилось ставить новую кассету.

Кроме всего прочего, просмотр затрудняло отсутствие субтитров на пленке, озвучка была на итальянском языке. Был сделан очень примитивный перевод, и Эрика Хольцер зачитывала диалоги по мере просмотра. Для Эрики это было подлинным испытанием, поскольку ей нужно было также угадывать, что говорит итальянский актер.

Нетрудно понять, что мероприятие оказалось достаточно долгим, поскольку время просмотра всего фильма было близко к четырем часам.

И в тот вечер вы впервые познакомились с Айн Рэнд?

Именно так. Я был тогда совсем молодым парнишкой, и мысль о встрече с моей героиней переполняла меня трепетом. Но как только я познакомился с ней, то почувствовал несомненное облегчение. Отнюдь не потому, что она пыталась помочь мне чувствовать себя непринужденно. Просто, когда человек прям и

бесхитростен, когда у него нет никакой скрытой цели или чего-то еще, он оказывается таким, каков он есть на самом деле, и это располагает меня. Айн Рэнд по понятным причинам принимала участие в просмотре, и она была рада этому занятию. Она относилась к этому проекту с энергией, энтузиазмом и оптимизмом, и это становилось заметно почти сразу.

И ее не смущал ваш возраст?

Я не замечал, чтобы она как-то реагировала на него. В моем понимании мне предстояло выполнить указания, которые еще только предстояло выработать. Реальность заключается в том — и я не имею никакого представления, понимала она это или нет, — что процесс редакции фильма несколько сложнее предложения: «О'кей, делаем так». Напротив, надо думать и думать о том, как произвести редакторские изменения после того, как ты услышал: «О, я хочу, чтобы эту сцену изменили». Посему в известном смысле процесс внесения подобных коррективов предоставляет редактору известные творческие возможности. Если дать одно и то же задание десяти различным редакторам, они почти наверняка выполнят его десятью различными способами. То есть существовали моменты, которые следовало изменить в фильме, и они представляли собой предмет обсуждения на рабочих совещаниях с мисс Рэнд и Хольцерами.

Меня сразу поразило, насколько быстро Айн Рэнд поняла принципы редактирования и как мало пояснений мне пришлось давать. Я знаю, что она сочиняла сценарии и все такое, однако это не вполне то же самое. Многие работники кинопромышленности не понимают сути процесса редактирования фильма. Это ремесло довольно сложно понять, пока ты не отредактировал фильм на практике.

Все это происходило, пока вы просматривали фильм?

Не думаю, чтобы в тот первый вечер между нами происходила реальная творческая дискуссия, поскольку сам просмотр фильма был делом долгим. Мы занимались ознакомлением. Айн Рэнд, как мне кажется, никогда еще не видела его[313].

Как отреагировала мисс Рэнд на просмотр фильма?

В основном она была очень довольна, однако резко реагировала на жуткие и очевидные вставки, сделанные в фильм по указаниям итальянских фашистских властей. Они были тошнотворны даже для человека, незнакомого с Айн Рэнд. И явно казались неуместными в сценарии. Ну, то есть персонажи полностью противоречили себе самим. По мнению фашистов, такой героический персонаж, как Андрей, должен выступить с речью в поддержку коллектива. То есть в текст его горячего

монолога был вставлен отрывок в том духе, что надо выпороть Америку и так далее. Это выглядело нелепо.

Вставки выглядели так грубо, так заметно, что было понятно: она сочтет их ужасными. Однако воспринимала она их снисходительно, как детские ошибки, не проявляя никакого гнева или раздражения. Но сделаны они были глупо и нелепо, все эти врезки.

Все мы понимали, что большинство исправлений будет нетрудно произвести. Некоторые из них, безусловно, требовали усилий, однако мы были уверены, что имеем дело с прекрасным фильмом, и любые усилия стоят труда, чтобы возвратить фильм к виду, более точно соответствующему книге.

Расскажите еще о ваших встречах с мисс Рэнд, на которых вы обсуждали редакционные изменения в фильме.

Они носили исключительно рабочий характер. Присутствовали только мисс Рэнд, Хольцеры и я. На этих совещаниях мы располагались вокруг мовиолы с ее пятидюймовым (по диагонали) экраном. Мы прокручивали эпизоды вперед и назад и обсуждали, как следует обойтись с различными сценами. Во многих случаях плохую сцену можно было вырезать целиком. В других ситуациях приходилось вырезать весь диалог. Было и несколько таких ситуаций, когда приходилось прибегать к более сложным мерам.

Кроме того, нам приходилось переписывать некоторые куски речи говоривших по-итальянски персонажей, чтобы привести их в соответствие первоначальной записи. Посему мне пришлось съездить в Италию, где мы подобрали актеров, чьи голоса были по возможности близки к голосам персонажей фильма, в особенности Андрея. Новый диалог был написан Эрикой Хольцер. Мы приступили к работе и успели проделать значительный объем редакторской работы, однако в начале 70-х годов работа приостановилась, поскольку мисс Рэнд не могла более принимать участие в ней. Она заверила Хольцеров в том, что при первой же возможности вернется к фильму. Хэнк Хольцер не хотел продолжать работу без участия мисс Рэнд. С его точки зрения, было достаточно того, что фильм был отснят без ее участия, и он не намеревался повторять эту ошибку. Однако она скончалась, так и не успев вернуться к работе.

Какая же часть работы была завершена к этому времени?

Самый серьезный объем работы был уже выполнен. Съездить в Италию и записать актера, произносящего новый текст речи Андрея, пришлось уже после ее кончины, когда мы снова приступили к реставрации. Кроме того, после ее смерти мы снабдили фильм субтитрами, что было также трудоемким

процессом. Мы часто возвращались к тексту романа и, когда это оказывалось возможным, делали так, чтобы диалог отражал оригинальный текст или хотя бы передавал дух романа.

Случалось ли мисс Рэнд говорить вам, что она думает о фильме?

Она была очень довольна тем, как был передан образ Андрея, хотя игравший его актер был много старше, чем ей представлялось. Еще ей очень нравилось, как Алида Валли[314] сыграла Киру. Как мне кажется, к исполнению Россано Брацци она относилась со смешанными чувствами.

Почему?

Он был слишком красив! На первоначальном просмотре кое-кто говорил или шутил о том, что в фильме Брацци слишком красив, и она с этими замечаниями, насколько я помню, соглашалась. Однако у меня было ощущение того, что игрой его она осталась довольна.

А как вам работалось с мисс Рэнд?

О, это было настоящее чудо. Как я говорил уже, начинал я с благоговейного трепета, подобающего юноше в общении со столь выдающейся фигурой. Но работать с ней было очень легко. Она всегда очень четко формулировала, чего хочет добиться, и это очень облегчало мою работу, поскольку было понятно, что нужно делать в каждой сцене. Она держалась очень приветливо, очень быстро все понимала, например, когда я объяснял ей, что мы можем сделать, как можно наложить друг на друга определенные кадры, и как можно снять звук с одного эпизода и перенести на другой.

В оригинальной версии фильма Андрей не совершает самоубийства, как это происходит в книге. Сердце его разбито: он понимает, что было важным в его жизни, а что нет… что он потерял Киру, он сидит и смотрит в очаг. В этот момент к его дому подходят агенты властей. Они взламывают дверь и убивают Андрея.

Мисс Рэнд спросила: «Как можно это исправить? Я действительно хочу, чтобы он наложил на себя руки, как было в моей книге». Я сделал предложение. В той сцене, где Андрей смотрит в камин, достает ночную рубашку, которую намеревался дать Кире, и бросает ее в огонь, после чего бросает в огонь другие предметы, а потом смотрит на пистолет, все это создает очень точное настроение: он обдумывает самоубийство. Создатели фильма, безусловно, хотели, чтобы зрители так и думали, что он накладывает на себя руки. Я предложил наложить несколько кадров и вырезать несколько других. Словом, он у нас смотрел на пистолет, потом возвращался к камину, после чего раздавался

выстрел. И созерцая горящую в камине ночную рубашку, зритель понимал, что Андрей покончил с собой. После чего мы убрали сцену, в которой представители властей взламывают дверь и убивают его.

Объяснить ей это удалось очень быстро, она сразу же поняла, что этот кадр пойдет туда, а тот сюда, образовав необходимое исправление. Она моментально поняла мою идею и немедленно одобрила ее. Наши рабочие совещания происходили много быстрее, чем я мог предположить. Однако вносить изменения в ее присутствии я не мог. Этот процесс занимает слишком много времени.

Далее, фильм снимался достаточно бессистемным образом. Они отказались от сценария перед самой съемкой, и новый сценарий сочинялся за день до съемки. В результате подобного стиля производства сцены не были компактными; некоторые диалоги не служили никакой цели и только замедляли развитие сюжета. Словом, сценарий был достаточно неряшлив. И поэтому мисс Рэнд, Хольцеры и я просматривали фильм кадр за кадром и обсуждали его — сцена за сценой, строчка за строчкой.

По прошествии многих лет после смерти Айн Рэнд Леонард Пейкофф подробно рассмотрел нашу работу и одобрил все субтитры и диалоги.

А не вносила ли она какие-нибудь другие серьезные изменения — кроме сцены самоубийства Андрея?

Да, в речь Андрея перед трибуналом. Сцена эта имела центральное значение, однако текст следовало изменить. Его нужно было восстановить. Сцена эта присутствует в книге, однако в фильме диалог был существенно искажен и подправлен под фашистские воззрения. В оригинальном фильме представитель властей жалуется на то, что у Андрея «не хватает сил взглянуть в лицо реальности».

Затем Андрей говорит (и она очень сильно возражала против этого эпизода): «Какой реальности? Вашей? Мы проливали кровь, продвигаясь по дороге, которую считали прямой и светлой, по которой любой человек может идти с гордостью, не склоняя головы. Но вы бросили тень на эту дорогу, и все наши усилия потонули в грязи, чтобы однажды продать ее нашим господам, среднему классу. Таков ваш идеал. Ваша цель — заставить русский народ служить иностранному капиталу».

Чтобы исправить этот диалог, я отправился в Рим, нанял актера с похожим тембром голоса. И записал новый итальянский диалог, точнее соответствовавший ее произведению. Нам пришлось составить его так, чтобы он приблизительно соответствовал движениям губ в оригинале. В таком виде он и

вошел в фильм, заменив забракованный текст.

Кроме того, важной редакции подвергся финал оригинального фильма. Отснят он был в буквальном соответствии с ее текстом, описывающим бегство в снегу, через границу, но в отличие от книги не производил никакого впечатления; более того, он был сделан очень неуклюже. На экране фигура идет по очень сомнительно переданному снегу; наконец слышен выстрел — бабах! — фигура падает, на этом фильм кончается. Никаких диалогов, никаких внутренних размышлений, которые присутствуют в книге и поясняют, что происходит в ее голове, что такое пытаться добиться свободы, — вне зависимости от того, преуспела она в этом или нет — ничего такого не было передано. Вы не видели солдата, вы не видели ничего; перед вами шла по снегу фигура; звучит выстрел, наплывает фигура, наплывает надпись «Конец». Поэтому мы закончили фильм на том месте, где Кира останавливается у дерева и вспоминает свою первую встречу с Лео. Потом она выходит из кадра, и мы понимаем, что она находится на пути к границе.

Еще одна поправка была внесена в начало фильма, где в качестве ответвления сюжета было введено некоторое количество персонажей; мы решили, что эти ответвления сюжета не были достаточно убедительно развиты — в отличие от основной линии Киры, Лео и Андрея. Плюс к тому, эти ответвления сюжета занимали существенную часть экранного времени, так что было решено вырезать их.

Можете ли вы вспомнить некоторые упраздненные сюжетные линии?

Да. Это была линия Саши и Ирины. В фильме она не была разработана достаточно убедительно. К тому же, необъяснимым образом, некоторые части их истории даже не были отсняты. Одним из примеров является очень яркая сцена из книги, когда их обоих сажают в разные поезда и отправляют в трудовые лагеря.

Существовала также сцена, в которой Лео и Кира пытаются бежать, когда штурмовавшие корабль солдаты избивают монахинь. Такие неуместные сцены предположительно должны были показать, какими чудовищами является советские, поскольку итальянская пропагандистская машина в то время стремилась подчеркнуть именно это, и поэтому они старались добавлять сцены, выходившие за рамки контекста книги.

Конечно же, такие эпизоды было не слишком сложно удалять, потому что вставлены они были очень неловко. По мере того как мы вырезали все подобные сцены, фильм становился все лучше и

лучше, и мисс Рэнд была удовлетворена тем, что находятся способы разрешения таких проблем. Я помню, что она говорила о том, что ее беспокоит целостность повествования, если мы будем вырезать новые и новые сомнительные эпизоды. Помню, я сказал ей, что с моей точки зрения, мы могли сохранять целостность повествования или даже восстанавливать ее не только путем удаления сомнительных сцен, но также посредством восстановления диалогов. Она как будто была удовлетворена этим.

Восстановленная версия фильма *Мы живые* была представлена в 1986 году на Кинофестивале в Теллуриде, Колорадо, где был осуществлен первый показ фильма на территории США. Вскоре после того он был выпущен в прокат на территории Штатов, Канады и за рубежом. В общем и целом фильм получил прекрасные отзывы. Оглядываясь назад, могу только выразить сожаление о том, что Айн Рэнд не увидела его — настолько удачным оказался этот фильм.

Элоис Хаггинс

Элоис Хаггинс вела хозяйство О'Конноров и готовила им с 1965 до 1982 года. Миссис Хаггинс скончалась в 1997 году.

Даты интервью: 4, 6, 10 и 17 сентября 1996 года и 19 февраля 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Элоис Хаггинс: Это произошло достаточно странным образом. Я приехала из Южной Америки, из Британской Гвианы, где мой отец руководил собственной христианской школой. Я приехала в США для того, чтобы поступить на работу в госпиталь. Я работала в госпитале в Южной Америке и имела диплом диетолога. Я занялась диетическим питанием и уходом за больными людьми. Я приехала в США примерно тридцать лет назад. Человеку, приехавшему в США, всегда поначалу трудно, но жить надо, потому что в этой стране никто тебе ничего за так не даст. Какое-то время я приглядывала за двумя маленькими девочками. И однажды спустилась в прачечную и там разговорилась с занимавшейся стиркой женщиной. Она убирала у Айн Рэнд и сказала мне, что мисс Рэнд нуждалась в домохозяйке, диетологе и так далее. Она дала мне номер телефона Айн Рэнд, и я позвонила. У меня были хорошие рекомендации, и она побеседовала со мной.

В каком году это было?

Это было в 1965 году[315].

Какое впечатление произвела на вас Айн Рэнд?

Это была личность. Она говорила с сильным русским акцентом и не принадлежала к тем людям, которых можно полюбить с первого взгляда. С ней нужно было познакомиться. Она ничем не напоминала собственного мужа, Фрэнка О'Коннора. Вот он был симпатичным человеком с первого взгляда. Он умел заставить тебя чувствовать с ним как дома. Но в ней было нечто жесткое. Она как бы отключалась от мира, концентрируясь на собственных произведениях.

Итак, вас приняли на работу. Каким было ваше положение?

Я готовила, и мы с ней садились вместе и планировали меню на неделю. Я заказывала продукты, а иногда покупала их сама. Мне нравилось ходить по Третьей авеню и Лексингтон-авеню и делать покупки, поэтому я ходила сама. Они предпочитали пользоваться услугами итальянского рынка Verdi's, эксклюзивного рынка, на котором продавались всякие

необычайности. Я покупала там многое. Иногда мы с Фрэнком ходили туда вместе.

И как вы ходили с ним за покупками?

Он любил делать покупки самостоятельно, но когда я выходила вместе с ним, что случалось очень нечасто, то получала возможность избавить его от ошибок. Он покупал такие вещи, какие нам не были нужны. В таких случаях я говорила: нам это не нужно, и он отвечал: пожалуй, вы правы. Речь шла о всяких деликатесах и изысканных бутылках. Он покупал какой-нибудь изыск, но не пользовался им.

Вы были довольны условиями собственной работы?

Да. Правда, первые несколько лет я не была довольна этим местом, потому что хотела заниматься другими делами, но когда я в конечном счете поняла, что не могу их оставить, мне стало как бы уютнее. У меня были возможности уйти от них, но я не из таких людей, я не могу так поступать. Конечно, они не погибли бы, однако меня в таком случае заела бы совесть.

Я действительно привязалась к этим людям. Не думаю, чтобы я смогла проработать так долго на этой не слишком подходящей мне работе, но я привязалась к ним. И это было причиной.

О'Конноры ценили вас?

Да. Она часто говорила мне что-то вроде: ну не знаю, что бы я без вас делала.

Как именно складывались отношения с мисс Рэнд? Похоже, что вы были для них чем-то большим, чем домоправительницей.

Мы были друзьями на самом деле, и поэтому я очень расстроилась, когда узнала, что она ничего не оставила мне в своем завещании. Я проработала у нее семнадцать лет и в течение первых пяти лет была домоправительницей, планировала покупки, делала их, готовила и так далее. После того как у нее была операция по поводу рака [январь 1975 года], она как бы надломилась, и мы подружились. Она уволила свою сиделку.

Я приняла на себя ее обязанности, делала для нее очень личные вещи, и наши отношения переменились. Она сделалась более мягкой, более чуткой, более женственной и человечной. Она начала рассказывать мне всякое; стала рассказывать мне о своих чувствах, мы стали выходить на прогулку в шесть часов вечера. Я помогала ей одеться, мы проходили несколько соседних кварталов и возвращались домой. Она ожидала наших прогулок. Она зависела от меня; после этой болезни мы повсюду ходили вместе. Я сопровождала ее, когда она выходила из дома.

Возможно, в некоторых отношениях вы знали Айн Рэнд лучше, чем кто-то другой.

Вполне возможно. Потому что я была тесно связана с ней в

личных вопросах, особенно после ее болезни, и она зависела от меня. Она полагалась на меня. Я была знакома с ней как с личностью, не знаменитой особой, не с Айн Рэнд. Я видела ее как обычное человеческое существо, обладающее обыкновенными чувствами и потребностями.

Что вы могли бы сказать о ней как о личности?

Айн была очень закрытым человеком и никогда много не говорила. Вы, конечно, знаете, что есть такие люди, которые не закрывают рта с того момента, как войдут в комнату. Она была не из таких. Молчаливая, внимательная, скорее тихая. Она была очень постоянной и надежной персоной. И честной. Не думаю, чтобы она могла кого-нибудь обмануть. Она была очень прямым человеком.

Обладала ли она чувством юмора?

О да, конечно. Они с Фрэнком усматривали смешные ситуации там, где их, казалось, невозможно было заметить, но когда они давали свое объяснение, оказывалось, что ситуация действительно комичная. Оба они обладали весьма тонким чувством юмора.

Айн Рэнд изменялась с годами?

Она изменилась в том смысле, что приглушила свою жизнь в некоторых аспектах, о которых читала лекции. Она прикрутила свой фитиль почти к нулю.

Менялись ли ее личность или характер?

Нет. Нет.

Что вы можете сказать о ее одежде и манере одеваться? Были ли у нее какие-то интересные или особенные манеры?

Ну, она никогда не любила покупать обновки. Она содержала старые вещи в хорошем состоянии, но была ими довольна и не стремилась покупать новые вещи. Она никогда не любила ходить за покупками. И не принадлежала к числу тех женщин, которые любят ходить по магазинам. Она очень редко собиралась выйти в магазин и пройтись по отделам. Только в тех случаях, когда ей действительно что-то было нужно. Такими женскими слабостями, как разглядывание витрин, она не страдала. Она была не из тех женщин, которые носятся с собой; она не слишком беспокоила себя такими вопросами. Не скажу, чтобы она не любила носить хорошие вещи, однако не желала тратить время на процесс их поиска.

Как насчет косметики и так далее?

Косметикой пользовалась, но самую малость. Айн никогда не уделяла особого внимания своей внешности. Нет, впрочем, она регулярно посещала парикмахера. Когда я работала у них, она начала набирать вес. Это было причиной постоянных сражений с

ней. Она старалась сбросить вес, однако этого не получалось, и она всегда носила слишком просторные вещи — чтобы замаскировать излишнюю толщину.

Она что-нибудь говорила вам о том, что вы обе с ней иммигранты и приехали в Америку?

Она рассказывала мне о том, как приехала в Америку. Рассказывала о различиях в образе жизни Америки и России, и как происходило у нее приспособление к новой жизни. Жизнь в Америке очень понравилась ей, другой образ жизни, свобода, тот факт, что здесь можно есть все что угодно. А ведь она любила покушать. Так что перемена страны очень много значила для нее.

Что она рассказывала вам о своей жизни в России?

Ее жизнь в России была стремлением уехать из России. Она рассказывала мне о всяких подробностях, мелких деталях. О нехватке еды. Там ее жизнь была голодовкой. Она часто рассказывала об этом и часто сравнивала Америку и Россию, рассказывала об угнетении как части коммунистической жизни. О нашем богатстве, не столько в плане денег, сколько в отношении того, какие вещи, какой комфорт может иметь самый обыкновенный человек. Она никогда не забывала о свободе и комфорте американской жизни.

Она рассказывала вам о своей семье?

Нет. Я даже не знала, что у нее есть сестра, до тех пор, пока они не начали переписываться. Айн во многом была очень и очень замкнутым человеком. Однако на нее иногда находила склонность к воспоминаниям. И только тогда она осознавала, что именно говорит; я могу ошибаться, но такое у меня возникло впечатление. Случалось, что она давала волю словам, а бывало, что умолкала и не желала продолжать воспоминания. Когда она начала писать последнюю книгу, я была рядом; она сидела перед большой стопкой бумаги и, начиная писать, сказала мне: наверно, это моя последняя книга. И я не знала, что ей на это сказать.

Она была не из тех людей, относительно которых легко понять, что они хотят слышать.

Как насчет «неприятия дураков»?

Я бы применила к ней это утверждение. В любом случае в обмен на искренность она прощала тебе глупость.

После того как Айн заболела, она уже не затевала долгих бесед и выражалась коротко и точно… Помню, как ей пришлось читать лекцию в Новом Орлеане, я поехала с ней, и мы жили там достаточно тесно. Она никогда не любила летать; она всегда боялась, что самолет угонят. Она все твердила, что если самолет угонят в Россию, то ей никогда на позволят вернуться оттуда в Штаты. Она не сомневалась, что ее антироссийские произведения

сделают ее объектом внимания спецслужб. Какой-то очень богатый человек предоставил ей особенный железнодорожный вагон, в котором мы и приехали в Новый Орлеан, поездка оказалась весьма увлекательной для меня. Мне никогда не приходилось ездить подобным образом, и в пути мы много разговаривали.

Смотрели ли вы передачи, когда Айн Рэнд выступала в ток-шоу, например Фила Донахью?

Выступая по ТВ, она всегда оставалась самой собой и всегда владела ситуацией. Никто не мог противостоять ей в дискуссии.

Значит, на телеэкране она оставалась такой же, как в собственной гостиной?

Да.

Кто был ее наиболее частым гостем?

Леонард, конечно. Она часто виделась с ним. Он был для нее словно родным сыном.

А кто еще, кроме Леонарда, был близок мисс Рэнд?

Наверно, таких не было. Я не помню никого другого. Она была не из тех, кто близко сходится с людьми. Я знаю, что одним из самых близких друзей ее был Алан Гринспен, потому что он нередко приходил вечером к ужину. Он тоже был очень приятным человеком.

Она уговаривала вас читать ее книги?

Нет, ей не приходилось этого делать, хотя, поступая к ней на работу, я даже не знала о ее произведениях. Но я всегда любила читать; чтение составляло часть моей жизни. Так что, когда я поняла, с кем имею дело, она дала мне издание *Источника* в твердом переплете, я прочла книгу и поняла, что она — великая писательница. Тогда я прочитала все ее книги. Она подарила мне свои книги с автографами.

Расскажите мне о распорядке обычного дня мисс Рэнд.

Она всегда поздно вставала. Иногда спала до десяти-одиннадцати утра. Фрэнк вставал раньше, если только не был болен и не мог позаботиться о себе, но тогда он хорошо себя чувствовал. Он всегда впускал меня в квартиру. Я приходила к ним только к полудню. Они не любили завтракать, есть по утрам. Она всегда заваривала себе кофе, ничего большего ей не было

нужно, он также ограничивался чашечкой кофе. Ему также не нужно было ничего другого. Я приходила затем, чтобы приготовить им главную трапезу, но понемногу на меня лег весь уход за домом. Они выписывали чеки, но я в большей или меньшей степени решала, что нужно для дома помимо продуктов. Приходилось покупать разные вещи, моющие средства и так далее. Всем этим ведала я.

Однажды у нас в гостях собралось четырнадцать человек. Кажется, собрание было связано с книгоизданием, она принимала людей, с которыми была связана по работе, выставила угощение. Я готовила этот фуршет несколько дней. Все ели, говорили, развлекались; потом я убрала и ушла домой.

А как в процессе этого собрания держалась мисс Рэнд?

Очень любезно и гостеприимно. При желании она умела заставить себя исполнить любые обязанности.

А мистер О'Коннор?

Он до самого конца своей жизни стремился найти положительный момент в любой ситуации. Он всегда жил полной жизнью.

Как завершался ваш обычный рабочий день? Вы разговаривали, готовили… Что еще?

Я готовила ужин, и нам с ней особенно не о чем было говорить. Все разговоры вели мы с Фрэнком. Он рассказывал мне о своей молодости, о своей семье, о Калифорнии. Она рассказывала мне о России, о своем приезде в Америку, о том, как жила в Калифорнии — какая это была другая жизнь. Она постоянно сравнивала свою жизнь здесь с их жизнью там.

Я всегда внимательно слушала и много читала, мы с ней разговаривали о местах и предметах, о которых я читала, кое-где я тоже бывала. Моя дочь живет в Англии, она какое-то время жила в Сингапуре, так что я там бывала. И в Бразилии.

И вы рассказывали об этом мисс Рэнд?

Да. Но она на самом деле никогда не вникала в подробности. Она слушала меня, мы говорили на эту тему какое-то время, но в основном ее мысли занимали собственная работа и дела.

Помню одно событие, случившееся перед тем, как она по-

настоящему заболела. Она начала писать сценарий и уже написала страниц десять[316]. Не знаю, как называлась эта книга, но могу сказать, что когда у нее возникали идея и желание писать, она садилась и исписывала лист за листом, страницу за страницей, умными мыслями.

Не знаю, о чем была та книга, однако она была полна энтузиазма, у нее были свежие идеи, и она писала. А писала она быстро. Тут прошла пара дней, и все. Она по-настоящему заболела; пришел конец. И когда с ней началось это, то она словно бы забыла обо всех и обо всем.

Когда она сочиняла свои лекции, то иногда писала крупные куски, отбрасывала их и переписывала заново, потому что очень внимательно относилась ко всему, что делала. И потому очень старательно готовилась даже к короткой устной беседе. Она всегда ставила себе очень высокую планку и всегда предпочитала соответствовать ей.

Она была очень замкнутым человеком и во многом застенчивым — если только разговор не заходил на тему, по-настоящему интересную ей. Она не могла непринужденно зайти к соседке по этажу или в чужую семью. Она не принадлежала к тем людям, которые способны глубоко заинтересоваться другими людьми. Знакомство всегда было поверхностным — благодаря ее работе.

Как заканчивался ваш день?

Они никогда не ужинали раньше семи вечера, и поэтому мои обязанности часто заканчивались уже в одиннадцатом часу.

Какие блюда любили О'Конноры?

Она привезла с собой из России много рецептов. Не стану льстить себе, но я — очень хорошая повариха. Я брала рецепты, которые она привезла из России, и вносила в них некоторые изменения. Прочитав рецепт, я сразу понимала, что с ним нужно сделать, делала эти поправки, и она говорила мне: а знаете, так действительно получается вкуснее.

Когда я начинала работать у нее, она предпочитала русский суп, именуемый борщ, но я усовершенствовала рецепт. На мой взгляд, он был несколько безвкусным, однако, как известно, если берешься готовить, нет необходимости точно следовать рецепту.

После того как я начала готовить им американские блюда, они стали отказываться от русской кухни, потому что некоторые из ее рецептов трудоемки и на них приходится расходовать много времени. Вот, скажем, была капуста. Надо было сделать особое тесто и закатать в него эту капусту. На это уходило несколько часов, и я в конечном счете сократила время, потому что нашла более короткий способ. Она очень любила это русское блюдо и

хвалила меня, однако, знаете ли, у нас в Америке куда больше дел, чем у них в России.

А Фрэнку О'Коннору нравились русские блюда?

Не слишком. Однако он ел почти все, и в первые годы нашего знакомства, когда бывал голоден, сметал все, что ему подавали.

Помню, он любил стейк. Ему нравилась американская кухня, печеная картошка, брокколи, вкусный десерт. Он любил пироги, и я пекла им очень хороший яблочный пирог. Он говорил мне, что любит этот пирог, и я часто пекла его.

Она любила экзотические фрукты и шоколад. Она любила шоколад «Леди Годива», и новая коробка этих конфет всегда приносила ей большое удовольствие. Она покупала фунтовую коробку и ела конфеты экономно — по две за раз.

Мисс Рэнд сожалела о том, что курила?

Не слишком. Не знаю, сожалела она или нет, но могу сказать только то, что не видела человека, который бросил бы курить так, как она. Как глазом моргнула. Узнав, что у нее рак, она не стала говорить: «Ах, дайте мне выкурить последнюю сигарету». Просто выбросила два с половиной блока в мусор, откуда я их выудила и передала одному курильщику, потому что пачки не были открыты.

Это меня в ней восхитило. Знаете ли, есть много людей, которым прекрасно известно, что курить вредно, однако они никак не могут принять правильное решение и отказаться. Но даже если они бросают курить, то начинают снова. Так их затягивает курение. Но она была полна решимости и ни разу не сказала ничего вроде: «Я хотела бы выкурить сигарету». Она об этом даже не говорила. Было так, словно курение вообще не существовало в ее жизни. И она никогда не брала табак в рот.

Мне говорили, будто однажды Айн Рэнд сказала, что видит в вас собственную сестру.

Да, наверное, так. Я принесла особого рода жертву, о которой неоднократно сожалела; однако не могу знать, быть может, мне следовало быть там, чтобы попытаться сделать ее христианкой. Возможно, Бог отправил меня к ним именно для этой цели.

Есть ли у вас какие-то совместные фотографии с мисс Рэнд или Фрэнком О'Коннором?

О нет, мы никогда не снимались вместе. Она всегда говорила, что, постарев, ощущает себя нефотогеничной. А я сама никогда не снимала себя. У меня есть фотографии, оставшиеся от молодых времен, но за последние двадцать лет ничего нет.

Вы подружились и с мистером О'Коннором?

О да, мы были с ним добрыми друзьями.

И о чем же вы с ним говорили?

Он рассказывал о своей работе, о своих произведениях, о том, как они жили в Калифорнии, рассказывал о цветах… еще он любил кошек и интересовался всякими мелочами. Он мог создать целый разговор из любой повседневной мелочи. Никаких великих идей, никакой философии; обыкновенные житейские дела и вопросы. Я рассказывала ему о своей жизни в Южной Америке, а потом он целый час толковал о какой-нибудь мелкой подробности из моего собственного рассказа. Удивительный был человек. Очень терпеливый, все понимающий, достойный самых теплых слов… таким был Фрэнк О'Коннор.

А что ему нравилось в их калифорнийском ранчо?

Теперь мне трудно вспомнить какие-нибудь подробности. Это было давно, но он любил… он просто любил Калифорнию. Ему было там легко и свободно; он тесно соприкасался с природой и жил, так сказать, на вольном воздухе. Он часто рассказывал об их калифорнийском доме, о своих тогдашних занятиях, о своем саде и деревьях и так далее. Так что не думаю, что ему было хорошо в нью-йоркской квартире, но то, что было нужно ей, было нужно и ему.

Фрэнк О'Коннор… я не знала более замечательного мужчины, чем он — до самых последних дней, когда, как мне кажется, он страдал от болезни Альцгеймера, затронувшей его память[317]. Однако он, как мне кажется, радовался, очень радовался жизни до того момента, когда в результате своей болезни перестал понимать, кто он такой.

Какое главное воспоминание осталось у вас о Фрэнке О'Конноре?

Это был добрый, благородный, чуткий человек, не знакомый с приступами гнева. Как личность он очень располагал к себе. Рядом с ним было очень уютно. Более доброго человека я не знала. Он мне очень нравился. Он чудесно относился ко мне. Удивительный был человек, по-настоящему восхитительный. Подлинный джентльмен.

А как сам мистер О'Коннор воспринимал вашу дружбу? Называл вас своей сестрой, лучшим другом?

Мы были хорошими друзьями. И когда ему хотелось поговорить или он бывал чем-то расстроен, то обращался ко мне. Думаю, что ему тоже было уютно в моем обществе.

Расскажите мне об отношении Фрэнка О'Коннора к музыке.

Он любил музыку. Хорошую музыку, классическую. Они часто слушали русскую музыку.

Танцевальную или классическую?

Да, классическую. И какую-то народную, русскую народную музыку, танцевальную.

А как вы описали бы характер мистера О'Коннора?

Почти теми же словами, что и характер его жены. Не могу сказать, что Айн Рэнд была чудесной женщиной, но Фрэнк О'Коннор точно был чудесным мужчиной. Она воистину была необыкновенным человеком, но слово «чудесная» к ней применить нельзя.

Мистер О'Коннор любил одеваться?

Он всегда хорошо одевался. И всегда носил очень простые вещи. Он напоминал мне англичанина и одевался в английском стиле. Он всегда был хорошо одет, даже когда выходил днем. Он не позволял себе небрежности в одежде. Вообще он выглядел как кинозвезда. Он всегда казался импозантным и значительным человеком — таким, на кого хочется оглянуться. И я думаю, что в этом плане он выделялся. Он был не из тех, на кого можно посмотреть и забыть. Он всегда требовал этого второго взгляда. Таков он был.

Мисс Рэнд любила смотреть на него?

Она любила поговорить о том, как он выглядит, как хорошо смотрится. Она всегда говорила об этом. Можно сказать, что он приворожил ее к себе. Я помню ее фото в молодые годы, однако если не считать глаз, не скажу, чтобы она была ему парой. Она всегда говорила, что ей повезло в том, что она встретила его. Она всегда считала, что ей повезло в том, что она встретила мужчину, с которым смогла жить.

Он хотел детей?

Едва ли. Оба они говорили, что не хотели детей.

Он любил кино?

Да. И вечерами, после того как я уходила, они долго играли в карты. И в домино. А также в скрабл.

Он читал или смотрел телевизор?

Телевизор смотрел время от времени, но не днем. Днем он выходил на прогулку, а потом отправлялся к себе в студию и рисовал. Он проводил в студии много времени.

Какие еще интересные привычки были у мистера О'Коннора?

Он был веселым человеком. И всегда замечал смешное там,

где никто его не заметил бы, а потом ты вдруг понимала, что это действительно смешно. Однако я не замечала смешной момент до того, как он указывал мне на него.

И какого же рода чувством юмора он обладал?

Таким легким и непринужденным. Его могли рассмешить крысиные повадки. Он мог заметить на улице смешного человека и развеселиться. Он умел подметить смешное в повседневном.

Вы можете назвать мистера О'Коннора уверенным человеком?

Да, могу. Он был уверенным человеком. Он всегда был уверен в себе.

Что вы можете сказать о мистере О'Конноре и кошках?

Он очень симпатизировал им, сначала у них было три кошки, потом две. И кошки любили их обоих. Между кошками и О'Коннорами существовало полное взаимопонимание. Я тоже участвовала в процессе, поскольку чистить ящик с песком приходилось мне. Фрэнк любил кормить их, и только. Но никакого запаха в квартире у них не было.

Что же он с ними делал?

Они сидели на нем, ходили и лазили по нему. Она тоже любила кошек, однако у нее не было времени с ними играть. Однако с ней в кабинете постоянно находилась какая-то кошка, и только по прошествии нескольких часов она выпускала ее, и та получала возможность сходить на горшок.

У мисс Рэнд была любимая кошка?

Кот Моррис. Его любили на телевидении и часто показывали. Ей нравился этот кот.

Чем же он привлекал ее?

Он был очень знаменит и едва ли не очеловечен. Он не занимался ерундой, был уверен в себе, знал, что ему нужно, и потому она обожала этого кота.

Может быть, у мистера О'Коннора были какие-то особенные игры с кошками?

Нет, он просто любил их. Ему нравилось возиться с ними, держать, гладить и так далее, и кошкам это тоже нравилось.

Расскажите мне о Фрэнке О'Конноре и его занятиях живописью.

Он никогда не говорил много на эту тему, однако много работал. У него была наверху студия, и он там работал.

И сколько времени он проводил там?

Иногда он находился в студии с двенадцати или часа до самого ужина. Он спускался вниз около шести, а они садились за ужин примерно в семь.

И каким он спускался вниз после своих занятий?

Очень спокойным.

Что нравилось Фрэнку О'Коннору в живописи?

Она была для него делом, которым он мог себя занять. Я думаю, что ему просто нравилось рисовать. За ним он мог побыть самим собой. Оно не было связано с литературой или другими людьми и являлось принадлежностью личности Фрэнка О'Коннора.

Он был глубок в своем мастерстве?

Да. Он писал хорошие картины. Я храню одну из них, несложную вещь, в которую, однако, он вложил часть себя.

Как относилась к его живописи мисс Рэнд?

Она всегда очень одобряла все, что он делал. Очень. Она по-настоящему любила своего мужа, и за все эти годы я не помню, чтобы она хоть раз действительно рассердилась на него. Ну, разве что на самую малость, и то ненадолго.

Например?

Когда он уходил из дома и долго не возвращался, и Айн не знала, где он находится, то начинала волноваться и ворчать. Но надолго ее не хватало. Они были любящей парой. Очень преданной друг другу, очень заботливой. Они заботились друг о друге самыми разными способами. Он на свой манер, а она на свой. Он всегда старался, чтобы мы не мешали ей, и знал, когда она не хочет, чтобы ее беспокоили.

А как он вел себя в отношении мисс Рэнд в последние дни своей жизни?

Иногда он приходил в себя, иногда нет. Мне все время казалось, что она не вполне уверена в том, что он доживает последние дни. Она не верила в то, что он умрет, однако все эти дни проводила много времени возле него.

Как держалась мисс Рэнд в эти дни?

Она была очень расстроена, однако никогда не позволяла себе обнаружить свои чувства перед другими людьми. Тем не

менее я знаю, как она была расстроена, так как понимала, что его смерть близка.

Это было ужасное время для всех вас.

Да, это так. Я любила его. Фрэнк был очень хорошим человеком, одним из самых лучших людей, которых я знала в своей жизни. Я была бы очень удивлена, если бы нашелся кто-то, кто сумел бы сказать в его адрес что-то компрометирующее, настолько благородным и добрым человеком он был.

Как мисс Рэнд пыталась помочь ему в это время?

Она старалась относиться к нему с самой большой любовью и много разговаривать с ним, так, как и должна себя вести любящая жена.

Как повела себя мисс Рэнд после смерти мистера О'Коннора?

Жизнь ее сразу пошла наперекосяк, поскольку пока он не умер, даже не осознавала, насколько зависит от него. И тут все сразу полетело под откос. У нее не осталось особой цели в жизни, а кроме того, она, как я подозреваю, вдруг поняла, что смерть имеет окончательный характер. В то время как для меня это не так.

Вы присутствовали на похоронах мистера О'Коннора?

Да. Мне было очень грустно. На похоронах она держалась очень сдержанно. Она была очень спокойна и сдержанна, однако я не забуду, как он, такой величественный, лежал в гробу. Это было очень печально. Мы поехали в то место, где они теперь похоронены, в Валгаллу. Из Нью-Йорка туда далеко ехать. Я была с ней. Никаких излишних эмоций она не проявляла, тем более что не принадлежала к тем людям, которые способны сломаться и разрыдаться, но перечувствовала она очень много. Для нее это был разрыв давней связи — и она очень переживала. В это время она начала серьезно задумываться, говорить такие вещи, как: «Что есть жизнь? Теперь в ней для меня ничего нет». Ее отношение к жизни сразу поблекло. Не сказала бы, что она впала в депрессию, однако жизнь больше не сулила ей никаких радостей.

Рассказывала ли она вам что-нибудь о мистере О'Конноре после его смерти?

Мы сидели с ней и разговаривали, как было у них в обычае. Она говорила: Фрэнк так говорил, или Фрэнк так делал, или а ты помнишь то-то и то-то. Какие-то мелочи, которые я теперь не в состоянии припомнить, всякие мелкие пустяки, запомнившиеся нам обеим. Я подталкивала ее к подобным разговорам, потому что они выводили ее из того уныния, в котором она пребывала.

С каким настроением она предавалась этим воспоминаниям?

Она как бы приходила в себя, обретала долю прежнего

энтузиазма. Ну, как если бы он был по-прежнему жив. Мы говорили о Фрэнке так, словно он куда-то вышел; мы не позволяли себе думать: «Ох, он умер». Мы старались не вспоминать об этом. Впрочем, я пыталась рассказать ей о том, что смертью все не заканчивается. Я знаю, что тогда она была убеждена в том, что смерть окончательна. Ты умираешь, умирает твой ум, твой мозг и все прочее, ты перестаешь существовать физически и умственно, но я в это не верю.

А она в таких случаях что-нибудь говорила?

Нет. Не знаю, как она вела себя с другими людьми, однако наши отношения дошли до такой точки, когда я могла рассказать ей о своих убеждениях, и она отвечала: все это очень приятно слышать, и мне хотелось бы думать подобным образом, но я в это не верю.

А кроме ваших бесед, она еще как-нибудь утешала себя после смерти мистера О'Коннора?

Не могу быть уверенной, однако у этой леди, кроме собственных писаний, было немного занятий. Кажется, в это время мы начали гулять. Мы с ней часто бывали вместе. Она всегда нанимала такси и никогда не ходила по улицам в одиночку. Но после его смерти мы часто гуляли в ближайшей окрестности, но от дома далеко не отходили. Иногда я сопровождала ее, когда она куда-то выходила, в какой-нибудь магазин, за покупками, что случалось нечасто, однако она звала меня на помощь и приглашала с собой. Она любила посещать «Бергдорф Гудман»[318].

О чем она говорила, когда вы вместе гуляли или ходили за покупками?

Ни о чем таком особенном, о повседневных вещах. И поверьте, даже о еде.

После смерти мистера О'Коннора она переменилась еще в каком-нибудь отношении?

После смерти Фрэнка ее ничего не радовало. Она перестала вникать в подробности готовки, как бывало прежде. Она в той или иной степени наслаждалась едой, однако решения принимала я. Ей было все равно, однако я говорила: «Но есть-то, как ни верти, все равно надо», и она отвечала: «Делай что хочешь, мне все равно понравится». Может быть, говорила и другими словами, но ела то, что я приготовила. Она больше ничего не хотела и ничем не интересовалась.

Она любила рассматривать фотографии мистера О'Коннора или перебирать его вещи? Она хранила их?

Хранила какое-то время, а потом отослала в одно из тех мест, куда отсылают подобные вещи. Кое-какие личные памятки она

сохранила. Какие-то пустяки. Она не собирала вещи. Ну, там, свои давние подарки ему. Золотые зажимы для галстука и все такое, это она хранила, но таких предметов было немного, если не считать его картин.

Мисс Рэнд знала, что вам нравился мистер О'Коннор?

О, конечно же, знала. Она знала все эти годы и ценила. Она понимала, что может оставить его на мое попечение. Айн знала, что я неравнодушна к нему и позабочусь о нем, если она уйдет первой. Она знала, что я позабочусь о нем.

Кто был его лучшим другом помимо Айн Рэнд?

Не думаю, чтобы у него был лучший друг. Он знал всех, кто посещал ее, и был принят в их обществе. Но сам он никого не выделял. Мне кажется, что он симпатизировал Леонарду, однако его взаимоотношения с Леонардом были совсем не такими, как у Леонарда с Айн. На мой взгляд, он был одиночкой, можно сказать, образцовым. Он не нуждался в людях.

Как мне кажется, он был вполне доволен их образом жизни, да и собственной прожитой жизнью. Им обоим нравилось жить в Калифорнии. Мне кажется, он тосковал по Калифорнии больше, чем она, но пытался приспособиться к Нью-Йорку. Он знал Нью-Йорк лучше нее, а она любила сидеть дома и заниматься разными своими делами. Ей нравилась сама мысль, что она живет в Нью-Йорке, а ему нравилось бродить по городу.

У него были конкретные объекты прогулок?

Нет. Думаю, что он просто проходил квартал за кварталом. Или ходил на Вест-Сайд или Ист-Сайд, потому что мы жили более-менее в центре[319].

Находясь с мисс Рэнд, вы играли с ней в какие-нибудь игры, слушали музыку, смотрели телевизор?

Иногда смотрели телевизор, но мне не нравились те передачи, которые она предпочитала. Она любила тайны и детективы — а все эти убийства и поиски преступников меня не занимают. Мы проводили вместе не слишком много времени, если не считать прогулок, когда она предпочитала помалкивать. Она не любила говорить на ходу.

Был ли у нее какой-нибудь особый маршрут или здание, к которому она любила приходить?

Она любила Манхэттен. Ей нравился строительный прогресс.

Действительно, Манхэттен имеет несколько футуристический облик, но с моей точки зрения, в нем нет святости. Можно заблудиться среди этих высотных домов, все они такие безликие. Но она любила Манхэттен как таковой, и здания и все прочее. Когда мы гуляли, она опиралась на мою руку, а в свои последние дни она ходила очень медленно, и мы шли молча. Мы возвращались к дому и поднимались по лестнице, на этом прогулка заканчивалась.

Когда вы стали называть мисс Рэнд по имени?

После ее болезни, когда она поправилась, мы несколько сблизились, и она попросила меня называть ее «Айн».

Это было для вас неожиданностью?

И да, и нет. Потому что две женщины, особенно если учесть, что именно мне приходилось делать для нее, могут перейти на такой уровень отношений. Но я никогда не называла ее «Айн» перед другими людьми.

А как вы обращались к мистеру О'Коннору?

Всегда по имени — Фрэнк.

Какое влияние, по вашему мнению, мистер О'Коннор оказывал на Айн Рэнд?

Не знаю, что сказать по этому поводу, скажу только, что он производил уют в ее жизни. Он составлял ту часть ее жизни, в которую она попадала, когда кончала писать. Заканчивая работу, она погружалась в нее, приходила к нему, отгораживалась от внешнего мира, и они были счастливы вместе.

Поэтому она так быстро сдалась и впала в депрессию после его смерти. Она настолько привыкла к тому, что не одна на белом свете, что у нее есть пара, что не сумела жить без него. Они были настолько близки, что их невозможно разделить даже теперь. И вопреки тому, что иногда пишут о них, я не могу представить этих двоих людей не такими, какими они были для меня все эти долгие годы.

Опишите Рэнд и Фрэнка О'Коннора вместе.

Они были хороши друг с другом; они были хороши вместе. И еще одно, не в порядке описания, но как наблюдение: они не были христианами. Они были неверующими, но как муж и жена ладили лучше некоторых известных мне христиан. Будучи атеистами, они усматривали в своем браке нечто большее, чем обычные христиане. Фрэнк и Айн образовывали очень счастливую и правильную пару. Я знаю, во что превратился брак в наше время, но эти двое, не веровавшие в вечную жизнь, были счастливы вместе.

А случались ли у мистера О'Коннора и мисс Рэнд какие-нибудь конфликты, споры и разногласия?

Не слышала, чтобы такое случалось до меня или при мне.

Делилась ли она когда-нибудь с вами личными подробностями своей жизни с Фрэнком О'Коннором?

Да; она называла его главной любовью своей жизни. И они действительно очень заботились друг о друге. Еще я знаю, что она не любила детей. Ну не то чтобы они были неприятны ей с вида, просто она не хотела видеть в них часть своей жизни.

Потом я подозреваю, что цель, которую она ставила себе в жизни, заключалась в том, чтобы делать только то, что ей хочется. Она хотела писать. Она хотела заносить свои чувства на бумагу. Уже не помню, как они там познакомились, но кажется, она называла эту встречу самой замечательной в своей жизни.

Между ними не случалось никаких трений, а это всегда хорошо, когда люди счастливо живут в браке, и между ними не бывает никаких разногласий. Когда никто никого не обвиняет, не подковыривает и тому подобное. Они всегда держались спокойно и сдержанно. Однако я думаю, что он был очень умным человеком и умел самыми разными способами показать ей свою любовь. Не уверена в том, что она вполне понимала его в этом отношении. Даже в тех случаях, когда он сердился. Он никогда не говорил об этом вслух. Но я видела, когда он бывал чем-то недоволен. Я видела это по выражению на его лице.

Вы обменивались с О'Коннорами подарками на Рождество?

Нет. Я пекла им пироги. Делала то, чего не должна была делать, но они всегда делали мне подарки.

Как они праздновали свои дни рождения?

Никаких пышных празднеств. Иногда они выбирались куда-то поесть, но в большинстве случаев я делала для них что-нибудь вкусненькое, чем дело и заканчивалось. Я не замечала никаких открыток, подарков и так далее.

Помните ли вы какие-нибудь выдающиеся события в жизни мисс Рэнд, происходившие во время вашей работы у нее?

Хотите верьте, хотите нет, — не помню. Видите ли, она вела тихую и замкнутую жизнь. И всю свою энергию расходовала на литературные труды. Поэтому, проведя целый рабочий день в своем кабинете, она уже ничего такого особенного не хотела. Она ужинала, я уходила, и она расслаблялась, слушала музыку или иногда, очень редко, они смотрели телепередачу в ее комнате. Там стоял хороший и большой телевизор. Она любила *Перри Мейсона* и тому подобные передачи.

Вы говорили, что Айн Рэнд повлияла на вас? Каким образом?

Она была очень прямым человеком, и я каким-то образом подстраивалась под нее. Она всегда отвечала с полной искренностью. И никогда не виляла. Честно говорила, что думает.

Вы никогда не видели, чтобы она предавала собственные идеи?

Нет.

Она понимала свое место в истории?

Думаю, что да. Она никогда не говорила об этом, но от нее часто можно было услышать, что она надеется на то, что сумеет повлиять на будущие поколения.

Я знаю, что христианство занимает в вашей жизни очень большое место. Случалось ли вам говорить или спорить с мисс Рэнд по поводу религии и атеизма?

Когда я начала понимать положение дел, то была по-настоящему потрясена. Потому что если я всеми корнями своей души христианка, то она была убежденнейшей атеисткой. Изменить ее не могло ничто. Абсолютно ничто. Собственные убеждения она исповедовала с такой страстью, что переубедить ее было невозможно. Это произвело на меня впечатление. После операции я заметила, какой ранимой она стала — плоть слаба… наша плоть является самой уязвимой частью нашего существа, и я видела, какой эффект произвела на нее эта раковая хирургия. Мне было по-настоящему жаль ее. Она сделалась для меня человечной, такой, о которой можно заботиться. Она была слаба как ребенок. И какое-то время полностью и во всем зависела единственно от меня.

Как она воспринимала ваши разговоры о христианстве?

Хотя я была в целом разочарована в ней, кое-что меня все-таки восхищало, в частности то, что она никогда не отвергала христианство. Не бросала никаких камней. Она слушала меня и уважала мою веру. Тем не менее, давая понять, что ее никаким способом не заставишь верить в Бога: «Кто такой Бог? Его не существует».

Я десять лет рассказывала Айн Рэнд о своих религиозных убеждениях и даже пыталась обратить ее. Она не соглашалась со мной. Она слушала меня с большим вниманием, однако я так и не сумела убедить ее, потому что она была такой, какой была. Прирожденной атеисткой.

К какому христианскому исповеданию вы принадлежите?

Евангелическому. Я посещаю церковь Кущей. А до того ходила в церковь, именуемую британцами англиканской, здесь ее зовут епископальной.

Вы рассказывали мисс Рэнд об изменении?

Через двенадцать лет работы у них я сделалась евангелисткой и стала рассказывать ей о Боге и даже пытаться обратить в свою веру. И она сказала: ты стала по-другому говорить о Боге… более убедительно.

Что она хотела этим сказать?

Я всегда посещала церковь, будь то англиканская или епископальная. Ходила и все. Я жила в Бруклине и в течение двух лет каждое воскресенье ходила по Манхэттену, разыскивая церковь. Я побывала в нескольких церквях, но так и не сумела найти такой, какой искала, а потом вдруг в Бруклине наткнулась на церковь, именуемую «Бруклинские евангелические кущи»[320]. И когда я пришла туда в первый раз, я поняла, что это мое, что я дома.

Должно быть, вы были очень крепки в своей вере, раз мисс Рэнд не смогла уговорить вас отказаться от нее?

Она не пыталась сделать это. Мы часто говорили на эту тему. Она рассказывала мне, во что верит, и мы спорили. Это я пыталась обратить ее, но она даже не пробовала этого.

И что же она делала?

Она говорила мне, что в Бога не верит, что такова природа атеизма. Она была убеждена в том, что существование личности оканчивается со смертью, что память умирает. Потусторонней жизни не существует. Она была совершенно уверена в этом, а я была совершенно уверена в обратном. Мы разговаривали об этом; мы часто спорили, особенно в последние несколько лет перед ее смертью. Она с большим уважением относилась к моей вере.

Давайте вернемся к смерти мисс Рэнд. Сопровождали ли ее какие-нибудь особые обстоятельства?

Это было медленное угасание. Люди не поверят мне, однако можно заставить себя умереть. Она не имела желания жить, и ей это было несложно. После того как я вернулась с Барбадоса, где гостила у своих родственников — я не знала, что она находится в таком плохом состоянии — я каждый день была у нее в госпитале. Договоренность была такая, что я буду продолжать работать на нее в госпитале, потому что у нее не было более близкого человека, чем я. Потом оказалось, что жить ей остается недолго, и доктора сказали, что она может вернуться домой, если за ней будет хороший уход.

Мы с Леонардом Пейкоффом посетили ее квартиру и устроили так, что вся ее просторная спальня превратилась в больничную палату. Мы взяли из госпиталя кровати и все прочее,

необходимое для больничного окружения. Потом она вернулась к себе, и я была у себя дома, когда она умерла. В ту ночь никто не ожидал ее смерти. С ней ночевала сиделка, потому что я никогда не ночевала там. Закончив свои дела, я отправилась к себе домой, это был вечер пятницы. На следующее утро, очень рано, около 9:30, мне позвонил Леонард и сказал, что она умерла. Я была искренне удивлена. Конечно, знаешь, что это случится со всеми нами, но когда смерть приходит, это всегда становится потрясением.

Она что-нибудь сказала вам при последней встрече?

У нее уже не было сил говорить. В последние часы своей жизни она почти не говорила. Только настаивала на том, чтобы телевизор оставался включенным. Но я знаю, что она не смотрела передачу: она лежала и смотрела в пространство. И по сути дела, не говорила.

А как она относилась к смерти? Как встречала ее?

Она не боялась. Она не была в унынии, потому что всегда считала, что когда смерть придет, настанет конец всему. Умирает мозг, и ты ничего не знаешь. И никогда не проснешься. В это она верила. И достигла такого состояния ума, которое примиряло ее с тем фактом, что ее больше не будет.

Она кого-нибудь звала?

Не помню, чтобы она кого-то выделяла. Она оставалась спокойной. Она умерла вскоре после того, как ее привезли из госпиталя. Она просто существовала. Мы кормили ее, не вставляли никаких трубок. Она принимала жидкую пищу, никаких катетеров и капельниц, и она умерла.

Какое последнее воспоминание об Айн Рэнд осталось у вас?

Леонард Пейкофф позвонил мне на Барбадос, сказал, что она легла в больницу, спросил, могу ли я вернуться. Я сказала ему да, вылетела на следующем же самолете, который был на следующий день, приехала в ее госпиталь и посещала ее каждый день, пока врачи не сказали, что ничего больше сделать не могут и лучше, чтобы она умерла дома.

Когда я увидела ее в госпитале, она сказала: «Ох, Элли, ты вернулась». Я сказала ей: «Да». А она говорит: «Только никаких обращений в веру на смертном одре!»

Патрик О'Коннор

Патрик О'Коннор был редактором Айн Рэнд в издательстве New American Library в конце 1960-х и начале 1970-х годов.

Дата интервью: 14 февраля 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Какое ваше самое яркое воспоминание об Айн Рэнд?*

Патрик О'Коннор: У меня было много предвзятых идей. Перед нашим знакомством я прочел все ее книги, пытаясь понять, почему они так хорошо продаются.

Как-то вечером я встретился на вечеринке с одной знакомой, которая сказала, что знает Айн Рэнд, и я сказал: «О, я прочел все ее книги и понял, почему они так хорошо продаются». Знакомая спросила: «Почему?» И я сказал: «Потому что она пишет самые лучшие детские книги в Америке». Моя знакомая, по всей видимости, передала мисс Рэнд эти слова, потому что несколько лет спустя, когда мы познакомились и стали хорошими друзьями, она сказала мне: «Так это вы говорили, что я пишу детские книги, не так ли?» Мы посмеялись.

Что вы подразумевали под «детскими книгами»?

Книги для молодежи — занимательные книги для подрастающего поколения.

Почему же не просто для взрослых?

Потому что это эпос вагнерианского масштаба. Секс в высшей своей плоскости, и это чудесно, но это в основном литература для только что повзрослевших людей, за это я и любил ее книги.

Получается, что вы не согласны с ее философией?

Я троцкист. И коммунист.

Почему вы считаете себя троцкистом?

Я — представитель американского рабочего класса. Я человек старый, мне семьдесят один год, и кстати, я — антисталинист с 1941 года. Я принадлежу к старому, радикальному левому крылу демократической партии тридцатых годов, — я — радикальный демократ, то есть социалист. Таким я родился и своих убеждений не изменил.

Тем не менее я любил Айн. Она была удивительной, сердечной, тонко чувствующей, дружелюбной и очаровательной женщиной. Мы с ней подружились. И никогда не беседовали на политические темы. Мы беседовали о личной жизни и тому подобном.

Как Айн Рэнд отреагировала на то, что вы троцкист?

Это случилось за первым нашим совместным ланчем, и я с этого начал наш разговор. Она ответила: «Ваши политические убеждения для меня безразличны, пока вы остаетесь хорошим издателем и выполняете все мои пожелания».

И вы никогда не спорили с ней?

Нет, никогда. Это было бы неуместно. После ланча я вернулся в свой кабинет и сообщил своим боссам: «Это всего лишь очаровательная старая еврейская леди из Ленинграда».

И что же они вам сказали?

Она не может быть еврейкой — потому что она фашистка!

Какое значение Айн Рэнд имела для NAL?

Она платила за газ, свет, оплачивала счета за отопление, аренду и рождественские премии. Она зарабатывала деньги для организации.

NAL не располагало другими авторами с именем?

Таковые имелись, однако она, как я писал о ней в своей автобиографии, служила нашим «постоянным карманом»[321]. В течение всего этого времени, в 40-х, 50-х и 60-х годах, ее книги постоянно находились в продаже, и ушедшие покупателям экземпляры немедленно возобновлялись. Каждый писатель мечтает, чтобы его карман постоянно оставался полным. Но так случается с очень немногими.

Повлияли ли продажи ее книг на взаимоотношения с NAL?

Я думаю, что там ее ненавидели. Все они были левыми демократами. Никто из них никогда не встречался с ней, они не оказывали ей знаков внимания, они не желали иметь с ней ничего общего. Я был в ужасе, когда узнал от них, что, когда они были приглашены на ужин в ее квартиру, оказалось, что никто из них не читал ее книг, и это при том, что она все эти годы кормила их. После ужина она спросила их о том, какие из ее книг им нравятся больше и почему. Директор попытался вывернуться. Не тут-то было. С Айн Рэнд шутки плохи. Я был тогда всего лишь старшим редактором, но сказал директору: «Это совсем не смешно. Вы много лет жили за счет этой женщины. Она столько лет оплачивала ваши счета».

Какое общее мнение сложилось в книгоиздательской индустрии об Айн Рэнд?

Что книги ее продаются. Книгоиздательская индустрия в общем и целом придерживается левой политической ориентации, но настоящий издатель публикует только то, что сумеет, по своему мнению, продать. Традиционно очень немногое публикуется наобум, публикуют только то, что раскупят, а ее продажи достойны всяческого уважения и восхищения.

Являлась ли она в каком-то смысле феноменом?

Я считаю ее одним из феноменов столетия. Согласно моим представлениям, нравоучительные, дидактические произведения не продаются и не должны продаваться. И уж конечно, они не продаются в кинотеатрах, однако она представляет собой исключение из общего правила относительно продажи дидактической литературы. Если она не дидактичная, то какая же? Назначение ее произведений — обращать в свою веру. С философской точки зрения я удивляюсь тому, что у нее это получалось. Я думаю, что в этом отношении она действительно феноменальна.

Книги Айн Рэнд как-нибудь продвигались или рекламировались благодаря ее популярности?

Нет, эти книги говорили сами за себя.

То есть никаких особых средств в рекламу и тому подобное не вкладывалось?

Нет. Информация о ней передавалась из уст в уста.

Расскажите мне подробнее о ваших отношениях.

Если она была в плохом настроении, мы выходили пройтись, и она заглядывала в ювелирные магазины и приговаривала: «Вон та вещица, пожалуй, вернет мне бодрое расположение духа». Это точная цитата.

Она что-нибудь покупала?

Да, покупала. Всякие мелочи к костюму.

Что вы делали для Айн Рэнд в качестве ее редактора?

Я брал статьи из *Бюллетеня объективиста* и публиковал их в виде книг.

Это были Романтический манифест *и* Возвращение примитива. Антииндустриальная революция?

Да. Все, что публиковало NAL примерно с 1968 до 1971 года, сводил в сборники я.

Это она делала вам предложения относительно книг, или это вы являлись к ней с ними?

Должно быть, я приходил к ней. Нам нужны были новые книги.

Ваша коммунистическая совесть должна была возражать против публикации книги, пропагандирующей антииндустриальную революцию.

Нет-нет. Я универсал и профессиональный редактор. Я горжусь этим.

Итак, вы разыскивали наиболее выгодные материалы для своего клиента и подбирали самые интересные статьи?

Показавшиеся мне интересными и продаваемыми.

Что еще интересного произошло, пока вы работали с Айн Рэнд в качестве редактора?

Я делал все, что она говорила.

И чего же она хотела?

Она хотела утверждать текст в печать, рекламу и оформление. Это всегда было сложным местом в наших отношениях, потому что издатели никогда не испытывают желания соглашаться с подобными требованиями. Я лично полагал, что благодаря своим продажам и вкладу в компанию она вправе рассчитывать на самостоятельность, чего бы она ни захотела! Она должна была иметь возможность помещать на обложку то, что хотела, это было ее правом. Я всегда испытывал подобные чувства к хорошо продающимся авторам. В глубине своего сердца я по сути дела капиталист — под романтической троцкистской оболочкой. Это был ее мяч, и ее подача, и вообще ее день. Я сражался за нее. Я жестко настаивал на этом. У нее было право требовать того, что обыкновенно не предоставляется писателям. Отдел оформления всегда свирепо сражается за свои права. Многие обложки ее книг по-настоящему ей не нравились. Что я сделал для нее, так это боролся за нее на уровне компании и говорил, что она должна получать то, что хочет, потому что заслуживает этого.

Она это знала?

Она это знала. Я не всегда соглашался с ней, однако соглашался с тем, что она должна иметь возможность идти своим путем.

Можете ли вы припомнить конкретные объекты конфликта между ней и компанией?

Обложки. Однажды оформительский отдел явился с предложением поместить на обложку ее книги нечто вроде художественно расчлененного тела. Она возмутилась, и я настоял на том, чтобы вместо этой мазни мы воспользовались одной из картин ее мужа[322].

Что еще она хотела?

Она всегда требовательно относилась к верстке, заголовкам и рекламе.

И ваши боссы оставили вас в покое и позволили поступать по собственному усмотрению?

Да. Они не хотели связываться с нею. Они не разговаривали с ней, они не приглашали ее на обеды, они не хотели чествовать ее — как она того заслуживала.

Вы сказали, что подружились с мисс Рэнд. Не объясните ли, что это значит?

Мы время от времени общались. У них, похоже, было не слишком много друзей. Я вывозил ее и ее мужа в балет и в театр. Я рассказал ей о превосходной балетной труппе «Балет

Джоффри»[323], о которой она не слышала. Это молодая и энергичная труппа, сказал я, она вам понравится; кроме того, они исполняют вещи, которые могут прийтись вам по вкусу, и мне будет приятно отвезти вас на спектакль. И я это сделал.

И как она отреагировала?

Она была в восторге.

И как она вела себя, наблюдая за нравящимся ей зрелищем?

Когда ей что-то нравилось, она зажигалась внутренним светом. На то, что ей нравилось, она реагировала буквально нутром. Она выпрямлялась и не отводила взгляда от сцены.

Как еще вы общались с мисс Рэнд?

Дело в том, что в Нью-Йорке ее постоянно узнавали. И благодаря ее политическим убеждениям люди постоянно считали, что она разделяет их мнение по каким-то вопросам. Так, например, многие считали, что благодаря своим взглядам она должна быть противницей абортов, хотя это было не так.

Люди подходили к ней в ресторанах в отличие от прочих знаменитостей и кинозвезд, с которыми мне случалось обедать. Помню, одна женщина подошла к ней и сказала: «Я составила вашу карту», имея в виду астрологическую карту. Айн пришла в ужас… в ужас от того, что эта женщина решила, будто ей, Айн Рэнд, интересны какие-то там гороскопы.

И как же она избавилась от этой особы?

Это сделал я. Примерно в таком стиле: «Простите, но у нас деловой обед, но вы можете написать мисс Рэнд письмо».

Как она относилась к подобным людям?

Очень вежливо. Видите ли, она была старомодной особой. Старомодной буржуазной русской леди. Ее семья принадлежала к среднему классу, и она всегда держалась с большим тактом, теплотой, любовью и чувствительностью. Люди часто считают ее другой, но я скажу вам, что, насколько могу это утверждать, она была приветлива по природе. Я рассказывал ей о своей семье, в то время я посещал психоаналитика, так как у меня были большие неприятности — я пытался перестать пить. Тогда я рассказывал ей о важных для себя личных вещах.

И как она воспринимала вашу откровенность?

О, она умела слушать.

Что она советовала?

Она, знаете ли, не советовала, просто сочувствовала, в нужных местах вздыхала и охала.

А сама она рассказывала что-нибудь личное?

Она говорила в основном на темы, связанные с книгоизданием о книгах, реализации, рекламе, оформлении обложек и так далее.

В нашей другой беседе с вами вы описали ее интересными словами. Можете ли вы пояснить их? Например, вы назвали ее «сострадательной».

Однажды, когда мы ехали в такси по городу, нам случилось проехать мимо несчастного случая, и вид сбитого человека до предела расстроил ее. Я очень ярко помню ее тогдашнее расстройство — и то, что она очень сочувствовала чужой боли.

А как насчет «душевной»?

Да, ко мне она относилась очень душевно. Она ко мне относилась с сочувствием, душевной теплотой, симпатией. Я рассказывал ей о своих отношениях с отцом, как сложно и трудно для меня они складывались. Она с сочувствием относилась к моим проблемам.

И наконец, «хороший друг»?

С ней было легко, особенно когда мы бывали вдвоем и ее не беспокоили почитатели; когда мы сидели за таким столиком, где ее не было видно. И к ней не подходили люди.

Так, значит, вы в основном встречались с ней в такой обстановке за обедами?

За ланчами… мы регулярно встречались за ланчем. Наверно, раз в месяц.

А как она была одета?

На ней тогда была эта дивная пелерина. И как только ты видел эту пелерину, сразу становилось ясно, кто она такая.

Как вы опишете ее манеры, ее личность?

Командир. Она знала, чего хотела. И внушала уважение к себе.

Как вы опишете ее характер после всего опыта общения с ней?

Сильный. Благородный. Честный. Непротиворечивый.

Можете ли вы назвать ее счастливым человеком?

Нет, ни в коем случае. Она была человеком одержимым, но не счастливым. Одержимые не бывают счастливыми. У них бывают моменты счастья, но счастливыми их не назовешь.

А как насчет тех мгновений на балете?

Что ж, мимолетная радость, не более того. Нам было приятно и за ланчем… она смеялась, и я смеялся.

И что же ее смешило?

Рассказы о моей абсурдной жизни.

Какое впечатление осталось у вас от мистера О'Коннора?

Он блистал поблекшей красотой. Какое-то время он принадлежал к числу первых красавцев мира, а потом красота его померкла.

Почему вы перестали работать с Айн Рэнд?

Я оставил NAL, чтобы возглавить компанию Curtis Books.

После этого я долгое время проработал в книгоиздательской промышленности, а потом оставил это дело и стал инструктором по катанию на лыжах.

Однако я еще раз подчеркну собственные слова, обращаясь в первую очередь к тем, кто не любит ее произведений: вас удивило бы, насколько приятной и любезной женщиной она была. Публика склонна представлять ее в виде дракона, однако она ничем не напоминала драконихи. Да, нужно признать, что при желании она могла свирепеть, однако в делах повседневных, в общении с людьми, она была очень любезной леди.

1970-е годы

Арлин Манн

Арлин Манн работала над постановкой пьесы *Ночью 16 января,* и поддерживала знакомство с Айн Рэнд начиная с конца 1970-х годов. Она работала адвокатом в фирме Goldman, Sachs & Co.

Даты интервью: 28 июля и 5 августа 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Арлин Манн: Наше знакомство с ней подразделяется на два периода. Первый из них связан с постановкой *Легенды пентхауса [Ночью 16 января*], а второй — с нашими встречами с Гарри Бинсвангером.

Мой первый непосредственный контакт с Айн произошел, когда я работала над постановкой *Легенды пентхауса,* когда пьеса была поставлена в театре McAlpine в 1973 году.

Постановку осуществляли Фил и Кей Смит, Глория Альтер исполняла обязанности генерального менеджера. На моих плечах лежало сразу две обязанности: администратора и художника по костюмам, так как я обладала некоторым опытом в области театрального дизайна. Я делала костюмы для представлений меньшего масштаба. Но костюмы мы не шили, а покупали.

Кажется, меня познакомили с Айн на одной из репетиций, но поговорить впервые пришлось, когда она пришла, чтобы обсудить некоторые технические аспекты представления, в частности освещение, декорации и костюмы. Она сидела примерно на расстоянии двух третей глубины зала от сцены, а я часть времени сидела позади нее, а часть рядом с ней, слушая ее комментарии по части костюмов и других технических аспектов. Ей понравились все костюмы, за исключением «Пузана» Ригана. Она считала, что костюм придавал ему карикатурное обличье; я придала ему облик гангстера, а она хотела, чтобы он выглядел как бизнесмен в очень сдержанном, элегантном, хорошо пошитом костюме. Говоря в современных терминах, она предпочла бы одеть его в костюм от Армани.

А как она объясняла это желание?

Она хотела, чтобы костюм чуть противоречил типажу. Она считала, что этот персонаж не принадлежит к числу откровенных и ярко выраженных гангстеров; по ее мнению, Риган никогда не надел бы тот костюм, которым я его наделила. Комментарии ее носили исключительно деловой, не грубый характер.

Вы не помните ее мнения о других аспектах постановки?

Не помню, что она говорила по поводу освещения или декораций. Могу сказать только то, что она ими не возмущалась. Я была даже удивлена отсутствием критики с ее стороны. Впрочем, думаю, что она со всем соглашалась, потому что прекрасно понимала, что можно ожидать от малобюджетной постановки. В этом плане она была вполне профессиональна. Ей было кое-что известно насчет театра, она понимала, что можно от него ждать, а чего нельзя.

Меня она не пугала. Она держалась очень спокойно, очень по-деловому, чрезвычайно четко, без малейшей расплывчатости. Она сидела тихо, говорила немного. Она всегда знала, чего хочет и чего не хочет. И говорила это, не распространяясь — в очень профессиональной манере, на мой взгляд.

Вы помните, какого мнения осталась она о постановке?

Она была удовлетворена. Не думаю, чтобы она была в восторге, однако считала, что все в порядке, за исключением некоторых не авторизованных изменений в сценарии, которые, как я слышала, были внесены после премьеры. Опять-таки, она была реалисткой. С моей точки зрения, постановка была не слишком хорошей.

Расскажите мне о втором этапе ваших взаимоотношений.

Я посещала квартиру Айн вместе с Гарри. Иногда он говорил о том, что интересовало его, иногда этим занималась она, однако при мне они в основном не обсуждали интеллектуальные темы, а играли в скрабл. Поначалу при этом присутствовал и Фрэнк.

В то время Фрэнк был уже болен, и мне особенно запомнился один из вечеров, так как Айн всегда словно бы не замечала, что с ним не все в порядке. Она задавала ему вопросы и обращалась с ним так, словно он был совершенно в здравом уме, в то время как это было совсем не так. Помню, что я не могла решить, правильно или жестоко она поступает. Конечно, никакой жестокости в ее обращении не было, однако к тому времени он уже впал в старческое слабоумие, но она разговаривала с ним так, будто он мог понять смысл ее слов, что на самом деле было далеко не так.

Однажды — должно быть, через пару лет после того, как мы с Гарри прекратили романтические отношения, однако оставались очень хорошими друзьями — Гарри и Айн играли в скрабл, а я следила за ходом игры. Айн склонила голову и, судя по виду, размышляла над тем, сказать что-то или нет. В то время нас с Гарри всегда спрашивали о том, не вернемся ли мы друг к другу, поскольку мы оставались такими хорошими друзьями. Итак, она сидела опустив голову и рассеянно передвигала по столу фишки скрабла, явно собираясь что-то сказать, а мы с Гарри ждали, чем все это закончится. Мы оба сидели на противоположной от нее

стороне стола. Она по-девичьи прятала глаза, а потом сказала: «Можно я спрошу вас кое о чем?» Мы с Гарри дружно проговорили: «Нет!» Однако она не обратила на нас внимания. Я даже не уверена в том, что она слышала нас. Она сказала что-то вроде: «Почему вы больше не вместе?» Мы дали ей кое-какое объяснение, и она больше не поднимала эту тему. Однако это было так мило с ее стороны, даже не столько то, что она думала о нас, как то, в какой манере, застенчивой и ненавязчивой, она задала свой вопрос, считая необходимым проявить о нас кое-какую заботу.

Опишите ее дружбу с Гарри.

Они определенным образом симпатизировали друг другу. Гарри любил дискутировать с ней. Гарри и Айн часто затевали философские споры, развлекавшие их обоих. Хотя дискуссии могли происходить очень жарко, в них не бывало никакой едкости и колкостей. Помню, однажды они жарко спорили на какую-то тему до того мгновения, когда мы стали уже уходить… мы даже вышли за дверь ее квартиры, однако Гарри повернулся, снова открыл дверь и сказал ей: «А все-таки я не согласен!»

Расскажите еще о том, как вы трое ладили между собой.

Она всегда была приветлива и любезна со мной. Когда к ней приходил гость, она встречала его обходительно и предлагала чего-нибудь выпить. Но как только у них с Гарри начиналась беседа на интеллектуальную тему, можно было умереть, но не дождаться капли внимания к себе. Впрочем, она была чужда условностей, и поэтому я без всяких колебаний могла спросить: «А можно мне взять что-нибудь у вас на кухне?» И она была рада тому, что я сама залезу в ее холодильник, избавляя ее от хлопот. В этом отношении она формальностей не соблюдала.

Во время дискуссий она держалась очень спокойно. Она полностью погружалась в обсуждаемую тему. Я не помню, чтобы она когда-нибудь сердилась на Гарри, что бы он ни говорил, в чем бы не соглашался с ней. Я никогда не видела в ней, даже во время сессий вопросов и ответов, раздражения на человека, а не на идею.

Впрочем, был такой случай, когда я задала ей вопрос по интеллектуальной теме, которую они обсуждали, и она чуть возвысила голос и даже рассердилась. Такой я ее не видела. И потому спросила: «Но почему вы кричите на меня?» На самом деле она не кричала, просто немного возвысила голос. Она остановилась и сказала: «Ой, я совсем не кричу». Просто эта идея вывела меня из себя. И я поняла, что она не воспринимает себя как «великого человека». Безусловно, она осознавала собственную силу и значимость, однако это не отражалось на уровне личных

взаимоотношений. То есть в ней не было никаких: «Да вы знаете, кто я такая?» Или: «Вам известно, с кем вы говорите?» Такие соображения были не в ее характере.

И она изменила свое поведение после этих ваших слов?

Да, она сразу же успокоилась, раздражение оставило ее.

Она что-нибудь рассказывала вам о мистере О'Конноре после его смерти?

Мне запомнился один разговор. Она говорила о себе, самым бесстрастным образом оценивая собственную реакцию и шансы на выход из депрессии. Наверно, она понимала, что не способна предсказать в точности свое поведение, однако не испытывала особенного оптимизма в отношении своего эмоционального состояния. Она понимала, что находится в глубоком унынии. И не видела особых возможностей справиться с собой, да и не считала борьбу необходимой. Она знала, что отныне ее жизни поставлен предел. И похоже, не собиралась бороться с этим.

Вы присутствовали на праздновании пятидесятой годовщины брака О'Конноров?

Оно происходило в их квартире. Произносились речи. Выставлены были игрушечные звери. Играла легкая музыка. Одна из песенок напомнила мне кейкуок[324], я начала танцевать этот танец, и ей понравилось это. Она захотела понять, как его танцуют. Уже не помню, пыталась она танцевать или нет. Все присутствующие встали и образовали цепочку, в которой прошлись по всей гостиной. Подобные веселые мелочи всегда доставляли ей колоссальное удовольствие. Леонард говорил, что учился у Айн, что она воспитывала его. И, конечно же, все воздавали должное браку Айн и Фрэнка. Кто-то немного рассказывал об истории их брака и даже об их знакомстве. Присутствовал Алан Гринспен. Кажется, была и Элоис.

Расскажите мне об Элоис.

Она была очень выдержанной леди. Я считала Элоис редкой красавицей; она была похожа на Лину Хоум. Она держалась самым изысканным образом и обладала потрясающим чувством собственного достоинства. Они с Айн прекрасно ладили между собой. Элоис для Айн, безусловно, была более чем прислугой. Помню, как однажды они вместе по какой-то причине стояли на кухне и выглядели скорее подругами, чем хозяйкой и служанкой. Если бы кто-то спросил вас о том, кто из них хозяйка и кто прислуга, вы, конечно, могли сделать правильный выбор, однако обеих соединяло взаимное уважение; Элоис принадлежала к тем людям, которые требовали к себе уважения. Еще она была из тех людей, о которых можно сказать, что они обладают твердой как камень сердцевиной. Никто не мог смутить Элоис упоминанием о

том, какое место она занимает.

Беседовали ли вы с ней о том, какие актеры могут сыграть в Атланте?

В качестве Франсиско она предлагала Ганса Гудегаста. Вне зависимости от возраста в качестве кандидатуры на роль Дагни всплывало имя Лорен Бэколл[325], предлагалась также Фарра Фосетт. Мисс Рэнд говорила, что ей нравится Фарра Фосетт, отчасти потому, что уголки рта Фосетт смотрели вниз, что нравилось Айн. Мы говорили также о том, что Спенсер Трейси[326] был бы очень хорош в роли Мидаса Маллигана.

Сохранились ли у вас книги или письма мисс Рэнд?

У меня остались от нее три памятки. Во-первых, маленькая бутылочка духов производства британской парфюмерной фирмы Floris с мягким цветочным ароматом, может быть, гардении. Потом листок из ее календаря с перечнем дел. Среди ее памяток я наиболее ценю три акварели, нарисованные ее сестрой Норой, которые Айн привезла собой в чемодане из России, когда прибыла в США. Они были сложены; должно быть, Айн пришлось сложить их, чтобы уложить в чемодан. Это театральные карикатуры — остроумные и веселые. Теперь они вставлены в рамки и висят в моей квартире.

Кен Маккензи

Кен Маккензи посещал лекции Рэнд, получал магнитофонные курсы *Объективиста* и работал на Капитолийском холме. Мистер Маккензи скончался в 2002 году.

Дата интервью: 20 декабря 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Вы встречались с мисс Рэнд?*

Кен Маккензи: В 1973 и 1974 годах я работал на Капитолийском холме в качестве консультанта по законодательству. Конгрессмен Фил Крейн, настроенный в пользу свободного рынка, предложил билль, легализующий владение золотом, забаллотированный Конгрессом. Этот закон предлагался в качестве поправки к какому-то другому закону, и такие консультанты, как я, пытались протолкнуть его. Я решил, что будет уместно поместить в *Конгрешнл рекорд* статью Алана Гринспена о золоте и экономической свободе, которая была опубликована в журнал *Объективист*[327]. Поэтому я написал к ней небольшое предисловие, однако следовало еще и получить разрешение, поэтому я позвонил в фирму «Таунсенд-Гринспен» в Нью-Джерси и переговорил с Аланом Гринспеном. Он сам подошел к телефону и сказал: «Ах, этот пустячок? О, это будет недурно». Но порекомендовал связаться с Нью-Йорком.

Я позвонил в Нью-Йорк, в *Объективист,* и поговорил с Барбарой Вейсс, исполнявшей там обязанности администратора и посоветовавшей мне написать письмо с просьбой об одобрении и приложить к нему копию своего предисловия. Я объяснил ей, что закон может выйти даже сегодня. Тогда она сказала: «В таком случае подождите минутку». А потом возвращается и говорит: «Хорошо, мисс Рэнд сейчас поговорит с вами».

Я был буквально ошарашен, потому что не думал, что застану ее там, да еще она подойдет к телефону. Тогда я постарался принять самую многозначительную интонацию и сказал что-то вроде: «Боже, это и в самом деле вы?» Она ответила: «Да, это я». После чего я спросил: «Вы хотите, чтобы я прочел введение?» — «Да, читайте», — ответила она. Что я и сделал.

Она слушала очень внимательно и два или три раза проговорила: «О, да-да, хорошо-хорошо». Когда я закончил, она сказала: «О'кей», и я спросил: «Значит, все в порядке?» — «О да, все хорошо, действуйте». Она держалась очень по-деловому, но не стала сразу прощаться, так что я немного поговорил с ней о слушании и Алане.

Гринспен был назначен председателем Совета экономических советников. Я сказал, что отошлю ему экземпляр материалов слушания, и она выразила благодарность. Словом, мы поговорили не более минуты, и она положила трубку. Для меня было интересно — а я был для нее полным незнакомцем, и это был деловой разговор, — что она держалась очень приветливо. И поддержала меня. Я вернулся домой сияя и сказал своей жене: «Попробуй, догадайся, с кем я говорил сегодня».

Поправка была предложена, принята, и через год-другой владение золотом было легализовано, а статья мистера Гринспена была напечатана в *Рекорд*.

Ларри Коул

Ларри Коул — писатель, педагог и психотерапевт, проводивший ток-шоу в Нью-Йорк Сити и интервьюировавший мисс Рэнд для радиошоу в 1973 году. Является основателем и руководителем Института ювенальной юстиции Стюарта Блэка, организации, защищающей права детей и действующей в кооперации с Гарвардским и Колумбийским университетами.

Даты интервью: 5 и 7 августа 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Ларри Коул: Я готовил радиошоу для Нью-Йорк Сити, под названием *Я вырос в Нью-Йорке.* Мы с моей женой Мишель затеяли программу для уличных банд из Нижнего Ист-Сайда под названием LEAP (Lower East Side Action Project [План действий в Нижнем Ист-Сайде]). В отличие от организаторов аналогичных проектов мы не прибегали к помощи правительственных фондов. Программа располагала резиденцией, альтернативной школой, медицинской подпрограммой и всем прочим, что могли бы мы пожелать для собственных детей. Кроме того, я написал несколько книг, в том числе *Уличные подростки (Street Kids)* и *Хранители наших детей (Our Children's Keepers).*

Моя работа и радиошоу затрагивали важные вопросы для молодых людей. Радиошоу знакомило их с ведущими персонами общественных наук, образования и литературы, труды которых, на мой взгляд, служили лучшему пониманию детства и юношества.

Айн Рэнд, с моей точки зрения, играла исключительно важную роль. Мы с Мишель хотя и группировались с леваками, такими как Эбби Хоффман и Джерри Рубин[328], все-таки не принадлежали к политическому левому крылу. Я находился под серьезным воздействием произведений мисс Рэнд: интерес к ним пробудил во мне сначала фильм *Источник,* потом сам одноименный роман, потом *Атлант расправил плечи,* и наконец, *Возвращение примитива. Антииндустриальная революция,* в которой я нашел трактат об образовании, названный «Компрачикос». Это был наилучший и самый лаконичный анализ падения и упадка системы общественного образования из всех, что попадались мне на глаза, предлагавший к тому же основные принципы, согласно которым нужно и можно строить образование. Конечно же, я захотел проинтервьюировать Айн, потому что посчитал ее работы настолько важными, да и вообще

видел в ней собственную героиню. Она сказала, что охотно даст интервью, что и произошло 20 июля 1973 года.

И для этого вам пришлось только позвонить ей?

Сначала я позвонил ее издателю, связался с ее представителем и оставил ей свое предложение. Айн позвонила мне. И я спросил, согласится ли она дать мне интервью. Она сказала, что согласится при условии, что я заеду за ней и отвезу обратно домой.

Должно быть, она доверяла вам, незнакомому человеку, раз поставила такое условие.

Это было удивительно: все наше знакомство исчерпывалось телефонным разговором. Однако она не испытывала никаких сомнений в моем отношении. У меня были опубликованы книги, она имела возможность ознакомиться с ними; однако мне было очевидно, что она знала обо мне больше, чем я сказал.

Я работал с уличными бандами, и она не совсем понимала двигавшие мной мотивы. Мне кажется, что она воспринимала меня как своего рода вызов и видела нечто парадоксальное в том, что я оказался способным общаться с ней на ее уровне.

И она хотела подробнее узнать мотивы ваших действий?

Да, хотела. Мы говорили об этом. Думаю, она оценила тот факт, что я потратил время на объяснение того, что, берясь за эту работу, мы не считали себя альтруистами и руководствовались многочисленными личными соображениями.

И какой же она была в качестве гостьи вашей передачи?

Не помню, чтобы я когда-либо пользовался этим словом для описания первого впечатления от кого бы то ни было, но она была изумительна. Первые пять минут она держалась несколько напряженно и настороженно, как бы определяя, кто я такой. А потом оказалась по-настоящему очаровательной, сердечной и веселой особой, чем, собственно, ошеломила меня. Я словно бы общался с кинозвездой, хотя она держалась много более непринужденно. Нам несколько раз звонили, и она мужественно отражала нападки. Я был удивлен присущими ей чувством юмора, готовностью слушать, а также легкостью выражения собственных мыслей.

Мы провели вместе почти целый час, и это были самые памятные пятьдесят четыре минуты и сорок восемь секунд всей моей жизни.

Я несколько раз достаточно объективно прощупывал ее и даже, можно сказать, отчасти исполнял роль адвоката дьявола,

поскольку хотел избежать искажений ее образа. Это были времена крайностей, и публичным персонажам навешивались крайне провокационные гиперболы: Клинта Иствуда[329], например, называли фашистом. Левые радикалы вешали подобный ярлык и на нее.

Мы провели этот час вместе, а потом я отвез ее домой. Мы недолго поговорили, и она сказала, что пришлет мне издание «Компрачикос». Я получил его с надписью: «Спасибо за чудесное интервью». Эту книгу с ее автографом я бережно храню.

Каким было ваше впечатление от первого знакомства с ней?

Должен признаться в том, что находился в некотором трепете перед ней, однако сумел затеять легкую беседу, пока мы в машине ехали по Вест-Сайд-Хайвей.

Как она держалась?

Дружелюбно. Я предполагал, что она будет держаться более отстраненно, расстраиваться по поводу потери целого утра на интервью; я ожидал, что она будет вести себя как классическая дива, однако она оказалась совсем другой. Оставив свой привычный распорядок дня, она постаралась, чтобы мне было удобно с ней.

Наше общение сложилось самым удачным образом: мы разделяли общие взгляды и разговаривали на одном языке; подобные открытия дорогого стоят. Наверно, когда я впервые попросил ее побеседовать со мной, она подумала: «О боже, еще один из представителей этой контркультуры». Однако все получилось совершенно иначе. Полагаю, что наши способности и здравомыслие были для нее очевидны, и общение потому далось нам без особого труда. Оно началось с просьбы об интервью, продолжилось на самом интервью, потом на дружеской беседе и совместном обеде и далее перешло в непринужденные телефонные приятельские отношения.

После интервью она дала мне номер своего домашнего телефона и сказала: позванивайте, может быть, еще встретимся. Я ответил: «О, мы с женой будем счастливы встретиться с вами». Недели через две-три нас пригласили на ужин. Мы познакомились с ее мужем и долго беседовали вчетвером. Фрэнк был не слишком словоохотлив, однако присутствие его ощущалось.

За ужином мы разговаривали о школе, об образовании как таковом и об общественной деградации, и Айн спросила Мишель: какое, по вашему мнению, решение может найти проблема, поставленная Натом Хентоффом[330] в его статье о запугивании белых подростков в американских школах? Мишель ответила, что поскольку белые подростки являются жертвами, считается, что

защищать их должна полиция. Однако, по ее мнению, подобная защита создаст очевидные двойные стандарты, которые приведут к еще более четкому выделению низших классов общества. Еще она сказала, что, по ее мнению, правильное решение состоит в том, чтобы научить белых детей защищаться. Айн расхохоталась и не без иронии произнесла: да вы — фашистка. Мишель рассмеялась. Шутка эта сделалась звездой вечера, и Мишель отправилась домой, гордясь тем, что сама Айн Рэнд назвала ее фашисткой.

Во время всего вечера шла оживленная беседа. Похоже, что Айн занимал вопрос: почему, будучи такими, какие мы есть, мы занимаемся тем, чем занимаемся. Разговор постоянно возвращался к этой теме.

Ее интересовали подробности нашей жизни, почему мы взялись за это дело, и на что похожа сейчас школа. Кажется, мы провели вместе три или четыре часа. Мы не хотели, чтобы разговор заканчивался. И хотя она не обвинила меня в том, что я являюсь фашистом, но все-таки заклеймила меня как активиста, с чем мне пришлось согласиться, потому что я им был и до сих пор являюсь. Когда она назвала меня активистом, я ответил: «От активистки слышу». Она спросила: «Как это понимать?» И я ответил: «Дело в том, что вы активный пропагандист. Вы проповедуете примат рассудка и делаете это отнюдь не пассивным образом. Посему я считаю, что и вы также подпадаете под это определение. Так что я нахожусь в хорошей компании». Она сделала недовольную гримаску… потом на мгновение словно бы глубоко задумалась… после чего расхохоталась. Оказалось, что не только она сама может навешивать ехидные ярлыки, но и может сама получить в ответ «активиста», не имея возможности убедительно возразить. Дело, конечно, было во вздорности всяких ярлыков, и даже Фрэнк расхохотался, когда мне удалось приклеить к ней ее собственный. Впрочем, все это происходило по-доброму. Мы занимались вопросами, представляющими для нас обоюдный интерес, и ее, я думаю, удивило, что она встретила интеллигентных людей, занимающихся тем делом, которым были заняты мы.

К концу вечера разговор перешел на конкретные подробности относительно тех ребят, с которыми мы работали, и о накопленном нами опыте: об опасности, которую представляет нахождение на территории банды, о трудностях работы с подростками, исключенными из школы за хулиганство. Я помню, что она с пониманием отнеслась — как к некоему просвещению — к моим словам, когда я сказал, что если бы сам был подростком, принадлежащим к этому социальному классу, и был

вынужден учиться в городской нью-йоркской школе, то меня самого выставили бы из нее за какой-нибудь ужасный проступок, совершенный в припадке бешенства. Она сказала, что подобную реакцию на ситуацию трудно назвать рациональной и оставить школу лучше по другой причине, однако она вполне понимает меня.

Мишель сказала, что всю систему школьного образования следует отменить и образовать самостоятельный рынок образовательных учреждений.

Вы помните, как мисс Рэнд комментировала закрытие бесплатных средних школ?

Она слушала. И согласилась с Мишель в том, что это, наверно, самый лучший вариант. Можно провести аналогию с корпорацией, выпускающей некачественный продукт; в условиях свободного рынка она умрет естественной смертью. Айн согласилась и сказала, что писала о банкротстве педоцентризма. Отсюда, по ее словам, следует, что его адептам нельзя позволять руководить системой образования.

Когда она расспрашивала вас о ваших убеждениях, в какой манере, в каком стиле она это делала?

В явной, настойчивой и прощупывающей — что-то вроде дружеского допроса. Было очевидно, что у нее есть определенный план; наш разговор нельзя было отнести к той разновидности непринужденных бесед, которыми люди занимаются за ужином. Мы хотели перейти к более фундаментальным темам. Я получал огромное удовольствие. Общаться с человеком, которого я так уважал за подобный интерес к нашей философии, было настолько неожиданно.

Что она думала о вашей работе с уличными подростками?

Она считала это дело важным и фундаментальным. Едва ли у нее имелось устоявшееся мнение по этому поводу. Она, конечно же, не думала восхищаться людьми, занятыми альтруистической деятельностью. Дело было в нашей семье. Я получил образование психолога и не хотел сидеть за столом, соблюдая «профессиональную» дистанцию между собой и теми детьми, которые, по нашему с Мишель мнению, требовали особого внимания.

Было очевидно, что она восхищалась нашим делом. Когда мы перешли к разговору о нашем опыте, она как будто бы стала проявлять больше интереса, однако я, в частности, заметил, что обе стороны успели в чем-то переменить свое мнение. Не по фундаментальным вопросам, но в области понимания того, как и чем сделались системы образования и ювенальной юстиции.

Она высказывала вам свое мнение об этих проблемах и их

решении?

Она говорила о вседозволенности и более полно осветила ряд тем, заимствованных нами из «Компрачикос», например о том, что употребление наркотиков становится логическим следствием педоцентризма.

Я прочел «Компрачикос» в то время, когда система образования в этой стране находилась в полном хаосе, и трактат едва не довел меня до слез. Это были слезы признательности, в частности за сделанный ею перевод отрывка из романа Виктора Гюго *Человек, который смеется.* Я рассказал Айн, что немедленно разослал трактат всем своим друзьям среди радикально настроенных педагогов-методистов, пытаясь затеять общее обсуждение. Это были крупные имена в области педагогики. Я послал им статью с небольшим примечанием: вам надо это прочесть, а потом мы обсудим прочитанное. И единственный раз не получил ответа ни от кого из них.

Почему?

Думаю, потому, что приверженность к определенной философии иногда не позволяет людям мыслить логично и воспринимать другие уровни реальности. В качестве метафоры можно сказать, что каждый из этих педагогов воспринимал трактат как написанный на языке, либо чуждом ему, либо не поддающемся переводу, а если и поддающемся, то как оскорбительный и ошибочный.

Какая психологическая школа повлияла на вас?

Б. Ф. Скиннер[331] и бихевиоризм.

Вы говорили об этом Айн Рэнд?

Да.

Она возражала вам?

Нет. Она не принадлежала к числу больших поклонников Скиннера[332], что несколько удивляло меня, хотя бы по той причине, что он не был сторонником доминировавшего в психологии мистицизма. Находясь перед лицом такого спектра возможностей, я думаю, что она в вежливой форме уважала мой выбор, хотя и была не согласна с ним.

Что еще вы можете сказать о мисс Рэнд и том вашем разговоре с ней?

Мы затронули много тем, и в частности коснулись вопросов происхождения. Мишель рассказала о том, что происходит из русской еврейской семьи, и о том, как она порвала с религией уже в молодости. Впрочем, ничего из ряда вон выходящего не было произнесено. Очень немногие люди — особенно столь же знаменитые и обладающие подобным художественным и интеллектуальным статусом — умеют говорить с той же

непринужденностью и открытостью, как она в тот вечер.

После того вечера я еще не раз разговаривал с Айн, и самым памятным для меня стал один телефонный разговор. Я спросил ее о том, кого из современных живых и мертвых кинорежиссеров она предпочитает. Она ответила: «Фрица Ланга» — и добавила что-то в том роде, что действительно хотела бы поговорить с ним. Я сказал, что это можно устроить, и через пару часов связался с Фрицем Лангом по телефону и рассказал о ее желании. Он сказал, что знаком с ее творчеством и восхищается ее произведениями, после чего я позвонил ей и соединил их по телефону. Он находился в Лос-Анджелесе, она в своей квартире в Нью-Йорке, и я сказал, что мне приятно предоставить им такую возможность, пожелал приятной беседы и сразу отсоединился.

Они никогда не встречались друг с другом, они восхищались друг другом и хотели, чтобы оба они знали это. Айн сказала тогда Лангу, что всю свою жизнь восхищалась его фильмами, что считает его величайшим режиссером, он сказал, что следит за ее произведениями и любит и уважает ее за них. Не знаю, сумели ли они встретиться, так как вскоре после этого разговора он заболел и скончался[333].

Вы знаете, что именно он выделял в ней?

Он хвалил Айн за честность и прямоту. Он говорил мне, и я помню, что он говорил это и ей самой, что он — и я думаю, что говорил он конкретно об *Источнике,* возможно, о фильме — что он считает ее персонажей очень искренними, что судя по тому, что он знает о ней, считает ее такой же и сам никогда не шел на компромиссы, так что у них есть кое-что общее в характере.

После этого я еще несколько раз разговаривал с Айн, однако она никогда не упоминала о своем разговоре с Фрицем Лангом, так как, наверно, считала его исключительно личным и хотела сохранить содержание при себе, а я не считал нужным расспрашивать. Она поблагодарила меня за то, что я устроил этот разговор, и захотела узнать, как я сумел сделать это. Я предпочел оставить подробности в тайне.

Она была очень довольна полученной возможностью поговорить с собственным культурным героем. В то же время ей было жалко, что здоровье настолько подводит его. Кроме того, она сказала, что если бы у нее была возможность выбирать, то фильм по роману *Атлант расправил плечи* снимал бы Фриц Ланг.

Лилиан Куртуа

Лилиан Куртуа работала в Информационном агентстве Соединенных Штатов в Вашингтоне. В ее обязанности входило отвечать на письма из Советского Союза и Польши.

Дата интервью: 19 июля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Каким образом вы познакомились с Айн Рэнд?*

Лилиан Куртуа: Я работала в Информационном агентстве США, а также состояла в штате журнала *Америка*, рассылавшегося в Советский Союз и Польшу. Журнал распространялся в Советском Союзе в рамках соглашения между СССР и США по культурному обмену, соответственно, в этой стране распространялся журнал *Советская жизнь*.

В каком году вы познакомились с ней?

Я проработала в журнале несколько лет. Я никогда не встречалась с ней, однако в 1973 году разговаривала с Айн Рэнд по телефону. По службе я была обязана отвечать на пришедшие в редакцию письма, и однажды к нам пришло письмо от Э. Дробышевой. Она писала, что получила экземпляр журнала *Америка* во время посещения одной из наших выставок по культурному обмену. Ну, как к нам присылают Большой балет, мы посылаем в Россию балет Нью-Йоркский, в таком роде. Подобный обмен происходил во время существования железного занавеса.

В том выпуске была помещена статья «О разногласиях». В ней были представлены фотоснимки и биографии нескольких выдающихся американцев, занимающих различные положения в политическом спектре. Среди них были Бенджамин Спок, Эбби Хоффман, Лайнус Полинг[334], Роберт Уэлч, Мадалин Маррей О'Хэйр[335] и Айн Рэнд. Статья говорила о том, что в Америке мы можем придерживаться любого образа мыслей во всем диапазоне политических убеждений, от крайне правых до крайне левых. Мы располагали такой свободой.

Журналы раздавались людям, посещавшим наши выставки. Раздача была одним из способов распространения журнала, так как в СССР препятствовали свободной подписке на него. Нам не позволяли распространять его обычными способами, поэтому сотрудникам посольства приходилось оставлять экземпляры на автобусных остановках, в зубоврачебных кабинетах — повсюду, где их могли найти росские. Этот экземпляр попал в руки миссис

Дробышевой. Открыв его, она увидела на одной из страниц портрет сестры, разволновалась и написала в журнал. Она поступила очень умно, отправив свое письмо в американское посольство в Москве, так что оно пришло ко мне по дипломатической почте. Если бы она отправила его непосредственно в Вашингтон, мы никогда не получили бы его.

Что произошло после того, как вы получили письмо?

Прочитав письмо, я поняла, что получила очень важное послание и что мне необходимо позвонить Айн Рэнд и сообщить об этом. Я позвонила в библиотеку, и мне дали телефонный номер журнала *Послание Айн Рэнд*. Я переговорила с тамошней сотрудницей и сообщила ей, что мне необходимо поговорить с Айн Рэнд, так как у меня есть очень важное сообщение для нее. Она передала трубку Айн Рэнд, и та сказала в трубку с сильным русским акцентом: «Да, Айн Рэнд слушает». Я назвалась и рассказала ей о письме. Она спросила о том, от кого письмо, я сказала, что от Э. Дробышевой, и она сказала, что не узнает этого имени. Но я прочла ей письмо, и тут она поняла, что прислала письмо ее сестра Элеонора.

Она разволновалась, я тоже. Она расплакалась, и я тоже. Она сказала, что не видела свою сестру сорок семь лет, и добавила: «Значит, она жива. А я думала, что ее уже нет на свете». Она всхлипывала и задавала мне вопросы. Это было трогательно. Она все благодарила меня за то, что я позвонила ей. Она так радовалась тому, что сестра нашлась.

Мне пришлось довольно долго говорить с Айн Рэнд. Потом она оправилась от потрясения — какое-то время она даже не могла говорить — успокоилась, и я успокоилась. Наконец, она захотела узнать, что было написано о ней в журнале. Мне пришлось обратиться к архиву и достать английский перевод, потому что я не читаю по-русски, и прочесть его ей. Она говорила: «Это правильно. Это правильно. Это не совсем так, но сойдет. Давайте дальше». Она была довольна тем, что мы дали правильную информацию о ней. Заметка была небольшая.

Она попросила меня прислать ей письмо с курьером или другим надежным способом. И сказала, что оплатит доставку. Я сказала, чтобы она не беспокоилась об этом и что на следующий день в обеденный перерыв я позабочусь об этом, схожу на почту и отправлю посылку.

Я послала Айн Рэнд тот номер журнала, который видела ее сестра, и еще два издания: об американской архитектуре, которой она интересовалась, и о деловой активности в Америке. Она была очень благодарна. Она спросила мое имя и домашний адрес. Я думала, что она пришлет мне небольшое письмо, но она прислала

экземпляр *Атланта* с надписью: «Лилиан Куртуа с моей искренней и глубочайшей благодарностью, Айн Рэнд». И поставила дату: «30 апреля 1973».

Вы отослали миссис Дробышевой какой-то ответ?

Да. Но постаралась выразиться самым обтекаемым образом, так, чтобы русские ничего не поняли. Что-то в стиле: «Поручение выполнено». Сформулировано это было так: «Мы были рады выполнить вашу просьбу. Весь персонал журнала *Америка* восхищен тем, что экземпляр нашего журнала, полученный вами на выставке „Исследования и разработки в США“ оказался особенно интересным для вас. Удачи и с наилучшими пожеланиями». Так Нора узнала, что журнал выполнил ее просьбу.

Отвечая отправителям писем в редакцию, я обыкновенно писала им по-английски, так как у наших переводчиков не было времени на перевод писем, однако моя подруга в русском секторе отдела — Наталия «Наташа» Цонев перепечатала его на своей машинке с кириллическим шрифтом, поэтому письмо Норе было отправлено на русском языке.

Американское информационное агентство каким-нибудь образом воспользовалось этой ситуацией?

Журнал хотел рассказать читателям эту историю. Редакция полагала, что эта трогательная и человечная ситуация будет интересна читателям *Америки,* однако Айн Рэнд побоялась давать разрешение, опасаясь, что таким образом может доставить неприятности Норе.

А как вы сами восприняли случившееся?

Я была взволнована, потому что мне никогда еще не приходилось соединять двоих людей, двух сестер, разлученных на сорок семь лет. Это было так трогательно.

Какое мнение об Айн Рэнд вы сумели составить при столь коротком знакомстве?

Я решила, что имела дело с самой настоящей леди. Она была вежлива. И, невзирая на все волнение, которое принесла ей столь неожиданная новость, очень мила. И с ее стороны было очень любезно прислать мне свою книгу. Она умела благодарить.

Элейн Костер

Элейн Костер работала главным редактором в New American Library и была одним из издателей книг Айн Рэнд.

Дата интервью: 4 февраля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Элейн Костер: В 1973 году NAL устраивала прием, на который была приглашена Айн Рэнд. Сперва она вращалась в кругу таких людей, как Микки Спиллейн, с которым была в хороших отношениях, но в тот вечер я тоже с ней познакомилась. Я была относительно недавно назначена главным редактором компании. И поэтому спросила, не могу ли я проводить ее домой, так как не хотела, чтобы она возвращалась одна. Поэтому мы вместе сели в такси, а когда приехали к ее дому, я стала расплачиваться с водителем. Она была очень смущена этим обстоятельством и сказала, что позволяет мне делать это исключительно потому, что этими обязанностями всегда занимался ее муж. Похоже было, что она не совсем представляла себе техническую сторону оплаты такси. Но я охотно заплатила за такси, а потом проводила ее наверх, в квартиру, оказавшуюся очень славной.

В каком смысле?

Я видела только гостиную, которая была обставлена великолепнейшей мебелью в стиле ар-деко[336]. Не знаю авторов мебели и кофейного столика, но комната выглядела великолепно, даже с моей точки зрения, — точки зрения человека, поверхностно знакомого с этим стилем.

На самом деле отделкой и обстановкой их квартиры занимался ее муж. Какой была Айн Рэнд на деловых встречах?

Она действовала твердо и всегда знала, чего именно хочет. Она была именно такой, как этого можно было ожидать, но ни в коем случае не несносной. Если вспомнить всех авторов, с которыми мне приходилось иметь дело, она была достаточно благоразумной.

Элинор Фриде

Элинор Фриде была издателем и познакомилась с Айн Рэнд в середине 1970-х. Миссис Фриде скончалась в 2008 году.

Дата интервью: 8 октября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *На кого вы работали в 1974 году?*

Элинор Фриде: У меня была собственная компания Eleanor Friede Books, Inc., сотрудничавшая с издательством Delacourt Press, публиковавшим мои книги. Я была его независимым сотрудником.

Как вы познакомились с Айн Рэнд?

Издательство NAL, публиковавшее ее книги в бумажной обложке, устраивало прием в доме ее редактора, меня также пригласили, что было несколько неожиданно, поскольку я не знала ни устроителей приема, ни Айн Рэнд, которая и предложила, чтобы меня пригласили. Это была большая деловая встреча, и меня пригласили отчасти потому, что в *Паблишерз уикли* было опубликовано интервью со мной, вызванное тем, что я недавно опубликовала книгу *Чайка Джонатан Ливингстон*[337], и все были удивлены тем, что эта «пустяковая книжонка», как изволили называть это произведение мои дорогие друзья, расходится так хорошо и даже сделалась первым номером в списке бестселлеров. В этой статье внимание Айн Рэнд привлек мой ответ на вопрос: «В какой разряд нам, по-вашему, следует определить эту книгу? Она не детская; она не о полете; она не о птицах; я хочу спросить, что с нам с ней делать?» Я ответила просто и сразу: «Определим ее по части торговой кассы». Ответ заставил Айн расхохотаться, потому что она была согласна с ним.

Когда она попросила пригласить меня на эту вечеринку к нашим конкурентам, издатели, насколько мне ведомо, не обрадовались, потому что мы с Айн Рэнд погрузились в продолжительную беседу. Если она встречала человека, работавшего на одной с ней волне, то становилась неразлучной с ним, и мы с ней говорили на протяжении всей встречи. Когда прием закончился, она попросила меня отвезти ее домой. Она приехала одна, так что мы ушли вместе. Я знаю, что хозяйка была недовольна, так как подумала, что я хочу переманить к себе ее автора, что абсолютно не соответствовало действительности. Мы изрядно повеселились, с ней было удивительно интересно говорить, и я отвезла ее домой.

И какое впечатление осталось у вас от Айн Рэнд?

Конечно, я восхищалась ею и прочла все ее книги, как, наверно, и все приглашенные на этот прием, поэтому разговаривать с ней было удивительно интересно, потому что она была такой дружелюбной и так ясно выражалась, и вообще производила огромное впечатление на всех, кто разговаривал с ней.

Поскольку я женщина высокая — пять футов и восемь с половиной дюймов, и к тому же блондинка — внешне мы являли полную противоположность. Кроме того, я судила по ее снимкам и ожидала встречи с человеком более властным, однако она оказалась очень открытой, милой и дружелюбной, чего, на мой взгляд, трудно было ожидать от человека, наделенного подобным умом.

Как к ней относились в издательских кругах в середине 1970-х годов?

Она считалась звездой и пользовалась всеобщим восхищением.

Не является ли издательское дело либеральным?

Является.

В таком случае между издателями и Айн Рэнд мог существовать известный антагонизм или даже проблемы.

Не совсем так. Обе стороны — независимые люди. Я знаю, что у нее были другие политические взгляды, однако мы не часто разговаривали на эту тему. Она как бы была сама по себе. Издатели не намеревались оспаривать ее политические воззрения. Она пользовалась признанием. Разве что за исключением людей, не способных понять оборотную сторону ее взглядов.

Лично вы сочувствовали ее идеалам?

Нет. Я всегда придерживалась либеральной ориентации.

Это выяснилось в процессе дискуссий?

Не помню. Но сомневаюсь в том, что я обсуждала с ней политические вопросы. Я восхищалась ее произведениями, однако не разделяла ее политических взглядов.

Как бы вы ее описали?

Невысокая, очень живая особа с огоньком в глазах. Мне запомнились ее темные глаза и очень привлекательная, бьющая

через край энергия. Так сказать, «жизненная сила». Она была удивительным собеседником и могла говорить на любую тему. Собеседнику не приходилось говорить с ней о ее интересах. Я всегда ощущала, что она прекрасно информирована о том, что происходит, и владела этой информацией с блеском. Она могла встретить любой вызов. Я понимаю, что по этой причине многие побаивались ее, но только не в мире издателей. Она всегда получала то, чего хотела.

Интересно, а как человек либеральных воззрений может получать удовольствие от чтения романа Атлант расправил плечи?

О, на мой взгляд, это изумительная вещь. На самом деле с политической точки зрения этот роман просто ужасен, однако она — чертовски хорошая рассказчица. В этом ей отказать невозможно. И такая умница, что книга эта была мне очень симпатична.

С какими другими писателями она встречалась?

Она узнала, что я издаю также Джеймса Клавелла[338], и захотела встретиться с ним, и конечно же, он тоже хотел познакомиться с ней, поэтому я пригласила обоих на ланч в «Фор Сизонс». Клавелл первым делом заказал шампанское, кажется, две бутылки, которые обошлись мне в 500 долларов. В «Фор Сизонс» шампанское по себестоимости не подают.

Она пила шампанское?

Немного. Просто пригубила из вежливости. Они прекрасно провели время, наслаждаясь знакомством.

Она читала его книги?

Думаю, да. Она, безусловно, знала, с кем имеет дело. Клавелл был тогда ужасно популярен, его книги превосходно продавались. Первым был *Король крыс*; затем *Тай-Пэн* и *Благородный дом*, такой был тогда период. Уходили они превосходно, но как обстояло дело потом, я не знаю.

Почему он захотел встретиться с ней?

Об Айн Рэнд знали все. Потом она пользовалась блестящей репутацией — женщины, наделенной мужским умом. И это на самом деле было одной из причин, по которой все хотели встретиться с ней.

Он читал ее книги?

Определенно. Они разговаривали долго и на самые разные темы. На мой взгляд, Клавелл также был блестящей личностью, ему наверняка было скучно с людьми, не достигавшими его уровня, и встреча с ней его заинтересовала, поскольку она

обладала соответствующим уровнем интеллекта… Такое впечатление создалось у меня от их встречи.

Помните ли вы что-нибудь еще об этой встрече?

Меня потряс чек. Не то чтобы я была против, однако со всем этим шампанским набежало почти 2000 долларов.

Джеймс Дэй

Джеймс Дэй был ведущим программы *Day at Night [День/Дэй ночью],* программы телеинтервью сети Public Broadcasting Service (PBS). Он интервьюировал Айн Рэнд 29 марта 1974 года. Мистер Дэй скончался в 2008 году.

Дата интервью: 8 апреля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Почему вы пригласили Айн Рэнд участвовать в вашем шоу?*

Джеймс Дэй: Мы ставили своей целью интервьюировать людей, проживших интересную жизнь, которая могла бы многому научить и нас самих, и окружающих нас, и в том, что мисс Рэнд принадлежит к числу таких людей, усомниться было невозможно. Должен признаться в том, что, не являясь сторонником ее философии[339], так что мой интерес к ней не был интересом ученика, я руководствовался желанием поговорить с очень интересным человеком, прожившим интересную жизнь. И безусловно, способным внести свой вклад в шоу.

Какими принципами вы руководствуетесь в процессе интервью?

Я изо всех сил стараюсь быть хорошим слушателем, а не следователем.

Я стараюсь пользоваться тем, что говорят сами интервьюируемые, и способствую тому, чтобы они более глубоко раскрыли тему, но не спорю с ними и не бросаю вызов. Ну а теперь я должен сказать вам, что в данный момент смотрю на письмо, полученное от нее на стадии переговоров.

Что же в нем сказано?

Оно датировано 25 марта 1974 года:

> «Дорогой мистер Дэй! Посылаю вам следующие условия, при выполнении которых я согласна выступить в вашей программе, „Шоу Джима Дэя“ (на самом деле шоу называлось не совсем так). Если вы сочтете их приемлемыми для себя, прошу вас подписать приложенную копию и отослать ее мне.
>
> 1. Программа, в которой мне предстоит участвовать, представляет собой серьезное обсуждение идей ведущим и мной.
>
> 2. Она не предусматривает никаких дебатов, никакого перехода на личности, никаких нападок в мой адрес, никаких замечаний обидного, оскорбительного

или унизительного характера (то есть любое несогласие будет выражено в вежливой и безличной форме).

3. В ней не будут цитироваться или упоминаться любые мои критики, или передаваться чьи-то мнения обо мне, моих произведениях, или об объективизме.

4. Если программа будет записываться, она выйдет в эфир точно в том самом виде, в котором была записана, без каких-либо сокращений и изменений. Это же относится к повторным показам, если таковые состоятся.

5. Точные формулировки фраз, которыми я буду представлена и которыми буду именоваться во время шоу, а также которыми будет объявлено мое участие в программе, должны быть заранее представлены на мое одобрение.

6. Если мне будет предложено подписать релиз или какие-нибудь другие документы, связанные с моим выступлением, я получу их по крайней мере за день до него.

Искренне ваша,

Айн Рэнд».

Конечно, ни одно из этих условий не было способно при любых обстоятельствах повлиять на нашу методику, однако интересно отметить, что, кроме нее, ни один из наших гостей не предъявлял нам никаких условий и не просил принять их и подписать.

Вы не спрашивали, что заставило ее выдвинуть такие условия?

Нет, не помню такого. Я предположил — возможно, ошибочно — что в прошлом интервьюеры критиковали ее, и она не хотела выслушивать замечания в моей программе.

Она была довольно спорной фигурой.

О, конечно же, и я знал это, и более того, видел в этом одну из представляющих для меня особенный интерес причин.

Запись шоу производилась на публике?

Нет. По сути дела, интервью снималось в некоем лимбе, в темной студии, в идеальной обстановке, где интервьюируемый мог считать, что находится со мной с глазу на глаз. Там были

только мы двое — сидевшие лицом к лицу, что я считал очень важным: в самом деле, никто не ведет беседу, усевшись рядом. Камеры в той или иной степени были установлены так, чтобы интервьюируемый их не видел.

Кто смотрел вашу передачу?

Обычная аудитория. Шоу транслировалось сорока пятью телевещательными станциями.

Какие конкретно вопросы интересовали вас в этой программе?

Сейчас уже не скажу, однако все наши шоу носили в основном биографический характер.

Если можно считать это форматом, я, наверно, украл его у журнала *Нью-Йоркер*, из его биографического раздела, статьи которого начинались с обзора произведений интервьюируемого, неизбежно превращавшегося в вопрос: «А где вы родились?», переходивший потом в хронологический рассказ о жизненном опыте и переживаниях.

Предваряя шоу, я написал некое предисловие к ее интервью, как поступал в каждом случае. Судя по сохранившемуся в моем архиве листку, на нем много исправлений и вставок, сделанных, по всей видимости, на моем оригинальном тексте. Исправления сделаны не моим почерком, что означает, что она делала их своей рукой.

Вы встречались с мисс Рэнд перед интервью?

Следуя принятой методике, мы встретились, наверно, за час до начала записи программы. Я никогда не называл заранее те вопросы, которые намеревался задать, хотя мог обрисовать общее направление беседы. Я недостаточно хороший актер, чтобы убедительно реагировать на заранее подготовленные вопросы, и поэтому предпочитал вести беседу в реальном времени, а не готовить ее заранее.

Расскажите мне об интервью.

Первое же впечатление подсказало мне, что я имею дело с внушающей почтение личностью. Следует сказать, что держалась она очень серьезно. В нашем разговоре не было ни капли легкомыслия, она держалась напряженно, словно бы ожидала получить вызов и была готова к нему. Наиболее ярко мне запомнился самый конец нашей беседы, поскольку она была очень серьезна и внимательна — на последней минуте программы я спросил ее о том, как она относится к смерти. Она ответила: «Смерть ни в коей степени меня не смущает, потому что когда

она придет, меня уже здесь не будет. Видите ли, худшее в смерти и самая страшная человеческая трагедия — терять любимого человека. Это ужасно тяжело. Но что касается твоей собственной смерти? Если тебе настал конец, значит, тебе настал конец. И я ставлю себе целью не горевать по поводу будущей смерти, а жить на земле, здесь и сейчас». Зная, что у меня остается еще тридцать секунд, я спросил: «И вы находите счастье в вашей жизни?»

Она ответила: «О да, я очень счастлива». И я спросил: «А каковы причины этого счастья? Свершения?» Она улыбнулась, чем едва не обескуражила меня и сказала: «Достижения и романтическая любовь к собственному мужу. В жизни есть две великих ценности: карьера и романтическая любовь». Это была одна из самых удачных концовок в моей практике: в этот последний момент она полностью переменилась, тепло улыбнулась и заговорила о романтической любви.

Вы говорили, что у вас сохранился полный текст интервью?

Да. Начал я с такого вопроса: «Мисс Рэнд, вы говорили, что главной целью ваших литературных трудов является создание образа идеального человека. Не могли бы вы изложить ваше представление о нем для тех, кто не читал роман *Атлант расправил плечи* и еще не знаком с Хэнком Риарденом или Джоном Голтом?» То есть мы начали с некоторых ее идей, в данном случае выраставших из *Атланта.* Кстати говоря, только она одна из более чем 135 моих гостей настояла на том, чтобы перед нашей беседой я прочитал две ее книги: *Атлант расправил плечи* и *Романтический манифест*. И это было совершенно разумное требование.

И как вы отнеслись к этому интервью?

О, я был очень доволен им, поскольку наша беседа не просто осветила для публики ее идеи в той степени, в которой она хотела это сделать, но и высветила те мгновения ее жизни, о которых знал далеко не каждый — например, ее работу в Голливуде. Словом, такие вещи, которые обыкновенно не связываются с Айн Рэнд.

Что вы думали о ее ответах?

Я бы назвал их впечатляющими. Поскольку она относится к числу писателей-интеллектуалов, можно было не удивляться тому, что она отвечает сжато, откровенно, и я бы сказал, хорошо продуманными предложениями. Я сам пытался распечатывать пару своих интервью с некоторыми из знаменитостей, участвовавшими в моем шоу, однако нашел это занятие невыполнимым. Но в ее случае это было не так: она отвечала правильными предложениями.

Как отреагировали зрители и ваши коллеги?

Особой реакции сразу после передачи, насколько я помню, не было, однако впоследствии она понемногу возникла, особенно среди молодежи. Я давал видеокассету с записью многим пылким почитателям Айн Рэнд. Реагировали люди, говорившие мне: «О, вы интервьюировали Айн Рэнд? Чудесно! А посмотреть можно?»

Это интервью является у вас одним из самых известных?

Конечно. В этом не может быть никаких сомнений. Среди всех взятых мной интервью только оно одно было опубликовано. И то, что напечатано было только оно, самым серьезным образом свидетельствует в пользу Айн Рэнд[340].

Херман Айви

Полковник Херман Айви, инструктор Военной академии Соединенных Штатов в Вест-Пойнте, 6 марта 1974 года устроил в академии лекцию Айн Рэнд.

Дата интервью: 15 марта 2000 года.

Скотт Макконнелл: *Расскажите кратко о своей военной карьере.*

Херман Айви: Я служил в бронетанковых войсках, учился пилотировать вертолеты. Воевал на геликоптере во Вьетнаме, командовал танковыми подразделениями в Германии; постепенно дослужился до старших чинов и стал занимать штабные должности.

Как вы попали в академию?

Во время службы в Вест-Пойнте — я два года пилотировал самолет начальника академии между двумя визитами во Вьетнам — я посещал вечерние курсы в Колумбийском университете и стал преддипломником по литературе. Потом я поступил в магистратуру и получил пару дипломов, после чего стал преподавать в Вест-Пойнте и удостоился встречи с мисс Рэнд.

Почему Айн Рэнд пригласили в Вест-Пойнт?

По правде сказать, идею эту предложил мне Келли Уимс, подчиненный мне офицер. Услышав это предложение, я сразу понял, почему это нам интересно: я читал ее книги и понимал, что она может сделать перед учащимися общий обзор философских течений, а кроме того, она была очень известной персоной, и ее появление у нас очень украсило бы мою программу, посему мы и пригласили ее.

Я достаточно много читал и хорошо знал жизнь, чтобы понять качество и ценность ее идей, и потому отправился к своему вышестоящему начальству, понимая, что такое предложение придется пробивать, так как многие из наших преподавателей по каким-то причинам не хотели даже слышать о ней. Мне ответили: какие могут быть вопросы, вези свою Айн Рэнд. Но так сказали не потому, что знали ее философию и соглашались с ней, но потому, что решили, что я не смогу уговорить ее приехать в Вест-Пойнт. Но она согласилась и тем самым посрамила их.

А какой курс философии вы читали?

Обзорный, для старшекурсников, рассчитанный на один семестр. Он требовал чтения большого количества небольших отрывков из источников в области философии, религии,

искусства и науки. Курс был рассчитан на пробуждение интереса к философии, знакомство с основами философского дискурса, создавал базу для дискуссии, формировал в кадетах понимание основных жизненных требований. Конечно, ее лекция послужила основой для обсуждения на семинарах в сравнении с мнениями и идеями других философов. Это было очень важное для нас событие.

Какие из работ мисс Рэнд вы преподавали своим студентам?

Я не включал ее роман в курс, но в качестве условия своего приезда в Вест-Пойнт она предложила, чтобы как можно больше кадетов прочитали роман *Атлант расправил плечи,* безусловно являющийся базовым текстом для постижения ее философии.

Айн сказала мне: «Я приеду и прочту вам лекцию, но для этого пусть все они прочтут роман *Атлант расправил плечи».* И я подумал: «О боже мой, мы не сумеем выполнить это условие, потому что мы никак не могли предусмотреть его и оставить для него время в расписании. Вот если бы мы могли запланировать эту лекцию за год вперед, было бы другое дело». Тут и начались мои визиты к ней. Я позвонил ей и сказал: «Мне нужно повидаться с вами», после чего съездил к ней и сказал: «Вы нужны мне в Вест-Пойнте, и я не могу обязать кадетов читать *Атлант расправил плечи,* но могу предложить им сделать это по собственному желанию». Она сказала: «Ладно, пусть будет так».

Так получилось, что из примерно 250 студентов, слушавших курс, 80 человек согласились прочесть роман. После этого я был вынужден срочно раздобыть 80 экземпляров этого романа — практически за неделю. Я обзвонил крупные книжные магазины Нью-Йорка, мне ответили: «О нет, нам надо заказывать. У нас нет такого количества, у нас найдется только несколько штук». И тут меня осенило. Я прочел *Атланта,* потому что увидел этот роман в книжном киоске на автобусной станции, купил и начал читать. Я подумал: «Раз уж Айн Рэнд продают в Америке на автостанциях, наверняка можно объехать сетевиков и найти нужные мне восемь десятков экземпляров».

Я отправил одного из своих парней в реквизиционный поход, и через пару часов мы располагали восемью десятками экземпляров *Атланта,* просто объехав местные магазинчики, не обращаясь в большие книжные магазины Нью-Йорка. Это еще одна подробность к тому, что представляет собой Айн Рэнд и к кому она обращается.

Как выбирали тему выступления мисс Рэнд в Вест-Пойнте?

Вопрос этот, кажется, не возникал до тех пор, пока мне не пришлось заняться рекламой и сроками ее лекции в академии. Конечно, я сказал ей, что философия особым спросом в академии

не пользуется; кадеты — люди, ориентированные на действия и оттого не склонные усматривать какую-то связь между философией и собственной жизнью. Мисс Рэнд учла мои пожелания и подобрала подходящую к ситуации тему.

Ее пригласили. Она согласилась; что было дальше?

Она пару раз приглашала меня в свою нью-йоркскую квартиру, думаю, для того, чтобы точнее и полнее понять, с чем имеет дело в моем лице. Так она готовилась к своему выступлению и, учитывая специфику аудитории, подготовилась очень хорошо, что и стало одной из причин, обеспечивших успех ее лекции.

Каким было ваше первое впечатление от знакомства с мисс Рэнд?

Очень любезный, корректный и приветливый человек. Она всегда относилась ко мне очень любезно и внимательно, и я считаю, что это следует подчеркнуть, потому что мысль ее настолько крута, что подчас кажется, что растолковать ее может только она сама. Она принадлежит к тем людям, книги которых требуют знакомства с автором.

О чем вы говорили во время ваших встреч?

В основном говорила она, а я слушал. Она задавала мне вопросы о том, каким образом мы используем работы известных философов в своем курсе. Например, мы изучали отрывки из Платона и Аристотеля; конечно же, к Аристотелю она отнеслась благосклонно, однако насчет Платона спросила: «Зачем вам Платон? Что вы с ним делаете?» Ну и так далее. И я ответил: «Аллегория пещеры полезна, поскольку представляет собой трамплин в искусство и литературу, к возникновению сомнений» — и это привело нас к эстетике, и разговор продолжался еще несколько часов. Она затевала пространные изъяснения не только собственных идей, но и взаимодействия их с воззрениями других философов.

Помните ли вы какие-нибудь из высказанных ею соображений?

О да. Иногда я готовил вопросы заранее. Ехал в Нью-Йорк и думал: так, хорошо, что же я сегодня спрошу у нее? После чего у меня сам собой возникал вопрос на основе того, что я недавно читал и о чем думал. И вот я спросил ее: что вы думаете по поводу того, что двусмысленность представляет собой сущность искусства… о том, что искусство питается двусмысленностью, не может существовать без двусмысленности? — «Это абсолютно неправильно! — сказала она. — Совершенно неправильно. Никакой двусмысленности быть не может. Существует объективное и правильное решение проблемы искусства, как и любой другой проблемы, так что двусмысленность можно

выбросить за окно, из-за ее иррационального аспекта», после чего обратилась к рассуждениям насчет иррационального.

Я кое-что почерпнул из наших разговоров, о чем сказал позже, когда представлял ее перед лекцией: к какой бы части философии вы ни обратились, вы всегда обнаружите, что эта женщина уже побывала здесь раньше вас. Идеи этих философов, она посещала эти идеи.

Вы хотите сказать, что она знала и понимала идеи этих философов?

О да.

Почему она захотела читать лекцию в Вест-Пойнте?

Она сказала мне, что не так часто делает подробные вещи. Однако, мне кажется, одной из причин, побудивших ее потратить на меня столько времени, было то, что она увидела во мне человека, стоящего ее трудов, поскольку она познакомилась с содержанием курса, который я организовал и читал кадетам, и она понимала, что раз я сумел сделать это, то, наверно, со мной стоит и поговорить. Я был польщен — и почтен — тем, что провел в ее обществе за разговором так много времени, быть может, десять, пятнадцать или даже двадцать часов, удивительных для меня.

Мне кажется, что она испытывала аналогичные чувства в отношении кадетов и прочих сотрудников Вест-Пойнта. Она видела в своей лекции превосходную возможность лично представить свои идеи большой группе людей, к которым она относилась с очень большим уважением. Должен сказать, и она сама говорила мне, что высоко ставит профессиональных военных. Я не совсем понимаю, почему у нее сложилось подобное мнение, поскольку жизнь офицера во многом противоречит некоторым из ее принципов, — во всяком случае, с моей точки зрения. Но в любом случае, она радовалась нашему общению и усматривала в нем свой собственный интерес.

Что доставляло вам особое удовольствие в разговорах с ней?

Я получил возможность познакомиться с тем, как работает ум первоклассного мыслителя. Кроме того, я мог слышать, как она рассказывает, к примеру, о Канте, как она критикует его, и сравнивать ее мнение с собственным. Эта возможность казалась мне чрезвычайно интересной, и поэтому я не стремился много говорить, но старательно слушал. Не знаю, что извлекала она из наших бесед, однако я был в большом плюсе.

Вам запомнились какие-нибудь другие подробности ваших бесед или просто забавные ситуации?

Бог мой, конечно. Вот один из случаев, показавшийся мне интересным. Кажется, в *Атланте* есть такой эпизод, когда она

описывает двоих беседующих в темноте людей, причем они курят сигареты и жестикулируют по ходу разговора, так что огоньки сигарет выписывают замысловатые траектории, образуя своеобразный аккомпанемент беседе. Я всегда считал эту сцену превосходной. И вот однажды вечером мы сидели в ее квартире, тени росли, становилось все темней и темнее, она сидела на диване спиной к окну, и я видел только ее силуэт и огонек сигареты, которой она размахивала во время разговора. То есть, по сути дела, я оказался участником той самой сценки, которую она описала в книге. Я оценил ситуацию: она решала вселенские проблемы, а я вовремя оказался рядом.

Встречались ли вы с ее мужем, Фрэнком О'Коннором?

Встречался. Мы втроем — она, я и Фрэнк О'Коннор — ужинали в ресторане «21». Я никогда не бывал в заведении подобного класса. То есть это было просто вау!..

Мы приехали, вышли из машины на тротуар, тут дверь растворяется, и мы слышим: «Добрый вечер, мисс Рэнд, как вам нравится сегодняшний вечер?» После чего нас проводят наверх к столикам, усаживают и подают весьма недурные блюда. К сожалению, застольный разговор выпал из моей памяти, однако я получил великолепную возможность, и он оказался очень интересным и обаятельным человеком, и его общество было приятным.

Я видел его произведения. Будучи в ее квартире, я попросил: «Расскажите мне об этой картине», и она ответила: «Это работа Фрэнка», и это была прекрасная картина: сочная палитра, яркие краски, зеленые, голубые, как в Средиземноморье, и четкие жесткие контуры. Она показалась мне очень красивой, запоминающейся и произвела на меня сильное впечатление.

Какие-нибудь ее слова или идеи изменили ваши представления о жизни или преподавательской работе?

Нет, я бы так не сказал, главным образом потому, что позиции наши по философским вопросам совпадали настолько, что ей не в чем было уговаривать меня. Для меня это было очень важно, потому что это я устраивал ее посещение нашей академии. В этой связи я должен сказать, что существовала еще одна важная для меня причина пригласить ее: я располагал средствами, позволявшими мне каждый семестр приглашать со стороны всего двоих лекторов. И я любил заниматься поисками. И найти для своих кадетов настоящего художника, настоящего ученого или подлинного философа, человека, действительно творившего такие вещи, о которых мы читаем в учебниках. Иными словами,

пару Айн Рэнд в том семестре составлял Лорен Айзли[341], выдающийся палеонтолог, прекрасный поэт и прозаик… он заинтересовал меня тем, что соединял в себе искусство и науку. И вот Айн Рэнд. И одна из причин моего огромного интереса к ней заключалась в том, что она была настоящим философом и могла со знанием дела рассказать о философии многих присутствующих в словнике персоналий.

Давайте перейдем к ее прибытию в Вест-Пойнт. Как она приехала к вам?

Мы предлагали прислать за ней седан, но она отказалась: нет, вместе со мной собираются приехать еще несколько человек, так что доберемся сами. Она остановилась в отеле «Тайер»[342], располагающем военной бронью. Я встретил ее в отеле.

Мне кажется, что в Вест-Пойнте вместе с ней и еще несколькими спутниками побывали Леонард Пейкофф и его жена Сьюзен. Мы устроили Айн Рэнд экскурсию по академии, и я приставил к ней двоих работавших в моем подчинении офицеров, чтобы они провожали ее туда и сюда и пообщались с ней, особенно Келли Уимса, потому что это было особенно важно для него. Он восхищался ею, и я пригласил ее, в том числе и из-за него.

Ее визит к генералу Уильяму Нолтону, командовавшему Вест-Пойнтом, я до сих пор вспоминаю с улыбкой. Конечно, я был главным ее проводником в коридорах Вест-Пойнта, и посему мне приходилось придерживать ее коня во время знакомств с богатыми и сильными. Когда генерал Нолтон узнал о ее приезде, он немедленно затребовал аудиенцию и потому был включен в маршрут, и я провел ее в его кабинет. Я было решил остаться за дверью, но оба они сказали: нет-нет, вы тоже входите, — и потому я сидел и слушал их разговор. Генерал Нолтон являлся большим ее почитателем, он также присутствовал и на лекции. Он говорил с ней, а она с ним, их беседа протекала в духе взаимного восхищения, если таковое существует на нашей планете.

Я должен упомянуть и еще один момент. В своем передвижении по Вест-Пойнту в тот день мы были несколько ограничены, так как она страдала от простуды и с трудом дышала[343].

Когда ей приходилось пройти больше пятнадцати метров, она останавливалась, чтобы отдышаться. У нее не хватало дыхания, и я очень сочувствовал ей; жалко было смотреть, однако она была крутой девицей.

В каком смысле?

Она была волевым человеком. Я видел, что ей тяжело, однако она не признавала поражения. Она говорила: нет-нет, я могу это

сделать, просто нам придется останавливаться по пути.

Можете ли вы рассказать мне о том, как происходил этот ее обход вашей территории, и что произошло перед ее вечерним выступлением?

Она пришла на факультет английского языка, где ее встречал начальник факультета полковник Сазерленд и его заместитель, полковник Кэппс, оба штатные профессора. Там она получила 100 долларов, гонорар за свое выступление. Кажется, полковник Кэппс тут же уговорил ее передать эти деньги на какое-то благотворительное мероприятие.

А что было после ее посещения факультета английского языка?

Как мне кажется, один из офицеров повез ее на автомобильную экскурсию по окрестностям. Она недолго гостила в Вест-Пойнте. Думаю, что она приехала после полудня в день лекции и на следующее утро уехала.

Вы устраивали для нее ланч?

Нет. Перед лекцией мы дали в ее честь обед. Мы привезли ее в клуб и там накормили ее и напоили вином. На обеде присутствовали многие, если не все офицеры английского факультета вместе с женами.

Перед обедом у нас был устроен час коктейля, на котором я имел возможность представить мисс Рэнд многим людям, явившимся специально для того, чтобы познакомиться с ней, и она была рада знакомствам. Потом мы сели и пообедали. Она сидела с полковником Сазерлендом, и все вокруг были счастливы. Затем после кофе и вполне уместной паузы наступило время направляться в лекционный зал, располагавшийся совсем рядом.

Значит, вход на лекцию был свободным, то есть лекция была прочитана не только для ваших кадетов?

Лекция предназначалась для моего курса, однако все подобные лекции были открыты для персонала и курсантов академии и внешней публики. Открытой была и эта лекция, объявления о ней публиковались в местной прессе и бюллетенях. Собралась огромная толпа. Уйма народа собралась и на выступление Лорена Айзли; люди приходили отовсюду, однако послушать мисс Рэнд пришло еще больше людей. Аудитория была битком набита, и если бы у нас был лекционный зал больших размеров, мы заполнили бы и его.

Расскажите о самой лекции.

Лекция записывалась. Я начал ее коротким введением, — коротким, потому что когда имеешь дело с человеком, не нуждающимся в представлениях, нет нужды юлить вокруг да около: аудитория хочет слушать Айн Рэнд, а не меня. Так что я

сказал пару слов о широте ее философских интересов и о ее литературных произведениях, после чего передал слово ей самой. И она прочитала лекцию на тему «Философия: кому она нужна»[344]. Начала она с анекдота, с космического корабля, приземляющегося на неизвестной планете, ты выходишь из него и не знаешь, куда попал, не знаешь, куда идти, и тебе нужно это определить. И аналогия, метафора была такой: «Такова жизнь. Жизнь — это нечто такое, что нужно познать. И ты можешь ее познать, более того, ты обязан сделать это». Именно такую мысль я и хотел внушить профессиональным военным — или будущим потенциальным военным.

Как вела себя аудитория во время лекции?

Очень внимательно. Аудитория была забита битком. Заняты были даже проходы. Мы проводили лекцию в самой большой аудитории, которой располагали в то время, вмещавшей около полутора тысяч человек. И все равно еще около сотни людей осталось за дверями.

Что произошло после окончания самой лекции и вопросов?

Вопросы затянулись, а мы как всегда располагали определенным лимитом времени, поэтому вопросы пришлось прервать. Однако я сказал собравшимся, что мисс Рэнд переберется офицерский клуб, где продолжит отвечать на вопросы, и попросил, чтобы она в первую очередь отвечала на вопросы кадетов.

Так что мы перебрались в офицерский клуб и там поставили для нее кресло, чтобы она могла сидеть, расставили вокруг стулья для желающих, предусмотрели место для стоящих, сделали все необходимое, и публика повалила.

Помещение было набито молодыми людьми, стремившимися поговорить с ней. Причем многие говорили на философские темы. И это была далеко не праздная беседа. Я вообще не слышал, чтобы мисс Рэнд позволяла втянуть себя в праздный разговор. В комнате постоянно находились человек пятьдесят или сто… люди приходили и уходили.

Конечно, кадеты могли уделить разговору с ней считаные минуты, поэтому было очень приятно видеть, как они подходят к ней и тратят на разговор с нею время, отведенное им для самостоятельной работы, которого им будет так не хватать, когда они вернутся к себе в классы. То есть налицо явный успех.

Какого она была мнения о собственном выступлении и вопросах/ответах?

На следующее утро она выразила удовлетворение прошедшим вечером и сказала, что все произошло именно так,

как она рассчитывала. Она была очень благодарна мне и сказала, что если в будущем она сумеет помочь мне каким-то образом, то охотно сделает это. Вау! Я решил, что это здорово. «Большое спасибо».

Какое впечатление оставила у вас ее лекция?

Это было великолепно. По сути дела она настолько соответствовала нашим целям, что я даже попросил у мисс Рэнд разрешения воспользоваться текстом ее лекции в качестве введения в курс следующего года. Она дала разрешение, и мы с большим удовольствием вставили его в нашу методичку на следующий год для прочтения перед кадетами во время распределения. Кроме того, текст лекции можно было использовать в ознакомительном курсе, так что она в этом отношении оказалась полезной.

О чем еще вам приходилось разговаривать с мисс Рэнд во время ее пребывания в Вест-Пойнте?

Я хотел бы отметить парочку пунктов в ее отношении. Мы стояли перед отелем «Тайер», ожидая машину, и беседовали, и один из ее спутников, прибывших вместе с ней из Нью-Йорка, высказался неуважительно по национальному вопросу в отношении моей национальности. Она немедленно поправила его и извинилась передо мной, что, по моему мнению, было весьма уместно. Поступок этот произвел на меня чрезвычайно выгодное впечатление, так как этот вопрос воистину определяет суть человека. И когда она так поступила, я понял, что: а) она сталкивается с теми же проблемами, что и многие из нас: мы привлекаем к себе людей, работающих на другой длине волны, и в то же время они являются нашими ценными и пылкими сторонниками; и что: б) в этом был нравственный урок. И мне было приятно видеть и слышать это, потому что у меня не было никаких оснований прийти к другому выводу после прочтения ее философских трудов. Впрочем, она умела быть и жесткой. Например, когда после лекции шла стадия вопросов и ответов, которую я открыл, напомнив аудитории о том, что в этот вечер мисс Рэнд уже расправилась с доброй дюжиной священных коров, с чем она согласилась, а присутствующие рассмеялись. Потом пошли вопросы от сочувствующих, то есть людей, разделявших ее точку зрения — но были и другие вопросы, от людей, пытавшихся затеять спор; в частности, один из кадетов спросил ее о том, как она увязывает выводы объективизма с историей нашей нации:

например, с вытеснением с земли и уничтожением американских индейцев. Она ответила: «Что касается американских индейцев, когда технически более развитая культура встречается с культурой низшей по своему развитию, всегда побеждает культура более высокоразвитая»[345]. То есть вопрос уничтожения коренных американцев нашей культурой не смущал ее. Она просто отмечала, что «таков обычай нашего мира, это можно сделать мягким путем или жестко, но случается именно так». Словом, если сопоставить эту позицию, этот аргумент с ее отказом одобрять предвзятые мнения, то лучше понимаешь ее всестороннюю натуру.

А кто допустил этнический ляп?

Не Леонард Пейкофф. Это был другой человек.

Случалось ли вам, кроме этой лекции, преподавать произведения Айн Рэнд или использовать ее труды во время занятий?

Не сомневаюсь, что после этой лекции подобные факты случались. Более того, однажды ко мне явился один из наших инструкторов, кажется, это был Джек Берген, и сказал мне, что студенты потратили целое занятие на обсуждение ее лекции. Это был очень благоприятный знак. Но никак иначе мы ее не преподавали — кроме того, что было заложено в курсе.

У вас есть личное мнение об Айн Рэнд?

Я влюблен в нее как в человека. Она имеет склонность к отрицанию иррационального, но на мой взгляд, то, что она отрицает, просто представляет собой другую разновидность логики, и в этом мы с ней фундаментально расходились. Она исповедует унитарную логику, гласящую, что реальны психологические явления, но я вижу в биологии другую разновидность логики: то, что она называет «иррациональным», может на деле оказаться логикой биологии, а не логикой психики.

Но своей лекцией она оказала мне большую услугу, и я нашел в ней хорошего человека, которому был бы рад заплатить добром. И оставить какие-то воспоминания о знакомстве с ней. У меня осталась от нее самая хорошая память.

Пользуется ли Айн Рэнд влиянием в американской армии?

Я бы сказал, что да. Возьмем хотя бы это стихийное проявление интереса к ней во время ее визита в Вест-Пойнт. Конечно, нужно учитывать место — я и сам заканчивал Вест-Пойнт — однако, пока что-то не случилось в академии, это не может произойти в армии. Я своими глазами видел ту добровольную поддержку, которую встретил там ее визит, видел и тот энтузиазм, с которым, например, генерал [Уильям Э.]

Нолтон — старший и успешный военачальник, исполнявший важные дела — поддерживал ее. Мне кажется, что когда я был в младших военных чинах, лейтенантом и капитаном, этика Айн Рэнд, ее объективизм, представляли собой отличный образец для следования. Она была и остается хорошим примером в активной жизни. Но я не уверен, что ее этика является настолько хорошим примером в жизни созерцательной.

Каким образом она является хорошим примером в жизни военного?

Потому что ты должен действовать. Должен решать. Должен принимать на себя ответственность за свое решение. Ты не должен говорить: «Мной владеет иррациональный порыв, заставляющий меня сделать то-то и то-то». Это крайне непрофессиональное утверждение. Оно неприемлемо в армии, оно не может быть принято в медицине, да и в любой профессии, которая может прийти в голову.

Повлияла ли Айн Рэнд на вас как на личность или преподавателя?

Первоначальное мое мнение о ней выглядело так: Айн Рэнд, Контр-Философ. Похоже было, что она разит своими рогами священных философских коров, и мне это нравилось. И нравилось молодежи, но то, что хорошо для нас, пугает признанных академических интеллектуалов. Они не хотят даже разговаривать об Айн Рэнд. Так и хочется спросить: «Чего вы боитесь? Образцовой и строгой логики?»

Джек Кэппс

Бригадный генерал Джек Кэппс являлся заместителем начальника факультета английского языка в Вест-Пойнте во время визита туда Айн Рэнд в 1974 году.

Дата интервью: 1 марта 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Какую цель преследовало приглашение мисс Рэнд в Вест-Пойнт?*

Джек Кэппс: Начальник курса, полковник Айви, и некоторые другие офицеры хотели услышать изложение ее взглядов, так как они отличались от той философии, которую читали кадетам, а мы старались дать им как можно более уравновешенное образование. Она выступала перед старшекурсниками, изучавшими философию. Они еще только начинали курс и уже успели пройти Юма, Канта и еще кое-кого.

В чем выражалось ваше участие?

Я был тогда заместителем начальника факультета, и когда мы принимали лекторов со стороны, должен был обеспечивать выполнение всех мелочей, следить за тем, чтобы все было в порядке — как обычно и случалось, — однако в данном случае мне выпала и конкретная роль: мой кабинет оказался самым удобным местом для того, чтобы она могла остановиться и немного передохнуть перед вечерней лекцией.

На самом деле технология приема гостей была у нас отработана благодаря частым посещениям. То есть к нам приезжали люди, мы принимали их, наливали бокал, кормили обедом и так далее, и так далее.

Кстати говоря, потом уже в знак благодарности за предоставленную ей комнату отдыха, а может, и за бокальчик перед обедом, перед тем как мы направились в клуб, я получил комплект номеров журнала *Послание Айн Рэнд* за несколько лет.

Расскажите мне о кадетах, к которым обращалась мисс Рэнд.

Конечно, мисс Рэнд обращалась к тем, кто слушал курс по философии. На факультете английского языка было две группы студентов. Читалось два курса: литературы, рассчитанный на один семестр на втором году обучения, и основ философии на старшем курсе. Оба были обязательными.

Большинство составляли кадеты, заканчивавшие обучение той весной. В то время я преподавал факультативный курс американской литературы, мы изучали Мелвилла, Твена, [Генри] Джеймса и прочих, так что я пригласил на лекцию и свой

семинар, поэтому присутствовали и они. Нашим студентам представилась возможность послушать современную романистку, произведения которой, полагаю, читали все, хотя бы в той или иной степени. Поэтому всем было интересно послушать ее выступление.

Могли присутствовать и другие группы, в том числе вечерники, при желании, посетить лекцию было разрешено и всем другим кадетам. Но обязаны были присутствовать только слушатели философского семестра.

Произведения мисс Рэнд изучали на литературных курсах?

Могу сказать, что отрывки из ее трудов точно использовались в рамках философского курса, кроме того, у нас читался курс современного романа, и в нем, конечно, ее произведения упоминались раз или два, а может и больше.

А вы читали произведения мисс Рэнд?

Я читал и *Источник,* и *Атлант расправил плечи,* но думаю, что в то время это был мой предел.

Могу ли я спросить ваше мнение об этих романах?

Безусловно. Я, конечно же, мог определить притягательную силу обоих произведений, потому что проза ее обладает особой силой и убедительностью. Однако я не стал бы утверждать, что они так и останутся вехами в истории литературы… сие мне неведомо. Но если вы меня простите, скажу, что вехами они были тогда, причем всего лишь в какой-то степени. Тем не менее эти романы до сих пор остаются культовыми произведениями. Наш мир к доброте, увы, не склонен.

Каким было расписание ее пребывания в Вест-Пойнте в день выступления?

Она приехала, как мне кажется, около четырех часов дня. Подобные лекции всегда назначались на семь или семь тридцать вечера, после того, как кадеты закончат обед.

Что происходило днем? Посещала ли она занятия?

Она могла это сделать, однако я сомневаюсь в этом. Не думаю, чтобы у нее было достаточно времени для этого, потому что она, как мне кажется, оказавшись у нас, сразу же направилась переодеваться, и наряд, в который она переоблачилась, мало подходил для посещения аудиторий.

Опишите, как происходил вечер.

Это было замечательное событие. Перед лекцией мы согласно обычаю отобедали в офицерском клубе. Возможно, я сидел ниже соли[346]. Оттуда мы направились прямо в аудиторию, и когда на сцене появилась мисс Рэнд, все было вполне благопристойно. Все собравшиеся встали; затем нам представили оратора, что в данном случае сделал полковник Айви, после чего все сели. Он

произнес несколько слов о ее выдающихся качествах и так далее, после чего инициатива перешла к ней. Она была женщиной не слишком высокой, однако говорила с большой силой.

Вот еще помню: в то время память о Вьетнамской войне еще не успела изгладиться. Конечно, сама война уже завершилась, однако память о ней все равно сказывалась и на том, как ее встречали, и на поведении кадетов. В частности, она, должно быть, сказывалась на полковнике Айви, дважды побывавшем во Вьетнаме в качестве пилота и отличившегося там. Академии, офицерам и кадетам приходилось в течение последнего времени переживать очень едкую критику. И все мы были настроены в защиту позиции, позволявшей нам посылать людей на войну и возвращать их обратно, что нам и приходилось тогда делать. Я упоминаю все это, потому что мисс Рэнд начала с того, что поздравила собравшихся. По временам тон ее казался мне снисходительным, но тем не менее она поздравила нас с учетом нашего общего дела, причем сделала это с таким энтузиазмом, какой в тот момент существовал не у каждого. Она отнеслась к армии с восхищением. Кадеты и офицеры жаждали подобного одобрения от общества и, увы, получали тогда нечасто. Гости, посещавшие нас в предшествующие годы, предпочитали благоразумно помалкивать на эту тему.

Расскажите еще о том, как студенты и офицеры отреагировали на подобный комментарий.

Они были приятно удивлены. Они жаждали именно такого отношения, может, даже излишне лестного. Заканчивая выступление, она вышла из-за кафедры — над которой возвышалась только ее голова, что нисколько не смущало ее, и, отдав нам честь на несколько британский манер, сказала: «… мужчины Вест-Пойнта, я салютую вам!» Этими словами она закончила свое выступление. Кадеты немедленно разразились бурными аплодисментами, перешедшими в стоячую овацию.

До сих пор все складывалось хорошо. Потом начались вопросы и ответы. Вопросы были достаточно острыми. Я запомнил лишь два или три. Один из них оказался достаточно сложным и несколько остудил общий энтузиазм; он был связан с происходившими в то время в Южной Дакоте демонстрациями индейцев в резервациях Вундед Ни и Роузбад.

Один из кадетов встал и спросил мисс Рэнд, что она думает о том, чего ищут и добиваются эти индейцы. Она ответила, что индейцы владели этой страной пять тысяч лет и ничего не сделали с ней; что им следовало отступить в сторону и позволить другому народу преобразовывать эту землю. Ответ этот, на мой взгляд, трудно назвать совершенно удивительным, однако на

реакцию кадетов повлиял факт, о котором она не знала, но знали все учащиеся: задавший этот вопрос был коренным американцем. Ее ответ существенно охладил атмосферу, и вопросы после этого пошли на спад. Увы.

После завершения лекции она перешла обратно в клуб офицеров, где часть кадетов и некоторые из офицеров хотели продолжить разговор с ней. Те, кто приехал к нам издалека, были довольны этим обстоятельством, ибо время на вопросы в аудитории было отведено кадетам.

Как отреагировал на мисс Рэнд факультет?

На мой взгляд, преподаватели были благодарны ей за те сравнения, которые они могли сделать в классе во время оживленной дискуссии по поводу таких предметов, как отношение Канта к феноменологии опыта, с которым мисс Рэнд была не согласна. Потом, лекция заняла собственное место в курсе. Она представляла собой часть той перспективы, которой мы хотели достичь. Впрочем, не знаю, что могли вынести из нее кадеты, однако уверен в том, что им было полезно услышать другое мнение на ту тему, которую им читали.

Какое впечатление осталось у вас от выступления мисс Рэнд и ее ответов на вопросы?

Мне показалось, что кадеты и факультет были очень увлечены им, они действительно восприняли этот вечер с большим энтузиазмом, однако когда у них появилось время сесть и подумать, можно было понять, что кое-какие идеи, которые проповедовала мисс Рэнд, были враждебны им. Факультет в данном случае пытался — и, думаю, преуспел — в намерении преподать кадетам более сбалансированную перспективу. И хотя личное обаяние мисс Рэнд могло склонить факультет и кадетов в сторону этих идей, я убежден, что со временем это влияние выветрилось.

Что же такое враждебное, по вашему мнению, она проповедовала?

В вопросе насчет индейцев можно уловить некий принцип: люди, носящие военный мундир, должны обладать несколько более глубоким пониманием тех людей, с кем и для кого они работают, чем, на мой взгляд, предполагала мисс Рэнд. Это часть их обязанностей. Кто-то из философов, кажется, Розенберг из Колумбии, достаточно убедительно доказывал кадетам, что они не просто должны понимать, за что воюют и что должны уничтожить, но и то, что это потребует от них.

Вы были увлечены выступлением мисс Рэнд?

Да, был. Однако должен сказать, что по ходу его оно начало вызывать у меня все большее отторжение. Она хвалила кадетов и

офицеров за преданность долгу и так далее, и так далее, однако у меня возникало чувство, что она поймала на крючок всех этих людей и вываживала их на леске, как рыболов форель, а такие вещи мне не по вкусу.

Какова была реакция мисс Рэнд на собственное выступление и на события дня?

Думаю, она была довольна. Ее приняли очень тепло, с большим энтузиазмом, а в клубе вообще была интересная картина. Она там была прямо как королева Виктория на троне. Она сидела, а люди вокруг нее стояли и сидели на полу и задавали вопросы.

Почему каждый студент Вест-Пойнта должен был изучать философию?

Пожалуй, по означенным мистером Розенбергом причинам, кроме того, мы надеемся, что когда эти люди выйдут за стены академии и демобилизуются, то станут так называемыми «просвещенными лидерами». Понимание философских принципов в значительной мере способствует просвещению, и после обучения в течение трех с половиной лет или прослушивания курсов, мы считаем, что важно наделить их руководящим курсом философии, способным привести в более разумный вид и порядок наши принципы и фактический материал. В этом весь смысл.

Какого философского течения придерживались в Вест-Пойнте, особенно в то время, когда вас посетила мисс Рэнд?

Не сказал бы, что таковое у нас имелось. И по сути дела, это явилось одной из причин того, что мы решили дать кадетам более сбалансированный кругозор в философских вопросах, поскольку удовлетворительного решения у нас не было; в академии не было общепринятой философии.

Не располагает ли Вест-Пойнт собственной философией, основанной, например, на таком понятии как честь?

Ну, конечно! Да, да, да и да. Добавим сюда девиз академии «Долг, Честь и Страна» и получим то, чем так увлеклась мисс Рэнд во время своего визита. Она считала достойным деянием исполнение своего долга на службе стране, когда той это будет нужно. Вот почему она так расхваливала нас за то, что делалось последние десять лет.

Ваше мнение об Айн Рэнд?

Она показалась мне весьма сильной леди.

Маррей Дворецки

Маррей Дворецки был терапевтом Айн Рэнд и Фрэнка О'Коннора.

Дата интервью: 21 января 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Какой была Айн Рэнд в качестве пациента?*

Маррей Дворецки: Великолепной. Она исполняла все, что ей было рекомендовано. Нужно было только обстоятельно и со всеми подробностями объяснить, что, почему, как и где она должна сделать.

Расскажите мне о мисс Рэнд и ее заболевании раком легких.

Я поставил ей этот диагноз. Это был драматический момент. Я отчетливо помню его. Она была курильщицей, и я все время кричал, чтобы она бросила курить. Она была русской леди и держала сигарету в европейском стиле. Не так, как это делаем мы, выставляя вперед тыльную сторону ладони. А она всякий раз отвечала: «Дайте мне рациональное объяснение того, почему я должна перестать курить». Она обожала рациональный подход. В тот день я получил ее рентгеновские снимки и вставил их в свое смотровое устройство. В ее легком обнаружился узелок, тут я постучал по снимку и сказал: «Вот по этой убедительной причине». Тут она немедленно потушила сигарету, и я заметил: «Боюсь, моя дорогая, что уже слишком поздно».

Еще я сказал: «Картина совсем неважная, если учесть, что предыдущие ваши снимки были нормальными». Я посылал ее на рентген раз в году, потому что она была курильщицей. И еще: «Вероятно, новость не сулит вам ничего хорошего, и вам надо бросить курить».

Я знал, что она много курила всю свою жизнь. Она и в моем кабинете никогда не появлялась без сигареты. Так что она прекрасно знала, чему обязана своим раком. И она больше никогда не курила.

Мы поговорили на эту тему, а потом я немедленно снял трубку, позвонил хирургу Крэнстону Холману и договорился о том, чтобы она явилась к нему вместе со своими снимками. Они сделали операцию, она прошла курс лечения: радиотерапию в дополнение к операции. После этого она уже не обращалась ко мне; за ней следили доктор Холман и пульмонолог.

Как она отреагировала на новость?

Она была волевой леди. И очень интересной женщиной. Ее

отношение к собственному мужу было полной противоположностью ее отношения к себе самой. Она приходила в полнейший ужас, когда с ним что-нибудь происходило. Он слишком много значил для нее. Она сходила с ума, когда он заболевал.

Можете ли вы привести пример?

Она буквально исходила тревогой. Когда он простужался, к примеру, она начинала волноваться и кудахтать, как какая-нибудь наседка. Собственный рак встревожил ее куда меньше, чем его простуды или бронхиты. Помню, как я ездил к ним на вызовы, когда они жили на 34-й стрит. За себя она нисколько не волновалась, но в отношении мужа теряла самообладание. Удивительное дело. В присутствии Фрэнка О'Коннора она становилась совсем другой.

И как он реагировал на это?

О, между собой они ладили превосходно. Он был очень внимателен к ней, но он нуждался в большем уходе, чем оказывала она. Он уже ослабел. Но с ним она становилась совершенно не похожей на себя — ту самую, какой вы рассчитываете видеть Айн Рэнд: символ доллара на груди и так далее.

Какой она была после операции?

Невозмутимой. Мисс Рэнд была женщиной отважной и демонстрировала это окружающим. Удивительный был человек. Прожила всю свою жизнь и не согнулась. Я много узнал о ней от других людей, например от ее хирурга, Крэнстона Холмана.

А каким в общем было состояние ее здоровья, когда она была вашей пациенткой?

В общем и целом она была совершенно здорова, если не считать курения. Она всегда была здоровой женщиной. Я не помню, чтобы она когда-нибудь болела. Думаю, что она записалась ко мне только ради профилактических осмотров, проводившихся один раз в году. Она была вежливой и культурной женщиной, и мне было приятно побеседовать с ней о ее поле деятельности, иногда мы недолго разговаривали и на философские темы, однако всегда очень серьезно — никаких шуток о своей философии она не допускала.

Айн Рэнд была во многих отношениях совершенно особенным человеком. Межличностные отношения ее не увлекали — во всяком случае, она не стремилась общаться со своим доктором. Сам я человек очень общительный, однако она была личностью холодной — воистину практиковавшей свой собственный объективизм в отношениях между людьми. Она была в высшей степени интеллектуальна. Она могла проявлять свои чувства —

как человек эмоциональный, — однако эмоции ее проявлялись только в отношении к Фрэнку О'Коннору, причем в очень сильной степени — но к себе самой она относилась с прохладцей, во всяком случае, в моем присутствии. Я не чувствовал себя уютно с ней. Она всегда оставалась Философичной с заглавной буквы — с моей точки зрения.

В моем кабинете она бывала только в деловом настроении: никаких шуток, никакого легкомыслия. Она приходила ко мне с проблемой, получала лечение, и на этом отношения заканчивались. Не скажу, чтобы она бывала невежливой — но всегда прямолинейной, без всякой ерунды. Отчасти в этом был виноват я сам, потому что ощущал, что она хочет таких взаимоотношений, и уважал ее желание. Я всегда предпочитал строить свои отношения с пациентами согласно их потребностям.

Как она относилась к докторам?

Она ценила мою работу. Она была сторонницей работы компетентной и эффективной. Она симпатизировала хорошим врачам. Она видела в них не богов, а техников. Кем мы, в сущности, и являемся.

Я знал двоих подростков, которые вместе с отцом были очарованы этим объективизмом и романом *Атлант расправил плечи.* Мне нравились эти ребята, и я уговорил ее встретиться с ними. Она сказала мне: «Я сделаю это в том случае, если вы как-нибудь уделите мне час вашего собственного времени — поговорим».

Я сказал ей: «О'кей». Но до реализации договоренности так и не дошло, а потом она заболела и исчезла из моей жизни. Мои протеже побывали в ее квартире, и она провела с ними полтора часа. Потом они сказали, что это было удивительное время.

Вам не случалось подначивать мисс Рэнд в отношении ее философии?

Нет. Я только сказал ей: «Вам придется простить меня, мисс Рэнд, но я не разбираюсь в вашей философии».

Что она ответила?

Примерно так: «Раз вы хороший доктор, то разбираетесь в моей философии».

Малкольм Фрейзер

Джон Малкольм Фрейзер являлся премьер-министром Австралии с декабря 1975 по март 1983 года. Возглавлял организацию CARE Australia[347] с 1987 до 2002 года. Познакомился с мисс Рэнд в Белом доме в июле 1976 года.

Дата интервью: 17 августа 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как и когда вы впервые узнали об Айн Рэнд и ее произведениях?*

Малкольм Фрейзер: Это случилось тридцать — тридцать пять лет назад, когда я прочел роман *Атлант расправил плечи.*

Как вы отреагировали на эту книгу?

Я решил, что в ней содержится ряд важных истин. Я прочел эту книгу в такую пору, когда многие страны и их правительства заходили слишком далеко, тратили слишком много денег и при этом считали, что подобным образом они разрешат все проблемы. И я подумал, что этот роман самым жестким образом подчеркивает некоторые из проблем и ошибок, кроющихся за подобного рода политикой.

Повлияла ли эта книга на ваш образ мыслей?

В какой-то степени да, однако я наслаждался ею потому, что соглашался с выдвинутыми в ней политическими тезисами. Я никогда не принадлежал к тем людям, которые полагают, что можно разрешить любые стоящие перед правительством проблемы, выделив на это достаточное количество денег.

В прессе часто цитируют ваши слова о том, что роман Атлант расправил плечи *был вашей любимой книгой, а Айн Рэнд — любимым писателем. Расскажите об этом.*

Моя симпатия объясняется упомянутыми уже причинами. Это очень объемистая книга, однако мне она показалась увлекательной. Любопытен сам сюжет, однако в него вплетены и весьма любопытные посылки.

Она до сих пор остается вашей любимой, а мисс Рэнд вашим любимым автором?

Ну, если и не совсем, то очень близко к этому.

В 1975 году вы одержали на выборах внушительную победу над кандидатом социалистической лейбористской партии и поставили перед правительством цель оздоровления австралийской экономики. Вдохновляла ли вашу политику или влияла ли на нее Айн Рэнд?

Сама она, безусловно, так полагала, потому что когда я

познакомился с ней на приеме или обеде, дававшемся в мою честь в Белом доме, мы сумели недолго поговорить. Тогда она сказала мне: вы являетесь главой единственного правительства, которое проводит в жизнь мои идеи. Предшествовавшее моему австралийское правительство тратило слишком много денег, полагая, что таким образом можно, словно по мановению волшебной палочки, разрешить любые проблемы, так что нам пришлось урезать расходы и сократить активность правительства. Это происходило задолго до миссис Тэтчер и президента Рейгана. Мое правительство первым начало сокращать поток излишних социалистических или социальных расходов. Не могу утверждать, что подобная политика была рождена непосредственно чтением романа *Атлант расправил плечи,* однако эта книга и изложенные в ней мысли подкрепили мои собственные представления о том, чего могли, а чего не могли таким образом добиться правительства. Она также подкрепила мои воззрения в отношении роли личности в обществе и того, что люди должны пытаться делать самостоятельно.

И какова же эта точка зрения?

Правительство в высшей степени обязано проводить политику, направленную на поощрение самостоятельности в людях. Правительство не должно заботиться о тебе, это должен делать ты сам. Одним из наихудших недостатков социализма является мысль о том, что правительство способно заменить твою собственную инициативу, твою энергию, твое желание.

Было ли сложно реализовать эту идею в Австралии?

Во многих отношениях да, потому что многие бизнесмены привыкли к тому, что правительство распределяет крупные фонды, что позволяло им заключать больше контрактов. Они являлись в правительство со следующими словами: урезать расходы хорошая идея, иначе доходы не согласуешь с расходами, однако этого не следует делать в нашей отрасли. Нам пришлось изменить подобные умонастроения.

И вы считаете, что ваши усилия увенчались успехом?

Думаю, да.

Вы обращались к морально-нравственным аргументам или ограничивались практическими соображениями в части бюджета или ограничения на расходы?

И к тем, и к другим. У меня были практические аргументы, но имелись и нравственные — в отношении того общества, которого мы хотели достичь. И последние аргументы играли очень важную роль.

Читали ли вы другие ее книги?

Читал *Источник*. Книга мне очень понравилась.

Замечательная вещь. Опять-таки, она выражала некоторые крайне важные истины. На самом деле в ней говорится о подвиге. Все ее произведения говорят о личности. И о том, на что эта личность способна: что может построить, что может сотворить.

Создавала ли эта книга в вас ощущение самооценки или предоставления полномочий?

Я, безусловно, усматривал в ней долгожданное отличие от всего того, что было написано за последние три-четыре десятка лет на основании совершенно других философских посылок. Когда ты в основном соглашаешься с чем-то, то радуешься, обнаружив великого писателя, выражающего подобные мысли, исповедующего подобные взгляды и ценности.

И вы по-прежнему и сегодня исповедуете философию примата личности?

Да, это так, по-прежнему. Хотя, на мой взгляд, сегодня в некотором отношении люди слишком увлечены идеологией, которая в Австралии именуется «экономическим рационализмом». Правительство все-таки имеет и некоторые обязанности, которые должно исполнять. А теперь, как мне кажется, правительства стремятся избавиться от ряда дел, кои обязаны выполнять.

Вы верите в альтруизм?

Да, верю.

А можете ли вкратце объяснить почему?

В нашем мире существует много людей, рожденных в условиях, не предоставляющих им выбора или возможностей, прежде всего там, где сама структура их обществ не предоставляет им возможностей на надежду. И мне кажется, что народы таких стран как Америка или Австралия должны попытаться изменить ситуацию в странах «третьего мира» так, чтобы их население получило возможность реализовывать собственные интересы.

Тринадцатого декабря 1975 года вы с явным преимуществом одержали победу над социалистическим лейбористским правительством. В архиве мисс Рэнд хранится копия телеграммы, которую она отправила вам 15 декабря 1975 года, с поздравлениями с победой[348]*. Вы помните это?*

Да, помню. Такой небольшой, но трогательный жест. Приятно было сознавать, что в такой дали кто-то может интересоваться выборами в Австралии.

Давайте вернемся к вашему визиту в Белый дом, состоявшемуся 27 июля 1976 года. Почему вы захотели встретиться с мисс Рэнд?

Я хотел встретиться с автором *Атланта,* увидеть, что это за

человек. И обнаружил интересного собеседника, явным образом превосходно информированного о том, что пытается сделать мое правительство. Она сказала, что восхищена встречей с главой единственного в мире правительства, на практике реализующего ее воззрения. Я воспринял эти слова как огромный комплимент. Сама природа подобных мероприятий не допускает долгих разговоров, беседы с людьми на них неизбежно оказываются короткими, однако я навсегда запомнил эту встречу.

Расскажите о ней.

Мисс Рэнд сидела. Я подошел и сел рядом с ней. Мы разговаривали минут пять или семь — относительно общих идей и той работы, которая предстояла моему правительству.

Она давала вам какие-нибудь советы относительно вашей деятельности?

Нет. Советов она не давала. Просто пожелала удачи.

Какое впечатление осталось у вас от нее?

О, это действительно была крупная и очень значительная личность. Наделенная сильным характером. И великой целеустремленностью.

Ваше мнение об Айн Рэнд и ее произведениях?

Она была одним из наиболее значительных авторов прошлого века.

Альберт С. Радди

Альберт С. Радди — голливудский продюсер, чьи фильмы *Крестный отец* и *Малышка на миллион* были удостоены премии Академии за лучший фильм. В начале 1970-х он намеревался экранизировать роман *Атлант расправил плечи.*

Дата интервью: 20 октября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как получилось, что перспектива экранизировать роман* Атлант расправил плечи *заинтересовала вас?*

Альберт С. Радди: Подобно сотне миллионов других людей, я прочитал этот роман еще тогда, когда учился в колледже. И успел перечитать эту книгу три или четыре раза еще до того, как познакомился с Айн Рэнд. Признаюсь, я исчеркал своим карандашом не одну сотню страниц в этой книге. Для меня она была сродни Библии. Закончив работу над *Крестным отцом,* я решил, что такой амбициозный проект, как *Атлант расправил плечи*, может заинтересовать Айн Рэнд — с учетом качества снятого мной фильма. Поэтому я позвонил ее агентам в Curtis Brown, и там мне сказали: «Послушайте, Айн еще никогда не давала разрешения на экранизацию этой книги. Однако из уважения охотно встретится с вами». Я ответил: «Устройте нашу встречу. Мечтаю о встрече с этой женщиной».

Так что мы познакомились в Curtis Brown. Ее представитель сидел за столом в огромном кабинете, рядом стояли четыре-пять пустых кресел, а Айн расположилась на небольшом диванчике. Я вошел и втиснулся рядом с ней на этот диванчик. Она посмотрела на меня с легким недоумением, поскольку во мне шесть футов и четыре дюйма, и она существенно ниже меня. Я закинул руку на спинку дивана. И она спросила: «Дорогой мой, какие книги вы читаете?» Я ответил: «Айн, мне не положено увлекаться чтением романов. Я из тех, кто действует и делает дело. Тем не менее я читал *Атланта* и скажу, что это фантастический по своему качеству роман».

Ей немедленно захотелось узнать мои планы относительно кинофильма. И я сказал: «Айн, вы сочинили один из величайших триллеров, одну из величайших любовных историй — величайшую женскую роль, которую мне приходилось читать в современной литературе». И она ответила: «Именно, дорогой. Именно так я и воспринимаю всю эту историю. Я всегда видела ее такой».

Помню, что я рассказал Айн Рэнд, каким вижу фильм, и она согласилась с моим представлением. Она согласилась с представлением в виде триллера с любовной историей и сексуальной подоплекой. Незачем воспевать пеан объективизму, когда в романе уже все и так сказано. Тот факт, что героям приходится бороться, чтобы спасти свою собственность, и они не сразу понимают, что Голт отключает моторы мира, присутствует в самой истории. Поэтому мне незачем раскручивать его. Он есть. Но что будет перед ним? Кто эти персонажи, которых ты намереваешься полюбить, о которых собираешься заботиться, которые будут жить и умирать, которые, по твоему мнению, должны получить то, чего добиваются? И вообще, чего они добиваются? Что мешает им получить то, чего они хотят? И что будет в конце? Очень просто. Это четыре интересующие меня этапа, и все они присутствуют в книге.

Расскажите еще о том, что вы обсуждали при той первой встрече.

Она стала расспрашивать меня обо мне, о том, как я попал в кино. Я создал телесериал *Герои Хогана*[349]. Услышав это от меня, она рассмеялась.

Какое у вас создалось впечатление о ней?

По прошествии пяти минут знакомства она стала казаться мне много большей, чем в физическом плане… она была очень энергичной, очень едкой и колкой. Проведенное в ее обществе время, не всегда чересчур плодотворное, как во время нашей последней встречи, навсегда запомнится мне своими удивительными моментами. В первую очередь тем, что мне предстояла встреча с Айн Рэнд. Это огромная честь. Я ждал эти встречи, и никогда не был разочарован.

Поэтому мы устроили большую пресс-конференцию, чтобы объявить о начале проекта, и намеревались довести дело до ума. Мы составили бюджет и начали работу над контрактом. Мы согласовали пару вопросов и пришли к одному, который погубил всю идею: она хотела, чтобы ей представили на одобрение итоговый сценарий. Я попытался объяснить ей. Я сказал: «Айн, при всем моем уважении, если на земле есть человек, достойный получить на одобрение итоговый сценарий, так это вы, учитывая всю значимость романа, но говорю вам прямо: никто не даст право одобрять итоговый сценарий автору книги объемом в одиннадцать сотен страниц. То есть нельзя перенести в кино финальную речь Джона Голта, которой вы отвели шестьдесят страниц. Тем не менее вы будете самым серьезным образом вовлечены в работу над сценарием, и все же настанет такой момент — обязательно пугающий крупных писателей, у которых

есть свои драгоценные и любимые места в текстах — когда режиссер займется съемкой фильма. Ни один режиссер не скажет вам: „Вот вам право одобрения окончательного сценария, а я сниму то, что вы мне скажете“. Режиссер хочет внести свой собственный вклад и должен иметь такую возможность, потому что он — режиссер. То же самое относится и к продюсеру, у которого есть другие проблемы при съемке фильма, и сценаристу, владеющему мастерством кинематографической экономии и умеющему передать смысл ленты, не тратя на каждый кадр по четырнадцать страниц текста. Посему всегда наступает такой момент, когда оказывается, что вы должны выпустить свое произведение из собственных рук, в противном случае, — я сказал — вам придется снимать фильм самостоятельно».

Почему этот вопрос не был улажен до пресс-конференции? Я бы предположил, что на пресс-конференцию выносятся подготовленные сделки.

По сути дела, сделка, как я считал, уже была заключена, поскольку самые важные вопросы были уже согласованы. Мне никогда не доводилось иметь дело с автором книги, требующим одобрения итогового сценария. Мне даже в голову не приходило, что здесь может возникнуть какая-то проблема. Оглядываясь назад, скажу, что это было просто глупо, потому что книга имела такое значение, однако я предполагал, что сумею уговорить ее — потому что, по сути дела, она была прагматиком — и объяснить, что сам процесс требует, чтобы в какой-то точке работа передавалась в чужие руки. Так вынуждены поступать все: автор, сценарист, режиссер, продюсер, бухгалтер, оператор… Продюсер и режиссер передают свою работу маркетологам. От момента возникновения идеи до показа в вашем кинотеатре фильм проходит самые разнообразные инстанции. И такого, чтобы весь контроль сосредотачивался в одних руках, просто не может быть.

Как вы представляли себе фильм?

Фильм должен был стать длинным, продолжительностью от двух с половиной до трех часов. При работе с объемистым материалом возникает проблема пресыщения, приводящая к тому, что приходится выбрасывать слишком много текста. Истина заключается в том, что уместить на киноленте все одиннадцать сотен страниц никак невозможно. Это известно и понятно еще до начала съемок. Посему суть съемки фильма по роману заключается в определении того, что можно опустить. Мы не были намерены писать новые диалоги. Каждая произнесенная героями строчка должна была принадлежать Айн. То есть я имею в виду, что ни у кого не хватило бы духу придумывать какие-то новые сцены с Дагни, Хэнком Риарденом, Мучем или с кем-то

еще. Следовало передать суть романа методами, глазами кино… в этом и весь вопрос.

На чем в этом отношении вы сошлись с мисс Рэнд?

По сути своей это должен был быть триллер и любовная история с подтекстом в виде рассказа о человеке, который хотел отключить мотор, вращающий мир, и запустить его снова. Должен был получиться увлекательный триллер вкупе с потрясающей повестью о любви. А еще детектив, посвященный попыткам выяснить, кто именно дергает за веревочки. Основная сюжетная линия должна была повествовать о попытках Дагни и Риардена спасти соответственно железную дорогу и сплав и об их сближении.

Забавно было еще и то, что она хотела внести в контракт пункт, предусматривавший, чтобы при необходимости ее на западный берег всякий раз возили на частном реактивном самолете. Когда я спросил ее о причине, она ответила: «Дорогой мой, как только русские узнают, что я лечу на авиалайнере, они угонят его». На мой взгляд, она несколько преувеличивала. Однако тогда я сказал ей: «Никаких проблем». Так что я вполне мог урегулировать все ее требования.

Чего еще она хотела?

Она хотела познакомиться со сценаристом еще до того, как мы наймем его. Она хотела познакомиться с режиссером картины до того, как мы подпишем соглашение с ним. Я хотел предоставить ей консультационные права на всех этапах съемки, потому что инстинктивно понимал, что вне зависимости от формулировок контракта, выход этого фильма в прокат потребует ее одобрения. Нельзя было отснять *Атланта* так, чтобы впоследствии она в интервью говорила: «Это не мой фильм. Я его ненавижу». Так было бы непрактично[350].

Вы обсуждали с мисс Рэнд ваш фильм Крестный отец?

Лишь в той степени, в какой она была увлечена фильмом. Она считала, что эпические размеры этой ленты и время, потребовавшееся нам на пересказ всей истории, примерно соответствуют тому, что потребуется для воплощения на экране романа *Атлант расправил плечи*.

Расскажите мне о пресс-конференции по поводу съемки Атланта, *состоявшейся в ресторане «21» 10 мая 1972 года.*

Это было гала-мероприятие. В клубе «21» собралось около полутора сотен человек. В Curtis Brown мне сообщили, что все крупные режиссеры и продюсеры Соединенных Штатов и Европы в то или иное время пытались приобрести права на съемки фильма по этой книге и всем было отказано. Удивительная была женщина. Она была именно такова, какой мне представлялась.

Острое чувство юмора. Очень обаятельная. Язвительная. И безусловно, такая, какую все хотели видеть и слышать — особенно в Нью-Йорке — потому что она была одной из великих фигур литературного мира.

Помните ли вы тогдашних кандидатов на исполнение ролей?

В то время я намеревался пригласить Фэй Данауэй на роль Дагни Таггарт, Клинта Иствуда на роль Хэнка Риардена, Алена Делона на роль Франсиско и Роберта Редфорда на роль Джона Голта.

Вы рассказывали мисс Рэнд о своих предпочтениях?

Да. Они ей понравились.

Как закончились ваши отношения?

Последний раз я видел Айн после смерти ее кота. Она жила тогда в квартире на 34-й стрит. Я взял с собой меленького сиамского котенка и подъехал к ней около трех часов; Бетти, моя секретарша, ожидала в машине, потому что в шесть мы улетали в Калифорнию. Я поднялся с кошкой наверх и попытался объяснить Айн причины, не позволяющие мне вручить ей бразды правления… я был готов отдать ей все на свете, но не имел возможности сделать это. Мы проговорили до 9 или 9:30. И я сказал: «Айн, могу ли я переговорить с вами с глазу на глаз?» Так что мы с ней вдвоем отправились в спальню, оставив Бетти и Фрэнка в другой комнате. Я сказал: «Айн, я не могу заключить с вами контракт, однако готов ждать до конца дней своих, ждать, покуда в груди моей остается дыхание, но отснять эту клятую штуковину тем или иным образом вне зависимости от того, будете ли вы еще живы или уже нет. Такова моя позиция». Именно так я ей и сказал, и она не обиделась. Вроде как даже рассмеялась. А я сказал: «Но я намерен быть последним человеком, ставшим в эту очередь. Я все же намереваюсь когда-нибудь отснять этот роман». Тут она рассмеялась, и разговор на этом закончился. Я не имел возможности предоставить ей то, чего она просила, а она осталась непреклонной. Потому что, следуя ее словам: «Дорогой мой, если коммунисты купят киностудию, они погубят мою книгу».

И что сказала мисс Рэнд, когда вы передали ей кошку?

Она была очень растрогана. Она не ожидала этого. Маленькая сиамская кошечка понравилась ей. Кажется, Айн называла ее ангелом. Ее кошка недавно умерла, а сама эта женщина была мне приятна, вот что я вам скажу. Понятно, что я сделал бы что угодно, чтобы получить права на съемку фильма. Я раздобыл бы для нее и слона с гориллой. Но помимо всего прочего я по-настоящему симпатизировал ей. Она была очень любезна со мной и на пресс-конференции держалась с уважением. Она хорошо

относилась ко мне, и я это оценил. Подобное доброе, полное взаимной симпатии отношение было чрезвычайно приятно мне.

Она умела понимать шутку. В ней не было никакого педантизма. Была прямота, симпатичная мне. Кроме того, она держалась не как значительная литературная фигура или вообще важная персона. Мы были на равных. И если ты знаешь, что тебе нужно, и знаешь, чего можешь требовать от других, то вполне можешь добиться своего. С ней можно было вести дело без всяких обиняков. Никто не был обязан подчиняться ей, потому что она — Айн Рэнд. И это мне было приятно в ней. Она не возлагала на себя регалии, хотя и могла, имела право на это. Она поступала иначе. Она ставила вопрос ребром. Мне приходилось встречаться с людьми меньшего калибра, которые пытались добиться подчинения, пытались занять господствующую позицию с самого начала переговоров. Айн Рэнд поступала иначе, она хотела знать, что хочешь сказать именно ты.

Майкл Яффе

Майкл Яффе, голливудский продюсер, который вместе с отцом, Генри Яффе, в конце 1970-х — начале 1980-х годов вместе с мисс Рэнд работал над подготовкой мини-сериала по роману *Атлант расправил плечи*.

Дата интервью: 19 ноября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы впервые заинтересовались экранизацией романа* Атлант расправил плечи?

Майкл Яффе: Мой интерес возник потому, что мой отец, Генри Яффе, был близким другом Пола Клейна, руководившего NBC в середине семидесятых годов. Клейн обожал эту книгу, и он попросил отца узнать, нельзя ли приобрести на нее права. Так что вместе с отцом мы отправились на Восточное побережье, где встретились с Айн и начали долгие переговоры по приобретению прав на съемку фильма по *Атланту,* закончившиеся успехом. Переговоры начались в 1978–1979 году и продлились около года.

Какое впечатление от этой книги сложилось лично у вас?

Я не читал этот роман до того, как компания NBC проявила свой интерес к нему. В памяти остался общий упор на творческое восприятие жизни и право людей самостоятельно распоряжаться собственным талантом. Подобное впечатление сохранялось у меня очень и очень долгое время, и мы с Айн много разговаривали на эту тему. По правде сказать, я думал, что мы успели достаточно хорошо подружиться. Мы часто обедали вместе и беседовали на самые разные темы.

Расскажите мне о вашей первой встрече с мисс Рэнд.

Не могу ничего рассказать вам о первой встрече, но зато могу поделиться впечатлениями от последней. Она происходила через девять месяцев после начала наших переговоров, и конечно же, Айн настаивала на таком уровне контроля, которого ни одна вещательная компания никогда и никому не предоставляла. Но она добилась своего, и мы придумали очень тонкие формулировки, не смущающие NBC. И это были очень серьезные и основополагающие переговоры. Когда мы приблизились к самому концу и собирались уже совершить сделку, нам пришлось отправиться в Нью-Йорк, где нас уже ожидали Пол Гитлин,

адвокат Айн, и ее агент Перри Нолтон.

Итак, Пол Гитлин был при козлиной бородке и усах, такая же растительность у Перри Нолтона, пожалуй, была погуще — ну а мы с отцом и Чарли Биккер, наш адвокат, носили окладистые бороды. Мы добрались до той части нашего соглашения, в которой Айн особым образом оговаривала, что никто из ее героев — Хэнк Риарден, Джон Голт и Франсиско — не должны иметь в сериале растительности на лице. Она продвигала свою точку зрения весьма обаятельно, и все мы получили возможность повеселиться, поскольку все, кем она окружила себя за этим столом, бороды носили. Понимайте, как хотите, но это свидетельствует о том, что она была способна на продуманные суждения.

Должен сказать, что самое глубокое мое впечатление об Айн в личном общении — вне публичного ока, в спокойной и дружественной обстановке — заключается в том, что она была одним из самых обходительных и обаятельных собеседников: открытой, решительной, вдумчивой, обладающей чувством юмора. Я не ценил ничего больше возможности провести за трапезой полчаса или час в обществе Айн, каковая возможность, к моему счастью, выпадала мне несколько раз, когда она не была окружена целой толпой народа и не находилась в центре внимания общества. Когда мы оказывались вдвоем или втроем, когда к нам присоединялся мой отец, она становилась другим человеком, непохожим на то представление о ней, которое иногда можно было составить.

Эти впечатления созданы вашим общением в ходе переговоров или масс-медиа?

Созданный медийной средой облик Айн изображал ее очень жесткой, прямолинейной мономанкой, трудной спорщицей, наделенной чрезвычайно негибкими воззрениями о том, другом и третьем. Я лично нашел в ней очаровательную, обаятельную и очень, очень вежливую собеседницу — в неофициальной обстановке. Трудно представить себе лучшего компаньона. Невозможно было найти более забавного собеседника за обедом. А ведь люди представляют ее совсем другой, они говорят: «Айн Рэнд… о боже! Не надо».

Какой репутацией она пользовалась в Голливуде?

Той, что произведения ее слишком полны идеалов, чтобы по ним можно было отснять фильм; но если она не будет лезть в дело и мешать съемкам, если взять канву сюжета и вырезать всякие философствования, может получиться великолепный фильм. Однако любые вырезания убивали идею. Согласно общему ощущению, ее произведения были слишком наполнены

философией, а люди, контролировавшие права на ее романы, никогда и никому не позволят так вот и снять фильм.

Речь шла о философии вообще или о конкретной философии?

С кинопромышленностью не стыкуется любая философия. На мой взгляд, будет ошибкой усматривать в подобном отношении какое-то глубокое недоверие к философии Айн. Я думаю, что в прошлом, в шестидесятых годах, общественное мнение об Айн считало, что она не допускает компромиссов, не думает о людях, слишком строга, бесчувственна и нечутка. Не думаю, чтобы такое мнение могло сохраниться и по сей день. Голливуд сделает все что угодно, если из этого можно выжать лишний бакс. А все прочее ему безразлично — во всяком случае, сегодня, может быть, тридцать пять, сорок лет назад было иначе — так что подобное отношение не было персонально направлено против Айн.

Расскажите мне подробнее о ваших переговорах с мисс Рэнд.

Подчас она представляла собой клубок противоречий. Помню, однажды [сценаристу Стирлингу] Силлифанту нужно было изменить целую часть сюжета, чтобы она уложилась в последние два часа; она тогда много рассуждала о драматических эквивалентах при переходе от текстов к кино и в конце концов решила, что их трудно найти. Она сказала, что если бы сумела это сделать с самого начала, то сделала бы. А потом возникло одно предложение, к которому Силлифант добавил слово «just». От этой минимальной правки ее чуть удар не хватил, а вот перекройка целой ветви сюжета ничуть не обеспокоила. Так что не всегда было возможно сконцентрироваться на том, что привлечет ее внимание. Но пока она была уверена в том, что кинематографисты отреагируют на ее пожелания, этого вроде бы хватало.

Кроме того, были тонны и тонны мелких изменений в диалогах, и откровенно говоря, я с ними не согласен. Каждый автор годами сидит и корпит над своими персонажами, наделяя каждого из них своим, особым языком. Зачем сценаристу изменять манеру их речи? Я могу понять, когда используются не *все* диалоги, но вот изменения диалогов понять не могу. Дело еще и в том, что люди читают книгу, потому что диалоги написаны именно так, зачем же менять их? Она очень расстраивалась по этому поводу.

Однако критическим вопросом являлся контроль. Она не намеревалась разрешать съемки фильма до тех пор, пока не одобрит сценарий и список основных исполнителей.

Помните ли вы, каким именно образом был разрешен этот

вопрос?

Мы вставили в договор для NBC пункт, обязывавший Айн предоставить нам одобренный сценарий. Иными словами, она имела право не дать своего одобрения на сценарий, однако не могла оставить его в таком состоянии. Если она не могла найти автора, способного внести необходимые с ее точки зрения поправки, то к концу дня была обязана исправить текст сама.

Решение оказалось очень удачным, не правда ли?

С нашей точки зрения да, потому что с рыночной точки зрения было важно знать, что мы будем иметь сценарий, а она умела писать сценарии и сочинять пьесы. Она была знакома с характером дела и явно обладала необходимыми способностями. Я думаю, что если бы проект NBC не застопорился, мы получили бы отснятый кинофильм, и ей не пришлось бы писать сценарий самой. Она доверяла Стирлингу Силлифанту, однако компанию возглавил Фред Сильверман, которому не понравилась сама идея, и он отменил проект.

Работы в NBC прекратились в 1977 году. Потом я продал *Атланта* Тернеру в качестве шестичасового мини-сериала с Томом Селлеком[351] в роли Хэнка Риардена. Для участия в фильме ему пришлось бы сбрить свои усы, но он согласился на это. Айн даже подумывала написать сценарий. Я даже помню, как шли переговоры: всех, кому мы предлагали писать сценарий, воодушевлял тот факт, что Айн была готова сама написать его, если их сценарий окажется неудачным.

Кого из актеров имела в виду мисс Рэнд?

Она видела в качестве Дагни Ракель Уэлч [пауза]. Мне думается, что она купилась на пышные волосы, полные и чувственные губы и чрезвычайную красоту.

Она обсуждала нравившихся ей актеров?

Она говорила об актерском мастерстве. Ей не нравилась школа актерской игры в стиле де Ниро: «Будь сигаретой».

Чего же она хотела? Старомодной романтики?

Да. Кажется, еще мы разговаривали о Клинте Иствуде, которого она любила. Она видела его в роли Хэнка Риардена.

Каким образом Стирлинг Силлифант оказался вовлеченным в проект?

Мы дали в отрасли объявление о том, что ищем автора, всплыло его имя, оказавшееся ей известным по фильму *В душной южной ночи*[352], нравившемуся ей. Она считала этот фильм чудесным.

Что случилось далее с мистером Силлифантом?

Возможность повергла его в трепет. Он почитал Айн и был готов сделать все, о чем бы она ни попросила.

Он был почитателем ее произведений?

О да. Он прочитал все. И очень уважал ее тексты, манеру построения сюжета.

Расскажите мне о том, как он писал сценарий и взаимодействовал с мисс Рэнд.

Это было всестороннее и исчерпывающее сотрудничество. Мы потратили много, много, много, много, много, много, много часов на разговоры о том, что и как, и так далее. Он набросал свою «библию» и черновой вариант сценария. Он написал весь предварительный сценарий согласно ее желаниям. Всякий раз, когда у него возникал вопрос, он звонил ей и выяснял ее мнение. Мы часто собирались на совещания, у нас складывались превосходные рабочие взаимоотношения, и все сложилось бы хорошо, если бы NBC не отказалась от этой идеи.

Расскажите мне о ваших совещаниях.

Мы разбирали материал во всех подробностях. Стирлинг приносил свои наработки, они внимательно просматривали их, и он вносил поправки. Это была достаточно стандартная процедура. Она была увлечена работой, и мы наслаждались процессом заодно с ней. Она не допускала никаких неопределенностей. Если у нее рождалась идея, она самым точным образом формулировала ее.

Что еще вы можете сказать о том, какова она была в совместной работе?

Самое главное, что со всей определенностью можно сказать об Айн, так это то, что она была по-настоящему умна. Она умела думать. Она не выдвигала идей, предварительно не продумав их, не взвесив последствия. Она была очень умным человеком. И анализировать идеи в ее обществе всегда было подлинным, большим удовольствием, потому что она все так тщательно продумывала. Она все видела свежим взглядом.

Она интервьюировала Стирлинга Силлифанта перед тем, как он получил эту работу?

О да, конечно. Она задала ему много вопросов. Она хотела убедиться в том, что он будет бережно относиться к материалу. Она в этом убедилась, и он берег ее текст, так что они прекрасно ладили.

Как закончились ее отношения с мистером Силлифантом?

О, очень хорошо. У них не было никаких проблем.

Помните ли вы, что она говорила о построении сюжета?

Принципиальным в данной ситуации был вопрос о том, что нельзя снять кино по роману *Атлант расправил плечи* и при этом включить все эпизоды книги. На это попросту не хватит времени, ибо потребуется тридцать часов. Она сама села за стол, прочла всю речь Джона Голта и засекла время.

На чтение ушло четыре часа и примерно двадцать минут, так что она поняла, что никто не будет сидеть у телевизора три вечера, чтобы заслушать речь Джона Голта. Поэтому она сказала: «Вам придется найти для нее драматический эквивалент. Однако я намереваюсь отредактировать для вас эту речь, так что не беспокойтесь… я сокращу ее до трех, может, семи минут. Я сама обязана это сделать; никто другой не способен справиться с таким заданием».

Я всегда любил слушать разговоры о том, что речь надо сократить, потому что все говорят: «О, текст — дело святое». Да, святое, однако ум позволял ей определить, что именно делать святым.

Вносила ли она какие-нибудь другие изменения в текст, например в смысле сокращения числа персонажей?

Не помню такого. Но главных действующих лиц никто не трогал. Разве можно было исключить Франсиско или кого-то еще?

Покупка прав на съемку, организация ее, написание сценария — все это вместе кажется очень трудоемким процессом. Как она относилась ко всему этому?

С пониманием. Она хотела, чтобы фильм вышел.

Как она отреагировала на известие о том, что NBC отказалась от идеи?

Она была очень разочарована. Однако не вешала нос и восприняла мужественно.

Значит, вы лично сообщили ей эту весть?

Возможно, по телефону, точно сказать уже не могу.

Вы были знакомы с ее мужем, Фрэнком О'Коннором?

Не встречался с ним. Как неоднократно говорила она сама, Джон Голт был целиком и полностью списан с него. И то, что Дагни увидела в глазах Джона Голта, рассказавшее ей о том, что это и есть ее единственный человек, Айн увидела в глазах своего мужа.

Она сказала вам это?

Да, сэр. Сказала.

Помните ли вы, когда в последний раз виделись с Айн Рэнд? Вы разговаривали с ней после того совещания в Нью-Йорке?

О да. На том совещании в Нью-Йорке работа с NBC была закрыта. После того я разговаривал с ней сотню раз обо всех возможных открывавшихся нам вариантах. Возможности работы с Тернером, возможности съемки художественного фильма совместно с Джеймсом Хиллом. Мы поддерживали контакты едва ли не до последних дней ее жизни.

Изменилась ли она за время вашего знакомства?

Нет.

Стирлинг Силлифант называл ее по имени — Айн?

Называл. Подобное обращение являлось у него методом работы с ней. Как я, конечно, уже говорил вам, она была крайне благовоспитанной персоной, а я, например, до сего дня не люблю, когда меня без разрешения называют Майклом. Она была из той же породы, однако на первом долгом совещании с Силлифантом она просила его называть ее Айн, и он отказался. Он заявил: «Только после того, как мы закончим сценарий. Если мы напишем его, если отснимем фильм, тогда я сочту возможным принять это предложение, но до тех пор вы будете для меня „мисс Рэнд“». Она ответила в том смысле, что ваше право, однако я не возражаю, если вы будете звать меня Айн.

Рассказывали ли вы мисс Рэнд о таких предметах, как рыночная конкуренция, и что вы делали в своем бизнесе в Голливуде?

Мы все время говорили об этом.

И что же она говорила?

Во-первых, всегда в одобрительном плане. Во-вторых, она всегда с огромным уважением относилась к рыночной конкуренции и причем в отличие от своей публичной персоны могла выражаться достаточно страстно. Впрочем, она никогда не переступала грань разумного суждения, что отнюдь не означало отсутствия почтительности.

Всем известны ее книги, идеи, противоречия. В этом отношении я не знаю ее. Но знаю ее как сотрудницу, усердно и достаточно долго работавшую рядом со мной. Но мы долго работали над этой темой, перебрали множество вариантов ради того, чтобы все-таки сделать фильм. Мы обращались к художественному кинематографу, к TNT, к NBC, почти договорились с CBS. Однако суть проблемы, на мой взгляд, заключается в том, что у этой девушки оказался слишком сильный характер.

Ева Прайор

Ева Прайор посредством работавшей на Айн Рэнд юридической фирмы Ernst, Cane, Gitlin & Winick улаживала кое-какие дела мисс Рэнд и дружила с ней начиная с середины 1970-х годов до кончины в 1982 году. Миссис Прайор скончалась в 2008 году.

Дата интервью: 29 июля 1998 года.

Скотт Макконнелл: *У вас были кое-какие вопросы относительно этого интервью, почему?*

Ева Прайор: Айн Рэнд была известна своими теориями. Большая часть знакомых общалась с ней в пору ее активной деятельности. В отличие от меня. Я познакомилась с ней уже тогда, когда она пребывала «на покое». Наши отношения были вызваны ее потребностями, а не моими. Поэтому они носили другой характер. Впрочем, в первую очередь следует понять, что я редко уважала людей так, как уважала Айн Рэнд, при всех многочисленных различиях между нами. Вне сомнения, в интеллектуальном плане она была самым открытым человеком из всех, кого мне довелось знать. Я храню в памяти каждый проведенный с ней час. Она принадлежала к числу тех немногих людей, которых факты интересуют больше, чем мнения. Каждый вопрос она обсуждала, руководствуясь прежде всего почтением к истине. И обретение таковой было для нее важнее, чем победа в споре.

И все, что я говорю вам о ней, должно нести в себе то уважение, которое я испытываю к ее интеллектуальной любознательности и готовности разделить ее на равном интеллектуальном уровне — что было вовсе не обязательно, учитывая ее статус.

В чем заключались ваши различия?

В прошлом я работала социальным работником. Этот факт должен сообщить вам все необходимое о различиях между нами.

Как и когда вы познакомились с Айн Рэнд?

Это было примерно в 1976 году, когда я работала консультантом у ее адвокатов, Эрнста, Кейна, Гитлина и Виника. Мой магистерский диплом был посвящен социальной деятельности, и я работала в организации Mobilization for Youth[353], а также преподавала в Нью-Йоркском университете в

качестве адъюнкта [инструктора] и работала консультантом в некотором количестве других организаций. Когда возникла проблема, ее адвокаты обратились ко мне и попросили встретиться с ней.

В чем заключалась проблема?

Она была «на покое», и Пол Гитлин и Джин Виник, ее адвокаты, полагали, что ей следует обратиться в программы «Медикэр» и «Социальное страхование», занимающиеся социальным обеспечением и медицинским обслуживанием. Мне рекомендовали сходить к ней домой и поговорить.

Расскажите мне о своей первой встрече с Айн Рэнд и о том, как она проходила.

Я читала достаточно много для того, чтобы понять, что она презирала вмешательство правительства в подобные вещи и полагала, что люди должны и могут жить самостоятельно. И теперь она достигла такой точки в своей жизни, когда ей предстояло познакомиться с предметом, который она не любила, — со службой социального обеспечения и медицинской помощи.

Помню, как я объясняла ей, что сделать это будет непросто. Чтобы я могла выполнять собственную работу, ей следовало осознать, что в ее теориях бывают и исключения. С этого пункта начался наш политический спор — проходивший со вкусом и увлечением. Начали мы с жадности. Ей следовало осознать, что в мире существует такая вещь, как жадность. Врачи могли обходиться в такую кучу денег, какую издание книг не могло принести ей, и одни счета от них, если за ними не следить, могли бы разорить ее. И раз она работала всю свою жизнь и платила налог на социальное обеспечение, то имела право воспользоваться им. Однако она не считала, что личности следует принимать помощь со стороны.

Она во многом изменила мой образ мыслей. Например, в отношении альтруизма. Начиная с того нашего первого спора, я не могла быть прежней. С того дня, что бы я ни делала, я делала это, повинуясь только собственному желанию, и никогда более не ожидала похвалы, благодарности или чего-то еще. Делала только в том случае, если хотела выполнить какое-то дело и полагала его важным для себя… Это был мой собственный выбор, которым я никому не бывала обязана. Я сделалась много счастливее. Мы также обнаружили, что обе любим играть в скрабл. И при каждой

встрече играли в него.

И она согласилась с вами в отношении «Медикэр» и социального страхования?

После нескольких встреч и споров она наделила меня правом адвоката улаживать все касающиеся ее вопросы, связанные со здравоохранением и социальным обеспечением. Вне зависимости от того, одобряла она такое решение или нет, она поняла, что им с Фрэнком необходимо обратиться к программе. Однако ее участие ограничивалось тем, что она подписывала доверенности; все остальное делала я сама.

Какие другие услуги вы предоставляли ей после того как был улажен вопрос с социальным обеспечением и медицинской помощью?

Я занималась всеми возникавшими вопросами, включая налоги. Но мы никогда не вызывали ее в офис, я посещала ее дома по поручению адвокатов.

Происходили ли в то время на ваших глазах какие-нибудь изменения в ней, так как из издателя новостного листка она превращалась в обыкновенного обывателя?

Мисс Рэнд по-прежнему окружали люди, уважавшие ее и разделявшие ее образ мыслей, такие как Леонард Пейкофф. Она читала лекции. Она вела активную жизнь.

И как она смотрелась во время всех этих дебатов? Или «дебаты» в данном случае не совсем уместное слово?

Нет, поскольку дебаты подразумевают момент убеждения оппонента в вашей правоте. Однако, как я говорила уже, правда была ей дороже собственной правоты. Она принадлежала к числу самых блистательных женщин среди всех, кого я имела счастье знать. Мне случалось быть знакомой с уважаемыми людьми, которые при наличии собственных теорий были наглухо закрыты для новых идей, по принципу: или по-моему, или никак. Айн Рэнд не была такой. Она изумляла меня при любом разговоре.

Например, я сказала ей, что с моей точки зрения ее теория справедлива лишь для средних и высших классов. Она неприменима к сверхбогачам, равно как и к бедноте, не получающей ни единого шанса. Это подкреплялось примерами жизней сумрачного поколения, чьи матери испытывали недостаток белков, и потому дети не получали никаких шансов.

То есть догматизм и устрашение собственным авторитетом были ей чужды?

Да, да и да. Я была очень удивлена. Я даже спросила: «Зачем вам разговаривать со мной? Вы — Айн Рэнд, люди с почтением прислушиваются к вашему мнению. Зачем вам обсуждать со мной разные вопросы?» Она ответила: «Это бодрит». Я знала несколько человек, посещавших собрания в Институте Натаниэля Брандена,

чьи жизни изменились благодаря постижению ее идей. Она всегда говорила прямо и по делу. Единственный раз она обнаружила свое недовольство мной, когда я спросила, почему она оставила Россию.

Что же именно ее расстроило?

Она сказала: «Все, кто знает меня, знают причину!» И я сказала: «Кто-нибудь вообще задавал вам этот вопрос?» Она сказала: «Нет, но спрашивать было не нужно». Тогда я сказала: «Но откуда вам известно, что они думают?» Но на вопрос надо отвечать. И она ответила. Но я так нервничала, что забыла ее ответ. Помню, что она говорила, что там умерщвляют душу и способность творить. Я тогда очень разволновалась. Она единственный раз показалась мне грозной.

Как часто вы встречались с мисс Рэнд?

По-разному. Временами даже раз или два в неделю, иногда раз в месяц, но никогда не реже. После смерти Фрэнка наши встречи сделались более частыми, я приходила только для того, чтобы поиграть с ней в скрабл, проведать, поговорить и узнать, как идут у нее дела.

Она просила вас приходить или вы делали это по собственной инициативе?

Иногда просила, иногда я приходила сама, и мы решали, когда встретимся снова.

Случалось ли вам развлекать мисс Рэнд какими-то другими способами?

Мы разговаривали. Разговаривали, разговаривали, разговаривали и играли в скрабл. Когда у нее возникали какие-нибудь дела, например съемка фильма по роману *Атлант расправил плечи* или просто она куда-то выходила, мы с моим компаньоном Дирком Ван Сиклем сопровождали ее в то место, куда ей было нужно попасть.

Случалось ли мисс Рэнд открыто говорить, что именно ей нравится в вас?

О нет. Только однажды она сказала мне нечто вроде того, когда мне пришлось уйти — обычно мы проводили вместе три часа — и я извинилась и сказала, что вынуждена уйти, поскольку у меня есть еще одно дело; тогда она сказала мне: «Но мы еще не успели поговорить о политике». То есть мы сыграли в скрабл, сделали дела, однако не успели поспорить.

А как вы играли в скрабл.

Она была по-настоящему хорошим игроком. Мне доводилось играть в скрабл с оборонительно настроенными людьми, которые, увидев, что ты можешь занять интересный квадратик, блокировали его, а потом повторяли подобный ход снова и снова.

Но мы с ней играли иначе. Мы всегда играли активно. Она всегда стремилась набрать как можно больше очков, и я тоже. Я получала удовольствие от игры, и мы всегда набирали очень много очков, в частности до 1162. Свои наилучшие результаты она записывала на коробке с игрой. Тот, кому досталась ее коробка, может посмотреть.

Кто выигрывал и кто проигрывал?

В зависимости от того, какие кому буквы доставались. Она играла в такую забавную разновидность скрабла. Вы могли взять пустышку и заменить ее той буквой, которую она заменяла. Иными словами, если вы использовали пустышку в качестве А — пустышек всего две — то тот, у кого была буква А, мог поставить ее на место пустышки, использовав последнюю в качестве нужной буквы.

Какой она была за игрой?

Такой же, как всегда: дружелюбной, прямой, открытой, упорной соперницей. Она оставалась собой — Айн Рэнд.

То есть?..

Она всегда была открытой, понятной. Она ничего не делала украдкой, тишком; все было честно и прямо. Ты имел дело с тем человеком, которого видел.

Какой она была в победе и в поражении?

Одной и той же, ведь это игра! Она проигрывала столь же непринужденно, как и выигрывала. Она не усматривала никакой разницы в том, выиграла она или проиграла, однако всегда играла на победу — как истинная спортсменка.

Что смешило Айн Рэнд?

Многое. Мы смеялись за игрой в скрабл, когда выпадало забавное или очень уместное слово. Она была полна жизни.

Случалось ли вам говорить с мисс Рэнд об искусстве или музыке?

В основном мы спорили на политические темы, играли в скрабл и занимались делами. Мы обе читали романы Агаты Кристи и восхищались ими.

Что нравилось ей в этих книгах и почему?

Я сказала ей, что в них нравится лично мне, и она согласилась. Агата Кристи говорит в одной из своих книг: «Убийство логично только для одного ума». И поэтому выстраивала эту логику во всех своих произведениях. Это было всегда очевидно.

И вы могли назвать убийцу, еще не дочитав роман до конца?

Да, как и сама Айн.

Возникали ли в ваших отношениях с мисс Рэнд какие-то проблемы оттого, что вы не сторонница объективизма?

Нет. Для этого она была слишком открытым и умным человеком. Во-первых, я многому научилась у нее. Она знала, что в прошлом мне случалось участвовать в ситуациях, связанных с групповой приверженностью к неапробированным идеям. Я действительно испытывала проблемы с независимым мышлением. И до сих пор испытываю. Она знала не только то, что я впуталась в оказавшуюся сомнительной психологическую теорию, но и то, что я росла в религиозном окружении, хотя и видела людей, не понимавших, что с ними обходятся очень жестоко, потому что они считали мышление несущественным. Она знала, что я не могла с этим смириться всеми фибрами души — что я не способна поверить в то, что запрещает человеку мыслить. Я рассказываю, что думала, чтобы вы поняли, с чем во мне ей приходилось иметь дело.

Существовали ли в ваших разговорах какие-то особые темы… женские или просто сплетни?

Нет. Она не занималась сплетнями, и я тоже. И я никогда не поверю, чтобы эта женщина с кем-либо сплетничала или кого-то обсуждала. Во-первых, не думаю, чтобы она знала, как это делается, и не думаю, чтобы это ее интересовало, во-вторых. Она была слишком искренним и открытым человеком. И если она что-то о чем-то думала, то никак не скрывала этого.

Как она реагировала на то, что вы испытывали некоторые сомнения в отношении Источника?

Сам роман не вызывал в моем восприятии никакого негатива. Я просто считала взаимоотношения Рорка и Доминик неправдоподобными. Однако Айн не было дела до того, что кто-то там говорил или думал. Она была уверенной в себе, самодостаточной личностью.

Я однажды спросила ее о том, кто послужил прототипом Доминик, и она ответила: «Я сама в плохом настроении».

Как насчет коллекционирования марок?

Когда умер один из старых партнеров фирмы, он оставил Полу Гитлину большую коллекцию марок. Тот передарил ее Айн, и она была в восторге.

Видели ли вы, как она обращается со своим собранием?

Она раскладывала марки, и однажды во время нашего разговора она помещала марки в альбом. Она показывала мне, как делала это, а также целлофановые обложки и коробки, в которых хранила альбомы. Примерно так.

И как она относилась к своему собранию?

Она наслаждалась марками. В это трудно поверить, но она действительно наслаждалась. Она открывала свои альбомы с детским восторгом. С самозабвением. Она действительно любила их.

Теперь еще один важный вопрос: кошки.

У нее было две кошки. Не помню, как их звали. Я запомнила только их уютные гнездышки. Одно из них, плетеное, с подушкой, находилось в ее спальне.

Значит, обе кошки спали там?

Да.

Говорила ли Айн Рэнд с вами о курении?

Да, я курила. А у нее был рак. Узнав об этом, я сказала: «Вот что, я не буду курить в вашем доме». Но она возразила: «Пожалуйста, курите, это моя единственная возможность вдохнуть табачный дымок. Я бросила курить не по собственному желанию, а потому что пришлось».

Она разговаривала с вами о своей сестре Норе?

Я ее не встречала, однако Айн много говорила о ее визите. Рассказывала, что она предлагала сестре и ее мужу убежище в Америке и что она устроила бы их здесь. И когда сестра сказала, что подумает об этом, но вернулась в Советский Союз, Айн пришла в гнев и отреклась от нее.

То есть она действительно изменила свое завещание?

Она дала понять, что в Россию возвращаться незачем. Она считала, что предоставила Норе возможность вырваться на свободу, та не воспользовалась ею, и потому разговаривать с ней больше не о чем.

Значит, она была в таком гневе на Нору? Это точное слово?

Нет, я не стала бы описывать им ее чувства. Они носили скорее теоретический характер. Нора имела возможность покинуть деспотическое государство и не воспользовалась ею.

Вы встречались с Элоис Хаггинс, кухаркой мисс Рэнд?

О да. Такая милая и сильная женщина.

Почему милая и почему сильная?

Потому что она могла терпеть некоторые вещи, которые говорила Айн, и имела силу находиться возле нее. Для этого,

поверьте, нужна была сила.

И какие же вещи говорила мисс Рэнд?

Элоис полагала, что теории Айн неприменимы к чернокожим беднякам. Им не было разрешено читать, они не знали, что такое брак, они были вещами. И что теории Айн применимы только к людям, хотя бы располагающими информацией о том, что нужно делать. Словом, я видела выражение лица Элоис, когда мы спорили. Айн очень нравилась ей. Обе женщины симпатизировали друг другу. Элоис была очень сильной женщиной, их связывала крепкая дружба, равная к тому же.

Объясните.

Они очень уважали друг друга. Элоис и Айн связывали отношения, не имеющие ничего общего с теориями и объективизмом, простые отношения двух женщин.

Так, значит, они были хорошими подругами?

Да. Я знаю, что Элоис очень нравилась Айн… Она сама говорила мне об этом.

А она говорила почему?

Нет, только то, что Элоис очень нравится ей. И это было видно из их взаимоотношений.

Не можете ли вы привести какие-нибудь примеры их взаимоотношений и дружбы?

Элоис обслуживала Айн. Это было ее работой, однако во всем прочем их соединяла дружба.

Что связывало их как подруг?

Они разговаривали целыми днями, особенно после смерти Фрэнка.

Какой была миссис Хаггинс после смерти мистера О'Коннора?

Она оставалась очень и очень полезной Айн. Точнее говоря, Элоис помогала ей держаться. Она была рядом с ней день и ночь напролет. Каждый день. Элоис была очень добра к Айн. И когда она ушла, Айн перестала есть.

Вы беседовали с мистером О'Коннором о его прошлом, о его детстве?

Об Огайо. Он откровенно рассказывал об этом времени, о своих братьях. Он рассказывал мне о своей семье, об отрочестве. Это были очень теплые, эмоциональные воспоминания, с какими люди обыкновенно вспоминают о своем прошлом.

Опишите мне мистера О'Коннора до его болезни.

Застенчивый, скромный, счастливый, довольный… Он был интеллектуальным партнером Айн.

Говорил ли он вам о том, как воспринимает собственную жизнь?

Они с Айн больше интересовались настоящим. Прошлое служило только для объяснения событий настоящего.

Помните ли вы темы ваших разговоров с ним?

Я разговаривала с ним о том, что мне нравилось в его произведениях. Его картины очень нравились мне. На одной из них была изображена со спины женщина, выглядывающая в окно. Я сказала ему, что она напоминает мне Дега.

Опишите личность мистера О'Коннора и его характер.

В первую очередь он был джентльменом. Будучи высоким, он напоминал мне облагороженного Гэри Купера. Он был человеком интеллигентным, добрым, любезным, и еще он очень гордился Айн.

Вы также сказали мне, что в нем «чувствовалась уверенность». Что вы имели в виду под этими словами?

Он, безусловно, владел собственными эмоциями, собственным внутренним миром, собственными идеями. С моей точки зрения, описывая в *Источнике* Рорка, она вложила в этого своего героя все то, что больше всего ей нравилось во Фрэнке — создаваемое им ощущение немногословного сильного мужчины. Мне кажется, что будет ошибкой недооценивать его вклад в ее произведения. Во всяком случае, так сказала мне Айн, и он не стал возражать.

Каким же был этот вклад?

Она говорила: «Понимаешь, Фрэнк понял это раньше меня… И этому научил меня Фрэнк». Она открыто говорила, что, кроме любви, их соединяет подлинная дружба. Они сходились в теоретических вопросах, и она говорила, что он отчасти направлял ее рост в этом направлении. Они были подлинными друзьями, парой, спутниками друг друга по жизни. Пусть говорила всегда она, однако он на сто процентов поддерживал ее речи. Они без конца говорили друг с другом на философские темы.

Помните ли вы какие-нибудь другие упоминания о его прошлом или начале их любви?

Только то, что она увидела его и сразу влюбилась. С моей точки зрения, она глубоко любила Фрэнка. Это было очевидно во время всех моих взаимоотношений с ней.

Каким образом?

Это было заметно в том, как она обращалась к нему за советом, в том, как они разговаривали, в том, что было после его смерти.

Закрытие журнала Послание Айн Рэнд *оказало свое воздействие на их взаимоотношения?*

Я думаю, что да. Этот факт также укрепил их взаимоотношения с Фрэнком, по крайней мере, на несколько лет, до тех пор, пока он не заболел артериосклерозом.

Он скончался в ноябре 1979 года. Долго ли он болел?

Не слишком. Первоначально, когда мы начинали спорить, присутствовали Айн, Фрэнк и я. Однако он по большей части слушал; но когда что-то говорил, всегда попадал в самую точку. Очень интересный был человек. Айн говорила мне, что считает его умнее себя. И сразу же сказала мне, что это он дал имя *Атланту*.

Можете ли вы привести другие примеры его интеллекта?

В наших разговорах он всегда удивлял меня своей проницательностью.

Каким образом вы определили бы отношение Айн Рэнд к Фрэнку О'Коннору?

Она любила его, она уважала его, она считала его одаренным художником.

Случалось ли ей говорить, на чем именно основывалась ее любовь, что именно в нем она любила и чем восхищалась?

Да, его интеллектом. Она очень ясно выражалась на эту тему. Она очень недвусмысленно говорила, что Фрэнк многому научил ее.

А мистер О'Коннор говорил вам, что именно он любит в Айн Рэнд?

Нет. Я никогда не спрашивала его об этом. Но я видела, какими глазами он смотрит на нее и как они разговаривают. Во время нашего знакомства отношения их были изумительны. Вместе они держались очень дружелюбно, очень заботились друг о друге. Днем они выходили из дома, гуляли, вместе занимались делами.

Расскажите мне, как она относилась к картинам Фрэнка О'Коннора.

Я однажды спросила ее, почему они не продают их, и она ответила, что не может отдать их в другие руки, потому что они написаны для нее.

Что сказал на это мистер О'Коннор?

Он только улыбнулся. Они действительно принадлежали ей.

Расскажите мне о том, как умер мистер О'Коннор.

Все произошло как-то вдруг. Когда ему стало плохо, она позвонила мне, и я приехала. Он выглядел вполне неплохо, только показался мне более зависимым от нее, и она не хотела оставлять его одного. Она хотела быть рядом с ним.

Поскольку он находился вместе с ней дома, они не заметили, что он начинает терять ориентацию. Потом они поехали на несколько дней в Бостон, где она читала лекцию, и там ему стало плохо — возможно, он претерпел небольшой удар, и последствия его не исчезли даже после того, как они вернулись домой. Он был испуган, ужасно испуган. Я приехала и попыталась успокоить его. Кажется, приехал Леонард. Я решила, что это доктор, и уехала. Айн позвонила мне, и я поговорила с Фрэнком по телефону.

Чем вы успокаивали его и о чем говорили?

Мы говорили обо всем, чего он боялся в тот вечер. Я говорила ему, что он уезжал из дома и, должно быть, разволновался, не понимая, где находится, сказала, что теперь все переменилось, что так получилось непреднамеренно, не по чьей-нибудь воле. Я говорила с ним до тех пор, пока он не уснул. Это было самым началом, и он так и не поправился.

Какое воздействие это произвело на мисс Рэнд?

Ужасное, сокрушительное. Она очень любила его. Она уважала его, она полагалась на него, и вдруг его не оказалось рядом. Он перестал быть тем интеллектуальным спутником, которым всегда являлся.

Расскажите мне о приготовлениях к похоронам.

Айн Рэнд не была сентиментальна. Когда Фрэнк умер, она попросила меня взять на себя оформление участка на кладбище. Она не стала кремировать его; она сказала, что не в состоянии этого сделать. И потому попросила меня выбрать участок и гроб, оформить документы, сделать все необходимое. Она не хотела

принимать участия. Однако в глубине сердца я понимала, что она не способна доверить такое дело кому-нибудь другому.

Она говорила почему?

Она не могла ничего делать, настолько тяжелой была для нее утрата. Она сказала, что не в состоянии этого сделать. Я предложила ей траурный зал «Кэмпбелл», так как была в этом заведении; там было хорошо. Она выбрала кладбище «Валгалла», потому что там похоронен Рахманинов, там и состоялись похороны. Мне пришлось съездить туда и сделать все необходимые приготовления. Там ко мне должна была присоединиться Ина Виник [жена Юджина Виника], чтобы мы вместе выбрали участок. Но перед отъездом я позвонила Айн и сказала, что у меня есть машина, что я собираюсь ехать, но не поеду, «пока ты не скажешь мне ехать в одиночку». И она сказала: «Я не хочу, чтобы ты ехала одна. Я поеду с тобой». Я заехала за ней, мы поехали, и она выбрала себе место рядом с ним. Ей понравился участок с деревом, и когда после ее смерти дерево уничтожила молния, Леонард постарался посадить новое. Она хотела, чтобы могилы были в тени.

Потом мы с Айн поехали в траурный зал. Там она заранее оформила и свои собственные похороны. Я поставила там условие, чтобы они не бальзамировали тело без моего разрешения. Они сдержали свое слово. После того как все формальности были улажены, она сказала, что сожалеет о том, что не попрощалась с ним до того, как тело будет забальзамировано. Я сказала ей, что это еще возможно. Она побыла с ним в комнате наедине, а потом мы уехали.

Она сказала, что во всей ее взрослой жизни слезы ее видела только я.

Как это случилось?

Это произошло в машине, после того как мы выбрали участок. Она претерпела огромную утрату. Он был ее жизнью. Она разрыдалась.

Как она изменилась после смерти мистера О'Коннора?

Она перестала гулять и делать зарядку. В известном смысле она позволила себе умереть. Перестала делать вещи, полезные для здоровья. Воля к жизни начала оставлять ее.

Она говорила с вами на эту тему?

Нет-нет, разве что однажды я сказала ей: «Тебе нужно выйти

на улицу и погулять, чтобы не застаивалась кровь». Кажется, она ответила: «Ну и что?» После смерти Фрэнка я позвонила ей, проверяя, как она себя чувствует. Элоис была в отпуске, и она ничего не ела. Я сходила в продовольственный магазин, купила продукты и приготовила ей еду. Я спросила ее о том, почему она не сказала мне, что у нее нет еды, и она ответила, что забыла об этом.

Вскоре после этого она легла в госпиталь. Обладая полномочиями адвоката в медицинской области, я одна имела право принимать решения. Я знала условия завещания: наследником Айн становился ее друг Леонард Пейкофф. Все свои решения я обсуждала с ним. Она получила весь должный уход и лечение, доступные в то время, и Леонард принимал все решения вместе со мной. Наконец она попросила вернуть ее домой, чтобы там умереть. Она понимала, что ничего больше сделать нельзя. И я выписала ее из госпиталя.

А ее смерть?

Когда я привезла ее домой в машине «скорой помощи», она пожала мою руку, улыбнулась и сказала: «Спасибо». Я знала, что везу ее домой умирать. Доктор сказал нам обеим, что если ее перевезти домой, она умрет.

То есть если бы она осталась в госпитале, то прожила бы подольше, так?

Я спрашивала об этом врача, и он сказал, что не знает сколько. Однако после возвращения домой речь могла идти только о нескольких неделях. Оставшись в госпитале, она могла бы протянуть подольше, может, несколько месяцев, но поправиться не могла.

И как она отреагировала на подобную перспективу?

Она хотела вернуться домой и умереть. И она просила отвезти ее домой. Я обсудила с ней все последствия, но она была непреклонна.

Но, зная и уважая Айн Рэнд, разделяя с ней кое-что общее, я не могла отказать ей в праве делать собственный выбор. Я не хотела и не могла лишить ее этого права. И я сказала, что отвезу ее домой. Леонард приглядел за обустройством квартиры, так, чтобы она получала самый лучший возможный уход.

Расскажите мне о ее похоронах.

Леонард позаботился обо всех деталях, которые не предусмотрела она. Он положил ей в гроб их обручальные кольца и фотографию Фрэнка. Его похоронили с ее фото.

Можете ли вы сказать, что Айн Рэнд в жизни следовала собственному учению?

О да [смеется], именно поэтому у меня было с ней столько

хлопот.

Вы имеете в виду социальное обеспечение и так далее?

Да.

Как бы вы подытожили собственное мнение об Айн Рэнд?

Она была очень искренним человеком. Эта женщина верила во все то, что говорила. И была открытой до самого дня своей смерти. Я любила ее такой, какой она была — полной жизни, яркой, уверенной.

Дана Берлинер

Дана Берлинер ребенком дважды была в гостях у Айн Рэнд. В настоящее время она является старшим адвокатом в Institute for Justice, некоммерческой юридической фирме, представляющей «людей, чьи самые насущные жизненные интересы попираются правительством». Она является дочерью Майкла и Джуди Берлинер.

Дата интервью: 24 ноября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Сколько вам было лет при первом знакомстве с Айн Рэнд?*

Дана Берлинер: Мне было одиннадцать лет, когда я познакомилась с ней в 1978 году[354]. В то время из ее произведений я читала только *Гимн*.

Как вы познакомились с ней?

Тем летом я гостила в Нью-Йорке у Гарри Бинсвангера, и он повел меня к ней в гости. Я слышала о ней едва ли не с младенческих лет и потому определенно хотела познакомиться. Я была очень взволнована, чуточку испугана, потому что не знала, как она отнесется к ребенку. В то время она была для меня едва ли не мифологическим персонажем.

Расскажите мне об этой первой встрече.

Помню, что она удивила меня своей приветливостью. Я ожидала, что она окажется даже несколько страшной, однако она была очень и очень мила, и я даже подумала, что она похожа на чью-то бабушку. С ней было очень легко говорить.

О чем же вы говорили?

В основном об учебе. Она расспрашивала меня о моей школе, о том, что мне в ней нравится, и какие у нас бывают уроки. Она также спросила меня о том, выражают ли мои учителя свои мнения, позволено ли им занимать какие-то позиции. Она сказала, что, по ее убеждению, учителя должны иметь собственное мнение и что, когда дети имеют объект обсуждения, это лучше, чем когда им приходится спорить, не имея определенного направления в споре.

То есть она хотела, чтобы учителя делали определенные оценки и выводы?

Да. И когда мы разговаривали о том, должны или нет учителя выражать идеи и собственные оценки, разговор, кажется, шел об изучении истории.

Мисс Рэнд давала вам какие-нибудь советы?

Давала, когда мы говорили об образовании, о вопросах — и в понятных ребенку терминах — о значении разума и аналитического подхода. Я думаю, что это было, когда мы разговаривали о мнениях учителей, и она спрашивала: «Каковы твои исходные положения? Что заставляет тебя так говорить? Чем это подтверждается?» — и тому подобное. Словом, это были не столько советы, сколько руководство к тому, как надо мыслить.

Во время разговора об учителях я спросила ее: «А что делать, если у них неправильное мнение?» И она сказала, что все равно лучше, если у них есть мнение, и что у класса тогда появляется возможность подумать. И попытаться понять, в чем ошибка.

Какие вопросы вы ей задавали?

Я спросила ее о том, как она относится к детям. Она ответила, что детство — это такое время, когда оживает твой ум, и что дети способны понимать разные предметы и обдумывать их. Думаю, это было связано с темой нашего разговора о том, что хорошо, когда учителя высказывают собственные мнения, так как дети в таком случае получают возможность обсудить их.

Помните ли вы другие части вашего разговора и то, насколько участвовал в нем Гарри?

Гарри присутствовал при нашей беседе, однако говорил немного. Мы также разговаривали о *Гимне,* и я рассказала ей, что думаю об этой вещи, а она, кажется, спросила, поняла ли я, о чем эта книга.

Преодолели ли вы собственное волнение?

Почти сразу, потому что она отнеслась ко мне настолько тепло, дружелюбно и приветливо. Разговаривая, она смотрела на меня, ей было интересно, она улыбалась. Она прислушивалась к моим словам и реагировала на них.

В основном у меня сложилось следующее мнение о ней: это человек очень дружелюбный и мудрый, потому что у нас с ней состоялся очень интеллектуальный разговор — с моей тогдашней точки зрения — о школе, книгах и *Гимне.* Кажется, она спрашивала меня еще о том, какие другие книги я читала, и мы поговорили немного о том, какую другую ее книгу я должна прочитать потом.

И как вы себя ощущали, выйдя от нее?

Помню, как мы переходили через улицу, и я взахлеб рассказывала Гарри о том, что она говорила. Мне было очень интересно у нее, и я была в восхищении.

Каким образом состоялась ваша следующая встреча?

Я собиралась вновь погостить у Гарри и хотела еще раз встретиться с ней. Тогда мне было четырнадцать лет[355]. Эта встреча получилась несколько неудачной, потому что у меня была

хорошая подруга, которая также захотела встретиться с ней; она в это время также находилась в Нью-Йорке, так что мы пошли вместе. Разговор в известном смысле получился неловким. Я не поняла вовремя, что моя подруга не так симпатизирует объективизму, как это мне казалось, поэтому разговор у нас вышел не столь сердечным, как в первый раз.

Мисс Рэнд вспомнила вас?

Да, и на сей раз она была еще теплее, чем в первый раз, что-то вроде «привет старому другу».

Она переменилась?

Она показалась чуть более хрупкой, однако отнеслась к нам с теплом. Я рассказала ей о той реакции, которую вызвали у меня *Мы живые,* и спросила ее: «Неужели Россия действительно была такой, как она описала». И она ответила: «Да». Я сказала, что понять не могу, как люди могут поступать таким образом по отношению друг к другу. Возможно, она попыталась что-то объяснить мне по этому поводу, однако не уверена в том, что я сумела в том возрасте понять ее.

О чем вы говорили?

Тогда я еще не читала *Атланта,* но уже прочла *Источник* и *Мы живые,* и мы разговаривали об этих книгах. Но главной темой стал разговор о моей подруге, которая очень интересовалась иудаизмом, но скорее в плане культурном, чем религиозном, в плане необходимости принадлежать к какой-то группе, знать собственные корни… Моя подруга активно защищала эту позицию. Мисс Рэнд объясняла ей, что стремление принадлежать к группе является проявлением коллективизма. Она сказала, что одно дело радоваться общему делу, и другое — хотеть быть с остальными, не соучаствовать в общем деле, но принадлежать к какой-нибудь группе.

Мы были еще подростками, и она вела себя очень по-дружески, однако она как бы исправляла эту точку зрения, объясняла ее ошибочность, и я была чуть встревожена тем, что разговор принял такой оборот, но не знала, как приглушить степень возможного конфликта. Мисс Рэнд говорила о том, что наличие подобной потребности свидетельствует об отсутствии духовной независимости, и еще о том, что нельзя судить людей по их групповой принадлежности, по еврейскому происхождению или по тому, чем занимались их родители. Все это ничуть не свидетельствует о том, кто ты есть и что делаешь. То есть разговор был очень вразумляющим и закрепляющим уроки *Источника,* но на персональном уровне.

Беседа прошла в обстановке уютной, но все-таки оказалась не столь непринужденной, как первая, из-за этого обстоятельства.

Джим Смит

Джим Смит был знакомым Айн Рэнд в 1970-х и начале 1980-х годов. Прежде ему принадлежал джаз-клуб в Нью-Йорке; он является мужем Кэтрин Эйкхофф (ее интервью см. выше).

Дата интервью: 30 ноября 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд и Фрэнком О'Коннором?*

Джим Смит: Впервые их обоих я увидел на вечеринке, которую Алан Гринспен устроил в честь нас с Кэтрин, когда весной 1973 года мы вернулись из свадебного путешествия. Кэтрин была давно с ними знакома. Айн на приеме сидела рядом со мной. Они подарили нам набор чайных ложечек с нашим узором… очень симпатичный, мы его по-прежнему храним.

Мне было лестно сидеть рядом с ней. Мы успели о многом поговорить. Из всего разговора мне запомнилась только его часть, связанная с прочитанной мною тогда недавно книгой *Сплотимся вокруг флага, ребята!* Макса Шульмана[356], посвященная консервативному течению внутри республиканской партии. Автор ее занимал позицию, во многом схожую с позицией Айн и ее объективизмом, так что я сказал ей, что он, похоже, использует некоторые идеи объективизма. Я думал, что ей будет приятно. Я ошибся.

Что она сказала?

Она в общем-то не столько была недовольна тем, что он сделал это, сколько считала, что нехорошо говорить автору, что кто-то использует часть его идей, тем более что я не заметил, использовал ли он их, сославшись на ее работы или нет. И тут я сказал себе: «Ах и ох, наконец я встретил эту женщину, которой восхищался, и при первой же возможности обидел». Однако она заметила мое смятение и огорчение и немедленно пояснила, что не обвиняет меня в непочтительности или в чем-то еще. Она поняла, что свой проступок я совершил по неведению, не осознавая тех следствий, которые из него проистекают.

Впоследствии мне довелось узнать, что Айн все принимает за чистую монету и считает, что люди знают, о чем говорят, иначе помалкивали бы, и потому реагирует соответствующим образом.

Какие впечатления остались у вас от Фрэнка О'Коннора?

Увы, я видел Фрэнка, но так и не познакомился с ним.

Фрэнк как будто не испытывал никаких проблем от того, что для многих именно Айн была причиной, собиравшей в их доме

людей. Он был мужем королевы, ее консортом. Он принимал как данность тот факт, что люди более интересовались мнением Айн, чем его мнением, что, на мой взгляд, было вполне справедливо.

Какой была мисс Рэнд в личном общении?

Мне с ней было легко. Никакого грубого нажима, никаких требований «строго следовать линии партии». Ничего подобного от Айн я не ждал. Я наслаждался общением с ней. Я был рад тому, что мы хорошо ладим, ибо в этом отношении и она была забавной персоной, и с ней легко было говорить. Можно было без труда переходить от вопросов легких к вопросам сложным. Я никогда не слышал от нее пожеланий делать то-то и то-то или вести себя так, как надо.

Вы рассказывали ей анекдоты?

Да. Когда я в первый раз попробовал рассказать ей анекдот, дело обстояло так. Я сказал: «Вчера в баре случилась одна забавная история. Двое мужчин сидели в конце стойки, один из них сказал: „Боже мой. Вы видите двух женщин, переходящих улицу? Одна из них — моя жена, другая моя любовница“. Второй ему отвечает: „Интересно, что и я хотел сказать то же самое“». Айн сперва решила, что я пересказываю ей реальную ситуацию, и даже сказала что-то вроде: ну, это маловероятно… удивительное совпадение. Но потом поняла, что я шучу, и рассмеялась без какого-либо возмущения или обиды.

Я слышал, что во время знакомства с мисс Рэнд вы носили бороду.

Я носил бороду и во время свадьбы и еще несколько лет после того.

Однажды мы пришли к Айн, Кэтрин вошла в квартиру, они обнялись, а потом я вроде бы как приобнял и поцеловал ее в щеку, и она сказала: «О, впервые в жизни меня целует бородатый мужчина». И целуя ее, я не ощущал с ее стороны никакого желания отодвинуться. И в голосе ее никакого неодобрения не было слышно.

Вы разговаривали с мисс Рэнд о марках?

Один из наших друзей вел дело, связанное с международной перепиской, и узнав о том, что Айн собирает марки, он сохранял их и передавал нам для нее. Она чувствовала себя виноватой перед нами за то, что, не дожидаясь нашего ухода, открывала конверт, в котором мы приносили их, и рассматривала, попутно извиняясь за нарушение этикета.

Что вы можете сказать об отношениях мистера Гринспена и мисс Рэнд?

Они оставались друзьями до самой ее смерти. Однажды я присутствовал на вечеринке, кажется, в нью-йоркских

апартаментах Алана, вскоре после того, как он перебрался в Вашингтон, и Айн расспрашивала его о работе.

Помню, как его спросили на презентации о предметах, имевших отношение к тому пути, которым правительство продвигалось к большей или меньшей экономической свободе. Он сравнил процесс с огромным кораблем, который тянет буксир… сначала изменения почти незаметны, однако буксир изменяет курс огромного лайнера.

Вы когда-нибудь говорили с Айн Рэнд о Голливуде?

Я спрашивал ее мнение об Уолте Диснее. Был какой-то праздник, я что-то сказал о том, что мне нравится какой-то из его мультфильмов. Она сказала: «Для меня он слишком жеманный. Мне не нравится подобный стиль анимации». Однако при этом подчеркнула, что это дело ее личного вкуса, и ничего более. Это вовсе не означало, что она не одобряет его творчество, просто это самое «жеманство» не было для нее хлебом насущным.

Вы руководили джаз-клубом в Гринвич-Виллидж. Она расспрашивала вас об этом?

Да, но никогда не пыталась спросить, почему я занялся таким делом. Однажды она сказала мне, что ни разу в жизни не бывала ни в одном баре, и спросила, правильно ли передает обстановку пьеса Клиффорда Одетса[357] *В ожидании левака*, действие которой происходит в нью-йоркском баре. Я сказал, что затрудняюсь ответить, так как все мое внимание обращено к джазу.

Кажется, вы обсуждали с мисс Рэнд женские ножки.

Нет, но однажды в конце разговора Айн спросила, какого я роста, и я ответил: «Пять футов семнадцать дюймов»[358], она очень развеселилась. Она любила неожиданности. Я думаю, что в ней самой было пять футов и один дюйм[359], и я сказал: можно сказать, что и в вас четыре фута тринадцать дюймов, и она сказала: о нет. Она не хотела этого, потому что в таком случае четыре фута с хвостиком делали ее еще меньше.

Однако во время одной из сессий вопросов/ответов в NBI кто-то спросил ее о том, почему она наделяет своих героинь такими физическими атрибутами, как длинные ноги. Она ответила, что была вынуждена это сделать, поскольку таковые очень полезны в сексуальном отношении, но сказала это с легким смущением. Не хочу утверждать, что она покраснела; однако ей было неудобно говорить такие вещи на публике.

Видели ли вы мисс Рэнд перед смертью?

Мы с Кэтрин навестили ее в госпитале. Она уже знала, что ей не суждено выздороветь, но была рада видеть нас в такой манере: ну что вы… зачем… это вовсе не обязательно. Словом, как бывало

всегда, когда кто-то пытался сделать ей подарок: я не хочу, чтобы вы тратились на меня. Еще помню, что она просила нас приглядывать за Леонардом — Кэтрин была ее финансовым советником, а Леонард единственным наследником.

Тео Вестенбергер

Тео Вестенбергер — пользовавшийся международной известностью фотограф, в 1979 году снимавший Айн Рэнд для журнала *Look*. Статья была опубликована в номере от 14 апреля, и внимание в ней фокусировалось на предполагавшемся фильме по роману *Атлант расправил плечи*. Эти снимки относятся к числу последних фотографий Айн Рэнд. Мистер Вестенбергер скончался в 2008 году.

Дата интервью: 30 сентября 2002 года.

Скотт Макконнелл: *Почему вы снимали Айн Рэнд?*

Тео Вестенбергер: Сфотографировать Айн Рэнд мне поручил журнал *Look* в январе 1979 года. Я работал на журнал по контракту. Это была одна из первых моих работ[360].

Вы уже знали, кто такая мисс Рэнд?

О, ну конечно. Я читал романы *Источник* и *Атлант расправил плечи*.

Я ожидал увидеть очень импозантную женщину. Однако она не произвела на меня подобного впечатления. Она покорно согласилась выполнить мои пожелания, сложные для женщины ее возраста, ведь ей было трудно спуститься на платформу Центрального вокзала Нью-Йорка, где к тому же в январе было еще и очень холодно. Но она это сделала. Я хотел сфотографировать ее на фоне прибывающих и отходящих поездов. Кое-кто из людей, которых я снимаю, отказываются выполнить мои пожелания, поэтому мне было приятно, когда Айн Рэнд согласилась выполнить мою просьбу. Перед вокзалом она стала в броскую позу и протянула вперед руки. Этот снимок появился в журнале. Потом мы перешли в ее квартиру и сделали там еще некоторое количество снимков, которые не были опубликованы, однако она сделала все, что я просил.

Что вы пытались зафиксировать в своих фотографиях?

В основном мысль о том, что ее вдохновило местное окружение, если речь идет о романе *Атлант расправил плечи.* Поза ее указывала на то, что источником вдохновения для *Атланта* послужил как раз этот вокзал.

И ей понравилась эта мысль?

Да. Она была довольна самой идеей.

Хотели ли вы запечатлеть нечто особенное в личности Айн Рэнд?

Я сделал это в ее квартире. Здесь мои снимки оказались

более строгими, ибо обстановка была очень скупой. Оба снимка были архитектурными в том смысле, что Айн Рэнд невозможно отделить и от архитектуры. Область действия ее книг огромна, такое же чувство пробуждают во мне и Центральный вокзал, и ее жест.

В какой комнате ее квартиры вы снимали Айн Рэнд?

В гостиной.

И как она показалась вам в качестве модели?

Ей было несколько неуютно в этом качестве, однако я привык к тому, что людям, с которыми я работаю, неуютно, так что у меня не возникло ощущение того, что ей неудобно в большей степени, чем всем прочим.

Почему ей было неуютно?

Наверно, потому что ей было нечего делать. Кроме того, мне был нужен здесь более яркий свет, так что нам пришлось расставлять прожекторы и все такое. А это значит, что объекту съемки приходится просто стоять, что не очень-то удобно. Это не значит, что тебя заставляют стоять в какой-то причудливой и неудобной позе, просто ты не можешь сойти с места и выпить чашечку кофе. Потому что тогда свет придется перенастраивать заново.

Должно быть, отснятые в квартире кадры были сделаны в очень продуманных позах?

Да, думаю, что я пытался тогда запечатлеть собственное представление об Айн Рэнд. Не знаю, насколько уместно в данном контексте слово «строгая», но я хотел добиться впечатления достоинства и силы.

Много ли времени заняли съемки?

Думаю, что, наверное, два дня. В ее квартире мы провели, кажется, несколько часов. Несколько часов, должно быть, ушло и на съемку на вокзале. Кажется, она была одна.

Есть ли у вас философский подход к фотосъемке?

В наши дни многие люди своими портретами скорее утверждают моду, чем показывают характер. Я стараюсь проявить характер моего клиента — не составить с ним интересную композицию, не сделать объект съемки столь красивым, насколько это возможно. Поэтому я стремлюсь показать личность такой, какова она есть… Этого я и пытался добиться, снимая Айн Рэнд так, чтобы на снимках была не только она сама, но присутствовали и ее книги.

И вы считали, что вам действительно удалось показать ее характер?

Мне казалось, что я действительно сумел подчеркнуть в ней нечто особенное, и она была готова продемонстрировать это.

Что же именно?

Силу ее пера и ее личности, а также более естественную, менее выделяющуюся ее сторону.

Было ли в ней что-то уникальное или драматическое?

Думаю, что уникальной была ее уже удивившая меня способность пойти навстречу.

Вы поклонник ее книг?

Да, но я прочел их много лет назад! Придется перечитать. Я не забыл Говарда Рорка.

Будучи великим литературным примером цельного человека, честного художника, Говард Рорк вдохновлял вас?

Я считаю себя также цельным… Но он, безусловно, является столь огромной литературной фигурой, что, конечно же, вдохновлял. Думаю, что он стал примером для множества архитекторов, в этом можно не сомневаться. Эту книгу читал любой архитектор. Но в ней также фигурирует Питер Китинг. Каждый из нас встречался с ним в своей жизни и знает, является ли он сам Питером Китингом или нет.

Сама возможность повстречаться с ней, с человеком, на которого я всегда смотрел снизу вверх, и снять такие значимые кадры была для меня огромным счастьем. Помимо прочего эта женщина была еще и источником энергии. В былые времена немногие женщины становились директорами корпораций или знаменитыми писательницами; сегодня таковых больше, чем в прошлом, и Айн Рэнд, безусловно, относится к числу самых влиятельных и интригующих.

Синтия Пейкофф

Синтия Пейкофф (в девичестве Пастор) была секретарем и подругой мисс Рэнд с 1978 по 1982 год.

Дата интервью: 13 января 2000 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Синтия Пейкофф: В 1976 году Леонард Пейкофф читал в отеле «Статлер» в Нью-Йорке курс философии объективизма. Айн Рэнд принимала участие в части вопросов и ответов, и я пошла, чтобы посмотреть на нее и на него тоже.

Расскажите мне о вашей встрече с мисс Рэнд и о своих первых впечатлениях.

Я знала, что она будет присутствовать на лекции, и потому принесла с собой свой экземпляр *Атланта.* Я подошла к ней в перерыве, когда она говорила с другими людьми. С ней был и ее муж. Я спросила, не подпишет ли она мне свою книгу, она несколько удивилась, однако любезно согласилась и спросила, нет ли у меня ручки. Я сказала: «Нет». Она достала ручку из сумочки, и я попросила ее оставить автограф на последней странице, а не на первой. Она спросила: «Почему?» И я ответила: «Чтобы я видела вашу подпись всякий раз, когда заканчиваю перечитывать книгу. Мне это важно». И она написала так: «Синтии Пастор, надеюсь, вам было приятно читать эту книгу. Искренне ваша, Айн Рэнд». Это было замечательно. Она была очень любезной женщиной.

А как вы относились к ней до этого?

Я уже видела ее в Форд Холл Форуме, где составила свое первое впечатление. Она сидела на темной сцене. Вышла, села, положила рядом с собой сумочку. Я сразу же обратила внимание на блеск ее глаз и на то, как прямо она смотрит на мир. Я знаю, что в наше время популярно описывать окружающие людей ауры: «О, я могу видеть твою ауру и сказать по ней, каким человеком ты являешься». Однако она действительно обладала аурой — в том смысле, что ее как будто окутывало и венчало короной облако благоволения. Никогда более не видела ничего подобного.

Еще меня удивило то, что она прочла свою речь в манере не слишком эмоциональной, а скорее не то чтобы совсем повседневной, но деловитой. Потом меня потряс ее акцент. Когда читаешь ее книги, невозможно представить, что автор их говорит с таким жутким акцентом.

Как развивались ваши отношения с мисс Рэнд после знакомства на лекции Леонарда?

Когда мисс Рэнд заболела пневмонией и попала в госпиталь, мы с Леонардом уже встречались. Он хотел, чтобы я побывала у нее, и поэтому мы отправились в госпиталь вместе. Здороваясь с ней, я произнесла что-то вроде: «Я хотела приехать в Нью-Йорк для того, чтобы сделать две вещи — встретить мужчину, подобного Говарду Рорку, и познакомиться с вами, и вот я выполнила оба своих желания». Она самым очаровательным образом улыбнулась. Она всегда радовалась, когда ей говорили что-то хорошее о Леонарде.

Вы с ней общались в общественном плане или же стали ее секретарем?

Нет. Тогда я не была секретарем. И поэтому встречалась с ней в доме Леонарда. Однажды вечером он пригласил ее к себе на ужин. Помню, что я была на званом обеде в честь ее золотой свадьбы, состоявшемся в апреле 1979 года [15 апреля], так что я видела ее тогда, но едва ли разговаривала с ней.

Что вы помните об этой оказии?

Она сидела на кушетке и держала Фрэнка за руку. Он был уже очень слаб и не мог поддерживать разговор, но улыбался. Помню, что она тогда сияла счастьем.

Значит, после этого вы продолжали общаться с ней?

Да. Я приезжала к ним с Леонардом и разговаривала с ней или слушала их беседы. Ее ответы на тогдашнюю злобу дня — политические, этические вопросы, любые комментарии — всегда оказывались, на мой взгляд, неожиданно оригинальными. Если мы с Леонардом обсуждали вопросы подобного рода, его посещали блестящие озарения. Иногда мы задавали ей те же вопросы; и она обнаруживала более глубокий и сложный подход к рассмотрению проблемы. Это было восхитительно.

Можете ли вы описать какой-нибудь разговор между Леонардом и мисс Рэнд?

Оба они полусидели-полулежали на диване или в кресле. Она всегда находилась на диване. Он — в кресле. Меня всегда удивляли эти ленивые позы во время разговоров на философские темы. В ее книгах герои всегда философствовали с прямой спиной, но сама Айн и Леонард расслаблялись. Между ними происходил живой интеллектуальный разговор, в ходе которого он задавал вопросы, а она отвечала, или же они вместе обсуждали

какую-то тему.

И как она вела себя во время этих разговоров, если не считать расслабленной позы?

Она всегда была заинтересована и сосредоточена. Никакой расслабленности в плане интеллекта. И не то чтобы проявляла терпение в отношении Леонарда, но относилась к нему с явной симпатией. Она звала его «дорогой мой». И всегда проявляла огромную приязнь к нему.

Как вы описали бы их взаимоотношения?

Как сложные. Она была ему интеллектуальным наставником и другом. Он был самым близким к ней во всей ее жизни человеком, в особенности после кончины Фрэнка. Подчас она сердилась на Леонарда, когда считала, что он чего-то не понимает; она не могла понять, как можно не понимать таких простых вещей; она решала, что он делает это сознательно, и потому раздражалась. Я знаю, что они с Леонардом разговаривали об этом. Но я скажу вам еще кое-что о ней. Леонард пытался втолковать ей, что предметы очевидные и совершенно ясные для нее не всегда столь же очевидны для окружающих. Она часто не понимала людей, потому что сказанные ими слова воспринимались ею как возмутительные и нечестные. Она не могла понять, что другие люди не видят того, что совершенно очевидно для нее. И поэтому сердилась.

Так что их разговоры всегда были интеллектуальными, более чем теплыми, но и на личные темы за прожитые годы они разговаривали много-много раз.

Мисс Рэнд давала советы на личные темы или разъясняла персональные вопросы?

Они разговаривали о жизни, и он обращался к ней, если у него возникала проблема. Так было со всеми ее знакомыми.

А вы вели с ней беседы на интеллектуальные темы?

Нет. Знаете, как бывает, когда разговариваешь с давним другом или старым родственником? И нет никакой необходимости разговаривать на сколько-нибудь глубокие темы? Случалось, мы разговаривали о чем-то серьезном или о том, как проходит моя учеба, потому что я вернулась в колледж Университета Колумбии. А иногда о модах, распродажах у Б. Альтмана[361] или кошках.

Как вы стали секретарем мисс Рэнд?

Ее секретарем долгое время была Барбара Вейсс. Я знала ее с тех пор, как Барбара вела лекционные курсы Леонарда. В какой-то момент она захотела пуститься в свободное плавание, сообщила об этом Айн, после чего той пришлось подыскивать нового секретаря. В то время я занималась на дневном отделении Колумбийского университета и на часть ставки исполняла обязанности секретаря другой фирмы. Леонард предложил мне навестить ее, поскольку она с большим внутренним сопротивлением занималась поисками секретаря. Ей было трудно сменить секретаря, ввести нового человека в собственную жизнь.

Прежние друзья неоднократно предавали Айн. И к тому времени, когда возник вопрос о моем поступлении к ней на работу, она утратила желание впускать новых людей в свою жизнь и потому уже несколько недель оставалась без секретаря. Наконец она все-таки решилась и взяла меня, а Барбара дала мне все необходимые инструкции. Например, передала мне изумительный блокнот с типовыми формами писем, после чего меня проинструктировала уже сама Айн. Понемногу я научилась работать с ней. Утром в субботу я приходила к ней в дом и приступала к работе: оплачивала счета, вскрывала письма поклонников. Я забирала письма из ее почтового ящика и часть из них приносила домой, чтобы вскрыть и рассортировать. Впоследствии она стала диктовать мне; потом я печатала письма, часть которых подписывала она, а часть я сама. Я помогала ей разобраться в контрактах, вести дела с адвокатами, общаться с прессой, часто приглашавшей ее присутствовать на каких-то мероприятиях или просившей дать интервью. И в качестве ее секретаря я имела удовольствие часами просиживать с ней за самым ненавистным ей занятием, заполнением счетов — она всегда слишком стремилась избавиться от них. Это было интересно и забавно.

А вот и забавная история: я попросила прибавку, так как мне прибавили денег на другой секретарской работе. Я просила у нее прибавку именем капитализма и свободного рынка, однако она отказала. Тогда я сказала: «Ах так, я не намереваюсь больше работать на вас за эти деньги. Я заслуживаю большего». И перестала работать. Она передумала.

Я отказалась работать не в качестве уловки или шантажа. Просто потому, что работа не стоила этих денег. Она была слишком тяжелой. С ней было трудно работать, потому что она ненавидела житейские мелочи. И это было утомительно.

Она что-нибудь сказала о причине, заставившей ее отказать вам в прибавке?

Она решила, что она и так платит мне слишком много. Айн

была очень экономной.

И когда именно вы работали у нее?

Наверно, с 1980 по 1982 год. До самой ее смерти.

Опишите мне свой обычный рабочий день у мисс Рэнд.

Я приходила к ней не слишком рано утром в субботу. Она встречала меня у двери и отпирала оба замка, внешний и внутренний, причем не торопясь — она вообще была не слишком быстрой, во всяком случае, в старости. Она приветствовала меня, неспешно и любезно: «Здравствуйте, как поживаете?» После этого мы направлялись в столовую — к столу, за которым мы работали. Она предлагала мне какое-нибудь питье, обязательно на подносе. Кажется, мы всегда начинали со счетов, я выписывала ее чеки, а она подписывала их. Она сама вскрывала свои письма ножичком для бумаг, а потом передавала их мне. Она просматривала все свои чеки. Она любила, чтобы все чеки были выписаны одним, особенным образом, и мне приходилось следовать образцу.

Что было в нем особенного?

Скажем, вам надо заплатить сорок четыре доллара, и она требовала, чтобы вы приписали сзади два маленьких ноля, потом знак деления и «xx» под ним. Так надежнее. Она была очень осмотрительна в отношении денег. После того как мы заканчивали с ненавистными счетами, я подводила баланс ее чековой книжки. Потом мы переходили к письмам почитателей. Она всегда разделяла их на две стопки: те, которые были ей приятны, и те, которые приятными не были. Начинали мы с неприятных.

Почему вы начинали с неприятных?

Чтобы ответить.

Зачем же было отвечать?

Потому что письма эти требовали ответа. Авторы этих писем задавали ей вопросы или сообщали вещи неправильные, иррациональные или неточные. Или задавали ей такие философские вопросы, которые подразумевали, что они не знают, о чем говорят. Она должна была их поправить.

Но почему не сфокусировать свое внимание на тех, кто аплодировал ей или благодарил ее?

Я спрашивала ее об этом: «Почему вы так поступаете? Разве необходимо ответить хотя бы на одно из них?» Ведь это столь утомительно для нее. Я сказала ей: «Вы написали *Атланта* не для того, чтобы отвечать на письма читателей». Хорошие, добрые письма ей нравились. Иногда она бывала очарована теми простыми словами, которые писали ей люди. Иногда ей присылали совершенно чудесные письма, всякий раз, по сути дела, одно и то же, но вот на этот раз кто-то из Айовы, к примеру,

сумел найти особенно выразительные слова.

И как она ответила на заданный ранее вами вопрос: «Зачем вы делаете это»?

Никак. Пожала плечами. Иногда письма приводили ее в негодование. Она рвала некоторые из этих писем в мелкие клочки, потому что у нее уже не было прежней энергии. Она ходила медленно, время от времени задыхалась. После работы над счетами она всегда откидывалась на спинку стула и говорила: «Как я устала». Она опускала руки вниз и говорила: «Я больше не могу. Я больше не вынесу этого». Тогда мы переходили обратно к плохим письмам. И тут невероятным образом эта невозможно слабая, не способная ни к чему более старушка превращаясь в вулкан, рвала на кусочки толстую бумагу. И что интересно, она всегда аккуратно складывала обрывки или аккуратно спускала их в мусорную корзину. Это всегда забавляло меня.

Не осталось ли в вашей памяти содержимого какого-нибудь из писем, положительного или негативного?

Помню только то, что как раз когда я начинала работать у Айн Рэнд, ей прислал письмо старый друг из Голливуда. Она передала мне его в качестве теста и спросила: «Что вы думаете об этом письме?» Я прочла его, и она сказала: «Как вы поступите? Покажете мне это письмо или ответите самостоятельно: мисс Рэнд благодарит вас, однако она не имеет возможности лично отвечать на все письма?» Это был знаменитый голливудский художник по костюмам, работавший в многих фильмах.

Случайно не Уолтер Планкетт?

Да. Это он. О, это было чудесное, дружеское письмо, и она была очень рада весточке от него.

В качестве основного художника по костюмам он работал над таким фильмом, как Унесенные ветром. *Их знакомство началось в те дни, когда она работала костюмером в RKO в 1929–1932 годах.*

Таким был этот тест. Она сказала: «Что бы вы сделали с этим письмом, если бы я не обратила на него ваше внимание?» Таким образом, она дала мне следующий урок: если пришло письмо от очень старого знакомого или человека, претендующего на былую дружбу с ней, нужно обязательно показать ей это письмо. Она реагировала на письмо совсем не так, как на основную массу писем. Глаза ее вновь озарились прежним теплом и красотой.

Рассказывала ли мисс Рэнд вам что-нибудь о том времени, когда она работала с мистером Планкеттом или в костюмерной?

Возможно, но уже этого не помню. Она не принадлежала к тем людям, которые станут распространяться о своих друзьях. Она не была хвастлива. И никогда не вдавалась в подробности относительно тех людей, с которыми была знакома, чтобы

произвести на тебя впечатление. Сама она была человеком бесстрастным и не испытывала нужды производить впечатление на людей. Мне нравилось работать у нее в кое-каких отношениях, но в других, таких как заполнение счетов, это было весьма обременительно, потому что она терпеть не могла это занятие.

Вот одна из тех вещей, которые привлекали меня в ней: в докомпьютерные времена секретарю обыкновенно приходилось перепечатывать все письмо, если была допущена одна-единственная опечатка. И когда я начинала работать у нее, если я делала ошибку, она зачеркивала ее, исправляла собственной рукой и отсылала письмо. Я считала такие поступки верхом благородства. Ей не нужно было производить впечатление на кого бы то ни было. Это дало мне важный урок в отношении жизни и произведения впечатления на прочих людей. Когда я вижу людей, которым необходимо, чтобы все у них было идеально, дабы произвести впечатление на всю окрестность, чем бы они ни занимались, бизнесом или чем другим, я всегда вспоминаю об Айн Рэнд и о том, что это ничего не значит. Словом, мне было приятно подобное отношение, потому что я допускала массу опечаток.

И она никогда не ругала вас за это?

Никогда! Даже когда я печатала сценарий для мини-сериала по роману *Атлант расправил плечи*. Видели бы вы, сколько ошибок я сделала, и она не сказала мне ни слова. Я даже не знаю, правильно ли назвать ее в этой ситуации «доброй». Она просто не считала этот факт существенным. Но уверяю вас, в свои более молодые годы она обращала внимание на чистоту печати, потому что если взять ее рукописи и переписку, вы увидите, что они отпечатаны идеально.

Что еще вы можете сказать о ее методах работы?

Более медленного читателя я не встречала никогда. Свой экземпляр *Нью-Йорк таймс* она обрабатывала целый день, возвращалась к прочтенному и перечитывая его. Так она собирала материал для своих речей и политических статей. Она читала статьи, подчеркивала важные для нее идеи, выделяя их значимыми для нее способами, так чтобы можно было вернуться к ним и воспользоваться ими. Газеты она складывала стопкой на столе в столовой, так чтобы, ожидая, пока я закончу какое-то дело, она могла взять газету и посмотреть нужное ей место. Она продвигалась от слова к слову, от строчки к строчке. Самый глубокий мыслитель, равного которому мне уже не встретить в этой жизни, был самым медленным читателем из всех, кого мне

пришлось встретить!

Она не поясняла ход своего психологического процесса? Может быть, она вчитывалась в каждую фразу, в каждое предложение и анализировала их?

Я никогда и ничего не говорила ей об этом. Например, если она изучала контракт, то разбирала его по каждому слову в точном его в данном контексте значении и ставила вопросительные знаки для адвоката. Она никогда не принимала контракт, не прочитав его слово за словом. В этом отношении она была чрезвычайно осторожна.

Чем еще вы занимались во время субботних рабочих сессий?

Уставая от деловой рутины, мы просматривали каталоги. Универмаг Альтмана располагался ближе всего к ее дому. Каталоги Lord & Taylor's и Gump's из Сан-Франциско. У фирмы Gump's был необычный каталог. Мы любили рассматривать одежду. Я спрашивала ее: «А это вам нравится?» Мы могли смотреть домашние халаты или шлепанцы. Я показывала ей на то, что нравилось мне. Она говорила мне, что нравится ей. Я даже придумала себе игру: надо было выбрать любимую вещь на странице. Словом, мы листали каталоги и выбирали свои любимые вещи.

Как она относилась к такому занятию?

Всегда с охотой. И была за ним куда более приятной, чем за оплатой счетов или чтением негативных писем.

Как обстояло дело с запросами прессы?

Она была очень осторожна с ними. Помню, однажды ее захотела проинтервьюировать газета *Крисчен сайенс монитор (Christian Science Monitor)*. Айн Рэнд захотела полностью контролировать текст, после чего там отказались от этой идеи.

Что еще вы можете сказать?

Незадолго до ее смерти появилась новая станция кабельного телевидения, интервьюировавшая знаменитостей для программы, носившей название «Биография». Там захотели проинтервьюировать ее. Мы работали над этим вопросом, когда

она умерла. Она согласилась встретиться с ними. Интервью уже включили в программу, кажется, на март.

Случалось ли вам слышать от мисс Рэнд что-нибудь о ее прошлом?

Не помню такого. Она не говорила о своем прошлом. Мне кажется, что оно просто не интересовало ее.

Расскажите мне об интервью для Донахью.

Она сочла предложение лестным для себя. Продюсеры были очень любезны с ней, тем более что она намеревалась впервые выбраться в свет после смерти мужа. Выступить в «Шоу Фила Донахью» было приятно и волнующе. Она всегда внимательно относилась к необходимости рекламировать свои произведения, чтобы книги ее лучше продавались.

Что она думала об интервью?

Они ей нравились. Ей нравился Фил Донахью. Она называла его «очень хорошим человеком». Он обращался с ней с уважением и симпатией, брал ее за руку; казался теплым и искренним. Он понимал, что муж ее скончался недавно, и проявлял всяческое сочувствие, во всяком случае, на моих глазах перед шоу в Мэдисон-сквер-гарден.

Это то самое шоу, на котором случился конфликт: какая-то женщина поднялась и оскорбила мисс Рэнд?

Да.

Как мисс Рэнд впоследствии реагировала на этот факт?

Я была расстроена, поскольку Донахью не заступился за нее, хотя согласно контракту был обязан не допускать проявлений враждебности к ней. Не помню, чтобы потом из-за этого поднимался какой-нибудь шум. Меня удивило, что в результате всего происшедшего у нее осталось положительное впечатление о шоу. Я была рассержена, однако она, как мне кажется, нет.

Были ли какие-нибудь другие крупные интервью?

Ее интервьюировал Луис Рукейзер. Я присутствовала при этом интервью. Это случилось во время последнего в ее жизни путешествия — в Новый Орлеан на крупную бизнес-конференцию и выставку. Она была главным оратором. В один из вечеров Луис Рукейзер давал свое шоу из Нового Орлеана и пригласил ее принять участие. Он был очень хорошим, очень обходительным человеком, а кроме того, восхищался ею и уважал ее. Другого обхождения она, по совести говоря, не заслуживала, и все прошло очень хорошо.

А как насчет Тома Снайдера[362]?

О, мне кажется, что он ей понравился. Это было хорошее интервью. То, что я видела в последних интервью, отличалось от моих впечатлений о прежней части ее жизни в том, что интервьюеры не пытались достать ее, осмеять, спровоцировать или поставить на место. Посему интервьюер всегда оставлял хорошее впечатление о себе. Находясь возле экрана, можно было много узнать об Айн Рэнд. Ей более не было необходимости защищаться. Не думаю, чтобы ей хотелось снова это делать, и она требовала в контрактах исключить враждебные выпады против нее.

В это время мисс Рэнд посетила прием в честь Майка Уоллеса.

Да. Меня удивило, что она посетила его, и еще более удивило то, что он отнесся к ней с таким уважением. Думаю, что он очень чтил ее. И она тоже ему симпатизировала. Прием был дан в честь его карьеры. И он пригласил всех, кого интервьюировал для своей биографической серии в 1960-х годах.

Можете ли вы припомнить какие-нибудь другие занятные или забавные эпизоды, связанные с вашей секретарской работой?

Да, бывали такие. Она нередко диктовала мне ответы на неприятные письма. И спрашивала меня: «Как по-вашему — это не слишком сильное выражение?» или: «Не чересчур ли я рассердилась?» И я иногда отвечала: «Да, действительно даже я не хотела бы подписаться под таким письмом». Дело в том, что она отдавала мне на подпись самые неприятные письма. Такие, в которых она отвечала: «Мисс Рэнд не располагает временем, необходимым для ответа на ваши вопросы» или «Мисс Рэнд просила меня передать вам, что…» Бла, бла, бла. И она не хотела подписываться под такими письмами, так как это означало, что адресат будет располагать автографом Айн Рэнд, придающим письму некую ценность. Мне было забавно слышать, что Айн Рэнд спрашивает меня, не слишком ли она сердится на бумаге. И я отвечала: «Да, на мой взгляд, здесь можно сказать и полегче». И она соглашалась со мной.

На что был похож ее кабинет?

Он был весь заставлен мешками с оставшимися без ответа письмами. Поэтому мы там вообще не работали.

Насколько я понимаю, это вы разобрали архив и прочие бумаги мисс Рэнд после ее смерти.

Да, этим занимались мы с Леонардом.

Какие материалы хранятся в нем по поводу Бранденов?

Наиболее относится к теме толстый журнал, который она заполняла по дням, неделям и месяцам перед окончательным разрывом с ними, когда они поодиночке приходили в ее дом, чтобы обсудить с ней происходящее, объяснить ей свое поведение и непонятные для нее поступки. Они лгали неделю за неделей, неделю за неделей, и она не понимала, что они лгут. Когда они уходили, она садилась за письменный стол и исписывала страницу за страницей на голубой нелинованной бумаге, пытаясь понять то, что они ей наговорили. Она записывала весь разговор, а потом разбирала его, предложение за предложением: что на самом деле означают их слова, или что ей, возможно, следует учесть, или какой вопрос следует задать, потому что иначе вся история не имеет смысла. Она стремилась найти здравый смысл и порядок в их вымыслах.

Итак, она пыталась спасти отношения и понять их?

О да. Она хотела сохранить свои отношения с ними, однако это делалось все более и более невозможным из-за их поведения. Но в конце концов, приложив колоссальные интеллектуальные усилия, поняла, что они лгут ей.

Оба?

О да, но в большей степени Натан. С учетом всей серьезности, с которой она воспринимала все, что ей говорят — постоянная ложь с их стороны, изобретение все новых и новых вариантов для того, чтобы обмануть ее, чтобы присвоить себе те деньги, престиж и влияние, которые они приобрели благодаря дружбе с ней и ее благосклонности — в ее глазах это было преступлением невероятной величины. Направленным именно против нее лично. Она очень переживала. Могу только сказать, что человек, являющийся поклонником ее творчества и способный осознать глубину ее ума, силу ее мысли и чувства по отношению к людям, которым она симпатизировала, которых любила, которым доверяла, без труда поймет тяжесть перенесенного ею удара.

Надеюсь на то, что однажды ради правды и справедливости эти материалы станут известными и весь мир узнает, что Брандены всего лишь патологические лжецы.

Она когда-нибудь говорила с вами о Бранденах?

В 1981 году Барбара Бранден ни с того ни с сего прислала Айн дружественное письмо, в котором написала, что была бы рада увидеть ее после всех этих лет. Айн сказала мне: «Ну, хотелось бы понять, к чему все это. Думаю, придется встретиться с ней и узнать, что у нее на уме. Посмотрим, какой она стала». И она пригласила Барбару к себе. Насколько я понимаю, они остались вдвоем ради ланча и беседы, а потом Барбара ушла. Я приехала к Айн на следующий день, чтобы узнать, как прошла встреча. Айн ответила: «Так себе. Ничего особенно важного не было. Она не хотела ничего особенного». Могу ошибиться в словах, однако у меня осталось ощущение того, что Барбара разочаровала ее. Она оказалась пустым местом.

Через день или два я извлекла из почтового ящика Айн почту, где среди прочих писем оказалось письмо от Барбары, написанное аккуратным почерком и содержащее деловой вопрос. Она сообщала, что пишет биографию Айн, а прошлое осталось в прошлом. Не хочет ли Айн помочь ей? Еще Барбара сообщала, что в любом случае продолжит свой труд. Еще она выразилась в том плане, что ей было очень приятно встретиться в тот заранее назначенный день. Прочитав письмо, Айн посмотрела на меня и сказала: «Так вот в чем дело». В том случае, если ты пишешь о ком-то, существует старинная уловка: ты договариваешься о встрече с этим человеком, а потом пишешь в письме: «Рад, что мы встретились с тобой в такой-то и такой-то день». А потом в своей книге можешь написать, что действительно встречалась с этим человеком, и притом он был согласен на встречу с тобой. Это придает легитимности встрече и книге, создает впечатление, что встреча состоялась исключительно ради будущей книги.

Мисс Рэнд говорила что-нибудь еще по поводу ситуации?

Ситуация была ей отвратительна. Эта биография ничуть не заинтересовала Айн. Она просто пожала плечами. Хотите верьте, хотите нет, но вся история ненадолго задержалась в ее памяти. Когда книга Барбары Бранден вышла, я нашла в ее указателе ссылку на эту встречу, из которой следовало, что Бранден сочинила то, чего не было. Если сравнить ее сочинение с моим рассказом, станет видно, что они ни в чем не совпадают. Встречаясь с ней, Барбара не сказала Айн, что пишет ее биографию.

Как тогда обстояли дела с киносценарием по Атланту?

Предложение исходило от Яффе. Стирлинг Силлифант сделал адаптацию, однако она сочла ее неудовлетворительной — слишком натуралистичной и прозаичной в некоторых местах. Он был хорошим писателем — Айн восхищалась им. Она редактировала его текст, и в какой-то момент работа с компанией

сорвалась. Так что весь проект уже опочил, когда она увидела на телеэкране актера, который, по ее мнению, прекрасно сыграл бы Франциско, после чего она решила, что сама напишет сценарий мини-сериала.

Расскажите мне о тех проблемах, которые при этом обнаруживались.

У нее не было никаких проблем. Уже много лет назад она набросала контуры сценария для восьмичасового мини-сериала. Кроме того, у нее были наброски четырехчасового двухсерийного художественного фильма и более короткого мини-сериала.

Расскажите мне, как она работала над телепостановкой.

Она взяла книжку *Атланта,* и эпизод за эпизодом подчеркнула все диалоги, которые, по ее мнению, следовало сохранить. А потом уселась за стол и собственноручно на привычной голубой бумаге принялась записывать их в нужном формате. Она сделала уже третью часть всей работы, и я печатала ее.

Вы обсуждали с ней телепостановку?

Мы немного говорили о том, как уменьшить число персонажей. Она объясняла, почему из двоих персонажей сделала одного и почему исключила Черил Таггарт из числа действующих лиц.

Каких персонажей она соединяла? Надеюсь, не главных?

О нет. Никогда. Все прочие оставались на своих местах, однако она намеревалась избавиться от Черрил Таггарт, и в одном из вариантов ликвидировала Сиделку. Приходилось ужиматься.

Сокращению подлежали побочные сюжетные линии, не связанные с темой книги, с развитием сюжета. Черрил не относилась к числу центральных персонажей; сюжет без нее не рассыпался, да и времени на нее не было. Меня увлекало то, как быстро она проделывает эту работу — благодаря тому, что давным-давно продумала сюжетные ходы и методы их реализации, о чем и свидетельствовал этот набросок.

Каких актеров мисс Рэнд хотела бы привлечь к съемкам мини-сериала по Атланту?

Я знаю, что в 1960-х годах она хотела видеть Ли Ремик[363] в роли Лилиан Риарден. На роль Дагни, на ее взгляд, идеально подходила молодая Катрин Денёв[364]. Вы должны понять, что у Айн была несокрушимая точка зрения в отношении, кого и чего она хотела. И если Гэри Купер не был способен сыграть так, как она того хотела, он все равно был нужен ей — из-за его

внешности.

Случалось ли вам беседовать с мисс Рэнд о романе Мы живые?

Однажды, работая у нее, я перечитала *Мы живые*, но так и не смогла заставить себя прочитать последнюю часть, в которой умирает Кира. И сказала ей с легкой печалью: «Айн, ну зачем вам понадобилось убивать Киру? Горько читать». Она объяснила мне, что в условиях тогдашней тоталитарной диктатуры, самой жизни в тогдашней России, следуя теме и сюжету, Кира должна была умереть. Другого выхода для нее не было. Нетрудно вспомнить, что первоначально роман назывался *Духота*. И тогда я сказала ей: «Не могу больше читать эти печальные истории про Ромео и Джульетт, которых ждет смерть». Она совсем не была задета этими моими словами и осталась очень любезной.

Случалось ли вам задавать ей какие-нибудь другие вопросы относительно ее произведений?

Однажды я спросила ее: «Как у вас в голове складывается визуальное восприятие сцен?» Она ответила, что во время прогулок или вообще в любом месте видит эту сцену внутренним взором, описывает сама себе и сохраняет в памяти.

Вы когда-нибудь говорили с ней про любовь?

Да, был один такой разговор. Однажды вечером мы прощались и коснулись в разговоре темы любви и влюбленности. Я знаю, что она была влюблена в одного из героев *Крысиного патруля*[365]. И я сказала ей: «Понять этого не могу, но, начиная с шести лет, я постоянно была в кого-нибудь влюблена». И она ответила: «Ну, и я тоже». Я спросила: «В самом деле? То есть всю свою жизнь вы кого-то любили?» И она сказала: «Да».

Приходилось ли вам разговаривать с ней о женственности?

Нет, о женственности мне с ней разговаривать не приходилось, но о феминизме мы с ней говорили. Однажды я спросила ее о том, было ли в ее время или вообще в прежние времена женщинам сложнее устроиться на работу… Она решила, что я — феминистка, и набросилась на меня. Закатила целую тираду. Когда она выговорилась, я поправила ее и сказала, что не являюсь феминисткой, а просто задала вопрос. Таким вот образом я предоставила ей единственную возможность перепрыгнуть к выводам и заподозрить меня в самых низменных убеждениях.

Айн Рэнд заметно изменилась за годы вашего знакомства?

Да. Она очень грустила после смерти Фрэнка и также покорилась усталости. Сердце отказывало ей. У нее была застойная сердечная недостаточность и прежние силы начали

оставлять ее. Ей стало не до приемов и вечеринок.

Чем еще в это время она занимала себя?

Читала Агату Кристи — книгу за книгой.

Уже после кончины мистера О'Коннора?

Да. Кажется, так.

Почему именно Агату Кристи?

Она любила сюжеты Агаты Кристи. Кстати говоря, ко мне перешли некоторые из принадлежавших ей томиков Агаты Кристи. Она ставила чернилами свои инициалы на первой странице книги в знак того, что читала ее. А потом ставила над ними метку карандашом, если перечитывала эту книгу.

Она угадывала развязки?

Да, в частности в *Убийстве Роджера Экройда*. Но самым любимым ее романом был *Таинственный мистер Кин*[366].

Какие книги она читала, кроме Агаты Кристи?

Знаменитые писатели дарили ей свои книги, такие как Джеймс Клавелл, Ричард Бах. Она получала уйму подписанных авторами книг.

Они присылали ей свои произведения, или она встречалась с ними? Вы что-нибудь знаете об этом?

Я знаю, что Клавелл был у нее в гостях вместе с дочерью. Он хотел встретиться с Айн, так как был большим ее поклонником. Хотите, я перескажу вам надпись, которую он оставил на своей книге *Благородный дом? «*Айн Рэнд, одной из подлинных талантов, — последние слова он дважды подчеркнул, — на этой земле с многими и многими благодарностями».

Книги ей подписывали многие другие популярные авторы. Ричард Бах, автор *Чайки Джонатана Ливингстона,* написал: «Айн Рэнд! С величайшей благодарностью за созданных ее фантазией достойных людей и за возвращение в язык слова „согласие“».

Чем еще она занимала свое время?

Она работала вместе с Леонардом над его книгой *Опасные параллели (The Ominous Parallels)*. Он приносил ей каждую новую

главу, и они сидели над ней. Когда я познакомилась с ним, он находился на конечной стадии редактуры, проходил главу за главой, и она была в восторге от его работы. Помню, как она писала введение к его книге: «Если вы любите мои произведения, то полюбите и эту книгу». Она никогда не писала введений к чужим книгам, за исключением Виктора Гюго.

Вы играли в скрабл с мисс Рэнд?

Кажется, да.

Вам случалось ее побеждать?

Пожалуйста, поймите: она была полностью лишена соревновательного духа и потому помогала партнеру. Такая была она. Она не ощущала никакой потребности победить. Ей очень нравился скрабл, и играла она без спешки. Она думала долго и была щедрой. Если у тебя была возможность составить слово на пятьдесят очков, она хотела, чтобы ты хорошенько подумала, но нашла его.

Чем еще занималась мисс Рэнд?

К ней приходили люди, с которыми она разговаривала на высокие темы. Она разрешила нам пригласить к ней нашего друга Стива Жоливетта, изучавшего историю и желавшего задать ей вопросы. Она согласилась, однажды вечером он пришел вместе с нами, сел и стал задавать ей вопросы на исторические темы. Помню, она сказала: «Я не слишком хорошо разбираюсь в истории и не знаю, что смогу сказать вам».

Его интересовало ее мнение о Французской революции, и я уже забыла, о чем еще. Однако она изучала историю в колледже. И если Айн говорила, что не очень хорошо разбирается в каком-то предмете, то это совсем не означало, что она вообще не разбирается в нем. Она непринужденно владела исторической перспективой.

Расскажите мне об отношениях Элоис Хаггинс с мисс Рэнд и мистером О'Коннором.

Сперва Элоис больше симпатизировала Фрэнку, чем Айн. Она сблизилась с Айн после того, как та перенесла операцию на легких. Она покупала для них продукты, готовила, следила за домом. Элоис была очень добросовестным человеком. Ей не нравилось, как домработница убирала в доме, и поэтому кое-какие мелочи она делала сама. Она накрывала стол к ужину и, наверно, приходя на следующее утро, мыла посуду.

Как мисс Рэнд относилась к проповедям Элоис, уговаривавшую ее вернуться в лоно христианской церкви?

О, она не обращала на эту проповедь никакого внимания. Однако они долго рассуждали на эту тему, так как Элоис не проявляла никаких наклонностей к объективизму. Однако Элоис

обладала тонким умом. Она родилась в Британской Гвиане, где отец ее был директором колониальной школы, дававшей прекрасное образование. Элоис воспитывал собственный отец, заставлявший своих детей после достижения ими восьми лет каждый день читать газеты и сообщать свои впечатления. То есть мы говорим о прекрасно образованной женщине, а не о кухарке. После прихода социалистов к власти в Гвиане семья бежала на Барбадос, и наконец она эмигрировала в Нью-Йорк, где ей пришлось сделаться домашней прислугой. Однако Элоис на самом деле хотела стать медсестрой, но она очень симпатизировала Фрэнку и потому осталась у О'Конноров кухаркой. Но как мне кажется, после смерти Айн она пожалела об этом — о том, что не стала медсестрой.

Вы говорите так, будто очень хорошо знали ее.

Да. Мы с Элоис дружили. А подружились мы потому, что работали у Айн. И познакомились потому, что работали у нее. И в таком качестве я чувствовала себя ровней с Элоис. Она была женщиной практичной, и мы могли непринужденно говорить о том, что видели, и о том, что происходило.

Как вы охарактеризовали бы ее отношения с мисс Рэнд?

Перед смертью Айн назвала Элоис своей сестрой. Когда Элоис однажды пришла к ней в госпиталь, Айн сказала ей: ты мне как сестра, а я умираю. О том, что она умирает, Айн больше никому не говорила. Понимаете ли, Айн особым образом относилась к Элоис. Она была ей как родственница, настолько они были близки. Это была какая-то безусловная связь, не такая, как если бы Элоис была объективисткой, и ее мнение было чрезвычайно важным для Айн. Она принимала Элоис, какой та была, со всеми различиями между ними.

Какие же были эти различия?

У них было много общего. И та, и другая были непосредственными свидетелями захвата их стран коммунистами. Обе были интеллектуальными и честолюбивыми по воспитанию. Обе любили одного и того же мужчину. Элоис была влюблена в Фрэнка. Обе они заботились о Фрэнке, беспокоились о нем. Они стали подругами. Различия возникали, когда речь заходила о религии. Другое различие заключалось в том, что у Элоис были дети. У Айн их не было.

Какое мнение осталось у Элоис о мисс Рэнд в общем итоге?

Она была глубоко опечалена ее смертью и даже потрясена тем, что Айн не оставила ей никаких денег в своем завещании.

Почему?

После всех прожитых ими вместе лет нетрудно было подумать, что Айн подобает оставить ей в своем завещании

небольшую сумму. Я была шокирована. Но вы должны понять Айн Рэнд. Она была очень озабочена своей собственностью, и своим авторским правом, и использованием его тем человеком, к которому оно отойдет после ее смерти. На мой взгляд, она не хотела, чтобы после ее смерти возникли какие-то вопросы к ее завещанию. Она хотела, чтобы все отошло к Леонарду, потому что доверяла ему. Узнав о том, что она забыла про Элоис, мы с Элоис расстроились. Помню, как мы шли по улице, и я рассказывала ей о том, что произошло. Она прямо остановилась на месте. Подобное небрежение воистину стало для нее источником обиды, однако со временем я обговорила этот вопрос с Леонардом, и он решил выделить ей в качестве дара 10 000 долларов, вполне заслуженных ею.

Она осталась и помогла мне частично разобрать квартиру. Мы работали вместе и подчас затевали долгие разговоры об Айн, Фрэнке и Леонарде, о том, что ей довелось видеть в отношении Бранденов и окружавших Айн людей, о ее мнении о них. Она сказала: сборище пустозвонов. Симпатизировала она только одному Леонарду.

Можете ли вы рассказать какие-нибудь кошачьи истории, связанные с мисс Рэнд или мистером О'Коннором?

У нее были простыни со львами и драгоценности с кошками. Она вырезала фото с кошками из телепрограммы. Ей нравились рекламные ролики с котом Моррисом на ТВ. К моменту смерти у нее собралась не одна стопа изображений кошек. Она вырезала понравившиеся ей картинки. А нравились ей в этой жизни многие вещи… она собирала камни, марки, картинки с кошками. Она вырезала марки из писем. У нее был замечательный кот. И однажды в ветлечебнице она взяла еще одного бесприютного кота, которого назвала Томми, серого, уличного, очень пушистого и ласкового. Это был ее последний кот.

Мы ей говорили: «И как ты сумеешь ужиться с ними?» Потому что она решила держать в одной квартире двух котов. Она ответила: «Буду держать закрытой дверь между двумя частями квартиры». И исполнила свое намерение. Это были два крупных чрезвычайно ласковых кота. Я попыталась уговорить ее открыть дверь, ну, подумаешь, что случится, если они подерутся. Но она не намеревалась рисковать. Коты так и не встретились.

С кем еще встречалась мисс Рэнд после смерти Фрэнка?

Она встречалась, в частности, со своим врачом, доктором [Крэнстоном] Холманом, видным хирургом и коллегой в области собирания марок. Он забирал Айн, и они вместе посещали

марочные мероприятия. После смерти Фрэнка я однажды сказала ей: почему бы вам не назначить свидание доктору Холману? Перспектива встреч с другим мужчиной привела ее в ужас. Поиски новой любви не укладывались в ее жизненную схему. Но она симпатизировала ему. Он обращался с ней подчеркнуто вежливо и почтительно. Такой старомодный… мужчина ее типа. Время от времени она встречалась с матерью Леонарда и звонила ей по телефону. А также Сурсам.

Кому еще?

Мими Саттон, племяннице Фрэнка, жившей в Чикаго. Насколько я знаю, они много лет поддерживали отношения. На каждое Рождество Айн посылала ей деньги и небольшую теплую записку. Они изредка переписывались.

Обсуждали ли вы с мисс Рэнд свой интерес к психологии?

Да. Я возвращалась к учебе и намеревалась получить диплом бакалавра гуманитарных наук по психологии, а она все никак не могла понять, зачем мне понадобилось тратить свою жизнь на чужие проблемы.

Разговаривали ли вы с ней о своих занятиях, обучении, факультете, профессорах, трудностях и тому подобном?

Нет. Нам обеим нравился французский язык, поэтому я углубленно изучала его, и это доставляло мне удовольствие. Иногда мы пытались разговаривать по-французски. У нее было жуткое, совершенно фальшивое французское произношение.

Что еще вы можете сказать о ее реакции на смерть Фрэнка О'Коннора?

Я знаю, что доктор сказал: «Она ухаживала за ним лучше, чем, по его опыту, обыкновенно ухаживают за подобными больными». Я спросила ее о том, плакала ли она. И она ответила: «Нет, какой в слезах толк?»

Какие фильмы ей нравились, и какие она ругала?

Они с Элоис ходили в кино, чтобы посмотреть современный боевик с участием Ганса Гудегаста из *Крысиного патруля.* Фильм, с ее точки зрения, оказался ужасным.

Расскажите мне о том, как мисс Рэнд умирала.

Она ездила поездом на деловую конференцию в Новом Орлеане и на обратном пути заболела воспалением легких. Поправиться она не сумела, так как у нее почти не оставалось сил. В конце концов, нам пришлось положить ее в госпиталь. У Леонарда был грипп, и она не хотела, чтобы он появлялся в ее доме, так как у нее уже не было практически никакого иммунитета. Поэтому я вызвала «скорую помощь» и отвезла ее в госпиталь.

Ей было плохо, и она не запомнила этот эпизод. Она бредила и провела в госпитале четыре или пять недель, пока врачи проводили исследования. Она то теряла сознание, то приходила в себя.

Почки и печень то отказывали ей, то начинали снова работать. Доктор просто не мог понять, что с ней происходит.

Как его звали? Это был доктор Шарер?

Он самый. Конечно, за ней приглядывал и доктор Холман. Она лежала в Нью-Йоркском госпитале[367] в отдельной палате с телевизором. Наконец она несколько поправилась, лихорадка оставила ее, она полностью пришла в сознание, что сулило надежды на выздоровление, однако была настолько изможденa болезнью и слаба, что едва могла говорить. Она сказала доктору, что хочет вернуться домой и умереть. Он ответил: «О'кей, я отпущу вас домой, только обещайте мне есть». И она обещала. Наша подруга Сандра Шварц, будучи кухаркой, немедленно взялась за дело, приготовила свежий куриный бульон и отвезла его в квартиру Айн, которая пыталась пить его, как обещала врачу.

Силы в ту неделю постепенно оставляли ее. В среду я приехала проведать ее. Она лежала в постели и с трудом села. За ней ухаживали круглосуточные сиделки, а днем приходила Элоис. Леонард бывал у нее каждый день. Он должен был представить ей на одобрение суперобложку ее новой, готовившейся к выходу книги *Философия: кому она нужна.* Она села, прочла и одобрила.

Потом я принесла ей Томми, она прикоснулась к нему и как будто бы даже погладила. А потом посмотрела на меня и молча пожала плечами, как бы пытаясь сказать «что поделаешь» — она понимала, что умирает. Пятница прошла спокойно, Леонард был у нее, а в субботу утром нам позвонила сиделка и сказала, что у Айн сердечный приступ и Леонарду лучше поспешить. Он бежал всю дорогу, однако застал ее уже мертвой. Сиделка сказала, что

Айн попросила подержать ее за руку и умерла.

Умерла, держа сиделку за руку?

Не могу вам сказать, так ли это было, потому что сиделка сразу же бросилась звонить Леонарду, знаю только то, что Айн попросила взять ее за руку.

Ваши итоговые комментарии?

Могу сказать только то, что меня соединяли с ней совершенно особые отношения, иные, чем с другими людьми. Я знакомилась с ней в качестве наемной работницы, что означало, что она не обязательно видела во мне потенциальную объективистку. С другой стороны, между нами образовалась подлинная, основанная на взаимной симпатии дружба. Ее смерть была для меня утратой. Я бы сказала, что, зная Айн Рэнд лично, я всегда чувствовала себя в этом мире надежно, потому что она умела придать ему смысл.

1980-е годы

Глория Альтер

Глория Альтер руководила в 1973 году съемками фильма *Ночью 16 января* и была знакомой Айн Рэнд.

Дата интервью: 24 февраля 1997 года.

Скотт Макконнелл: *Приходилось ли вам встречаться с Айн Рэнд после 1973 года?*

Глория Альтер: Да, я присутствовала на ее последнем выступлении в Форд Холл Форуме в 1981 году.

После выступлений мисс Рэнд нескольких человек всегда приглашались в ее гостиничный номер побеседовать. Нас с моим мужем Тоддом тоже пригласили. Я вошла в номер, она стояла, я подошла к ней и сказала: «А знаете, вы прекрасно смотритесь». Глаза ее осветились, она поманила меня в спальню и как девчонка спросила: «В самом деле?! А я все сомневалась в своем платье. Как по-вашему, оно нормальной длины? Не слишком коротко и не слишком длинно?» Я ответила: «Нет, оно великолепно сидит». — «И мне только что сделали прическу — в правильном ли стиле?»

Мы немного поговорили о ее внешности. Она была уже немолода, но прямо дышала красотой, детской такой красотой, это было великолепно. Интересно было то, что на этих вечерах разговор шел о только что прочитанном выступлении и на прочие интеллектуальные темы. Но они словно бы отступили на второй план на пять минут, и ей было приятно услышать, что она хорошо выглядит.

Значит, она так и не утратила женственность?

Никогда. Отчасти причиной моей реакции на ее внешность было то, что она излучала женственность до конца дней своих.

Рональд Писатуро

Актер, писатель и преподаватель Рональд Писатуро посещал лекции и занятия, проводившиеся Айн Рэнд, и встречался с ней в 1980 году.

Дата интервью: 6 апреля 1999 года.

Скотт Макконнелл: *Расскажите мне о том, как вы познакомились с Айн Рэнд.*

Рональд Писатуро: Я изучал основы объективизма в классе Леонарда Пейкоффа. Занятия происходили в гостиной его квартиры. Во время одного из занятий кто-то постучал в дверь. Доктор Пейкофф вышел из комнаты и вернулся уже с Айн Рэнд. Она вошла в комнату в такой скромной манере, что сначала я даже не понял, что это она, потому что она прошла через помещение и села сбоку. Она явно старалась не прерывать занятия.

Итак, доктор Пейкофф вернулся к обсуждению материала, и в какой-то момент Айн Рэнд взволнованно то ли охнула, то ли вздохнула — как школьница, которой пришла в голову идея, которая умирает от желания поделиться ею, но понимает, что сначала нужно поднять руку и попросить разрешения. Она была внимательна и вежлива и считала себя не вправе заговорить без разрешения. Звук этот вместил столько волнения и желания высказаться, что доктор Пейкофф обратил на нее внимание и позволил задать вопрос. Она сказала, что хотя и не слышала точную формулировку доктора Пейкоффа, однако придерживалась в своих произведениях именно такой точки зрения. Тема неподдельно заинтересовала Айн Рэнд, и говорила она с абсолютно невинным выражением на лице.

Ракель Уэлч

Ракель Уэлч — актриса и кинозвезда. После 1964 года снималась более чем в шестидесяти фильмах и телевизионных шоу. Познакомилась с Айн Рэнд в 1981 году.

Дата интервью: 1 апреля 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы познакомились с Айн Рэнд?*

Ракель Уэлч: Я заинтересовалась фильмом по роману *Атлант расправил плечи,* и мои представители вступили с ней в контакт. Оказалось, что кто-то уже купил права на съемку фильма, а я хотела сделать из него телевизионный мини-сериал.

Ее представители сообщили мне, что Айн не заинтересована в урезании книги. Я подумала: «Ладно, по крайней мере дам им знать, что я интересуюсь этой книгой и вижу в ней занимательное повествование с удивительно интересными персонажами». Они показались мне похожими на героев *Унесенных ветром* — более яркими, чем в жизни, страстными и сексуальными.

Читая Атланта*, вы видели себя в роли Дагни Таггарт? Это и заинтересовало вас?*

Да. Я подумала, что будет очень интересно сыграть эту женщину — современную, решительную и образованную. Очень женственную, однако наделенную ноткой «мужественности», привлекательной для некоторых представительниц моего поколения. Мы оказались в новой эре, когда одинокая женщина, специализирующаяся, как в моем случае, в шоу-бизнесе, должна была обладать уже и способностями предпринимателя. К тому времени, когда в 1960-х годах я попала в Голливуд, студийная система прекратила свое существование. Я ощущала себя попавшей в полный хаос, в котором не могло быть никакого порядка, и малейшие попытки создания такового уничтожались на корню. Айн Рэнд обладала очень упорядоченным, логически выстроенным умом, и в ее книгах было много привлекательных для меня мыслей.

Как отреагировали голливудские деятели на ваш интерес к роману Атлант расправил плечи?

Когда я начала говорить на эту тему, люди качали головами и говорили: «Тебе не удастся ничего сделать. Многие пытались, но безуспешно. Забудь». И я отвечала: «Почему все так уверены в неудаче? Не лучше ли попробовать и посмотреть, чем закончится дело?» Второй уровень дискуссии споткнулся на той идее, что Айн не пойдет на сотрудничество с кем бы то ни было, а если она

не пойдет на сотрудничество с кем бы то ни было и на компромисс в отношении диалогов и так далее, тогда фильм просто невозможно будет снять.

Как интерес к Атланту *привел к вашей встрече с мисс Рэнд?*

Я позвонила ее людям и сказала, что хочу встретиться с ней. В какой-то момент кто-то из них ответил, что встречу можно будет устроить в Нью-Йорке. Я подумала: «Вот здорово». Мне также сказали, что благодаря форме моих скул она всегда видела во мне одну из своих героинь. Я решила: «Ну, слава богу, хотя бы мои скулы ей подойдут». На мой взгляд, это было забавно.

Почему?

В известном смысле это было понятно, потому что я знала, что ей нравится вполне определенный стиль. Представить себе визуальную иллюстрацию к ее произведениям было совершенно нетрудно, потому что в визуальном плане она писала очень наглядно, даже кинематографично. Я подумала, что это здорово, и решила все же встретиться с этой леди и понять, получим ли мы на самом деле возможность снять фильм. Поэтому в начале 1981 года мы встретились с ней в ресторане, за ланчем или за чаем.

Каким было ваше первое впечатление?

Она оказалась много старше, чем я ожидала, носила толстые очки, однако вид имела внушительный. Осанка ее и манеры производили прямо-таки величественное впечатление, и она немедленно понравилась мне, так как напомнила мне гранд-дам моего прошлого, которых я всегда любила, великих актрис: Джудит Андерсон, Джоан Кроуфорд.

С ней было весело. Она обладала чувством юмора, этаким огоньком. Она явно неважно себя чувствовала и ходила медленно. Я подумала: «Какая жалость, она уже в преклонных годах, и все это для нее очень сложно».

О чем вы говорили?

Я рассказала ей, как растрогало меня ее творчество, каким источником вдохновения может оно стать, сколько в нем страсти и увлеченности. Я также сказала, что все эти черты присущи и моему характеру, и мне хотелось, чтобы больше людей ощущали подобные чувства и черпали в них как в источнике вдохновения; однако кажется, что люди не хотят вдохновения, что они стремятся залить водой любой вспыхнувший его огонек и делать все обыденными способами, чтобы никого не обидеть, или для того, чтобы не слишком уклоняться в ту или иную сторону. Как мне кажется, она поняла, что встретила во мне родственную душу, способную понять ее творчество и преданную тем же идеалам, что и она сама.

Тогда она стала рассказывать мне о том, что не вполне

уверена в возможности сделать кинофильм по *Атланту*. Он не хотела лоскутной картины — ей нужно было все в точности. Она полагала, что такой фильм мог бы стать скорее телевизионным, но сомневалась в том, что телевизионщики позволят ей отснять книгу целиком, и потому не намеревалась предоставлять им права.

Словом, она во многом погасила мой интерес. Не думаю, чтобы она намеревалась это сделать. Она хотела сказать мне, что не пойдет даже на мелкие уступки ради компромисса, и это прекрасно согласовывалось с присутствующей в книге тенденцией считать компромисс неудачей. Тут я подумала: да, передо мной сидит одна из величайших фигур во всей мировой истории, безусловно, одна из крупнейших личностей нашего столетия, уникальный философ… но реализовать мой проект будет по-настоящему сложно. Похоже, что человека, способного переубедить ее в этом отношении, просто не существует, и, во всяком случае, я сделать это не способна. Я всего лишь актриса. На возможные переговоры со всеми нужными людьми уйдет вся моя карьера. Я могу употребить на подготовку этого фильма весь остаток своей жизни, но так ничего и не добиться.

Возможно, она полагала, что если кто-то собрался снять кинофильм или мини-телесериал по самой главной работе всей ее жизни, то она не позволит испортить его. На этом разговор закончился.

Видеть свое предложение отвергнутым всегда неприятно, однако возможность пообщаться со столь крупной личностью оправдывала себя. Моя позиция такова: мне плевать, если я не согласна с кем-то полностью понятным мне. Люди по большей части не торопятся обнаруживать свою внутреннюю суть; он пытаются спрятать ее за благовоспитанными манерами, общими фразами и приемлемыми обществом идеями. Я этого в ней не заметила.

Что далее произошло с вашим проектом съемок фильма по Атланту и вашим участием в нем?

Ничего. Она, по сути дела, сказала открытым текстом, что возможности снять этот фильм таким, как он представляется ей, практически не существует, поэтому далее я не стала ничего предпринимать и только отправила ей благодарственное письмо. Но приглядывала за ней. Прочитав что-нибудь о проекте, я делала в памяти заметку, мне было интересно, но до дела так и не дошло. Никакого движения не случилось.

Надеюсь, что кто-то из тех, кто стоит за нами, сумеет снять этот фильм. Было бы интересно посмотреть, однако теперь я уже слишком стара и не смогу сыграть в нем роль Дагни.

Так, значит, мисс Рэнд была уверена в том, что вы должны играть Дагни?

Да, она была уверена в этом.

О чем еще вы с ней говорили?

Должна сказать, что я была крайне удивлена тем, что годы ее юности почти полностью прошли в России. И мне стало понятно, каким образом она пришла к этому крайнему, исключающему компромиссы индивидуализму: она была воспитана в стране антииндивидуалистической, коллективистской, что в ее глазах было истинным проявлением антихриста. Тогда я впервые познакомилась с ее прошлым. До того я читала ее книги, но ничего не знала о ней самой.

Что-нибудь особенное она говорила?

Она говорила мне, что считает огромной привилегией возможность жить в этой стране. Она приехала сюда и оказалась как бы в раю, здесь, с ее точки зрения, оформлялось будущее. Россию она считала худшей из стран. Она очень напоминала собственные книги. Она показалась мне очень страстной. Меня удивило то, что говорила она с таким же пылом, как и герои ее книг, что она до сих пор со всей энергией твердила о том, что люди не понимают, насколько важно жить в условиях свободы мысли, имея при этом право самостоятельно выстраивать собственную жизнь; и что люди не понимают этого, так как американцы никогда не жили в условиях угнетения, они не знают, как живется тем, кому постоянно указывают, как надо поступать ради общего блага. Тема явно оставалась животрепещущей для нее.

Ее книги повлияли на вас?

Они подкрепили мою уверенность в том, что нужно жить, полагаясь на силу своего ума и отвагу. Я всегда ощущала себя одиночкой, преследующей в видении образ женщины, которую мне хотелось изобразить. Люди, бравшие меня на роль, во многих случаях руководствовались внешностью, внешними соображениями, им не нужна была моя личность. Им нужно было, чтобы роль была сыграна гладко и мило. А я никогда не любила милых женщин. Я всегда считала, что женщина должна быть необыкновенной и величественной.

Стивен Жоливетт

Стивен Жоливетт во время знакомства с Айн Рэнд изучал историю. Впоследствии он получил степень доктора философии по американской истории.

Дата интервью: 27 мая 2003 года.

Скотт Макконнелл: *Вы провели вечер, задавая мисс Рэнд вопросы по истории. Скажите, как это у вас получилось?*

Стивен Жоливетт: Я дважды и очень коротко встречался с мисс Рэнд. Я представился ей, когда она пришла в квартиру Леонарда Пейкоффа прослушать одну из его вводных лекций. Должен упомянуть, что я дружил с Синтией и Леонардом; Синтия работала секретарем у мисс Рэнд. Впоследствии Синтия рассказала мне, что мисс Рэнд расспрашивала ее обо мне. Я говорил Синтии, что испытываю желание задать мисс Рэнд ряд вопросов на исторические темы. Синтия рассказала об этом мисс Рэнд, и та пригласила меня на беседу по истории. Это произошло в августе 1981 года. Со мной были Леонард и Синтия.

Те короткие заметки, которые у меня сохранились — и на которые я должен полагаться, а иногда и цитировать — были сделаны тогда же или несколько позже.

Расскажите мне, как это происходило.

Весь вечер она была со мной любезна и, во всяком случае, оставалась доброжелательной, хотя мои вопросы не вызывали у нее одобрения. Более того, многие из них приводили ее в ужас. Как бы сказать, потрясали или шокировали… на какое-то время она умолкала — смотрела круглыми глазами на меня и по сторонам, как бы не зная, что делать с этой чушью. Однако интересно, что она воспринимала мои идеи — в данном случае мои ошибки — как лично важные и оттого достойные подобной реакции. Она воспринимала меня совершенно серьезно. Насколько я понимаю, этим она и отличалась: она всегда воспринимала идеи и собеседников серьезно.

И какие же вопросы вы ей задавали, если помните?

Например, я спросил ее мнение о причинах падения Римской империи. Она была шокирована. И нередко первой ее реакцией на мои вопросы становилось: «Откуда мне знать, я ведь не историк». Однако я знал, что она написала вводную статью для *За нового интеллектуала* и часто давала непринужденные комментарии на исторические темы, а кроме того, изучала историю; да, она не была историком, однако мне казалось, что она может кое-что

сказать. Но она спросила: «Что заставляет вас задавать такие вопросы? И что вы примете за ответ?» Но в итоге непринужденно заметила: «Как мне кажется, это государство всеобщего благосостояния».

Я также спрашивал ее о причинах столь большой разницы в историческом развитии Франции и Англии. Она снова проговорила, что не является историком, после чего спросила, нет ли у меня собственных предположений на эту тему. Я ответил, что нет, но заметил, что Альфред Великий был великим королем, и ему наследовали еще несколько очень хороших правителей. Она ответила, что нескольких хороших королей недостаточно, чтобы объяснить существовавшие различия между Англией и Францией.

Быть может, в этой связи она сказала одну полезную для меня вещь: что рассматривая подобного рода вопросы, следует сперва учитывать вопросы культуры, а потом внешние факторы, например внешние политические влияния, а также необходимо определить, что было действенно в конкретных условиях — то есть определить, растет ли культура, нация или цивилизация собственными силами, или на нее влияют внешние, скажем, политические силы?

Я задал ей вопрос о природе феодализма и о том, не связана ли она с динамичной природой европейской цивилизации. Она отнеслась к этому примерно так: «Все существенное в феодализме является результатом кастовых традиций ранних времен, когда крестьяне нуждались в военной защите, которая предоставлялась просто по традиции». Она сказала, что крестовые походы сыграли определяющую роль в пробуждении Европы и ее отходе от феодализма.

Она сказала, что изучала Средневековье, так как подозревала существование индивидуализма в это время, однако выяснила, что дело обстояло иначе. Она сказала, что подумывала даже написать небольшой научно-фантастический роман, обыгрывающий принципы индивидуализма. Идея его показалась мне остроумной и восхитительной, однако теперь, к сожалению, я больше не помню ее в степени, достаточно точной для того, чтобы можно было ее пересказать. Она была связана с путешествиями на другие планеты и обретением там принципов индивидуализма.

Какие еще вопросы вы задавали мисс Рэнд?

Я спрашивал ее о Французской революции. Она ответила, что Французская революция была крайне необходима, однако после нее Франция сделалась только хуже. Революция стала поворотной точкой в истории страны, однако она считает, что возникшая в результате революции бюрократия задушила интеллектуальную

жизнь, и что французы были более свободны при *ancien régime [старом режиме]*.

Я отметил, что на меня произвел впечатление коллективизм времен Французской революции; еще я отметил тот факт, что первое революционное Национальное собрание взяло под свое управление Церковь и сделало ее государственным учреждением. Она ответила, что невозможно рассматривать любой изолированный предмет с тем, чтобы определить, является ли он коллективистским по сути, надо учитывать лежащие в его основе идеи.

Вы обсуждали знаменитых историков или исторические тексты?

Я спросил у нее, знает ли она хорошие исторические книги, и она ответила, что не знает таковых. Она спросила меня, знаю ли я что-нибудь подобное, я сказал, что на меня известное впечатление произвела работа Токвиля *Старый порядок и революция,* тогда она спросила меня о том, какой философский базис положен в основу этого произведения. Я ответил, что могу сказать только то, что он был аристократом, на что она ответила, что это не относится к делу и если бы на самом деле имело отношение к теме, то он не мог бы оказаться слишком хорош.

Беседовали ли вы о древней истории?

Она сказала, если я точно передаю ее слова, что классическая цивилизация не проявляла подлинного уважения к личности. Индивидуальность освятило только христианство. И в качестве примера подобного неуважения сослалась на детоубийство в древнем мире.

Удалось ли вам задать хотя бы один приятный ей вопрос?

Да, я задал один такой вопрос, который ей понравился или хотя бы не вызвал неприятия. Я сказал: «После того как вы это проделали, нетрудно осуждать альтруизм; но почему вы считаете, что никто не делал этого прежде вас?» Она ответила: «Хороший вопрос». И вспомнила известный анекдот про Колумба и яйцо, когда он поставил его, разбив скорлупу; она назвала этот анекдот примером небанального решения, о котором говорят, что оно простое, после того, как оно найдено. Она сказала что-то в том роде, что люди боятся. Не думаю, чтобы она считала этот ответ исчерпывающим.

Высказывала ли она какие-нибудь еще важные соображения?

В какой-то момент Леонард назвал мои вопросы рационалистичными, и она согласилась, но в такой манере, которая, на мой взгляд, подразумевала: рационалистичными и не только. Быть может, в этой связи она заметила, что мне нужен «костяк истории». Еще она сказала, что вопросы, которые историк

задает по истории, являются основанием его собственной исторической теории.

Луис Рукейзер

Луис Рукейзер пользовался международной известностью как влиятельный аналитик и комментатор в области экономики. В ноябре 1981 года он интервьюировал Айн Рэнд в Новом Орлеане для своего шоу «Деловой журнал Луиса Рукейзера». В 1968 году он стал вести телевизионное шоу в качестве экономического комментатора и несколько лет вел популярную передачу «Неделя Уолл-стрит с Луисом Рукейзером». Он писал бестселлеры в области экономики и капиталовложений; издавал пользовавшиеся повышенным спросом новостные листки «Неделя Уолл-стрит с Луисом Рукейзером» и «Взаимные фонды Луиса Рукейзера», проводил весьма посещаемые конференции и круизы по вложениям капитала, а также вел веб-сайт *www.LouisRukeyser.com.* Мистер Рукейзер скончался в 2006 году.

Дата интервью: 6 мая 1998 года.

Скотт Макконнелл: *Как вы узнали об Айн Рэнд или ее работах?*

Луис Рукейзер: Кажется, я впервые познакомился с ней, посмотрев фильм *Источник*, а потом через ее романы. Я был еще совсем молод, когда они выходили в свет. Я понял, что она попала в яблочко, в ту самую минуту, когда начал читать.

Итак, я знал о ней задолго до того, как осенью 1981 года выступал в Новом Орлеане, где она также произносила речь и где я снял телеинтервью с ней для небольшого коммерческого сериала под названием «Деловой журнал Луиса Рукейзера», который вел тогда.

Это было очень интересно, так как перед интервью члены моей съемочной группы сообщили мне: «Это ваша поклонница…» Сказали, что она ужасно взволнована перспективой общения со мной, прихорашивается и заботится о своей внешности, как несовершеннолетняя девица. Я зашел к ней, чтобы убедиться в том, что она спокойна и готова к съемке. Айн Рэнд находилась в самом благоприятном и мирном расположении духа, она сказала мне, что ждет интервью с большим волнением, что восхищается моей работой в области политической и экономической свободы, и добавила другие очень лестные вещи.

Потом мы сели и приступили к интервью, и уже с первым моим вопросом она превратилась в прекрасно известную миру тигрицу, все признаки почтительности полетели в окно. Она потрясала — она была полна огня и волнения. А когда запись

была закончена, вернулась к своему первоначальному облику и спросила: «Вы хотели именно этого? Я хочу, чтобы вы получили именно тот товар, на который рассчитываете; если угодно, можем повторить». Я ответил ей, что все прошло идеально.

Вы согласны с социальной философией Айн Рэнд?

Я полагаю, что правительство, не справляющееся с экономикой, не имеет права регулировать социальную область — указывать, какие фильмы нам нужно смотреть и что делать у себя в спальне.

Айн Рэнд повлияла на вас?

Ну, не думаю, чтобы так уж повлияла, но я согласился с ней. Однако она, безусловно, была крупным мыслителем, если можно сказать такое о женщине в наши гендерно-озабоченные дни. Она действительно была блестящим мыслителем, одним из ведущих мыслителей двадцатого века, в этом не следует сомневаться. Она опережала свое время. Мне кажется, что будущее находится на стороне тех, кто верит в свободу; я думаю, что двадцатое столетие помимо всего прочего стало испытательной площадкой, дискредитирующей правительства как средство решения реальных и воображаемых проблем населения. И я надеюсь на то, что в двадцать первом веке мы еще дальше продвинемся по дороге, которая не позволит правительствам, с одной стороны, вмешиваться и раздувать экономику, как это происходит во всех странах мира, или, с другой стороны, превратить его в домашнюю няньку и цензора. Мне кажется, что предложенная ею философия как раз и прокладывает путь в будущее. А те мелочи, в которых я или соглашаюсь с ее тезисами, или возражаю против них, абсолютно ничего не значат рядом с тем фактом, что она давно и решительно указала путь к тому, что, как я надеюсь, станет будущим для всего мира.

Гарри Бинсвангер

Гарри Бинсвангер впервые увидел Айн Рэнд на лекции, которую она прочитала в 1962 году в Массачусетском технологическом институте, когда он учился там на первом курсе. Он познакомился с ней лично в 1964 году и за последующие годы из студента превратился в помощника, а потом в близкого друга. Доктор философии Бинсвангер является автором книги *Биологические основы телеологических концепций (The Biological Basis of Teleological Concepts),* редактором книг *Введение в объективистскую эпистемологию* (дополненное издание) и *Словарь Айн Рэнд (The Ayn Rand Lexicon)* и в течение восьми лет издавал и редактировал журнал *Объективистский форум (ОФ, The Objectivist Forum*). В настоящее время является профессором Объективистского академического центра при Институте Айн Рэнд и пишет книгу о природе сознания.

Даты интервью: последующие отрывки взяты из 52-часовой последовательности бесед, проведенных в августе и сентябре 1999 года и в июле 2001 года.

Скотт Макконнелл: *Что приходит вам на память, когда вы думаете об Айн Рэнд?*

Гарри Бинсвангер: Боец. Защитник ценностей и смыслов. Глубокий и значительный человек, воспринимавший каждое мгновение собственной жизни как драгоценное, полное радости и смысла.

В своей речи «Жизнь Айн Рэнд: Общий вид и мелкие подробности» я сказал: «Айн Рэнд пронесла страстную привязанность к своим ценностям и смыслам через всю свою жизнь. И в этом я вижу метафизический кругозор Айн Рэнд. Как выразился однажды один из наших общих знакомых, она считала ценной каждую прожитую ею минуту. Эта внутренняя сила, эта напряженность были ощутимы буквально на ощупь. Разговаривая с нею, ты понимал, что находишься в присутствии человека, полностью выходящего за пределы обыденного. Она буквально излучала какую-то особую мощь. Воздух возле нее потрескивал от высокого напряжения. И это было положительное напряжение — пока ты не противоречил ей. Однажды она спросила меня о том, считаю ли я ее таким человеком, с которым легко говорить, и я сам удивился тому, что вполне искренне ответил: „Да“. Ее манера странным образом соединяла в себе формализм и теплоту. И в том возрасте, в котором я знал ее, — великое достоинство. И к

ним одновременно добавлялись веселье и даже игривость. Это можно слышать в той музыке, которую она любила, и прочесть в *Источнике* и *Атланте* при всей их серьезности».

В чем проявлялась ее уникальность?

Позвольте мне вновь обратиться к собственной речи: «По общему мнению, характерным для Айн Рэнд качеством был прежде всего ее феноменальный интеллект. Даже оппоненты дивились ее умственной силе. Я же хочу обратиться к еще одному качеству ее разума: она обладала необычайно развитым самосознанием, она всегда знала, что делает ее ум… можно было спросить ее о том, откуда проистекает любая из ее идей, ценностей и эмоциональных реакций, и она говорила, причем в подробностях. Ее мышление было осознанным, подробным, ясным и определенным. Она запоминала пути своей мысли, потому что они были чрезвычайно важны для нее».

Айн была чрезвычайно сильным интровертом. Она всегда твердо знала, что происходит в ее голове, и несколько раз говорила: «Я всегда могла понять любую свою эмоцию». И эти слова не были пустым звуком. И мышлению, постижению она и посвятила свою жизнь и потому трудилась над осознанием собственных эмоций. Она всегда могла сказать, что чувствует и по какой причине. Или же ее можно было спросить, например: «Как вы пришли к своей теории концепций, какие вопросы вы задавали себе?» И она отвечала: «Боже, она даже сумела познать себя!»

Кто-то рассказывал мне, что один психолог из ее окружения говаривал: у Айн нет подсознания — она вся сознание. И он говорил, пожалуй, даже серьезно. Он хотел этим сказать, что все происходившее в мозгу Айн было доступно для нее. В голове ее не было никакого спрятанного материала. В ней все было прозрачно. Все было доступно ее сознанию. Ум ее был воплощением логики. Но логики, неразрывно связанной с ценностями. Это важно: ее логика не была холодной, это была страстная логика.

Психологическая восприимчивость Айн потрясала. И она умела понять тебя — но не каким-нибудь особым проникновением в твою душу. Нет, она поступала иначе. Она задавала тебе вопросы. Те, кто, например, читал ее статью «Искусство и моральная измена», понимают, как она работала: некто сообщает ей, что ощущает избыточность своей положительной реакции на какой-нибудь фильм, и она начинает задавать проистекающие отсюда вопросы. И в итоге определяет его основные принципы и всю психологию.

Айн нередко говаривала, что не понимает никакой психологии. Но это было не так. Она понимала психологию

лучше, чем кто бы то ни было. По причине интроспекции и экстраспекции, которую осуществлял ее превосходный мозг. И когда она говорила: «Я не понимаю психологии», то имела в виду другое: «Я не понимаю, как люди могут примиряться со своими противоречиями. Я не понимаю механизма их действий при такой иррациональности. И я не могу почувствовать свой путь к ним, не могу сделать суждение об их поступках в рамках своей позиции, потому что действия их настолько запутаны». Вот что она хотела сказать — а не то, что люди интеллектуально озадачивают ее.

Во время занятий на курсах по написанию публицистики, которые она читала в 1969 году, на меня самое глубокое впечатление произвела та объективность, с которой она относилась к собственному сознанию. Она неоднократно говорила, обращаясь к собственным произведениям: «И вот в этом месте я застряла. И тогда задала себе следующие вопросы. И увидела, что дала своему подсознанию противоречащую установку, которая увела меня в сторону от цели».

Или она говорила: «Тут у меня начались корчи[368]. И тогда я задавала себе вопрос: „Какие распоряжения я отдавала себе, но не смогла выполнить?“» Она воспринимала ситуацию в диагностическом плане. Это был для нее чисто технический вопрос, а не попытка самооценки в стиле: «Ой, что ж это такое со мной приключилось?»

Она рассказывала вам о том, многому ли научилась в своей жизни?

Еще один отрывок из моего выступления: «В какой-то момент на закате ее дней я спросил Айн, опираясь на собственный жизненный опыт: „А не было ли у вас такого ощущения, что вы не достигли зрелости в каком-то определенном возрасте, а все время становились все более и более зрелой?“ Она ответила: „Нет, не было“ — и посмотрела на меня с некоторым недоумением. Пытаясь сохранить собственное достоинство, я попробовал сказать иначе: „Хорошо, вы ощущаете, что постоянно узнаете о жизни что-то новое?“ — „О да, — отреагировала она, — и даже не могу понять, как могла жить вчера, не зная того, что знаю сегодня“. Отсюда видно ее отношение к острой практической необходимости в понимании. А понимание, с ее точки зрения, означало понимание концептуальное, определяющее абстрактные принципы, которые она может использовать в приложении к собственным ценностям».

Так, значит, Айн Рэнд всегда оставалась Айн Рэнд?

О да. Абсолютно. Не было такого мгновения, даже самого малого, когда я не испытывал бы полной уверенности в том, что нахожусь в обществе автора романа *Атлант расправил плечи* и

родительницы объективизма. Она никогда не позволяла себе расслабиться. Она всегда была одинаковой, дома и на людях. Я не к тому, что она нуждалась в отдыхе, однако не позволяла его себе. Я хочу сказать, что она никогда не «расслаблялась» в том смысле, который подразумевал Питер Китинг, говоривший Рорку: «Почему ты не можешь расслабиться и стать нормальным? Стать человеком?» Она никогда не расслаблялась в том смысле, в котором понимал это Китинг. Она умела физически расслабляться. Во время многих наших полунощных бесед она растягивалась на диванчике, при этом оставаясь в интеллектуальном фокусе разговора.

Готовя для нас какую-нибудь закуску или моя посуду, она уделяла этому занятию свое полное внимание. Она могла разговаривать со мной во время подобных дел, но я видел, что взгляд ее не отрывается от того, чем она была занята. Она ничего не делала менее чем с полной концентрацией. Она всегда оставалась внимательной.

Мне хотелось бы еще кое-что сказать о ее личности или манерах. «Формализм» не совсем походит, потом я хочу заодно сказать, что она не была человеком обыкновенным. Подобно Кей Гонде из ее пьесы *Идеал* она была не такая, как все вокруг, и это было заметно с первого мгновения. Она была нереальной, ни на кого не похожей фигурой, полной противоположностью задумчивому или серьезному гению. Фигурой, находящейся не в каком-то определенном эмоциональном настрое… но в каком угодно: в гневе, радости, унынии, удивлении, скуке, разочаровании, волнении, энтузиазме. Но всегда увлеченной, потому что ум ее был всегда сфокусирован на ценностях.

Итак, создавая нечто вроде обобщенного портрета — хотя я обыкновенно подчеркиваю, какой мощной динамо-машиной она была, какой могучей индивидуальностью обладала, каким пронзительным и проницательным взглядом смотрела на тебя и все такое — я хочу закончить его тем, что она была также дружелюбным, сердечным, ласковым человеком — куда более ласковым, чем большинство угнетенных американцев.

Но вы назвали ее «осторожной».

В поведении — да. Например, она так и не освоила манхэттенский стиль перехода через улицу. Нью-Йорк — город пешеходов, просачивающихся между машинами, потому что они едут медленно, и ты не стоишь на тротуаре и не переходишь улицу у светофора, ты просто шагаешь на мостовую там, где это тебе нужно, и начинаешь лавировать между машинами, не обращая внимания на цвет светофора. Она предпочитала переходить на зеленый свет и ступала на мостовую, только

внимательно оглядевшись по сторонам.

И всякий раз, когда я покидал ее квартиру в три-четыре часа утра, она говорила что-нибудь вроде: «Ой как поздно… вы же знаете, что это опасно…» — или еще что-нибудь в этом роде, выражающее тревогу о том, что на пути домой со мной может приключиться какая-нибудь неприятность. Ну, легкую озабоченность. И я отвечал: «Не беспокойтесь, Айн, я ни на кого не нападу». Выражение на ее лице как бы изображало понимание всей глубины юмора, однако легкая озабоченность не исчезала. Знаете, как героиня обращается к ковбою, которому предстоит встреча с главным злодеем? Искренним «береги себя». Не безразличным: «Ну ты там того, смотри».

Она неукоснительно придерживалась того мнения, что нужно всегда заранее продумывать всякую ситуацию, чтобы с тобой не случилось ничего плохого. Потому что если ты предусмотрел все возможное, но тем не менее с тобой произошли неприятности, тут ничего не поделаешь: это жизнь. Однако всякие сожаления, подобные: «Ах, если бы только я посмотрел в ту сторону, прежде чем переходить улицу» — следует исключить. Должен добавить, что в пору моего самого близкого знакомства с Айн она была уже на восьмом десятке. Однако она совсем не обветшала: она оставалась бодрой, энергичной и молодой.

Изменилась ли она за время вашего знакомства с ней?

Только физически, особенно после операции на легких в 1975 году. В то же самое время Фрэнк пошел под уклон, и что-то в ней изменилось, исчезла какая-то изюминка, пружинка в походке. Не то чтобы она сделалась менее ревностной в своем деле, однако рвение и пыл в заметной степени оставили ее. Стало заметно, что она может и уставать, что ее можно переутомить, в то время как раньше об этом невозможно было подумать. Впрочем, разница была только заметной, но не ярко выраженной. Ну, то есть со ста процентов она как бы спустилась до девяноста. Однажды я спросил у нее, ощущает ли она последствия операции на легких, и она признала, что операция подействовала на ее психику. Я предположил, что, наверное, как напоминание о смерти, и она согласилась.

Однако в интеллектуальном, эмоциональном и философском планах Айн оставалась прежней. Последний данный ею сеанс ответов на вопросы, состоявшийся в Новом Орлеане после речи «Оправдание жертв»[369], в памяти моей ничуть не отличается от первого, который я услышал в 1962 году. Я хочу сказать, что не только содержание ее ответов было вполне здравым. Я имею в виду стиль ответов — смелый, радостный, быстрый, — в точности напомнивший мне о том, как ловко она разделывалась с

оппонентами в 1962 году.

Например, после выступления в Новом Орлеане в 1981 году мне запомнился один вопрос. Она выступала перед большой аудиторией, тремя тысячами «золотых жуков», пылких сторонников твердой валюты. Кто-то из публики попросил: назовите основную причину введения золотого стандарта. Представим себе типичный ответ: средство обращения должно обладать высокой удельной стоимостью, а также некоторыми прочими физическими атрибутами, такими как высокая плотность, однородность, легкая делимость, коррозионная стойкость — и золото обладает этими качествами в большей степени, чем любой другой товар. Так ответил бы любой другой хороший экономист и сторонник свободного рынка на вопрос о необходимости золота. Айн ответила: «Затем, чтобы воры не тянули руки к вашим сбережениям». Публика разразилась аплодисментами. Так что в 1981 году она осталась такой же, какой была в 1962-м, по духу, методу и смыслу.

Изменим тему: а как она одевалась?

У нее была собственная манера, простое черное платье классического стиля с черной же пелериной. Однажды она вышла в гостиную своей квартиры в красных туфлях на высокой платформе, толщиной, наверное, дюйма в три — следуя самой последней моде. Улыбнулась и спросила: «Как по-вашему, они прибавляют мне внушительности?»

Однажды она рассказала мне историю, связанную с одеждой. Как-то раз она отправилась за покупками с подругой, приличной молодой женщиной, и Айн нашла яркое, бросающееся в глаза платье и сказала: «В этом платье ты будешь привлекать общее внимание». Девушка ответила ей: «Но я не хочу привлекать чужое внимание». Айн сказала, что тут она поняла разницу между собой и другими людьми, потому что не могла представить женщину, предпочитающую на балу торчать у стенки. Она хотела, чтобы ее видели, в отличие от этой девушки. Айн думала: «Какая неудача, откуда у нее такое желание спрятаться в тени». Это было характерно для Айн: она всегда воспринимала себя как данность — то есть рассматривала себя в качестве опорной точки. Она не ощущала собственного пути к пониманию психологии людей, однако же была чрезвычайно наблюдательной и всегда пыталась обнаружить общий принцип за чем угодно, в том числе стоящий за людьми и их психологией.

Как она понимала собственное общественное признание?

Ее радовали проявления признания. Конечно, именно она недвусмысленно определила критическую разницу между желанием признания со стороны достойных людей и

невротической потребностью в общественном одобрении. Она хотела одобрения, но только со стороны тех людей, которых могла уважать. Получая приглашения на старт ракеты к Луне и на обед у президента в честь Малкольма Фрэйзера, она видела в них доказательство того, что в мире есть справедливость.

Она хотела признания, но на собственных условиях, и ей не был безразличен прием, который она встречала в обществе. Однажды, кажется, это было после ее второго выступления на «Шоу Фила Донахью», она сказала мне со счастливой улыбкой: «А знаете, я обзавелась блатом. Именно так выразился мой агент. Он сказал — у вас теперь есть блат». Агент сообщил ей, что она может получить приглашение на любое телешоу. И ей это понравилось. Говорила она сухо, едва ли не с легкой насмешкой над собой и одновременно с легким смущением на лице, если вы можете представить себе результат совмещения подобных эмоций.

Ощущала ли она, что завоевала определенный общественный статус?

Айн полагала, что имеет на него право после выхода в свет романа *Атлант расправил плечи.* Она имела представление о собственной заслуженной значимости, потом, она не терпела бесцеремонности. Бестактность всегда задевала ее. Это можно видеть в ее реакции на вопросы, такие как например тот, который задала ей на «Шоу Фила Донахью» одна из женщин, предварившая свой вопрос примерно таким заявлением: раньше я верила вашим идеям, но потом меня просветили. Айн не смирялась с подобными оскорблениями. Она полагала, что заслужила свою читательскую аудиторию и свое положение, и была убеждена в том, что если человек объективно добился чего-то, то это следует признавать. Она всю жизнь настаивала на этом принципе: как персона дающая и принимающая. Напомню вам о тех письмах, которые она писала Фрэнку Ллойду Райту в качестве восхищенного и почтительного просителя[370]. Но, достигнув того положения, в котором прежде пребывал Фрэнк Ллойд Райт, она считала, что заслужила подобное же обращение.

Она была предсказуемой?

Нет. У нее всегда был свежий взгляд на предметы. Она могла выступить с таким заявлением: «*Ровно в полдень?* У этого фильма нет сюжета». Или она могла отправить Леонарда за редкой записью оперетты Имре Кальмана, невзирая на то, что та была произведена в коммунистической стране, руководствуясь тем, что эта музыка вдохновит его на работу, представляющую разновидность борьбы с тем врагом, которого олицетворяет собой коммунизм. Однако себе она подобных поступков не позволяла,

ничто в этом духе не могло бы прийти в голову стороннице догматов и доктрин объективизма. Посему чего именно можно ожидать от нее, никогда не было заранее ясно.

Еще один пример: она считала, что Мохаммед Али может сыграть роль в киноверсии *Атланта.* Я был удивлен уже тем, что она обратила внимание на боксера. Вас удивит и то, чего она не любила. Например, ей нравилась музыка, которой на ТВ сопровождали рекламу сигарет «Вирджиния Слимс»[371]: «Ты прошла долгий путь, крошка, чтобы попасть туда, где ты сейчас…» Но когда ей сыграл эту пьесу знакомый, она была крайне разочарована тем, что музыка не обретает подлинного окончания, и последняя строчка повторяется, постепенно угасая. Этот род музыкального завершения, обыкновенный в поп-музыке, на ее взгляд, погубил всю композицию. Таким образом, она постоянно наделяла нас интеллектуальными и художественными откровениями, удивлявшими меня. Она ничего не сверяла с теориями объективизма, не проверяла предметы на соответствие догме. Она воспринимала предметы индуктивно и непосредственно.

Была ли Айн Рэнд терпеливым человеком?

По отношению к своей работе — невероятно терпеливым. Вспомните: эта женщина писала *Атланта* двенадцать лет — первоначально считая этот роман коротким. Много более коротким, чем *Источник,* на создание которого у нее ушло семь лет. Была ли она терпелива с людьми? Да. На мой взгляд, она была чрезвычайно терпеливым человеком, однако в тех случаях, когда ей казалось, что что-то не так, вспыхивала мгновенно. Не думаю, что в этом отношении можно назвать ее нетерпеливой. Она была решительна в суждениях, но проявляла чрезвычайное терпение в попытке растолковать нам свое мнение. Например, однажды я спросил ее: «Что плохого в принесении в жертву других ради себя самого? В чем ошибочность этой идеи?» После этого она пятнадцать минут втолковывала мне нюансы. Последующим вопросам уделялось такое же тщательное и подробное внимание. Она объясняла очень терпеливо. Она всегда очень старалась помочь собеседнику понять что-либо, потому что пылала страстью к идеям, и всегда реагировала на интерес, проявляемый к ним другими людьми.

Как насчет Айн Рэнд и гнева?

Однажды она сказала мне: «Если однажды я сделаюсь в общении с вами очень вежливой, спокойной и кроткой, пора волноваться… это значит, что я потеряла к вам всякое уважение. Если я сержусь на вас, так это потому, что ожидаю от вас большего, думаю о вас, по-прежнему уважаю. Но когда все это

ушло, когда этого нет, когда мне скучно, когда я вежлива, это значит, что я потеряла к вам всякий интерес».

Однажды, на более поздней стадии наших отношений, она спросила: «Скажите, а вы не побаиваетесь меня?» Приходилось отвечать честно, и я сказал: «Есть немного». И она сказала: «Что ж, придется подарить вам кольцо Елизаветы». После чего спросила, знаю ли я историю о кольце Елизаветы, я ответил, что не знаю. Тогда она объяснила, что королева Елизавета Первая была романтически увлечена лордом Эссексом[372]. Здесь возникала некая сложность. Потому что она была королевой и, рассердившись, вполне могла отправить его на казнь; так что Елизавета дала ему свое кольцо и сказала: «Если мне случится разгневаться на тебя, пошли мне это кольцо, и я дарую тебе прощение». И Айн сказала мне: «Даю вам Елизаветино кольцо». В моем понимании это означало следующее: «Если мне случится осуждать вас или нападать на вас, напомните мне о моем обещании соблюдать вашу невиновность. Если я потеряю объективность, забывая о том, что вы заслужили в моих глазах, напомните мне про кольцо королевы». Это обещание позволило мне чувствовать себя более непринужденно.

Пришлось ли вам напомнить ей о кольце?

Нет. По правде говоря, мне не случилось даже вспомнить об этом.

А как было у Айн Рэнд со смехом?

Не помню, чтобы она самозабвенно и долго хохотала, однако я шутил, и она смеялась. Когда ты шутишь, то стараешься не смеяться, но когда она рассказывала что-то смешное, то смеялась сама.

Она особо любила одну фразу — кажется, она где-то подслушала ее: «Я великий почитатель простого американца… но не американки же?» Она чтила мужское достоинство.

Примером юмора, который она любила, может стать фильм *Неприятности в раю*[373]. Мы вместе смотрели этот фильм на видео. Помню одну строчку, которую героиня говорит герою во время взаимного флирта: «Я должна признаться тебе: ты влюбился в меня». Я рассмеялся, и Айн сказала: «Разве это не добрая шутка?»

Как-то раз я сражался с небольшой нравственной проблемой; речь шла об одобрении зла. Вопрос, кажется, заключался в том, можно ли покупать кока-колу, после того как компания начала

торговать с Россией. Айн сказала по этому поводу: «Позвольте мне быть махатмой нравственности… В таком случае я скажу вам, что не вижу в этом ничего страшного». Такие сухие шутки были у нее в ходу.

Как вы описали бы характер мисс Рэнд?

Она была самым нравственным человеком, которого мне приходилось встречать. Она была героиней. Нравственность рациональна, а она была рациональной на все сто процентов. Она прожила всю свою жизнь согласно собственному представлению о том, как правильно поступать.

Можете ли вы привести примеры подобной честности и искренности? Когда она находилась в трудной ситуации и тем не менее не дрогнула?

Не думаю, чтобы в годы нашего знакомства она могла столкнуться с какой-нибудь сложной ситуацией. Она самым определенным образом знала, как надлежит поступать, и поступала соответствующим образом. Знаете ли, однажды она сказала мне: «Мне не хватает храбрости, чтобы струсить… Я слишком ясно вижу последствия». Такова была ее нравственная позиция.

Какую личную выгоду получили вы от знакомства с Айн Рэнд?

Я увидел, что такое бывает. Увидел полностью рациональное, страстное и героичное существо — испытал восторг и вдохновение от разговоров с героиней Айн Рэнд, если можно так выразиться.

И к каким последствиям это привело?

Ну как если ты читаешь *Источник* или *Атланта*. Одинаковые последствия в смысле получения эмоционального топлива. Это значит, что ты не только понимаешь, что подобное создание может существовать на свете, но и общаешься с ней. Такая ситуация меняет твое отношение к жизни. Потом, я многому от нее научился. Однако по большей части те ответы на философские вопросы, которые я узнал от Айн Рэнд, были усвоены мной не из бесед с ней, но из ее произведений и лекций.

Что вы в наибольшей степени утратили вместе с нею?

Во-первых, вдохновение. Потом, я бы сказал, ощущение интеллектуального приключения, восторг открытия. Она могла в любой момент сказать фразу, открывающую новые пути к познанию. И еще — поощрение и поддержку, потому что она всегда положительно относилась к людям, развивающим рациональные идеи и сражающимся за них. Она обязательно кое-что критиковала, однако пыталась поощрить молодых интеллектуалов. Например, я разговаривал с ней вскоре после того как сдал в печать номер моего собственного журнала

Объективистский форум[374]. Она сказала, что я, по всей видимости, чувствую то же самое, что ощущала она, сдав в типографию номер своего журнала *Объективист*: «Вот еще одна небольшая победа». Эта фраза показалась мне в точности описывающей ту перспективу, которую мне приходилось иметь в виду в повседневной борьбе со сроками; это точно небольшая победа в большом сражении за свои идеи и ценности.

Каким образом вы можете обобщить свое отношение к Айн Рэнд?

Полный почтения трепет. Я наслаждался общением с ней, однако пребывая при этом в полном трепете. Она была на сорок лет старше меня и воистину возвышалась надо мной с точки зрения интеллекта, жизненного опыта и достижений. Так что вести с ней нормальные дружеские взаимоотношения было невозможно, хотя она и настаивала на этом. Мою личность угомонить почти невозможно, однако в присутствии Айн Рэнд я поджимал хвост! Прошло очень много времени, прежде чем я начал вести себя естественно, хотя постоянно стремился к этому.

Давайте обратимся к вашим разговорам с мисс Рэнд во время визитов к ней. Как она с вами обращалась?

Айн держалась сердечно и любила поговорить. Она старалась, чтобы людей не смущало ее присутствие.

Как она добивалась этого?

Она умело придерживалась знакомых собеседнику тем. А в социальном плане старалась, чтобы он чувствовал себя непринужденно, и потому вела разговор на темы, представляющие интерес для обоих.

В последний год или два ее жизни мы ежедневно разговаривали по телефону, и я бывал у нее в гостях раз или два в неделю. Не могу сказать, что причиной моих визитов служили обязательные беседы на многозначительные философские темы. Официально поводом для визитов служила очередная партия в скрабл. Иногда мы беседовали о текущих событиях, что также было интересно, однако вопросов, имеющих непреходящее историческое значение, как правило, не касались. Мне больше вспоминаются разговоры на философские темы. Наиболее интересные из них носили спекулятивный характер.

Можете привести пример?

Ее идея насчет «кругового времени». Я так и не сумел вполне понять ее. Она не имела в этом отношении никаких реальных наработок. Она говорила, что если брать вселенную в целом, всякое движение будет аннулировано, и поэтому единое время в такой вселенной не может существовать. Мы пару раз разговаривали об этом, однако идея осталась, с моей точки

зрения, неопределенной. В первый раз она упомянула эту мысль просто по ходу дела; в следующий раз я уже попробовал проследить эту мысль, и мы вдвоем несколько развили ее.

Идея заключалась в том, что единое время во вселенной не может существовать; не вселенная находится во времени, но время находится во вселенной. Она сказала, что время носит локальный характер, но не соответствует всей вселенной. Единое время может существовать в нашей галактике, но если удаляться от нее на тысячи и тысячи других галактик, все они не будут находиться в одном и том же времени. Я не хочу этим сказать, что она приписывала каждой галактике свое собственное время: Айн этого не говорила. Она не знала, где провести ту линию, за которой время переставало соответствовать общему ансамблю: как я понял, она не считала, что понятие единого времени можно приложить ко всей вселенной. В этом контексте она сказала: «Знаете ли, у меня есть следующие соображения по поводу кругового времени». Я спросил: «Что вы имеете в виду?» Она высказала два предположения, которые я запомнил: «Движения „аннулируются“». Она была согласна с Аристотелем в том, что время есть мера движения. Она сказала: «Если взять вселенную в целом, то движения аннулируются». Как это надо понимать конкретно, я вам сказать не могу, однако меня заинтриговало направление ее мысли.

Потом она сказала: «Круг является единственной фигурой, которая обладает потенциальной бесконечностью, не имеющей предела». Дальнейших слов она не сказала, однако, насколько я понял, она подразумевала следующее: по поверхности земли землю можно обходить бесконечно. Снова и снова. Однако здесь не подразумевается никакой бесконечности: поперечник земли составляет 25 000 миль. В известном смысле она представляла себе пространство и время чем-то вроде окружностей, что, как я понимаю, означает, что в итоге ты придешь в ту точку, в которой находишься. Впрочем, не знаю.

Она также говорила, что в предыдущие годы делилась с кем-то этой идеей, и ее собеседник сказал, что то же самое говорит и Эйнштейн. Но мне она говорила, что прежде ни о чем подобном не слышала и не знает, так ли это. Она не знала, совпадает ли ее теория с теорией Эйнштейна, однако ей хотелось понять, в самом ли деле им обоим пришла в голову одна и та же мысль.

Разговаривала ли она о теории суждений?

Лично со мной не говорила, однако ранее говорила общему другу, что намеревается написать об организации концепций в суждения, так же, как прежде писала об интеграции объектов в концепции, а концепций в концепции более высокого уровня. Все

это должно было стать вторым томом *Введения в объективистскую эпистемологию*. Однако это было всего лишь намерение, оставшееся за рамками реальных планов. Каковых у нее не стало после смерти Фрэнка в 1979 году. Она даже не начала писать сценарий мини-сериала по *Атланту*.

Я могу припомнить только один проект, занимавший ее в последние годы жизни. Он был связан с политикой. Когда какая-то группа религиозных консерваторов затеяла проект под названием «Нравственное большинство», Айн сказала, что подумывает о том, чтобы организовать собственное движение и назвать его движением «Безнравственного меньшинства». Она хотела собрать людей, не являющихся объективистами, но приходящими в ужас от религиозно праведного нравственного большинства и готовых организовать фронт сопротивления религиозным идеям.

Случалось ли вам разговаривать с ней о современных философах?

Совсем немного. Интересную историю она рассказала мне после одного из выступлений в Форд Холл Форуме примерно в 1969 году. За несколько лет перед этим один знакомый профессор предложил познакомить ее с известными ему философами, чтобы она могла начать обсуждение собственных идей с современными учеными. Она обрадовалась и спросила: «В самом деле? Им действительно будет интересно встретиться со мной?» И профессор, с которым она разговаривала, ответил: «Конечно, вы же работали в Голливуде и знакомы со всеми тамошними знаменитостями. Да вы и сама — подлинный Голливуд. Им будет чертовски интересно поговорить с вами». Как Айн отреагировала на это? Она сказала: «Я едва не расплакалась». С ее точки зрения, мысль о том, что философам будет интересно спросить у нее: «Вы действительно видели собственными глазами Гэри Купера?! И как он вам понравился?…», что философов, какими она их себе представляла, можно низвести на уровень поклонников кинозвезд и киноманов, была настолько оскорбительна, что оставалось только заплакать.

А насчет этики вы разговаривали?

Тут мне приходит в голову прежде всего одна случайная, но, как мне кажется, важная реплика. Как-то раз она сказала, что ее кот подрал диван или совершил другой, не менее предосудительный поступок. Я повернулся к преступнику и сказал: «Скверный кот!» Айн немедленно возразила: «Нет, кот хороший, только поступил плохо». Она произнесла эти слова с улыбкой, прекрасно понимая, что подобные философские различия неприменимы к животному, однако, по сути дела,

имеют важное философское значение. Хороший человек может совершить скверный поступок, и если ты говоришь: это аморально, то должен четко представлять себе, что именно аморально — поступок или совершивший его человек.

В тот раз соображение это возникло совершенно случайно. Конечно же, у нас случались и подлинно философские дискуссии на этические темы, как уже упомянутое мной обсуждение вопроса о том, нравственно ли жертвовать другими людьми ради собственных интересов.

В памяти моей остался один из наших разговоров, завязавшийся после того, как я сказал ей о том, что хочу написать статью против эгалитаризма. Я намеревался подвергнуть его критике как вариант теории внутреннего блага, о котором она писала в своей работе «Что такое капитализм?». Она строго сказала мне, что если я не напишу, что одаренные люди ненавидят эгалитаризм, то совершу предательство. В то время я, хотя и понимал природу эгалитаризма, но все-таки не осознавал значимость этого пункта, но за последующие годы пришел к полному согласию с ней. Эпистемологически эгалитаризм представляет собой нечто внутреннее, однако подлинный смысл и мотив его именно таков, как она сказала.

Давайте обратимся к более личным темам. Вы разговаривали с Айн Рэнд о ее семье?

Только немного о ее отце, строгом викторианце. Она рассказала мне, что он был шокирован теми сексуальными нотками, которые присутствовали в ее подростковых произведениях.

В ее спальне висел вставленный в рамку монтаж фотографий родных, привезенных ею из России. Но в общем у нее не было особенно крепкой семейной привязанности.

Что еще вы узнали о ее жизни в России?

Она говорила мне о той бедности и голоде, которые воцарились в стране после коммунистической революции. Однажды, когда на улице упала больная лошадь, ее окружила целая толпа голодных людей и разорвала на части. А партийные боссы при этом катили мимо в своих лимузинах. Я спросил: «Но как люди могли терпеть все это?» — подразумевая несоответствие между коммунистической теорией, голодными массами и богатыми боссами. Она ответила без промедления и сказала, что причиной подобного терпения является комбинация цинизма и идеализма. Цинизма — потому что русские считают, что всегда кто-нибудь правит, а массы всегда покорны. Такова жизнь. Беднякам надо смиряться. А теперь про идеализм. По ее словам, люди воспринимали партийных боссов и их лимузины как нечто,

совершающееся ради блага народа.

Она когда-нибудь называла вам свое русское имя?

Фамилию не называла. Кажется, потому, что боялась за родственников, которым могло влететь за нее в России. Однажды она сказала мне, что гордится тем, что в России ей вынесен смертный приговор. И пояснила, что тому, кто покидает Россию, обещая вернуться, но не возвращается, автоматически выносится смертный приговор. Словом, она считала, что сам ее жизненный выбор, а не идеи или достижения делают ее явным врагом Советского государства с точки зрения его органов, во всяком случае, в данном контексте, и гордилась этим.

Говорила ли она что-нибудь о лицах людей или о вашем лице?

Она говорила, что описания лиц в литературном плане ей не удаются. Она считала, что в данном случае не располагает достаточным мастерством. Ей явно нравились мужественные лица с высокими скулами, как у Фрэнка. Однажды она показала мне три его несколько нечетких черно-белых портрета, снятых около 1930 года. И сказала: «Ну разве он не благосклонен? Разве это не благодетельная вселенная?» Ей было очень приятно рассматривать эти фото. Существенная доля ее привязанности к Фрэнку определялась этим благодетельно вселенским обликом.

Лично я считаю, что убежденность Айн в том, что вселенная благосклонна, неоднократно оспаривалась событиями в ее жизни. И человеку, попавшему в такую ситуацию, было нетрудно впасть в отчаяние. Однако она всегда сражалась с отчаянием… с рожденным отвращением параличом. Будучи в высшей степени романтичным художником слова, она была подвержена сильным взлетам и не менее сильным падениям. И созданным Айн героям произведений нередко приходится сражаться с одолевающими их приступами разочарования, отвращения к миру. Ей самой подчас приходилось преодолевать их. И на мой взгляд, Фрэнк играл очень важную роль в ее жизни, помогая ей сохранить это ощущение благодетельности вселенной.

Она когда-нибудь говорила об этом?

После смерти Фрэнка она сказала мне, что не смогла бы сделать то, что она сделала, без его поддержки. Она сказала: «Я напишу для вас статью. Что-то вроде „Мой долг перед Фрэнком О'Коннором“». Статья предназначалась для *Объективистского форума,* журнала, который я тогда издавал. Так что через год я поднял этот вопрос: «Как там поживает моя статья „Мой долг перед Фрэнком О'Коннором?“ Вы обещали написать ее для *ОФ».* Она мрачно посмотрела на меня и сказала: «Если вам угодно помучить меня, заставьте меня выполнить это обещание». Конечно же, ей было чрезвычайно тяжело и мучительно писать

такую статью, рассказывающую обо всем пережитом вместе с ушедшим навсегда Фрэнком.

Вы разговаривали с ней о музыке?

Мы разговаривали о музыке. В частности, о песне *Прекрасная Америка*, которую она любила. Я обратил внимание на то, что в ней присутствует фраза «от моря до сверкающего моря», повторяющая строчку из *Атланта* о «Таггарт Трансконтинентал»: «От океана до океана навеки». И она призналась в том, что на самом деле позаимствовала ее из песни. Она сказала еще, что *Прекрасная Америка* превосходно написана в том плане, что в ней есть промежуточные точки, но только одна окончательная. Она сказала, что, по ее мнению, когда однажды будет создана окончательная эстетика музыки, каждая песня окажется представленной системой уравнений. Степень сложности уравнения будет соответствовать сложности музыки.

Вы разговаривали с ней о композиторах классической музыки?

Мы два раза разговаривали с ней о том, кто является ее любимым композитором, и оба раза она давала разные ответы. В конце шестидесятых я спросил ее о том, является ли Рахманинов ее любимым композитором, и она сказала: «Нет, я иначе воспринимаю жизнь. Мне больше нравится Шопен». Возможно, она упомянула его этюд *Бабочка*. Однако общий итог был таков, что Айн ценит Шопена больше Рахманинова. Я спросил: «Потому что Рахманинов слишком бурный, в нем слишком много борьбы?» Она ответила: «Именно». Однако через тринадцать лет имя Шопена всплыло в разговоре, и она сказала: «Ну, нет, эта музыка годится только для старых дам».

Она объяснила почему?

Нет, но в последнем случае она, наверно, думала о дремотных ноктюрнах Шопена, но сейчас не могу сказать, она ли это сказала или у меня создалось такое впечатление. Не могу представить себе, чтобы время могло изменить ее отношение к этюду *Бабочка*. Эту пьесу она числила среди своих любимых[375].

А как насчет Моцарта?

Она не принадлежала к числу поклонников Моцарта. Я, право, тоже, однако однажды мне случилось сыграть при ней начало его фортепьянной *Сонаты № 11 ля мажор* [*Andante grazioso*][376], и она заметила, что это одна из его немногих хороших мелодий.

А как насчет «пустяковой» музыки?

Однажды она шокировала меня, сказав, что, по ее мнению, любимая легкая музыка дает человеку больший эмоциональный заряд, чем самая наилучшая классика. Я понимаю это так, что легкая музыка вызывала в ней больший отклик, чем Рахманинов

или Шопен.

Рок-н-ролл?

В 1979 или 1980 году она сказала мне, что последнюю разновидность рока, которую она в состоянии воспринимать как музыку, а не шум, представляет для нее творчество «Битлз». Меня удивило уже то, что она сочла «Битлз» достойными одобрения.

Вы разговаривали с мисс Рэнд о вложении денег?

Она была очень консервативна в этом отношении и потому оставалась верной сберегательным счетам до тех пор, пока Алан Гринспен не уговорил ее расстаться с ними. Был такой интересный случай. В конце шестидесятых я подумывал о том, чтобы продолжить игру и сделать новое вложение. Я уже заключил примерно пятнадцать в высшей степени рискованных опционных контрактов, приносивших мне удобный доход. И теперь мне следовало решить: продолжать складывать пирамиду или выйти из дела. Я спросил мнение Айн, и она сказала мне: «Сохраняйте свой уровень жизни».

Что она хотела этим сказать?

Не рискуйте. Я с ней не согласился, подумав: ну, она знает философию, однако не разбирается во вложениях. Я продолжил свою игру и потерял все заработанное предыдущими операциями. По прошествии лет, хорошо познакомившись с ней, я сказал: «А знаете, Айн, единственный раз в своей жизни я не послушался вас, когда вы сказали, чтобы я сохранял свой уровень жизни. Я пренебрег вашим предупреждением и потерял все эти деньги». Она посмотрела на меня озабоченным взглядом и сказала: «Вам следовало сразу осведомиться о причинах, которыми я руководствовалась». Очень характерное для Айн Рэнд утверждение. Она отреагировала не в том понятном стиле: «Вот, парень, ты не поверил мне и заплатил за это…» или «Как жаль, но такова жизнь. Возраст делает нас умнее». Нет, она спросила: «Почему ты не поинтересовался теми причинами, которыми я руководствовалась?» У нее на каждое слово имелись свои причины, и если бы я сразу занялся ими, то мог бы выбрать другой вариант.

Разговаривали ли вы с мисс Рэнд о различиях между полами?

Разговаривали. Она упоминала их в контексте феминистского движения. Она сказала, что после колледжа несколько раз в своей жизни ощущала дискриминацию или предосудительное отношение к себе как к женщине. Скептицизм из разновидности: это женщина… и что она может сделать? Она добавила, что всякий раз без малейшего труда доказывала собственное достоинство и что настоящей женщине следует занимать следующую позицию: «Хорошо. Вы считаете, что я не смогу

сделать эту работу. Но я докажу вам, что это не так».

Она говорила что-нибудь о движении Солидарность, существовавшем в Польше в начале 1980-х годов и попытавшемся низвергнуть коммунистическую систему?

Она высказала по этому поводу интересную, в собственном стиле мысль. Она сказала, что борьба с коммунизмом в Восточной Европе началась с Польши потому, что только поляки располагали враждебной коммунизму идеологией, а именно католицизмом. Это было сказано в контексте теперешнего отступления коммунизма. И она думала, что наибольшее сопротивление ему окажет страна, располагающая другой объединяющей народ идеологией, то есть Польша.

Еще она, кажется, сказала, что сделать этот процесс постоянным, а не разовым может единственная разумная вещь — отмена цензуры. И такая отмена произошла вместе с гласностью, но уже после ее смерти. И коммунисты сразу утратили контроль над обществом.

Вы отмечали европейский, начала прошлого века, характер ее воспитания. Говорили ли вы с ней на темы этикета?

Она говорила, что этикет важен, но не в том смысле как этика — но как форма, образ действия. Она считала этикет отдельным полем, имеющим собственные принципы, и в этом параллельным этике. Этикет не сводится к набору никак не связанных друг с другом разрешений и запретов — не более чем этика. Он должен представлять собой рационально разработанную систему правил поведения.

Сущность этикета познается только на примерах. Она не вводила никаких принципов, однако нередко случались такие моменты, когда она настаивала на том, что нечто является предметом этикета, и тема эта возникала в дискуссии благодаря некоторой частности. Сама Айн была очень вежлива, и конечно же, ощущалось ее воспитание, полученное на рубеже веков в Санкт-Петербурге от отца, которого она характеризовала как викторианца, поэтому она держалась очень официально, однако без какой-либо чопорности или резкости. Существовали предметы, непростительные с ее точки зрения: например, молодым людям было непозволительно спорить с ней. После одной из лекций возле нее на сцене собралась группа молодых людей, задававших ей вопросы. В какой-то момент я услышал ее сердитый голос, обращенный к одной из женщин этой группы: «И вы будете спорить со мной?» Такая формулировка может показаться авторитарной, если сразу не учесть, что он происходил после прочитанной перед аудиторией лекции, когда у нее не было никаких причин полагать, что эта, наверно,

двадцатитрехлетняя особа, к тому же явно являвшаяся жертвой современной философии, может обладать статусом, позволяющим говорить с ней на равных. Однако она совершенно по-другому относилась к тем людям, которые заслужили ее уважение. Например, она никогда не сказала бы подобных слов по адресу Генри Хэзлитта[377]… Это было бы просто смешно. Но если какое-либо молодое существо, предположительно, в качестве поклонника является на ее лекции учиться философии и начинает спорить, не понимая, о чем говорит, то она считала подобное поведение непростительной дерзостью. Отметим, что, собирая материал для *Источника,* она написала Фрэнку Ллойду Райту письмо, выдержанное в высшей степени почтительном тоне. И она считала, что ее собственные сторонники должны общаться с ней в подобном же стиле, тем более после того, как она достигла всемирной известности.

Вы разговаривали с мисс Рэнд о красоте?

Нет. То есть мы, конечно, разговаривали о девушках, которых я находил красивыми, и Айн всегда поддерживала тему. Помню, тогда фото одной потрясающей блондинки часто появлялось в объявлениях на последней странице издания *ТВ гайд*. Я рассказал Айн о ней, и будучи в отличие от меня подписчицей *ТВ гайд*, она начала вырезать для меня фото этой красотки. Ей нравилась сама идея восхищения женской красотой, проявляемого мужчиной. Думаю, что в молодые годы она была достаточно интересной, но в годы нашего знакомства ее, конечно же, невозможно было назвать привлекательной, и она это знала, но не проявляла никакой ревности. Она восхищалась красивыми женщинами. Ей нравились Фарра Фосетт и Жаклин Смит из *Ангелов Чарли.* Конечно, привлекательные мужчины интересовали ее в большей степени, однако она одобряла стремление мужчин к женщинам.

Она считала, что красота представляет собой симметрию или гармонию пропорций и черт. То есть ей было присуще крайне чувственное — можно сказать «механическое» — восприятие красоты.

Она когда-либо поверяла вам свое видение мужественности?

Да, я спрашивал ее об этом. И типичным для себя образом Айн Рэнд, располагая выстроенной в этом плане целой теорией, к тому же освещенной в *Объективисте,* услышав от меня вопрос: «Что есть мужественность?» — задумалась и дала мне совершенно свежий ответ… ответ, отсутствующий как в литературе, так и в приписываемых ей апокрифах. Я был готов услышать следующие варианты: сила, психоэпистемологическая власть или какой-нибудь аналог собственного достоинства. Но она сказала другое: «Решительность в поступках».

Давайте теперь вернемся к вашему журналу Объективистский форум*, философским консультантом которого являлась мисс Рэнд.*

Хотя первый номер *ОФ* вышел в феврале 1980 года, я решил заняться его изданием еще летом предыдущего года. И поэтому летом 1979 года, когда я конкретно занялся этим делом, мне пришлось нанести ей визит. Я надеялся на то, что она даст мне список подписчиков и публично одобрит все мероприятие.

Айн уже знала меня. И была довольна тем, что я занялся выпуском журнала. Но прежде чем заключить окончательную договоренность, она сказала: «Если в объективизме для вас существуют какие-то вопросы или недоумения, спрашивайте о них сейчас, пока вы еще не начали работу». Этот тезис не был поставлен условием одобрения, однако в кружке Айн насчитывалось достаточное количество отпавших адептов, так и не постигших сути объективизма. Эти люди понимали, что на них «рассчитывают», что они должны занимать конкретную объективистскую позицию, но сами они не одобряли эту позицию, потому что не понимали непосредственно стоящие за ней причины и старались уклониться от вопроса, либо даже признавались перед самими собой в непонимании.

Итак, Айн хотела обсудить со мной те вопросы или возражения, которые у меня могли быть. Посему я составил целый список тем объективизма, по которым мог придумать вопрос. Я включил в этот список двенадцать пунктов, которые понимал не полностью, например связь желания с причинностью и статус сенсорных величин.

Увидев мой список, она сказала нечто вроде того, что не это имела в виду, но похвалила меня за прилежание. Тем не менее она одобрила мои вопросы, однако заметила, что все они представляют собой уже тонкости объективизма, а не те темы, с которыми я мог столкнуться при выпуске *Форума,* сложные философские вопросы — сложные для меня, получившего подготовку в современной «аналитической» философии. Айн сказала: «Я рада тому, что вы ошиблись, задав слишком сложные вопросы. Это свидетельствует о честности». Итак, она похвалила меня за честность и усердие.

Наличие у меня таких вопросов нисколько не смутило ее, она была рада поговорить на связанные с ними темы, чем мы без особой спешки и занимались несколько последующих месяцев.

Какова была аудитория ОФ?

Журнал предназначался для людей, исповедовавших объективизм, и его цель заключалась в расширении их кругозора, теоретического и прикладного, а также предоставлении

«эмоционального топлива» в разделе объявлений, где публиковались извещения о предстоящих событиях, таких как прослушивание записываемых лекционных курсов, распространявших объективизм.

Я назвал журнал *Объективистским форумом*, отчасти для того, чтобы обозначить его именно как форум, на котором люди, изучающие объективизм, могут обменяться своими мыслями, а не как официальный рупор идей Айн, которым являлся ее собственный журнал *Объективист*.

По ходу дела получилось так, что я никогда осознанно не публиковал того, с чем был не согласен. Я пытался добиться того, что все публикуемое оказывалось абсолютно правильным, по моему суждению, и не противоречило объективизму. Журнал в итоге оказался не столько форумом, как я первоначально предполагал… Она даже настаивала на том, чтобы я публиковал возражения против написанных ею статей, занимая противоположную сторону, считая вполне уместным опровержение в следующем номере.

Какие конкретные условия вы должны были выполнять?

Наше соглашение предусматривало, что, оставаясь в качестве редактора и издателя, я буду представлять ей на одобрение все написанные мной статьи, поскольку, получая в таком случае большую официальную значимость их, они как бы в большей степени представляют подлинный дух объективизма.

Еще она хотела, чтобы я заранее извещал ее о темах статей других авторов. А кроме того, требовала полное право утверждения раздела объявлений, чтобы не получилось так, будто она косвенным образом дает свою санкцию событию, которого не одобряет. Оба мы, похоже, проявили чрезмерную осторожность. Ни одно из тех событий, которых мы опасались, так и не произошло — ничего крамольного не обнаружилось ни в моих статьях, ни в статьях авторов, ни даже в отделе объявлений. Между нами не возникало никаких разногласий.

Расскажите, каким редактором была Айн Рэнд.

Для начала я решил написать статью под названием «Качание вправо». Айн всегда называла ее «Поворотом направо», а я «Качанием вправо», как она называлась в номере. «Качание вправо» не так удачно, как «Поворот направо», так как качание подразумевает возвращение к исходному положению. Конечно, в ней подразумевалось, что возвращение совершится… однако это фатализм, некая разновидность исторического детерминизма. Я бы назвал ее «Поворотом направо».

Первый вариант статьи я показал приятелю-юристу, предложившему мне, как это делают юристы, отделить факты от

выводов: сначала представь собственные свидетельства, а потом сделай обоснованный вывод. Идея показалась мне разумной, поэтому я переписал текст и показал его Айн. Леонард приехал вместе со мной в квартиру Айн, и она прочитала статью в моем присутствии.

Я видел, как она черкала карандашом. Айн держалась снисходительно, однако без энтузиазма, она считала, что текст следует сократить. Итак, моя работа удостаивалась достаточно низкой оценки, и мы пробирались сквозь текст, пытаясь исправить его. Тут мне пришло в голову предложить ей первый вариант текста, в котором оценки и выводы не были разделены.

Вскоре я привез ей первый вариант, и она решила, что он выглядит бесконечно лучше. Айн спросила: «Почему вы решили разделять факты и выводы?» Я ответил: «Сделать это мне посоветовал друг-адвокат, посчитавший, что так получается логичнее». И она сказала: «Нет, на самом деле справедливо обратное. Соединение оценок и фактов выглядит убедительнее». Мы даже поспорили на тему уклона и о том, почему объективизм не запрещает совмещать оценки с демонстрацией фактов.

Для себя я сделал следующий вывод. Если ты пишешь: чудесно, что правительственные социальные программы сворачиваются, — то сторонник велфэра [социального пособия в денежной форме] может не согласиться с твоей оценкой, однако ему придется согласиться с фактами, посему подобная формулировка является объективной.

Она сокращала целые абзацы, интересные с философской точки зрения, но на практике представлявшие собой отступления от прямой логической связи. Я старался упоминать каждую интересную идею, имеющую хотя бы отдаленное отношение к тексту. Айн потом сказала мне: «Механизм сочинительства подобен снятию денег с вашего счета для того, чтобы совершить покупку. Вы не станете снимать все деньги и ограничитесь необходимой суммой. Ваши знания в этом случае — аналог вашего банковского счета. Поэтому вы всегда испытываете потребность узнать по теме в три раза больше, чем вложили в статью». На мой взгляд, это была замечательная мысль, совершенно новая для меня, и полностью противоречившая моим установкам. Эта мысль объясняет механику ее творчества — например, в сороковых годах она возводила свою идею концепций на основании опущения измерений, однако воздерживалась от осуждения ее до середины шестидесятых годов.

После завершения первого года издания *ОФ* она перепоручила меня Леонарду и сказала: «Я не чувствую более необходимости просматривать все, что вы пишете, и исправлять

ваши тексты в вашем присутствии, так как у вас образовался неплохой послужной список… так что пусть вместо меня с вами работает Леонард, а вы можете обращаться ко мне по тем предметам, по которым хотите знать мое мнение». В частности, я много совещался с ней по поводу своей статьи «Возможная мечта»[378], вышедшей на втором году работы. Но в основном на втором году выпуска журнала со мной работал Леонард, а не она сама. После смерти Айн, на третьем году, я получил самостоятельность.

Редактировали ли вы для ОФ *статьи Айн Рэнд?*

Да, когда переиздавал ее речь «Век посредственности», произнесенную в 1981 году в Форд Холл Форуме. Она содержала критику администрации Рейгана, креационизма и Новых правых[379]. Я редактировал этот текст перед публикацией. Я сделал некоторые редакторские правки, и мы обсудили их.

Она отнеслась к этому факту совершенно спокойно и согласилась с большинством моих предложений, небольших, но достаточно многочисленных. С некоторыми она не согласилась, но объяснила почему. Если твои слова были рациональны, она активно рассматривала их. Мои редакторские правки ее совершенно не задевали, она была полностью открыта для них и продумывала их.

Конечно, в данном случае замечания были в основном связаны с подготовкой к печати произнесенной вслух речи. Однако один реальный философский вопрос все же возник. По ходу речи был поднят вопрос об абортах. Я спросил ее: «Допускаете ли вы возможность аборта на восьмом или девятом месяце беременности?» Потому что одно из предложений было сформулировано так, что его можно было понять как предположение о недопустимости абортов на восьмом или девятом месяце, когда ребенок уже способен жить вне матки. Она ответила: «Ребенок к этому времени уже полностью сформирован, он может жить». Я заметил: «Да, но разве здесь вы не подчеркивали разницу между потенциальным и реальным положением? Ребенок еще не родился». И она сказала: «Да, но убивать его будет неправильно». Я возразил: «Или вы хотите сказать, что с нравственной точки зрения это неправильно, но укладывается в рамки прав женщины?» Минуту-другую мы дискутировали на эту тему, после чего она взяла ручку, решительным и резким движением зачеркнула предыдущую фразу и единым духом написала недвусмысленное утверждение: «Жизнь человека начинается с момента рождения».

Должно быть, работать с ней было увлекательно.

Безусловно. Интерес представляло каждое общение с Айн,

каждая возможность поговорить с ней. Интересно было даже передавать собственное сочинение ей на редакцию — хотя поначалу и страшно. Но, как оказалось, она всегда была тактична, даже когда считала безнадежным переданный ей набросок статьи, и мне приходилось переписывать ее с самого начала. Она с сочувствием относилась к подобной ситуации, понимая, что начинать заново мне будет неприятно. Она была добра ко мне. И в результате появлялся более качественный творческий продукт.

Существовали ли такие темы, которых она не стала бы затрагивать по какой-либо причине? Например, считая ее скучной или неприятной?

Мне кажется, что она считала тему анархизма настолько глупой, что обращаться к ней в своих статьях полагала ниже своего достоинства. После того как я написал для *ОФ* полемическую статью против анархизма, она спросила: «Значит, вы наконец избавились от этой темы?» И я сказал: «Да».

С ее точки зрения, проповедь анархизма возможна только на детском уровне интеллекта. И тезис этот не подлежит обсуждению. В либертарианском анархизме она видела новейшую трансформацию русского анархизма, с произведениями сторонников которого познакомилась в России еще подростком. Однажды, когда после лекции в Форд Холл Форуме она раздавала автографы в Зеленой комнате, у нее вышло небольшое столкновение с одним типом, который оспаривал ее мнение и пытался ей навязать отрывок из произведения какого-то либертарианского анархиста. Произведение это было при нем, и он уговаривал ее прочесть из него отрывок. Айн с презрением отказалась и сказала: «Мне приходилось читать более авторитетных авторов, чем современные анархисты; я читала в оригинале русских анархистов». Кажется, она упоминала Кропоткина. Она считала анархизм субъективистской надуманной ерундой.

Давайте перейдем теперь к другой теме, к Фрэнку О'Коннору. Она рассказывала вам о нем что-нибудь еще?

Да, и кое-что я запомнил. Когда Фрэнку было шесть лет, его отдали в первый класс католической школы. По прошествии нескольких недель школьный учитель обратился к его родителям и спросил: «А где находится Фрэнк?» Родители удивились: «Что это значит? Мы каждый день отправляем его в школу». Учитель ответил: «Мы уже не первую неделю не видим его». Оказалось, что шестилетнему Фрэнку не понравилась католическая школа, так что он ушел из нее и самостоятельно записался в среднюю школу, куда и ходил каждый день. Родители возражать не стали и позволили ему остаться. Фрэнк был очень антирелигиозно

настроен. Айн говорила, что относилась к религии мягче, чем он. В таком случае, скорее всего Фрэнк рос в католическом окружении, что и заставило его взбунтоваться.

Еще она рассказывала мне о том, что когда они с Фрэнком жили в Голливуде после того как поженились в 1929 году, Фрэнк однажды ехал в одиночестве, и его остановили за превышение скорости, — несправедливо, как он считал. Полиция доставила его к судье, и он отказался признать себя виновным, после чего его отправили на всю ночь в тюрьму. Айн не знала об этом и была очень взволнована, когда он вовремя не вернулся домой. Однако рассказывала она эту историю с явным восхищением… его отказ подчиниться несправедливому обвинению, несмотря на вынужденный ночлег в тюрьме, вызывал ее одобрение.

Фрэнк, сказала она, всегда интересовался теми районами, в которые расширялся город — пригородами, теми, которые росли, и теми, которые не менялись. Она сказала, что это было у него едва ли не хобби. Когда после продажи *Источника* студии Warner Bros' они переехали в Голливуд, Айн хотела купить построенный Фрэнком Ллойдом Райтом дом Сторера[380], расположенный в Голливуд-Хиллз. Она хотела приобрести его из эстетических соображений, однако за дом просили очень много, и в итоге они предпочли выбранный Фрэнком дом с участком в долине Сан-Фернандо, потому что Фрэнк заметил, что Лос-Анджелес быстрее всего растет в этом направлении. Они подобрали себе особняк, построенный Ричардом Нойтрой, купили его за 24 000 долларов, а через двадцать лет продали примерно за 200 000 долларов (что в современных ценах составит больше двух миллионов). Так что Фрэнк внес весьма существенный вклад в их финансовую историю.

Однажды она сказала мне, что Фрэнк был очень хорошим водителем. Иногда она рассказывала мне свои воспоминания в расчете на то, что их запомню, на что мне не всегда хватало ума. В данном случае она выждала мгновение, и когда от меня не последовало реакции, спросила: «А знаете, почему я назвала его хорошим водителем, хотя сама не умею водить автомобиль?» Я спросил: «Так почему же?» И она ответила: «Целых три тысячи миль я видела его лицо только в профиль». Они несколько раз проезжали через всю страну, и во время этих путешествий он всегда смотрел только на дорогу, но не на Айн. На самом деле это не подвиг — находясь за рулем, ты смотришь прежде всего на дорогу — и на самом деле эта история больше говорит об Айн, чем о Фрэнке. По-моему, забавный анекдот. Айн, безусловно, продумала и сочинила его. И мне не без основания кажется, что я был не первым его слушателем.

Другой раз, после лекции, когда Айн и Фрэнк уже находились у двери и собирались уйти, в Айн буквально вцепился споривший с ней юнец. Она любила вопросы и обсуждения. Однако возражений не допускала, во всяком случае, со стороны людей, ничем не проявивших себя перед ней. Она сказала, что больше не желает с ним разговаривать, и тот выпалил: «Вы подвергаете цензуре мои идеи». Фрэнк немедленно отпарировал: «Откуда они могут у вас возникнуть?» — и оба они отправились восвояси. Так что и он умел поставить нахала на место. Я никогда не видел его иначе как благожелательным по отношению к Айн или ее друзьям, однако он без труда осадил зарвавшегося мальчишку.

Однажды она сказала мне, что считает Огайо архетипичным американским штатом. Она считала Огайо воплощением ее собственного представления о настоящей Америке… в Огайо родился Фрэнк, Рорк и Голт также были родом из Огайо, как и все прочие ее герои. Я не хочу этим сказать, что она во всем и всегда превозносила Огайо, но только то, что она видела в этом штате, так сказать, эталон Америки. Я не спрашивал ее о причине, однако подозреваю, что существенную роль в этом предпочтении сыграло происхождение Фрэнка.

Однажды я гулял с ней и пошел чуть быстрее того, чем хотелось ей, и она сказала, что та же самая проблема была у нее с Фрэнком, и она говаривала ему: «Я не могу угнаться за твоими прекрасными длинными ногами». Тогда он замедлял шаг. Потом поговорка усохла, и она стала просто говорить «прекрасные длинные ноги», после чего он тормозил. С моей точки зрения, это интересно. Потому что она не говорила ему: «Эй, Фрэнк, послушай. Прошу тебя, шагай потише, а?» или: «Фрэнк, не надо идти так быстро». Она сделала из просьбы комплимент. Так она обращалась с людьми, которыми восхищалась, и особенно с Фрэнком. Она обожала его. Она никогда не помыкала им. Она всегда ласково просила его о том, что ей было нужно.

За одним существенным исключением. Она сказала, что в начале их романа Фрэнк однажды заявился к ней с усами, которые отращивал для полученной им роли. Айн терпеть не могла волосы на лице и, увидев усы, пришла в ужас. Она говорила мне, что буквально взвизгнула, увидев его таким, и сразу сказала: «Фрэнк, ты должен убрать их!» И она заставила его сбрить усы. Айн говорила, что ни до, ни после этого случая не позволяла себе ничего подобного. Просто усы были выше ее сил. Она сказала мне, что усматривала в растительности на лице осквернение его прекрасных черт.

Существовал ли какой-нибудь контраст в их восприятии жизни?

Она прожила с ним пятьдесят лет, однако Фрэнк в смысле восприятия жизни ни в коей мере не являлся созданием Айн Рэнд. То есть, имея рядом с собой Айн, эту могучую личность, нетрудно принять хотя бы ее окрас, благодаря чистой ее силе. Однако его ощущение жизни просматривается во всем, что он делал и говорил, а также в его картинах. Он располагал очень независимым, лично выстраданным отношением к миру и жизни. Оно не в точности повторяло отношение Айн, поскольку он был устроен скорее наподобие Франсиско, а она — на манер Риардена. В нем было больше игры. Игривая нотка была присуща ей самой… так, она могла войти в гостиную в танкетках и спросить, не добавляют ли они ей стати. Однако Фрэнк играл совершенно естественно. Айн обыкновенно замечала, когда отпускала колкость или остроту. Тогда на лице ее появлялось выражение кошки, слопавшей канарейку, так она бывала довольна собой. Фрэнк же, напротив, шутил постоянно, без усилия и не замечая того.

Находились ли вы рядом с мисс Рэнд, кода она узнала о его смерти?

Нет. Когда он умер, она погрузилась в глубокую депрессию. Она не хотела ничего делать. Потребовался целый год, чтобы она кое-как овладела собой. У нее исчезла всякая мотивация к долгосрочным действиям. Она говорила мне, что он снится ей каждую ночь. Она говорила Филу Донахью на его шоу, что если бы верила в потустороннюю жизнь, то немедленно наложила бы на себя руки, чтобы защищать Фрэнка перед святым Петром. А о скорби по Фрэнку сказала так: «Я, как львица, зализываю свои раны в уединении».

Видели ли вы ее плачущей?

Никогда. Однажды она сказала мне, что не верит в публичные страдания и не будет плакать на людях. Ей не нравилось демонстрировать свои чувства по поводу утраты Фрэнка. И если я говорю «на публике», то имею в виду не Национальное телевидение. Я имею в виду — просто перед другими людьми. То есть вы и не заметили бы ее депрессию, однако оставшись наедине с собой в собственной комнате, она, возможно, падала под ее тяжестью.

Айн очень любила Фрэнка, он был средоточием ее счастья — она знала его с 1926 по 1979 год, и я могу только представить себе тяжесть утраты человека, столь неразрывно вплетенного в твою жизнь. Она делила все с Фрэнком. Например, он присутствовал при всех этих интеллектуальных беседах. Он стоял рядом с эпистемологической мастерской. Он был рядом с ней, когда она сочиняла *Атланта.* Он за рулем возил ее по стране. Он

был во всем.

Плюс к тому, согласно ее теориям, женщина смотрела на мужчину снизу вверх, женственность женщины проявляется в ее отношении к мужчине, а не в отношении к реальности. Поэтому я и впрямь допускал, что она способна совершить самоубийство после смерти Фрэнка. К счастью, этого не произошло, но тем не менее она как бы отчасти умерла. Однако это не было видно посторонним; она всегда была настолько полна жизни, что тот, кто только в те годы познакомился с ней, не смог бы даже предположить, какая тень легла на нее после смерти Фрэнка. Если просмотреть отснятое в ту пору ее выступление в шоу Донахью, вы не увидите унылого, пассивного человека. Перед вами прежняя, огненная Айн Рэнд. Но чуть-чуть потускневшая. Вместо прежней раскаленной всесжигающей печи перед вами всего лишь яростное пламя. После смерти Фрэнка она принимала антидепрессанты. Но и в унынии Айн Рэнд оставалась более пламенной, чем мы с вами в нормальном состоянии.

Примерно шесть месяцев после кончины Фрэнка она не хотела ничего делать. Она перечитывала романы Агаты Кристи, смотрела телепередачи, встречалась с немногими друзьями. Никакой патологии, вполне понятная временная потеря всяких стремлений.

Можете ли вы рассказать мне о последнем литературном проекте Айн Рэнд — телепостановке Атланта?

Некто спросил ее: зачем нужно экранизировать такой роман, как *Атлант?* Не лучше ли оставить его таким, как есть, в форме литературного произведения? Она ответила: «Ради конкретизации». Кажется, Айн сказала, что экранизация сделает роман наглядным, но точнее будет сказать, пригодным для визуального восприятия.

Но имея это в виду, можно представить себе ее страдания в том случае, если бы роль в этом фильме исполнял, например, Спенсер Трейси, превосходный актер, но непохожий, с точки зрения Айн, на ее героев. Однако, с другой стороны, она страдала бы и в том случае, если бы роль отдали актеру, внешне похожему на ее героя, но не умеющему держаться или неумному.

Арлин Манн однажды спросила у Айн: «Если бы вам пришлось выбирать на одну из главных ролей в *Атланте* актера, способного сыграть ее, но внешне непохожего на ваше представление о нем, или актера внешне подходящего, но не обладающего соответствующим дарованием, кого бы из них вы предпочли?» Она ответила в том смысле, что именно этот вопрос всегда мучил ее, поскольку она хотела видеть на экране именно тот тип внешности героя, который себе представляла, но еще и

хотела, чтобы актер хорошо играл. Например, она была расстроена неспособностью Гэри Купера правильно сыграть Рорка. Она сказала Арлин, что, к сожалению, даже не знает, что сказать, ибо ее будут раздирать два противоречивых желания.

Кстати говоря, работая над *Атлантом*, она хотела, чтобы роль Джеймса Таггарта сыграл Винсент Прайс[381]. Думается, она писала внешность своего героя прямо с этого актера, элегантного, чуть сутулящегося и наделенного рассеянным и зловещим взглядом. Он вялый и вязкий… такой, как Джеймс Таггарт… скользкий, полный вздорной и пустой злобы.

Вам что-нибудь известно о сделке, которую она заключала с Генри и Майклом Яффе?[382]

NBC отказалась от *Атланта* по чистой случайности: в критически важный момент произошли большие изменения среди лиц, определявших программу. И хотя Айн не была в восторге от сценария Стирлинга Силлифанта, однако с ним еще кое-что можно было сделать. Она могла сама поправить его, она могла сделать это совместно с Силлифантом, можно было и обратиться к другому сценаристу. Но в этот самый момент компания изменила свои планы. И Яффе располагали только серым и неровным сценарием. Однако они заключили соглашение с Айн и потому попытались найти другую вещательную компанию.

Они использовали все доступные им пути, чтобы найти деньги на съемку фильма. Айн приглядывала за процессом и была в курсе, однако, на мой взгляд, действовали Яффе. Им приходилось стучать в различные двери, но за ней всегда должно было остаться одобрение сценария. Они пытались проявить творческий подход, но, увы, их старания так и не были востребованы. Именно поэтому, когда перспектива предоставить Гансу Гудегасту роль Франсиско взволновала Айн, она понимала, что перед ней стоят две задачи: самостоятельно написать сценарий и найти источник финансирования среди своих поклонников.

В таком случае давайте обратимся к Гансу Гудегасту.

Хорошо. Все началось в 1981 году. Она вернулась со своего последнего Форд Холл Форума, состоявшегося 26 апреля 1981 года. Шел последний год ее жизни. Она умерла 6 марта 1982 года, то есть до смерти оставалось одиннадцать месяцев. Примерно в это время она сказала мне, что смотрит повторный показ заинтересовавшего ее сериала *Крысиный патруль*.

Итак, к этому времени она только начинала поправляться после смерти Фрэнка, произошедшей в ноябре 1979 года, и пока ее ничто еще не интересовало. После кончины Фрэнка прошло полтора года.

Она уже упоминала о том, что *Крысиный патруль* ей понравился. В нем была заложена симпатичная ей идея дружелюбных врагов. Я пытался с ней спорить: «Это война, и надо стараться первым убить врага, пока он не убил тебя самого. И что вы хотите сказать этими словами — „дружелюбные враги“?» Она не стала особенно возражать, но идея понравилась ей в литературном плане. Она видела в ней нечто от Говена и Лантенака из *Девяносто третьего года* Виктора Гюго, исполняющих роли отца и сына, находящихся на разных идеологических полюсах, но уважающих друг друга. Такая позиция образует хорошую основу для литературного произведения. Мне кажется, что ей нравился и благой подтекст, лежащий в самой идее дружелюбных врагов.

Вернувшись из Форд Холл Форума, она сказала мне: «Мне показалось, что один из героев *Крысиного патруля* способен сыграть Франсиско. Это чрезвычайно заинтересовало меня, так как этот персонаж является первым моим любимцем во всей литературе». Так что я также посмотрел очередной выпуск сериала и сказал ей: «Вот это да, теперь я понимаю, что вы имели в виду. Этот парень насквозь пропитан духом Франсиско». И буквально за месяц интерес в ней превратился в настоящую страсть. Она влюбилась — в кавычках — в этого актера. И если я говорю «влюбилась», то имею в виду именно то, что она буквально втюрилась в него. Она понимала это — понимала, что, словно школьница, влюбилась в кинозвезду. Конечно, никаких глупостей, ничего нереалистичного с ее стороны не могло быть. Просто это был ее герой. Он выглядел как Кирус[383]. Он был немцем. Свое настоящее имя Ганс Гудегаст после сериала *Крысиный патруль* он изменил на Эрик Бреден. Он разговаривал с легким немецким акцентом, играл немца, от него так и веяло Европой. Примерно в эту пору она сказала: «А я думала, что мне придется ставить *Атланта* с одним из этих неуклюжих и скучных американцев». Гудегаст был очень аристократичен.

Все, кто знает Эрика Бредена по *Молодым и дерзким* видят в нем образец романтизма. Но теперешний, нынешний он не имеет ничего общего с тем ослепительным, едким, насмешливым, высокомерным, безусым немецким командиром, которого он сыграл в *Крысином патруле.* Она и в самом деле решила, что он сыграл ее мужчину, и сказала: «Едва ли можно сыграть эту роль, если ты не имеешь в себе самом ее частицы». Действительно: можно допустить ложную интонацию, можно впасть в противоречие с ролью — теперь это уже я растолковываю ее мысль, но смысл примерно таков: если ты не умеешь чувствовать себя непринужденно, если не умеешь уважать себя самого, если

не любишь собственную способность воспринимать мир, то не сумеешь как актер воспроизвести ее. Твоя игра должна быть основана на твоем внутреннем ощущении, хотя бы отчасти.

Так и в пьесе Айн *Идеал* Кей Гонда, ее героиня, слепленная по образу Греты Гарбо, мечется по окрестностям, пытаясь найти человека, способного воспринять то, что она пытается изобразить, понять присущую ей разновидность героизма. Как следует из романа *Атлант расправил плечи,* существуют обыкновенные, средние люди, существуют также люди хорошие, но не выдающиеся, такие как Эдди Виллерс, и существуют подлинные герои — страстные, независимые личности, обитающие в иной плоскости бытия. Она не видит в них сверхчеловеков, но эти люди живут напряженно, реализуя способности, много превышающие средний уровень. Жизнь чрезвычайно важна для них. Именно таких людей создавала Айн в своих романах, именно таких хотела она видеть в реальности — как и Кей Гонда.

И она решила, что обнаружила такого человека в Гансе. Не в капитане Дитрихе, которого Ганс сыграл, в самом актере, способном изобразить его. Она полагала, что и он сам должен принадлежать к симпатичной ей разновидности мужчин, даже если его раздирают собственные противоречия и проблемы. Она понимала, что такое предположение рискованно. Она никогда не обманывала себя. Здесь уместно сказать иначе: она надеялась. Умом она понимала: что ж, у него, наверно, были такие-то и такие-то неудачи. Но надежда брала верх: «Надеюсь, я правильно вижу его». И она увлеклась. Жизнь ее сфокусировалась на Гансе. Она сказала, что, когда открыла его для себя, когда связала его и Франсиско, жизнь ее словно бы заново осветило солнце. Да, она восхищалась его игрой в предшествовавшие месяцы, но когда представила его себе в качестве Франсиско, все колесики сцепились и затикали. Тут началось ее увлечение и любовь. Она и только она вернула Айн к жизни после утраты Фрэнка. Айн всегда почитала мужчин как таковых. И когда у нее не стало Фрэнка, на которого можно было смотреть снизу вверх, потребность смотреть на кого-то снизу вверх осталась. Освободившееся место занял Ганс.

Она начала разузнавать, кто он такой. И должно быть, удивилась тому, что он не является мировой знаменитостью, потому что он и в самом деле был великолепным актером. Она обнаружила, что он принимал участие в съемках *Молодых и дерзких.* Хотя мыльные оперы предоставляют отличную и постоянную работу, и занятые в них звезды обретают определенную славу и статус, известность эта все же много уступает славе кинозвезды. Возможно, она думала, что талант его

не смог пробиться в современную культуру. Возможно, она видела в нем человека, наделенного очевидными способностями и талантом, свой собственный тип. И в чем же раскрывается этот талант? В мыльной опере.

У нее появилось основание «спасать» его в профессиональном плане. Она видела в нем человека, наделенного высочайшими способностями, не получившего признания в своей профессии — либо потому, что он слишком хорош для современного кино, либо потому, что среди предлагаемых отсутствуют роли для того типа героя, которого он может сыграть. Она уже видела в нем жертву собственных достоинств — такую, как Стивен Мэллори в *Источнике* или Ричард Галлей в *Атланте.* Возможно, Айн доводилось самой переживать подобные чувства, особенно в тридцатых годах — одиночество огромного и непонятого таланта, с трудом продвигающегося вперед. Словом, она решила, что он будет идеальным кандидатом на роль Франсиско в киноверсии *Атланта.*

И кстати, позвольте мне со всей определенностью заявить: насколько это известно мне, она не проявляла подлинного интереса ни к одному кандидату на исполнение роли одного из главных героев *Атланта,* за исключением Ганса Гудегаста. Основное побуждение, так воспламенившее ее, заключалось в том, что, утвердив его в роли Франсиско в кинофильме или мини-сериале по *Атланту,* она предоставит ему ту аудиторию, которой он достоин, поможет его творческой карьере, спасет его судьбу. С ее точки зрения, он являлся забытым героем… мир пренебрег им, и она намеревалась восстановить его в собственных правах. Именно поэтому она села писать сценарий по роману *Атлант расправил плечи.* И пока она так думала о нем, работа давалась ей легко.

Она рассказывала, что в начальный период развития этой страсти Элоис спросила ее: «Ну вот ты умрешь, окажешься на небесах, а там тебя встретят Фрэнк и Ганс… кого из двоих ты предпочтешь?» Айн рассказывала мне об этом с легким скепсисом. Она ответила Элоис: «Ну конечно, же Фрэнка!» Ей казалось странным то, что Элоис вообще задала подобный вопрос.

Словом, Айн начала видеть в себе защитника Ганса. И подобно собственным героиням перешла к действию. Она не могла только размышлять над собственными ценностями или отношением к мужчинам. И в данной ситуации стала разузнавать о нем поподробнее. Для начала она купила видеомагнитофон — это в 1981 году, когда они были еще во многом в новинку. Она обратилась к помощи своих агентов, которые представили ей полный список всего, в чем снимался Ганс. Она стала снимать его

с телеэкрана. Технически это довольно сложно — так ей, во всяком случае, сказали, поэтому в нескольких случаях она обращалась в фотолабораторию. Она читала данные им интервью. Она брала напрокат копии его фильмов. Словом, собрала всю доступную информацию.

Она сняла на видеоленту все эпизоды *Крысиного патруля.* Первоначально сериал транслировался в течение двух лет, с 1966 по 1968 год, было снято шестьдесят эпизодов. У нее было пять шестичасовых лент. Некоторые хранятся у меня — те, которые она расставляла по ранжиру. Она записывала название эпизода, а потом проставляла рядом с ним буквенный символ. Основой для классификации служила доля участия в эпизоде Ганса и то, насколько хорошо он был в нем представлен. В некоторых эпизодах Ганс вовсе не появлялся, так как играл германского капитана, не каждая серия предусматривала его участие. Такие получали у нее оценку F. Такая вот у нее была классификация.

Не помните ли вы, какой эпизод был у нее любимым?

Таких было несколько. В частности В Negative Raid[384], в котором Хитч, заместитель командира американского патруля, нуждается в переливании крови, которая у него редкой группы. Посему главный герой сериала, американский сержант Сэм Трой, которого играл Кристофер Джордж, пробирается в лагерь немцев, приставляет пистолет к голове капитана Дитриха и приказывает ему искать человека с В-отрицательной кровью. Среди немцев находится лишь один обладатель таковой, и им оказывается перебежчик-американец. В сериале попадались и другие интересные сюжеты. Айн любила те из них, в которых присутствовало непосредственное противостояние Дитриха и сержанта Троя.

А другие?

Не нравился ей «Фатальное воссоединение» (The Fatal Reunion Raid). О нем в ее записках написано: «Габриэль и ее муж. Растяпа B.S. Ганса Гудегаста нет». А теперь позвольте мне зачитать вам ее комментарий на один из любимых ею эпизодов. «5/28. „Рейд уличных хулиганов“. А.» И галочка возле «А». А потом в скобках: «Маленький арабский мальчик в аэрофотосъемке». Это чтобы напомнить себе, о чем там речь. «Великолепные крупные планы лица ГГ. Однако его немного. Отметила M-R и U.A.». По-моему, «M-R» здесь означает Mirish-Rich, компанию, отснявшую фильм, а «U.A.» — это United Artists[385]. Ее интересовало даже то, кто выпускал фильм, чтобы использовать при съемке *Атланта.*

А вот и «A+». «The Decoy Raid (Ловушка). 6-1-81. A+. ГГ убивает злого эсэсовского офицера и помогает Крысиному

патрулю. ГГ великолепен. Чудесные ближние планы и складывающееся вокруг него повествование». Отмечено: «M-R и U.A.»

Иногда я приходил в ее квартиру и смотрел серии в ее обществе. В самом начале показа она всегда отдавала честь: наполовину в шутку, наполовину всерьез. Как мне кажется, ей нравился этот небольшой жест, имеющий отношение к происходящему на экране.

Так сказать, ощущение драмы, не так ли?

Да, но также символ, физическим образом подчеркивающий смысл фильма… Ну как Голт в финале *Атланта* чертит рукой знак доллара.

Имелись ли у нее другие основания поддерживать Ганса Гудегаста?

Работа над фильмом по *Источнику* рассорила ее с рядом вовлеченных в создание ленты людей. Она говорила, что не хочет, чтобы подобное произошло с *Атлантом,* и она не допустила бы этого при съемке *Источника*, если бы только знала, насколько это трудно и болезненно. Не знаю, насколько она сама понимала это, однако Айн тотально недооценила все сложности и проблемы, возникающие при расчленении твоего детища, твоего романа, для переноса его в другую медиасреду, и при общении со всеми теми людьми, которые месяц за месяцем стремятся внести в него все новые и новые изменения. Она говорила, что будет способна взяться за работу над фильмом по *Атланту* только в том случае, если будет располагать хотя бы одним союзником, таким как режиссер, звездный актер, продюсер или сценарист. Словом, она посчитала, что Ганс станет ей таким союзником.

Расскажите подробнее о вашем общении с ней относительно Ганса.

Она рассказывала мне о том, как смотрелся Ганс в той или иной постановке — как он выглядел и как воспринимался, — и спрашивала мое мнение. Я был ее наперсником, и это также укрепляло нашу дружбу. Ганс производил впечатление и на меня, и я разделял ее надежду увидеть Ганса в роли Франсиско. Она любила поговорить с кем-нибудь о Гансе. Я помогал ей записывать серии. Мы вместе продумывали классификацию, и я ей говорил: «А вот здесь какая роскошная сцена. И каков он в профиль. Посмотрите». И все в том же роде.

Ганс разговаривал очень характерным образом. Выговор его несколько отличался от обыкновенного, и я сумел подражать ему с легким немецким акцентом. Она говорила, что ей очень приятно слушать мое подражание. Нетрудно понять, насколько она была увлечена почитанием Ганса.

Позже, когда Айн писала сценарий мини-сериала по *Атланту,* однажды вечером она попросила меня и мою тогдашнюю девушку прочитать вслух перед ней часть сценария, причем я должен был воспроизводить реплики Франсиско голосом Ганса. Задание это мне не понравилось. Исполнять роль Франсиско перед Айн Рэнд, к тому же чужим голосом, было страшновато, но я согласился. Моя девушка должна была прочитать реплики Дагни. Это была сцена Дагни и Франсиско.

Так что я попытался исполнить ее просьбу, однако я не умею играть. Словом, я прочел эти строчки, возвышая голос на концах предложений, как это делал Ганс, с ноткой немецкого акцента. И ей понравилось. Девушка моя бесхитростно прочла то, что положено, и Айн похвалила нас обоих. Она была восхищена, представляя себе голос Ганса. Я понимал, что чтение мое в художественном смысле никуда не годится, однако Айн извлекла из него все, что ей было нужно, и я был доволен тем, что мы порадовали ее.

Быть может, во время ее пребывания в Новом Орлеане в ноябре 1981 года произошло что-то, связанное с фильмом по Атланту?

Я запомнил только то, что во время стадии вопросов она сказала нечто вроде: «У меня есть идеи по части исполнителей…» Я сидел в первом ряду, она посмотрела на меня и спросила: «Нужно ли говорить им?» — потому что я был ее наперсником в части увлечения Гансом. Я отрицательно замотал головой. Нет-нет. И она промолчала.

Помню, что во время нашего возвращения поездом из Нового Орлеана она сказала мне, что, по всей видимости, для показа в кинотеатрах *Атланта* следует разделить на две серии по три с половиной часа. Она сослалась на какой-то давний прецедент[386]. Она сказала мне, что уже выходила с идеей показать *Атланта* на телеэкране в виде сериала, еще до того, как возникла сама идея мини-сериала — задолго до первого мини-сериала, которым стал *Богач, бедняк* [1976]. Так что она активно обдумывала способы вывести *Атланта* на экран и имела на сей счет различные творческие идеи.

Навязчивая идея насчет Ганса так и не оставила ее?

По мере поступления новой информации начали появляться и негативные нотки. В *ТВ гайд* или *Соап опера дайджест* появилось интервью, в котором он озвучил пару совершенно неприятных идей. Во-первых, он был рад сыграть в *Крысином патруле* симпатичного немца, так как немцы пользуются дурной славой в Голливуде. Во всех фильмах о Второй мировой войне немцы предстают в роли стереотипных садистов, и он рад как-то

обелить германскую армию. Выступление его не прозвучало пронацистски, но тем не менее в нем не было и антидиктаторской направленности. Это свидетельствовало не в его пользу, и Айн была очень разочарована.

В интервью перечислялись его увлечения… физические, требовавшие пребывания под открытым небом. Это также стало разочарованием для нее, ибо она хотела видеть в нем какое-то подобие собственным героям — ну, чтобы он признавался в том, что его единственно любимым занятием является чтение романов Виктора Гюго во французском подлиннике. Ну хотя бы что-то более интеллектуальное. Однако его интересы явно находились в физической, а не в интеллектуальной области. В глазах Айн это был еще больший недостаток, чем прогерманские настроения, которые также не были ей по вкусу. Нашлась и еще пара подобных ляпов. Так что она уже не знала, как надо относиться к нему. Естественно, на основании столь скудных свидетельств, которые вполне могли оказаться состряпанными журналистом, она не могла заключить, что он не таков, как представляется ей.

Потом мы посмотрели некоторые другие его фильмы. *Молодых и дерзких* она смотреть не захотела, так как там он снимался в усах, а она терпеть не могла растительности на мужском лице. Она не просто не любила усы, но когда они скрывали прекрасное лицо, каким она считала лица Фрэнка или Ганса, считала их осквернением красоты, богохульным уродством, которому нет места на любом лице. Иногда, замечая его лицо в журналах, посвященных мыльным операм, она прикрывала усы пальцем и пыталась представить, как он выглядел бы без них.

Но мы брали напрокат и другие его фильмы. В частности, *Бегство с планеты обезьян* [1971], где он играет злодея. Похоже, что Ганс всегда подвизался в ролях отрицательных персонажей. И в *Бегстве с планеты обезьян* он терпит поражение от обезьян, положительных персонажей, и в одной из последних сцен он не только побежден, но и унижен. Ну не то чтобы полностью, но отчасти: его бросают лицом в грязь, и люди проходят над ним. Увидев это, Айн сказала: «Я хочу умереть». Причем совершенно искренне.

А потом был *Колосс. Проект Форбина* [1970] с Гансом. Внешность его по-прежнему нравилась ей, но он снова в итоге проигрывает; его ставят на место. Это был неудачный фильм.

Вместе мы смотрели повтор эпизода в *Шоу Мэри Тайлер* (1977)[387], в котором также участвовал Ганс. Кульминацией становится торт, брошенный в лицо Гансу персонажем по имени Тед Бакстер. Посмотрев этот эпизод, она сказала: «Похоже, что

Ганса пытаются опустить». Никакого удовольствия ей этот момент не доставил. После *Шоу Мэри* Айн сказала: понимаю, что появление в шоу идет ему на пользу, прибавляет популярности, и тот, кто предложил ему эту роль, оказал ему услугу в профессиональном плане, но больно видеть, как ему, идеальному персонажу, швыряют пирог в лицо и унижают в ключевой сцене… это отвратительно.

Во всех его фильмах, которые она видела, кажется, в четырех различных ролях, Ганс непременно оказывался злодеем, в финале ему давали пощечину, он терпел поражение и подвергался унижениям. Поэтому порадоваться за него она могла только в *Крысином патруле.* Наконец, в *Мэри,* последнем из этих сериалов, он играл неприятного, надменного критика, в известной мере пародируя собственное аристократическое высокомерие. Авторы сериала использовали то полное насмешки пренебрежение, которое Айн всегда ассоциировала со своими героями, и превратили его в собственную противоположность.

Так что симпатия ее во многом поехала вниз. Он также начал терять акцент, персонажи его сделались ходульными, и дальнейшая перспектива становилась все более и более непривлекательной в глазах Айн.

В ноябре, когда она поехала выступать в Новом Орлеане, как мне кажется, Айн пришла к выводу, что этот человек не является ее героем, однако в нем все же мог скрываться элемент величия, и, основываясь на этом шансе, она продолжала работать над сценарием *Атланта.* В течение двух или трех месяцев она постоянно разочаровывалась в нем, однако все еще питала надежду. По прошествии ноября она сказала, что намеревается перебраться в Голливуд, чтобы заняться фильмом. Она говорила вполне серьезно о том, что ей придется провести два года в Голливуде, который она ненавидела. Однако она была готова к переезду. Итак, при всех своих почтенных годах, обнаружив мужчину, стоившего ее забот, она была готова на все. Я сказал Айн, что последую за ней в Голливуд. Она ответила: «Отлично. Я назначу вас своим гуру… вы будете ходить на съемочную площадку и наблюдать за ходом съемки». Ситуация становилась волнующей.

Что произошло после ее выступления в Новом Орлеане?

Она продолжала сочинять телеверсию *Атланта*[388]. Сперва казалось, что она сумеет найти необходимые деньги.

Приходя к восьми часам вечера, я немедленно интересовался свежими новостями. Примерно так: «А что говорят на эту тему по каналу такому-то?» Уже казалось, что никаких финансовых затруднений не предвидится. Однако люди, обещавшие ей

деньги, вдруг куда-то попрятались, и вместо них появились финансовые трудности. Но что более важно, разочарование ее в Гансе Гудегасте росло, и она начала терять мотивацию. Она написала сценарий первого эпизода сериала, рассчитанный на два часа.

Что было потом?

Все пошло наперекосяк. Здоровье ее ухудшалось. Она заболела еще в поезде на обратном пути из Нового Орлеана и так более и не поправилась. Ей пришлось ненадолго лечь в больницу. Деньги ниоткуда не появлялись. Ганс, источник ее вдохновения, все более и более терял вдохновляющий ее облик.

Так что работа замедлилась. На самом деле она начала замедлять свой ход еще до ноября. В декабре она была в состоянии работать всего два или три дня. Никакого движения не было, и Айн была недовольна ситуацией. Последний раз она садилась за письменный стол 1 января 1982 года, сочинять первую страницу второй серии предполагаемого мини-сериала. У нее была традиция начинать в первый день наступившего года работу над тем, что рассчитывала в его течение и закончить.

Она когда-либо общалась с Гансом Гудегастом?

Нет, она намеревалась написать ему, но в итоге раздумала. Она не хотела вселять в него преждевременную надежду. Она хотела подальше продвинуться в работе над проектом по *Атланту,* прежде чем связываться с ним. В итоге Ганс до сих пор не знает эту историю. Он не представляет, до какой степени она восхищалась его внешностью, его осанкой, его способностью изображать величие. В сыгранном им капитане Дитрихе он воплотил тот род уверенного и гордого героя, который она создавала в своих романах. В этом на самом деле и заключалась ее жизнь. В драматизации человеческого идеала и формулировании философии, лежащей в основе этой драмы, в создании системы принципов, объясняющей и защищающей героическое в человеке.

Вспоминается то, что она сказала в статье «Цель моего творчества»: «Цель и мотив моего творчества лучше всего подытожить в качестве воображаемого посвящения — „Во славу Человека“».

notes

Сноски

1

«Айн Рэнд. Устная история». (*Прим. пер.*)

2

Архив Айн Рэнд. (*Прим. пер.*)

Интеллектуальный активист. (*Прим. пер.*)

4

Сборник эссе о романе Айн Рэнд «Мы живые». (*Прим. пер.*)

5

The Motion Picture Alliance for the Preservation of American Ideals (Кинематографический альянс за сохранение американских идеалов) представлял собой объединение видных политически консервативных работников голливудской кинопромышленности. Создан в 1944 году для защиты кинопромышленности и всей страны от коммунистического и фашистского проникновения. (*Прим. пер.*)

6

Университет в г. Нью-Йорк, один из наиболее престижных в стране. Основан в 1754 году. (*Прим. пер.*)

7

В 1960–1961 годах Айн Рэнд дала Барбаре Бранден в сумме примерно тридцать пять часов интервью, когда та готовила биографический очерк *Who is Ayn Rand?* (*Кто такая Айн Рэнд?*) (New York Random House, 1962). Аудиозаписи и их расшифровка хранятся в Архиве Айн Рэнд. (*Здесь и далее, если не указано иначе, прим. авт.*)

8

О связи между персонажами романа *Мы живые* и семьей Айн Рэнд см. в Scott McConnell, Parallel Lives: Models and Inspirations for Characters in *We the Living*, in *Essays on Ayn Rand's «We the Living»,* ed. Robert Mayhew (Lanham, MD: Lexington Books, 2004).

9

В Российской империи не все евреи имели право проживать в Санкт-Петербурге.

10

Териоки — курортный городок на берегу Финского залива, находящийся в тридцати пяти милях от Санкт-Петербурга. После 1918 года он отошел к независимой Финляндии, но после Финской войны 1939–1940 годов вернулся в состав СССР. В 1948 году был переименован в Зеленогорск.

11

В своих биографических интервью 1960–1961 годов Айн Рэнд утверждает, что познакомилась с музыкой в возрасте шести лет, слушая в парке игру духового оркестра.

12

В более позднем интервью миссис Дробышева толковала мирские интересы Алисы как светские: «светское общество, романы, фраки, декольте, длинные бальные платья, бриллианты».

13

Лев Беккерман, послуживший прототипом Льва Коваленского из романа *Мы живые.*

14

В биографическом интервью Айн Рэнд рассказывала о своей матери другое.

15

На самом деле они поженились в 1929 году.

16

На самом деле она вышла второй раз замуж в 1939 году.

17

900-дневная осада Ленинграда нацистами началась в сентябре 1941 года.

18

Их еврейские имена — Зельман-Вольф и Хана Берковна.

19

Астрахань находится в 900 милях к юго-востоку от Москвы, неподалеку от Каспийского моря.

Это относится к ее кузену Володе Конгейму.

21

Госиздат — государственное издательство.

22

В России принято разрешать родственникам ухаживать за тяжелыми больными.

23

«Письмо вождям Советского Союза» (сентябрь 1973 года). (*Прим. пер.*)

24

Письма родных (1926–1936) Айн Рэнд свидетельствуют о том, что реальные условия жизни в Ленинграде отражали описанные в романе *Мы живые*. Почти девять сотен этих писем хранятся в Архиве Айн Рэнд.

25

Наташа занималась в консерватории на исполнительском факультете, в классе профессора Надежды Голубовской с 1922 по 1929 год. Голубовская считала ее очень одаренной пианисткой. Во время «чистки» в консерватории в 1925 году Наташе позволили продолжать занятия благодаря ее дарованию, однако при условии повышения «общественной активности».

26

Более подробно см. в *Letters of Ayn Rand* ed. Michael S. Berliner (New York: Penguin, 1995), стр. 279, 399, 358, 420, 434, 480.

27

Шильонский замок находится недалеко от Монтре.

28

В своих биографических интервью 1960–1961-х годов Айн Рэнд утверждает, что видела *Нищего студента* 11 раз.

29

Мошенником Златкина помимо прочих уничижительных имен звала вся семья Розенбаумов.

30

Согласно адресованным Айн Рэнд письмам родственников, на вокзале присутствовали многие из ее родных.

31

Элеонора Розенбаум написала в какой-то неизвестный нам калифорнийский колледж и получила из него информацию в марте и апреле 1928 года.

32

См. McConnell in *Essays on Ayn Rand's «We the Living»*, стр. 52–56.

33

Согласно словам миссис Дробышевой, рукопись пьесы показали известному театральному режиссеру и художнику Николаю Павловичу Акимову, считавшемуся свободомыслящим космополитом. В настоящее время Театр комедии, в котором он работал, носит его имя.

34

Элеонора Дробышева путает в своих воспоминаниях «Дом Протасовых» (Невский проспект, 72) — в котором одно время находился «Свободный театр», где играл Леонид Утесов, и в котором в 1910 году открылся кинотеатр «Кристалл-Палас», вернувший свое имя в 1997 году, — и «Дом княгини Юсуповой» (Литейный проспект, 42), где находился театр «Кривое зеркало». (*Прим. пер.*)

35

Леонид Утесов, знаменитый советский певец и музыкант.

36

19 мая 1926 года в письме Айн Рэнд Нора писала, что «плакала от счастья», прочитав копию письма, которое мисс Рэнд отправила Харту с просьбой фото и автографа для Норы.

37

Да, сэр, это моя крошка. Музыку написал композитор Уолтер Дональдсон, а текст — Гас Кен в 1925 году. (*Прим. пер.*)

38

Три письма Айн Рэнд к миссис Дробышевой воспроизведены в *Letters of Ayn Rand,* стр. 657, 660 и 662.

39

В Архиве хранится документ (датированный 29 июня 1925 года), отправленный Гарри Портным правительству США, в котором он давал гарантию следить за финансовым положением Айн Рэнд. Он писал, что пригласил Айн Рэнд в Америку для того, чтобы проверить благополучие и безопасность своих родственников в России, «которых он не видел тридцать лет».

40

Песня написана в 1925 году Льюисом, Янгом и Хендерсоном.

41

Китайско-американское блюдо, изобретенное китайскими поварами, работавшими на железных дорогах западного побережья. В состав входит: нарезанное соломкой мясо (говядина или свинина) или курица, молодые побеги бамбука и бобов, водяные каштаны, другие китайские овощи, специи и соевый соус. Подается с рисом (белым или жареным). В самом Китае блюдо совершенно неизвестно. (*Прим. пер.*)

42

Здесь имеет место некоторая неясность в отношении слов Айн Рэнд, потому что имя Рэнд упоминается в письмах, написанных сестрой Норой еще до прибытия Айн Рэнд в Чикаго, что свидетельствует о том, что новое имя она выбрала еще в России.

43

В 1935–1937 годах Айн Рэнд жила на Парк-авеню, а в 1939 году на Восточной 89-й улице.

44

Э. Вудс ставил на Бродвее пьесу Рэнд *Ночью 16 января.* В 1936 году Айн Рэнд выиграла у него судебное дело за попытку уменьшить ее роялти в большей степени, чем было предусмотрено контрактом. См. также *Letters of Ayn Rand* стр. 24 по поводу его обращения с ее рукописью.

Встреча эта состоялась 29 сентября 1963 года.

46

Выставочный и конференц-центр в Чикаго, штат Иллинойс, США. (*Прим. пер.*)

47

Насколько можно установить, в это время роль Христа исполнял Йен Макларен. Участие Джо О'Коннора не подтверждается.

Товарный знак граммофонов, патефонов, проигрывателей и пластинок, выпускавшихся Radio Corporation of America, г. Нью-Йорк. (*Прим. пер.*)

49

О’Конноры проживали по адресу 10,000 Tampa Ave., Chatsworth, California, с июля 1944 до октября 1951 года.

50

О’Конноры возвратились в Нью-Йорк в октябре 1951 года.

51

Джанет Гейнор (1906–1984) — американская актриса, первая обладательница премии «Оскар». (*Прим. пер.*)

52

Адриан Адольф Гринберг, более известный как Адриан (1903–1959) — известный американский модельер, прославившийся своими костюмами для *Волшебника из страны Оз* и некоторых других фильмов студии Metro-Goldwyn-Mayer. (*Прим. пер.*)

53

Пастельный портрет был написан в 1948 году Леонебелем Джейкобсом. Он воспроизведен в книге *Ayn Rand,* Jeff Britting (New York: Overlook Duckworth, 2004), стр. 75.

Айн Рэнд работала в костюмерной с 1929 по 1932 год.

55

Джинджер Роджерс (1911–1995) — американская актриса, певица и танцовщица, обладательница премии «Оскар» в 1941 году. Стала популярной благодаря совместным выступлениям в паре с Фредом Астером. В 1999 году Джинджер Роджерс заняла 14-е место в списке «100 величайших звезд кино». (*Прим. пер.*)

56

Крупный голливудский художник по костюмам Уолтер Планкетт номинировался на десять «Оскаров» и победил с *Американцем в Париже* (1951). Он был первым боссом Айн Рэнд в костюмерной RKO.

Дэвид О. Селзник, продюсер *Унесенных ветром* и многих других фильмов.

58

Этот Ник Картер — не тот Ник Картер, который был братом Фрэнка О'Коннора. Майрон Селзник (брат Дэвида О. Селзника) был в Голливуде одним из самых влиятельных агентов.

59

Согласно воспоминаниям самой Айн Рэнд, ушел только один рассказ за 1500 долларов.

60

Рэнд получила работу благодаря знакомству с актером Иваном Лебедевым.

61

Она начинала с $20 в неделю и скоро добилась повышения до $25.

62

Марселла Рабвин на самом деле переписывалась с Айн Рэнд, о чем свидетельствует письмо от 5 февраля 1937 года, в котором она выражает свое мнение по поводу романа *Мы живые*.

Она находилась в Соединенных Штатах с февраля 1926 года.

64

Данное Айн Рэнд объяснение связи между Марселлой Рабвин и Питером Китингом см. в Britting, *Ayn Rand,* стр. 50.

65

Подробности см. в *Letters of Ayn Rand,* стр. 391.

Съезд состоялся в августе 1968 года.

Она родилась 9 января 1950 года.

General Education Development Test [Общее образовательное развитие]. Экзамен для получения сертификата по программе средней школы.

69

United Service Organizations [Объединенные сервисные организации], некоммерческая организация, устраивавшая развлечения и представления для военнослужащих США и их семей; создана 4 февраля 1941 года. (*Прим. пер.*)

Вероятно, это был переработанный Айн Рэнд в 1947 году роман Марии Луисы Бомбаль *Дом тумана* (*House of Mist,* Farrar, Straus & Co., 1947).

71

Мими Саттон скончалась в 1984 году.

72

Филлип Джон Донахью (род. в 1935) — американский журналист, телеведущий и режиссер. Считается, что именно благодаря ему в 1960-х годах в США возник такой жанр телепрограммы, как ток-шоу. В 1996 году занял 42 место в списке *ТВ гайд* «50 величайших телезвезд всех времен». (*Прим. пер.*)

73

Еженедельник для издателей, библиотекарей, книготорговцев и литературных агентов. Выходит непрерывно с 1872 года. (*Прим. пер.*)

74

Мэри Мартин (1913–1990) — американская актриса и певица, четырежды становившаяся обладательницей театральной премии «Тони». (*Прим. пер.*)

75

Хэл Уоллис (1894–1986) — американский кинопродюсер, который в 1933–1944 годах возглавлял производственный департамент студии Warner Bros. Обладатель премии «Оскар» за фильм «Касабланка» и двух наград имени Ирвинга Тальберга. (*Прим. пер.*)

Благодарственное письмо компании см. в *Letters of Ayn Rand,* стр. 285.

77

Мистер Маннхеймер был близким другом мисс Рэнд. Драматург и сценарист, в 1950 году он был номинирован на премию «Оскар» за сценарий к фильму по пьесе Гарсона Канина *Born Yesterday (Рожденные вчера),* шедшей в 1946 году на Бродвее.

Активизм — философская концепция, считающая активность, деятельность, в частности духовную активность, сущностью реальности; представление о том, что сущность человека заключается не в созерцании, а в деятельном преобразовании внешнего мира; моральное требование всегда переходить от теоретических заключений к практическим действиям. (*Прим. пер.*)

79

Вышедший в 1945 году фильм по роману *Пожалей мою простоту* Кристофера Мэсси, переработанному Айн Рэнд. (*Прим. пер.*)

80

Реймонд Мэсси (1896–1983) — канадский киноактер, номинант на премию «Оскар». Обладатель именной звезды на голливудской «Аллее славы». (*Прим. пер.*)

81

Кинг Уэллис Видор (1894–1982) — американский кинорежиссер и сценарист. Первый (с 1936 по 1939 год) президент Гильдии режиссеров Америки. (*Прим. пер.*)

Это противоречит мнению мисс Рэнд, рекомендовавшей играть его «скользким», что следует из данных ею в 1960–1961-х годах биографических интервью.

83

Гэри Купер (1901–1961) — американский актер, сыгравший в сотне фильмов, получивший два «Оскара» за лучшую мужскую роль и почетный «Оскар» за общий вклад в развитие американского кино. (*Прим. пер.*)

84

Лоуренс Керр Оливье (1907–1989) — барон, один из самых видных актеров британской сцены в середине XX столетия. (*Прим. пер.*)

85

Барбара Стенвик (урожденная Руби Кэтрин Стивенс, 1907–1990) — американская актриса, особенно популярная в 1930–1940-х годах. (*Прим. пер.*)

86

Айн Рэнд жила в Чатсворте, примерно в двадцати милях от студии Warner Bros.

87

Речь идет об Ассоциации производителей и прокатчиков фильмов (впоследствии — Американская ассоциация кинокомпаний), которая с 1930 по 1976 г. работала по «Кодексу Хейса» (морально-этические нормы для фильмов). Эрик Джонстон возглавил Ассоциацию в 1945 году, после Уильяма Харрисона Хейса, и был инициатором ее переименования. (*Прим. пер.*)

88

Джун Хэвер, киноактриса и танцовщица в 1940-х и 1950-х годах.

89

Таддеус Эшби был в это время другом Айн Рэнд, в середине 1940-х годов он стерег ее дом.

Первой конгрегационалистской церкви Лос-Анджелеса.

91

Радиопостановка *Гимна* была передана 3 сентября 1950 года 475 радиостанциями по всей Америке.

92

Рихард Йозеф Нойтра (1892–1970) — австрийский и американский архитектор, один из родоначальников модернизма XX века. (*Прим. пер.*)

93

The Great Atlantic and Pacific Tea Company, сеть супермаркетов и винных магазинов, в основном работающих в шести штатах США. (*Прим. пер.*)

94

Джун Като начала работать на О’Конноров 30 июня 1947 года.

95

Парк Санта-Анита; ипподром в Аркадии, Калифорния. Существует с 1934 года. С 1942 по 1945 год соревнования там не проводились, в конюшнях и казармах жили интернированные японцы. (*Прим. пер.*)

См. *Атлант расправил плечи,* часть первая, глава 8.

97

Письма, которые Айн Рэнд писала Изабель «Пат» Патерсон, см. в *Letters of Ayn Rand,* стр. 173–218.

Интервал между письмами колебался от одной до трех недель.

См. *Letters of Ayn Rand*, стр. 360.

100

Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) — американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х годов, носивший прозвище Король Голливуда. Лауреат премии «Оскар» (1935). (*Прим. пер.*)

101

Луэлла Парсонс (1881–1972) — американская журналистка, кинообозреватель и колумнист. (*Прим. пер.*)

102

Хедда Хоппер (1890–1966) — американская актриса и обозреватель светской хроники, урожденная Эльда Ферри. (*Прим. пер.*)

103

Джинджер Роджерс (1911–1995) — американская актриса, певица и танцовщица, обладательница премии «Оскар» (1941). (*Прим. пер.*)

104

Лила Роджерс (1890–1977) — сценаристка и актриса. (*Прим. пер.*)

105

Возможно, это была полька из балета *Золотой век.*

106

Альберт Маннхеймер родился в 1913 году.

107

В некоторых письмах Айн Рэнд называет Маннхеймера кудрявым.

108

Возможно, это был один из росших в доме филодендронов.

109

Размер принадлежавшего О’Коннорам участка составлял тринадцать акров (1 акр = 0,4 га).

110

Сага о жизни нескольких поколений двух семей индейцев тетон-сиу с конца 1700-х до 1830-х годов, до прихода белого человека. (*Прим. пер.*)

111,6 кв. метра. (*Прим. пер.*)

112

Лора Скаддер построила свою империю картофельных чипсов на сделанном ей в 1926 году нововведении, предусматривавшем использование удобных одноразовых упаковок.

113

The Strike — первоначальное название романа *Атлант расправил плечи.*

Ассоциация родителей и учителей (PTA) состоит из учителей и родителей и имеет своей целью укрепить взаимодействие родителей и школы. (*Прим. пер.*)

115

Власти Лос-Анджелеса в 1959 году купили 1,663 из тринадцати акров за 15 000 долларов.

116

Одна из двух организаций, на которые с 1950 по 1955 годы была разделена основанная в 1943 году Голливудская ассоциация иностранной прессы (HFPA) — некоммерческая организация журналистов и фотографов, освещающих события в сфере американской индустрии развлечений для иностранных изданий. (*Прим. пер.*)

117

В то время доктор Сандлер вел три группы: истории политической теории, американского политического мышления и международных отношений.

118

Риккард Сандлер был премьер-министром в 1925–1926-х годах.

119

Генерал Дуглас Макартур был отправлен в отставку 11 апреля 1951 года.

120

Айн Рэнд написала Вильяму Ноуленду, сенатору от Калифорнии, по поводу этой отставки и послала Макартуру подписанный ею экземпляр *Гимна*: «От автора, голосовавшего за вас на президентских выборах 1952 года — с глубоким уважением и восхищением».

121

Луис Салливан, у которого Райт работала в начале карьеры.

122

В 1947 году Айн Рэнд в составе группы антикоммунистов была обвинена в клевете левым драматургом Эмметтом Лейвери.

123

Первая запись «Эван и Микки» появилась в ежедневнике Айн Рэнд 17 августа 1951 года, так что это был очень ранний вариант.

Компания радио- и бытовой электротехники. (*Прим. пер.*)

125

University of California, Los Angeles [Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе]. (*Прим. пер.*)

126

Херб Корнуэлл был бизнесменом и директором Фонда экономического образования.

127

Людвиг фон Мизес (1881–1973) — экономист, философ, историк, праксиолог, сторонник классического либерализма, внесший значительный вклад в развитие австрийской школы экономики. Наряду с Ф. А. фон Хайеком является одним из основателей философии либертарианства. (*Прим. пер.*)

128

Генри Стюарт Хэзлитт (1894–1993) — американский экономист и журналист либертарианского направления; Леонард Эдвард Рид (1898–1983) — основатель Фонда экономического образования. (*Прим. пер.*)

129

Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) — австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, сторонник либеральной экономики и свободного рынка. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1974). В его популярной книге *Дорога к рабству* (1944), опубликованной в Лондоне и Чикаго, Хайек в отличие от социалистически настроенной интеллигенции утверждает, что национал-социализм Германии и фашизм в Италии являются не реакционной формой капитализма, а более развитым социализмом. (*Прим. пер.*)

130

Роберт Тафт, консервативный республиканский сенатор от штата Огайо.

131

Джордж Холланд Сабин (1880–1961), обычно известный как Сабин, — профессор философии, декан магистратуры и вице-президент Корнеллского университета. Известен своей авторитетной работой, прослеживающей рост политической мысли от Платона до фашизма и нацизма. (*Прим. пер.*)

The Builders of the Bridge: The Story of John Roebling and His Son by David B. Steinman (New York: G. P. Putnam's Sons, 1941). В книге воспроизводится история строительства Бруклинского моста. (*Прим. пер.*)

Это были Эдит Эфрон, Эл Ремрус и Тед Йатс.

134

Майк Уоллес, очевидно, имеет в виду «verboten» (*нем.*) — запрещено. (*Прим. пер.*)

135

Сэр Сидни Пуатье (1927) — американский актер, первый темнокожий актер, получивший «Оскар» за лучшую мужскую роль, впоследствии дипломат. (*Прим. пер.*)

136

Рут Элизабет «Бетти» Дэвис (1908–1989) — американская актриса кино, театра и телевидения. Считается одной из величайших фигур в истории Голливуда. (*Прим. пер.*)

137

Коллективом в 1950-х годах Айн Рэнд иронично именовала тесный кружок своих почитателей.

138

Бен Хехт (1894–1964) — один из самых успешных и востребованных сценаристов классического Голливуда. Первый сценарист, удостоенный премии «Оскар» (всего номинировался 6 раз, выигрывал дважды). На протяжении многих лет поддерживал дружеские отношения и сотрудничал со «столпами» Голливуда — Д. Селзником, С. Голдвином, Г. Хоуксом, А. Хичкоком. (*Прим. пер.*)

139

Юджин Лютер Гор Видал (1925–2012) — американский писатель, эссеист, кино- и театральный драматург, признанный классик американской литературы второй половины XX века. Заметная фигура культурной и политической жизни США на протяжении последних шестидесяти лет. (*Прим. пер.*)

140

Уильям Фрэнк Бакли-младший (1925–2008) — американский писатель и политический обозреватель, основатель правоконсервативного журнала *Нэшнл ревью.* (*Прим. пер.*)

141

Дэвид Л. Вольпер выпустил не одну дюжину телефильмов, в том числе *Roots* и *The Thorn Birds*.

142

Эдлай Эвинг Стивенсон (1900–1965) — политический деятель США, представитель либерального крыла Демократической партии. Юрист. (*Прим. пер.*)

143

Губерт Горацио Хамфри (1911–1978) — американский политик, являвшийся 38-м вице-президентом США при президенте Линдоне Б. Джонсоне с 1965 по 1969 год. (*Прим. пер.*)

144

Краткое содержание *Красной пешки*, составленное Айн Рэнд, см. в *The Early Ayn Rand,* ed. Leonard Peikoff, rev. ed. (New York: Signet, 2005).

145

Джон Берримор, псевдоним; настоящее имя Джон Сидни Блайт (1882–1942) — актер театра, исполнитель шекспировских ролей на сцене, звезда немого и звукового кино. (*Прим. пер.*)

146

Фриц Ланг, полное имя Фридрих Кристиан Антон Ланг (1890–1976) — немецкий кинорежиссер, с 1934 года живший и работавший в США. Один из величайших представителей немецкого экспрессионизма. (*Прим. пер.*)

147

Социальной метафизикой Айн Рэнд называла убеждение в том, что «сознание других людей выше чьего-либо собственного сознания и реальных фактов».

148

Микки Спиллейн (1918–2006) — американский писатель, автор популярных произведений в жанре «крутой детектив». Написал более 20 романов общим тиражом более 140 млн экз. (*Прим. пер.*)

149

Салли Рэнд (1904–1979) — танцовщица и актриса бурлеска, более всего известная своими танцами с веерами из страусовых перьев и воздушными шарами. (*Прим. пер.*)

150

Сообщество ученых, регулярно собиравшихся в Вене с конца 1920-х и до середины 1930-х годов XX века. Руководителем кружка был профессор кафедры индуктивных наук Мориц Шлик. С деятельностью Венского кружка связывают зарождение философского логического позитивизма. (*Прим. пер.*)

Это сделал Ричард Милэнд, литературный редактор студии Paramount, предоставивший Айн Рэнд должность рецензента в манхэттенской конторе студии, где она познакомилась с Френсис Хэзлитт.

152

Невмешательство правительства в дела частных лиц, особенно в частный бизнес и торговлю (*фр.*). (*Прим. пер.*)

153

Джон Кеннет Гэлбрейт (1908–2006) — американский экономист, представитель старого (Вебленского) институционального и кейнсианского течений, один из видных экономистов-теоретиков XX века. Преподавал в Калифорнийском, Гарвардском и Принстонском университетах. Президент Американской экономической ассоциации в 1972 г. Лауреат премий Фрэнка Сейдмана (1975), Веблена-Коммонса (1976), В. Леонтьева (2000) и антипремии Лысенко (1994). Иностранный член АН СССР (1988). (*Прим. пер.*)

154

Книга 1958 года. Гэлбрейт утверждал, что свободнорыночный капитализм создает имущественное расслоение в обществе. Верил в роль правительства и экономическое планирование.

155

Мортон Лайон Сол (род. в 1927 году) — выдающийся американский комедиант и сатирик канадского происхождения первой половины XX века. (*Прим. пер.*)

156

В 1960 году Айн Рэнд провела в Йеле две беседы — 17 февраля и 16 ноября.

157

Институт Натаниэля Брандена был открыт в 1962 году и занимался предоставлением живых и записанных курсов лекций и публикацией эссе по объективизму и его приложению в области психологии, искусства, экономики и прочих отраслях знания. Закрыт в 1968 году.

158

Беседа на тему введения в объективизм состоялась 23 апреля 1958 года.

159

Классический остросюжетный немой фильм, положивший начало немецкому киноэкспрессионизму. Первый в истории кинофильм, передающий на экране измененные состояния человеческого сознания. Премьера фильма состоялась 26 февраля 1920 года в Берлине. Он пользовался большим успехом во всем мире и оказал существенное влияние на дальнейшее развитие мирового киноискусства. (*Прим. пер.*)

160

Айн Рэнд впервые смотрела этот фильм 23 июня 1927 года.

161

Первое выступление Айн Рэнд в кампусе состоялось 27 марта 1958 года.

162

Курс начался 18 января и закончился 14 июня 1958 года.

163

Их изготовил Фрэнк О’Коннор.

См. Antoni Gronowicz, *Modjeska: Her Life and Loves* (New York: T. Yoseloff, 1956).

165

Принцип Рэнд гласит: «Концепции не следует умножать за пределами необходимости»; см. в *Introduction to Objectivist Epistemology*, eds. Harry Binswanger and Leonard Peikoff, expanded 2nd ed. (New York: Meridian, 1990), стр. 72.

Здесь: с переходом на личности (*лат.*). (*Прим. пер.*)

167

Американская танцовщица и хореограф, создательница труппы, школы и танцевальной техники своего имени; выдающийся деятель хореографии США, одна из т. н. «великой четверки» основоположников американского танца модерн, куда также входили Дорис Хамфри, Чарльз Вейдман и Ханья Хольм. (*Прим. пер.*)

168

Ричард Халлей, персонаж романа Айн Рэнд *Атлант расправил плечи*, композитор, пятым присоединившийся к объявленной Джоном Голтом забастовке творцов. (*Прим. пер.*)

169

Песня из вышедшей в 1920 году одноименной комедии [*Убирайся или прячься*, в главных ролях Гарольд Ллойд и Милдред Дэвис], авторы Морис Абрамс, Грант Кларк и Эдгар Лесли. (*Прим. пер.*)

170

Примерно в 1958 году.

171

Ровно в полдень (*High Noon*, 1952) — фильм режиссера Фреда Циннемана. Классика жанра вестерн. Четыре премии «Оскар», в том числе за лучшую мужскую роль Гэри Куперу. (*Прим. пер.*)

Подробнее об этом см. в *Ayn Rand Answers: The Best of Her Q & A* Robert Mayhew, ed. (New York: New American Library, 2005), стр. 214–215.

173

Репринт см. в *The Early Ayn Rand*.

Это произошло в начале 1960-х годов. Впоследствии мисс Рэнд бросила курить.

175

В 1972 году.

В ежедневнике Айн Рэнд эти многочисленные встречи отмечены между октябрем 1972-го и июнем 1975 г.

177

Впоследствии Ларри Абрамс стал чемпионом нью-йоркской Менсы, а также чемпионом штата Коннектикут.

178

Роберт Уэлч-мл. являлся основателем Общества Джона Берча The John Birch Society. О негативном восприятии Айн Рэнд этой организации см. в *Letters of Ayn Rand,* стр. 621 и стр. 656.

179

Крупнейшая общественная организация, объединяющая компании-производители США. Национальная ассоциация промышленников была основана в Цинциннати, в 1895 году. (*Прим. пер.*)

180

Этот портрет впервые появился на обратной стороне суперобложки книги мисс Рэнд *For the New Intellectual* (New York: Random House, 1961).

181

Беседа состоялась 14 мая 1961 года. Интервью было опубликовано 16 мая.

182

Из бедности выбившегося в министры военно-морского флота США в XIX веке. (*Прим. пер.*)

183

Первая ее беседа в Йеле состоялась 17 февраля 1960 года.

184

Айн Рэнд в последний раз появилась в Форд Холл Форуме 26 апреля 1981 года.

185

Заимствовано в 2009 году с веб-сайта Форд Холл Форума: www.fordhallforum.org.

Молодежная христианская организация. (*Прим. пер.*)

187

Обед состоялся 10 апреля 1977 года.

Эд Нэш был ответственным за маркетинг.

189

Беседа называлась: «Гонимое американское меньшинство: крупный бизнес», она была впервые прочитана в Форд Холл Форуме 17 декабря 1961 года.

Чикаго трибьюн насчитала аудиторию в 2500 человек.

191

11 октября 1961 года она превозносила Спиллейна во время выступления на телешоу Майка Уоллеса. 2 сентября 1962 года она также посвятила ему свою еженедельную колонку в *Лос-Анджелес таймс*; она была перепечатана в *The Ayn Rand Column*, ed. Peter Schwartz, 2nd ed., (New Milford, CT: Second Renaissance Press, 1998), стр 35–36.

192

Там же.

193

Распятие, или Гиперкубическое тело, 1954 г., Нью-Йорк, Художественный музей Метрополитен.

194

Фрэнк О’Коннор был избран вице-президентом в 1966 году.

195

Она стала второй женой Натаниэля Брандена.

196

Эндрю Уайет (1917–2009) — американский художник-реалист, один из виднейших представителей изобразительного искусства США XX века. (*Прим. пер.*)

197

Частный гуманитарный университет в г. Портленд, штат Орегон, США. В состав вуза входят Колледж искусств и наук, Школа права и Аспирантская школа образования. (*Прим. пер.*)

Айн Рэнд потребовала от колледжа извинений и получила их вместе с уверением, что фильм будет снова показан у Льюиса и Кларка без сокращений.

199

Элейн Калберман занималась распространением *Бюллетеня объективиста.*

200

Айн Рэнд посылала продуктовые посылки родственникам во Францию после Второй мировой войны.

201

Лизетта впервые упомянута в ежедневнике Айн Рэнд 30 ноября 1961 года.

202

Вера Гларнер покинула СССР в 1920-х годах и во время нацистской оккупации жила в Лионе.

203

Политический исследовательский центр в США, входит в систему Стэнфордского университета. Основан в 1919 году Гербертом Гувером как библиотека материалов, посвященных Первой мировой войне. (*Прим. пер.*)

Яично-алкогольный напиток: вино, коньяк или ром со взбитыми желтками, сахаром и сливками. Подается холодным или горячим. Традиционный рождественский напиток американцев немецкого происхождения. (*Прим. пер.*)

205

Шотландская песня на стихи Роберта Бернса, написанная в 1788 году. Известна во многих странах, особенно англоязычных, и чаще всего поется при встрече Нового года, сразу после полуночи. Была переведена на русский язык Самуилом Маршаком. (*Прим. пер.*)

206

Совет национальной промышленной конференции (экономическая исследовательская организация).

207

Это утверждение было верным в 1999 году, когда я давала это интервью. Айн, вероятно, была бы огорчена тем, что Алан жертвовал своими ценностями, будучи президентом Федерального резерва в недавние годы. Более того, если бы она прочитала его книгу *Век потрясений* [*The Age of Turbulence,* 2007], полагаю, она была бы очень разочарована. Я это знаю по собственной реакции. — Кэтрин Эйкхофф-Смит, 2009.

Бонд — ценная бумага, долговая облигация. (*Прим. пер.*)

209

The Federal Savings and Loan Insurance Corporation, Федеральная сберегательно-кредитная страховая корпорация. До 1989 года осуществляла страхование вкладов сберегательных и кредитных организаций в США. (*Прим. пер.*)

Что бы ни писали по этому поводу знакомые Айн Рэнд, что бы ни говорила по этому поводу она сама, однако какая-то врожденная, а может быть, въевшаяся с детства религиозность в ее произведениях заметна, причем христианского толка. Кстати, Алиса была крещена с именем Констанция. (*Прим. пер.*)

NBC впоследствии отказалась от съемки этого мини-сериала, посчитав его «противоречивым».

212

Патрик Брюс Олифант (род. в 1935) — австралийский карикатурист, проработавший в отрасли более 50 лет. (*Прим. пер.*)

213

День подписания Декларации независимости США в 1776 году, которая провозглашает независимость США от Королевства Великобритании. (*Прим. пер.*)

214

Специальный агент министерства финансов, которому удалось посадить гангстера Аль Капоне в тюрьму на 11 лет. Элиот Несс родился в Чикаго в семье норвежских эмигрантов. (*Прим. пер.*)

215

Американская телевизионная премия. «Эмми» считается телевизионным эквивалентом «Оскара» (для кино), премии «Грэмми» (для музыки) и премии «Тони» (для театра). (*Прим. пер.*)

216

Колонка Айн Рэнд в *Los Angeles Times* от 8 июля 1962 года, перепечатано в *The Ayn Rand Column*, стр. 12–14.

217

Иводзима — сражение между войсками Японской империи и США за остров Иото (Иводзима) в Тихом океане, начавшееся 16 февраля и завершившееся 26 марта 1945 года победой США. Гуадалканальская кампания, носившая кодовое название «Сторожевая башня», проходила с 7 августа 1942 года по 9 февраля 1943 года на Тихоокеанском театре военных действий Второй мировой войны. Она шла на земле, в воздухе и на море между силами союзников и Японии. Боевые действия велись на острове Гуадалканал колонии Британские Соломоновы острова и вокруг него. (*Прим. пер.*)

© Arnold Newman 2002

219

Снимок был опубликован в книге *Arnold Newman* (Taschen, 2001), стр. 162.

220

Фотография была напечатана на задней странице обложки первого издания книги *Добродетель эгоизма* (New York: Signet, 1964).

221

Одна из старейших радиостанций в Нью-Йорке, вещает с февраля 1922 года. Позывной WOR не имеет смысла и переоформлен из морской радиосвязи США, где позывные присваиваются в порядке очередности. (*Прим. пер.*)

222

Американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала *Плейбой*.

223

Горный хребет в северных Аппалачах, к северо-западу от Нью-Йорка и к юго-западу от Олбани. Излюбленное место отдыха жителей Нью-Йорка. (*Прим. пер.*)

224

Отель «У Гроссинджеров» являлся самым знаменитым в так называемом Борщевом поясе, или Еврейских Альпах, являвшимся в 1920–1970-х годах любимым местом отдыха еврейских эмигрантов. Слово «борщ» в данном случае намекает на национальность, ибо это блюдо тесно связывалось с иммигрантами из Восточной Европы. (*Прим. пер.*)

Он был издателем *Источника*.

Имена «Джон Доу» для мужчин, «Джейн Доу» для женщин, а также «Джонни Доу» и «Джейни Доу» для детей используются в судебной практике для обозначения неизвестной или устанавливаемой стороны процесса. (*Прим. пер.*)

227

Виктор Вейбрайт (1903–1978) — американский писатель и издатель. Основатель издательства New American Library. (*Прим. пер.*)

228

Беннетт Серф (1898–1971) — американский издатель, один из основателей издательства Random House. (*Прим. пер.*)

229

Ее рабочие заметки см. в *Journals of Ayn Rand*, ed. David Harriman (New York: Plume, 1997), стр. 704–16.

230

Тони Хиллерман был процветающим автором детективов.

См. также интервью с продюсером Майклом Яффе.

232

Пинкус Бернер являлся адвокатом Айн Рэнд с 1936 по 1961 год.

Мелвилл Кейн был также известным поэтом, лауреатом премий, и Айн Рэнд восхищалась его стихами.

Айн Рэнд выиграла суд в низшей инстанции, однако его постановление впоследствии было отменено.

235

Либертарианство, реже либертаризм — политическая философия, в основе которой лежит запрет на «агрессивное насилие», то есть запрет на применение силы или угрозы к другому лицу, или его имуществу… (*Прим. пер.*)

236

Гарольд Роббинс, настоящее имя — Гарольд Рубин, также известен под псевдонимом Фрэнсис Кейн, (1916–1997) — известный американский писатель. Его книги были переведены на 32 языка. Всего продано более 750 миллионов экземпляров. Книги Роббинса можно характеризовать как остросюжетные романы, где доминантами являются секс, деньги и власть. (*Прим. пер.*)

237

Айн Рэнд написала два первых часа первоначального варианта сценария.

Сукины сыны, ублюдки (*иск. англ.* those sons of bitches).

239

Картина Фрэнка О'Коннора называется *Человек также возвышается* (*Man Also Rises*).

Прием состоялся 16 апреля 1979 года.

241

Эрнест Нагель (1901–1985) — чешско-американский философ науки. Вместе с Р. Карнапом, Г. Рейхенбахом и К. Г. Гемпелем считается одной из крупнейших фигур в движении логического позитивизма. (*Прим. пер.*)

См. *Introduction to Objectivist Epistemology*, стр. 75.

243

Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970) — британский философ, математик и общественный деятель, один из основателей английского неореализма, а также неопозитивизма. (*Прим. пер.*)

Нью-йоркская радиостанция, зародившаяся в Колумбийском университете и стоявшая у истоков FM-вещания. (*Прим. пер.*)

«Жизнь взаймы», Canadian Broadcasting Co. (*Прим. пер.*)

246

Книга о причинах, представляет собой философский труд, прежде особенно популярный в арабских и исламских странах, содержание которого во многом заимствовано из *Первооснов теологии* Прокла. Подлинный автор неизвестен, ныне приписывается Псевдо-Аристотелю. (*Прим. пер.*)

247

Джон Герман Рэндолл-мл., известный историк философии, автор книги Aristotle (New York: Columbia University Press, 1960), на которую Айн Рэнд дала положительный отзыв в *Бюллютене объективиста* в мае 1963 года.

248

Перси Бранд Бланшар (1892–1987) — американский философ, известный своей защитой разума, рецензия на его книгу *Reason and Analysis* (LaSalle, IL: Open Court, 1962) появилась в *Бюллетене объективиста* в феврале 1963 года. (*Прим. пер.*)

Brand Blanshard *Reason and Analysis* (London: George Allen & Unwin, 1961), стр. 445–446.

250

Дэвид Юм (1711–1776) — шотландский философ, представитель эмпиризма, психологического атомизма, номинализма и скептицизма; по мнению ряда исследователей, агностик, предшественник второго позитивизма (эмпириокритицизма, махизма), экономист и историк, публицист, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения.

251

Лилиан Дайана Гиш (1893–1993) — американская актриса театра и кино, проработавшая на сцене, режиссером и сценаристом 75 лет. Лилиан Гиш была провозглашена первой леди американского кинематографа. Блистала в 1910-х и 1920-х годах в немых фильмах режиссера Д. Гриффита. (*Прим. пер.*)

См. *Journals of Ayn Rand*, стр. 700.

253

См. *Introduction to Objectivist Epistemology*, стр. 307.

Элеонора Рузвельт (1884–1962) — американский общественный деятель, супруга президента США Франклина Делано Рузвельта. Другому президенту, Теодору Рузвельту, Элеонора приходилась племянницей. (*Прим. пер.*)

255

Алджернон Чарльз Суинберн (1837–1909) — английский поэт, драматург, романист и критик, считавшийся в свое время противоречивой фигурой, садомазохист, алкоголик, ярый поклонник Средневековья и лесбиянства. (*Прим. пер.*)

Подробнее см. в *Journals of Ayn Rand*, стр. 700–703.

257

Теория, предполагающая, что «человек по самой природе своей беспомощен и обречен» (*The Virtue of Selfishness,* стр. 56).

258

Термин «Иисусов торчок» относится к контркультуре конца 1960-х и начала 1970-х годов. Нередко использовался в качестве уничижительного для участников движения Иисуса. (*Прим. пер.*)

259

Альберт Эллис (1913–2007) — создатель рационально-эмоциональной поведенческой психотерапии. (*Прим. пер.*)

260

Некогда считавшийся своими поклонниками одним из столпов испанской живописи двадцатого века и ставившийся в один ряд с Пикассо и Дали, Хосе Мануэль Капулетти (1925–1978) при жизни не пользовался вниманием критиков — в отличие от разборчивых собирателей, таких как Артур Рубинштейн, герцог и герцогиня Виндзорские, принц Хуан-Карлос, будущий король Испании. Капулетти оказался практически забыт после смерти. (*Прим. пер.*)

261

Немецкий пианист, композитор и дирижер, руководитель оркестра (1886–1963). (*Прим. пер.*)

262

См в What Is Capitalism? в *Capitalism: The Unknown Ideal*, стр. 27.

263

Ричард Ален Бун (1917–1981) — американский актер, сыгравший более чем в 50 фильмах, известный своими ролями в вестернах и телесериале *Have Gun — Will Travel (Есть оружие — будут путешествия*, 1957–1963*)*. (*Прим. пер.*)

264

Фрэнк Синатра (1915–1998) — американский певец, актер, кинорежиссер, продюсер и шоумен. Девять раз становился лауреатом премии «Грэмми». Славился романтическим стилем исполнения песен и «бархатным» тембром голоса. В XX веке Синатра стал легендой не только музыкального мира, но и каждого аспекта американской культуры. (*Прим. пер.*)

265

Руди Валли (1901–1986) — американский певец, саксофонист, бэнд-лидер и актер, писавший также сам песни, один из самых популярных артистов эстрады конца 1920–1930-х годов, суперзвезда, идол женщин. (*Прим. пер.*)

© 2002 Shelly Reuben

267

Книги *Калумет К* (Мервин-Вебстер) и *Человек, который смеется* (Виктор Гюго) были опубликованы NBI Press в 1967 году. Мервин-Вебстер — псевдоним У. Сэмюэля Мервина (1874–1936) и Гарри Китчелла Вебстера (1875–1932). *Калумет К* является их единственным совместным произведением. Калумет — крупный промышленный район у южного берега озера Мичиган. (*Прим. пер.*)

268

Эррол Флинн (1909–1959) — голливудский актер австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов. Прославился в амплуа отважных героев и благородных разбойников. (*Прим. пер.*)

269

Немой художественный фильм Фрица Ланга по мотивам средневековой германской эпической поэмы *Песнь о Нибелунгах*, 1924 г. (*Прим. пер.*)

Сэр Ван Моррисон, Джордж Айвен Моррисон (1945). Северо-ирландский автор-исполнитель, известный своей уникальной «рычащей» манерой исполнения и гибридом фолк-музыки с американскими стилями — блюзом, соулом, джазом и госпелом. Талантливый мультиинструменталист, который играет на гитаре, клавишных, ударных, саксофоне и губной гармошке. (*Прим. пер.*)

Психоэпистемология представляет собой характерный метод мышления человека. Восприятие жизни представляет собой «предвзятый эквивалент метафизики, эмоциональное, подсознательно интегрированное определение человека и его бытия» (*The Romantic Manifesto*, стр. 25).

Рационализм представляет собой «ту точку зрения, что человек получает информацию об окружающем мире исключительно из идей, исходящих из недр его головы и никак не исходящих из восприятия физических фактов» (*For the New Intellectual*, стр. 30).

Она была приглашена на неформальную беседу за завтраком (9 декабря 1968 года), где были затронуты многие философские темы, включая «обязанности бизнесменов перед обществом».

Фултон Дж. Шин (1895–1979) — епископ американской католической церкви, известный своей работой на радио и телевидении. В 2002 году был начат процесс по его канонизации. (*Прим. пер.*)

275

Нью-йоркский ресторан, бывшее спикизи, расположенный на 52-й стрит в Манхэттене. Помещается в четырехэтажном здании. Спикизи-бары и спикизи-рестораны — новая тенденция в ресторанном деле. Название пошло от закрытых клубов в США времен сухого закона, в таких заведениях подавали спиртные напитки только для своих. Спикизи-бары и рестораны — это заведения только для своих, куда не ходит массовый завсегдатай баров и ресторанов, эти заведения имеют свои четкие правила и предлагают какой-то напиток или блюдо, которого больше нигде не попробовать. (*Прим. пер.*)

276

Айн Рэнд называла популярную, быструю и ритмичную легкую музыку начала двадцатого века словом «tiddlywink»: безделица, пустяк.

277

См. статью «Выгодное дело: студенческие волнения» в книге *Капитализм. Незнакомый идеал.*

278

См. эссе «Аполлон-11» в *The Voice of Reason* (New York: New American Library, 1988).

Долог путь до Типперери, 1912, маршевая песня британской армии, автор — Джек Джадж. (*Прим. пер.*)

280

Игрушечные львы в доме О'Конноров, см. в *Letters of Аун Рэнд,* стр. 27.

281

«Сара Ли» — корпорация по производству продуктов питания и товаров массового спроса. Выпускает хлебобулочные и кондитерские изделия, мясопродукты, свежие и замороженные фрукты и овощи, напитки, табачные изделия, а также чулки, носки, нижнее белье и трикотаж. (*Прим. пер.*)

282

Фирма «Годива Шоколатье» — производитель шоколада и родственных продуктов премиум-класса, основана в Бельгии в 1926 году. Кроме шоколада «Годива» торгует трюфелями, кофе, какао, печеньем и конфетами. (*Прим. пер.*)

283

Артур Рубинштейн (1887–1982) — польский и американский пианист и музыкально-общественный деятель еврейского происхождения. (*Прим. пер.*)

284

Владимир Самойлович Горовиц (1903–1989), советский и американский пианист, эмигрировавший в США из Советского Союза. Считается одним из величайших пианистов в истории. (*Прим. пер.*)

285

Over There — американская песня, которая была популярна в стране во время Первой и Второй мировых войн. Написана Джорджем М. Коханом в апреле 1917 года. (*Прим. пер.*)

286

Джон Филип Суза (1854–1932) — американский композитор и дирижер духовых оркестров, автор знаменитого марша *Звезды и погоны навсегда* (*The Stars and Stripes Forever*), ставшего национальным маршем США. Суза вошел в историю американской музыки как «король маршей». (*Прим. пер.*)

287

Песня, написанная в 1901 году У. Миддлтоном. (*Прим. пер.*)

288

Сэр Теренс Мервин Раттиган (1911–1977) — британский драматург, один из самых попу лярных английских драматургов середины двадцатого века. (*Прим. пер.*)

289

Сэр Алек Гиннесс (1914–2000) — британский актер театра и кино. В 1958 году был удостоен премии «Оскар» за лучшую мужскую роль в эпическом военном блокбастере *Мост через реку Квай.* (*Прим. пер.*)

290

Ганс Гудегас, также Эрик Браден, (р. 1941) — немецкий и американский актер кино и телевидения, лауреат премии «Эмми». Известность получил за роль Виктора Ньюмана в мыльной опере *Молодые и дерзкие*, популярной американской «мыльной опере», впервые вышедшей в эфир на канале CBS 26 марта 1973 года и снимающейся до сих пор. (*Прим. пер.*)

291

Мохаммед Али, он же Кассиус Клей (1942–2016) — американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории; один из самых известных боксеров в истории мирового бокса. Чемпион XVII Летних Олимпийских игр 1960 года в полутяжелой весовой категории, абсолютный чемпион мира в тяжелом весе.

292

См. An Open Letter to Boris Spassky (Открытое письмо Борису Спасскому) в журнале *Послание Айн Рэнд* от 11 сентября 1972 года.

293

Ракель Уэлч (род. в 1940 году) — американская актриса и секс-символ 1970-х годов. Джо Ракель Техада родилась в Чикаго в семье англичанки и боливийца. Лучшие фильмы: *Чудовище, Ослепленный желаниями, Фантастическое путешествие.* (*Прим. пер.*)

294

Фэй Данауэй (род. в 1941 году) — американская актриса, лауреат премии «Оскар» (1977). Одна из наиболее популярных американских киноактрис 1960–1970-х годов. (*Прим. пер.*)

295

Томас Эммет «Том» Хайден (1939–2016) — американский общественный и политический активист, писатель и политик. Более всего известен своей крупной ролью в антивоенном движении и борьбе за гражданские права. Был мужем актрисы Джейн Фонды. (*Прим. пер.*)

296

Джейн Сеймур Фонда (род. в 1937) — американская актриса, модель, писательница, продюсер, общественная активистка и филантроп, дочь актера Генри Фонды. (*Прим. пер.*)

National Association of Broadcast Employees and Technicians (Национальная ассоциация наемных работников и техников вещания).

298

Популярное название рейда особых подразделений Армии обороны Израиля, проведенного 4 июля 1976 года для освобождения пассажиров самолета компании «Эр Франс», захваченного террористами. (*Прим. пер.*)

Репринт см. в Ayn Rand**'s** *Return of the Primitive: The Anti-Industrial Revolution,* ed. Peter Schwartz, expanded ed. (New York: Meridian, 1990).

300

Рецензия на *Мои показания* Анатолия Марченко в журнале *Объективист,* июль 1970 года.

301

«Черный список» Голливуда — список деятелей культуры и искусства в США в 1940–1950-х годах, которым запрещалось заниматься профессиональной деятельностью из-за их политических убеждений. В списки, составлявшиеся владельцами голливудских студий, попадали члены Компартии США или заподозренные в симпатии к ней, а также отказавшиеся помогать властям в расследовании деятельности компартии. Первый список был составлен голливудскими студиями 25 ноября 1947 года после отказа десяти кинематографистов, известных как «голливудская десятка», давать показания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Конгресса США. Позднее все они получили один год тюремного заключения.

302

Однако, получив от врачей собственный диагноз, она немедленно бросила курить.

303

Газета *Голливуд ньюс* сообщила об этом на первой странице 26 ноября 1926 года.

304

Джоан Кроуфорд, настоящее имя — Люсиль Фэй Лесюр (1904–1977), — американская актриса немого и звукового кино, в 1930-е годы по популярности соперничавшая с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо. (*Прим. пер.*)

305

Адольф Жан Менжу (1890–1963) — актер американского кино, снимавшийся как в немых, так и в звуковых фильмах. (*Прим. пер.*)

306

В Архиве не сохранилось никаких упоминаний о встрече Айн Рэнд с Маккарти.

307

В то время было действительно много случаев угона самолетов.

308

Мисс Рэнд написала посвящения членам семейства Во. Одно из них в *Атланте* гласит: «Мистеру и миссис Эрл У. Во — с многими благодарностями за оказанную вами любезность „превыше и за пределами всякого долга“. — От всего сердца Айн Рэнд 8/20/69».

309

О’Конноры провели в доме Во 14 и 15 июля.

310

Вышло две небольшие статьи в конце июля 1969 года.

311

Это было двадцать пятое юбилейное издание *Источника*, вышедшее в 1968 году.

Мы живые и *Прощай, Кира* (*ит.*). (*Прим. пер.*)

313

Мисс Рэнд видела фильм в 1948 году и попыталась переделать его в Голливуде.

314

Алида Валли, настоящее имя баронесса Алида Мария Лаура Альтенбургер фон Маркенштайн-Фрауэнберг, (1921–2006) — итальянская актриса. (*Прим. пер.*)

315

2 августа 1965 года Айн Рэнд отметила на своем календаре: «Элоис приступает к работе».

316

Айн Рэнд работала над сценарием мини-сериала *Атлант расправил плечи* и последнюю запись в текст внесла 1 января 1982 года.

317

Фрэнк О’Коннор страдал от артериосклероза, симптомы которого аналогичны болезни Альцгеймера.

318

Дорогой и престижный магазин одежды и мод на Пятой авеню, Нью-Йорк. (*Прим. пер.*)

319

Их адрес: 120 E. 34th Street.

Brooklyn Gospel Tabernacle — мультикультурная внеконфессиональная церковь, известная молитвами, проповедями и музыкой. (*Прим. пер.*)

321

Автобиография Патрика О’Коннора вышла под названием: *Don’t Look Back: A Memoir* (Wakefield, RI: Moyer Bell, 1993).

322

Картина Фрэнка О'Коннора *Человек также возвышается* была использована на обложке юбилейного, двадцать пятого издания *Источника.*

323

Балетная труппа, основанная в Нью-Йорке в 1956 году танцовщиками Робертом Джоффри и Джеральдом Арпино. (*Прим. пер.*)

Танец афроамериканского происхождения; пара, которая продемонстрировала наиболее сложные фигуры, получает премию в виде торта. (*Прим. пер.*)

325

Лорен Бэколл (1924–2014) — американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда.

326

Спенсер Трейси (1900–1967) — американский актер, двукратный лауреат премии «Оскар» за лучшую мужскую роль. Является одним из двух актеров в истории кинематографа, получивших эту награду два года подряд. Американский институт киноискусства поместил его на девятое место в списке «100 величайших звезд кино». (*Прим. пер.*)

327

Статья под названием «Золото и экономическая свобода» была перепечатана в сборнике *Капитализм. Незнакомый идеал.*

Эббот «Эбби» Говард Хоффман (1936–1989) — американский левый активист, основатель международной партии молодежи (йиппи); Джерри Клайд Рубин (1938–1994) — американский общественный деятель и предприниматель, деятель антивоенного движения, кумир андерграунда 1960–1970-х гг. (*Прим. пер.*)

329

Клинтон (Клинт) Иствуд-младший (род. 31 мая 1930 года) — американский киноактер, кинорежиссер, композитор. Обладатель пяти наград от Американской киноакадемии: четырех премий «Оскар» в номинациях «Лучший режиссер» и «Лучший фильм года», а также «Награды имени Ирвинга Тальберга» за продюсерский вклад в киноискусство и Национальной медали США в области искусств (2009). Член Республиканской партии США. (*Прим. пер.*)

Натан «Нат» Ирвинг Хентофф (1925–2017) — американский историк, романист, музыкальный критик и колумнист. (*Прим. пер.*)

331

Беррес Фредерик Скиннер (1904–1990) — американский психолог, изобретатель и писатель. Один из самых влиятельных психологов в истории и ученых XX века. Внес огромный вклад в развитие и популяризацию бихевиоризма — школы психологии, рассматривающей поведение человека как результат предшествующих воздействий окружающей среды. (*Прим. пер.*)

Принадлежащую Рэнд критику воззрений Б. Ф. Скиннера можно увидеть в статье The Stimulus and the Response (Стимул и отклик), воспроизведенной в сборнике Рэнд *Philosophy: Who Needs It* (New York: Signet, 1984).

Фриц Ланг скончался 2 августа 1976 года.

Лайнус Полинг — американский химик, кристаллограф, лауреат двух Нобелевских премий: по химии и премии мира, а также Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». (*Прим. пер.*)

335

Мадалин Маррей О'Хэйр — активистка американского атеистического движения, основатель Атеистического общества и его президент с 1963 по 1986 год.

Декоративный стиль, популярный в 1930-е годы; отличается яркими красками и геометрическими формами, использованием современных материалов. (*Прим. пер.*)

Повесть-притча Ричарда Баха (1970; публикация на русском языке — 1974). (*Прим. пер.*)

Джеймс Клавелл (1924–1994) — американский писатель и сценарист. Родился в городе Сидней (Австралия). (*Прим. пер.*)

339

Джеймс Дэй также сказал: «При всем собственном идеализме, я устремлен в несколько другом направлении — например в сторону альтруизма».

Среди гостей Джеймса Дэя в период между 1954 и 1974 годами были боксер Мохаммед Али, композитор Ричард Роджерс, юрист Уильям О. Дуглас и Роберт Ф. Кеннеди.

341

Лорен Айзли (1907–1977) — один из наиболее прославленных современных эссеистов Америки. Известный антрополог и натуралист, он дебютировал на литературном поприще в 1957 году, выпустив по сей день переиздающийся сборник эссе *Необъятный путь,* главная тема которого — эволюция жизни на Земле. В своих дальнейших сборниках эссе, очерков, рассказов и стихотворений он показал себя выдающимся стилистом. (*Прим. пер.*)

342

Отель «Тайер», располагающий 151 номером, один из «Исторических отелей Америки», находится в 50 милях к северу от Нью-Йорка в кампусе Американской военной академии. Свое имя он получил от Сильвануса Тайера, считающегося «Отцом Военной академии». (*Прим. пер.*)

Это было незадолго до перенесенной Айн Рэнд операции на легких.

Эта лекция стала титульным эссе в ее сборнике *Философия: кому она нужна.*

Во время вопросов/ответов Айн Рэнд делала основной упор на то, что белые поселенцы Америки обладали нравственной правотой, потому что «представляли собой прогресс разума, а не века, отданные грубому застою и суеверию».

То есть не занимал почетного места, так как в средние века соль ставили недалеко от короля.

347

CARE Australia — некоммерческая, светская гуманитарная организация, оказывающая помощь в устранении последствий катастроф и общей бедности в развивающихся странах. Является одним из 12 государств-членов организации CARE International, одной из крупнейших в мире организаций гуманитарной помощи. (*Прим. пер.*)

348

Телеграмма, отправленная мистеру Фрейзеру, гласила: «Прошу вас принять мои поздравления с вашей великой победой, а также наилучшие пожелания на будущее. Айн Рэнд».

349

Американский комический телесериал в 168 эпизодах, шедший с 17 сентября 1965 по 4 апреля 1971 года, рассказывает о группе американских военнопленных, заключенных в немецкий концлагерь во время Второй мировой войны. Товарищами по несчастью руководит изобретательный полковник Хоган, который даже в плену находит множество возможностей вредить врагам. (*Прим. пер.*)

Мисс Рэнд явно полагала, что Радди обещал ей право одобрения сценария, потому что записала в своем объявлении о проекте (*Послание Айн Рэнд* от 5 июля 1972 года) следующие строки: «Почти пятнадцать лет я отказывалась продавать *Атланта* без права одобрения сценария фильма, права, которого Голливуд не предоставляет авторам. Мистеру Радди хватило отваги (и уважения к роману), чтобы создать прецедент и согласиться на мое условие». А 18 августа 1972 года в письме к Радди (через несколько месяцев после пресс-конференции) агент Айн Рэнд выражает озабоченность тем, что Радди «не собирается придерживаться нашего соглашения».

351

Томас Уильям Селлек (род. в 1945 году) — американский актер, наиболее известен по главной роли в телесериале *Частный детектив Магнум* (1980–1988). Лучшие фильмы: *Трое мужчин и младенец, Трое мужчин и маленькая леди, Кома*. (*Прим. пер.*)

352

Душной южной ночью (или *Полуночная жара*, 1967) — экранизация романа Джона Болла *Душной ночью в Каролине* (1965).

353

Агентство социального обеспечения молодежи, находящееся в нью-йоркском районе Ист-Сайд, начавшее свою работу в 1957 году. (*Прим. пер.*)

354

Эта встреча произошла 5 сентября 1978 года.

355

Эта встреча произошла 18 августа 1981 года.

Rally Round the Flag, Boys! (1956) [by Max Shulman] (*Прим. пер.*)

357

Клиффорд Одетс (1906–1963) — американский драматург, известный своими яркими пьесами о времени Великой депрессии, в том числе *В ожидании левака* (1935) и *Золотой мальчик* (1937). (*Прим. пер.*)

Шутка: в одном футе 12 дюймов. Правильно было сказать: шесть футов пять дюймов. (*Прим. пер.*)

359

Согласно выданному в 1925 году российскому паспорту, рост Айн Рэнд составлял 5 футов 4 дюйма (160 см).

360

Это была первая работа Тео Вестенбергера со знаменитой личностью.

361

B. Altman and Company — американский универсальный магазин и сеть, основанная в 1865 году в Нью-Йорке Бенджамином Альтманом. Главные магазины находились на Пятой авеню и 34-й стрит в Манхэттене. (*Прим. пер.*)

362

Томас Джеймс «Том» Снайдер (1936–2007) — известный американский теле- и радиожурналист и новостник, наиболее известный своими ночными шоу: *The Tomorrow Show*, в сети NBC в 1970-х и 1980-х годах, и *The Late Late Show*, в телесети CBS в 1990-х годах. (*Прим. пер.*)

363

Ли Ремик (1935–1991) — американская актриса, обладательница премий «BAFTA» и «Золотой глобус», а также номинантка на «Оскар». (*Прим. пер.*)

Катрин Денев, урожденная Катрин Фабьен Дорлеак, (род. в 1943 году) — французская актриса и певица. (*Прим. пер.*)

365

Американский приключенческий телесериал, транслировавшийся ABC в 1966–1968 годах. Рассказывает о приключениях четверых солдат армий союзников — троих американцев и одного англичанина, — патрулировавших пустыню на севере Африки во время Второй мировой войны.

366

На самом деле это сборник из 12 рассказов Агаты Кристи, объединенных главными героями (1930).

367

Нью-Йоркский госпиталь, или Старый нью-йоркский госпиталь, или Городской госпиталь. Основан в 1771 году по указу короля Георга III, второй по старшинству госпиталь в городе и третий по старшинству в Соединенных Штатах. Первоначально располагался на Бродвее. (*Прим. пер.*)

Корчами Айн Рэнд называла любую преграду, возникавшую во время творческого процесса. См. Ayn Rand. *The Art of Fiction,* ed. Tore Boeckmann (New York: Plume, 2000), стр. 4–6.

369

Выступление состоялось 21 ноября 1981 года.

См. *Letters of Ayn Rand,* стр. 108–109.

371

Товарный знак дамских сигарет производства компании «Филип Моррис».

История эта рассказана в фильме *Частная жизнь Елизаветы и Эссекса* (1939) с Эрролом Флинном и Бетт Дэвис.

Trouble in Paradise. Вышедший в 1932 году фильм Эрнста Любича с Гербертом Маршаллом и Мириам Гопкннс. (*Прим. пер.*)

Выходивший раз в два месяца объективистский журнал, который Бинсвангер издавал и редактировал с 1980 по 1987 год.

375

Этюд *Бабочка* записан в ее «музыкальной биографии» под 1917 годом.

Известна также как *Турецкий марш.* (*Прим. пер.*)

377

Генри Стюарт Хэзлитт (1894–1993) — американский экономист и журналист либертарианского направления. Писал колонки и книжные рецензии для многих газет и журналов, в том числе для *Уолл-стрит джорнал, Нью-Йорк таймс, Ньюсуик* и других. (*Прим. пер.*)

The Possible Dream, *The Objectivist Forum*, February and April 1981.

Идеологическое течение, основу которого составили ультраправые организации США: Национальный консервативный комитет политических действий, Фонд наследия, Моральное большинство и другие организации, выступавшие за создание широкого популистского движения («новой политической коалиции»), невмешательство государства в экономику и сокращение ассигнований на социальные программы, конституционное закрепление традиционных моральных устоев — запрет порнографии и абортов, введение обязательной молитвы в школе.

380

Дом Сторера построен в 1923 году Фрэнком Ллойдом Райтом в лос-анджелесском районе Голливуд-Хиллз для гомеопата доктора Джона Сторера, знаменит оформлением в стиле майянского возрождения. (*Прим. пер.*)

381

Винсент Леонард Прайс-младший (1911–1993) — американский актер, прославившийся исполнением ролей кинозлодеев. (*Прим. пер.*)

См. ранее интервью с Майклом Яффе.

383

Кирус Паттонс, первый литературный герой Айн Рэнд из вышедшего в 1914 году романа *Таинственная долина,* написанного Морисом Шампанем. Роман был издан с иллюстрациями, в том числе изображавшими самого Кируса.

384

В буквальном переводе — «B-отрицательный рейд». Имеется в виду одна из групп крови, в данном случае третья с отрицательным резусом. (*Прим. пер.*)

385

United Artists Entertainment LLC (UA) — американская кинокомпания, существовавшая в 1919–1981 гг. Юридически сохраняется как подразделение Metro-Goldwyn-Mayer. (*Прим. пер.*)

Айн Рэнд могла иметь в виду один из своих любимых фильмов, *Индийская гробница* (*Das Indische Grabmal*), состоявший из двух частей продолжительностью по три с половиной часа, который она видела в Петрограде в 1923 году.

387

Популярный американский комедийный телесериал с Мэри Тайлер Мур в роли Мэри Ричардс, одинокой женщины за тридцать. (*Прим. пер.*)

Она начала сочинять 10 июня 1981 года.